

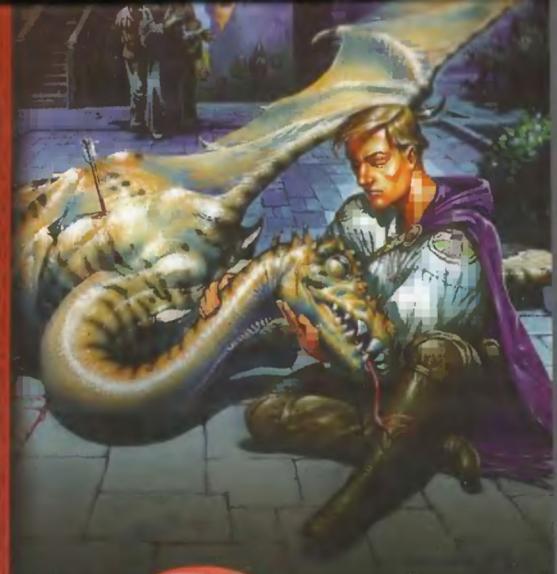
Роберт
Асприн

Корпорация МИФ. в действии
Сладостный МИФ, или Мифтерия жизни
МИФфия невыполнима
Нечто о МИФигенное

Корпорация МИФ. в действии
Сладостный МИФ, или Мифтерия жизни
МИФфия невыполнима
Нечто о МИФигенное

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Роберт
Асприн

Роберт Асприн

ROBERT ASPRIN

«Myth Inc. in Action»

**«Sweet Myth,
or the Mithery of Life»**

«Myth-ion Improbable»

«Something M.Y.T.H. Inc.»

Роберт Асприн

Корпорация М.И.Ф. в действии

Сладостный МИФ,
или МИФтерия жизни

МИФфия невыполнима

Нечто оМИФигенное

act
издательство
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

A90

Robert Asprin
MYTH INC. IN ACTION
SWEET MYTH, OR THE MITHERY OF LIFE
MYTH-ION IMPROBABLE
SOMETHING M.Y.T.H. INC.

Перевод с английского В. Федорова («Корпорация М.И.Ф. в действии»),

И. Шубиной («Сладостный МИФ, или МИФтерия жизни»),

Г. Косова («МИФфия невыполнима», «Нечто о МИФигенное»)

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник А. Дубовик

Печатается с разрешения автора и литературных агентств

Ralph M. Vicinanza Ltd. и Andrew Nurnberg.

Асприн, Р.

A90 Корпорация М.И.Ф. в действии. Сладостный МИФ, или МИФтерия жизни. МИФфия невыполнима. Нечто о МИФигенное : [фантаст. романы: пер. с англ.] / Роберт Асприн. — М.: ACT: ACT МОСКВА, 2008. — 717, [3] с.

ISBN 978-5-17-048962-6 (ООО «Издательство ACT») (С.: ВД-2)

ISBN 978-5-9713-7744-3 (ООО Издательство «ACT МОСКВА»)

Компьютерный дизайн С. Шумилина

ISBN 978-5-17-024511-6 (ООО «Издательство ACT») (С.: ЗСФ)

ISBN 978-5-9713-3648-8 (ООО Издательство «ACT МОСКВА»)

Компьютерный дизайн А. Сергеева

Это — ЛУЧШЕЕ, что создал Асприн.

Не культ, не легенда — «МИФ».

Великолепный миф.

Гомерически смешная, лихая, озорная сага о невероятных приключениях юного мага Скива Великолепного, его друга и наставника — демона Ааза, его домашнего питомца дракона Глипа и их поразительно пестрой компании.

И ВПЕРВЫЕ все «МИФЫ», от первого и до последнего!

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

© Robert L. Asprin, 1990, 1994, 2001

© Robert Lynn Asprin M.Y.T.H. Inc. Instructions, 2002

© Jody Lynn Nye and Robert Lynn Asprin, 2002

© Перевод. В. Федоров, 2004

© Перевод. И. Шубина, 2004

© Перевод. Г. Косов, 2002, 2004

© ООО Издательство «ACT МОСКВА», 2008

ISBN 978-985-16-5068-5

(ООО «Харвест»)(С.: ВД-2)

ISBN 978-985-13-9015-7

(ООО «Харвест»)(С.: ЗСФ)

Корпорация М.И.Ф.
в действии

ВВЕДЕНИЕ

*Что я здесь делаю?
Любой рекрут любой армии*

-И мя?

Так вот, в тех кругах, где я привык общаться, считается невежливым задавать вопросы вообще... и данный вопрос в частности. К несчастью, находился я далеко от дома и посему счел за лучшее ответить на этот показавшийся мне *трубым вопрос*.

Гвидо.

— Домашний адрес?

— Базар-на-Деве.

Что?

Базар-на... О! Э.. скажем так... без определенного места жительства.

Шут гороховый, записывавший эти сведения, сурово посмотрел на меня, прежде чем продолжить свой допрос. Я ответил ему самым наилучшим своим невинным, предельно убедительным взглядом, как вам подтвердил бы любой суд присяжных, хотя в глубине души я был более чем раздосадован на себя. Поскольку я поумнее среднего индивида, мне следовало бы помнить, что это я благодаря своим путешествиям и приключениям вместе с боссом привык к другим измерениям, а для большинства людей здесь, на Пенте, такие места, как Базар-на-Деве, совершенно неведомы и, следовательно, подозрительны. А так как я стремился быть незаметным, то первый свой ответ счел теперь не самым мудрым решением.

— Рост и вес?

Этот вопрос мне больше был по душе, хотя и констатировал очевидное — чего бы я там ни говорил и ни делал, быть совершенно незаметным мне не удастся никогда. Видите ли, я тот, кого вежливо называют «здоровенный детина»... или того хлеще — «громила». Впрочем, это обстоятельство мне на руку, учитывая избранную мною профессию, однако в толпе потеряться из-за него трудно. Фактически я был бы самым рослым в очереди, если б там не стоял и Нунцио, который, может, на дюйм пониже ростом, но зато чуть помассивнее.

Я видел, что парень с вопросами и сам все это заметил, поскольку, записывая мои ответы, все время поглядывал то на него, то на меня.

— Ближайшие родственники?

— Полагаю, таковым будет Нунцио, вот он, — говорю я, тыкая большим пальцем в сторону своего коллеги.

— Вы состоите в родстве?

— Он мой кузен.

— О...

Какую-то секунду он, вероятно, был готов сказать еще что-то, но затем просто пожал плечами и нацарапал еще строчку в своем блокноте.

— Приводы имеются?

— Прошу прощения?

— Приводы. Вас когда-либо арестовывали?

— Ни разу не осуждался.

За это я заработал еще один суровый взгляд.

— Я не спрашивал, осуждались ли вы. Я спросил, подвергались ли вы когда-нибудь аресту.

— Ну... да. А кто ж не подвергался?

— За что?

— В который раз?

— Сколько же раз вас арестовывали?

— О, три... а может, четыре дюжины раз... но ни разу не осуждали.

Брови у этого шутника теперь поползли кверху.

— Вас арестовывали почти пятьдесят раз и ни разу не осудили?

— Свидетелей нет, — ответил я, показывая ему все свои зубы.

— Понятно, — сказал этот парень, подавая признаки нервозности, что является одним из привычных побочных эффектов моих улыбок. — Ну... давайте попробуем подойти к этому так... вы разыскиваетесь в настоящее время властями?

— Нет.

— Хорошо... хорошо, — кивал он, заполняя лежавший перед ним бланк. — Ладно... последний вопрос. Вам известна какая-либо причина, в силу которой вам нельзя поступить на службу в армию Поссилтума?

В действительности я знал таких причин несколько... начиная с той, что я не хотел облачаться в тот жуткий гардероб, который полагался бы мне в качестве служивого.

— Нет.

— Отлично, — объявил он, толкая бланк через стол ко мне. — Будьте любезны просто расписаться вот здесь или поставить свой знак.

— Это все? — спросил я, царапая в указанном месте свое имя.

— Все, сержант, — улыбнулся этот шутник, беря бумажку и дуря на подпись.

Мне пришла на ум еще одна причина не вступать в армию.

— Все, сержант? — повторил я, стараясь не показывать своего раздражения.

Нет. Пройдите теперь в следующую палатку, и там вам выпадут обмундирование. А потом снова явитесь сюда, и вас включат в группу новичков для обучения.

— Для обучения?

Такое и впрямь ни разу не приходило в голову ни мне, ни Чинчио и может серьезно расстроить намеченный нами график. Я имею в виду, сколько же нужно обучаться убивать людей?

— Совершенно верно... для обучения, — изрек с натянутой улыбкой сержант. — Быть солдатом — это, знаете ли, не просто носить мундир.

Будучи ориентированным на выживание, я воздержался от рассуждений вслух о том, что может из этого вытекать. К

счастью, сержант, похоже, и не ожидал никакого ответа на свое откровение, он лишь махнул рукой в сторону двери и переключил внимание на следующего несчастного.

— Имя?

— Нунцио.

Так вот, те из вас, кто читал все эти книги, возможно, гадают, с чего это мы с Нунцио записываемся в армию Пос- силтума, вместо того чтобы выполнять свои обычные обязанности телохранителей босса... которого вы, вероятно, называете Великим Скивом, так как не работаете у него и у вас нет причин считать его боссом.

Ситуация эта вполне объяснима, так как действие в данной книге происходит сразу за событиями предпоследней («Корпорация М.И.Ф. — связующее звено») и одновременно с действием предыдущей («МИФОнаименования и извергения»). Добавьте сюда еще и тот факт, что это одно из дел Корпорации М.И.Ф. и, следовательно, рассказ ведется от моего лица, а не от лица босса, — и становится ясным, почему, подойдя к этой части повествования, вы, должно быть, совершенно запутались. В утешение могу вам только сказать вот что. Если даже от чтения о моей жизни при боссе голова у вас идет кругом, то представляете, каково бы вам пришлось, поживи вы ею сами месяцок-другой!

На самом-то деле, если говорить совершенно откровенно, эта книга начинается не там, где вы со мной расстались в последний раз, а с памятного заседания, повлекшего за собой следующую цепь событий...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что вы имеете в виду, утверждая, будто мои персонажи до смешного странно выражаются?

Д. Раньон

Быть включенным в число участников военного совета и впрямь большая честь, безотносительно к тому, что это за война или кто еще удостоен этой чести. Туда допускается только самая что ни на есть элита, то есть, попросту говоря, те, кто будет подальше от настоящих боев, и на таких собраниях обычно обсуждают, какими именно частями своих вооруженных сил можно пожертвовать, как и когда это придется сделать. Поскольку те, кого требуется бросить в мясорубку, будут деморализованы известием о том, что их избрали «пушечным мясом», то их, естественно, не допускают на подобные заседания, ведь если они заранее узнают об уготованной им роли, то, по всей вероятности, предпочтут скорее рвать когти, чем дисциплинированно погибнуть по расписанию, сведя тем самым на нет многочасовое планирование обеих соперничающих сторон. Отсюда легко понять, что посещение этих скучных, но необходимых планерок не только почетно, но и существенно повышает твои шансы остаться в живых к концу драки. Гибель в бою того, кто приложил руку к выбору стратегии, есть свидетельство полного отсутствия у бедолаги способностей к планированию и ляжет на него большим несмыываемым пятном, а все последующие заседания совета пройдут, понятно, без его участия.

Однако при данных конкретных обстоятельствах включение в число участников планерки не являлось какой-то особой честью, так как все наше воинство состояло всего из пяти лиц... из шести, если считать и дракона босса. Незачем и говорить, никто из нас не был склонен считать себя попадающим в категорию «приносимых в жертву». Однако учитывая наше намерение остановить вероломную королеву, имеющую в своем распоряжении приличную армию, никто бы не дал за нашу победу и ломаного гроша... если бы, конечно, ему не предложили сверхвыгодного соотношения ставок «за» и «против».

Да, нас было не так уж много, но я лично нисколько не сомневался в качестве наших войск.

Тананда и Корреш — брат и сестра, команда тролля и троллины. Милейшие люди, как он, так и она, но при случае дадут фору любым пяти костоломам Синдиката. В отсутствие босса они взяли руководство экспедицией на себя... что меня вполне устраивало.

Видите ли, мне с кузеном Нунцио куда удобней выполнять приказы, чем отдавать их. Это привычка, которую мы приобрели, работая на Синдикат, а там чем меньше знаешь о том, почему отдали тот или иной приказ, тем лучше для тебя... особенно если впоследствии придется объяснять свои действия под присягой. (Для тех из вас, кто не прочел о нашей деятельности в предыдущих книгах этой серии и посему не знаком с нашими личностями и *modus operandi**¹, поясняю: деликатно нас можно назвать «специалистами по сбору денег»... что вполне заменяет вульгарное, но точное — «костоломы».)

Пятым членом нашей маленькой ударной бригады являлась Маша... и если одного этого имени недостаточно, чтобы вызвать в вашем воображении соответствующий образ, то вы явно еще не встречались с данной конкретной личностью во плоти. Видите ли, Маша обладает совершенно исключительной внешностью, которую вряд ли перепутаешь с чьей-то другой, хотя ее, наверно, можно перепутать с *чем-то* друг-

* образ действия (лат.).

гим... например, с динозавром, если бы названного зверя использовали в качестве передвижной выставки косметики и ювелирных изделий. Я пытаюсь сказать, что Маша очень крупная и очень колоритная особа, но для краткости избавлю вас от дальнейших сравнений. Главное же заключается в том, что у этой крупной и крутой Маши сердце даже больше, чем размер ее платья.

Мы задерживали начало заседания в ожидании ее возвращения с Извра, куда она только что забросила босса, но теперь уже были готовы приступить к делу.

— Так вы говорите, что, по вашему мнению, короля Родрика пришила королева Цикута? И потому Скив послал вас всех сюда?

Это сказал Большой Джули. Нам с Нунцио никогда раньше не доводилось встречаться с данным индивидом, но мы были наслышаны о его репутации в те дни, когда он тоже работал на Синдикат, и похоже, что они с боссом старые друзья, а для нас он главный источник информации и советов в этом измерении. Более того, мы используем его виллу в качестве явочной квартиры и опорного пункта в этом деле.

— Совершенно верно, — ответила Тананда. — Цикута всегда увлекалась завоеванием мира, а ее новый муж, похоже, не согласился с ее замыслами.

— Учитывая, что она теперь располагает и деньгами своего королевства, и воинской мощью твоей, Джули, старой армии, — вставил Корреш, — Скив пришел к выводу, что у нее может возникнуть искушение попытаться... скажем так, чуточку расширить свои владения. В общем, он попросил нас заскочить сюда и на месте посмотреть, что происходит.

— Понятно, — кивнул Джули, задумчиво цедя вино. — По правде говоря, мне ни разу не приходило в голову, что смерть короля и правда мало похожа на случайную. Однако я немножко удивлен, почему Скив сам не занялся этим. Ничего личного, но прежде он никогда не перепоручал дел другим.

— Он занят, — отрезала Маша с решительностью заправили казино.

Тананда, бросив на нее взгляд, наклонилась вперед и успокаивающе положила ладонь ей на колено.

— С ним все будет в порядке, Маша. Точно.

Маша состроила гримасу, а затем испустила один из своих больших вздохов.

— Знаю. Но все же я чувствовала бы себя немного лучше, если бы он разрешил кому-нибудь из нас отправиться с ним, вот и все. Я хочу сказать, ведь бродит-то он все-таки по Извру. А изверги никогда не славились гостеприимством.

— По Извру? — нахмурился Большой Джули. — Разве тот чудик Ааз не оттуда происходит?

— Оттуда происходит, туда и ушел, — вздохнул Корреш. — У них со Скивом вышла размолвка, и Ааз покинул команду. Скив отправился следом за ним, чтобы его вернуть... и потому разбираться с королевой Цикутой придется нам. А теперь скажи нам, Большой Джули, чего там затеяла старушка?

— Ну, с тех пор как умер король, делалось много разного, — начал Джули. — Армия почти постоянно на марше, она, как и королевство, заметно увеличивается... понимаете мою мысль? Это вроде того, как было в прежние времена, когда армией командовал я, только в больших масштабах. Я получил открытку от одного армейца, так вот, он пишет, как после вояжа в одну зарубежную страну страна эта — хоп и стала новой частью Пессилтума.

— Та-а-к, — задумчиво протянул тролль. — И что ты думаешь по этому поводу, сестричка? Ты здесь единственная, кто участвовал в деле, когда Скив останавливал армию Джули.

— Не совсем. Ты забываешь, что в нем участвовал еще и Глип... и конечно же, сам Большой Джули.

Она подмигнула этому деятелю, и тот ответил ей любезным полупоклоном. При упоминании его имени Глип, дракон босса, поднял голову и огляделся по сторонам, а потом вздохнул и снова погрузился в сон.

— Конечно, но я тогда был на другой стороне, — сказал Большой Джули. — А знаете, сейчас мне пришло в голову, что порученная вам работа прямо-таки создана для вас.

— Как это?

— Ну, в прошлый раз мы были захватчиками, понимаете? Местные нас не любили, хотя и мало чем помогали организо-

вашему Скивом сопротивлению. А теперь эта армия — родная команда, и народ королевства ее наверняка поддержит.

— Ты хочешь сказать, что жители королевства поддержат новые экспансионистские шаги королевы? — удивилась Тананда.

— Совершенно верно, — кивнул Джули, — и если поразмыслить, это вполне разумно. Чем больше становится королевство, тем больше в нем народу, оплачивающего его расходы, и потому тем меньше становятся налоги. При снижающихся с каждым новым завоеванием налогах граждане, я уверен, пребывают в восторге от того, как идут дела. Более того, при таком оттоке рабочей силы в армию безработица в стране все время невелика, и потому заработка плата взлетела до небес.

— Так, значит, Цикута ведет популярную войну, да? — сказала Тананда, задумчиво поджав губы. — Возможно, нам следует пойти именно таким путем. Как по-твоему, братец?

Это последнее замечание относилось к Коррешу, который в ответ просто пожал плечами.

— Полагаю, мы имеем достаточно для начала операции. Хотя меня что-то беспокоит в этом анализе налоговой структуры.

Я склонен был согласиться с Коррешем, но Тананда уже увлеклась.

— Прибереги это для финансовых воротил, — отмахнулась она. — А сейчас давай-ка лучше сосредоточимся на том, что хорошо умеем делать сами.

— И что же это, по вашему мнению? — перебила ее Маша. — Вы уж меня извините, но нельзя ли прокрутить это еще раз помедленней для тех, кто не привык к вашей семейной манере общаться?

— Ну, как мне представляется, наш наилучший шанс заключается в работе над тем, как сделать экспансионистскую программу Цикуты непопулярной. Я хочу сказать, ведь наша пятерка мало что может сделать для остановки армии своими силами, но если мы сумеем возбудить население, то королеве, возможно, придется пересмотреть свои планы... или по крайней мере притормозить их осуществление.

— Мы могли бы попробовать ее убить, — предложила Маша.

— Верно, — согласилась Тананда, — и не думай, будто я не размышляла всерьез о таком варианте. Однако вряд ли Скив, когда отправлял нас на это задание, имел в виду такой крутой исход. Так или иначе, но мне бы пока хотелось оставить этот вариант в резерве или по крайней мере до возвращения Скива. Вот-когда он нас нагонит, тогда и провентилируем этот вопрос вместе с ним.

— Ну, если вы не против, то я хотела бы попробовать еще одну возможность.

— Какую именно, Маша?

— Скажи-ка, Большой Джули, генерал Плохсекир по-прежнему стоит во главе армии?

— Хью? Разумеется. Этот малый быстро все схватывает. Помнит почти все, чему я учил его по части командования армией.

— Ну, — сказала, подымаясь на ноги, Маша. — Тогда я просто прогуляюсь и попробую найти его штаб. Когда я в последний раз была здесь, он в меня здорово втюрился. Возможно, если я опять навещу его, мне удастся на время отвлечь его от армейских дел или хотя бы поумерить его рвение на этом поприще.

— Слушай, а это хорошая мысль, Маша, — воскликнул Корреш. — И коль речь зашла об армии, Гвидо, как по-твоему, вы с Нунцио сумеете побить какое-то время солдатами? Я же помню, какой ты устроил шорох на магической фабрике, предложив рабочим объединиться в профсоюз, так что вполне логично избрать именно тебя для деморализации войск, это ведь всегда лучше делать изнутри.

— Да уж, разумеется, — пожал плечами я. — Почему бы и нет?

— С тобой все в порядке, Гвидо? — спросила Тананда, внезапно присматриваясь ко мне. — С тех пор как мы приступили к этой операции, вы с Нунцио как-то странно притихли.

— У нас все в порядке, — быстро вмешался Нунцио. — Просто мы немного беспокоимся о боссе... как и Маша. Вне-

дресне в армию нас вполне устраивает, если это, на ваш взгляд, поможет делу. Верно, Гвидо?

— Я же сказал, что да, этого мало? — огрызнулся я.

— А что вы с Коррещем будете делать, пока мы играем в солдатики? — осведомился Нунцио. Я-то понимал, что он старается отвлечь внимание собравшихся от нас с ним, но никто другой, похоже, этого не заметил... за исключением, возможно, Большого Джули, который с минуту подозрительно глядел на меня, прежде чем вернуться к разговору.

— Мы намерены попробовать как-нибудь возмутить граждан, — пожала плечами Тананда. — Сокращение налогов — дело, конечно, хорошее, но в новых программах Цикуты обязательно должны быть какие-то раздражающие моменты. Нам надо просто раскопать их и внушить народу их непривлекательность.

— Вам, ребята, нужен Глип или нам взять его с собой? — спросил Коррещ.

— Глип? — откликнулся дракон, снова подымая голову.

— Э-э-э-э... почему бы вам с Танандой не взять его с собой, — быстро проговорил Нунцио. — По правде говоря, когда мы с ним в последний раз вместе работали, он заставил меня немножко понервничать.

— Кто? Глип? — удивилась Тананда, протягивая руку погладить дракона. — Нет никакого повода из-за него так нервничать. Он всего лишь большой милашкой и симпатяга... не так ли, парень?

— Глип! — подтвердил с невинным видом дракон, ластясь к Тананде.

— Хорошо. Значит, вы не против его общества, — улыбнулся Нунцио. — Тогда решено.

Надеюсь... — рассеянно сказал Коррещ, изучая в то же время дракона. — В общем, я хотел сказать, мы можем приступить к делу. Большой Джули, ты не против, если мы будем передавать друг другу сообщения через тебя? Иначе нам будет затруднительно оставаться в курсе того, как идут дела.

— Нет проблем, — пожал плечами отставной генерал. — По правде говоря, у вас и так будет хлопот полон рот, ни к чему еще тревожиться из-за связи. Я буду здесь.

Попрощавшись со всеми остальными, мы с Нунцио отправились на поиски армейского вербовщика.

Долгое время мы шли молча. Наконец Нунцио прочистил горло.

— Ну и что ты об этом думаешь?

— Я думаю, нам светят крупные неприятности, — прошелся я сквозь сжатые зубы, — и я говорю не о связи с остальными и даже не о королеве Цикуте.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, — вздохнул Нунцио. — Хочешь поговорить об этом?

— Пока нет. Хочу еще немного все обдумать. А сейчас... — я нацепил ему в бок игривый тычок, который он привычно проигнорировал, — сейчас давай займемся чем-нибудь полегче... вроде развода армии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мы хотим, чтобы вы чувствовали себя как дома!

Л. Борджа

-Я поздравляю вас с вступлением в нашу армию. Первично вам надо усвоить следующее: мы здесь называем друг друга по имени... а мое имя — сержант... Что-то неясно?

На этом тип, обратившийся к нашей группе с такой речью, умолк и теперь просто прожигал нас взглядом. Натурально, ответа он не дождался — кому охота в таких случаях привлекать к себе внимание? Похоже, однако, сержанту нужна была совсем иная реакция.

— Я задал вам вопрос! Думаете, я треплю языком, потому что мне нравится слушать звук собственного голоса?

Ясно, что эта хитрость была рассчитана на то, чтобы побудить нас, новобранцев, сделать ошибку, которая еще больше разгневает сержанта, так как он задал не один, а сразу два вопроса, требующих противоположных ответов, и, значит, любой ответ обязательно окажется неверным. Другие несчаст-

ные, стоящие в одном строю со мной и Нунцио, похоже, не осознали этого и очертя голову ринулись в ловушку.

— ДА, СЕРЖАНТ! — с энтузиазмом рявкнули они.

— ЧТО??!! Шутить пытаешься?

Казалось, сержант вот-вот извергнет пену изо рта и сокрушит все вокруг. На самом деле он задал также и третий вопрос, но правильный ответ на него был выше интеллектуальных возможностей стоявших в одном строю с нами.

— Нет... Э-э-э... Да, сержант... Э-э-э... Нет?

Попытка выкрикнуть ответ растворилась в общем гуле голосов новобранцев, переглядывавшихся в надежде допереть, какого же ответа от них ждут.

— ТЫ!

Голос сержанта пресек усилия группы, и все обратили взор на одного несчастного в переднем ряду.

— Чего на него уставился? Он что, такой неотразимый?

— Нет!

— Что?

— Э-э-э... Нет, сержант?

— Не слышу!

— Нет, сержант!

— Громче! Грязь так, словно вас двое!

— НЕТ, СЕРЖАНТ!!

— Вот так-то лучше!

Сержант коротко кивнул, а затем снова переключил внимание на общее построение.

Если подумать, то эта сцена являла собой завораживающий образец групповой динамики. Сосредоточившись на одном индивиде, сержант не только позволил остальным членам группы сорваться с крючка и бросить попытки искать приемлемые ответы на его вопросы, но и преподал им наглядный урок, как это нежелательно для любого из них — оказаться вдруг выделенным из группы.

— Меня зовут сержант Лыбби, и в последующие несколько дней я буду вашим инструктором по строевой подготовке. Так вот, я хочу, чтобы вы сразу усвоили принятые в нашей армии три способа делать что-либо: правильный, ар-

мейский и мой*... мы будем делать все моим способом! Все ясно?

— ДА, СЕРЖАНТ!!

Группа теперь сориентировалась, и ее ответный рев напоминал о своре легавых, преследующих неосторожную жертву.

— Ладно, теперь слушайте сюда! Я буду выкликать вас по именам, а вы отвечайте громко и четко. Я хочу знать, что вы здесь, а не бродите невесть где. Понятно?

— ДА, СЕРЖАНТ!

— Трутень!

— Здесь!

— ЗДЕСЬ ЧТО?

Парнишка, который только что ответил — такой тощий, что удивительно, как это ему удается стоять без посторонней помощи, — нервно провел языком по губам и набрал побольше воздуху в легкие.

— ЗДЕСЬ, СЕРЖАНТ! — заорал он, но голос у него сломался посередине фразы, ослабив общее впечатление от ответа.

— Вот так-то лучше, — кивнул сержант, явно удовлетворенный усилием со стороны юнца. — Слеппень Хирям!

— Здесь, сержант!

— Слеппень Шуберт!

— Здесь, сержант!

Сержант, нахмурившись, оторвал взгляд от списка личного состава.

— Трутень? Слеппень? Это что, слет насекомых-мутантов?

— Мы братья, сержант, — пояснил без всякой надобности один из двух Слепиней, так как физическое сходство между двумя этими широкоплечими индивидами было очевидно и без объявления фамилий.

— Совершенно верно, — добавил другой. — Можете называть меня для краткости Хи, а Шуберт предпочел бы зваться Шу, потому как иначе...

* Обычно считается, что в армии есть три способа делать дело: правильный, неправильный и армейский.

— РАЗВЕ Я СПРАШИВАЛ?

— Нет, вашбродь.

— ...И НЕ НАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ «ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ»!!! Я вам не какой-то там винный офицер! Мне не требуется пожалования со стороны короны звания дворянина... я им родился!! ВЫ МЕНЯ ПОНЯЛИ?

— ДА, СЕРЖАНТ!!

— Тогда лечь и произвести двадцать отжиманий, чтобы лучше запомнить.

— М-гм-м... это по десять на каждого из нас, сэр, или...

— ПО ДВАДЦАТЬ НА КАЖДОГО! — зарычал Лыбби... И ЕЩЕ ПО ПЯТЬ КАЖДОМУ ЗА СЭРА! МЕНЯ ЗОВУТ СЕРЖАНТ ЛЫББИ, А НЕ СЭР И НЕ ВАШБРОДЬ! УСЕК, СОЛДАТ?

— ДА, СЕРЖАНТ!!

— ПРИСТУПАЙ!!

Двое братьев легли и стали отжиматься, а сержант снова переключил внимание на список.

— Шу Слеппень и Хи Слеппень! Это ж надо! Боже мой! А вот еще один! Осса!

— Здесь... сэр.

При этих словах Лыбби вскинул голову, словно его ткнули в ребра... и, конечно же, так оно и есть. Употребление ненадлежащей формы обращения сразу же после запрета могло произойти либо по ошибке, либо по глупости, не будь оно выдано так подчеркнуто. Значит, несомненно, это вызов сержантскому авторитету... то есть, иначе говоря, глупость.

Вид у бросившего вызов новобранца был еще тот. Вероятно, этот новобранец в любом случае выделился бы в строю, так как был единственной женщиной в нашей группе, хотя с первого взгляда этого можно было и не заметить, так как стояла она привычно ссутулясь. Однако волосы ее выглядели просто бесподобно. Подстриженные до средней, гравастой такой длины, они были выкрашены в нечто фантастическое, не укладывающееся в мой достаточно богатый опыт общения с чувихами. Может, с моей стороны и не совсем по-джентльменски смаковать экстравагантность особы женского пола, но тут случай особый. Волосы у этой девахи действительно

были странные. Я хочу сказать, природного такого их цвета... или, чтобы быть точным, цветов — не бывает. От лба до затылка у нее тянулись розовые, белые, голубые и зеленые полосы... и отнюдь не пастельных тонов. Эти цвета горели с электрической яркостью, словно подпитывались изнутри горячей, и могли бы напугать кого угодно, будь они нанесены, скажем, на более заурядную башку... ну, к примеру, на мою. Мы с Нунцио уже довольно давно не ошивались на улицах, но и так ясно, что теперешняя шпана заметно муттировала по сравнению с нашими ранними годами, когда слово «цветистый» относилось к нашим выражениям, а не к волосам!

— Ну и ну, — сказал сержант, нервно облизывая свои кусалки, — это что же у нас здесь такое? Похоже, мыствуем в армейской экспериментальной программе, которая специально проверяет правдивость утверждения, что грозней поссилтумца в бою только поссилтумка! Я хочу, чтоб вы все были во время обучения поосторожней в выражениях. Среди нас находится дама...

По тому, как ощетинилась эта чувиха, было ясно, что она не привыкла, чтобы ее величали дамой... и далеко не в восторге от этой идеи. Однако Лыбби не спешил переходить к следующему по списку новобранцу.

— Скажите-ка, дамочка, что это такое у вас на голове? Если это нечто заползшее туда и издохшее, то, надеюсь, вам сделали нужные уколы, потому что, судя по его виду, оно было не слишком здоровым!

— Это волосы, сэр! А что на голове у вас?

— Важно не то, что мне свалилось на голову, я имею в виду вас, рекрут, — лыбится сержант, — а то, что у меня на рукаве!

И постучал по нашивкам, обозначающим его звание.

— Три вверху, три внизу. Вам известно, что это значит?

— Что вы старший сержант, сэр.

— Близко, но не угадали. Это означает, что вы должны мне пятнадцать отжиманий, рекрут. По пять за каждый раз, когда назвали меня сэром. Приступайте!

Я ждал, что чувиха затеет с ним спор, но вместо этого она просто легла и стала отжиматься, словно все время только

—того и добивалась... и, возможно, так оно и было. Уж не знаю, какую там кашу она предпочитает на завтрак, но отжимается эта деваха явно лучше, чесм братья Слеппни.

— Раз... Два... Три...

Несколько мгновений Лыбби наблюдал за ней, а потом переключил внимание на другие фигуры на земле.

— ВЫ ДВОЕ! Я сказал, двадцать пять отжиманий!

Эта последняя фраза была адресована, конечно же, братьям Слеппням.

— Мы... пытаемся... сержант!

— НУ ТАК Я ВАС НЕ СЛЫШУ! ОТСЧИТЫВАЙТЕ!!

— Семнадцать... восемнадцать...

— НЕ НАЧИНАЙТЕ С СЕМНАДЦАТИ!!! ДУМАЕТЕ, Я ДУБИНА??!

— Нет... сержант!.. Раз... два...

— А теперь слушай сюда, потому что повторять я не намерен! — рявкнул сержант, снова переключив внимание на остальных. — Когда я говорю, ваши уши должны быть открыты, а рты закрыты! Помалкивайте, пока я не задал вам вопрос, а когда задам — отвечайте на него кратко, а потом заткнитесь! Когда я захочу услышать ваши вопросы, я скажу: «Вопросы есть?» Я ясно выразился?

— ДА, СЕРЖАНТ!

— Тогда порядок. — Он снова начал просматривать список личного состава, затем взглянул на корячащиеся на земле фигуры. — Вы трое, этого хватит. Вернитесь в строй. Так, где это я остановился? Гвидо!

— Здесь, сержант! — отозвался я, потому что и впрямь был здесь.

— Что такое? Всего лишь «Гвидо»? Без всякой клички вроде Сверчок или чего-нибудь в этом духе?

— Так точно, сержант!

Он подождал еще несколько секунд, давая мне возможность что-нибудь добавить, но я не добавил, так как всегда быстро усваивал науку. Наконец он слегка кивнул и пошел дальше по своему списку.

— Майский!

— Здесь, сержант!.. Но ребята зовут меня Майский Жук.

Все-таки некоторые, похоже, не в состоянии усвоить урок.

— Двадцать! — бросил сержант, даже не отрывая взгляда от списка личного состава.

Вот так все и продолжалось. К тому времени, когда сержант зачитал весь список имен, свыше половины рекрутов нашей группы продемонстрировали свою физическую силу, или отсутствие таковой, путем выполнения множества отжиманий, число которых варьировалось в зависимости от настроения сержанта и способности рекрутов усвоить, что при выполнении данного упражнения надо считать вслух. В связи с этим у меня возникли кое-какие сомнения относительно среднего IQ* пожелавших завербоваться в армию — мысль довольно тревожная, учитывая, что я тоже принадлежу к их числу. Пытаясь сохранить положительный душевный настрой, я успокаивал себя соображением, что мне-то пришлось завербоваться по приказу, а вовсе не по собственной воле.

— Ладно, СЛУШАЙ СЮДА! — взревел сержант, заканчивая перекличку. — Приблизительно через полчаса капрал Мяс-Ник проведет вас через лагерь туда, где вам подстригут волосы в соответствии с армейскими стандартами.

При этих словах некий клоп, который до того таился на заднем плане, вытянулся во весь свой незначительный рост и улыбнулся. Так вот, сержант Лыбби — довольно внушительный на вид фраер, хотя и заметно раздавшийся в области талии, но капрал выглядел так, что его не взяли бы даже контролером на платную автостоянку ввиду несоответствия минимальным требованиям. Короче, он смахивал на отвратительного слизняка, который способен на любую гадость, лишь бы угодить начальству. Глядя на его улыбку, я начал серьезно опасаться этой стрижки.

— А пока, — продолжал сержант, — даю вам свободное время. Можете болтать, спать или познакомиться друг с другом. Предлагаю максимально воспользоваться этим, так как, по всей вероятности, такого случая вам больше не представится до завершения обучения. Итак, прежде чем я распущу вас, вопросы есть?

* Коэффициент умственного развития.

К моему удивлению, двое подняли руки. Удивило это меня прежде всего потому, что, как мне думалось, разыгранный сержантом спектакль запугал большинство новобранцев, и, кроме того, потому, что одна из рук принадлежала не кому иному, как моему кузену Нунцио!

— Ты! — объявил Лыбби, показывая на ближайшего возвращающегося. — Твое имя и вопрос.

— Трутень, сержант. Я... Я думаю, что с моим назначением сюда вышла ошибка.

Сержант показал все свои зубы:

— Армия не ошибается, сынок... за исключением, возможно, одного случая. — Он бросил взгляд на Оссу, которая на этот раз его проигнорировала. — Что у тебя за проблема?

— Ну... мне не следует находиться здесь. Я завербовался служить в качестве мага, и мой вербовщик сказал, что...

Улыбка сержанта расширилась достаточно, чтобы остановить рекрута на середине фразы.

— Сынок, — сказал он голосом, больше смахивающим на мурлыканье, — пора тебе усвоить одну из суровых истин капитально армии. Вербовщики врут! Чего бы там ни наплел тебе тот несчастный сукин сын, если сказанное им не подтверждено в письменном виде за подписью самой королевы, то можешь поставить на этом крест. И вот что я тебе скажу: каждый записавшийся в нашу армию рекрут будет обучаться основным навыкам пехотинца, прежде чем получить свое первое назначение на службу. Тебя могут назначить магом, а могут и не назначить... все зависит от того, кто будет нужнее, маг или, например, повар, когда подойдет твой черед получить назначение, но тебя никуда не назначат, пока я не скажу, что твоя начальная подготовка завершена. Следующий вопрос!

— Нунцио, сержант! Сколько времени потребуется для завершения начальной подготовки?

— Это зависит от того, сколько времени вам, ребята, потребуется для усвоения обязательных для носящих мундиры Поссилтума навыков. Обычно на это уходит от недели до десяти дней... но судя по тому, что я сейчас вижу, вам гаран-

тировано удовольствие общаться со мной по меньшей мере месяц.

— Вы хотите сказать, что никто из нас не получит назначения, пока все в этой группе не завершат подготовку?

— Совершенно верно. Еще вопросы есть?

Мой кузен глядит вдоль строя на меня, но я пялюсь прямо перед собой, надеясь, что его поведение останется незамеченным. К счастью, сержант проглядел этот небольшой изъян в построении, и как только он нас распустил, мы с Нунцио отошли в сторонку посовещаться.

— Что ты об этом думаешь? — сказал он, заметно волнуясь.

— То же, что и ты, — пожал плечами я. — Мы, понятно, никак не можем тратить месяц на подготовку, если намерены разложить регулярные войска.

— Это уж точно, — кивнул он. — Похоже, придется нам самим поработать с этими рекрутами, они у нас живо усвоят подготовку.

Все это привело меня в уныние. Мало того что придется отбывать срок в казарме, так теперь еще требуется разыгрывать из себя няньку и тренера для оравы зеленых новобранцев!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Всего-навсего немножко снять сверху!

А. Болейн

Стрижка оказалась еще отвратительней, чем я опасался. Просто кошмарный сон. У меня возникло сильное искушение устроить засаду и подстеречь этого типа, который меня подстриг, но, вероятно, от этого не было бы никакого толку, так как с головой у него плохо явно от рождения и это уже навсегда. Оставалось только радоваться, что общество нашло для мастера, усвоившего лишь один фасон стрижки, хоть какое-то применение. Само собой, это оказалось воз-

можным только в армии, где у клиентов горе-мастера нет иного выбора, кроме как смириться с неизбежным. Озадачивает меня только одно — где это попадрали целый зал таких умельцев, освоивших все как одни единственную стрижку?

Стрижка эта отличалась исключительным отсутствием воображения и стиля и состояла из простого удаления как можно большего количества волос с головы жертвы посредством энергичного применения машинки для стрижки волос. Если бы снизить прицел еще хоть на четверть дюйма, то эту работу пришлось бы назвать скорее оскальпированием, чем стрижкой. Так вот, я ничего не имею против лысины и знаю партуройку крутых ребят из Синдиката, которые бреют головы, чтобы выглядеть особенно внушительно. Однако в нашем варианте волос осталось явно недостаточно, чтобы выглядеть стильно, и слишком много, чтобы казаться крутыми.

Так вот, это и само по себе было досадно, но стрижка в сочетании с выданными нам мундирами оказалась просто нестерпима. Для тех из вас, кому, к счастью, не довелось видеть мундиров армии Поссилтума, сообщаю: они состоят из чего-то похожего на фланелевую ночную рубашку с короткими рукавами, носимую под комбинацией нагрудника, и юбки из дубленой кожи. Совершенно верно, юбки. Во всяком случае, я не могу придумать никакого другого способа описать кучу свисающих до колен полосок кожи без всякого подобия вделанных штанин. И в качестве последнего оскорблении нам всем выдали по паре сандалий, которые не идут ни в какое сравнение с носимыми мной обычно элегантными черно-белыми ботинками.

Общее впечатление от нашей учебной группы после стрижки и облачения в мундиры сводилось к тому, что мы стали похожи на скопище полуодетых манекенов из универсмага, дожидающихся, когда им подгонят парики.

— Нунцио, — сказал я, обозрев повреждения, причиненные моему до сих пор сногшибательному образу, — скажи мне еще раз о том, что не бывает ничего слишком, когда речь идет об охране босса или выполнении его приказов.

Это было ошибкой. Мой кузен хоть и первостатейный напарник, когда дело доходит до драки, но в глубине души он

все еще школьный учитель, кем довелось ему быть когда-то и чем объясняется его склонность всякий раз закатывать лекции на любую тему, с поводом и без.

— Ты просто не понимаешь психологического процесса превращения штатских в солдат, Гвидо, — начал он этим своим писклявым голосом, который бывает иной раз таким раздражающим... вот как в данном случае. — Прически, как и стиль одежды, — это отличительные признаки прежнего общественного и финансового положения личности. Вся идея стрижек и мундиров в том и состоит, чтобы свести всех к общему знаменателю, дать совместно пережить нелегкое, но безвредное испытание и таким образом сплотить их в единый организм.

Обыкновенно мне бы и в голову не пришло спорить с Нунцио, потому как с неизбежностью проиграл бы любой спор, а вдобавок дал бы ему предлог расширить и углубить и так невыносимо пространные рассуждения. Однако на этот раз я просто не мог не включиться в дискуссию.

— Кузен, — сказал я, — посмотри на наших товарищев по несчастью и будь честен с самим собой. Неужели ты и теперь не в состоянии определить, кто есть кто и откуда он родом. Кто поверит в твою искренность и не сочтет это лжесвидетельством? Я думаю, любой, даже самый расподкупленный судья вынужден будет призвать тебя к ответу.

Я имел в виду, как бы там нас ни обкорнали и во что бы ни облачили, все равно ясно, что мы за ребята и откуда родом. У мускулистых братьев Слэппиней отличный здоровый румянец, и происходит они от постоянной работы на свежем воздухе. Понятно, что этим фармерам пребывание в армии должно казаться курортом. Трутень, с волосами или без, выглядит исоперившимся ярмарочным фигляром, а что касается этой девахи Оссы... ну, если волка подстричь под пуделя, это не сделает его комнатной собачкой, разве что здорово его разозлит! Мне совершенно ясно, что, где бы там ни ходила в школу эта юная социопатка, школа эта мало чем отличалась от той альма-матер, что дала нам с Нунцио фору по сравнению с другими костоломами Синдиката.

Однако, как это обычно бывает, всякий раз, когда все выглядит так, словно мне вот-вот удастся выиграть наконец спор с Нунцио, что то вмешивается и вынуждает сменить тему.

Это ж надо до этого додуматься! Ну кто в это поверит? — выяснялась крутая деваха и сплюнула... буквально... выпустила сквозь зубы в полет впечатляющую струю жидкости, демонстрируя свой гнев. — Требование устава! Мало того что приходится терпеть эту стрижку и эти дурацкие мундиры, нам еще надо высиживать лекции по такой чепухе, как воинский устав! Когда же доберутся до обучения чему-то полезному в бою?

Это меня особенно не удивило, поскольку я давно подозревал, что Осса записалась на службу в армию не для общего развития. Однако ее дальнобойный плевок меня действительно потряс. Мне пришло в голову, что я не пытался плевать так с тех пор, как Дон Брюс нас повысил и прозрачно намекнул, что не мешало бы немножко поднять уровень нашей культуры; опиравшись свои теперешние возможности, я решил не пытаться соперничать с ее достижением, так как расстояние плевка как у нее требует постоянной практики, если хочешь оставаться в форме. К сведению тех, кто получил слишком привычное воспитание для подобной формы самовыражения, могу сказать следующее. Даже не пытайтесь попробовать это в первый раз при критически настроенных зрителях. Если ваша техника окажется небезупречна, все шансы за то, что сплюна в результате ваших усилий скорее растечется у вас по подбородку или по рубашке, чем опишет ожидаемую вами живописную дугу. Для зрителей же не останется никакого сомнения, что вы просто болван, а вовсе не тот, за кого вы там пытаетесь сойти.

Все это пронеслось у меня в голове в один миг, и я почти придумал надлежащий ответ на брюзжение Оссы, так как соображаю, несмотря на ложное впечатление от моей внешности, довольно быстро. Однако Нунцио меня опередил, так как он тоже неплохо соображает... особенно когда дело связано с чувихой.

— Я думаю, тебе следует очень внимательно прислушаться к тому, что нам рассказывают о воинском уставе, Осса, — сказал он, — в конечном итоге это даст тебе кое-какие важные преимущества.

— Как это?

— Ну, — улыбнулся он, снова принимаясь за свой лекторский тон, — могу это сказать, основываясь на долгом личном опыте. Часто бывает намного легче проворачивать свои дела прямо под носом у властей, если точно знаешь, что именно эти власти считают антиобщественным поведением. Если как следует поразмыслять, то со стороны армии довольно мило заранее официально предупредить нас, какие правила она намерена заставить нас блюсти, а на какие, исходя из этого, можно наплевать. Если бы она этого не сделала или если бы у нас хватило глупости проспать нужную лекцию, то вычислять, какой деятельности можно заниматься открыто, а какую... скажем так, не стоит афишировать, пришлось бы только вслепую, а потом, понятно, дожидаться шишек на свою голову.

— А как, собственно, долог этот твой «личный опыт», приятель? — подал голос один из братьев Слепней.

— И я как раз гадал о том же, — вступил в разговор другой. — Разве вы двое не староваты для вступления в армию?

Ну, мне, конечно, ясно, что происходит. Эти ребята с фермы надеялись подкатиться к Оссе, но тут на их пути встал Нунцио. И вместо того чтобы дать задний ход, как сделал бы любой нормальный человек, они попытались завязать с ним драку. Мягко говоря, это не входило в мои планы.

Конечно, Нунцио тоже способен правильно оценить ситуацию и знает, что нам следует избегать любых неприятностей, если мы хотим по-быстрому завершить подготовку, а не сидеть несколько дней на губе. Однако он видит, что из него делают дурака при единственной чужих, с какой нам долгое время предстоит общаться; он, конечно, способен стерпеть немало оскорблений со стороны, например, босса, который платит нам жалованье и возмещает наши расходы, но эта способность сносить хамство, не теряя выдержки, снижается у него прямо пропорционально положению хама на иерархи-

ческой лестнице, а братья Слеппни стоят на ней совсем не высоко.

— Вы, ребята, хотите сказать, что мы, по-вашему, слишком стары для настоящего боя? — сказал мой кузен, поворачиваясь лицом к критикам и в то же время слегка разминая пальцы.

Даже если бы я не узнал опасной интонации в его голосе, я бы наверняка определил ее по этому его разминанию, так как именно я научил его такому приему. Короче, я решил, что мне лучше вмешаться, пока дело не принял серьезный оборот.

— Прежде чем продолжить дискуссию, — заявил я, — вам всем, по-моему, следует взять на заметку то, с каким вниманием наблюдает за нашей интеллектуальной беседой стоящий ядрах в двадцати позади вас капрал.

— Интеллектуальной беседой? — взревел ослом Шу, жая брательника по руке. — Что за тарабарщина, старик?

— Папаша рассказывал нам, что в большом городе говорят по-странныму, — усмехнулся Хи, — но я никогда не слышал никого выражавшегося так чудно, как этот парень.

— Он всегда так говорит с тех пор, как сыграл одну из главных ролей в спектакле «Парни и Куколка», когда мы учились в колледже, — быстро так проговорил Нунцио. — В общем, я бы никому не посоветовал с ним связываться.

Тут-то я и понял, что сам принялся легонько разминать пальцы... что заставило на сей раз понервничать Нунцио. Я хоть и не особенно чувствителен к грубым или невежественным замечаниям о моих параметрах или о моем возрасте, но просто-таки выхожу из себя, если кто-то пытается высмеивать мою манеру разговаривать. Видите ли, я потратил немало времени, совершенствуя свой способ выражаться, так как считаю, что это усиливает впечатление от моего образа дерущегося без всяких правил костолома и тем самым сводит к минимуму число ситуаций, когда мне все же приходится участвовать в насильственных действиях, ибо последние оскорбляют и угнетают мою чувствительную душу. Следовательно, всякий пытающийся утверждать или намекать, что моя манера говорить примитивна или глупа, напрашивается на непри-

ятности, и ему лучше позаботиться о страховом полисе на случай госпитализации. И, конечно же, братья Слеппни дрогнули, но я счел их усилия ретироваться довольно неуклюжими, чтобы потребовался немедленный инструктаж по части ошибочности их действий. То, что я все еще раздражен из-за стрижки и мундиров и хотел бы выместить на ком-нибудь свое раздражение, никак не сказалось на моем поведении.

— Ты что, артист? — вмешался Майжукук, необдуманно становясь между нами в нетерпеливом стремлении завязать разговор. Симпатичный такой паренек с мягкими, безупречными чертами манекенщика. — Мне и самому близка эта профессия. На каком предмете вы, собственно, специализировались? Я, например, получил диплом по танцам.

— На деловой администрации... получил магистра, — сказал я, пытаясь его обойти.

К несчастью, он предоставил братьям Слеппням возможность достойно уклониться от надвигающегося столкновения со мной и Нунцио. Трудно сказать, что тут сработало — природная ли их сообразительность, или инстинкт самосохранения, — но они с ходу, не переводя дух переключили свои подкалывания на новую мишень.

— Диплом?.. По танцам! О-о-о-о! Ты слышал, Хи?

— Еще бы, — отозвался его брательник и начал чмокать губами в сторону Майжука. — Неудивительно, что он такой прилизанный.

— Оставьте его в покое, ребята!

Эта последняя реплика исходила от Оссы, которая по какой-то причине сочла нужным вмешаться.

— Да ну? — фыркнул Шу, переключая внимание на новый фронт. — И кто же это меня заставит?

— Если понадобится — я, — отрезала Осса.

— Да ну?

— Да!

— Ну, тогда почему б тебе не показать нам... У!

К этому времени я уже достаточно остыл, чтобы при случае воспользоваться выгодностью создавшейся ситуации. Когда двое братьев выпятили грудь и с наглым видом стали наступать на Оссу, они совершенно напрасно повернулись ко

мне спиной. И прежде чем они успели приблизиться к своей потенциальной жертве, я вклинился между ними и дружески уронил руки им на плечи.

— Извини, Осса, — улыбнулся я, — но мне нужно немножко потолковать с этими ребятами наедине, пока они еще способны стоять и ходить без помощи костылей. Верно, ребята?

— У-у!.. Верно!

— Да... А-а-а-а!.. Точно!

Внезапное единодушие братьев Слепней в немалой степени объяснялось тем, что я небрежно вонзил большие пальцы под их ключицы и усиливал нажим каждый раз, задавая им очередной вопрос... пусть даже риторический. Настоящая хитрость этого маневра, на случай если вас заинтересуют технические детали, состоит в том, чтобы ни в коем разе не ослаблять хватку. То есть не сжать... разжать... сжать... разжать, а — сжать... стиснуть... сдавить... раздробить... Мысль понятна? Так вот, если вам удалось отработать этот прием, да так, что сможете дробить с его помощью кирпичи... как, к примеру, я... то это поможет вам убедительно поддержать даже самую слабую логику при расхождении во мнениях.

Так или иначе, выигравшись к сложившейся ситуации, я отвожу двух братьев в сторонку немножко поболтать, и все это под настороженным взглядом ошивающегося рядом капитана.

— Итак, мальчики, вам не кажется, что было бы неплохо смотреть на все повеселее? — сказал я так тихо, что слышно это было только нам. — Подумали бы лучше о двух вещах. Во-первых, эти ребята, с которыми мы проходим обучение, составляют группу, а в группе всегда лучше быть приятным. Тогда ты приобретешь друзей, которые в бою прикроют тебя с тыла... а в противном случае будешь все время оглядываться, ожидая удара в спину. Это ясно?

— Ясно, Гвидо!

— У-у! Точно, Гвидо!

— Хорошо. Так вот, а во-вторых, я хочу, чтобы вы запомнили следующее — если не прекратите препираться по каж-

дому поводу и без повода и помешаете нашей группе завершить подготовку в наикратчайший срок... — Я украдкой бросил взгляд на капрала и понизил голос, с трудом сохраняя на лице улыбку: — Тогда я лично оторву головы вам обоим! Понятно?

— А-а-а-а! Да! Понятно!

— Как... У-у-у-у... скажешь, Гвидо!

— Ах да. Еще одна мелочь. Я говорю не *по-странному*.

Согласны?

— А-а-а-а-а-а-а...

— О-о-ой...

Я заметил, что капрал идет в нашу сторону, следовательно, пора было закругляться.

— Будем считать, что это значит «да», — сказал я и разомкнул хватку.

Объясняя свой безотказный прием, я забыл упомянуть, что если внезапно полностью разжать хватку, то прилив крови к пострадавшему участку вызовет дополнительный дискомфорт, и известны даже случаи глубоких обмороков. И это бывает даже выгодно, ведь в момент, когда эффект вступает в силу, сами вы даже не прикасаетесь к жертве.

Я уже отмечал, что братья Слеппни — ребята довольно крепкие, и после нашей беседы они лишь немного пошатывались. Однако похоже, что какое-то время им будет крайне трудно двигать руками в ситуации, где требуются хорошая координация движений и сила... скажем, в драке. Это, конечно же, возымело желанный эффект, и брательники заметно поутихли.

— Что здесь происходит? — выкрикнул капрал, налетая на нашу маленькую группу.

Я невинно моргнул и беспомощно пожал плечами, словно на перекрестном допросе в присутствии окружного прокурора.

— Мы просто обсуждали последствия антиобщественного поведения в коллективе.

— Да ну? Это правда, вы двое?

Слеппни попытались подобно мне пожать плечами, но скривились, не закончив жест, и ограничились кивками.

Несколько секунд капрал подозрительно глазел на нас, а потом повернулся к остальной группе.

— Ладно, в две шеренги становись! — заорал он, неудачно подражая сержанту. — Пора на занятия!

— Наши подопечные правильно отреагировали на *прикладную логику?* — прошептал, становясь рядом со мной, Нунцио.

— Разумеется, — кивнул я. — Более того, по-моему, они уразумели ее за один урок. Не понимаю, почему ты все время твердишь, что нынешняя молодежь тugo все усваивает?

На это Нунцио закатил глаза и отвесил мне шутливый поклон.

— Может, нам следует называть тебя теперь Мухобоем? — усмехнулся он.

Кое-кто из рекрутов посмеялся над этой остротой, что заставило меня немного понервничать. По опыту в Синдикате я знаю, с какой легкостью прилипает дурацкая кличка после какого-нибудь глупого инцидента. Однако капрал избавил меня от необходимости менять тему, так как выбрал именно этот момент, чтобы заорать, сбивая нас в строй для следующего раунда подготовки.

— Брось, — сказал я, нанося Нунцио довольно чувствительный удар по руке за нанесенную обиду. — Нам только еще предстоит стать эффективными бойцами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Нажимай на спуск плавно, не дергай его.

Р. Роджерс

К несчастью, навешенная Нунцио клиуха Мухобой прилипла ко мне... во всяком случае, вторая ее половина — Бой. Но еще больше неудобств доставило мне то обстоятельство, что сержант в связи с этим назначил меня и.о. командира отделения в нашей маленькой группе рекрутов, которых я

уже назвал по именам. Пост этот требует быть всего-навсего овчаркой при «насекомых». Но это все же руководящий пост, а я, как уже отмечал ранее, склонен избегать их, как повестки в суд.

Материал, который мы должны проходить в процессе начальной подготовки, на самом-то деле оказался не слишком тяжелым. Большая его часть и впрямь была полезной, к тому же преподаватели не жалели усилий, чтобы по-настоящему нас заинтересовать. Это стало приятной неожиданностью после моих профессоров в колледже, большинство которых, похоже, считали себя величайшими корифеями и полагали, что студенты должны почитать за счастье выплачивать существенные суммы за возможность благоговейно внимать их бредням. И что еще хуже, они регулярно испытывали преданность и терпение студентов невозможной скукой своих лекций и при этом зорко высматривали тех, кому удавалось достаточно долго оставаться бодрствующими и все-таки усвоить нужное для сдачи выпускных экзаменов.

Армия же, напротив, начинает с исходной посылки, что рекруты совершенно невежественны и вряд ли заинтересуются данным предметом, если не сделать его достаточно привлекательным для удержания их обычно рассеянного внимания. Часто бывает важен даже личный пример преподавателя, доказывающий жизненную необходимость усвоения его предмета.

(Из уважения к тем из вас, кто ныне вкладывает большую часть своего времени или времени своих детей в обучение в колледже, я воздержусь от дифирамбов той системе, какую считаю лучшей для передачи информации, не говоря уже о реальной жизненной ценности самой этой информации, и ограничусь простой констатацией факта, что инструктирование в армии нельзя назвать ни бессмысленным, ни лишенным ценности занятием. И что особенно важно, армия еще и платит тебе, пока ты учишься. Конечно, дела могли бы обстоять еще лучше, если бы обучение своих сотрудников активно поддержали корпорации посеребренее торгующих со скидкой закусочных... но это уже выходит за пределы обсуждаемой темы, то есть — армейской подготовки.)

Мы с Нунцио, в общем, не жаловались на занятия и даже находили их исключительно информативными. Как вам, вероятно, известно, в Синикаге ценится мастерство в индивидуальной тактике или во всеобщей свалке при засадах, и поэтому обучение ведению операции с участием всего подразделения было для нас истинно новым опытом. Конечно, трудно было представить, чтобы этот опыт когда-нибудь действительно оказался нам полезен.

Во-первых, как я уже сказал, телохранительство обычно связано с засадами и с тем, что в спорте известно под названием «спешная защита», и поэтому вряд ли искусство ведения открытого боя пригодится нам на гражданке после службы — смысл засады в том и состоит, чтобы захватить охрану врасплох и посадить в лужу.

Во-вторых, что особенно важно, не представляли мы себе и то, как использовать эту тактику на службе в армии. Суть в том, и ни для кого это не являлось тайной, что армия Поссилтума располагала самыми крупными и самыми экипированными вооруженными силами в измерении, и поэтому немногие королевства или города решились бы выступить против нас с открытым забралом. Любое противодействие нам носило скорее характер тайного сопротивления типа «вонзим-нож-в-спину» или «перережь-им-глотку-пока-они-спят». Так как построения абсолютно бесполезны для борьбы с такого рода напастями, нам было трудно понять, зачем тратить столько времени на строевую подготовку.

Однако сержант Лыбби явно не считал нужным посоветоваться с нами относительно содержания его программы обучения, и поэтому мы держали свои взгляды при себе, не раня тем самым его самолюбия.

Схожим образом, когда нам объяснили, что мы должны научиться маршировать, так как это «наилучший способ переместить группу солдат из одного пункта в другой в кратчайший период времени», то опять же не дали ни малейшего шанса спросить, какой толк видит сержант, да и армия вообще, в быстрой переброске войск.

В ходе нашей подготовки обнаружилось немало подобных нелепостей, но был один момент, против которого мы серьез-

но возражали. Само собой, мы по возможности старались не демонстрировать оригинальность своего мышления, но в один прекрасный день она все же привлекла всеобщее внимание, и случилось это на стрельбище.

Армия учит нас стрелять из арбалетов... что вполне понятно, так как для сносного обучения стрельбе из большого лука требуется немалый срок, не предусмотренный при начальной подготовке. Праща — и того хуже, так как, пока научишься с ней более или менее управляться, натворишь кучу бед. Короче, этим оружием проще удавиться, чем запутить из него камень туда, куда надо. Однако даже слабаки способны за один день достичь пристойного уровня эффективности при стрельбе из арбалета, поэтому армия и избрала это оружие для ознакомления рекрутов с тонкостями стрелкового боя.

— Как видите, при этом упражнении вы будете стрелять по мишениям, сделанным в виде человека в натуральную величину, — сказал сержант Лыбби, уже наоравшись наконец по поводу безопасной дистанции и правильного обращения с арбалетом. — Армия предпочла тренировать вас на них, а не на кругах с яблочками, так как это лучше подготовит вас, в том числе и эмоционально, стрелять из своего оружия по живому противнику. В ходе этого упражнения вы должны все время внушать себе, что чучело перед вами — это живой враг, который хочет вас убить, и вести себя соответственно. Я ясно выразился?

— ДА, СЕРЖАНТ!!

Группа теперь отлично усвоила нужный ответ... и потребовалось ей для этого всего несколько дней тренировки. Мы с Нунцио, само собой, не отстаем от остальных, хотя некоторые моменты предлагаемой тактики нашего обучения все же проблематичны.

Например, идея, стоящая за применением таких мишней, сама по себе интересна и, возможно, даже достойна восхищения, но за все годы работы в Синдикате я никогда не видывал противника, который был бы так любезен, что стоял бы перед тобой как скала, на открытом месте, выпрямившись во весь рост и расправив плечи, беря тебя на муш-

ку. Они больше склонны скрючиться и распластаться, спрятаться за чем-нибудь и двигаться незаметно, дабы свести к минимуму твои шансы на успех. Поэтому думать, будто ты умеешь стрелять, потому что способен всаживать стрелы в ~~соколоменное~~ чучело любой формы, кажется мне опасным проявлением излишней самоуверенности, которую никак не следовало бы поощрять. Но я пока с этим не высывался, сделав скидку на первый раунд ознакомления новобранцев с оружием.

Вскоре группа, выстроенная по линейке, принялась пускать стрелы по мишеням, в то время как сержант и капрал метались взад-вперед позади строя, поощряя некоторых и надрывая глотку при виде медленно усваивающих науку. Этот стиль руководства, похоже, общий для армии и Синдиката, и сводится он, попросту говоря, к убеждению, что достаточно наорать на тех, кто делает что-то не так, чтобы они тут же исправились.

Мы с Нунцио не лезли в первую команду стреляющих, так как не сомневались в успешной сдаче данного зачета. А сосредоточились мы в основном на наблюдении за остальными членами группы, с тем чтобы вовремя помочь отстающим.

Братья Слеппни стреляли на удивление хорошо, оба они не только попадали при каждом выстреле в цель, но и засадили своими стрелами участок площадью всего в две пяди. Однако мишени стояли достаточно близко, чтобы попасть в них даже камнем, и посему эта демонстрация меткости не произвела на меня особого впечатления. С другой стороны, сержант Лыбби, похоже, искренне был доволен их результатами.

— Вот такое обращение с оружием мне нравится! — сказал он громко, чтобы его слышали все. — Кто научил вас так стрелять, ребята?

— Папаша, — ухмыльнулся Шу Слеппень. — Может, вы даже слыхали о нем. Его зовут Куро Слеппень.

— Хотя мамаша стреляет получше него, — добавил Хи Слеппень. — Ее зовут Ос Слеппень.

С этого момента я перестал следить за разговором, потому что у меня от него заболел живот и потому что Нунцио никак подзывал меня к себе.

— У нас проблемы, — объявил он, но я и сам уже видел, что он обеспокоен.

— В чем дело?

— Это все Трутень, — сказал он, указывая на юного мага. — Он, наверное, не смог бы попасть и в стенку амбара, если б даже сам в нем находился.

Я бросил взгляд через плечо, и как раз вовремя, потому что Трутень пустил стрелу, которая разминулась с мишенью футов на пятнадцать плюс-минус миля. Капрал тут же очутился рядом с ним и уже снабжал его советами во всю силу легких.

— Вижу. Ну, ему, похоже, стрелять и не придется, раз он числится магом.

— Может, и так, — пожал плечами Нунцио, — но нам полагается сегодня *всем* сдать норму, иначе задержится вся группа... помнишь?

— Это может стать проблемой, — кивнул я. — А разве у него нет каких-нибудь там заклинаний или чар на этот предмет?

Кузен завращал глазами и фыркнул, демонстрируя отвращение.

— Шутишь? Он знает всего два заклинания, и ни одно из них ничем здесь не поможет.

— Два заклинания? Какие именно?

— Давай-ка посмотрим. Он знает заклинание «Развей», которое позволяет ему видеть сквозь всякие чары.

— От этого толку мало, — признал я. — А другое?

— «Навей», — поморщился Нунцио. — Это те же чары личины, но с дурацким названием.

— Значит, он может всего-навсего надеть на себя личину и видеть сквозь чары, — сказал я, прокручивая все это в голове.

— Вот именно. Ничего такого, что могло бы помочь ему сегодня сдать норматив.

— Может, и так... а может, и нет, — задумчиво проговорил я. — Вот что я тебе скажу. Не смог бы ты как-нибудь уединиться с ним на несколько минут?

— Нет проблем. Когда он прополит этот круг, ему придется ждать следующей очереди. Тогда и можно его увести. А что? У тебя есть какая-то идея?

= Угу, = усмехнулся я. — Просто убеди его применить свое эпилептическое личину... как он там его называет? Ах да, «Навей»... чтобы вы могли поменяться местами. Ты сдашь норматив за него, поменявшись обратно, и все будет шито-крыто.

Не знаю, — потер подбородок Нунцио. — Капрала-то мы, может, и одурачим, но у сержанта глаз-алмаз. Он может замстить, что Трутень какой-то не такой.

— Я возьму сержанта на себя, а ты постараися стрелять не слишком хорошо... только чтобы сдать норматив. Уловил?

Далее нам оставалось только ждать начала задуманной операции. Наконец капралу надоело орать на нашего юного мага, и он отправил его прочь с рубежа на «перерыв» — на персюс, чтобы дать отдохнуть своим голосовым связкам.

Пытаясь особо не привлекать к себе внимания, я слежу за уголком глаза, как Нунцио кладет руку на плечо Трутня и заводит с ним серьезный такой разговор, незаметно для всех увлекая его за палатку, где хранится оружие. После томительных минут ожидания из-за палатки снова появляется Трутень, шагающий очень знакомой мне походкой вразвалочку, и я вижу, что сила разума и логики снова восторжествовала. Я дождался его выхода на линию огня для новой попытки, а затем приступил к отвлекающему маневру.

— Ты чересчур стараешься, Осса, — сказал я довольно громко, подходя к ней, стоящей на противоположном от Трутня конце огневого рубежа, сзади.

Меткость у Оссы, как и у Майжука, спорадическая, их выстрелы пролетают поблизости от мишени, но попадают в нее лишь изредка.

— Слишком напряженно держишь левую руку... надо немного расслабить ее и держать оружие в согнутой руке. И на спуск тоже жми полегче. Используй только кончик пальца, а не обхватывай им спусковой крючок. Иначе придется при каждом выстреле тянуть оружие влево.

— Вот так?

— Да, только...

— ЧТО ЭТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ, ЧЕРТ ПОДЕРИ??!!

Мне следовало бы радоваться, что я правильно рассчитал точку кипения сержанта Лыбби. Вплоть до этой минуты мы с Нунцио проявляли большую осторожность, помогая другим рекрутам, и старались делать это незаметно, не подвергая сомнению его авторитет — коим он так дорожил. Я прикинул, что открытая демонстрация придется ему не по вкусу, и не ошибся. Мне следовало бы быть довольным, но, когда он устремился в мою сторону, я немедленно усомнился в мудрости своей тактики.

— Гвидо просто дал мне несколько советов по обращению с этой штукой, сержант, — невинно промурлыкала Осса, и ее мягкие манеры свидетельствовали о твердо усвоенных уроках по части того, что Лыбби лучше не досаждать без надобности.

— О, значит, наш Мухобой еще и спец по арбалетам, да? — прорычал сержант, наводя прицел на меня. — Думает, что умеет обучать стрельбе лучше меня или инструкторов по стрелковой подготовке, да?

Следя за всем этим с большим вниманием, я одновременно вижу через плечо, как Нунцио в личине Трутня стреляет, выполняя его норматив... прямо под носом у капрала, которому гораздо интересней следить за сержантом и мной, чем обращать внимание на происходящее у его конца стрельбища.

— Почему бы тебе просто не показать нам, насколько хорошо ты владеешь оружием, и.о. командира отделения Гвида, — рявкнул Лыбби, выхватив у Оссы арбалет и сунув его мне. — Если сумеешь сдать норматив, тогда я, может, и не разжалую тебя обратно в рядовые.

Так вот, я уже не в первый раз слышу от спецов подобные угрозы... буквально... и потому этот выпад сержанта как-то не вызвал у меня дрожи в коленках, на что он рассчитывал. Если он что у меня и породил, так это искушение намеренно промазать и таким образом снять с себя это навязанное «и.о.», которое, как я уже отмечал ранее, мне вовсе ни к чему. И все же моим профессиональным способностям был брошен вы-

зов, да еще при чвихе, пусть даже такой, как Осса. К тому же Нунцио уже сдал норматив за Трутня, и у меня больше не было никакого стимула продолжать свой отвлекающий маневр.

Я окинул арбалет всего лишь одним беглым взглядом, поскольку терпеть не могу стандартного оружия. Оно явно изготовлено правительственными подрядчиками и так же похоже на сделанное на заказ оружие Йоло, которым я обычно пользуюсь, как рабочая лошадь на чистокровного скакуна. Не углубляясь в размышления, я зажал стрелу в зубах, взвел арбалет, уперев приклад в живот и резко натянув обеими руками тетиву (что быстрее, чем делать то же самое, упираясь ногой в стремя), затем уронил стрелу в желоб перед натянутой тетивой и нажал на спуск.

Нечего и удивляться, стрела с чмоканьем вонзается в правое плечо чучела.

Не совсем удачно, но неплохо, — со скрипом признал Лыбби. Ты бы добился большей меткости, если б стрелял с плеча, а не с бедра. Попытка пофасонить лишь...

К тому времени, когда он добрался в своей критике до **этих высот**, я опять взвел, зарядил арбалет и выпустил вторую стрелу... Ещё стреляя с бедра.

Эта стрела со свистом пролетела и уткнулась почти в то же место, на расстоянии не более ширины двух пальцев от первой.

Сержант захлюпнул пасть так быстро, что слышно было, как щелкнули у него зубы (я счел это вполне нормальной реакцией), и молча наблюдал полет моей третьей стрелы, которая, попав в мишень, образовала с двумя первыми аккуратный треугольник.

— Очень неряшливо, — пискляво фыркнул Нунцио, уже успевший сбросить личину Трутня. — Предупреждал же я тебя, точности не жди, если не научишься как следует жать на спуск!

— Да неужели?! — огрызнулся я, не на шутку раздраженный обидной критикой. — Давай посмотрим, стрельнешь ли ты лучше из этой штуки!

Я кинул ему арбалет, и он поймал его одной рукой, а потом, прищурясь, оценил оковку.

— Правительственные подрядчики, — заключил он таким тоном, будто объявил, что вляпался во что-то органическое и мерзкое. — Уж конечно, это не работа Йоло!

— А стрелы прямые, как бильярдный кий, — сообщил я ему остальные неприятные подробности. — Но, как говорит босс, надо уметь пользоваться тем, что есть. Верно?

Он состроил мне гримасу, а затем быстро пустил три стрелы, тоже стреляя с бедра. Я заметил, что хоть он и целился во избежание путаницы в другое плечо чучела, но в точности попадания его стрел не видно было заметного улучшения по сравнению с моей.

— Ладно, дело в оружии... на этот раз, — признал он, отдавая арбалет обратно Оссе. — Хотя если б мы стреляли с большего расстояния, думаю, я все же...

— Минуточку, ребята!

Мы переключили внимание на сержанта — во-первых, потому, что тот, похоже, был чем-то расстроен, а во-вторых, по причине бесконечности этого нашего спора, которому вряд ли когда-нибудь суждено разрешиться, даже если нам не будут мешать.

— Что это вы пытаетесь здесь выкинуть?

— Что-то не так, сержант? — сказал Нунцио, выражая озабоченность, испытываемую нами обоими. — Два попадания из трех ведь означают сдачу норматива, верно?

— Что-то не так? — ослабился Лыбби, показывая слишком много зубов для сохранения нашего душевного комфорта. — Подобная кучность попадания стрел означает, что вы оба превосходно владеете оружием. Так вот, поправьте меня, если я ошибаюсь, но разве вы не могли бы сфокусировать свои стрелы где угодно на мишени?

— Ну разумеется... сержант.

— Так почему же вы стреляли в плечо чучела, а не в голову или в грудь?

— Это убило бы его, — брякнул я, прежде чем успел как следует подумать.

— ВАМ И ПОЛАГАЕТСЯ УБИТЬ ЕГО! ИМЕННО В ЭТОМ И СОСТОИТ ВЕСЬ СМЫСЛ СОЛДАТСКОЙ СЛУЖБЫ!!!!

Теперь, задним числом, я понимаю, что мне следовало бы для виду согласиться с ним, но он захватил меня врасплох, и взыграл мои старые синдикатские привычки.

Да вы что, принимаете нас за каких-нибудь дешевых стрелков из пивнушек?! — рявкнул я ему в ответ. — Мы с Нунцио профессионалы!! Убить кого-нибудь может любой раздолбай, а вот заставить его платить за защиту или, к примеру, выбить из него нужные сведения — это нелегко, это требует умения...

— Мой кузен хочет сказать, — вмешался Нунцио, быстро вставая между нами, — что, раня врага, выводишь из строя сразу трех противников вместо одного, поскольку кто-то должен помочь ему вернуться в...

Идея была хорошая, но было уже поздно. Сержант уже закусил удила.

— Ты называешь обученных солдат Поссилтума раздолбайми? — орал он, обходя Нунцио, чтобы снова подойти ко мне. — Ты что, ПАЦИФИСТ?

— Как... ты... меня... назвал?... — проговорил я с предельной мягкостью, к какой прибегаю только в особых случаях.

На учебной площадке вокруг нас стало вдруг очень тихо, все просто замерли... за исключением Нунцио, который недоверчиво присвистнул, отступив назад.

Должно быть, что-то в моем голосе или в том, как я вытянулся в свой полный рост, включило у сержанта инстинкт самосохранения, потому как он вдруг нервно, словно в поисках аварийного выхода, огляделся по сторонам.

— А ВЫ ВСЕ ЧЕГО ТУТ СТОИТЕ СТОЛБАМИ?!? — взревел он, переключая внимание с меня на собравшуюся вокруг нас толпу. — ВАМ ПОЛАГАЕТСЯ СДАВАТЬ НОРМАТИВЫ! ЗА ДЕЛО!!! СЕЙЧАС ЖЕ!!!

За это время я достаточно овладел собой и, постыдив, решил, что, пожалуй, лучше подвести под этим эпизодом черту. Однако у сержанта, похоже, еще было что мне сказать.

— Гвидо! — тихо произнес он, не глядя мне в лицо.

— Да, сержант?

— Сейчас не время и не место, но мы все-таки продолжим эту беседу... позже.

По тому, как он это сказал, было ясно, что это не вызов, и не угроза... просто заявление.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда я путешествую, меня никто не узнает... и это замечательно!

С. Кинг

Мы с Нунцио пытались просечь, что же такое нам положили в тарелки под забавным названием «ужин», когда рядом с нами плюхнулась Осса. Мы немного были удивлены этим, так как обычно нас оставляли за ужином в покое, но причина такой навязчивости выяснилась очень скоро.

— Вы, ребята, работаете на Синдикат, я угадала? — заявила она без всяких там «привет» или «добрый вечер».

Так вот, я, кажется, уже упоминал, что мы вообще не очень любим, когда нам задают вопросы, а уж такой вопрос и вовсе является табу.

— Ты фараонша? — автоматически выстрелил ответным вопросом Нунцио.

Этот вопрос — испытанное оружие для всякого, чей зарубежок зависит от незаконной деятельности. Если ты задаешь его фараону, то он обычно вынужден бывает признать свою профессию. В противном случае любая попытка использовать дальнейший разговор в качестве доказательства вины будет квалифицирована как обман и провокация.

— Я? Шутишь? Нет, я не фараонша. А почему ты спросил?

— А что тебе за дело, работаем мы на Синдикат или нет? — опять парировал Нунцио.

Заметьте, Осса уже ответила на наш вопрос, а мы пока не сказали ей ни «да», ни «нет». Понятно, работники нашего

профиля должны быть осторожны. Это вырабатывается годами и подкрепляется естественным отбором.

— Подумывала поступить туда после армии, — пожала плечами она. — Может, вы, ребята, растолкуете мне, что это такое — работать на Синдикат, а то и замолвите за меня словечко или хотя бы посоветуете, с кем выйти на контакт.

— Связь.

— Что, Бой?

— Я сказал: «Связь». Контакт бывает в обычном бизнесе. В Синдикате же первый шаг — это установить связь.

— ...Или, во всяком случае, мы слышали, что это так, — быстро уточнил Нунцио, бросив на меня суровый взгляд. — Не знаю. Может, мы и сумеем поделиться с тобой кое-какими слухами. Что тебе хочется узнать?

Это мой кузен так осторожничает, поскольку меньше моего склонен кому-либо доверять.

Однако, сославшись на «слухи», он позволил нам ответить на некоторые вопросы о Синдикате, не признавая в то же время нашего членства в этой организации.

— Ну и на что это похоже?

— Работенка дрянная, — вздохнул я.

— Да и перспектива выхода на пенсию оставляет желать многое лучшего, — добавил Нунцио.

— Но платят-то хорошо. Верно? — не отставала Осса.

Я уже говорил, что моего кузена хлебом не корми — дай почитать лекцию, а эта цыпочка нашупала его слабинку. Конечно, до конца он не размяк, но немного оттаял.

— Не так хорошо, как об этом трубят средства массовой информации, — пропищал он. — Видишь ли... Гвидо ведь сказал секунду назад об установлении связи? Так вот, при поступлении в Синдикат ты сам долгое время ему платишь... а не наоборот.

— Как-как?

— Это легче понять, если представить принятую там систему привилегий. Синдикат дает тебе разрешение или лицензию на деятельность, а ты отдаешь ему долю с прибылей. Ты должен отдавать какой-то процент, скажем — половину, парню, стоящему над тобой, а тот, в свою очередь, обязан поде-

литься с кем-то стоящим над ним, и так далее вплоть до самой верхушки. Конечно, те, что наверху, загребают немалый куш, поскольку им идут проценты со всей пирамиды.

— Минутку! — нахмурилась Осса. — Когда я в последний раз слышала о чем-то подобном, меня пытались уговорить продавать косметику... или оборудование для уборки дома.

— Сходство есть, — согласился Нунцио. — Но есть также и серьезные отличия.

— Например?

— Например, косметическая пирамида не ломает тебе ни нос, ни ноги, если ты пытаешься работать независимо, — пояснил я.

— Я бы отметил нечто более важное, — прожег меня взглядом Нунцио. — Косметическая сеть не обеспечивает тебя адвокатами, не говоря уже о крыше, если власти почему-либо недовольны твоей деятельностью... или твоими налоговыми декларациями.

— Вот как? — ощетинился я, раздраженный всезнайством Нунцио. — Зато мыльники не станут лупить тебя, если им покажется, что ты зажимаешь их долю!

— И что бы ты посоветовал в подобном случае? — тут же парировал он мой выпад. — Вызвать полицию?

— Что с тобой, Бой? — сказала, чуть склонив голову набок, Осса. — Ты будто действительно нападаешь на Синдикат.

— Он просто сейчас немного раздражителен, — быстро вмешался Нунцио, прежде чем я успел ответить сам. — Когда ты подсела к нам, у нас шел небольшой спор.

— О, извиняюсь, — моргнула она, вскакивая на ноги. — Я не хотела вам помешать. Поймаю вас как-нибудь позже, ребята. Просто подумайте о моей просьбе, идет?

Мы смотрели, как она уходит, и это доставило нам настояще удовольствие, так как военная подготовка практически лишила нас женского общества. Затем Нунцио повернулся ко мне:

— Ладно. Что тебя грызет?

— То же самое, что и всегда с тех пор, как босс отправил нас на это задание, — ответил я. — Разговор о Синдикате только подлил масла в огонь. Понимаешь мою мысль?

— Нас никто не отправлял, мы сами вызвались добровольцами.

— Нас *попросил* отправиться добровольно сам босс, а это для нас равносильно приказу.

Нунцио испустил тяжелый вздох и немного обмяк.

— Что ж, давай обсудим это прямо сейчас, — поморщился он. — Ты говоришь о нашем пребывании здесь, в Пессилтуме, верно?

— Я говорю об объявлении нами войны Синдикату, — поправил я его. — Мы сейчас расхлебываем кашу в самом эпицентре, и это вызывает у меня некоторую озабоченность. Извини, но я все же немного нервничаю из-за подавляющего превосходства его огневой мощи, тем более что она скрь всего будет направлена против меня... а у нас все-таки навсегда арбалеты казенного образца... и кожаные юбки вместо доспехов!

Если эта моя озабоченность застала вас врасплох, то позвольте мне просветить вас, начав с краткого урока истории. Впрочем, те, кто уже понял, в какой опасности оказались мы с Нунцио, пусть не стесняются проскочить это небольшое отступление.

Мы с Нунцио впервые повстречались с боссом примерно пять книг назад, когда нам поручили следовать тенью за одним из главарей Синдиката, пока тот искал того самого Большого Джули, с которым мы разговаривали, помните, в первой главе. То есть искал армию, которую Большому Джули полагалось возглавлять в операции по сбору денежных средств для нашей организации и которая, согласно докладам, бесследно исчезла после столкновения с небольшим сопротивлением, возглавленным боссом. Конечно, в те дни мы еще не называли его боссом. Мы знали лишь одно — что какой-то прохвост, называющий себя магом по имени Великий Скив, причинил неприятности Синдикату, и нам полагалось оградить от него Шайк-Стера, пока шло расследование.

Для краткости, а также ради сохранения поступающих на наш счет процентов со всех вышедших книг этой серии я воздержусь от описания всех интригующих подробностей того

задания. Важно только, чтобы вы поняли одно — та первая встреча Великого Скива и Дона Брюса, одного из крестных отцов Синдиката, завершилась сделкой. По ее условиям, Дон Брюс и Синдикат должны были отстать от королевства Пессилтум вообще и от Большого Джули с его ребятами в частности в обмен на гарантированный Великим Скивом доступ Синдиката в другое измерение... а точнее, на Деву в комплексе с ее знаменитым Базаром.

Вскоре после этого Дон Брюс нанял Великого Скива блюсти интересы Синдиката на Деве и назначил нас с Нунцио его телохранителями. Тогда-то мы и стали называть его боссом.

Успеваете следить за моей мыслью?

Ладно, а теперь вернемся к теперешним обстоятельствам и посмотрим, поймете ли вы, с какой мы столкнулись дилеммой.

Во-первых и прежде всего, босс работает на Синдикат.

Во-вторых, он отправил нас разобраться с ситуацией в Пессилтуме, в то время как сам отправился за Аазом.

Так вот, поскольку босс работает на Синдикат, а мы все работаем на босса, то наши ударные силы, брошенные теперь на королеву Цикуту, могут считаться находящимися на службе у Синдиката.

К несчастью, остается в силе сделка, та самая, заключенная с самим Доном Брюсом, согласно которой никто в Синдикате не должен выступать против Пессилтума! А это означает, что наша операция есть прямое нарушение клятвенного слова Дона Брюса... и хотя я не могу поручиться, что он никогда не брал назад своего слова, но решение в подобных случаях он предпочитает оставлять за собой и не выносит, когда кто-то еще берется нарушать его слово.

Вам, должно быть, по сообщениям средств массовой информации, любых, какие там у вас есть, известно, что когда кто-то вроде Дона Брюса что-то не выносит, то выражается это обычно не в сердитой записке. Если он почувствует, что его положению и авторитету в Синдикате бросил вызов какой-то не в меру резвый подчиненный, то скорее всего этот подчиненный будет раздавлен как клоп. Конечно, в этом слу-

чае мы как телохранители босса окажемся между давителем и давимым. Вот и судите сами, почему я стал раздражительным и чего ради понадобилось это объяснение.

Я думаю, теперь всем все понятно? А если все же нет, то просто поверьте мне на слово, потому как я знаю об этих делах побольше вашего. Короче, у всей нашей команды будут крупные неприятности с Синдикатом, если Дон Брюс выяснит, чем мы здесь занимаемся.

— Я много размышлял об этом, — сказал Нунцио, словно наш разговор и не прерывался, впрочем, конечно, так оно и есть, — и не уверен, знает ли босс, что, отправляя нас сюда, идет против Дона Брюса.

Вот это меня ошаршило. До сих пор я не сомневался, что, отправляя нас сюда, Скив знал, на что идет. Мысль, что он не думал о последствиях, ни разу не приходила мне в голову.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну, сдается мне, наш босс, конечно, очень большой ловкач, но что касается Синдиката и женского пола...

— Это верно, — вздохнул я, потому что так оно и есть. Хотя в целом я отношусь к боссу с наиглубочайшим уважением. Просто дела Синдиката и умение обращаться с женщинами — не его конек.

— К тому же, — продолжал Нунцио, — учти еще и такой момент. Он не проконсультировался с нами насчет возможной свары с Синдикатом и даже не предупредил нас об этой опасности. Его беспокоила только Цикута... Если бы он ожидал неприятностей со стороны Дона Брюса, мы бы об этом знали.

Нунцио привел весьма веский довод. Скив был самым внимательным боссом, с каким мы когда-либо работали, и всегда чутко относился к нашим заботам... особенно к тем, что связаны с риском подвергнуться физическому насилию. Именно это в значительной мере объясняет нашу преданность и искреннюю к нему приязнь... наряду с заработной платой, которую он выплачивает нам исключительно щедро и надежно.

— Теперь, пожалуй, ясно, — сказал я. — Босс вовсе не собирался вступать в борьбу за власть или пытаться вырвать руль из рук Дона Брюса, потому как никогда не выражал ни интереса, ни желания укрепиться в Синдикате.

Нунцио пожал плечами:

— Будь он к этому склонен, ему потребовалось бы всего-навсего жениться на Банни и дать Дону Брюсу поднести ему на блюдечке с голубой каемочкой всю организацию в качестве наследства.

Нунцио имел в виду, что Банни не только племянница Дона Брюса, но и по уши влюблена в босса... это последнее, похоже, ускользнуло от внимания Скива. Что и требовалось доказать... Синдикат и женщины... Уму непостижимо.

— Возможно, ты прав!

— Конечно, я прав! Все сходится!

— Но даже если и так, какая нам разница, — заключил я, игнорируя его самоуверенность, — случайно мы нарушаем слово Дона Брюса или намеренно, все равно это пахнет хорошей разборкой.

— Разница в том, что если мы будем исходить из мирных намерений босса, то вовсе не обязаны драться здесь с Доном Брюсом. Мы даже можем выступить в качестве миротворцев и не допустить кровопролития.

Такое рассуждение было не лишено определенной привлекательности, особенно ввиду того, что, начнись это кровопролитие, все шансы будут за то, что произойдет это по нашей с Нунцио вине.

— Ладно, — сказал я. — Допустим, ты прав и босс не хочет неприятностей, и допустим, что Дон Брюс позволит тебе открыть рот прежде, чем начнется стрельба, что ты собираешься в таком случае сказать, чтобы его остановить?

— Над этой частью плана... — нерешительно проговорил Нунцио, — над этой частью я еще работаю.

Мне пришло в голову, что до тех пор, пока мой кузен не придумает достойного выхода из создавшейся ситуации, мы, новоиспеченные миротворцы, можем разве что не отвечать на выстрелы в случае обострения конфликта!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Доски не дают сдачи!

Б. Ли

Я был настолько обеспокоен из-за Дона Брюса и Синдиката, что у меня совершенно вылетела из головы скора с сержантом Лыбби. Однако, как выяснилось, это не имело значения, поскольку сержант не преминул мне о ней напомнить, а если учесть, чем это обернулось для меня, то явно не стоило тратить время на пустые размышления.

Мы уже дошли до той стадии в своей подготовке, когда требовалось научиться иметь дело с врагом вблизи... предпочтительно не капитулируя. То есть пора было обучаться рукопашному бою.

Этот предмет преподавал нам сам сержант Лыбби, что показалось мне странным лишь позже, когда выяснилось, что он ничего не смыслит в преподаваемой им науке. Он выбрал своими демонстраторами-жертвами братьев Слепней и здорово позабавился, показывая всем нам, что размеры мало что значат в рукопашном бою, для чего с впечатляющей легкостью швырял и колотил их... или, выражаясь точнее, действительно заставил их летать словно слепней.

Смотреть на все это было очень даже забавно, но мне невольно подумалось, что от урока, который он пытался нам вдолбить, пахло хуже, чем от синтетических «собачьих безобразий с натуральным запахом, сжимающим вас в своих объятиях», с которыми мне довелось, если припомните, так хорошо познакомиться. Я имею в виду, мне хотелось бы знать, действительно ли он думал, будто одурачит кого-то своим трепом о том, что «размеры мало что значат». Не надо быть гением, чтобы сообразить, что размеры очень даже много значат, и любая порядочная драка продемонстрирует это достаточно наглядно даже для самых тупоумных. Одержать верх над размерами возможно только в том случае, если маленький парень очень умелый, а большой наоборот... не говоря уже о том, что он к тому же должен быть неуклюж и по возможности с хрупкой, как стекло, челюстью. А если ничего

такого нет, то можно смело утверждать, что большой парень при желании сделает из маленького отбивную. Вот почему профессионалы контактного спорта, стадионные атлеты, не говоря уже о костоломах вроде нас с Нунцио, чаще всего бывают довольно рослыми. Тут дело даже не в том, что наниматели предпочитают работников покрупнее, просто мы, как правило, побеждаем.

Конечно, даже если исходить из того, что умение важнее, в логике сержанта все равно остается один бросающийся в глаза изъян. Помните, я как-то говорил, сколько времени потребовалось бы обучать кого-то стрельбе из большого лука? (Нет, это не для проверки внимания... я просто спросил.) Ну так обучение рукопашному бою требует еще больше времени. Намного больше. Мысль, будто кто-то вроде Трутня сможет за день усвоить достаточно, чтобы эффективно бороться с одним из братьев Слепней, каким бы неумелым тот ни был, просто смехотворна. В общем, мне было ясно, что, хоть сержант и говорил, будто нас готовят к встрече с врагом, на деле он всего лишь показал нам несколько приемов для оказания достойного сопротивления в пьяных драках, к коим, естественно, тяготеют люди в мундирах, когда проводят свободное время в пивной среди штатских. Попросту говоря, нас обучали разделываться скорее с неумелыми штатскими драчунами, предпочтительно вдребезги пьяными, чем с умелыми солдатами на поле боя.

— Конечно, эта техника даст вам возможность разделаться только с безоружным противником! — говорил между тем сержант Лыбби и опять же вводил всех в заблуждение, так как ни один из продемонстрированных им контрприемов не был достаточно эффективным, чтобы «разделаться» с кем-либо вообще, и я утвердился в своем мнении, что нам, похоже, предстоит иметь дело только со штатскими.

— ...Однако борьба с вооруженным противником — совсем иное дело! К счастью, среди нас есть мастер, способный продемонстрировать, как это делается! ГВИДО! Равнение на середину!

— Я, сержант? — моргнул я, так как не ожидал, что меня вы кликнут.

— Совершенно верно, — ответил сержант, широко распльваясь в улыбке. — На стрельбище ты очень рьяно доказывал, что убивать людей приходится только раздолбаям. Ну, вот тебе возможность показать всем, как бы ты иначе справился с врагом, когда тот пытается тебя убить.

Незачем и говорить, мне не понравилось, как это прозвучало, но меня вызвали и ничего не оставалось, кроме как пройти вперед на учебный плац. Мой дискомфорт возрос, когда сержант подал знак капралу Мяс-Нику и тот бросил ему короткий меч. Совершенно верно, самый настоящий короткий меч... обоюдоострый, гладиаторский.

— А меч-то для чего, сержант? — спросил я.

— Я ведь сказал, что это будет демонстрация боя с вооруженным противником, — усмехнулся он. — Нам предстоит сделать следующее: я буду пытаться тебя убить, а ты — остановить меня, не убивая.

— А если мне это не удастся?

— Тогда у нас, полагаю, произойдет небольшой «несчастный случай на учениях»... если, конечно, ты не предпочтель простота отступить и признать свою неправоту.

Незачем и говорить, я добился своего нынешнего почетного положения телохранителя не тем, что избегал драк. К тому же беспокоил меня в действительности вовсе не меч, так как он мало чем отличался от длинного ножа, а уж с ножами-то я имел дело достаточно часто.

— О, вы, сержант, меня не поняли, — пожал плечами я. — Беда в том, что при этом я могу задетьunter-офицера... воинский устав, помнится, подобное категорически запрещает.

Улыбка сержанта слегка увяла, и я понял, что на *такой* исход он вовсе не рассчитывал, когда рискнул подкинуть мне свой трюк. К несчастью для нас обоих, от осознания этого теперь уже никому из нас не было никакого проку.

— Не беспокойся об этом, рекрут, — сказал он, но я заметил в голосе у него напряженность. — Даже если тебе очень повезет и ты меня заденешь, ты только выполняешь приказ, и поэтому никаких обвинений тебе предъявлено не будет.

Это все, что мне требовалось услышать. В качестве последней меры предосторожности я быстро оглянулся на стоящего в строю Нунцио, и тот слегка мне кивнул.

— Твой кузен тебе теперь не поможет, Гвидо, — резко бросил немного приободрившийся Лыбби. — Тут все решаем мы вдвоем.

С Нунцио я сверялся вовсе не поэтому.

— Я просто так, — сказал я, пожав плечами. — Приятно знать, что вы знаете, что я выполняю приказ. Вопрос в том, знает ли об этом *тот* офицер.

Так вот, сержант отнюдь не дурак, и я в общем-то не ожидал, что он попадется на старый прием «позади тебя кто-то есть»... но он попался. Лишь намного позже я выяснил, что у унтеров настоящий бзик насчет офицеров. То есть они спокойненько управляют себе армией... если поблизости нет свидетеля-офицера. Так или иначе, но Лыбби стал выкручивать шею, пытаясь увидеть упомянутого мной офицера, и когда его голова от меня отвернулась, я бесшумно так на него налетел.

Моя тактика может показаться вам немного странной, но если кто-то машет у вас перед носом куском заточенного металла, то явно рассчитывает на то, что вы не рискнете на него напасть. От вас ожидается нечто совсем иное: что вы застынете на месте или, еще лучше, броситесь бежать, дав таким образом ему время не спеша вырезать свои инициалы на той части вашей анатомии, какая окажется для этого удобней всего. А когда вы, напротив, рванули вперед, это для него неожиданность, и он почти наверняка отреагирует, тыча оружием в вашу сторону в попытке заставить вас пятиться, как положено по сценарию. А вам только того и надо, так как теперь уже *вы* управляете его атакой и можете завести ее куда вам захочется, а не просто стоять и надеяться, что противник уйдет восвояси.

Сержант следил уголком глаза, как я к нему приближаюсь, и точь-в-точь, как я сказал, тычет в мою сторону мечом, надеясь, что я налечу на него и избавлю его от неприятной необходимости планировать и проводить собственную атаку. Благодаря этому я запросто обогнул острие меча и скжал левой

рукой запястье его правой, что лишило нежелательной активности его оружие, а мис позволило нанести сержанту правым кулаком средней силы удар под ухо.

Я искренне надеялся, что дело на этом и закончится, но сержант все-таки очень крепкий старый черт. Он лишь окосел от удара и упал на одно колено. Я сообразил, что положение только что стало опасным, так как он по-прежнему держал меч и в своем ошеломленном состоянии может просто не вспомнить, что это всего лишь тренировка... если, конечно, он так к своей затее относился с самого начала.

— Сдавайся, сержант, — тихо-тихо прошипел я, подступив поближе, так, чтобы слышал меня только он. — Все кончено.

И просто на всякий случай, в подкрепление своих слов, немного выкрутил ему руку. К несчастью, он то ли меня не услышал, то ли предпочел игнорировать то, что, по-моему, было хорошим советом, — короче, он возобновил борьбу, пытаясь ввести в игру свой меч.

— Как будет угодно, — пожал плечами я, в общем-то не ожидая от него ответа, поскольку в этот момент он потерял сознание — вероятно, потому, что я только что сломал ему руку... в целях самообороны, разумеется. (Для чрезмерно чувствительных читателей спешу пояснить, что это легкий перелом в противоположность куда более сложной его разновидности и, вполне вероятно, не вырубил бы сержанта, не отвесь я ему хорошего леща. Как я уже отмечал ранее, моя специальность — управляемое насилие... и я большой мастер по этой части.)

— ТЫ В СВОЕМ УМЕ?..

Эти последние слова произнес Капрал Мяс-Ник, который наконец, с большим запозданием, ожил и пытался вмешаться, когда все практически уже закончилось. Он не успел высказаться до конца, потому как, шагнув вперед, налетел на высокий взмах локтя подключившегося к делу Нунцио, и это с неотвратимостью сбило его с ног и вывело из игры... чего там он хотел сказать, никому не интересно. К вашему сведению, именно такой поворот событий я и имел в виду, когда передхваткой переглядывался с Нунцио... я хотел убедиться,

что он занял нужную позицию и готов прикрыть меня с тыла, пока я разделяюсь с сержантом.

Какой-то миг царило молчание, а потом кто-то из рядовых издал негромкий удивленный свист, и это, очевидно, послужило всем сигналом. Ребята наперебой кинулись к нам со своими дурацкими замечаниями.

— Ух ты!

— Неплохо, Бой!

— Самое время его проучить...

Хи Слеппень принялся пинать затихшую фигуру капрала носком сандалии.

— Лежа они выглядят не такими уж здоровенными, верно, Бой? — усмехнулся он, словно самолично уложил их обоих.

— СМИРНО! ВЫ ВСЕ!! — взревел я, резко обрывая дискуссию. — Если ты еще раз тронешь этого парня, Хи, мы с тобой выйдем на пару раундов. ТЫ МЕНЯ ПОНЯЛ??

Он выглядел удивленным и обиженным, но кивнул в знак согласия.

— Не слышу!!!

— ДА, СЕР... Я имею в виду, ГВИДО!!

— ЭТО ОТНОСИТСЯ И КО ВСЕМ ОСТАЛЬНЫМ ТОЖЕ! — рычал я. — Я НЕ ЖЕЛАЮ ВИДЕТЬ, КАК ВЫ ПИНАЕТЕ ЭТИХ ДВОИХ ИЛИ ПОТЕШАЕТЕСЬ НАД НИМИ. ЕСЛИ, КОНЕЧНО, НЕ ГОТОВЫ СДЕЛАТЬ ТО ЖЕ САМОЕ, КОГДА ОНИ ОЧНУТСЯ И СМОГУТ ДАТЬ СДАЧИ. Я ЯСНО ВЫРАЗИЛСЯ??

— ДА, ГВИДО!!!

Должен признать, что в тот момент я был немного зол, но в основном на себя. Мне искренне было досадно, что я не сумел остановить сержанта, не ломая ему руку, и потому готов был сорвать злость на группе. Во всяком случае, теперь я больше понимал психологию армейского унтера... это и впрямь самый легкий способ наорать на весь строй одновременно.

— Ладно, теперь СЛУШАЙ СЮДА!! Как и.о. командира отделения я являюсь тут старшим по званию до тех пор, пока не придут в сознание сержант и капрал. Мне нужен один

доброволец, чтобы вызвать врача к этим двоим, а ОСТАЛЬНЫЕ ПРОДОЛЖАТ ТРЕНИРОВОЧНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ!!

Такой расклад представлялся мне вполне логичным, поскольку мне не улыбалось потерять учебный день в ожидании, когда очнутся наши унтеры. Но тут я заметил, что кузен вежливо поднял руку, чтобы привлечь мое внимание.

— Да, Нунцио? Ты пойдешь за врачом?

— Да в общем-то нет, вашбродь и.о. командира отделения Гвидо, — саркастически выдал он. — Я просто думал, что, прежде чем принять на себя командование, вам, возможно, стоит справиться вон у того офицера, который и впрямь является тут старшим по званию.

Так вот, если помните, когда я провернул свой фокус с сержантом, это было приемом с целью отвлечь его внимание. Однако я играл с Нунцио в драконий покер и сумел бы распознать, когда он блефует... на этот раз такого, похоже, не наблюдалось. Ощущая, как у меня тоскливо засосало под ложечкой, я повернулся посмотреть в указанном им направлении. Все верно, там стоял офицер, первый из увиденных мною здесь помимо читавших нам лекции. И что еще хуже, он направлялся к нам с очень даже мрачным выражением лица.

— Вольно, Гвидо.

Я переключился со «смирно» на «вольно», что вовсе не означает, будто мне так уж *вольно*. Меня вызвали в офицерскую палатку, что неудивительно, поскольку мне явно предстояло пожать кое-какие плоды славы за сегодняшнюю стычку. А вот чего я не ожидал, так это увидеть там сержанта Лыбби, с рукой на перевязи и непроницаемым выражением лица.

— Сержант Лыбби изложил мне свою версию того, что произошло в вашей учебной группе и имело следствием событие, свидетелем которого я стал в полдень. Не хотели бы теперь вы поделиться своими соображениями на этот счет?

— Уверен, что доклад сержанта полон и точен... ваше благородие, — отчеканил я ответ.

Обыкновенно я бы и рта не раскрыл без адвоката, но покамест не упоминалось ни про какие обвинения, и я поч-

му-то подумал, что сейчас не самое подходящее время поднимать волну.

— Отлично, — кивнул офицер. — В таком случае я считаю себя обязанным последовать рекомендациям сержанта относительно данного дела.

Мне пришло в голову, что, возможно, следовало бы все-таки защищаться, но было уже слишком поздно, так как офицер принялся действовать. Взяв перо, он стал подписывать какие-то бумаги, лежащие у него на столе.

— Ты знаешь, в чем больше всего нуждается армия, распушая столь быстро, как наша, Гвидо? — спросил он меня, не отрываясь от бумаг.

Я подумал было что-то о «божественном вмешательстве», но решил держать язык за зубами... и был прав, так как он сам принялся отвечать на свой вопрос.

— В руководстве, — изрек он, заканчивая свой труд росчерком пера. — Мы всегда высматриваем новых лидеров... вот почему я так люблю подписывать эти приказы.

Мне было совсем нетрудно прикинуться невинным и тупым, так как я почувствовал, что полностью потерял нить его рассуждений.

— Вашбродь?

— Эти бумаги у меня здесь производят вас в сержанты, а Нунцио... он ваш кузен, не так ли?.. Его в капралы.

Теперь я действительно оказался в полном недоумении.

— Повышение в звании, вашбродь?

— Совершенно верно. Сержант Лыбби рассказал мне, как вы двое взяли на себя руководство вашим отделением во время подготовки... и даже организовали дополнительно тренировки в свободное время. Я и сам видел, как вы приняли на себя командование после... ну, сегодняшнего казуса, и потому, безусловно, одобряю ваше повышение в звании. Именно такие качества — лидерство и инициативность — нужны армии. Поздравляю.

— Спасибо, ваше благородие, — произнес я, будучи не в состоянии придумать, чего еще сказать.

— Ах да... еще одно. Я снимаю ваше отделение с подготовки и отправляю на активную службу. Это всего лишь

гарнizon, но пока у меня нет ничего другого. Я считаю, что оставшийся пробел в обучении ваших товарищей вы с блеском сумеете ликвидировать на службе. Это все... сержант Гвиdo.

Мне потребовалась минута, прежде чем я сообразил, что это ко мне он обращается, называя «сержантом», но только и сумел, что вытянуться по стойке «смирно» и отдать честь, прежде чем повернуться и уйти.

— С вашего разрешения, вашбродь, — услышал я слова сержанта Лыбби, — мне хотелось бы перекинуться парой слов с сержантом Гвиdo, перед тем как он опять присоединится к своему отделению.

Я почти ожидал, что Лыбби, невзирая на сломанную руку, все-таки накинется на меня, коль скоро мы выйдем из палатки, или хотя бы засыплет меня угрозами, что, мол, в следующий раз не попадайся мне больше на глаза и т.п. Но вместо этого он расплылся в улыбке и протянул мне здоровую руку.

— Поздравляю, Гвиdo... извини, я имел в виду сержант Гвиdo, — пожал он мне руку. — Я хотел кое-что сказать тебе по секрету.

— Что именно, сержант?

— Я хотел сказать, что ты был совершенно прав... спрятаться в бою с противником, не убивая его, и впрямь требует большого умения... и я рад, что люди с твоими способностями поступают на службу в нашу армию. Однако вспомни, у нас ведь так мало времени дается на обучение рекрутов... потому мы и сосредоточиваемся на умении убивать. Если же у них на это окажется кишка тонка, они могут решить, будто справляются с обезоруживанием врага, и будут пытаться это делать... а умения такого у них нет, и у нас нет времени обучать их ему, и в результате они кончат тем, что сами погибнут, а мы окажемся во главе слабой, небоеспособной армии. Постарайся помнить об этом, когда будешь работать с группой зеленых новобранцев. Что ж, желаю удачи! Возможно, нам еще доведется как-нибудь опять послужить вместе.

Я настолько был удивлен тем, что сержант оказался славным малым, не говоря уже о том серьезном впечатлении, которое произвели на меня его мысли, что, только очутившись

в своей казарме, до конца осознал весь смысл моего повышения в звании.

И тогда почувствовал себя паршиво. Вся моя карьера опровергала стремление к властным должностям, а теперь вот я оказался связан по рукам и ногам надзирательскими функциями... и на этот раз вовсе не временно. Утешает меня только следующее: а) находясь в более высоком звании, я потенциально могу причинить больше вреда и б) Нунцио тоже придется страдать от бремени дополнительных нашивок.

Немного приободрившись от этих мыслей, я отправился на розыски Нунцио, желая первым сообщить ему плохие новости.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Служить и защищать...

Традиционный девиз
рэкетиров-защитников

Как ни рвемся мы с Нунцио приступить к выполнению нашего задания, то есть, попросту говоря, к деморализации и развалу армии, но все же нас очень беспокоит гарнизонная служба.

Само по себе пребывание в городе даже предпочтительнее. Твикст побольше среднего военного городка, и значит, нам вполне хватит развлечений во внеслужебное время. Однако, с другой стороны, чем крупнее город, тем больше шансов на то, что наше присутствие заметят и доложат о нем Дону Брюсу... что, понятное дело, для нас крайне нежелательно.

Надо сказать, что служба в гарнизоне оказалась невероятно легка, и это раздражало, потому что трудно вызвать возмущение чем-либо у солдат, когда самое худшее, что им грозит, — это скука. Ситуацию я просек с ходу, когда поручил Нунцио устраивать нашу команду, а сам отправился на доклад к командиру гарнизона.

— Наша единственная задача здесь — сохранять военное присутствие... чтобы народ помнил, зачем платит налоги.

Человек, толкавший эту речь, был среднего роста, примерно на голову ниже меня, кудрявый брюнет с шевелюрой, слегка тронутой сединой... что могло бы придать ему достойный вид, если бы он не двигался, словно докер, пытающийся пораньше закончить работу и рвануть на свидание. Он выпаливал как из пушки свои приказы, не отрываясь от бумаг, которые исписывал. Однако я не мог отделаться от мысли, что то, над чем он так усердно трудится, сильно смахивает на стихи... не думаю, чтобы такое занятие было предусмотрено его официальным статусом.

— От вас и ваших парней только и требуется, что патрулировать по несколько часов в день на улицах города, чтобы люди вас видели. В остальное время делайте что хотите.

— Вы имеете в виду, словно полицейские?

Эти слова нечаянно сорвались у меня с языка, но, видимо, в них была слышна нотка ужаса, так как командир оторвался от своего занятия и посмотрел прямо на меня.

— Вовсе нет, — быстро ответил он. — Раньше мы и правда отвечали за патрулирование улиц, но город разросся и обзавелся собственными полицейскими силами, и мы стараемся не посягать на их прерогативы. Они присматривают за гражданами, а военная полиция — за солдатами. Четко и раздельно. Понятно?

— Так точно.

— Но тут возникает один момент, — продолжал командир, снова вернувшись к своим бумажкам. — У нас здесь не поощряются... э... некоторые вольности. Правда, на многое мы смотрим сквозь пальцы, так что не стоит волноваться, если, например, одна из... э... дам станет заигрывать с вами или вашими людьми, но предоставьте им самим проявлять инициативу. И старайтесь не заводить шашней с обычновенными штатскими женщинами. Как бы там ни обернулось дело, это скорей всего не понравится штатским мужчинам, а нам приказано не затевать никаких неприятностей со штатскими. Будьте с ними обходительны... покажите им, что мы обычновенные люди, такие же, как и они. Если вы станете

придерживаться этой линии поведения, то они будут менее склонны верить во всякие дикие рассказы о действиях наших войск на фронте. Все ясно?

Я подумал, что, чего бы я там ни сказал и ни сделал, это не будет иметь никакого значения, так как командир отбара-банил свои инструкции, словно заучил их когда-то наизусть, и почти не отрывался при этом от своей писаницы. Однако я на всякий случай не стал проверять свои догадки.

— Так точно, — отчеканил я. — Никаких вольностей с женщинами... Никаких драк с мужчинами. Все ясно.

— Отлично, возвращайтесь в часть и позаботьтесь, чтобы прибывших разместили как положено. А потом используйте остаток дня для ознакомления с городом. Сюда явитесь завтра утром. Получите задание.

— Слушаюсь. — Я вытянулся и четко отдал ему честь, на что он ответил, даже не поднимая головы.

Я не мог отделаться от мысли, что при инструктаже мне дали в некотором роде от ворот поворот, и поэтому задержался на выходе, чтобы переброситься парой слов с адъютантом командира... решение это, признаться, отчасти было вызвано тем, что она — единственная чувиха, какую я видел в мунди-ре, кроме Оссы, и я уже отчаялся когда-нибудь услышать женский голос. Кроме того, я был старше нее по званию и счел, что теперь самое время моим навыкам поработать *на* меня, а не против.

— Что за дела с командиром? — дружески сказал я, выдав ей одну из своих самых располагающих улыбок.

Однако вместо ответа эта цыпочка тупо смотрела на меня, словно все еще ждала, не скажу ли я еще чего. Крошечная такая штучка, немножко худощавая, и когда она таращилась на меня своими большими глазами, я невольно почувствовал себя немного неуютно... словно под прицелом самки богомола, прикидывающей, следует ли ей меня съесть до или после спаривания.

— Я имею в виду, с чего это он пишет стихи? — добавил я просто для поддержания разговора.

— Куплеты, — ответила она ровным голосом.

— Простите?

— Я сказала «куплеты»... то есть слова для песен. Он любит выступать в местных клубах на вечерах и сам пишет для себя тексты... постоянно.

— И хорошо у него получается?

На это она слегка пожала плечами:

— Полагаю, неплохо... но он не играет на гитаре и поэтому вынужден петь без музыкального сопровождения. Из-за этого его выступление много теряет, особенно после того, как весь вечер слушаешь певцов, исполняющих песни под аккомпанемент инструментов.

Я заметил, что при всей ее внешней незаинтересованности эта цыпочка, похоже, много чего знает о деятельности командира в свободное время... до такой степени, что просиживает целый вечер на концерте певцов-любителей, чтобы дождаться его номера, и это при том, что ей в общем-то не нравится его пение. Из этого я сделал вывод, что в качестве сержанта мне тут вряд ли что светит, и потому настроился на дружелюбный лад.

— Возможно, ему следует попробовать синтезаторы, — сказал я.

— Что попробовать? — моргнула она, внезапно обретая больший интерес к разговору.

— Син... О! Ничего. Мне уже пора. Рад был с вами поболтать.

И с этими словами я спешно отступил, немного раздосадованный на себя. Снова я чуть не попал в беду из-за своего долгого пребывания на Деве. На какую-то секунду я забыл, что на Пенте нет не только синтезаторов, но и электричества, необходимого для их подключения.

— Эй, Гвидо! — прервал мои размышления знакомый голос. — Какие новости?

Я огляделся по сторонам и обнаружил направлявшегося ко мне Нунцио вместе с остальной командой.

— Ничего важного, — пожал плечами я. — До завтра мы даже не выходим на службу. Командир предоставил нам остаток дня на обустройство и знакомство с городом.

— По мне, так неплохо, — воскликнул Хи Слеппень, потирая руки, словно... ну, словно слепень. — А не пойти ли

нам куда-нибудь перекусить... а заодно и облюбовать себе местечко, где хорошо оттянуться в свободное время.

— Как насчет трактира, где подают спагетти, мимо которого мы проходили по дороге сюда? — сказала Осса, мотнув головой в сторону, откуда они пришли.

Я бросил быстрый взгляд на Нунцио, который уже смотрел на меня. Мы одновременно подумали об одном и том же, как это часто случается, когда мы работаем вместе. На этот раз мы оба подумали, что самый лучший способ избежать встречи с кем-либо из Синдиката, это не использовать в качестве опорного пункта заведения, где подают спагетти.

— Э... давайте посмотрим, нельзя ли найти местечко не такое... я имею в виду, поближе, — небрежно предложил я.

— А что, если попробовать прямо здесь? — вступил в разговор Нунцио, подхватывая общее направление моей мысли.

Я посмотрел туда, куда он показывал, и вынужден был признать, что это, вероятно, последнее место, где нас станет искать кто-либо из Синдиката. Вывеска над дверью этого заведения гласила: «СУШИ-БАР И ТОРГОВЛЯ ЖИВЦОМ АБДУЛА».

— Суши? — нахмурился Шу Слеппень. — Это что, вроде как сырья рыба?

— По крайней мере мы знаем, что она свежая. — Майжук показал на вторую часть вывески.

— Да прекратите этот детский сад, — усмехнулась Осса, ткнув Шу в ребра. — Давайте лучше попробуем. Очень вкусно! Пошли.

Ну, я, как и братья Слеппни, что-то не испытывал большого энтузиазма по отношению к этому блюду, но Нунцио уговаривал все же его попробовать. Я хочу сказать, для меня привычна рыба в томатном или еще в каком соусе, поданная с макаронами, но никак не с рисом. Однако, похоже, мне ничего не оставалось, кроме как последовать за Оссой и Нунцио, когда те весело направились в заведение.

— А! Наши доблестные вооруженные силы! — воскликнул хозяин, выскальзывая из сумеречных глубин бара поприветствовать нас. — Милости просим. Нашим молодцам... и дамам... в мундирах мы делаем особую скидку!

— Нельзя ли нам сесть за столик, где посветлее, поближе к окну? — обратился к хозяину, при этом подмигивая мне, Нунцио. Я угадал, что у него на уме, и обыкновенно одобрил бы его затею. Однако этот хозяин вызвал у меня ощущение легкого беспокойства. Несмотря на его зубастую улыбку, я не сомневался, что он способен определить с точностью до мелкой монетки количество денег в карманах всей нашей команды... и наверняка прикинул, сколько их он сможет извлечь прежде, чем мы вырвемся на волю. Короче говоря, я не ощущал себя под таким мощным прицелом купца с тех самых пор, как мы покинули Базар-на-Деве.

Несмотря на растущий дискомфорт, я присоединился ко всем, и хозяин проводил нас к столику у окна. Все заказали себе выпивку, а потом сосредоточенно погрузились в изучение меню, прибегая к услугам Оссы и Майжука в качестве переводчиков... то есть все, за исключением Нунцио.

Полностью игнорируя меню, мой кузен рылся в поясной сумке.

— Пока мы здесь, не хочет ли кто сыграть по-быстрому пару партий в драконий покер? — невинно предложил он, извлекая из сумки колоду карт и потрепанную книгу с загнутыми уголками страниц.

Заслышиав это предложение, вся команда дружно застонала, подтверждая знакомство с этой игрой, что неудивительно, поскольку именно мы с Нунцио и взяли на себя нелегкий труд обучить их. Однако, несмотря на показное нежелание, я заметил вокруг стола легкое оживление и откуда ни возьмись взявшиеся деньги, что определенно свидетельствует о засасывающем характере данного занятия. Могу сказать по собственному опыту, что ничто не сравнится с ощущением, испытываемым, когда видишь, как набранный тобой в удачной партии банк исчезает в чьей-то стопке фишек из-за какого-то неведомого условного модификатора. И это наглядно убеждает новоиспеченного игрока, что в его интересах узнать побольше об этой игре, если он хочет вернуть хоть какую-то часть своих денег, не говоря уже о том, чтобы остаться в выигрыше. То есть первый раз в драконий покер играют ради забавы, а все остальные — ради мести.

— Ладно... есть заход! — сказал Нунцио, быстро перетасовав карты, и предложил снять колоду.

— Не так быстро, кузен, — возразил я, извлекая собственный экземпляр правил игры. — Давай сперва определим, какие сейчас действуют условные модификаторы.

— К чему это? — поморщился Шу Слеппень. — Все равно они каждый день меняются.

— Каждый день? Ты хочешь сказать, каждый час! — подхватил реплику брата Хи.

— Как бы там ни было, — пожала плечами Осса, — сдавай, Нунцио. А о разных тонкостях нас может уведомить и Бой.

Для тех из вас, кто незнаком с драконьим покером, могу сообщить: это очень популярное средство перераспределения богатства во многих измерениях. Что-то вроде обычного покера, но из девяти карт с шестью картами на руках... если вы не против того, чтобы вам вышибли в финансовом смысле мозги. Видите ли, помимо обычных правил карточной игры, в драконьем покере есть еще и условные модификаторы, способные изменить ценность карты или сдачи в зависимости от измерения, часа, числа игроков, места за столом или любого из множества других факторов, что и делает драконий покер самой трудной и запутанной игрой в карты во всех измерениях.

Мы с Нунцио увлеклись этой игрой, когда всей командой пытались обучить ее правилам босса для матча с Малышом Мятный Заход. На самом-то деле она не такая уж и трудная... при условии, что у тебя есть экземпляр правил, приложимых к тому измерению, где ты в данный момент находишься. (Уж конечно, босс во время того памятного матча не мог пользоваться книгой, так как считалось, что он и без того мастер высокого класса.) Прежде чем отправиться с Базара на нынешнюю операцию, мы с Нунцио включили в свой багаж по экземпляру книги правил для Пента (нашего родного измерения, куда, собственно, нас и отправили), сочтя это необходимой частью подготовки к вылазке. Если вам кажется покупка двух экземпляров книги правил ненужным расходом, то позвольте дать вам бесплатный совет насчет

игры в драконий покер: наилучшая для вас защита за столом — собственный экземпляр правил. Видите ли, одно из постоянных правил игры в драконий покер заключается в индивидуальной ответственности игроков за знание условных модификаторов. Попросту говоря, это означает, что если ты сам не знаешь какого-то модификатора, превращающего твою никчемную сдачу в выигрышную, то никто не обязан просвещать тебя на этот счет. Такова традиция игры, и это не имеет никакого отношения к честности тех, кто в нее играет. Просто таким образом с игрока снимаются обвинения в намеренном, чтобы выиграть партию, утаивании информации. Если кто-то проглядел какой-то модификатор среди множества других, действующих в данное время, то пусть пеняет на себя. Короче говоря, я мог сколько угодно доверять Нунцио прикрывать меня с тыла в драке, но там, где играют в драконий покер, разумней всего не рассчитывать на его заботу. Посему я считаю приобретение собственного экземпляра книги правил необходимым расходом, а вовсе не роскошью или там удобством.

— Давай-ка посмотрим, — произнес я, листая книгу, — солнце скрылось... и мы играем в помещении...

— ...и у нас нечетное число игроков... — подсказала Осса, демонстрируя, что она улавливает суть модифицирующих факторов.

— ...и один из них женского пола... в какой-то мере... — добавил Майжук, подмигнув Оссе.

— Извините, что задержался с выпивкой, друзья мои, — объявил о своем появлении у столика хозяин, неся поднос с напитками. — Итак, кто зака... ЭЙ! ЧТО ЭТО????!!

Я решил, что, наверное, местные власти запретили в городе азартные игры... иначе с чего бы так внезапно расстроился хозяин.

— Это? — невинно ответил я. — О, мы здесь просто затяли небольшую дружескую игру в карты. Не беспокойтесь, для счета очков мы используем только монеты и...

— Не морочьте мне голову! — зарычал хозяин, вмиг растеряв всю свою недавнюю приторную любезность. — Вы играете в драконий покер! А в эту игру играют только...

Он вдруг резко оборвал фразу и начал поочередно с подозрением разглядывать каждого из нас.

— Ладно, который из вас демон? Или что, вы все демоны? Не важно! Я хочу, чтобы вы все убрались отсюда... СЕЙЧАС ЖЕ!!!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Рыбак рыбака видит издалека!

Джек Потрошитель

Поведение хозяина, мягко говоря, озадачило, а вообще-то просто привело в шок сидящих за нашим столиком, это как если бы Дон Брюс вдруг получил приглашение выступить с речью на банкете полицейских и мы бы наблюдали реакцию на это изумленной публики. К несчастью, всем не терпелось разобраться в случившемся.

— Что он подразумевает под словом «демон»? — возмутилась Осса.

Я начал было отвечать ей, потому что уже давно работал с боссом и знал, что демон — это общепринятое сокращенное название демонстратора измерений, — но вокруг все шумели и невозможно было сосредоточиться.

— Нас выставили? — испуганно произнес Трутень, взглядавшийся в удаляющуюся фигуру.

— А что плохого в драконьем покере? — вставил Шу Слеппень.

— Ничего, — ответил я ему. — Видишь ли, Осса...

— Тогда с чего это ему шлея под хвост попала? — не отставал Шу, начиная действовать мне на нервы.

К счастью, в ходе военной подготовки я открыл способ заткнуть рот этому типу, если уж совсем будет невмоготу.

— Шу Слеппень, — отрезал я, — не беспокой меня.

Фраза эта уснила уже стать старой шуткой, но все равно вызвала смех... что неудивительно, если учесть, какое огромное количество якобы новых армейских шуток базируется на старых анекдотах.

— Поосторожней, братец, — сказал Хи Слеппень. — Бой снова высматривает, какую бы муху прихлопнуть... и может невзначай шлепнуть и слепня.

Под прикрытием нового взрыва смеха Нунцио нагнулся вперед, чтобы потолковать со мной напрямую.

— Ты думаешь о том же, о чем и я, кузен?

— Это, полагаю, зависит от того, о чем именно ты думаешь, Нунцио, — резонно заметил я. — Если о том, как приукрасить нашу лопнувшую легенду, то мы и в самом деле думаем об одном и том же.

К моему удивлению, вместо того чтобы согласиться, он закатил глаза, словно я упустил что-то совершенно для него очевидное.

— Подумай как следует, Гвидо, — рассуждал он. — Хозяин бара решил, что мы из иного измерения потому, что знакомы с драконьим покером... верно?

— Да. И что же?

— А то, сам-то он откуда с ним знаком?

В этом вопросе, на мой взгляд, было столько же смысла, сколько в гадании, откуда легавый знает о том или ином постановлении муниципалитета... то есть я хочу сказать, что какая разница.

— Не знаю. Полагаю, кто-то показал ему. Ну и что с того?

По какой-то причине это, похоже, расстроило Нунцио еще больше.

— Гвидо, — процедил он сквозь зубы, — иногда я гадаю, не много ли тебя били по голове... хоп! Он возвращается. Надо спешить... Трутень?

— Да, Нунцио? — отозвался наш юный маг, удивленно моргая оттого, что его внезапно подключили к беседе.

— Приготовь свое заклинание «Развей», и когда я кивну тебе... швырни его в хозяина.

— В хозяина? Зачем?

— Трутень... просто *сделай* это. Ладно? — вмешался я, усвоив по опыту, что дольше прослушивания одной из лекций Нунцио может быть только попытка добиться от него прямого ответа, когда он пытается заставить тебя самого дойти до сути.

Трутень начал было что-то говорить, но потом заткнулся, пожал плечами и начал что-то бубнить и бормотать, как всегда, когда готовится применить магию.

Другие за столиком выжидающе смотрели на Нунцио, но тот лишь с уверенным и самодовольным видом откинулся на спинку стула. Я, конечно, сделал то же самое, хотя, как и все, понятия не имел, что он там задумал. Видите ли, прошлый опыт научил меня, что, когда ты в полном тумане, прикидываться уверенным лучше всего, но лишь покуда никто не догадывается о реальном положении вещей.

— Вы еще здесь? — вопросил хозяин, снова материализуясь около нашего столика. — Я не желаю десять раз повторять вам одно и то же! Убирайтесь сейчас же, пока я не позвал полицейских!

— Не думаю, — говорит, разглядывая потолок, Нунцио.

— ЧТО??!

— Я тут размышлял, что нам, возможно, захочется сделать ваше заведение нашим вторым домом... если вы понимаете, что я имею в виду.

— Вот как?! Думаете, раз вы военные, то можете делать все, что вам вздумается, да? Ну, так позволь мне тебе кое-что сообщить, солдатик. Я, между прочим, честный налогоплательщик, и у меня хорошие отношения с властями, а демонов в этих краях не слишком жалуют, независимо от того, солдаты они или нет. Фактически я не могу придумать ни одной веской причины, почему бы мне тотчас же не вызвать полицию и с ее помощью не вышвырнуть вас всех отсюда!

— А я могу, — улыбнулся Нунцио и кивнул Трутню.

По этому сигналу Трутень расправил плечи, поджал губы, выпустил в цель свое заклинание «Развей» и...

— Что за...

— БОЖЕ МОЙ!!!

— Гляди-ка...

Всплеск удивления и недоверия со стороны нашей команды объяснялся тем, что за все проведенное с ребятами время мы с Нунцио как-то не удосужились подготовить их к восприятию концепции демонов... а как раз с этим они внезапно и столкнулись. В общем, как только Трутень завершил свое

заклинание, в воздухе вокруг хозяина возникла рябь, и вместе скользкого местного типа он теперь выглядел точь-в-точь как...

— Девол! — воскликнул я, стараясь скрыть собственное удивление.

На самом-то деле я был здорово раздосадован на себя за то, что сам не вычислил этого. Я хочу сказать, ведь как бы там он ни выглядел, но вел-то он себя с самого начала как девол.

Однако реакция на это открытие нашей команды не шла ни в какое сравнение с реакцией хозяина.

— ЧТО ВЫ НАДЕЛАЛИ?!? — завизжал он, отчаянно озираясь по сторонам, но в заведении, кроме нас, никого не было. — СМЕРТИ МОЕЙ ХОТИТЕ???

И с этими словами он смылся, предоставив нам с Нунцио разбираться с замешательством, вызванным удалением его личины.

— ЭТО БЫЛ ДЬЯВОЛ!!!

Я не уловил, кто именно сие изрек, так как стоял к говорившему спиной, а идентифицировать придушенный, булькающий со страха голос — задача не из легких. Тем не менее я ответил:

— Знаю. Именно так я прежде и сказал.

— Нет, ты сказал, что он да-вил, — нахмурился Майжук.

— Какая разница? — пожал плечами я.

— Послушайте. — Осса подняла руку, прося остальных умолкнуть. — Вы, ребята, намерены объяснить нам, что здесь все-таки происходит?

— Гвидо, — сказал Нунцио, мотнув головой в сторону, куда удалился хозяин. — Почему бы тебе не сходить и не переговорить с хозяином, пока он не слишком оправился от нашего маленького сюрприза, а я тем временем попытаюсь объяснить нашим коллегам суть дела.

Меня это вполне устраивало, так как я не разделяю любви кузена к длинным и путанным объяснениям и только рад избавиться от утомительного выслушивания его разглагольствований. К тому же не так уж часто выпадает шанс прищучить девола, а поскольку в тех немногих случаях, когда это удава-

лось в моем присутствии, главными действующими лицами были поважнее меня киты из Корпорации М.И.Ф., и теперь я с готовностью решил воспользоваться редкой возможностью продемонстрировать собственные таланты в ведении переговоров. Конечно, я понимал, что единственным свидетелем знаменательного события будет тот самый тип, которого я зажму в тиски, и он вряд ли оценит мое изящество. Однако проведение блестящих операций в отсутствие свидетелей, к сожалению, свойственно избранной мной профессии, и я давным-давно с этим смирился... впрочем, я мог бы стать очень известным преступником, но тогда мне следовало бы заняться политикой.

Хозяин исчез, словно домашний при звуке колокольчика, но я вскоре обнаружил его в небольшом кабинете за баром. Он держал в руках круглую коробочку с зеркальцем в крышке, какими пользуются девахи, проверяя свой макияж, только вместо пудры и теней у него там было встроено что-то вроде пары циферблатов. Глядя в зеркальце, он чуть их подкручивал... и прежняя его личина постепенно снова сфокусировалась, из чего я заключил, что это какое-то магическое устройство. Если вам показалось, что я мог бы и побыстрее прийти к такому выводу, то вы явно недооценили скорость моего мышления. Я должен был проанализировать все детали, прикинуть, а не пригодится ли такое устройство и мне самому... или лучше обзавестись по случаю другим приборчиком, или все же сделать объектом переговоров этот.

Хитрая штуковина явно действует и как обычное зеркало, потому что хозяин бара висзапни поменял угол, под которым держал его, так что мы увидели в стекле друг друга, прежде чем он резко захлопнул свою коробочку и повернулся лицом ко мне.

— Что тебе еще от меня надо?! — зарычал он. — Разве тебе мало того, что ты уже со мной сделал?

Я даже не утрудил себя попыткой уточнить, что чары его личины снял не я, так как за время проживания на Деве хорошо усвоил, что не занятые торговлей деволы — а заняты они ею, к счастью, почти всегда — обычно крайне неприятны

и даже тупы до того, что пытаются спорить с элементарной логикой и не признают очевидного. Однако на очень разумные доводы они все же откликаются.

— Я пришел с миром, — сказал я, — хочу достичь справедливого разрешения наших разногласий.

В ответ на это девол просто издал неприличный звук, который я великодушно проигнорировал и продолжал:

— Я бы посоветовал вам встретить с пониманием наше предложение о мире... я хочу сказать, что продолжение вражды между нами с неизбежностью закончится разгромом этого вашего прекрасного заведения...

— Что? Мое заведение? — заморгал хозяин бара, и рот у него открывался и закрывался, словно у вытащенной из воды рыбы.

— ...а также уведомлением властей, которым вы так невежливо угрожали, и всех прочих в городе, кто захочет слушать, о том, что вы девол. Поняли мою мысль?

Вот теперь я взял этого карася за жабры, и мы оба это поняли. И все же он собрался с силами, словно шатающийся от каскада ударов чемпион по боксу, дерущийся больше из доблести и по привычке, чем в надежде победить.

— Вы не можете этого сделать! — воскликнул он, силясь превратить свое бессвязное лопотание в нечто вразумительное. — Если вы сдадите меня как демона, то я вас тоже изобличу! И тогда нас всех убьют или по меньшей мере выгонят из города.

— Вы проглядели одну важную разницу в наших обстоятельствах, — ухмыльнулся я. — Я хоть и признаю, что мы с моим кузеном немного попутешествовали по измерениям, но волей случая измерение Пент является нашей родной территорией. Внешность, которую вы видите, вполне истинная, а вовсе не личина, и поэтому любую попытку обвинить нас в том, что мы из иного измерения, доказать будет трудновато, так как мы местные. Вы же, лишившись личины, столкнетесь тут с немалыми трудностями — я не представляю, как вы убедите присяжных или толпу линчевателей, что вы из здешних.

Я думал, что уж это-то положит конец всякому сопротивлению со стороны хозяина бара, но тот вдруг выпрямился и нахмурился, и глаза у него зло засияли.

— Так вы из этого измерения? А не знаете ли, случайно, одного местного мага и демона по имени Скив?

Я всегда говорил, что достиг нынешнего своего возраста и положения не потому, что впадал в панику в критических ситуациях или резал без всякой необходимости правду-матку. Ясно, что этот девол почему-то имеет зуб на босса, и поэтому я в дальнейшем разговоре придерживался полуправды, дабы избежать в случае чего обвинения в даче ложных показаний, и, разумеется, не стал признаваться в своих *действительных* отношениях с названной личностью.

— Скив? — драматически, как на сцене, наморщил я лоб. — Думается, я слышал это имя, когда работал на Базаре, но это было уже давно.

— Очень жаль, — буркнул почти про себя девол. — У меня к этому пентюху должок. Я провел по его милости пару лет в качестве статуи под тучей голубей. Фактически я бы и до сих пор там стоял, если бы не... но это уже другая история, если вы наслышаны, что я имею в виду.

Конечно, благодаря работе с боссом я *точно* знал, что он имел в виду... эта повесть о его спасении достойна отдельной книги и могла бы стать бестселлером. Но я пока предпочел не выдавать своей осведомленности и потому просто решил сменить тему.

— Да, разумеется. Кстати, коль речь зашла об именах, вас-то, собственно, как зовут? Я имею в виду ваше настоящее имя, а не кликуху Абдул.

— Что? О! Фрумпель... или так, во всяком случае, меня звали, когда я был желанным гостем в своем родном измерении, на Деве.

Имя это показалось мне почему-то знакомым, но я решил, что хорошенъского понемножку, и перешел к непосредственно волнующей нас теме.

— Ну а меня звать Гвида, а моего кузена, что разговаривал с вами за столом, — Нунцио... и, по-моему, мы обсуждали условия нашего мирного сосуществования?

Фрумпель чуть склонил голову набок, пристально меня изучая.

— Знаете, — сказал он, — вы говорите, словно сотрудник Синдиката. Теперь, когда я подумал об этом, мне смутно вспоминается что-то про попытку Синдиката проникнуть на Базар.

— Да? И что же?

— А то, что я уже вношу Синдикату ежегодную плату за защиту и не понимаю, с какой стати должен терпеть лишнее?

Информация о том, что Синдикат действует в этих краях, вызвала у меня, мягко говоря, беспокойство, но мне удалось не высказать ни удивления, ни нервозности.

— В самом деле? — произнес я. — А скажите-ка, местный торговый представитель Синдиката знает, что вы девол?

— Ладно-ладно! Довод уловил, — поднял руку Фрумпель. — Что вы хотите за сохранение в тайне этих сведений?

— Ну, поскольку мы собирались сделать это заведение на время нашей базой, то, думаю, сможем в порядке вежливости сохранить ваш секрет.

— В самом деле?

— Разумеется, — улыбнулся я. — Конечно, нам было бы приятно, если бы вы распространяли свое гостеприимство на нас и наших друзей... тоже в порядке вежливости.

— Понятно, — растянул он губы в кривую линию. — Ладно, полагаю, у меня нет большого выбора. Дешевле будет ставить вам бесплатно выпивку, чем переселяться и начинать все с нуля. Итак, за мой бесплатная выпивка и, возможно, иногда закуска. Но комнаты наверху отпадают. Если я начну сдавать их вам задаром, то в любом случае вылечу в трубу. Только благодаря им это заведение и держится на плаву.

— Комнаты?

— Да. У меня наверху несколько комнат, которые я сдаю клиентам на почасовой основе, чтобы они могли, так сказать... уединиться с приятными им людьми. Видите ли, по вечерам тут становится весьма оживленно. Мой бар считается одним из самых популярных в городе.

— Вы хотите сказать, что по вечерам у вас здесь работают девахи?

— Конечно, нет! Бывающие здесь женщины имеют постоянную высокооплачиваемую работу, им и во сне не приснится взимать с кого-то плату за удовольствие пообщаться с ними.

— Значит, клиенты платят вам за комнаты, а не за девах, — заключил я. — На мой взгляд, прекрасный порядок.

— Прекрасный — слишком сильно сказано, — поспешно поправил меня Фрумпель. — Однако аренду оплачивать пока позволяет.

— Ладно. Думаю, мы сможем довольствоваться выпивкой и закуской, — пожал плечами я. — Пошли в бар, Фрумпель, и я позволю вам поставить мне выпивку в знак скрепления нашего соглашения.

— Ах, как вы добры, — пробурчал девол, но последовал за мной из кабинета.

— Думаю, шампанское для этого случая подойдет, не так ли? — сказал я. — Белое шампанское.

— Белое шампанское?

— Конечно, — улыбнулся я, радуясь слушаю щегольнуть знаниями и культурой. — Ведь здесь же суши-бар, верно? Думаете, я не знаю, какое шампанское идет к рыбе?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Манеры приобретаются, а не наследуются!

Ш. Пенн

После заключения соглашения с Фрумпелем наши дела какое-то время идут весьма неплохо. Сокращение расходов на выпивку в свободное время — просто находка при скучном нашем армейском жалованье, и девол, безусловно, говорил правду, утверждая, что его суши-бар — настоящая страна счастливой охоты на девах. Конечно, «девахи» — не самое подходящее название для того типа женщин, которые постоянно посещают по вечерам облюбованное нами заведе-

ние. Это не обычные пустоглазые вертихвостки, с какими мы привыкли иметь дело, а классные, модные чувихи, знающие себе цену; обыкновенно они и смотреть бы не стали на таких болванов, как мы. Похоже, однако, что мы вторглись в святая святых этих особ, а они, поскольку держались достаточно широких взглядов, могли себе позволить всерьез рассматривать в своих соображениях и наши кандидатуры. Я хоть и не берусь рассуждать, из какого типа женщин получаются лучшие спутницы жизни, но могу привести доводы в пользу и тех, и других... хотя отнюдь не все эти доводы будут лестными.

Все удовольствие в нашей «бочке меда» портили только две ложки дегтя, и здесь я подразумеваю вовсе не братьев Слепней. Во-первых, над нами постоянно висела опасность напороться на кого-то из Синдиката, так как замечания Фрумпеля подтвердили наши подозрения о его здесь присутствии. Во-вторых, весело проводить время нам мешала досадная необходимость выполнять задание. Естественно, мы с Нунцио много беседовали на эту тему.

— Беда в том, что мы не можем по-настоящему хорошо работать над развалом армии, не бывая в городе и не зная его, — заявил я во время одной такой беседы, — а если мы будем шляться по городу, то возрастет опасность наткнуться на кого-то из Синдиката!

— Тогда надо прикинуть, что можно наворотить прямо отсюда, — сказал мой кузен. — Если хорошенко поразмыслять, тут очень даже хорошая обстановка для этого... то есть для создания неприятностей. У большинства этих женщин дома есть мужья, и даже те, которые не занимают высокого положения в обществе, все равно достаточно влиятельны, и если дело дойдет до ссоры, то местные власти вынуждены будут встать не на нашу сторону.

— Почему ты это говоришь? Почему, по-твоему, скандал с этими девахами должен вызвать больше шума, чем то же с любыми другими?

Вместо того чтобы сразу ответить, Нунцио откинулся на спинку стула и несколько минут с подозрением смотрел на меня.

— Гвидо, — сказал он наконец. — Ты пытаешься быть глупцом, просто чтобы вывести меня из себя?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, ты же сам говорил, как к этому относится наш командир. С девахами, мол, можно много чего себе позволить, но респектабельных женщин лучше не трогать. И вот теперь, когда я пытаюсь разработать курс наших действий, ты ведешь себя так, словно с луны свалился.

— Просто я не сторонник классовых предрассудков и фанатизма, — изрек я. — И я вовсе не считаю, что респектабельность женщины зависит от ее финансового положения и образования. Разве не лучше было бы, если бы все обстояло совсем наоборот? Я хочу сказать, если бы респектабельность женщины определяла ее место на финансовой лестнице?

— С этим есть парочка затруднений, — вздохнул Нунцио. — Прежде всего тот же несправедливый стандарт применяется и по отношению к мужчинам... и значит, это относится ко всем, а не только к женщинам. Те, что богаты и образованы, всегда считаются более респектабельными... хотя бы по той причине, что обладают большей властью и платят больше налогов.

— Это верно, — задумчиво кивнул я.

— А второе затруднение состоит в том, что это совершенно не относится к обсуждаемой нами теме... то есть к тому, как вызвать развал армии.

— Да?

— И что еще важнее, всякий раз, когда ты пытаешься завязать со мной философскую дискуссию, это следует понимать как верный признак того, что ты намеренно стараешься отвлечь мое внимание... так как обыкновенно шарахаешься от таких разговоров, как от повестки в суд.

Когда он умолк, я ничего не ответил, потому что он, похоже, взял меня за жабры. Я ведь и впрямь пытался смешить тему.

— Все эти твои фокусы и неуклюжие попытки затеять философскую дискуссию приводят меня к убеждению, что ты

почему-то удивляешь и не желаешь приступить к выполнению нашего задания. Я прав?

Я избегал встречаться с ним взглядом и неопределенно пожал плечами.

— Брось, кузен, лучше скажи мне вот что, — заявил Нунцио. — Тебе действительно настолько приятно играть в солдатики, что ты хотел бы продлить этот опыт?

— Это не только глупо, но и оскорбительно! — возмутился я, стараясь скрыть смущение, вызванное тем, что меня поймали.

— Тогда в чем дело?.. Если ты, конечно, не против такого вопроса?

— Ну... откровенно говоря, Нунцио, я чувствую себя как-то не так, заваривая здесь кашу, ведь именно я обещал Фрумпелю не причинять ему неприятностей.

Нунцио откинул голову назад и разразился лающим смехом... что мне лично кажется сомнительным способом сочувствия.

— Слушай, правильно ли я тебя понял, — наконец произнес он. — Ты беспокоишься из-за честности сделки с деволом?

— Можешь смеяться на здоровье, — ответил я. — Хотя я бы на твоем месте так не делал. Позволь только тебе напомнить, что, хотя деволы и славятся умением много запрашивать, верно также и то, что коль скоро сделка заключена, они с равным усердием придерживаются буквы соглашения. А раз так, то я думаю, что, отказавшись соблюдать свою часть соглашения, я ставлю себя в положение человека, заслуживающего даже меньшего доверия, чем девол... мне просто не хочется примерить это на себя.

— Ладно... давай изучим букву вашего соглашения, — пожал плечами Нунцио. — Вы договорились вот о чем: что мы не станем ни громить его заведение, ни раскрывать то, что он девол. Правильно?

— Ну... да.

— Так вот, ни то, ни другое из этих условий не нарушится, если мы направим свое внимание на красоток, вздумав-

ших сделать это заведение местом своих сборищ после работы... даже если наше внимание покажется им чересчур навязчивым.

— Да... но разве тебе не кажется, что такая деятельность нарушит по крайней мере дух нашего соглашения, под которым я подразумеваю то, что мы не должны причинять неприятностей хозяину?

— Как раз эту часть твоего дискомфорта я и нахожу наиболее забавной, — сказал с бесившей меня усмешкой Нунцио. — Смотри, деволы зарабатывают себе на жизнь и создали себе репутацию, опираясь скорее на букву, чем на дух своих соглашений, и мне странно, что ты по отношению к ним не хочешь руководствоваться той же этикой, какой они придерживаются, имея дело с другими.

Несколько минут я обдумывал это, а потом сделал глубокий вдох и шумно выдохнул.

— Знаешь, кузен, — сказал я. — Ты, наверное, прав. Я имею в виду, когда ты прав, то уж прав... понимаешь мою мысль?

— Да, — нахмурился Нунцио, что само по себе меня немного встревожило.

— Что ж... когда, по-твоему, нам следует начать?

— Ну... как насчет прямо сейчас?

Хотя кузен и убедил меня, что, запустив свою кампанию, мы останемся в границах этичного поведения, такой ускоренный график захватил меня врасплох.

— Прости?

— Я сказал, как насчет того, чтобы начать прямо сейчас. Когда представляется удобный случай, им надо пользоваться... а одна юная дама у стойки последние семь минут не сводит с тебя глаз.

Я украдкой поглядел в ту сторону, куда смотрел он, и все верно... одна из тех классных девах, о которых я говорил, да еще и блондинка, сидела на высоком табурете у стойки и пристально смотрела прямо на меня. Это точно, потому что — хотя мне какую-то минуту думалось, что она глядела на кого-то другого, — как только наши взгляды встретились, она явно подмигнула мне и улыбнулась.

— Нунцио, — сказал я, нагибая голову и отворачиваясь от нее. — Я забыл упомянуть тебе еще об одном затруднении.

— Каком именно?

— Ну, возможно, мои манеры общения с женщинами и не такие изысканные, но кое-чем я все же могу похвастаться. Короче, с женщинами я обычно веду себя безупречно, и поэтому мысль нахамить им так, что они вынуждены будут позвать на помощь, меня не радует. Тем более что речь идет не о тех обычновенных девахах, с какими я привык иметь дело. В общем, я не знаю, как подступиться к здешним шикарным дамам. Не уверен, что смогу даже завязать разговор с одной из них, не говоря уже о том, чтобы набраться смелости для запланированной агрессии.

— Ну, думаю, завязать разговор будет совсем нетрудно, — заявил Нунцио.

— Это почему же?

— Потому что твоя дама уже направляется к нашему столику.

Удивленный, я резко повернул голову и... едва не ткнулся носом в декольте этой девахи, так как она оказалась намного ближе к нашему столику, чем можно было судить по реплике Нунцио.

— О... Извините! — сказал я, но тут же подумал, что начинать с оправданий — не очень здорово.

— Нет проблем, — прощебетала она. — Девушке нравится внимание. Вы не против, если я к вам присоединюсь?

Было что-то знакомое в том, как она улыбалась, говоря это, или по крайней мере что-то решительно *недамское*. Однако прежде чем я успел как-то обдумать это, инициативу захватил Нунцио.

— Конечно. Присаживайтесь, пожалуйста, на мое место... все равно я как раз собирался уходить. До скорого, Гвидо... и помни, о чем мы говорили.

С этими словами он недвусмысленно подмигнул мне и удалился, оставляя меня наедине с чувихой... которая, не теряя времени даром, располагает свой пышный зад на столь любезно освобожденном кузеном стуле.

— Так... Я вас здесь раньше не видела.

— Что?

Я был настолько занят мыслями о том, что сделаю с Нунцио в уплату за эту «любезность», что чуть не прозевал начальный гамбит девахи.

— А. Да, мы прибыли в город только на этой неделе. Хотя, похоже, тут будет главное место наших встреч.

— Вот здорово! Это одна из моих любимых точек. Хотя сегодня я тут впервые за неделю. Девушкам, знаете ли, приходится везде бывать, чтобы быть в курсе всего происходящего в городе... вроде вот прибытия новых солдат.

Конечно, я робел перед этими высококлассными чувихами, но говорить с моей новой знакомой оказалось совсем легко... словно я знал ее не первый год. И что еще важнее, она определенно была недурна собой, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Послушайте, — обратился я к ней, — не могу ли я предложить вам что-нибудь выпить? Может, бокальчик вина?

— Бурбон. Со льдом. Неразбавленный.

— Как-как?

Я хочу сказать, дело не в том, что она пьет пойло покрепче, чем я ожидал, а в том, как она это отбарабанила. Я решил, что у цыпочки сегодня не первый заход в бар... да она вроде и сама только что сказала мне об этом.

— А не лучше ли нам, — предложила она, — направиться куда-нибудь в другое место?

Это круто. Заведение Абдула единственное, куда я показалась наведывался.

— М-гм-м-м, — промычал я, быстро соображая. — Я слышал о каком-то заведении неподалеку отсюда, там сцена открыта для выступлений всех желающих.

Уверяю вас, я вовсе не горел желанием вести эту чувиху туда, где мог наткнуться на своего командира, но прикинул, что на нее должна произвести впечатление моя готовность с ходу гульнуть как следует.

— Я думала о чем-то вроде комнаты наверху, — шепнула она, нагибаясь вперед и соблазнительно мне улыбаясь.

Я слегка был шокирован развязностью этого предложения, хотя вряд ли мне следовало удивляться. Когда такая классная бабенка подваливает в баре к малому вроде меня, ее обычно интересует отнюдь не остроумный разговор... что, впрочем, и к лучшему*.

Как я говорил, прежде чем меня так грубо перебили, я оказался в некоторой растерянности и не знал, как реагировать на такой поворот событий.

— Прямо сейчас? — спросил я. — Разве вы не хотите сперва немножко поболтать?

— А в чем дело? Разве я тебе не нравлюсь? — чуточку надулась она. — Мне что, идти со своим товаром в другое место?

— С товаром?

— Полегче, — отрезала она ровным и напряженным тоном. — Это фигура речи.

— О.

Услышав это, я испытал огромное облегчение. Единственное, что угнетает чувствительного парня вроде меня, так это

* Некоторые из тех, кому я дал на пробу почитать эту рукопись, привлекли мое внимание к тому, что идеи, высказанные в этой главе и в следующей непосредственно за ней, отличаются сменой тона по сравнению с обычно присущим серии «Мифические истории». В связи с этим, боюсь, мне придется все же познакомить читателей с тем ужасающим фактором, что на свете и в самом деле есть некоторые странные, испорченные, извращенные личности, которые подваливают в барах к лицам противоположного пола с единственной целью приятно поговорить! Мне думается, я волен назвать их таковыми в этой книге, поскольку всем хорошо известно, что такие исключительные личности ничего не читают, и, значит, я застрахован от преследования в судебном порядке. И, между прочим, именно по этой причине вопрос «Что интересненько-го ты прочел в последнее время?» стал таким популярным способом выявлять, с кем разговаривать, а с кем нет при таких обстоятельствах. Предоставляю вам самим решить, как отвечать, если этот вопрос когда-нибудь адресуют вам. А пока вернемся к рассказу... — Р.Л.А.

то, когда женщину интересует в нем не душа и даже не тело, а лишь его бумажник.

— Ну? — выжидающе вскинула она бровь.

Возможно, я немного и туповат по части улавливания подаваемых чужих сигналов, но никто не посмеет упрекнуть меня в медлительности, когда наконец сообщение доходит до моего сознания. Несколько секунд спустя я уже, раздобыв у Фрумпеля ключ от комнаты, вел прелестное создание вверх по узкой лестнице... ну, на самом-то деле следовал за ней я, чтобы по обыкновению насладиться превосходным обзором ее покачивающихся бедер. Что делать, это все еще остается для меня одним из самых прекрасных и гипнотических зрелищ в любом измерении.

Демонстрируя недюжинное самообладание, я сумел не возиться с ключом, пока отпирал дверь, и даже отошел в сторону, пропуская даму вперед.

Она, само собой, мигом выудила пудреницу с зеркальцем и принялась проверять свою косметику, в то время как я даже не успел запереть за нами дверь.

— Итак, — небрежно бросил я через плечо. — Чего бы ты хотела для начала?

Если быть совсем откровенным, меня тогда совершенно не интересовало затевание скандала. Я только благодарил звезды за то, что такая роскошная чужих соблаговолила обратить внимание на хмыря вроде меня, и надеялся приступить к делу, прежде чем она передумает.

— Ну, — сказала она. — Можешь начать с информации о том, как шли дела у вас с Нунцио.

Какой-то миг я ничего не понимал, но когда наконец до меня дошло, я уже знал, что сказать.

— Что-что? — произнес я, стремительно обернувшись.

Чувихи, с которой я поднялся наверх, нигде не было видно. Вместо нее в комнате со мной находилась другая особа. С зелеными волосами и...

— Привет, Гвидо! — воскликнула она. — Отличная личина, а?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Итак, вот мой план!

Р. Бернс

-Тананда? Это ты?

Мое удивление было вызвано не тем, что я не догадался, кто это весь вечер выуживал у меня выпивку... хотя я и не догадался. Скорее я был поражен ее внешностью, которая претерпела существенные изменения с тех пор, как мы расстались в начале этого задания.

Обыкновенно Тананда являет собой эффектную чувиху с впечатляющей гривой зеленых волос. И хотя она никогда не выглядела очень уж утонченной или одетой с иголочки, как это по вкусу большинству ошивающихся в суши-баре чувих, но я достаточно сведущ в женских тайнах, чтобы судить, какого труда Тананде стоили эти ее якобы небрежно разевающиеся на ветру космы. А сохранять такую прическу наверняка еще труднее, чем обычную, не говоря уже о том, чтобы с ней свыкнуться. Все это означает, что Тананда обычно очень привлекательна и заботится о своей внешности.

Однако теперь я лицезрел особу, выглядевшую так, словно она стала жертвой несчастного случая. Волосы на одной стороне головы почти отсутствовали, вместе с соответствующей бровью, а другую сторону ее лица украшал большой синяк, который вроде уже сходил, но все еще выглядел впечатляюще. Профессионально оценивая повреждения такого типа, я мог довольно точно оценить силу удара, потребовавшегося для произведения такого эффекта... он должен был быть ужасающим.

— Извини за этот спектакль, — сказала она, убирая зеркальце личин и поглядев в него напоследок, словно желая еще раз убедиться, все ли на месте, — но задание оказалось тяжелым.

— Что... Что с тобой случилось? — спросил я, обретая наконец голос. — Кто это с тобой сделал?

Разумеется, мы все знали, что с выполнением этого задания могут быть связаны некоторые трудности, но кому понравится такое обращение с прекрасной чувихой?

— Ты поверишь, если я скажу, что это была наша же собственная команда? — быстро сверкнула она зубами в улыбке, хотя я знал, что это больно.

— Как так?

— Волос я лишилась по милости Глипа, — объяснила она. — Полагаю, это был несчастный случай. Должно быть, я оказалась между ним и его ужином или что-то в этом роде. Но все не так страшно, как кажется с виду... или как могло бы быть. Коррещ вовремя заметил опасность и уберег меня от самого страшного... вот откуда и взялся синяк, и потому я на него не жалуюсь. Честное слово, видел бы ты, что случилось со стеной позади меня.

— Кстати, коль речь зашла о них, Коррещ-то с Глипом где?

В первый раз за время нашего разговора Тананда явно почувствовала себя неуютно.

— Они... э... отправились назад к Большому Джули. На самом-то деле мой братец еще в худшем состоянии, чем я, и я поэтому предпочла не видеть, как он пытается работать с одной рукой на перевязи, и посоветовала ему увести Глипа куда-нибудь, где он не будет путаться под ногами, и остаться на время с ним. Ведь это странно, понимаешь? Я все еще не могу вычислить, с чего это Глип так завелся... но пока мы не сможем с этим разобраться, от него, на мой взгляд, будет здесь больше вреда, чем пользы. Так или иначе, я решила остаться и воспользовалась этой штуковиной для личин. Посмотрим, смогу ли я самостоятельно чем-нибудь помочь делу. Мы столько наломали дров вдвоем, что, думаю, худшее уже позади.

В затылочной части моего мозга что-то крутилось... что-то сказанное Нунцио о его последнем задании и о том, что он нервничает по поводу новой работы с Глипом. Однако я не мог поймать мысль и, видя, как неуютно чувствует себя Тананда, решил не углубляться в эту тему. Но все же я взял на заметку при случае поговорить об этом с Нунцио.

— Похоже, дела шли не слишком хорошо даже до того несчастного случая, — сказал я, хватаясь за ее последнюю реплику.

— Что верно, то верно, — вздохнула Тананда. — Мы пытались разыграть старую сцену... ну, знаешь, когда я kleю солдата, а потом Коррещ врывается и подымает шум из-за того, что этот парень скомпрометировал его сестру?

— Знаю этот номер, — отозвался я, потому что так оно и есть... хотя сам я ничего подобного не проворачивал и не попадался на эту удочку. Однако это испытанный временем, классический ход.

— Ну, все вышло не так, как мы надеялись. Большинству здешних солдат приказано держаться подальше от местных женщин, а если мне удавалось разжечь их и заставить забыть о приказе, то власти замечали мои действия и выносили вердикт, что я сама напрашиваюсь на неприятности.

— Вот это да, круто, — посочувствовал я. — Тебе, должно быть, пришлось нелегко... особенно с такими ранами.

Мне по-прежнему не нравилось то, как заживал ее синяк, и, наверное, это угадывалось по моему голосу, потому что Тананда нагнулась вперед и положила ладонь мне на руку.

— Со мной все в порядке, Гвидо, в самом деле... хотя очень мило с твоей стороны, что ты беспокоишься. Я, бывало, выглядела и куда хуже даже, представь себе, после стычки с Коррещем... честное слово.

Учитывая, что ее старший брат тролль, я вполне мог поверить, что Тананда привыкла к небольшим взбучкам при семейных ссорах. Однако теперь мои мысли обременяло кое-что еще.

Видите ли, прикосновение Тананды, когда она положила ладонь мне на руку, было очень мягким и теплым, и оно снова навело меня на мысль о той первоначальной причине уединения в этой комнате. Как я уже говорил, давно мне не приходилось общаться с чувихой вот так, в интимной обстановке... Но Тананда все-таки деловой партнер, и позволять себе интимные отношения с коллегой более чем неблагородно. Кроме того, она никогда не выказывала ко мне никакого особого интереса, помимо дружеского... или, возможно, даже родственного участия. Но все равно мне было очень приятно ощутить женское прикосновение...

— М-гм м... Ладно. Как скажешь, — произнес я, слегка отодвигаясь, чтобы прервать физический контакт. — Нас самих только что сюда распределили, и поэтому нам пока не представилось случая многое сделать. Может, следует подумать, как нам с тобой работать в одном районе, не мешая друг другу.

— Не глупи, Гвидо. Раз уж вы здесь, мы можем работать все вместе!

— Как-как?

— Сам подумай, — рассуждала она, вся пружинистая от нетерпения. — Мне очень нелегко за короткое время найти солдат, которые бы клонули на приманку, но вы же как раз и есть солдаты, так что это облегчит обе наши задачи. Если мы станем вести свою игру, то сможем направлять ход дела именно так, как нам хочется.

Я изо всех сил старался игнорировать ее пружинистость, пока пытался придумать вескую причину не согласиться с ее предложением. У меня почему-то не было уверенности, что мои актерские способности позволят мне натурально изобразить этакого развязного детину перед Танандой... но еще меньше энтузиазма у меня вызывала мысль дать сыграть эту роль Нунцио.

— Не знаю, Тананда, — неохотно ответил я. — Я не так уж уверен, что это удачная мысль. То есть один-то раз мы сумеем это провернуть... но если преуспеем в своей комедии, то в итоге окажемся с Нунцио на губе и надолго выйдем из игры.

— Да ну? — вскинула она бровь, глядя на меня. — И что же, по-твоему, тут такого?

— М-гм-м... — мычал я, вспоминая, что, к несчастью, на Пятую поправку мне рассчитывать не придется*.

— Не важно, Гвидо, — усмехнулась она. — Но вот что я тебе скажу. Если ты беспокоишься за себя, то просто наведи меня на одного из своих армейских приятелей. Ты прослужил

* Пятая поправка к Конституции США входит в Билль о правах и устанавливает, что привлечение к уголовной ответственности за тяжкое преступление (исключая дела военнослужащих) должно осуществляться Большим жюри — расширенной коллегией присяжных. — Примеч. ред.

достаточно долго, чтобы неплохо себе представлять, кого мы сможем обвести вокруг пальца.

Я обнаружил, что эта идея тоже не привела меня в воссторг — во-первых, потому, что сыграть такую штуку с любым из нашей с Нунцио команды, ставшей нам близкой в последние несколько недель, мягко говоря, непорядочно, а во-вторых, потому, что мне противна одна мысль о ком-то, лапающем Тананду. И все же мне приходилось считаться с истиной, что для приготовления яичницы придется разбить яйца. В общем, Тананда права, провернуть операцию будет легче и быстрее, если мы подстроим все сами.

— Ладно, Тананда, — согласился я. — Попробуем действовать таким способом.

— С тобой все в порядке, Гвидо? — озабоченно приглядывалась она ко мне. — Ты кажешься немного вялым.

— Со мной все отлично. Хотя если честно, Тананда, это задание мне не по душе.

— Ну, выше голову! Возможно, дело пока шло туго, но, работая вместе, мы должны суметь добиться успеха. Вот что я тебе скажу: найди Нунцио и растолкуй ему, что мы затеяли. А потом мы снова встретимся здесь и попытаемся... скажем, завтра вечером?

— Разумеется, почему бы и нет?

— А пока, — сказала она, снова открывая зеркальце личин и взявшись с дисками, — спустимся вниз, и я поставлю тебе рюмочку-другую.

С минуту это казалось хорошей идеей. Затем я вспомнил про Фрумпеля.

— Думаю, нам лучше повременить с этим, Тананда. Мы не должны слишком часто показываться здесь вместе.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы ошиваемся здесь, потому что обнаружили, что хозяин тут девол. Беда в том, что он, похоже, знает босса и имеет на него зуб. Правда, пока еще он не догадывается о нашей с ним связи, но если заподозрит...

— Девол?

— Да. И говорит, что его зовут Фрумпелем.

— Фрумпель? Так, значит, он опять объявился?

— Ты его знаешь?

— Разумеется. Он стакнулся с Иштваном и выступал против нас, еще когда я впервые повстречала Скива... и ты прав, если он что-то заподозрит, чары личины не помешают ему меня вычислить.

— Может, нам лучше выждать и пока попробовать прорвать свой гамбит где-нибудь в другом месте, — предложил я, пытаясь не дать надежде вкрасться в мой голос.

— Нет нужды, — усмехнулась Тананда. — Покуда он не улавливает связи между нами, мы должны суметь провернуть дело. Завтра вечером. И убьем одним выстрелом двух зайцев. К тому же я не прочь подложить по ходу дела небольшую свинью Фрумпелю — судя по всему, его заведение будет в эпицентре, когда начнется фейерверк. К тому времени, когда он сообразит что к чему, мы уже исчезнем.

— Грандиозно! — восхлинул я с деланным энтузиазмом. — Значит, все решено. Спускайся вниз и уходи первая. Я здесь немножко задержусь и дам тебе фору.

Как только она исчезла, я принялся разбираться в своих опасениях насчет хода предстоящей операции. Мне не требовалось много времени, чтобы сообразить, до какой степени я озабочен ее этической стороной.

Вас это удивит, но лично для меня понятия преданности и доверия значат очень и очень многое... поэтому я всегда и восхищался командой Корпорации М.И.Ф., ведь в ней все, я уверен, ценят то же самое.

До тех пор мне удавалось быть преданным и боссу, и Синдикату, так как интересы босса не представляли прямой угрозы интересам Синдиката. Но наша новая затея меня очень тревожила.

Поссорив штатских с военными, я подорву доверие к себе как к представителю армии... но я себя успокаивал тем, что в армию-то я завербовался именно с такой целью, то есть в качестве своего рода шпиона, преданного боссу.

Нунцио убедил меня, что, используя заведение Фрумпеля в качестве полигона для нашего действия, я не нарушаю своего соглашения с ним, поскольку это соглашение ничего такого

не предусматривает. Рассуждение это показалось мне довольно шатким, но его удобство я все же оценил.

А как оправдать этот самый последний план? Заставить кого-нибудь в отделении расхлебывать заваренную мной кашу — это ведь не что иное, как предательство. Но Тананда права... это и впрямь наилучший способ гарантировать, что дело пойдет именно так, как нам хочется.

Я долго размышлял над всем этим и наконец нашел ответ. Буду считать это дружеской шуткой. Пусть и сомнительной... вроде как хлопнуть пустым бумажным пакетом за спиной готовящегося взорвать сейф... но если не ставить своей целью искалечить беднягу или засадить его за решетку, то это, в общем, может сойти за шутку.

Теперь оставалось уповать только на чувство юмора нашего избранника... очень хорошее чувство юмора!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вот почему эта леди бродяга!

Б. Мидлер

-Y -у-у-х ты-ы-ы! Сегодня тут прямо дым коромыслом! — воскликнул Шу Слеппень, откинувшись на спинку стула и обозревая помещение.

— Что верно, то верно, Шу, — отозвался его брательник. — Эй! Погляди-ка вон на ту!

Что и говорить, братья Слеппни разыграли *классную* сцену... хотя мне бы не хотелось уточнять, каков именно этот класс. Впрочем, на сей раз я склонен был с ними согласиться.

Это был наш первый выходной в Твиксте, не говоря уже о тусовке здесь, у Абдула, и бар был набит до отказа. Если бы мы не пили здесь с самого полудня, то сомнительно, чтобы нам вообще удалось заполучить хоть какой-нибудь столик. А так мы оказались за своим постоянным, откуда открывался хороший обзор стойки... или, что особенно важно, расположено-

жившихся вдоль нее тыловых частей... да и передовых при повороте тоже. Поверьте опыту немало повидавшего на своем веку демона, подобной сцены нигде больше не найдешь!

К несчастью, в ожидании грядущих событий я был немного рассеян, и это мешало мне по-настоящему насладиться этим зреющим.

— Как по-твоему, Бой? — переключил Шу внимание на меня. — Ты когда-нибудь видел такое раньше?

— О, они очень даже ничего, — ответил я, вытягивая шею и окидывая взглядом толпу.

Мне пришло в голову, что, вероятно, Тананда прибудет сюда в личине, и поэтому мне трудно будет ее узнать, если она не догадается подать мне какой-нибудь знак.

— Ничего? Вы только послушайте, парни! Кругом прекрасные женские тела, а Бой говорит «они ничего»!

— В самом деле, Бой, — подключился Майжуку. — В армии таких прекрасных женщин просто не увидишь!

При этих словах Осса опасно нахмурилась, но он этого совершенно не замечает, так как здорово набрался в этот вечер.

— Хорошая толпа для драки. Понял мою мысль, кузен? — тихонько, чтобы никто не услышал, шепнул мне на ухо Нунцио.

— Не знаю, — ответил я, окинув взглядом толпу. — Среди этих «белых воротничков» не вижу ни одного, с кем даже Трутень не смог бы справиться одной левой.

— Именно это я и имел в виду, — усмехнулся Нунцио и опрокинул в себя еще полрюмки.

Как вы, должно быть, уже заметили, моего кузена вовсе не терзали муки, какие я испытывал по поводу необходимости подставить одного из наших новых приятелей. Скорее наоборот, ему не терпелось немного побуйнить.

— Покараульте мой стул, — распорядился я, поднимаясь. — Я схожу к стойке налить еще.

Как я сказал, народу в баре было битком, а Фрумпель с его типично *девольской* сквалыжностью и не подумал нанять еще помощников, а потому, если тебе неохота ждать выпивки до второго пришествия, то сам топай за ней к стойке бармен-

на. Если вы недоумеваете, почему такой жадный тип, как Фрумпель, не ухватится за возможность получить лишний доход от высокой оборачиваемости колеса «выпил—налил», то уж будьте уверены, он наверстает упущенное, разбавляя пойло и повышая цены... то есть по мере уплотнения толпы прибыли заведения растут без всяких дополнительных усилий со стороны его хозяина.

Странно, но ни утратившие былую крепость напитки, ни взвившиеся цены, похоже, ни в малейшей мере не беспокоили эту толпу. На мой взгляд, это объясняется прежде всего тем, что дорогая выпивка отпугнет от бара тот сброд, который обычно приходится терпеть, когда пьешь в общественном месте, и, следовательно, гарантирует некую элитность заведения; а что касается разбавленной выпивки... ну, что тут можно сказать? Наверное, люди считают, что спиртное вредно для здоровья, и, значит, разбавленный напиток полезней для здоровья, чем крепкий.

Я много крутился среди такой публики и знаю, что здоровье, и особенно здоровая пища, для них самое главное. Они словно привыкли думать, что за хорошие деньги можно купить что угодно... выкидывают кучу денег на здоровую пищу и здоровую выпивку и думают, что никогда не умрут. Конечно, они, бывает, настолько озабочены собственным здоровьем, что становятся просто невыносимы и доводят друг друга до сильного стресса с последующей кончиной от сердечного приступа... Странное дело, но такой итог их, похоже, устраивает, ибо считается достойным завершением успешной карьеры и, следовательно, чем-то вроде значка статуса. Вот только при всем этом как-то упускается из виду, что стрессы во многом вызваны ненужным беспокойством о таких вещах, как статус и здоровая пища.

Наверное, все дело в рисковом характере моей профессии, но лично я не питаю никаких иллюзий насчет собственного бессмертия. Как мне представляется, в жизни хватает всяких непредсказуемых вещей, способных тебя убить, и поэтому единственный разумный подход к жизни — это брать от нее те маленькие удовольствия, какие выпадают, чтобы, когда придет твой черед, ты покинул этот мир, зная, что

прожил полнокровную и счастливую жизнь. Я хочу сказать, кому же охота жить вечно... особенно если эта жизнь обещает быть скучной и лишенной удовольствий?

Я размышлял над этим, наблюдая, как некая мадам проходитывает себе локтями дорогу к стойке рядом со мной. Сперва я подумал, что она просто отчаянно хочет выпить, что было вполне понятно, учитывая медленное обслуживание, и шагнул в сторону, оттеснив своей солидной массой толпу, чтобы дать ей место.

— Ну что, где моя цель?

Я не сразу понял, что вопрос этот адресован именно ко мне, так как она произнесла его небрежно и не глядя в мою сторону.

— Тананда? — пялился я на нее во все глаза.

Этим вечером на ней была иная личина... пышные черные кудри до плеч и облегающее платье из какой-то ткани, которое... ну, показывает все, что у нее есть под ним.

— Не пялься на меня! — зашипела она, тихо ввинчивая каблук мне в любимую мозоль для убедительности и глядя в то же время в потолок. — Ведь мы вроде как не знаем друг друга... помнишь?

— О, верно... извини.

Я вернулся к разглядыванию содержимого своего бокала, стараясь изо всех сил игнорировать ее присутствие... что оказалось нелегко, поскольку толпа напирала и прижимала ее ко мне.

— Ладно, кто же наш болван?

— Видишь за нашим столиком двух широкоплечих парней? Самых шумных? По-моему, тот, что слева, отлично тебе подойдет.

Мы с Нуанцио решили выбрать своей жертвой Шу Слеппня. Из всей нашей команды братья Слеппни нам менее симпатичны, и хотя для нашей цели подошел бы любой из них, мы отдали предпочтение Шу, потому что он лидер в этой паре и может затеять свару, если Тананда примется заигрывать с его братом вместо него. Нам же полагалось затеять свару между армии и штатскими, а вовсе не в своих рядах.

— А тот миленок, что сидит напротив этих скотов, кто он?

— Что? Это Майжук. Он прежде был актером, или танцором, или кем-то вроде этого.

— Подойдет, — твердо сказала она, и в голосе у нее угадывалась хищная нотка.

Я воздержался от взгляда в ее сторону, но почти не сомневался, что она облизывает губы... если не физически, то мысленно.

— Не думаю, что это такая уж удачная мысль, Тананда, — осторожно заметил я. — Между ним и Оссой что-то намечается. По крайней мере она к нему неравнодушна.

— Кто?

— Осса. Цыпочка в мундире, сидящая рядом с ним.

— Это женщина?

Вы помните, что при первой встрече с Оссой я прореагировал на нее почти так же, но почему-то от Тананды этого слышать не хотелось.

— Пусть тебя не обманывают ее волосы, — ответил я. — Она весьма крутая дамочка.

— Это очень мило с твоей стороны, Гвидо, — сказала Тананда, неправильно поняв мои слова, — но в день, когда я не смогу справиться с этой пигалицей, я повешусь. Ну, за работу.

— Да я имею в виду... — пустился я в объяснения, но Тананда уже исчезла, скользя к Майжуку, словно какая-нибудь змеекошка, подкрадывающаяся к пьяной канарейке.

Ну что тут поделаешь! Конечно, я не сомневался, что наша цель «армия против штатских» будет достигнута и посредством стычки между Танандой и Оссой, но, составляя этот сценарий, мы задумывали совсем не это.

Но оказалось, я напрасно беспокоился. Наблюдая с позиции у стойки, я видел, что Майжук откликнулся на зазывный взгляд Тананды, вцепившись в нее, как впервые нарушивший закон преступник вцепляется в своего адвоката, а Осса, вместо того чтобы затеять драку, просто встала и вышла из бара, печатая шаг с мрачным как туча лицом.

— Кто там болтает с твоим приятелем? — материализовалась передо мной Фрумпель.

Я устроил ему небольшой спектакль, недоуменно разглядывая через плечо наш столик.

— Просто какая-то деваха, — небрежно пожал я плечами, делая ему знак налить по-новой. — А что?

— Да так. Мне вдруг подумалось, что она кого-то мне напоминает, вот и все.

Он направился к другому концу стойки мне за выпивкой, оставив меня в недоумении. Я убеждал себя, что этому деволу совершенно не с чего узнавать Тананду, ведь ее нынешняя личина ни чуточки не походит на ее обычную внешность. И все-таки меня это беспокоило. Фрумпель определенно мог усложнить нашу операцию, и я бы предпочел по возможностям как-нибудь его изолировать.

— Я думал, мы намечали Шу Слеппня, — сказал Нунцио, усаживаясь рядом со мной у стойки. Конечно, там, где мы находились, было тесновато, но людям с такими габаритами, как у нас с Нунцио, обычно удается найти место.

— Намечали, — согласился я. — Но у Тананды есть на этот счет собственные идеи.

— Ну, Оссу она таким образом отсюда выставила. Помоему, я никогда не видел ее такой взбешенной. Если б сейчас не требовалось...

— Эй... Абдул!

Это сказал Майжук, стоявший прямо позади нас и пытавшийся привлечь внимание Фрумпеля. Одной рукой он обнимал Тананду за плечи, но если приглядеться внимательно, то можно было заметить, что это скорее она его поддерживает.

— Да? Что вам угодно?

Он хоть и не выражал по отношению к нам особой любезности, но скорость, с какой любой из нашей команды мог привлечь внимание девола, свидетельствовала, что ему дорога его тайна.

— Мне... нам нужна... комната.

— Свободных мест нет.

Фрумпель было отвернулся, но тотчас обнаружил, что движение это ограничено... потому как мой кузен протянул руку через стойку и крепко взял его за плечо.

— Дай ему комнату, — тихо сказал Нунцио.

Ну, когда Нунцио говорит так вот негромко, то это обычно означает, что он вот-вот выйдет из себя... что в данном случае вполне понятно. Я хочу сказать, ведь мы вложили в эту затею слишком много усилий, чтобы вот так все сорвалось из-за какой-то глупости вроде отсутствия свободных комнат.

— Но ведь...

— Дай ему комнату, которую оставляешь для себя. Все равно ты какое-то время будешь слишком занят здесь, чтобы ею воспользоваться.

— Я не настолько занят, — возражал Девол, пытаясь вывернуться из хватки Нунцио. — И если...

— Ты можешь стать куда более занятым... если тебе понятна моя мысль, — произнес Нунцио, сжимая руку в кулак.

— Ладно! Хорошо! Вот! — Фрумпель извлек из кармана ключ и передал его Майжуку. — Последняя дверь направо!

— Спасибо, Нунцио, — поблагодарил через плечо Майжук, когда они с Танандой пробирались сквозь толпу к лестнице.

Мой кузен подождал, пока они не скроются из виду, прежде чем отпустил плечо Фрумпеля.

— Вот видишь, как приятно привнести в чью-то жизнь немножко счастья?

Девол оскалил зубы в безмолвном рычании, а затем направился на другой конец стойки обслужить растущее число крикунов.

— Ну, это не заняло много времени, — сказал я, глядя на лестницу, где исчезли Тананда с Майжуком.

— Чему же тут удивляться? — откликнулся с плотоядной улыбкой Нунцио. — Сам-то ты сколько бы волынил, если бы Тананда пригласила тебя к себе в комнату?

Вы, наверное, догадываетесь, что я не все рассказал кузену о своей встрече с Танандой, и вы правы. Я решил сменить тему.

— Один вопрос, кузен, — обратился я к нему, потягивая выпивку. — А как мы узнаем, когда потребуется наше вмешательство?

— Не знаю. Полагаю, когда услышим, как Тананда станет звать на помощь.

Я повернул голову и пристально посмотрел ему в глаза.

— Нунцио, — сказал я, — тебе приходило в голову, что в этом гаме она может хоть из пушки палить — нам ее все равно не услышать?

Это его заметно озадачило.

— Хороший довод, — согласился он, прихлебнув из моего бокала.

— Хороший довод? И это все, что ты можешь сказать? — Я уже начал заводиться. — А что, по-твоему, случится, если мы пропустим сигнал и не ворвемся к ним?

— Хм-м-м... ну, если мы не выручим ее, то Тананде придется разделаться с Майжуком самой...

— ...И это означает, что один из нашего отделения очутится в госпитале, — закончил я за него. — Либо так, либо Тананда заработает кучу шишек, дожидаясь нашего обещанного появления.

— Как я сказал... хороший довод.

— Ну, я не собираюсь просто сидеть здесь сложа руки, — заявил я, подымаясь. — Ты идешь со мной?

— Что, вломиться к ним прямо сейчас?

— Именно. Почему бы и нет? Они уже пробыли там какое-то время.

Меня просто одолевали мысленные образы того, как Майжук лапает Тананду... в то время как она тщетно зовет нас на помощь.

— Секундочку, Гвидо, — сказал Нунцио, а затем вдруг повысил голос. — Эй! Трутень!

Наш юный маг живо подбежал к нам:

— В чем дело, Нунцио?

— Я хочу, чтобы ты вышел, нашел каких-нибудь полицейских и привел их сюда.

— Полицию? Но зачем...

— Просто сделай это! Идет?

— Разумеется, Нунцио. Городскую полицию или военную?

— И ту, и другую, если удастся. А теперь — ходу.

Он повернулся ко мне, когда Трутень уже вылетел в ночную темь.

— Ладно, Гвидо. Пришла пора повеселиться!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

*Сегодня ночью, похоже, и впрямь
большой праздник!*

Король Артур

В своем планировании операции мы как-то упустили то, каким образом Тананда даст нам знать, в какой из комнат они будут находиться. (Именно во избежание подобных казусов я обычно предпочитаю доверить составление планов для нас кому-нибудь другому... например, боссу!) К счастью, девол, давая парочке ключ, объяснил им дорогу достаточно громко, чтобы услышали и мы, и поэтому нам не составило труда очутиться перед нужной дверью.

— Я ничего не слышу... а ты? — шепнул мне Нунцио, чуть склонив голову набок.

К этому моменту я уже почти дошел до точки кипения и был не в состоянии реагировать на мелочи.

— Тебе следовало бы подумать об этом до того, как послать Трутня за легавыми, — бросил я, отходя от двери для разбега. — Но раз уж ты его послал, то мы в некотором роде обязались быть там вовремя... понимаешь мою мысль?

— Я думаю, главное в этой операции — как следует все запутать, нам нужна полная неразбериха.

— С этим трудностей возникнуть не должно, — зарычал я и бросился на дверь.

Я специально упомянул здесь про нашу цель «все запутать», чтобы вы, читающие все это, не подумали, будто у вас вдруг крыша поехала при попытке разобраться в последующем ходе событий... то есть все и должно быть путанным!

Так или иначе, дверь вылетела, как это обычно случается с дверями, когда я врезаюсь в них со всего размаха, и мы

дружно ввалились в комнату... которая, как я с ходу заметил, была существенно шикарней той, что сдал мне Фрумпель вчера.

К нашему крайнему удивлению, в комнате все было тихо-мирно... по крайней мере до нашего появления. Тананда с Майжуком валялись на диване, и звуки, доносившиеся оттуда, никак не походили на возмущенные вопли. И все же, раз уж мы вышли на сцену, нам с кузеном не оставалось иного выбора, кроме как продолжать действовать по сценарию.

Нунцио схватил Майжука и поднял его над диваном, в то время как я переключил внимание на Тананду.

— С вами все в порядке, сударыня?? — спросил я самым громким голосом, который благодаря моему старому преподавателю разносится весьма неплохо. — Вы только не волнуйтесь!!

— Черт побери, Гвидо! Рано еще!! — зашипела она, прожигая меня взглядом и пытаясь в то же время принять сидячее положение.

Ну, это не входило в запланированный нами диалог, и я быстренько бросил взгляд на Майжука, посмотреть, заметил ли он, что Тананда проболталась о нашем знакомстве друг с другом. Но волновался я напрасно.

Нунцио поднял Майжука так высоко, что его ноги не соприкасались с полом, и держал его при этом за грудки мундира, сильно встряхивая. Далее, не прекращая встряхивания, он стукнул нашего коллегу о стенку с силой, достаточной, чтобы сотрясти здание. Пару раз он проделывал такое и со мной, и поэтому я могу засвидетельствовать, что это хоть и выглядит попыткой прояснить что-то у тебя в голове, но реальность такова, что после нескольких ударов о стенку тебе повезет, если вспомнишь, как тебя зовут, не говоря уже о том, чтобы объяснить свое поведение.

— Успокойся, Майжук! — орал кузен. — Она того не стоит!! Нам ни к чему всякие неприятности!!!

По тому, как закатились у Майжука глаза, я определил, что его отвлекли, и снова переключил внимание на Тананду.

— Послушай, Тананда, — рычал я, понижая голос, чтобы слышала меня только она. — Извини, если мы не совсем точно рассчитали время. Намылить мне холку за это ты можешь и позже. А пока давай считать, что занавес уже поднят и тебе доверена самая важная роль в нашем спектакле.

— Но мы же только-только начали... — Она умолкла и сделала долгий, неровный вдох. — А... Ладно!

С этими словами она подняла руку, схватилась за плечо своего платья и разорвала его по диагонали до самого бедра... позволяя мне по ходу дела оценить прелести Тананды, чего прежде я не удостаивался.

— Он собирался... О, это было просто ужасно! Да что ж это такое?

Она резко прервала истерику.

— Гвидо! — настойчиво окликнула она меня.

Я все еще пялился на те края ее платья, которые она пыталась соединить одной рукой.

— Хм-м-м? О... Да! Вы только не волнуйтесь, сударыня!! — воскликнул я, смущенно отводя глаза. — Он не хотел сделать ничего плохого!!

— Уберите его от меня!!! Уберите его подальше!!!

Эта реплика была условным сигналом.

— Ходу, Нунцио, — скомандовал я. — Уносим его отсюда!

И с этими словами мы схватили Майжука под белы руки и выволокли из комнаты через уже начинавшую собираться толпу. Я оглянулся на Тананду и подмигнул ей, но она лишь показала мне язык и продолжила истерику.

— ЧТО ЭТО ЗА ПРИТОН? — визжала она нам вслед. — Пускать подобных скотов в порядочное общество...

Остальные ее пассажи я уже не слышал, так как мы понесли Майжука вниз, в главный зал.

Толпа, собравшаяся перед комнатой, не шла ни в какое сравнение с той, что поджидала нас в баре. Все посетители столпились вокруг и желали знать, что происходит... Ну, столпились на некотором расстоянии, как это обычно бывает, когда любопытно, но не хочется вмешиваться. А где-то в задних рядах мелькали мундиры нескольких местных полицейских, хотя им трудно было до нас добраться. Военной

полиции что-то было не видно... поэтому я решил, что нам придется просто начать без нее.

— Что там происходит?! — воскликнул, появляясь рядом со мной, Фрумпель.

— Вот, — произнес я уголком рта, сунув ему в ладонь немного денег. — Возьми это.

— Это за что? — спросил он, мрачно глядя на мое подношение.

— Это должно покрыть счет нашего столика с самого полудня.

— Ваш счет? — нахмурился он. — Чего-то не пойму. Мы же договорились. Я ставлю вам бесплатно выпивку, а вы не разносите мое заведение и никому не открываете мою тайну... мою тайну.

— Не беспокойся, — показал я ему в улыбке несколько зубов. — Твоей тайне ничего не грозит.

— Тогда за что же... Эй! Минутку! Ведь не собираетесь же вы...

Вот тут-то до нас и добралась полиция.

Что ж, ранее мы с Нунцио обменивались замечаниями о том, что в баре, мол, нет никого способного заставить нас попотеть. С появлением легавых это положение изменилось. Их четверо, и хотя ни один из них не выглядел особенно физически сильным из-за одинаково слабого брюшного пресса, но в глазах у них светилась такая твердость, какую всякий занимающийся нашим делом замечает как признак того, кто не дрогнет, когда начнутся неприятности.

— Ладно! — рявкнул самый рослый из них, подходя к нам. — Что здесь происходит?

Как вы, возможно, догадываетесь, люди нашей с Нунцио профессии не слишком любят блюстителей порядка, особенно уличной их разновидности. Обычно мы обходим их стороной. Но если столкновения не избежать, вот как сейчас, нам совсем нетрудно быть нелюбезными.

— Что это за город? — ревел Нунцио, обводя горящим взором толпу. — Человек в мундире пытался спокойно выпить... и не успеешь и глазом моргнуть, как какая-то шлюха пытается его подставить!!

— Ты только не волнуйся, солдат, — дружески успокаивал его легавый. — Теперь вы среди друзей. Двое из нас сами раньше служили в армии.

Вот на это мы никак не рассчитывали. Последнее, что нам сейчас требуется, это *разумные* лгавые. Я решил, что теперь мне самое время лично приложить руку к происходящему.

— Да ну? — презрительно фыркнул я. — И что же случилось? Сдрейфили, когда запахло порохом? Сочли, что преследовать пьяничуг безопасней, чем лезть под стрелы?

— Остынь, солдат, — улыбнулся легавый, но я заметил, что губы у него растягиваются с большим трудом. — Давай отойдем в сторонку и обсудим это.

— Вы слышали? — орал Нунцио братьям Слеппням, которые все еще удерживали за собой наш столик. — С нас не прочь содрать деньги за выпивку... но вот мы ловим их на попытке ограбить одного из наших, и *тогда* нас пытаются выставить вон!

— Вот как? — ощетинился Шу Слеппень, встал и направился сквозь толпу к нам, следом за ним и его брат. — Ну, если они хотят выставить нас отсюда, то им придется потрудиться!

Зажатые между нами с одной стороны и братьями Слеппнями с другой, легавые начали нервно вертеть головами туда-сюда, пытаясь держать в поле зрения всех нас.

— Эй, минутку! — сказал легавый, с которым мы разговаривали. — Кто, вы говорите, пытался вас ограбить?

— Да та шлюха наверху! — зарычал Нунцио, тыча большим пальцем через плечо. — Она вовсю строила глазки нашему приятелю... Так и уивалась вокруг него, понимаете меня? А потом, когда мы поднялись посмотреть, все ли с ним в порядке, потому что он здорово набрался, она обшаривала его карманы.

— Точно! — поддакнул Хи Слеппень. — Мы как раз сидели там за столиком, когда эта красотка охмуряла Майжука!

— Конечно, они друг за друга горой! — фыркнул один из парней в переднем ряду толпы, обращаясь к стоящему рядом малому.

Думаю, он не хотел, чтобы его услышали, но Шу Слеппень стоял совсем рядом и уловил эту реплику.

— Может, еще скажешь, что мой брат брехло? — рявкнул он, надвигаясь на свою жертву.

Я уже думал, что драка у нас в кармане, но один из легавых встярал между нами и развел враждующие стороны, упираясь им ладонями в грудь.

— Назад! Вы оба! — приказал он. — Мы сами во всем разберемся...

— РУКИ ПРОЧЬ ОТ СОЛДАТА!!

Это прибыла военная полиция и уже проталкивалась сквозь толпу, спеша присоединиться к нашему собранию.

— Военнослужащими занимаемся мы, а не какие-то там легавые, которым охота подраться.

Возглавлявший военную полицию сержант — настоящий силач-задира, как раз то, что надо... не слишком толковый и упрямый как осел. С ним трое его корешков, так что мы превосходим легавых в численности. Затем я увидел, как через дверь прошли еще несколько полицейских, и был вынужден скорректировать свой подсчет. Похоже, наклевывался настоящий праздник.

— Мы ничего ему не сделали! — возразил первый легавый, столкнувшись нос к носу с сержантом ВП. — К тому же тут замешаны штатские, и пока мы не выясним, что случилось...

— Мы поймали шлюху при попытке ограбить одного из наших парней! — орал Шу Слеппень чинам ВП. — А теперь они пытаются ее выгородить!

— Вот как! — грозно нахмурился сержант ВП, обводя горящим взглядом бар. — Эти солдаты рискуют жизнью, охраняя ваши покой, и такова благодарность?

Какой замечательный парень, подумал я. Какой замечательный, лоноухий, тупоголовый парень. Он бы, наверное, и сам затясял тут драку... если бы мы ему позволили.

— Это возмутительно! — зарычал легавый, наконец теряя выдержку. — Мы, знаете ли, тоже рискуем жизнью!

— Ах, извините! Совсем забыл! — язвительно улыбнулся сержант ВП. — Вам постоянно грозит опасность умереть, перхнувшись пончиком!

— Пончиком? — воскликнул легавый, медленно обводя взглядом своих товарищей... возможно, для оценки соотношения сил, прежде чем решить, что делать или говорить дальше.

Я повернул голову, чтобы украдкой подмигнуть Нунцио, и вдруг увидел, как сверху появляется Тананда.

— ВОН ОНИ!!! — заверещала она. — Это те самые солдаты, которые напали на меня!!

Похоже, она неплохо поработала своей штуковиной для личин, потому что ее старый синяк теперь выглядит как но-венький... Хотя для моего опытного глаза вполне очевидно, что это не недавнее ранение.

Конечно, Тананда, обладая хорошими драматическими способностями, не остановилась на этом. Платье на ней — того же цвета, что и раньше, — было куда скромнее, чем тот завлекательный наряд, который она использовала для охмурения Майжука... Намного скромнее.

И в довершение всего ее буйная, очаровательная прическа теперь больше смахивала на скромный узел какой-нибудь незамужней библиотекарши. Однако настоящая красота была в том, что стояла она там, где легавые ее видели, а ВП — нет!

Конечно, толпе ее тоже было видно.

— Это никакая не шлюха! — заявил парень, что подавал голос и раньше.

— Эй! По-моему, она работает у нас! — вмешался еще кто-то.

— Видите, что происходит, когда сюда пускают солдат?

Толпа становилась опасной, но надо отдать должное этому легавому, он пытался утихомирить страсти.

— Успокойтесь-ка все! — выкрикнул он. — Мы разберемся в этом!

А затем с мрачным выражением лица снова повернулся к сержанту ВП.

— Мы должны докопаться до сути, сержант, — сказал он. — Я хочу, чтобы вы задержали тех троих...

Говоря это, он поднял руку и показал в нашу сторону.

На этот случай у нас с Нунцио был в запасе один трюк, который мы так часто проворачивали, что теперь нам даже не

требовалось переглядываться, чтобы согласовать действия. Мы все еще держали под руки Майжука, а легавый стоял достаточно близко, чтобы, когда он показал на нас, мы легко переместили Майжука вбок, ему под руку... и подтолкнули!

Для не слишком внимательного зрителя все выглядело точь-в-точь словно легавый ткнул Майжука и свалил его!

Учитывая и так уже напряженный характер ситуации, это возымело эффект разорвавшейся бомбы.

Сержант ВП бросился к легавому, но я добрался туда первым... в основном потому, что контролировал ситуацию и видел цель.

— Дай мне! — орал я, а затем сделал то, о чем мечтал всю жизнь.

Я отвесил легавому свой лучший удар... при свидетелях!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Разве вы меня не ждали?

Дж. Рэмбо

Нам с Нунцио пришлось немножко подождать командира роты у его кабинета. Меня это вполне устраивало, так как появилась возможность остановить кровотечение из носа, к тому же нам удалось за это время уговорить охранников ВП достать что-нибудь дезинфицирующего для обработки костяшек пальцев.

Вы уже наверняка догадались, что драка вышла на славу. Именно так... и главное, мы одержали чистую победу. Ну, штатские легавые, возможно, и иного мнения по этому поводу, но мы все как один еще стояли на ногах в конце драки, чего о них не скажешь, и поэтому я считаю, что победа по праву принадлежит нам.

Я уже говорил, что наши охранники отличные ребята, и пребывают они в прекрасном настроении, что вполне понятно, поскольку дрались они на нашей стороне. Ожидая командинра, мы весьма неплохо провели с ними время, обмениваясь

впечатлениями о драке, не всегда, впрочем, абсолютно достоверными, и постоянно при этом перебивая друг друга замечаниями типа: «Ты не видел, как я...» или «А помнишь, как тот здоровенный легавый...». Мы прямо-таки сроднились друг с другом, и то тут вошел капитан.

Когда он появился, все наши разговоры прекратились, хотя он, должно быть, слышал нас задолго до того, как мы его увидели, поэтому нам в общем-то не было никакого смысла притворяться, будто все это время мы сидели тихо.

Однако, судя по всему, настроение у него было неважное, и потому мы, не сговариваясь, снова включились в свои роли. То есть охранники стали по стойке «вольно» и приняли строгий вид, в то время как мы с Нунцио просто сидели с видом пострадавших... что было не слишком трудно, поскольку, как я сказал, нам тоже изрядно досталось в этой драке. В полном молчании мы наблюдали, как капитан уселся за стол и принялся изучать положенный туда рапорт. Я мог бы и сам заглянуть в него, когда мы болтали с охранниками, но, по правде говоря, мне это и в голову не пришло, пока я не увидел, как капитан читает его, и не понял, что его содержимое вполне может решить нашу с Нунцио судьбу.

Наконец капитан посмотрел на нас, словно впервые увидел.

— А где остальные? — спросил он у одного из охранников.

— В лазарете, вашбродь, — ответил охранник.

Капитан поднял брови:

— Что-нибудь серьезное?

— Никак нет. Всего лишь несколько синяков и шишек. Кроме того...

Охранник замялся и поглядел на меня, и я понял, что настал мой черед.

— Я отправил солдат подлечиться, а сам решил сперва поговорить с вами, капитан... Ваше благородие, — начал я. — Понимаете, в драку-то ведь ввязались мы с Нунцио, а отделение просто подключилось позже, чтобы помочь нам выбраться... поэтому я подумал, что... ну, поскольку ответственность лежит на нас...

— Вы можете это подтвердить? — обратился капитан к охраннику, обрывая мою речь.

— Так точно, ваше благородие.

— Отлично. Пошлите извещение в лазарет. Скажите остальным бойцам отделения, что они могут по окончании лечения вернуться в свои казармы. Сержант Гвидо и капрал Нунцио берут на себя всю ответственность за случившееся.

— Слушаюсь, вашбродь, — ответил охранник, отдал честь и вышел. У меня немного отлегло от сердца, я вовсе не хотел втравливать всю команду в неприятности из-за нашего гамбита, разве что некоторую ее часть... но оставался открытым вопрос, как же капитан намерен поступить со мной и с Нунцио. Мы действительно терялись в догадках, потому как наведенный на нас ровный взгляд капитана был абсолютно непроницаем, нельзя было разобрать, доволен он или, наоборот, расстроен... Хотя с чего ему быть довольным в такой ситуации?

— Вам известно, — сказал наконец он, — что меня отзвали прямо со сцены ради этого дела, сорвали мое последнее выступление?

— Никак нет, — ответил я, потому что и правда этого не знал.

Однако его заявление объяснило две вещи, вызвавшие у меня недоумение. Во-первых, его довольно броский наряд... Очень даже роскошный, но решительно не по уставу. А во-вторых, степень его благожелательности по отношению к нам — я ее теперь определил с достаточной точностью, несмотря на непроницаемость его взгляда.

— Согласно этому рапорту, — говорил он, снова глядя на бумагу, — вы двое — участники, если не зачинщики, драки в баре, не только со штатскими, но также и с полицией. Хотите что-нибудь к этому добавить?

— Местная девица пыталась ограбить одного из наших, — сказал я, решив, что теперь, когда мы выполнили свою задачу, пора позаботиться и о себе. — А потом, когда мы попытались его вызволить, другие стали утверждать, будто это он на нее напал. Что до легавых... я имею в виду полицию, ну, они

собирались арестовать нас всех, несмотря на присутствие там военной полиции, а нас здесь учили, что...

— Да-да, я знаю, — отмахнулся он. — Военнослужащих положено судить военным, а не гражданским судом. И что, вы двое сцепились с целой пивной, набитой штатскими, из-за параграфа воинского устава? Так?

— Так точно. И кроме того, мы пытались помочь своему товарищу.

— Отлично, — сказал он и посмотрел на охранников. — Можете теперь идти. Дальше я сам с этим управлюсь.

Мы тихо ждали, пока все военные полицейские не вышли гуськом из помещения, а затем еще немного, пока капитан снова изучал наши личные дела.

— Вас двоих перевели ко мне около недели назад... а до того вы всего несколько недель как записались на службу в армию? Правильно?

— Так точно.

— Значит, вы только-только прошли основную подготовку — и уже сержант... и капрал. А теперь еще и это.

Он уткнулся опять в наши личные дела, но я понемногу стал успокаиваться. Наказания, конечно, нам не избежать, раз уж мы сами во всем признались, но скорее всего мы отделаемся только потерей нашивок... и такая перспектива меня вовсе не огорчает.

Совсем неплохо, если учесть, что за нас некому замолвить словечко для смягчения приговора за добровольное признание.

— Штатские власти рекомендуют подвергнуть вас суровому дисциплинарному взысканию... требуют вас примерно наказать, дабы другим было неповадно нарушать дисциплину.

Я снова забеспокоился. Это звучало не очень хорошо. Что же, после безупречной карьеры мне придется отбывать срок на армейской гауптвахте? Я размышлял, не поздно ли взять назад наше признание... и стоят ли по-прежнему за дверью ребята из ВП.

— Отлично, — сказал наконец капитан, отрывая взгляд от наших личных дел. — Считайте себя подвергнутыми дисциплинарному взысканию.

Мы ждали, что он скажет еще, но скоро поняли, что это все.

— Ваше благородие?

Капитан слегка раздвинул губы в натянутой улыбке:

— Вы знаете, в чем больше всего нуждается такая быстрорастущая армия, как наша?

У меня тоскливо засосало под ложечкой, поскольку уже однажды слышал нечто подобное. Нунцио, правда, при сем не присутствовал.

— В портном получше, — ответил он.

Капитан удивленно моргнул, а затем разразился неудержимым смехом.

— Весьма неплохо, — перевел дух он. — В портном получше. Тут вы, в общем, правы, капрал Нунцио... но я говорил не об этом.

Он стер с лица улыбку и вернулся к теме.

— А нуждаемся мы в лидерах. Можно научить людей стрелять, но нельзя научить их руководить. Во всяком случае, по настоящему. Можно вдолбить им основные принципы управления, чтобы они могли по крайней мере делать вид, что руководят, но настоящее руководство... природный дар внушать преданность и готовность побеждать... Этому научить нельзя.

Он взял со стола рапорт и небрежно бросил его обратно.

— Так вот, официально мы не должны поощрять драк наших со штатскими, как бы нас ни провоцировали. В противном случае мы бы рисковали лишиться благожелательного отношения к нам в общине... какая там она ни есть. Однако мы сознаем, что кое-кто хочет этим воспользоваться и при всяком удобном случае эксплуатирует наших солдат, а некоторые откровенно нас не переваривают... хотя я никак не могу взять в толк почему.

Я был готов оставить это без комментариев, но Нунцио...

— Возможно, потому, что армия — главный получатель их денег, взимаемых в виде налогов, — высказался он.

— Но благодаря нашим кампаниям их налоги снижаются, а не увеличиваются, — нахмурился капитан.

Как и в первый раз, когда я услышал это, в голове у меня прозвучала фальшивая нота. Однако мне снова не дали на этом сосредоточиться.

— Как бы там ни было, — произнес, встряхивая головой, капитан, — истина в том, что мы хоть и не можем публично прощать инциденты, подобные тому, в котором вы участвовали, но считаем, что у армии есть дела и поважнее, чем сражаться со штатскими. Конечно, вы заняли такую жесткую позицию по отношению к ним, и даже к полиции... прослушив в армии всего три недели... Скажите, вы не задумывались о дальнейшей карьере? Как насчет того, чтобы сделать армию своей постоянной профессией?

Этот вопрос захватил нас врасплох, так как мы были бесконечно далеки от этой идеи и могли ее сопоставить разве что с тычком пальца в небо.

— М-тм-м-м... честно говоря, ваше благородие, — нашелся наконец я, — мы пока еще ни о чем таком не думали, надо посмотреть, как справимся со срочной службой.

Я счел это вполне дипломатичным ответом, потому как неблагоразумно говорить человеку, что, по-твоему, избранная им карьера дурно пахнет... особенно если в его власти твое непосредственное будущее. Однако капитан по какой-то причине воспринял мой ответ совершенно иначе.

— Думаю, смогу ускорить ваше решение, — сказал он, начиная что-то царапать в наших личных делах. — Я повышаю вас обоих. Нунцио, вы теперь сержант... а вы, Гвидо, получаете еще одну нашивку. Конечно, вам не стоит пока разгуливать по этому городу... да и всему вашему отделению тоже, если уж на то пошло. Это может не понравиться гражданским властям. Вот что я вам скажу. Я намерен перевести вас и ваше отделение на службу при штабе. Там всегда есть возможность продвинуться. Вот и все, ребята. Можете теперь идти... и поздравляю!

Больше всего на свете мне хотелось тихонько все обдумать. Нунцио же, едва дождавшись выхода из кабинета командира, принял меня дразнить.

— Гвидо, — спросил он, — это я сошел с ума или армия?

— Вероятно, вместе, — ответил я, — хотя, признаться, думаю, что у армии есть преимущество перед тобой по части дурости.

— Никак не пойму. Ну просто никак не пойму, — продолжал он, словно я ничего не сказал. — Я имею в виду, ведь мы же не подчинились инструкции... даже отпустили легавых, черт подери. И за это нас еще и повысили?

— Похоже на то, — осторожно заметил я, — что нас натравили за «боевые действия против неприятеля». Наверно, мы просто неправильно рассчитали, в ком армия видит «неприятеля», вот и все.

Некоторое время мы шагали молча, каждый из нас размышлял над произошедшим.

— Полагаю, в этом есть и хорошая сторона, — наконец сказал я. — Если мы намерены продолжать свои попытки развалить армию, то штаб, вероятно, самое подходящее место, откуда можно это сделать.

— Точно, — вздохнул Нунцио. — Ну, Гвидо, позволь мне тебя поздравить.

— С чем?

— Да с повышением, конечно, — удивился он, косясь на меня. — Я точно знаю, как много это для тебя значит.

Я было подумал ему вмазать, но он, вставив мне эту шпильку, намеренно отошел за пределы досягаемости.

— Нунцио, — сказал я, — давай не будем забывать о своем собственном...

— Эй, парни!! Подождите!!

Мы оглянулись и обнаружили нагоняющую нас Оссы.

— О, привет, Осса.

— Так что же все-таки случилось? — спросила она, переводя дух.

— Ну, после того, как ты ушла, произошла небольшая драка и...

— Это я знаю, — перебила она. — Уже слышала. Сожалею, что ее упустила. Я имела в виду, после. Вы в беде, ребята?

— Нет, — небрежно пожал плечами Нунцио. — Наше отделение даже переводят в штаб... ах да, и нас с Гвидо повысили.

Сказал он это совершенно непринужденно, ожидая, что она будет удивлена так же, как и мы. Но, странное дело, она пропустила это мимо ушей.

— А как насчет гражданских властей? Что вы собираетесь по этому поводу предпринять?

— Ничего, — ответил я. — С какой стати?

— Шутите? Я слышала, вы отпустили легавого! Такое не станут просто оставлять без внимания!

— Придется, — пожал плечами я. — Нас, военнослужащих, могут подвергать дисциплинарному взысканию только военные, а вовсе не гражданские суды.

— Да? — нахмурилась она, застыв как вкопанная.

— Разумеется. Ты что, не помнишь? Нам же говорили об этом на основной подготовке.

— А я ведь советовал тебе быть повнимательней на занятиях по воинскому уставу, — усмехнулся ей Нунцио.

— Вот это да, — произнесла она, жуя губу. — Тогда вам скорее всего не понадобится доставленная мной подмога.

— Подмога? Какая подмога?

— Ну, я подумала, у вас будут неприятности с гражданскими властями, а поскольку знала, что у вас есть кое-какие связи, то решила кого следует оповестить, чтобы...

Вплоть до этой минуты я слушал вполуха. Однако по мере того как Осса излагала свои соображения, в голове у меня что-то начало позывывать... сигнализация... довольно громко.

— Связи? — перебил я ее. — Ты имеешь в виду — с Синдикатом?

— Конечно, — кивнула она.

— Ты отправилась искать Синдикат? — врубился наконец Нунцио.

— Конечно. И к тому же нашла его.

— Минутку, — нахмурил я брови. — Когда ты сказала, что «доставила подмогу», ты имела в виду, что кто-то с тобой *здесь и сейчас*?

— Точно, — объявила она, оглядываясь по сторонам. — Когда я только что вас заметила, он был со мной. Наверное, я немного его опередила, но он должен быть...

— Здорово, Гвидо... Нунцио... давненько не виделись.

Сказавший это вынырнул откуда-то из тени неподалеку от нас... слишком неподалеку.

— Здорово, Змей, — сказал я, потихоньку отодвигаясь от Нунцио так, чтобы у нас обоих были на всякий случай пути к отступлению.

— А вы помните меня! — воскликнул он, хотя его насмешливая улыбка ясно давала понять, что он ничуть не удивлен. — Я не был уверен, что вы меня узнаете.

Мне подумалось, что Змей запомнил бы всякий... за исключением, возможно, свидетелей... Он как раз из тех, кого трудно забыть. Высок и крайне худощав, имеет привычку одеваться во все черное, как был одет и сейчас, почему и сумел подкрасться к нам незаметно.

— Вы знакомы? — удивилась Осса, нерешительно глядя то на нас, то на него.

— О, мы старые друзья, — ответил Змей этим своим ровным мурлыкающим голосом.

— На самом-то деле мы скорее коллеги, — поправил его Нунцио, отодвигаясь от меня еще дальше.

Мы с Нунцио, конечно, знаем Змея, но никогда не притворялись, будто он нам нравится. Он один из лучших выковыльчивателей Синдиката, но склонен, на наш вкус, чрезмерно любить свою работу. Вы, наверно, заметили, что порой и мы с Нунцио применяем необходимое насилие, но, в угоду нашим деликатным натурам, научились его по возможности избегать или сводить к минимуму. Змей же, напротив, обожает растягивать удовольствие от своей работы, делая ее не спеша... а работает он ножом. Однако, когда ситуация того требует, он умеет быть и быстрым, как его клинок. К примеру, мы с Нунцио тем вечером в баре были уверены, что запросто справимся с толпой обычных его посетителей, но я серьезно сомневаюсь, сможем ли мы оба, работая вместе, если дела примут плохой оборот, справиться со Змеем.

— Почему бы тебе не вернуться в казармы, Осса, — предложил я, не сводя глаз со Змея. — Наш коллега, вероятно, хочет обсудить с нами кое-какие дела... наедине.

— Только не я! — Змей поднял руки, растопырив пальцы, что, видимо, должно служить демонстрацией невинности. — Не спорю, разговор между нами мог бы получиться... интересный. Но я здесь только для проповедования вас к еще одному старому другу.

— И кто же это будет такой? — осведомился Нунцио.

С лица Змея слетела улыбка, а голос упал на дюжину градусов.

— С вами хочет поговорить Дон Брюс... он очень хочет с вами поговорить.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Чьей властью вы отменили мои распоряжения?

Папа Иоанн

-Отпадная у вас тут бабенка.

Я бросил косой взгляд на Змея, отпустившего это замечание, но ничего наигранного в его манере и тоне не заметил, а потому решил, что он был искренен и вовсе не пытался валять дурака.

— Ничего, — согласился я бесстрастно.

Учитывая, что у нас, похоже, назревают неприятности с Синдикатом, не стоило особенно афишировать наши с Оссой дружеские отношения.

— А что же случилось с ее волосами?

— Думаю, они ей нравятся такими, — пожал я плечами. — Кто их знает, этих девах. Конечно, до армии они выглядели лучше.

— Это напомнило мне старый анекдот, — сказал Нунцио. — Там один парень берет аллигатора, отрезает ему нос, потом хвост и красит его в желтый цвет...

— Знаете, — перебил его Змей, — пока мы вас искали, она расспрашивала меня насчет поступления в Синдикат по окончании срока службы.

Теперь я понял, почему Змей такой разговорчивый. Он прощупывал, нет ли у меня или у Нунцио видов на Оссу... в профессиональном или личном плане. Это вполне понятно. Я хоть и не думал, что он нас боится, но каждый знает, что возня с девахой другого парня в Синдикате чревата самыми неприятными последствиями, и поэтому разумней всего тщательно нашупать брод, прежде чем соваться в воду.

— Это ее дело, — осторожно заметил я. — Конечно, она расспрашивала нас с Нунцио неделю назад о том же самом, и мы даже в некотором роде обещали поручиться за нее, если дойдет до этого.

— Ладно, уловил, — кивнул Змей. — Конечно, все зависит от того, где вам, ребята, предстоит оказаться в ближайшем будущем.

Говорил он достаточно непринужденно, но сказанное тем не менее служило холодным напоминанием о реальностях нашего положения. Всё он себя дружелюбно, словно не имел против нас ничего, кроме, возможно, профессионального соперничества. Но мы ни на минуту не сомневались, что, если Дон Брюс даст ему команду нас кокнуть, он с удовольствием ее выполнит.

— Кстати, коль речь зашла о нашем будущем, — сказал Нунцио, — куда мы идем?

Я бы и сам мог ему ответить, проанализировав направление нашего движения, и Змей подтвердил мои догадки.

— В суши-бар к Абдулу, — ответил он. — Или, как сказал бы Гвидо, на место преступления.

— Змей, — сказал я довольно напряженно, — ты пытаешься позабавиться над моей манерой говорить?

— Кто, я? — с совершенно невинным видом переспросил он. — Боже упаси. Меня всегда восхищало то, как ты владеешь языком, Гвидо, как и всех в Синдикате, кого я знаю. Кроме того...

Мы добрались до цели нашего путешествия, но он ненадолго остановился перед дверью, чтобы закончить фразу.

— ...я определенно не хотел бы обидеть такого крутого парня, как ты... или даже как ты, Нунцио. Кстати, мне очень

нравится ваш новый прикид. В нем вы действительно щеголяете своими ногами, понимаете мою мысль?

Что ж, я ожидал острот по поводу наших мундиров с той самой минуты, как Змей выступил из тени. Ясно мне было и то, почему он вплоть до этого момента выжидал и помалкивал в тряпочку. Просто рассчитывал нырнуть в дверь прежде, чем мы дадим ему по шее... что он, собственно, и сделал, не оставив нам иного выбора, кроме как следовать за ним.

— А вот и они. Заходите, мальчики! Заходите!

Открывшуюся нам сцену можно было охватить одним взглядом, но то, что мы увидели, привело нас в состояние шока.

В баре был полный разгром, повсюду валялись перевернутые и переломанные столы и стулья. Я знал, что в ходе недавней драки мы учинили небольшой кавардак, но тогда мое внимание больше занимали причинение всяких там телесных повреждений и защита от оных самого себя, потому я особенно не замечал, что происходит с самим заведением. Однако теперь, при отсутствии отвлекающих факторов, я увидел хорошее поле деятельности для кучи ремонтников.

Дон Брюс стоял, прислонясь к стойке и потягивая вино из одной, видимо, по случайности уцелевшей бутылки... прямо из горлышка, так как я не заметил ни одного неразбитого стакана. Поприветствовал он нас очень даже дружески, но все равно на светский визит это было совершенно не похоже, так как по всему помещению слонялись или подпирали его стены, за неимением куда сесть, не менее полудюжины громил Синдиката.

— Привет, ребята! Присоединяйтесь к нам!

Это предложила Тананда, стоявшая рядом с Доном Брюсом. Личину она ради данного случая сбросила, но запахнулась в лиловое пальто Дона Брюса. Может, он и не интересуется женщинами так, как мы с Нунцио, но когда дело доходит до обращения с ними, Дон Брюс всегда образцовый джентльмен. А по другую сторону от него стоял...

— Это они! Те самые парни, которые разгромили заведение! Я думал, что плачу вам за защиту!!

Это Фрумпель. Какую-то минуту мне подумалось, что он тоже сбросил личину, но затем я сообразил, что это не так, а лицо у него ярко-красное оттого, что он вне себя от бешенства.

— Ладно-ладно! — отозвался Дон Брюс, казавшийся немножко раздраженным. — Будем считать, опознание состоялось. Просто приведите в порядок свое заведение и пришлите нам счет... а еще лучше дайте нам список всего необходимого для замены и ремонта. Возможно, нам удастся договориться с оптовиками и подрядчиками о некоторой скидке... понимаете мою мысль?

— Да уж, — фыркнул Фрумпель, протягивая руку к бутылке с вином.

— А пока, — сказал Дон Брюс, убирая бутылку за пределы его досягаемости, — почему бы вам не пойти немножко прогуляться или что-нибудь в этом духе. Мне нужно обсудить здесь с мальчиками несколько вещей.

Девол секунду колебался, но затем кивнул в знак согласия.

— Ладно, — проворчал он, но, направляясь к двери, бросил на нас злобный взгляд. — Мне следовало бы догадаться, что за вами стоит этот мошенник Скив... я с самого начала заподозрил это. Он и эта его потаскушка...

— Стоп!!

Голос Дона Брюса разнесся по всему пивному залу, словно щелканье бича, и я понял, что Фрумпель допустил ошибку... грубую ошибку.

— Что это ты сейчас сказал о Скиве?.. И о госпоже Тананде?

Громилы отделились от стенки и подались вперед.

— Я... м-гм... то есть... — промямлил девол, отчаянно озираясь по сторонам.

— Тебе следовало бы научиться выбирать слова, когда говоришь о моем партнере... или о присутствующей здесь dame, доводящейся ему личным другом.

— Ну... понимаете... — попытался что-то сказать в свое оправдание Фрумпель, но Дон Брюс еще не закончил.

— Я пересмотрел свое предложение об оплате, — объявил он. — Думаю, что восстановления этого заведения будет не-

достаточно... учитывая ущерб, нанесенный вашей репутации. Думаю, нам придется предоставить вам совершенно новое заведение.

Это сбило девола с толку, но он был достаточно напуган, чтобы вспомнить о хороших манерах.

— Очень любезно с вашей стороны, — пробормотал он. — Но не думаю...

— На Деве! — отрезал Дон Брюс.

Глаза Фрумпеля широко распахнулись. А затем он повернулся к нам, словно загнанная в угол крыса.

— Вы... вы дали мне слово! — визжал он. — Вы обещали мне, что никому не скажете...

— Им и не требовалось ничего мне говорить, — заявил Дон Брюс. — У меня есть свои уши во многих местах... включая Базар.

— Но я *не могу* туда вернуться!

— Это мне тоже известно, — холодно ответил Дон Брюс. — И все же таково наше предложение. Либо мы устраиваем вас на Деве... либо вы остаетесь здесь и сами оплачиваете ремонт. Хотите — соглашайтесь, хотите — нет.

Я-то, между прочим, не знал, что Дону Брюсу известно, кто такой Фрумпель, как и не ведал, что этот девол был по какой-то причине нежелательным лицом в своем родном измерении. Однако мое удивление не шло ни в какое сравнение с реакцией Фрумпеля, пребывавшего, судя по его виду, в шоке.

— Я... я не могу туда вернуться, — еле слышно повторил он.

— Хорошо. Значит, решено. — Дон Брюс внезапно снова сделался дружелюбным. — А теперь почему бы вам не пойти прогуляться... и кстати...

Девол повернулся и наткнулся на суровый взгляд Дона Брюса.

— И помните, что я сказал... У меня есть уши во многих местах. Если начнете трепать языком, причините Скиву, госпоже Тананде или этим мальчикам какие-нибудь неприятности, то я об этом услышу. Запомните. А теперь вон отсюда.

Как только Фрумпель исчез, Дон Брюс дернул головой, делая знак громилам.

— Вы, мальчики, тоже прогуляйтесь, — распорядился он. — Разговор у нас будет сугубо приватный... и, Змей?

— Да, босс?

— Пригляды-ка за этим шутом, ладно? Убедись, что он держит язык за зубами... потому что в противном случае, боюсь, с ним может произойти несчастный случай. Понимаешь мою мысль?

— Уловил, босс, — ответил Змей и растворился в ночи вслед за другими.

— Ну, мальчики. — Дон Брюс повернулся наконец к нам. — Теперь, когда мы одни, думаю, нам самое время кое о чем потолковать.

Сказал он это довольно дружелюбно, но, как вы сами могли только что на примере Фрумпеля убедиться, успокаиваться нам было рано. Мне пришло в голову, что я бы не сел с Доном Брюсом за драконий покер. Конечно, он бы подружески одолжил мне денег для продолжения игры и все такое, но при этом обязательно бы припрятал где-нибудь добавочную колоду карт.

— Госпожа Тананда только что рассказала мне о вашей операции...

— Совершенно верно, — подтвердила Тананда. — Дон Брюс не...

— ...а учитывая, что, как вы только что слышали, я горжусь своей информированностью, — продолжал Дон Брюс, говоря через голову Тананды, что показалось мне дурным знаком, — то, признаться, меня немного озадачило мое недавнее неведение, и если бы сегодня вечером ко мне не обратилась за помощью ваша маленькая подружка... Короче, я хочу знать следующее: что вы делаете здесь, в королевстве Пессилтум... особенно учитывая заключенное нами соглашение?

— Соглашение? — переспросила тихим голосом Тананда.

— Совершенно верно, — повернулся к ней Дон Брюс. — Вас при этом не было, но когда я впервые встретился со

Скивом, мы заключили сделку, и я лично дал ему слово, что Синдикат не будет наезжать на королевство Пессилтум...

— Но какое это имеет отношение к...

— ...а поскольку Скив... а через него и все вы... получаете деньги у Синдиката в качестве его сотрудников, то ваше присутствие здесь есть нарушение моего слова. Это ясно?

— Ясно, — отозвалась Тананда, выразительно глядя на нас. — Но скажите, Дон Брюс, если Синдикат не суется в это королевство, то с какой стати вы берете деньги за защиту с купцов вроде Фрумпеля? Я хочу сказать, вы-то *сами* что здесь делаете?

Это был хороший вопрос, мне он в голову не приходил, впрочем, ответить на него я бы, наверное, смог. Но это сделал сам Дон Брюс, и надо отдать ему должное, при этом у него хватило приличия выглядеть немного смущенным.

— Это все по прежним договоренностям, — сказал он. — Я никогда не обещал свертывать уже начатые операции.

— Хм-м-м... — нахмурилась Тананда, — грань между тем и этим представляется мне весьма зыбкой.

Я подумал, что, конечно, Синдикат и нажил уйму денег на таких вот зыбких гранях... но время было не самое подходящее поднимать эту тему.

— Возможно, и так. — Голос Дона Брюса снова стал суровым. — Но не в том суть. Я все еще хочу услышать, что вы здесь делаете!

— Ах это, — улыбнулась Тананда. — Ну, видите ли... м-гм-м...

Хотя Тананда мастерица играть в драконий покер и прикидываться очень уверенной ей не привыкать, но сейчас мне было очевидно, что она попалась и пытается блефовать.

— Успокойся, Тананда, — сказал Нунцио, впервые подав голос с тех пор, как мы вошли. — Я могу все это объяснить.

— Да? — невольно вырвалось у меня от удивления.

— Разумеется, — ответил кузен, глядя на меня в упор, как всегда, когда рассчитывает на мою поддержку.

— Ладно, Нунцио, — сказал Дон Брюс, снова расположившись у стойки. — Говори.

— Ну, понимаете, — начал Нунцио, — босс не в восторге от упомянутого вами соглашения, касающегося отношений Синдиката с Поссилтумом.

— Ах, он *не в восторге*, да? — зарычал Дон Брюс, но Нунцио успокаивающе поднял руку и продолжил:

— Дело в том, что, по мнению босса, теперь возникли обстоятельства, которые никто из вас не принимал в расчет при первоначальных переговорах... я имею в виду новую политику экспансии, направленную на расширение границ королевства.

— Продолжай, — сказал Дон Брюс, но теперь уже кивая.

— Дух вашего соглашения предусматривал, что Синдикат не будет посягать на территорию королевства, но при теперешнем положении дел само королевство вторгается на территорию Синдиката. И что еще хуже, буква вашего соглашения препятствует Синдикату защищать то, что принадлежит ему.

— Я это замстил, — саркастически усмехнулся Дон Брюс.

— Ну так вот, босс считает это несправедливым. И главное, он чувствует себя лично ответственным за все это, поскольку именно его неумелое ведение переговоров от имени королевства поставило вас в это затруднительное положение. Проблема в том, что он теперь, поскольку работает на Синдикат, не в состоянии пересмотреть условия соглашения и снова привести все в порядок.

— Да, — задумчиво проговорил Дон Брюс. — Вполне могу понять.

— Так вот, вы, возможно, этого и не знаете, Дон Брюс, — продолжал Нунцио, — но босс очень высокого мнения о вас и никогда ничего не сделает вам во вред. Из-за этого и из-за того, что он считает себя ответственным за возникшие трудности, он взял на себя задачу исправить положение, проведя тайную операцию с целью остановить экспансию королевства. Фактически он держал это от вас в секрете ради небольшой добавочной гарантии. При таком подходе, если что-нибудь выйдет не так, вы сможете заявить под присягой, что знать ничего не знали об этом и, уж конечно, никогда не

принимали никакого участия в акциях против Пессилтума. Он выступает, Дон Брюс, вроде как козлом отпущения... исключительно заботясь о вас!

Я хоть и не поклонник таланта красноречия Нунцио, но случается, бываю искренне благодарен ему за умение ставить все с ног на голову. Даже отлично зная, что босс, посылая нас на задание, даже не вспомнил о своем соглашении с Доном Брюсом, я не был уверен, что смогу найти хоть малейший изъян в логике кузена.

— Ох уж этот Скив, — засмеялся Дон Брюс, стукнув от избытка чувств кулаком по стойке. — Теперь вы видите, почему я так его люблю? Он действительно пытается сделать все это сам... надо же, просто ради меня! Скажу вам прямо, мальчики...

Он огляделся кругом, а затем нагнулся вперед, прежде чем продолжить.

— Вы не представляете, сколько неприятностей причиняли мне другие из-за подобного соглашения. Особенно босс Островного Синдиката.

— Вы имеете в виду Дона Хо? — сказал я.

— Совершенно верно, — кивнул Дон Брюс. — Но и не только его. Даже Дон Амечи, и тот донимает меня! Удивляет только, как об этом узнал Скив. Я все время вам твержу, этот паренек подает большие надежды. Вы знаете, в чем больше всего нуждается такая крупная организация, как наша?

— В руководстве, — хором ответили мы с Нунцио.

— В руководстве. Эй! Совершенно верно! — удивленно моргнул, глядя на нас, Дон Брюс. — Знаете, с тех пор, как вы, мальчики, начали работать на Скива, вы и сами весьма неплохо стали соображать. Возможно, мне следует как-нибудь подумать о выделении вам самостоятельных участков.

Я подумал, что взлет нашей карьеры становится все более головокружительным.

— М-гм-м-м... Да мы вполне довольны и теперешним положением дел, Дон Брюс, — быстро проговорил я.

— Да, — поддержал меня Нунцио. — Мы считаем, что при теперешнем положении дел боссу понадобится вся помощь, какую мы только сможем ему оказать.

— Хм-м-м... Полагаю, вы правы, — согласился Дон Брюс, заставив нас обоих чувствовать себя немного неловко из-за того, что лишили его возможности повысить нас в звании. — Вот что я вам скажу. Если Скив считает, что мне нельзя открыто приложить к этому руку, что ж, ладно, но я мог бы подбросить вам в помощь нескольких ребят!

В голове у меня вдруг мелькнула одна картина. Как я пытаюсь уснуть, не говоря уже про то, чтобы действовать, при ошивающемся поблизости Змее.

— Я... наверное, не стоит, — сказал я. — Мы уже сработались с этой командой. Кроме того, любому из ваших парней тогда пришлось бы записываться в армию... и где гарантии, что их направлят именно сюда.

— К тому же большинство из них предпочтет скорее завязать, чем показаться на людях в ваших нарядах, — засмеялся Дон Брюс, подмигивая Тананде. — Да, тут вы, пожалуй, правы.

Мы с Нунцио еле выдавили из себя улыбки, поскольку большого веселья вовсе не испытывали.

— Ну, обязательно дайте мне знать, если понадобится моя помощь.

— Разумеется, Дон Брюс.

— Спасибо, Дон Брюс.

— Ах да! Еще одно. Как там дела у Банни?

— У Банни? — спросила Тананда, отделившись от стойки, словно боксер-профессионал. — У той маленькой...

— Разумеется! Ты же помнишь Банни, — быстро вмешался я. — Это же племянница Дона Брюса, она у нас работает.

— О! Верно! — моргнула Тананда и снова прислонилась к стойке.

— Она очень хорошо работает, Дон Брюс, — поспешно сообщил Нунцио. — Да и вообще, пока мы здесь, она, собственно, заправляет всем в конторе.

— Да, конечно, — отмахнулся Дон Брюс. — Но как она ладит со Скивом?

Нам хоть и удается время от времени запудрить ему мозги, но он весьма сообразителен и, уловив наше колебание, взглянул на Тананду:

— Скажите-ка... вы сами, госпожа Тананда, не интересуетесь Скипом?

Тананда на секунду задумалась, а затем сморщила носик.

— Да в общем-то нет, — сказала она. — Скорее он для меня вроде младшего брата.

— Понятно, — кивнул Дон Брюс. — Ну а не могли бы вы в порядке личной услуги мне взять под свое крыло и Банни? Она любит прикидываться этакой крутой и многоопытной девицей, но на самом-то деле она все еще просто ребенок. Понимаете мою мысль?

В ответ Тананда лишь медленно кивнула. На мой взгляд, она, похоже, не была в большом восторге от этой идеи... особенно после того, как услышала, насколько серьезно относится Дон Брюс к своим и чужим обещаниям.

— Вы же знаете, каким бывает босс, когда дело касается дам, — быстро вставил я. — Он медлителен, словно вносящий залог поручитель, которого надували три раза подряд.

Я попытался отвлечь внимание Дона Брюса от Тананды, но он проигнорировал меня и не сводил с нее глаз.

— Скажите-ка... с вами все ладно? — спросил он, неверно истолковав ее сигналы. — Похоже, вам в этой операции досталось больше всех.

— Просто немного устала, — сверкнула она улыбкой. — Хотя вы правы. Годы берут свое, и я не уверена, много ли еще подобных ночей смогу выдержать.

— Почему бы тебе не отправиться обратно к Большому Джули и не присоединиться к Коррещу? — предложил я. — Нас отсюда переводят, а сама ты мало что сможешь сделать, учитывая, в какой ты форме.

— Переводят?

— Совершенно верно, — подтвердил Нунцио. — Нас повысили и перевели в штаб. Похоже, потенциальных лидеров умеют замечать не только в Синдикате.

Пережитый за этот вечер физический и нервный стресс лишил меня возможности немедленно придушить остряка.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Без канцелярской работы нет армии!

И. Карлссон

—Ну, сержант Гвидо, вы и ваше отделение прибыли с отличными рекомендациями. Да, именно так, с отличными рекомендациями!

— Так точно, вашбродь. Спасибо, вашбродь.

Я, конечно, немного преувеличил произведенное нами впечатление, однако, учитывая, куда мы попали, не вижу в этом ничего плохого.

— Ну, — сказал офицер, отставив наши личные дела в сторону и погрузившись в ворох других бумаг у него на столе, — давайтс посмотрим, что же мы можем подыскать для вас в смысле назначения.

На самом-то деле я бы удивился, если бы он смог отыскать в этом кабинете собственные ноги. Мне лишь несколько раз доводилось видеть столько бумаг, заполнявших столь малое пространство кабинета... и все эти случаи приходились на кабинеты, куда я тыкался, разыскивая этот. Бумаги лежали везде: на стульях и на полу, на подоконниках и на шкафах с документами... не говоря уже о кипах их поверх документов, уже лежавших в выдвинутых ящиках шкафов. Разумеется, и стол офицера, с которым я разговариваю, заставлен кипами разных бумаг, и именно в них он сейчас и рылся.

— А! Вот кос-что, — объявил он, разглядывая один из перебрасываемых им листов. — Что скажете, если вашей команде поработать операторами санузлов?

— Кем-кем?

— Ну, знаете, — пояснил он, — это копать и закапывать отхожие места.

Я прикинул, что в такой работе, возможно, и заложен некоторый потенциал для развала армии, но я почему-то не горел желанием к ней подключаться. Дело в том, что Нунцио все еще подкалывает меня по поводу моей работы с «собачьи-

ми безобразиями с натуральным запахом, сжимающим вас в своих объятиях», выпавшей на мою долю в недавнем задании для Корпорации М.И.Ф.; поэтому я предпочел бы на этот раз избежать экспериментов с чем-либо подобным.

— Наряд этот вроде как дурно пахнет... вашбродь. — Эти слова вырвались у меня сами собой. Я тут же попытался исправить дело, добавив: — Если позволите так выразиться... вашбродь.

Это чтобы он знал, какой я воспитанный.

Я ожидал, что моя прямолинейность немного его расшевелит, но он просто слегка пожал плечами.

— Ну разумеется, — доверительно произнес он. — Но вспомните, где вы находитесь, сержант. Это же штаб... мозги армии. Вполне естественно, что эта мозговая мощь направлена главным образом на поиски более приятных и легких назначений... то есть, я хочу сказать, все не так просто... если я ясно выразился.

— Да вообще-то не совсем, вашбродь.

Офицер вздохнул:

— Давайте тогда попробуем иначе. Здесь у всех связи, и каждый использует их для получения работы получше. Чем выше связи, тем лучшие работы. Вы же с вашей командой только что прибыли и никого здесь не знаете... стало быть, вам какое-то время придется довольствоваться работой, за которую никто больше не хочет браться. Когда вы обзаведетесь связями, то получите задание получше, но на какое-то время придется смириться с этим.

Я подумал было упомянуть о моих связях с Синдикатом, но потом решил, что при данных обстоятельствах от них мало проку, да и к тому же их могут воспринять как угрозу. Наконец в голову мне пришло еще кое-что.

— А генерал Плохсекир сгодится, вашбродь?

Это живо привлекло внимание офицера.

— Вы знаете генерала Плохсекира? — произнес он из-под вскинутых до небес бровей.

— Немного, вашбродь, — признал я. — Встречались как-то мимоходом.

— О... Ну, вообще-то генерал, конечно, здесь, в штабе. Однако, к сожалению, он нездоров... по крайней мере не находился в добром здравии последнюю пару недель.

— А это недомогание, случайно, не связано с женщиной, вашбродь? Очень, очень крупной... с уймой косметики и драгоценностей?

За это я заработал куда более пристальный взгляд со стороны офицера. Он помедлил с ответом.

— В общем, да, — признал наконец он. — Для только-только прибывшего в штаб вы замечательно хорошо осведомлены... или вы знакомы также и с этой... молодой дамой?

По нескольким причинам я решил не признаваться в истинном характере наших с Нунцио отношений с Машей.

— Она была с генералом, когда я встретился с ним при дворе, вашбродь, — объяснил я в какой-то степени правдиво.

— Вы бывали при королевском дворе?

— Так точно... но это было давно... как раз перед тем, как король женился на королеве Цикуте.

— Понятно, — задумчиво произнес офицер, а затем отложил в сторону бумагу, которую держал, и снова начал рыться на столе.

— Ну, в таком случае, пожалуй, подыщу для вас назначение поприятней.

— Не спешите, вашбродь, — сказал я. — Я вполне понимаю, в какой беспорядок могут прийти дела при таком вот исчезновении генерала.

— Да вообще-то нет, — рассеянно проговорил офицер.

— Простите?.. Вашбродь?

— Что? — спросил он, снова сосредоточиваясь на происходящем. — Вероятно, мне не следовало бы этого говорить, но поскольку вы уже в какой-то степени в курсе...

Он умолк и быстро огляделся кругом, словно кто-то мог ошиваться среди бумажных завалов... что, впрочем, учитывая их грандиозность, вполне возможно.

— Если вы знакомы с генералом Плохсекиром, то тогда, вероятно, уже знаете, что он, при всей его компетент-

ности, занимает довольно негибкую позицию по части того, как следует вести дела. То есть он хочет, чтобы все делалось его способом, независимо от того, лучший это способ или нет.

Это описание подошло бы ко всякому встреченному мной в армии в звании выше капитала, но я довольствовался кивком в знак согласия.

Многие из нас, офицеров, участвующих в нынешней военной кампании, первоначально служили под командованием Большого Джули, когда тот возглавлял армию вторжения в Поссилтум. В некотором смысле оно и хорошо, потому что нам гарантировались чины в армии Поссилтума; но наш боевой опыт, он ведь тоже объясняется этим же, и он подсказывает нам порой далеко не худшие, а то и *лучшие* по сравнению с исходящими от генерала Плохсекира решения проблем. Беда в том, что до сих пор мы были не в состоянии что-либо изменить или улучшить, не нарушая приказов генерала.

— А теперь? — поторопил я его, даже не трудясь добавить к этому «вашбродъ».

— А теперь генерал занемог, — многозначительно улыбнулся офицер, погружаясь в собственные мысли, — и мы практически предоставлены самим себе и действуем по-своему. Если Плохсекир не будет донимать нас еще несколько недель, то мы успеем привести армию в надлежащий вид и взяться за дело по-настоящему. Скажу вам откровенно, служить под началом Большого Джули, возможно, бывало порой тяжеловато, но этот человек, безусловно, знал, как управлять армией. Интересно, как там он теперь поживает в отставке?

— Когда я видел его в последний раз, дела у него шли великолепно.

Если бы я сказал, что в дверь только что вошел Бог собственной персоной, то и тогда бы не смог произвести на офицера более сильное впечатление. Он внезапно выпрямился на стуле, и глаза его, потеряв мечтательность, сосредоточились на мне... заметно выкатившись из орбит.

— Вы знакомы с Большим Джули? — проговорил он благоговейным шепотом. — Когда в последний раз вы с ним разговаривали?

— Пару недель назад, — ответил я. — Как раз перед тем, как мы с Нунцио записались в армию. Мы попивали с ним в хорошей компании винцо у него на вилле.

— Вы гостили у него на вилле? Скажите, она...

Офицер осекся и мотнул головой, словно пес.

— Извините, сержант, — сказал он куда более нормальным тоном. — Я не хочу быть назойливым. Просто дело в том, что... ну, Большой Джули для всех нас здесь, в штабе, что-то вроде легенды. Я служил под его началом младшим офицером и никогда не встречался с ним лично... видел его всего лишь пару раз во время смотров и инспекций.

— Очень жаль, — искренне посочувствовал я. — Он действительно великолепный парень. Вам бы он понравился... вашбродь.

Я вспомнил наконец, что разговариваю с офицером, и мое «вашбродь» напомнило ему о цели моего пребывания у него в кабинете.

— Теперь я подумал как следует, — сказал он, снимая несколько бумаг с самого верха одной из стопок, — и знаю, куда смогу направить вас с вашей командой. Вам бы хотелось взять на себя руководство одним из наших складов снабжения?

Это было как раз то, что надо для выполнения нашего задания. Мы сможем провалить реорганизацию армии. Я отвлекся, но вдруг заметил, что офицер ждет от меня ответа.

— Это кажется отличной мыслью, вашбродь.

— Хорошо, — сказал он, принимаясь царапать на листах. — У нас сейчас вся складская бригада угодила в лазарет — получили испорченную партию красного перца или еще чего-то такого. Короче, я просто поставлю ваше отделение туда в порядке замены, а ребятам по выходе из лазарета придется заполнить вакансии операторов санузлов.

Мне пришло в голову, что те парни не обрадуются своему новому назначению, но это, конечно, не моя проблема. Од-

нако некоторое время придется быть начеку, опасаясь удара из-за угла.

— Спасибо, вашбродь, — с вполне искренней благодарностью произнес я.

— Явитесь на склад снабжения номер тринацать — и приступайте к службе.

Слушаюсь, вашбродь... м-гм-м... а это далеко? Я хочу сказать, команда ждет меня снаружи, и все наше снаряжение у нас с собой...

— Тогда остановите какой-нибудь попутный фургон и попросите вас подвезти, — посоветовал он. — Одно из преимуществ работы при штабе... со складами снабжения, расположенными неподалеку, состоит в том, что кругом разъезжает множество фургонов. И редко приходится ходить куда-то пешком.

— Так точно. Еще раз спасибо, вашбродь.

— О... сержант Гвидо?

— Вашбродь? — осведомился я, снова повернувшись к нему.

Он толкнул ко мне через стол стопку бумаг, весящую, должно быть, больше двадцати фунтов.

— Раз уж вы туда посдете, то прихватите это с собой, чтобы не дожидаться курьера.

— Я... я не понимаю, вашбродь, — произнес я, с подозрением глядя на эту гору мертвого груза, словно она была моим дальним родственником. — Вы хотите, чтобы я хранил это на складе?

— Конечно, нет, — усмехнулся офицер. — Это вам для заявок и учета материалов.

Чем больше я такого слышу, тем все меньше и меньше мне это нравится.

— Вы хотите сказать, что мы должны заполнять все это просто для того, чтобы ввезти или вывезти что-то на склад или со склада... вашбродь?

— Вы меня не так поняли, сержант, — быстро-быстро проговорил он. — Это не сами бланки.

Я мгновенно ощущил прилив облегчения.

— Это пока только инструкции по заполнению бланков!

Испытанное мной облегчение исчезло, словно единственная рюмка виски в большой чаше разбавленного пунша.

— Инструкции, — слабо повторил я словно эхо, уставясь на груду бумаг.

Совершенно внезапно это назначение стало выглядеть не таким удачным, каким казалось несколько минут назад.

Офицер заметил выражение моего лица.

— Да полно, полно, сержант, — одарил он меня отеческой улыбкой. — Все не так уж плохо, как выглядит.

— Вы так думаете?

— Да. На самом-то деле все это очень просто, надо только ухватить суть. Просто прочтите все эти инструкции, а потом выполняйте до последней буквы все, что они предписывают, и порядок.

— Раз вы так говорите, то наверное, вашбродь, — промялил я без всякого энтузиазма.

— Да, именно так... сержант, — сказал он, не пытаясь особенно подсластить пиллюлю. — Я вам уже говорил, что мы собираемся взять все здесь под свой контроль, а чтобы это сделать, очень важна надлежащая документация. Все это может показаться ненужной суетой, но, поверьте, если не будут правильно заполняться все эти документы, то и самая лучшая армия увязнет и перестанет быть эффективной.

— Да, вашбродь. Спасибо, вашбродь.

С этими словами я отдал честь и быстро убрался вон из его кабинета... прихватив, конечно, с собой ту стопку бумаг. Совершенно неожиданно подавленность, возникшая у меня при виде бесконечного списка инструкций, исчезла. Вместо этого я ощутил такой прилив оптимизма, какого не испытывал с тех самых пор, как босс отправил нас на это задание. Сам не понимая того, что делает, этот офицер сильно облегчил нашу задачу.

Без надлежащей канцелярской работы, сказал он, «и самая лучшая армия увязнет и перестанет быть эффективной»... Что ж, понятное дело, эффективность армии вовсе не заботила нас с Нунцио.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

А чем же плохо следовать утвержденным процедурам?

М. Горбачев

Помещение, где располагался склад снабжения номер три-надцать, было не просто большим, но таким необыкновенным, что казалось, если погода вдруг ухудшится, то можно будет, вывезя отсюда все материалы, вести войну под крышей. Единственный недостаток этой идеи заключался в том, что к тому времени, когда солдаты все вывезут, все шансы будут за то, что они забудут, из-за чего вообще был весь сыр-бор... но если даже и вспомнят, то вряд ли захотят воевать по причине крайней усталости.

Повсюду в помещении склада стояли стеллажи с военными материалами. Широченные, хоть на фургонах проезжай, проходы между ними разрезали все пространство на серию островов, и множество туннелей и ходов вели, извиваясь, на каждый из них. При первом же взгляде на эти просторы мне пришло в голову, что теперь у нас есть идеальный опорный пункт, так как в случае чего тут всегда найдется где укрыться. Я укрепился в этой мысли, когда открыл, что работавшая здесь до нас бригада явно предполагала не покидать рабочее место и после смены, так как на складе нашлось множество «гнездышек», снабженных раскладушками, гамаками, подушками и другим добром явно из складских припасов.

Короче, мы были довольны и, не теряя времени, принялись обосновываться. Некоторые из членов команды рассыпались по помещению с исследовательской целью выяснить, какое именно добро мы унаследовали, двое попытались разобраться в наваленных на столах документах и таблицах.

— Ух-х-х-ты-ы! — изумился Шу Слеппень, возникая вместе с братом из завалов. — Никогда не видел столько добра в одном месте! Чего здесь только нет!

— Но и старья, однако, тоже хватает, — сказал Хи Слеппень. — У нас на ферме и то можно найти кое-что поновее

здесь барахла... и это при том, что почти все досталось нам еще от Хлопа Слеппня.

— От Хлопа Слеппня? — брякнул я, прежде чем успел подумать, а хочется ли мне на самом деле знать ответ.

— Это наш дедуля, — объяснил Шу, — конечно, мы зовем его...

— Понятно, — торопливо пресек я его дальнейшие объяснения.

Пожалуй, мне стоит взять за правило никогда не соваться с вопросами к Слеппням.

— Одного не могу понять, — вступил в разговор Майжук, — как можно уследить за перемещениями всего этого добра. Я имел в виду, ведь в том, как тут хранятся вещи, нет никакого порядка или системы. Все выглядит так, словно сюда из года в год сваливали по мере поступления все новые и новые материалы, а старые при этом заталкивали подальше в глубь склада. Я, во всяком случае, не заметил тут попыток хоть как-то рассортировать это барахло.

Видеть здесь идеальный порядок нам с кузеном, понятное дело, хотелось в последнюю очередь. Бросив украдкой взгляд на Нунцио, я понял, что он думает то же самое, и, поймав мой взгляд, он слегка мотнул головой, подтвердив это наблюдение.

— М-гм-м... полагаю, это тоже своего рода система, Майжук, — на ходу сочинял я ответ. — Я хочу сказать, тебе-то самому хотелось бы всякий раз перекладывать это барахло, чтобы освободить место для нового груза?

— Этого можно избежать, если оставлять свободное место в каждой складской категории, — сказал он, не желая отступать от своей идси. — Мы должны навести хоть какой-то порядок в этом кавардаке. Иначе все наше время будет уходить на поиски предметов. Не могу понять, как это они здесь работали без всякой системы.

— Система-то у них была, спору нет, — вмешался Трутень, оторвавшись от чтения инструкций по заполнению бланков. — Вся проблема в том, что им приходилось заполнять столько всяких бумаг, что на сам склад времени никак не оставалось! Не могу поверить, чтобы от нас ожидали заполне-

ния всех этих бланков на каждую поступающую и выдающую единицу хранения.

В голове у меня пронеслись слова, сказанные недавно офицером, и родилась идея.

— Как по-твоему, Трутень, мог бы ты придумать лучшую систему поиска? — спросил я.

Вероятно, — ответил он, отодвигая кипу инструкций. Давай прикинем... нам понадобится какая-то карта помещения... или даже две, одна для того, чтобы мы знали, что здесь уже есть и где оно, а вторая для участков, организованных по-новому... потом простой журнал поступлений-выдач, чтобы можно было проследить передвижение единиц хранения...

— Ладно, — перебил я его, — принимайся за это. Разберись, что надо сделать и какая понадобится информация.

За это я, конечно, заработал суровый взгляд Нунцио.

— Я... как скажешь, Гвидо, — нерешительно проговорил Трутень, косясь на кипу инструкций. — Но разве мы не должны следовать принятым процедурам?

— Просто действуй и разрабатывай *свой* план, — отрезал я. — О заполнении армейской документации мы будем беспокоиться после того, как добьемся, чтобы это заведение функционировало так, как, по нашему мнению, следует.

— Ладно, — пожал плечами Трутень. — Парни, подойдите сюда, я объясню, что мне от вас требуется. Попробуйте для начала нанести на карту то, что уже здесь есть, а я вчера набросаю журнал поступлений-выдач, и...

— Извините, сержант Гвидо, — вмешался Нунцио. — Нельзя ли мне переговорить с вами... наедине?

— Ну разумеется, сержант Нунцио, — улыбнулся я ему в ответ и последовал за ним в сторонку от сгрудившейся команды.

— Что тут происходит? — зашипел он, как только мы остались одни. — Может, я чего не понимаю, но мне почему-то казалось, что модернизация и эффективная работа склада противоречат нашей здесь миссии!

— Все так, — сказал я, — за исключением того, что все в команде думают иначе. Я просто немного потяну время. Пусть

себе Трутень пытит над своим планом. Не думаю, чтобы нам действительно пришлось его осуществлять.

— Ладно, — кивнул Нунцио, — ну а что будет потом, после того, как он все же справится со своей задачей?

— Тогда мы либо еще потянем резину... либо посмотрим, к чему приведет этот наш новый порядок, ведь нам придется нарушить принятые здесь армейские процедуры. Инструктировавший меня офицер, кажется, был весьма уверен в том, что если не заполнять всех этих документов, о которых говорил Трутень, то весь армейский механизм со скрежетом остановится. Уж как минимум нам следует выяснить, прав он или нет.

— Не знаю, — нахмурился мой кузен. — Мне кажется, что...

— Гвидо! Нунцио!!

Мы повернулись и обнаружили несущееся на нас привидение. Сперва я подумал, что это один из тех новых бронированных фургонов, с которыми экспериментировала армия... только сделанный в виде парадной платформы для шествий. Потом пригляделся и...

— Маша!

К тому времени, когда я выпалил это, наша коллега уже добралась до нас и заключила обоих в мясистые объятия.

— Я прослушала, что вы, ребята, здесь, и просто обязана была навестить вас!

Я находился немного сбоку от Маши и видел, что у нее за спиной наша команда прекратила свои занятия и смотрела на нас, разинув рты... вполне нормальная реакция для людей, впервые увидевших Машу.

— П... Привет, Маша, — сказал Нунцио, сумев вывернуться из ее объятий. — Как дела? Есть какие-нибудь известия от босса?

— Ни звука, — ответила, отпуская меня, Маша. — Некоторое время назад от кольца шли какие-то странные сигналы, но они прекратились, и с тех пор ничего.

— Думаешь, с ним все в порядке? — спросил я. — Он там уже почти три недели.

— Может быть... а может, и нет, — пожала плечами она. — Не забывайте, время течет не с одинаковой скоростью во всех измерениях. Возможно, там, где он находится, прошло всего несколько дней.

— Усек, — понимающе кивнул Нунцио. — Вроде как в книгах серии «Вечный воитель» Муркока.

— Совершенно верно, — просияла Маша. — Что же касается другого вашего вопроса, то дела мои идут лучше некуда. Мой роман с Хью бушует словно вулкан. Должна вам сказать, мальчики, я хоть и не люблю похваляться, но он у меня настолько ошелел от любви, что, думаю, не помнит даже, что служит в армии... не говоря уже о том, чтобы ею управлять.

Я, правда, не читал книжек, о которых они болтали секунду назад, но по этому поводу мне было что сказать.

— М-гм-м... Маша? — сказал я. — Но ведь это не так уж и хорошо.

— Что ты имеешь в виду? — Улыбка ее растаяла, она смотрела то на Нунцио, то на меня. — Ведь я свою задачу выполнила, разве нет?

— Скажи ей, Гвидо, — обратился ко мне Нунцио, сваливая обязанность сообщить Маше дурные новости на мои плечи.

— Ну, насколько я слышал, — начал я, жалея в данный момент, что жив или не занят чем-нибудь в другом месте, — без него-то армия действует гораздо лучше.

— Но это же бессмыслица!

— Вовсе нет, если учесть, что подчиненные ему офицеры обучались и служили под командованием Большого Джули, — объяснил Нунцио, реабилитируя себя тем, что пришел мне на выручку. — Пока ты держишь его подальше от войск, им приходится все делать по-своему... а они, похоже, знают солдатское ремесло получше генерала Плохсекира.

— Так вы считаете, самое лучшее, что я смогу сделать для ухудшения дел, — это вернуть Хью к руководству армией? — задумчиво произнесла Маша. — Я правильно вас поняла?

— Похоже, что так, — сказал я, испытывая облегчение от того, что логический вывод пришелся не на мою долю. — Мне действительно очень жаль, Маша.

Она глубоко вздохнула, что при ее фигуре было очень впечатляюще, а потом выдавила из себя кривую усмешку.

— Ладно, — опять вздохнула она. — Хорошенько понемножку. Приятно было убедиться, что я все еще могу вскружить мужчине голову, когда берусь за это всей душой.

Врожденная деликатность и инстинкт самосохранения удержали меня от каких-либо комментариев на этот счет.

— Я, пожалуй, просто распрощаюсь и отправлюсь обратно к Большому Джули, — продолжала Маша. — Есть какие-нибудь известия от другой команды?

— Они тоже завязали, — ответил Нунцио. — Думаю, на вилле Большого Джули ты увидишься с ними, и они сами сообщат тебе подробности.

— Так, значит, все ложится на вас, да? — вскинула она одну бровь. — Что ж, желаю удачи. А мне пора двигать отсюда и не отвлекать вас от работы. Похоже, вас уже ждут.

Я бросил взгляд туда, куда она показала, и увидел, что команда явно ожидала от нас руководящих указаний.

Помахав на прощание Маше, мы неторопливо подошли к ним.

— Кто это? — спросила с подозрением Осса.

— Кто именно? — вроде не понял я, пытаясь говорить слегка небрежно. — А, просто одна наша старая знакомая.

— Солдатская почта утверждает, что она подружка генерала, — ровным голосом произнес Майжук.

— Где это ты слышал? — невинно осведомился Нунцио.

— То тут, то там, — пожал плечами Майжук. — Боюсь, при штабе найдется не так уж много людей, отвечающих ее описанию.

Тут он нас усл.

— Вам не кажется, ребята, что пора бы объяснить нам, что тут происходит? — заявил Трутень.

С большим запозданием я сообразил, что мы недооценили интеллект нашей команды.

— Что ты хочешь этим сказать? — возмутился было Нунцио, все еще пытаясь выкрутиться.

— Брось, Нунцио, — вздохнул Майжук, — еще на основной подготовке было совершенно очевидно, что вы с Гвидо не сочетаетесь с армией. У вас многовато для этого талантов.

— Вы слишком хорошо деретесь и слишком хорошо стреляете для тех, кто обучается всему этому впервые, — добавил Шу Слеппень.

— И у вас слишком много связей в высших сферах, — вставила Осса. — Например, с Синдикатом.

— И с дьяволами, — подкинул Трутень.

— А теперь, как выяснилось, еще и с подружкой генерала, — закончил Майжук. — Скажите, ребята, что вы *в действительности* делаете в армии? Я хочу сказать, это, конечно, не наше дело, но мы ведь служим вместе и, значит, в какой-то степени вовлечены во все это.

— Трутень вот думает, что вы члены какой-то тайной следственной бригады, — сказал Хи Слеппень, — и если дело именно в этом, мы постараемся помочь... ведь не против же нас вы ведете это следствие?

— Ну и ну, ребята, — покачал головой Нунцио. — Вы нас раскусили. Трутень прав. Понимаете, армия хочет, чтобы мы...

— Нет, — спокойно изрек я.

Нунцио непонимающе посмотрел на меня, но продолжал заливать:

— Гвидо хочет сказать, что нам не положено об этом говорить, но раз уж вы...

— Я сказал «нет», Нунцио! — рявкнул я. — Команда все время играла с нами честно. И нам пора сказать им правду... *настоящую* правду.

Нунцио замялся, поскольку никогда не был любителем сталкиваться со мной лоб в лоб, посмотрел на меня, а потом на команду.

— Ладно, — произнес он наконец. — Пеняй потом на себя... валяй скажи им.

Сложив руки на груди, мой кузен прислонился к стене и молча внимал вместе с командой моему рассказу о нашем задании... о плане босса удержать королеву Цикуту от попыток завоевать вселенную, о том, как план этот рассыпался в пыль со смертью короля Родрика, в общем, обо всем вплоть до наших текущих планов попытаться использовать свое положение на складе для дезорганизации армии. Пока я говорил, все сидели очень тихо, и даже когда я закончил, долгое время никто не решался высказаться.

— Ну, — наконец нарушила молчание Осса, — как я понимаю, путать все грузы нам нельзя, иначе нас просто вышвырнут отсюда. Какое-то время лучше придерживаться переадресовки одного из пяти.

— Лучше одного из десяти, — заметил Майжук. — А то...

— Минуточку! Минуточку! — воскликнул, прерывая разговор, Нунцио. — Вы что, ребята, готовы помочь нам в нашей подрывной деятельности?

— Разумеется. Почему бы и нет? — ответил Шу Слеппень, опуская руку мне на плечо. — Вы с Боем заботились о нас с самой основной подготовки. Пора и нам для разнообразия кое-что сделать для вас.

— К тому же, — включился в разговор его брат, — вы ведь не пытаетесь погубить королевство или совсем уничтожить армию. Вы просто хотите немного притормозить военную машину... и мы ничего не имеем против.

— Все сводится к тому, — улыбнулась Осса, — что мы за время совместной с вами работы узнали вас достаточно хорошо и уверены, что вы нам не причините вреда... да и всякому другому тоже, если уж на то пошло... без крайней необходимости. Думаю, все меня поддержат, если я скажу, что мы с радостью поддержим любой ваш план. Я права, ребята?

Все вокруг закивали и захмыкали. Мне вдруг подумалось, что теперь я лучше понимаю босса, когда он говорит, что нервничает из-за ощущения большей к нему преданности, чем он заслуживает. Они тут говорят, что я не способен их подставить, и вспоминаю ту драку в баре Твикста... подробность, которую я опустил в своей исповеди. Это просто бросило меня в жар, и пусть я не собирался отказываться от их помощи, но поклялся самому себе в будущем избегать руководящих и ответственных постов.

— А как насчет тебя, Трутень? — говорил между тем Нунцио. — Ты, похоже, не слишком в восторге от нашей затеи. Хочешь выйти из игры?

— Н... Нет. Дело не в том, — быстро ответил Трутень. — Я готов помочь всем, чем смогу. Просто... ну, я вроде как рвался попробовать навести порядок на этом складе.

— Ты можешь это сделать, Трутень, — подмигнул ему Майжук. — Нам ведь нужно знать истинное положение дел, даже если мы используем эти сведения лишь для имитации деятельности.

— Жаль только, что у нас нет собственных возчиков, — с досадой сказал Шу Слеппень. — Мы бы такое учинили!

— Что-что, Шу? — переспросил его Нунцио, став вдруг предельно внимательным.

— Что? О. Ну, я думал, если бы мы могли поручить доставку собственным возчикам, а не пользоваться армейскими фургонами, то запросто рассеяли бы наши грузы по всему королевству.

— Нет... я имею в виду, что ты там сказал о возчиках?*

— Ну, знаешь ли, это парни, гоняющие фургоны с грузами... по крайней мере так мы называли их у нас на ферме.

Я посмотрел на Нунцио, он на меня, мы обменялись улыбками, и я понял, что думаем мы об одном и том же.

— Осса, — сказал я. — Ты ведь нашла Синдикат в Твиксте... как по-твоему, сумеешь ты сделать это еще раз?

— Разумеется, — пожала плечами она. — А зачем?

— Я хочу, чтобы ты передала Дону Брюсу одно послание, — улыбнулся я. — Думаю, мы только что нацели кое-что, в чем он может нам помочь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Надо говорить на родном языке.

Н. Уэбстер

— Эй, Бой! — крикнул Шу Слеппень из окошка склада. — Знаешь, там полно фургонов с возчиками?

— Нет, — заявил я.

Конечно, это старый армейский прикол. Как я уже говорил, армия живет такими шутками. Но, к сожалению, наш выросший на ферме коллега был слабоват по части юмора.

* В профсоюзе возчиков-дальнобойщиков (или тимстеров) давно и прочно окопалась мафия.

— Что-что? — озадаченно посмотрел он на меня.

— Ладно, — вздохнул я. — Они какие, армейские или гражданские?

Согласно процедуре, грузы со склада вывозят армейские фургоны, а доставка от поставщиков производится их собственным транспортом — естественно, гражданским.

— Гражданские, — отозвался Шу.

— А фургоны какие, полные или пустые?

— Отсюда они кажутся пустыми.

Я посмотрел на Нунцио:

— Думаешь, это могут быть те самые, которых мы ждем?

— Проверить несложно, — пожал он плечами. — Эй, Шу! Что они делают?

— Ничего, — доложил старший из братьев Слепней. — Просто сидят себе и болтают.

— Похоже, они, — ухмыльнулся Нунцио. — По-моему, сдавать тебе, Майжук.

Вы уже, наверное, догадались по этому последнему замечанию, что заняты мы были своим любимым времяпрепровождением, то есть, проще говоря, драконьим покером.

— А разве кому-то из вас не следует выйти и поговорить с ними или что-то сделать? — сказал, подходя к нашему столу, Шу.

— Без толку, — ответил я, заглядывая в свои фоски. — Они станут разговаривать с нами только тогда, когда будут вполне готовы... и не раньше. Таси сюда стул и отдыхай.

Как потом выяснилось, прошло несколько часов, прежде чем возник какой-то контакт с возчиками. И вышел на него рослый, пузатый тип с татуировкой на руке. Вразвалочку он преодолел расстояние от двери до стола, за которым мы играли.

— Эй! — рыкнул он. — Кто-нибудь собирается поговорить с нами или как?

Мы с Нунцио, конечно, крепкие ребята и сами привыкли добиваться своего, повышая голос, но это еще не значит, что мы готовы терпеть то же самое от других.

— Мы сочли, что вы, ребята, заговорите с нами, когда будете вполне к этому готовы, и не раньше, — отозвался, подымаясь на ноги, Нунцио. — У вас проблемы?

— Что-о? — заорал парень, становясь носом к носу с Нунцио.

— Так вот, к вашему сведению, и мы станем с вами разговаривать, когда будем к этому вполне готовы, и... и... о. Да.

Мне с трудом удалось сдержать улыбку. Этот парень уже потерял преимущество в переговорах, так как кузен с самого начала *перехватил* у него инициативу с помощью своей луженой глотки. Возчик заметно сник и сменил тактику.

— Мы... э... прослышали, что вы интересовались гражданским транспортом, и решили заскочить и посмотреть, на какой куш нам можно рассчитывать.

— Товар вон там... на погрузочном помосте, — сказал я, тыча большим пальцем в нужном направлении. — А вот список мест, куда полагается его доставить. Счет нам потом пришлет.

Я кивнул Трутню, и тот вручил возчику необходимые документы. Как я уже говорил, мы их ждали.

Парень тупо уставился на врученный ему список.

— Это что, все? — недоумевающе фыркнул он. — Разве вы не хотите поговорить о наших расценках?

— Зачем? — пожал плечами я. — Уверен, вы не возьмете с нас лишнего.

— Да? — подозрительно сощурился он.

— Разумеется, — ответил я, выдав ему свою лучшую улыбку выбивалы денег, — ведь расценки потом будут проверены... и если они покажутся нам запредельными, то придется назначить расследование.

— Расследование, — презрительно хмыкнул возчик. — Против нас все время ведутся королевские расследования... и ничего. Если они нам слишком надоедают, мы просто грозим прекратить транспортировку по всему королевству.

— Мы имеем в виду вовсе не королевское расследование, — говорит Нунцио. — Речь о другом судебном органе.

— Да ну? И каком же это?

Нунцио подмигнул мне, и я, сделав глубокий такой вдох, почти пропел ему в ответ:

— Дон... дон-дон. Дон... дон-дон Брю-ю-ю-с!

Мои вокальные данные, конечно, оставляют желать лучшего, но парень их явно оценил. Улыбка его пропала, он с

трудом сглотнул... но, как боец, все же попытался собраться с силами.

— Ладно, значит, вы получите наши *особые расценки*. Только не рассчитывайте на срочную доставку.

Теперь пришла очередь Нунцио щегольнуть своей усмешкой.

— Приятель, — сказал он, — если бы мы в этом нуждались, то на кой черт вы бы нам сдались?

— И что бы это значило? — взревел парень, возвращая себе утраченный при упоминании Дона Брюса цвет лица.

— Только одно — что ваш нормальный график доставки нас вполне устраивает, — невинно проговорил я. — Понимаете мою мысль?

— Да... ну... полагаю, тогда решено, — промямлил парень, поглядывая то на Нунцио, то на ребят. — Мы приступаем к делу.

Видя, как он уходит, я просто не мог удержаться от последней шпильки в его адрес.

— Скажи-ка, Нунцио, — громко спросил я кузена. — Как там называется возчик в костюме-тройке?

— Подзащитный! — ответил столь же громко Нунцио.

До прочих членов нашей команды этот юмор не дошел, но возчик его уловил. Он сбился с шага, и на какую-то секунду мне показалось, что он собирается вернуться и *побеседовать* с нами по душам. Но вместо этого он просто продолжал идти и довольствовался хлопаньем двери в качестве остроумного ответа.

— Знаешь, Гвило, — сказал Нунцио, возвращаясь к изучению карт, — особые там расценки или нет, но нам ведь в конечном итоге придется расплачиваться с этими шутниками... а у нас сейчас нет доступа к финансам Корпорации М.И.Ф.

— Успокойся, кузен, — произнес я, вновь обращаясь к игре и повышая ставку. — На этот счет у меня есть одна идея.

Шанс испробовать мой план выпал мне в тот же полдень, когда прибыл груз от одного из наших поставщиков. Я дождался завершения разгрузки, а затем неспешным шагом подошел к возчику.

— Скажите-ка... у вас найдется свободная минутка? — дружески обратился я к нему.

— Ну, — пожал плечами возчик. — В чем дело?

— Видите ли, — тихо проговорил я, оглядываясь кругом, словно опасаясь появления легавого. — У меня есть кое-какие сведения, которые будут небезынтересны вашей компании.

— Какие именно?

— Ходит слух, что королева требует провести ревизию военных расходов, — сказал я. — Что-то связанное с тем, что многие из наших поставщиков взимают с нас за поставки больше, чем со штатских.

— Ревизия? — повторил он, теперь уже заметно нервничая.

— Да, если верить солдатской почте. Говорят, любая контора, замеченная на выколачивании лишней прибыли с армейских контрактов, будет закрыта, а все ее имущество конфисковано правительством.

— А это законно?

— Эй, мы же здесь говорим о королеве. Если она говорит, что это законно, значит, законно.

— И когда это случится?

— Судя по всему, что я слышал, не раньше следующего месяца, — ответил я. — Просто я подумал, что вам, возможно, захочется узнать об этом заранее. Ну, чтобы успеть пересмотреть расценки до начала ревизии.

— Эй, спасибо за заботу.

— Да? Ну, тогда, может, намекните своему начальству, что неплохо было бы вдобавок к пересмотру цен уплатить еще небольшую компенсацию за их изменение... а вы смогли бы забросить ее сюда при следующей езде.

— Я так и сделаю, — энергично кивнул он. — И еще раз спасибо. Мы вас не забудем.

После этого дела шли довольно гладко. Нам пришлось всего пару раз вслух упомянуть о ревизии для того, чтобы известие это распространялось среди всех поставщиков, и вскоре отовсюду стали постоянно поступать «задолженностей»... более чем достаточные для оплаты услуг возчиков. И

что еще важнее, придуманный Трутнем план реорганизации склада сработал достаточно неплохо, чтобы у нас в итоге появился приличный досуг, который мы посвятили оттачиванию своего умения играть в драконий покер... и нашему новому хобби — «творческому снабжению».

Это занятие оказалось намного забавней, чем можно было предвидеть, главным образом потому, что правила устанавливали мы сами. Поскольку мы решили портить только с одним из десяти заказов, у нас хватало времени на выбор, с какими именно заказами это должно произойти. Видите ли, из осторожности мы старались переадресовывать грузы либо с достаточно близкими опознавательными номерами, чтобы ошибка показалась простой путаницей, например 6 и 8... либо схожие по характеру или виду, чтобы все выглядело, будто мы по ошибке вытянули не тот предмет, например, отправили лётчик обмундирование в часть, запрашившую зимнее.

Лично мне больше всего понравилось, когда мы отправили несколько ящиков пропагандистских листовок в часть, отчаянно просившую прислать туалетной бумаги. Мне это показалось очень даже подходящей заменой.

Да, все это было очень забавно... настолько забавно, что у меня появилось опасение, что такое не может долго продолжаться. Как оказалось, я был прав.

Черту под нашим хобби подвел приказ, согласно которому я должен был явиться к командиру.

— Вольно, сержант Гвидо. Я только что проверил степень эффективности вашей части и пришел к выводу, что нам пора поговорить.

Эти слова, вместо того чтобы успокоить, несколько меня озадачили. Мы ведь не высыпали никому копий нашей документации... главным образом за полным ее отсутствием. Мы вообще не заполняли никаких документов. Об этом, собственно, заговорил и сам офицер.

— Похоже, ваше отделение не слишком любит заполнять требуемые инструкциями бланки заявок и учета материалов, сержант.

— Ну, понимаете, вашбродь, мы были очень заняты ознакомлением с новой для нас работой. И потому просто немножко отстали с рапортами.

— «Немного отстали» — это слишком мягко сказано, — процедил он сквозь зубы. — С тех пор как вы стали хозяйствовать на складе снабжения, я не могу найти там ни одного бланка. Но это ладно. К счастью, я располагаю достаточным количеством рапортов смежников, чтобы иметь представление о наших успехах.

Это вызвало у меня легкое беспокойство, так как мы рассчитывали на несколько раундов запросов и предупреждений по поводу нашего пренебрежения канцеляршины, прежде чем обратят какое-то внимание на то, как мы справляемся с основной своей работой. Но поскольку мне не привыкать объясняться с разными начальниками, то оправдание у меня всегда наготове.

— Вам известно, сержант, что ваше отделение действует с девяностопятипроцентной эффективностью?

— С девяностопятипроцентной? — искренне удивился я, так как наш план «один из десяти» должен был давать ровно девяносто процентов.

— Знаю, это кажется фантастически высоким, — сказал офицер, неправильно понимая мою реакцию, — особенно если учесть, что нормальный уровень эффективности — процентов этак шестьдесят пять даже для опытной складской бригады.

Думаю, проницательный читатель получит неплохое представление о положении дел в армии Пессилтума.

— Вашбродь?

— Взять, к примеру, вот этот груз, — рассуждал он, поступивая пальцем по одному из лежащих перед ним листов. — Не всякий обратил бы внимание на то, что это требование на зимнее обмундирование прислано несколько месяцев назад, и принял бы решение прислать вместо него летнее.

В голове у меня начала потихоньку звенеть сигнализация, но офицер все еще продолжал говорить.

— ...Или взять тот факт, что вы прислали вместо туалетной бумаги ящики с пропагандистскими листовками. Все слышали о проблемах с боевым духом в этой части, вы же не только додумались до того, что надо предпринять, но и пред-

приняли задуманное. Между прочим, это сработало... Судя по сообщениям, с тех пор, как они получили ваш груз, их боевой дух постоянно на высоте.

Пока он говорил, я пялился на пущенную им через стол листовку. Мы ведь посыпали это добро, не вскрывая упаковок, и, стало быть, я в первый раз видел настоящую листовку. На ней был изображен большой портрет королевы Цикуты, которая и так вообще-то недурна собой, но на этой картинке выглядела просто великолепно, так как на ней мало что было надето, кроме соблазнительной улыбки. А под рисунком большими буквами был набран вопрос: «РАЗВЕ ТЫ НЕ ПРЕДПОЧЕЛ БЫ БЫТЬ СО МНОЙ?» Я хоть и не считаю себя большим знатоком человеческой психологии, как мой кузен Нунцио, но мне понятно, как такое может взбодрить приунывшего солдата.

— ...Я просто диву даюсь, — говорил между тем офицер. — Вдобавок к эффективности отправки грузов время выполнения заявок на вашем складе на треть меньше времени прохождения заявки на любом другом складе.

Я начинал улавливать, куда клонит мой собеседник, и не зачем говорить, что это не вызвало у меня прилива энтузиазма.

— Тут в основном заслуга рядового Трутня, ваше благородие, — уточнил я, пытаясь отвлечь от себя внимание. — Он придумал новую систему организации дел на нашем складе... ему же принадлежит идея учета при минимуме документации.

— Рядовой Трутень, да? — сказал офицер, сделав пометку у себя в блокноте. — Скажите ему, когда вернетесь в часть, что я хотел бы с ним встретиться. Меня интересуют подробности этой его новой системы... и коль речь зашла о новаторском подходе...

Он снова поднял на меня взгляд.

— Как я понимаю, вы использовали для некоторых ваших доставок гражданский транспорт. Это что, эксперимент?

— Так точно, — ответил я, ожидая, что уж это-то новаторство его огорчит, и выражая готовность взять вину на себя. Впрочем, я опять неверно оценил ситуацию.

— Знаете, сержант, — заявил он, откидываясь на спинку стула, — армия давно подумывала об использовании граждан-

ского транспорта для доставки припасов, но отказалась от этой идеи как от слишком дорогостоящей. А вы, судя по всему, только что доказали обратное. Конечно, прежде чем проводить такой эксперимент, вам следовало бы обратиться за разрешением ко мне, да и, позволив рядовому Трутню изменить установленную процедуру, вы превысили свои полномочия, но с вашими результатами трудно спорить. К тому же в наше время инициативный солдат, особенно завербованный, большая редкость.

Я ощутил тоскливое сосание под ложечкой.

— ...А если такая быстрорастущая организация, как наша, в чем и нуждается...

Я закрыл глаза.

— ...так это в лидерах. Вот почему мне доставляет огромное удовольствие одобрить ваше производство в лейтенанты, и...

Мои глаза резко распахнулись.

— Минуточку! — прервал я его, начисто забыв о подобающем обращении к начальнику. — Вы что, делаете меня офицером??

Моя реакция, похоже, захватила офицера врасплох.

— Ну... да, — сказал он. — Обыкновенно мы бы предложили вам окончить офицерскую школу, но в данной ситуации...

— Это конец! — зарычал я, полностью потеряв самообладание. — ВСЕ, С МЕНЯ ХВАТИТ!!!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

У кого-нибудь есть план?

Дж.А. Кастер

Мягко говоря, наше воссоединение с остальными членами команды Корпорации М.И.Ф. на вилле у Большого Джули мало было похоже на праздник.

Конечно, мы рады были видеть друг друга, и хозяин дома более чем щедро угостил нас вином со своего виноградника,

но вопреки общераспространенному мнению выпивка не обязательно улучшает настроение. Согласно моему опыту, она лишь усиливает то настроение, в каком ты уже пребываешь... так что, если ты счастлив, то станешь еще счастливее, а если подавлен... в общем, радоваться нам, к сожалению, было нечего.

Невозможно было обойти тот факт, что наши попытки остановить королеву Цикуту печально провалились, и хотя мы могли сколько угодно утешать себя тем, что такая задача не по силам команде всего лишь из пяти человек и дракона, но это был первый случай в нашей совместной практике, когда мы ис сумели выполнить задание. Конечно, нас никто не нанимал на эту работу, это была просто услуга боссу, и все же... в общем, подведя босса, мы чувствовали себя еще хуже, чем в случае, если бы нам пришлось возвращать клиенту деньги.

— Вам очень трудно было уволиться с военной службы? — спросила Тананда, когда мы закончили свой рассказ.

— Да нет, — ответил Нунцио, снова наливая себе в бокал вина из кувшина Большого Джули. — Конечно, нам пришлось обратиться за утверждением к генералу Плохсекиру, но тот, услышав, что мы выполняем особое задание для Скива, подписал все бумаги без лишних вопросов. Единственная для нас трудность заключалась в том, что они *действительно* хотели, чтобы мы остались... правильно, лейтенант?

Он усмехнулся мне, но тут же заметил по выражению моего лица, что я не в настроении для шуток.

— К счастью, — поспешно продолжил он, — в качестве приманки они предлагали еще больше повысить нас в звании... а перед таким искущением мы, сами понимаете, могли устоять без особого труда.

Кузен заботливо опустил в своем докладе то обстоятельство, что по-настоящему трудно нам было расстаться вовсё не с армией... а с нашей командой. Что касается меня, то я и не представлял, как много они для меня значили, пока не вышел приказ о нашем увольнении со службы и нам не пришла пора прощаться. Лишь тогда до меня дошло, что я, вероятно, никогда больше не увижу никого из них.

— До свидания, Гвидо, — сказал тогда Трутень, торжественно пожимая мне руку. — Я очень ценю то, как ты помог мне с магией. Сам я настолько был увлечен технической стороной дела, что совершиенно не задумывался обо всех способах ее практического применения.

— Пустяки, — проговорил я, испытывая легкое смущение. — Когда отслужишь, навести нас, и я представлю тебя боссу. Он в магии понимает намного больше моего и, думаю, будет не против дать тебе несколько советов.

— Ты действительно думаешь, что это возможно? — обращался Трутень. — Раньше я ничего об этом не говорил, но Великий Скив всегда был для меня кумиром. Я... я не уверен, что смогу достаточно научиться магии здесь, в армии, чтобы ему захотелось тратить на меня время.

— Магия бывает разная, — заметил Нунцио, кладя руку ему на плечо. — Думаю, он встретится с тобой, даже если магической подготовки у тебя будет не больше, чем сейчас. Систему реорганизации склада ты придумал весьма толково, а наша контора всегда ценила... э... организаторский талант.

Я закатил глаза, и он, как бы оправдываясь, пожал плечами.

На командира система Трутня произвела огромное впечатление... такое, что его повысили в звании и перевели в оперативную группу, призванную заботиться об эффективности армии. Вследствие этого у нас с Нунцио зародились в душе некоторые сомнения по поводу дальнейшего обучения магии нашего бывшего сослуживца... именно поэтому, полагаю, Нунцио и сказал то, что сказал.

Лично я вовсе не был уверен, что мы сможем использовать Трутня, если тот все-таки к нам наведается, поскольку деятельность Корпорации М.И.Ф. ориентирована на оказание услуг и поэтому не предусматривает никаких складов, но я оставил эту мысль при себе.

— Вот здорово, спасибо, ребята! — воскликнул Трутень, моргая чуть больше обычного. — Ну... еще свидимся.

— Берегите себя, ребята... слышите? — прощебетала Осса, подымаясь на цыпочки, чтобы заключить поочередно нас обоих в крепкие объятия.

— Разумеется, Осса, — сказал я, тоже почему-то моргая. — И слушай... когда отслужишь... если тебя еще будет интересовать вступление в Синдикат, навести сперва нас... понимаешь?

— Понимаю, — энергично кивнула она.

— И держись подальше от Змея, — посоветовал Нунцио. — Если понадобится помочь... обращайся к нам!

— Разумеется... и вы, парни, помните, если вам понадобится моя помощь... ну, если хоть чем-то я смогу вам помочь, только свистните. Идет?

— Это относится ко всем нам, Бой, — сказал Шу Слеппень, схватив меня за руку и крепко ее сжав. — Вы только свистните.

— Я это запомню, — пообещал я. — А вы дайте нам знать, когда отслужите. Не хотелось бы лишний раз отвлекать вас от армейских обязанностей.

Я сказал это как бы в шутку, но они все, кажется, приняли всерьез.

— Об этом не беспокойся, — заявил Майжук, глядя мне прямо в глаза. — Мы знаем, кому преданы в первую очередь... Мы *все* это знаем.

Да, расставание это было нелегким. Однако еще тяжелей было понимание того, что, несмотря на наши обещанияходить друг к другу в гости, все шансы за то, что они никогда не смогут найти нас. Как только это задание будет завершено, мы направимся обратно в свою штаб-квартиру на Базаре, и если они не научатся путешествовать по измерениям...

— Так что же нам теперь делать? — спросила Тананда, оторвав меня от воспоминаний и возвращая к настоящему. — Собирать вещички и убираться домой?

— Мне кажется, есть еще один вариант, о котором я упоминала с самого начала, — медленно проговорила Маша, пристально глядя в свой бокал.

Мне потребовалось не больше секунды, чтобы вспомнить, что она имела в виду.

— Пришить королеву? — напрямик сказал я

Она кивнула. Потом долгое время никто ничего не говорил, но все напряженно обдумывали это предложение.

— Ну, — наконец произнес Нунцио. — Наверное, нам стоит попытаться... тогда по крайней мере сможем сказать, что испробовали все, прежде чем сдаться.

Я поколебался еще секунду, а затем кивком все же выразил свое согласие.

— Ладно, кузен, — заявил я, — ты прав. Большой Джули, отыщи-ка снаряжение, которое мы оставили здесь на хранение, прежде чем записаться в армию, мы с Нунцио...

— Тпру... стоп... ПОГОДИТЕ!! — подняла руку Маша. — Кто сказал, будто именно *вам* предстоит убрать королеву?

— Ну... это же очевидно, разве не так? — удивился я, немного раздосадованный, что мою инициативу попытались перехватить, но готовый настаивать на своем до конца. — Я хочу сказать, это же по нашей части... то есть именно этому мы в основном и обучены.

— Судя по тому, что вы рассказывали о своих разногласиях с инструктором по основной подготовке, обучали вас скорее вымогательству, нежели умению убивать.

— На этот счет не беспокойся, — чуть натянуто улыбнулся Нунцио. — Мы всего лишь против *ненужных* убийств. А в данном случае оно таким вовсе не кажется, если не сказать больше.

— Ну, я, когда предлагала это, мыслила сама ее шлепнуть, — сказала Маша без обычных своих штучек женщины-вамп.

— Ты? — переспросил я. — Извини, Маша, ты, конечно, производишь солидное впечатление, но, думаю, физическая расправа — не твой профиль.

— А кто говорил о чем-то физическом? — возразила она, подымая унизанную кольцами руку. — Думаете, я ношу все это добро для красоты... или балласта? У меня есть здесь несколько игрушек, которые должны отлично со всем справиться.

Маша все еще только постигала искусство магии, хотя долгое время, прежде чем записаться в ученицы к боссу, работала штатным магом в городе-государстве на Валлете. Ее магический арсенал состоял в основном из собранных в огромном количестве ювелирных изделий. Я всегда подозревал,

а сейчас она и сама это подтвердила, что по крайней мере некоторые из ее побрякушек могут представлять смертельную опасность для кого угодно.

— Кроме того, — завершила она свою речь, решительно скрестив руки на груди. — Я ученица Скива... так что эта задача ложится на меня.

— А мы — его телохранители, и нам просто по штату полагается устранивать любые угрозы благополучию босса, — отрезал в ответ Нунцио. — Разумеется, я не сомневаюсь ни в твоей искренности, ни в надежности твоих игрушек, Маша, но для того, чтобы пришить кого-то, требуется опыт... и мы с Гвидо — единственные в команде с опытом по этой части.

— А вы не призабыли кой-чего, мальчики? — промурлыкала, встревая в спор, Тананда.

— Чего именно, Тананда?

— Вы двое, возможно, и натасканы в области, скажем так, контролируемого насилия, я же в прошлом, да будет вам известно, специализировалась *именно* на убийствах. И в таком случае, по вашей же собственной логике, выходит, что эта неприятная задача ложится на меня.

— Сожалею, что вынужден испортить тебе удовольствие, сестричка, — встрял Корреш, — но я таки рассчитывал заняться этим делом сам.

— Ты? — засмеялась Тананда. — Брось, братец, у тебя же рука до сих пор на перевязи.

— Чго-что? Ах это?.. — пробурчал тролль, оглядывая руку. — Да это все пустяки.

Он извлек руку из перевязи, пошевелил пальцами, а затем поставил локоть на стол перед собой.

— Кто-нибудь хочет попробовать побороться со мной на руках? Что, слабо?

— Ну, в самом деле, Корреш, — сказала, игнорируя его вызов, Тананда. — Сквозь эту твою толстую шкуру невозмож но пробиться...

— ...И именно по этой причине задание должно быть доверено мне, — широко улыбнулся тролль.

— Вспомни о такой мелкой детали, как твоя внешность, Корреш, — вставила Маша. — Извини, но ты последний из

нас, кого я пустила бы на такое задание. Любой член команды может сойти за туземца, но ты без чар личины никак.

— Значит, одолжу у сестрички пурпурину.

— Еще чего! — фыркнула Тананда.

— Или подберу для маскировки плащ с капюшоном или что-нибудь в этом роде, — невозмутимо продолжал Корреш, словно она ничего и не говорила. — Как насчет этого, Большой Джули? У тебя, случайно, не завалялась одежонка размером побольше?

— На самом-то деле, — заявил отставной генерал, — я подумывал выполнить эту работу сам...

— Что?

— Ты?

— Да это...

— ...ПОТОМУ ЧТО, — продолжал Большой Джули, заставив нас всех умолкнуть силой своего голоса, — потому что я старик, и, следовательно, лучше всего пожертвовать мной.

Мы все погрузились в кресла, слишком смущенные, чтобы смотреть друг на друга. Не тряся лишних слов, он выразил суть нашего, в общем, кровожадного спора.

— Я выслушал вас всех, — сказал он, воспользовавшись нашим неловким молчанием, — и, по-моему, никто не решился сказать вслух, что попытка убить королеву почти на вероятность самоубийственна. Политические лидеры... и особенно коронованные особы... всегда и везде окружены надежной охраной. Даже если удастся-таки достать жертву, что по меньшей мере неопределенно, то шансы скрыться после этого настолько малы, что их не стоит даже рассматривать.

Он обвел взглядом собравшихся.

— Конечно, мне ни к чему говорить вам все это. Каждый и каждая из вас потому, я думаю, и рвется взяться за эту работу... чтобы, так сказать, спасти других, благородно пожертвовав собой. Ну а я как ваш тактический советник советую вам забыть об этом деле и отправляться домой... поскольку я не верю, чтобы Скив когда-нибудь допустил такое... но если все же вы твердо решили убить королеву, то позвольте это сделать мне. Как я уже сказал, я старик, и терять мне особо нечего. От вас всех гораздо больше пользы,

чем от меня, и, следовательно, вывод ясен. К тому же, — он позволил заиграть у себя на лице легкой усмешке, — будет довольно забавно поучаствовать еще разок в небольшом дельце. Я в общем-то никогда и не рассчитывал умереть в постели.

— Это очень мило с твоей стороны, Большой Джули, — сказала Тананда, — но об этом не может быть и речи. Хоть ты и работал с нами в качестве советника, но в команду непосредственно ты не входишь... а тот же Скив, я уверена, никак бы не захотел скинуть на чужие плечи работу Корпорации.

— Думаю, по крайней мере в этом мы все единодушны, — заявила Маша, обводя взглядом собрание. — Если ничего другого не придумаем, то это сделает один или одна из нас.

— Значит, вы по-прежнему думаете о покушении на Цикту? — нахмурился бывший генерал.

— Я да, — объявил, вставая и потягиваясь, Корреш.

— А я думаю, что мы все слишком устали и чересчур много выпили, чтобы принять разумное решение. Предлагаю отправиться сейчас всем соснуть и вернуться к этому утром, на свежую голову.

— Знаешь, это первая разумная мысль, какую я услышала за последние полчаса, — сказала Тананда, тоже слегка потягиваясь... на что было бы приятно поглядеть, если бы я мог сосредоточиться на чем-нибудь ином, кроме нашей проблемы.

— Хорошая идея, Корреш, — согласился Нунцио.

— Верно.

— По-моему, исплохо.

Мы дружно объявили собрание закрытым и начали разбредаться по своим комнатам.

— Нунцио, — сказал я, как только остальные вышли из зоны слышимости. — Ты думаешь то же, что и я?

— Что нам следует встать завтра чуть пораньше? — уточнил он.

— ...Потому что покушение на королеву — наша забота, — провозгласил я.

— ...А если мы предоставим решать это группе; то задание может получить кто-то другой... — добавил он.

— ...Тогда нас просто поставят перед свершившимся фактом, и будет слишком поздно спорить, — закончил я. — Верно?

— Верно, — согласился он.

Я уже как-то говорил, что у нас с Нунцио бывают иногда свои разногласия, но когда ставки высоки, мы с ним работаем очень слаженно... вот почему оба мы с улыбкой пожелали всем спокойной ночи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Мы должны спешить... уже почти конец!

Ф. Фогт

Как я упоминал, мы с Нунцио прихватили с собой на это задание несколько аксессуаров, которые оставили на хранение у Большого Джули, благоразумно решив не являться на службу в армию уже экипированными... особенно таким снаряжением, что во много раз превосходит качеством выдаваемое армией.

Как истинные профессионалы, мы долго провозились, выискивая в содержимом наших походных ранцев то, что может понадобиться для работы. Кастеты, спиленные бильярдные кии, свинцовые трубы и тому подобное мы отложили в сторону... на серьезное дело с этим всем не ходят, ибо оно требует аккуратности и стремительности исполнения. Отказались мы также и от наших арбалетов работы Йоло, хотя сердца у нас кровью обливались. Они, конечно, великолепны при открытом столкновении, но немного великоваты, чтобы протащить их под носом у телохранителей королевы. В результате строгого отбора наш список снаряжения значительно сократился, но все равно остался ещеличный ассортимент, из которого мы должны были сделать свой окончательный выбор.

Нунцио в конце концов остановился на карманном арбалете с пистолетной рукояткой и струне от рояля... просто на

всякий случай... я же выбрал духовое ружье и симпатичный набор метательных ножей. Для тех из вас, кого удивил последний мой выбор, замечу, что, хоть я и не такой мастер по части ножиков, как Змей, но кое на что способен. Жаль, что я не в состоянии привести на этот счет соответствующие доказательства, поскольку те, кто мог бы подтвердить мое искусство владения холодным оружием, так сказать, из первых рук, к сожалению, уже в лучшем из миров... но я отвлекся.

— Знаешь, Гвидо, — сказал Нунцио, принимаясь упаковывать свое снаряжение в щегольскую штатскую одежду, на которую мы теперь перешли. — Во всем этом деле есть для нас одно затруднение.

— Какое именно?

— Ну, если мы в результате попадемся, то, как справедливо заметил Большой Джули, очень даже возможно, снова все будет выглядеть так, будто Синдикат вмешивается в дела королевства Пессилтум.

— Брось, Нунцио, — возразил я. — Мы много лет работали на Синдикат, и за все это время властям не удалось докопаться до прямой связи между нами и этой почтенной организацией.

— Я думал не о властях, — мрачно проговорил мой кузен, — а о Доне Хо и других упомянутых Доном Брюсом боссах Синдиката.

— О... Да.

Об этом я как-то не подумал, хотя тут было над чем пораскинуть мозгами. Но все равно я не мог позволить никому другому из команды Корпорации М.И.Ф. расхлебывать эту кашу вместо нас.

— Вот что я тебе скажу, Нунцио, — заявил я. — Все шансы за то, что реально осуществить наш план выпадет только одному из нас... верно?

— Ну да. И что?

— А то, что если его потом заметут, то другому придется его пришить. И тогда уцелевший скажет, что убийца королевы — ренегат и был ликвидирован за нарушение приказов босса.

— По-моему, неплохо, — одобрил идею Нунцио. — Пойшли.

Если вам покажется наше отношение к смерти, не говоря уже о возможности братоубийства, циничным, то потрудитесь вспомнить, чем мы с Нунцио зарабатываляем на жизнь. Мы, телохранители, вместе со своей работой принимаем и возможность смерти одного из нас или обоих ради защиты лица, которое мы взялись охранять. Это просто часть нашей работы... и мы были бы настоящими болванами, если бы не пропитывали все варианты исхода операции.

Что же касается того, кому из нас выпадет прикончить другого... ну, мысль убить Нунцио привлекала меня не больше, чем идея принять смерть от него. Тут важно смириться с самой возможностью умереть на работе, защищая тело или репутацию босса, а то, кто тебя прихлопнул, после смерти на самом-то деле большого значения не имеет. Главное в нашем деле заключалось в том, что если меня уделает Нунцио или, наоборот, я его, то у нас по крайней мере будет гарантия, что все будет выполнено аккуратно, профессионально, с минимумом суеты и беспокойства.

Так или иначе, мы, едва рассвело, украдкой покинули виллу, немало провозившись со скрипучей дверью, и выскоились во внутренний двор — довольные, что сумели выбраться, не разбудив других членов команды. Я подмигнул Нунцио и сделал ему знак, подняв кверху большой палец.

— Доброе утро, ребята! — услышали мы знакомый голос с противоположной стороны двора. — Не хотите ли позавтрапать?

Большой Джули впитывал в себя солнце, развались в шезлонге и вкушая что-то из разложенного на столе рядом с ним.

— Ш-ш-ш! Не так громко! — прошипел Нунцио, прижимая палец к губам, нашему хозяину.

— С какой стати? — осведомился Большой Джули по-прежнему громким, раскатистым голосом.

— Ну... м-гм-м-м... — промычал я, поглядывая на Нунцио, который лишь пожал плечами. — По правде говоря, Большой Джули, мы взяли на себя смелость убрать королеву,

не дожидаясь разрешения вчерашнего спора. И наш план лопнет, если все сейчас проснутся.

— О... но теперь уже слишком поздно об этом беспокоиться, — небрежно произнес он.

— Не понял?

— Они уже ушли... поодиночке, конечно.

— Ушли? Когда?

— Ну, давай посмотрим... первой была Тананда... она ушла еще ночью... потом Корреш, когда проснулся и понял, что она исчезла. Маша... она слиняла примерно час назад, когда выяснила, что исчезли другие... знаете, эта женщина меня удивила. При ее весе такая стремительность!

— Значит, они все нас опередили, — с отвращением бросил Нунцио. — А мы-то считали себя такими умными, решив встать пораньше.

— Есть одно обстоятельство, о котором ваши товарищи по команде вчера почему-то не сочли нужным упомянуть, — сказал Большой Джули. — Может, оно вам пригодится. Видите ли, сегодня тот самый день, когда королева открывает свой двор для публики и принимает прошения и жалобы всех желающих... кто первый пришел, того первым и выслушали. День этот, думаю, идеально подходит для задуманного вами сомнительного действия... но очередь из тех, кто добивается аудиенции, и тех, кто хочет просто поглязеть, выстраивается рано.

— Здорово! — воскликнул я. — Скажи, Большой Джули, если ты не против моего вопроса, почему ты не попытался их остановить?

— Я? — невинно заморгал он. — Я вчера сказал свое слово... и получил, помнится, единодушный от ворот поворот. Стало быть, это не мое дело... хотя, признаться, я бы с радостью остановил любого из вас. Понимаете мою мысль?

— Да уж, — буркнул Нунцио, давно не выглядевший таким мрачным. — Пошли, Гвидо! Нам надо поторопиться, если мы хотим вообще поучаствовать в этой игре!

Точь-в-точь как и предсказывал Большой Джули, тронный зал дворца был набит битком, и еще больше народа ждало возможности туда попасть снаружи. Однако, как я

уже упоминал, мы с Нунцио отличаемся достаточно крупными размерами, чтобы оттеснить большинство людей и протолкаться туда, где по крайней мере можно было что-то разглядеть.

Толпа зевак выстроилась вдоль стен рядов в двадцать, набиваясь на балконы, оставив центр зала для тех, у кого есть к королеве дело. Очередь тянулась далеко за дверь, так что у них не оставалось иного выбора, кроме как присоединиться к зрителям... среди которых можно, конечно, легко укрыться, но шансы оттуда быстро вырваться по окончании операции будут очень невелики.

— Вон Маша, — сказал я без всякой надобности, так как она стояла в очереди к королеве и, понятное дело, очень в ней была заметна. — Остальных видишь?

Нунцио лишь покачал головой и продолжал вглядываться в ряды зрителей справа от нас. Я поэтому взял на себя толпу слева.

Конечно, я не рассчитывал заметить Тананду, поскольку она с помощью этого ее зеркальца личин может принять любой вид, какой захочет. Впрочем, немного зная Тананду, я почти не сомневался, что это будет особа женского пола, к тому же привлекательная.

Вот Коррепи совсем инос дело. Мне требовалось всего-навсего поискать приличных размеров фигуру в наряде, скрывающем лицо, и...

Нунцио быстро двинул меня локтем в ребра, чтобы привлечь мое внимание, а затем дернул головой вверх, к потолку. Я не сразу сообразил, на что он пытался обратить мое внимание, но вскоре заметил что-то движущееся в тени стропил. Это была Тананда, и она по одной из тяжелых балок подкрадывалась все ближе и ближе к трону. Сперва я испугался, что она упадет, но затем понял, что она...

— Кончай на нее пялиться, — зашипел мне в ухо Нунцио. — Хочешь, чтобы ее заметили охранники?

Я сообразил, что таращился на нее, словно какой-то турист, и если продолжать в том же духе, то и другие люди... например, охранники... начнут пялиться на стропила.

— И что же нам теперь делать? — шепнул я ему в ответ, оторвав взгляд от перемещений Тананды.

— Пошли вперед, — распорядился Нунцио. — И побыстрей, если хотим ее опередить. Однако при такой толпе... вот что я тебе скажу. Попробуй пробраться вон там слева, а я пойду с этой стороны.

— Понял! — отозвался я и мягко двинул локтем по почке стоящего впереди меня парня, открыв таким образом дорогу к тронному залу.

Однако задача эта — приблизиться к трону — оказалась не из легких. Сперва я опасался двигаться слишком быстро, чтобы не привлечь внимание охранников к чрезмерному усердию приблизиться к королеве одного из ее подданных. Но после нескольких минут безуспешной борьбы с этой толпой меня больше волновало, смогу ли я вообще хоть немного продвинуться. И чем ближе я подбирался к залу, тем более решительно люди были настроены не уступать свои места.

На полпути к трону я почти отчаялся и стал озираться в поисках Нунцио. Как вскоре выяснилось, он столкнулся с еще большими трудностями, чем я, продвинувшись всего на шесть шагов и застряв позади стаи старых гусынь. Те стояли насмерть, и, похоже было, кузену не суждено добраться до зала, если он не поработает как следует кулаками.

Конечно, при таком раскладе к королеве мог прорваться только я... что меня вполне устраивало. Удвоив усилия, я украдкой посмотрел вверх, как там Тананда, и обнаружил, что вообще больше ее не вижу.

Как раз тут прогрубили медные трубы... и появилась королева.

На какой-то миг я просто опешил и... потерял пару шагов.

Дело в том, что я видел королеву Цикуту, когда встретился с боссом, а совсем недавно имел случай освежить воспоминание об этом, когда разглядывал пропагандистскую листовку. Ее, конечно, нельзя было назвать сногшибательной красоткой, но дурнушкой она тоже не была. Однако в женшине, опустившейся на трон, я бы никогда ее не узнал, если бы все при ее появлении не заорали ее имя. Ну, пожалуй, еще корону можно было назвать сильной подсказкой.

Вид у нее был такой, словно она постоянно недосыпает и недосладает. Под глазами большие темные круги, отощавшая до невозможности... и это при том, что и раньше она была довольно худощавой. Когда первый в очереди парень приняляя чего-то долдонить о слишком высоких, по его мнению, налатах с его бизнеса, мне даже сперва показалось, что она вот-вот расплачется.

Я подумал, что, какой бы успешной ни выглядела экс-панем королевы Цикуты, ее самое она, похоже, вовсе не радовала.

Тут-то я как раз и заметил Корреша... то есть рослую фигуру в плаще с капюшоном, пробиравшуюся вдоль стены позади охранников футах в десяти от места, где сидела королева, и понял, что время у меня истекло. Выудив из рукава один из своих метательных ножей, я стал прикидывать на глаз расстояние между мной и Цикутой. Бросок этот сделать будет чертовски сложно, но тут уж ничего нельзя было поделать. Я отступил для равновесия на шаг и...

...И в зале поднялся адский шум!

Сперва я подумал, что это стражники навалились на Нунцио, но затем увидел его далеко от эпицентра действия, он тоже глядел на меня и отчаянно показывал на дверь, крича что-то, чего я не мог разобрать в этом гомоне. Я вытянул шею, пытаясь понять, что он хочет сказать, но увидел лишь, как толпа за дверьми тронного зала раздвинулась... давая дорогу чему-то или кому-то.

Из недр толпы распространилась рябь шума, нараставшая по мере присоединения все новых и новых голосов. Бросив свои попытки разобраться в том, что же происходит, я стал напряженно вслушиваться в доносившиеся до меня обрывки фраз.

— ...Маг...

— Он вернулся!

— ОН ИДЕТ!

— ...ПРИДВОРНЫЙ МАГ!!!

— СМОТРИТЕ!! ВОТ ОН!! ЭТО...

— ВЕЛИКИЙ СКИВ!!!

И это было так!!

Вскоре толпа в конце тронного зала расступилась, и вошел босс... а с ним еще и Ааз!! Они, как всегда, о чем-то спорили и полностью игнорировали окружавшую их толпу, которая сперва подалась назад, а затем стеной двинула вперед.

Я выбрался из рядов зрителей, помяв в спешке несколько граждан Поссилтума и миновав Машу, которая из-за своих размеров всегда медленно берет старт. Я видел, как Нунцио прорывается сквозь толпу, сшибая людей, словно кегли, и смутно осознал, что делаю то же самое... но меня это не волновало. Я просто был счастлив видеть босса здесь, да при том целым и невредимым.

— СКИВ!!

Я слышал, как кто-то кричал вроде бы голосом королевы, но к тому времени уже был шагах в шести от него и быстро приближался.

Я никогда особенно не жаловал эту дурацкую традицию Синдиката обниматься при встрече, но этот раз был исключением.

— Босс!! — заорал я, широко распахнув объятия, и...

...И зал завертелся... а потом стало темно...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Я хочу повторения матча!

М. Тайсон

-Г видо! Эй! Брось! Очнись!

Я слышал голос Нунцио, но решил еще немного подержать глаза закрытыми. Сверившись со своим прошлым опытом, я без всякого труда вычислил, что произошло... то есть что меня попросту оглушили. Трудно было припомнить все обстоятельства случившегося, потому как в голове у меня по-прежнему был полный туман... потому я и предпочел пока не «приходить в себя», а попытаться спокойно восстановить ход событий.

Мы находились в тронном зале... вошел босс вместе с Аазом... я рванул его приветствовать... Нунцио тоже... затем...

Я определил по голосу Нунцио, что он рядом, открыл глаза и, быстро приняв сидячее положение, схватил его за горло.

— Это ты только что мне вмазал, кузен? — осведомился я.

Мир снова слегка завертелся, и я подумал, что не стоит делать резких движений, не так быстро. Я сморгнул пару раз, и все вроде утряслось, но Нунцио почему-то немножко багровеет, я вспомнил про захват у него на горле и ослабил хватку.

— Это... был не я! — пропищал он.

Обычно Нунцио очень гордится своей работой... особенно когда удается вот так прищучить меня... Короче, я решил, что он говорит правду, и разжал захват до конца.

— Ну, если это сделал не ты, — нахмурил я лоб, все еще немного помаргивая, — кто же тогда...

— Познакомься с Пуки, — сказал он, показывая мне через плечо большим пальцем левой руки, так как правая у него была занята массированием горла.

— Новый телохранитель босса.

— Новый телохранитель? — повторил я, оглядываясь, и...

И мир замирает... как и сердце у меня в груди.

Так вот, эта цыпочка меня просто ошеломила, что никак не связано с ее недавним физическим на меня воздействием. У нее гладкие, сильные контуры пантеры... за исключением немногих приятных округостей, обычно не свойственных этой кошке. У нее еще зеленая чешуя и ровный взгляд внимательных желтых глаз.

— Сожалею об этом недоразумении, — сказала она, помоему, вовсе не сожалея, — но ты налетел так быстро, и Скив не успел предупредить меня, что ты на нашей стороне. В любом случае рада с вами познакомиться... полагаю. Вот, возвращаю ваш нож.

Я посмотрел на протягиваемый ею метательный нож и сообразил, что он и в самом деле мой. Должно быть, я все еще держал его в руке, когда кинулся поприветствовать босса, и это было ошибкой. Один из главных недостатков больших рук заключается в том, что иногда забываешь, что в них зажато.

— Новая телохранительница, да? — тупо произнес я, не в состоянии придумать что-нибудь поостроумнее, принимая нож и пряча его в поясной сумке.

— Мы встретились на Извре, — пояснила она слегка ледяным тоном. — Скив нуждался в телохранителе... а его с ним не было.

Я, конечно, уловил, несмотря на свое состояние, профессиональный упрек.

— Нам это тоже не нравилось, — буркнул я, — но босс приказал нам остаться и помочь ему здесь.

Пуки на секунду задумалась, а потом кивнула.

— Это кое-что объясняет, — сказала она наконец, слегка оттаивая. — То, что вы оставили Скива одного, меня озадачило, но теперь вижу, у вас действительно не было большого выбора.

Ее одобрение ни с какой стати не должно было для меня что-то значить... но оно почему-то значило, и немало.

— Так вы с Извра? — спросил я, пытаясь продлить разговор.

— Она моя кузина, — объявил Ааз, и я впервые осознал, что он тоже здесь.

Фактически здесь вся команда, и я...

— Твоя кузина! — воскликнул я, когда его слова наконец до меня дошли.

— Успокойся, — слегка улыбнулась, подмигнув мне, Пуки, — мы не все одинаковые.

— Ребята, нельзя ли потише? — зашипела на нас Тананда. — Я пытаюсь подслушать вон там!

С трудом оторвав внимание от Пуки, я наконец попытался сосредоточиться на происходящем.

Мы все еще находились в тронном зале, но толпы народа исчезли, во всем помещении... в зале и на балконах... не было даже охранников, за исключением нас. Ну и босса, который сидел на ступеньках трона, болтая с королевой Цикутой.

— ...Так все и шло, весьма неплохо, пока Роди не подцепил какую-то заразу и не умер, — говорит она. — Когда я не умерла тоже, то поняла, что те кольца, которые ты нам подал, в действительности не связывают наши жизни... между

прочим, я бы на твоем месте потребовала за них назад свои деньги...

— Она хочет сказать, что король и в самом деле умер естественной смертью? — прошептал я.

— Похоже на то, — шепнула в ответ Танианда. — А теперь молчи. Я хочу послушать.

— ...Знаешь, я ведь всегда хотела хоть немного раздвинуть наши границы и решила попробовать. Почему бы и нет?

— Судя по всему, что я слышал, — перебил ее босс, — эта задумка не соответствует определению «хоть немного».

— Знаю, — вздохнула королева. — Просто все это в прошлом. Мои советники... помнишь Гrimбла и Плохсекира?.. Ну, они не перестают заверять меня, что все отлично... что, покуда я снижаю налоги, народ будет меня поддерживать... но меня не покидает ощущение, что я потеряла контроль над...

— Снижаете налоги, раздвигая границы? — опять перебил ее босс. — Но это же невозможно! Большое королевство требует и больших расходов, разве не так? Нужны средства на аппарат, особенно на местное управление.

Я наконец понял, что беспокоило меня в этих «пониженных налогах» каждый раз, когда я слышал об этом. А еще я вспомнил курс экономики, который проходил трижды.

— Знаю, — сказала королева. — Я покрывала дополнительные расходы за счет казны своего старого королевства, но та почти иссякла. Гrimбл все твердит, что в конечном итоге, когда королевство станет достаточно большим, все уляжется, но...

— Этого не случится, — покачал головой босс. — Нельзя таким образом справиться с этой ситуацией. Вам придется либо повысить налоги, либо отодвинуть границы назад... либо обанкротиться.

— Ах, Скив! — воскликнула Цикута, стремительно обнимая его. — Я знала, что ты сможешь разобраться в этом. Вот потому я и послала за тобой.

— Послали за мной?

— Ну конечно, глупенький. Кольцо. Разве ты не получил его?

— Ну да. Но...

— Мне никогда не удавались письма, — продолжала королева, — но я была уверена, что ты поймешь мое послание, кольцо Роди... конечно, мне пришлось отправить его вместе с пальцем мужа... ты, кстати, был прав насчет неснимаемости колец.

— Так это было кольцо Родрика?

— Ну конечно. Ведь не думаешь же ты, что я бы отрезала палец себе, не так ли?

Она подняла руку и пошевелила перед ним пальчиками... всеми, включая и тот, что с кольцом. Кожа на полученном нами пальце была такой мягкой и гладкой, что мы все приняли его за женский. Конечно, если поразмыслить, короли тоже не особенно работают руками.

— Так или иначе, но ты получил послание, и вот ты здесь... и все будет отлично.

— Понял, — повторил босс, явно немного сбитый с толку... что мне вполне понятно. — М-гм-м... просто для уверенности, что мы понимаем друг друга, вы не против объяснить мне свое послание словами, так сказать, привычными средствами общения?

— Разве это не очевидно? — удивилась королева. — Мне нужна твоя помощь, чтобы управиться с делами, и поэтому я предлагаю тебе должность.

— Ну... я теперь довольно занят, — замялся босс, — но, наверное, смогу уделить вам немного времени, чтобы помочь вам утрясти дела в качестве вашего советника...

— В качестве моего *супруга*, — поправила его королева.

При этих словах вся команда вздрогнула, и мы обменялись тревожными взглядами.

Босс, однако, соображал чуть помедленнее.

— Конечно, первым делом тебе придется приказать армии остановить наступление, пока мы не придумаем, что делать дальше.

— Считайте, что это уже сделано... а потом мы с Гrimблом... СУПРУГА??!

Да, босс, возможно, соображает и не так быстро, но в конечном итоге улавливает все.

— Конечно, — просияла Цикута. — Я считаю, что мы можем пожениться, а потом разделим между собой эти утомительные обязанности, и у нас найдется время...

— СУПРУГА???

Босс, похоже, застрял на этом слове.

— Совершенно верно, — промурлыкала королева, глядя на него, чуть склонив голову набок. — А что? У тебя с этим какие-то трудности?

Температура в тронном зале, казалось, стремительно снизилась от холода в ее голосе.

— Если так, то есть и другой вариант. Я могу сделать то, что ты предлагал, когда мы с Роди поженились.

— И что же это было?.. — слабо отзвался босс.

— Отречение. — Королеве Цикуте каким-то образом удалось произнести одно это слово как приговор... смертный приговор. — Я могу покинуть трон и назвать своим наследником тебя. Тогда уж сам управляйся со всем этим бардаком!

Шах и мат.

Разговор этот мне, конечно, не понравился, но это было еще ладно. А вот что при этом творилось с боссом... Он явно пребывал в состоянии шока... просто оцепенел.

— Я... я... — заикался он.

— Но разве не будет намного лучше, если ты согласишься с первым вариантом? — вкрадчиво сказала Цикута, снова делясь ласковой кошечкой. — Ты тогда получаешь и королевство и меня!

— Я... я не знаю, — выдавил из себя наконец босс. — Я никогда не думал о женитьбе.

— Ну так подумай о ней, — капризным голосом произнесла королева.

— Нет... я хочу сказать, мне понадобится некоторое время, чтобы подумать об этом как следует.

— Ладно, — кивнула Цикута. — Это справедливо.

— Возможно, через год...

— Я дам тебе месяц, — отрезала королева, словно босс ничего и не говорил. — А тем временем я прикажу армии остановиться, а ты проверишь вместе с Гrimблом бухгалтерс-

кие книги. Я хочу сказать, ведь все равно придется этим заняться, какое бы решение ты ни принял, не так ли?

— Я... полагаю, так.

Дело дрянь. Босс никогда не отличался ловкостью в обращении с чувишами, и, судя по всему, эта Цикута сможет вертеть им, как захочет, водить его за нос и вить из него веревки.

— Думаю, я услышала достаточно, — заявила Тананда. — До скорого, ребята.

— А куда это ты собралась, сестричка? — поинтересовался Коррещ, оглашая вопрос за всех нас. — Похоже, что Скиву скоро понадобится вся помощь, какую мы только сможем ему оказать... и сверх того.

— На самом-то деле, — ответила она, — я собираюсь вернуться в контору. Мне нужна небольшая передышка, чтобы собраться с мыслями у домашнего очага и подправить прическу.

— В самом деле? — нахмурил лоб Коррещ.

— Конечно, — промурлыкала она, сверкнув широкой улыбкой. — Да и Банни домашние обязанности наверняка наскучили. Отправлю-ка я ее сюда на подмогу.

— Банни?

— Ну, не ждешь же ты, что Скив сможет утрясти здесь дела без своей секретарши? — почти невинно пропела она. — К тому же Банни получше меня разбирается в цифрах.

Она умолкла и бросила мрачный взгляд на королеву.

— В общем, я считаю, что в этой ситуации она будет полезней.

**Сладостный МИФ,
или МИФтерия жизни**

Эта книга посвящается моим друзьям и консультантам, которые помогли мне завершить работу, длившуюся два с половиной года. Я имею в виду прежде всего (хотя и не только):

*Мистерию Димер,
Тодда и Мэри Брэнтли,
Дарлин Болесни,
Рэнди Хербета,
Роджера Желязны,
а также «НО квотер сворд клаб».*

Моим читателям и издателям, что были так терпеливы и доброжелательны, пока я преодолевал не самую легкую полосу в своей жизни, думаю, наилучшим выражением признательности будет эта новая книга. Читайте дальше!

P.L.A.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

А вам не кажется, что мне достается как-то слишком много неприятностей?

Иов

-И так, ситуация складывается следующая... — В подкрепление своих слов я начал загибать пальцы, чтобы аудитория получила зримый образ. — Во-первых, королева Цикута хочет, чтобы я на ней женился и стал принцем-консортом. Во-вторых, она дала мне месяц на размышление, а потом я должен буду сообщить ей мое решение. В-третьих, — я загнул соответствующий палец, — если я решу на ней не жениться, то она намерена отречься от престола, назначив меня своим преемником, и свалить на мою голову весь этот бардак. Все понятно?

Как ни заботило меня сложившееся затруднительное положение, я все-таки был очень горд своей способностью, не пасуя перед трудностями, проанализировать все обстоятельства и найти решение. В не столь уж отдаленном прошлом я бы просто-напросто ударился в панику. Если даже мои приключения за последние годы не научили меня ничему другому, то по крайней мере уверенность в том, что я смогу справиться с любым кризисом, возросла у меня несказанно.

— Глип! — ответила мне аудитория.

М-да... все-таки *абсолютной* уверенности я пока не ощущал.

Я знал, что с грехом пополам смогу выбраться из большинства кризисных ситуаций, но пуще всякого кризиса боял-

ся показать себя дураком перед друзьями и коллегами. Конечно, они меня всегда поддерживали и готовы были вытащить из очередной переделки, но зачем лишний раз подвергать испытанию их дружеские чувства, даже если речь пока идет только о советах? И если уж в конце концов я к ним обращаюсь, то лучше выглядеть по возможности зреым и уравновешенным, а не изливать свои жалобы с истерическими всхлипами. Из этих соображений я решил прорепетировать свое выступление перед тем членом нашей команды, с которым я чувствовал себя по-настоящему свободно, — то есть перед моим драконом.

Я уже упоминал, что Глип большая умница, хотя его словарь и состоит всего из одного слова, от которого он и получил свое имя. По мнению моего партнера и наставника Ааза, ограниченный словарный запас моего любимца определяется его юным возрастом, и по мере взросления словарь дракона будет расширяться. Правда, поскольку драконы живут по несколько сотен лет, у меня мало шансов когда-нибудь вступить с Глипом в диалог. Однако в такие моменты, как сегодня, я даже рад был заполучить собеседника, который только слушает... не отпуская никаких «ценных» замечаний насчет того, что я даже улицу не могу перейти, не втравив себя и остальную команду в какую-нибудь передрягу.

— Все дело в том, — продолжал я, — что со всеми проблемами и катастрофами этих лет, не говоря уже об исполнении должности президента Корпорации М.И.Ф., у меня не так уж много оставалось времени для личной жизни... то есть совсем не оставалось... И уж точно, я вовсе не думал жениться! Больше того, даже и не определился с вопросом, хочу ли я жениться *вообще*, не говоря уже о том, *когда и на ком*.

Глип склонил голову набок и, судя по его виду, ловил каждое мое слово.

— Разумеется, от альтернативного варианта я тоже не в восторге — это я знаю наверняка. Я уже один раз имел случай поиграть в короля... и этого раза мне хватило с избытком, так что спасибо, не надо. Даже просто заменить Родрика на время было не сахар, а уж править королевством самому, в своем собственном обличье, и вдобавок всю жизнь, а не несколько

дней, — об этом даже подумать ужасно. Но вот более это ужасно или менее, чем женитьба на королеве Цикуте?

В ответ на мою дилемму дракон начал энергично грызть зачесавшуюся лапу.

— Ну спасибо тебе, Глип, — проговорил я, криво улыбнувшись, несмотря на огорчение. Я, конечно, не рассчитывал всерьез услышать от своего дракона какого-нибудь потрясающего мудрого совета, но мои проблемы все-таки казались мне достаточно серьезными и заслуживали внимания. — Я мог бы с тем же успехом говорить это Аазу. Он, конечно, обожает потрепать мне нервы, но при этом хотя бы на меня смотрит.

Все так же криво улыбаясь, я поднял кубок с вином, прихваченный для поднятия духа, и уже приготовился отпить глоток.

— Ну, Ааз не так уж и плох.

На какое-то мгновение мне показалось, что это Глип мне ответил, и я даже успел удивиться. Но тут осознал, что голос раздался у меня из-за спины, а вовсе не со стороны дракона. Короткий взгляд через плечо подтвердил худшие подозрения. Мой партнер — зеленая чешуя, острые зубы и все прочее — стоял прислонясь к стене буквально в десяти футах от меня и явно слышал всю мою речь.

— Привет, Ааз, — произнес я, стараясь прикрыть замешательство насикою состроенной улыбкой. — Я не слышал, как ты вошел. Извини за последнее замечание, но я немного...

— Да ладно, Скив, не страдай, — махнул он рукой. — Если это самое худшее, что ты обо мне говорил за все эти годы, то считаю, мы изумительно ладим. Я действительно время от времени сильно на тебя нажимаю. Наверное, это мой способ снимать стресс.

Ааз выглядел довольно спокойным... то есть он выглядел подозрительно спокойным. Не то чтобы мне особенно нравилось, когда он на меня орет, но это по крайней мере было бы что-то знакомое и надежное. А от такого неожиданно разумного и уравновешенного поведения я почувствовал себя не в своей тарелке — как если бы вдруг увидел, что солнце взошло на западе.

— А... что ты тут делаешь, партнер? — произнес я как мог небрежно.

— Тебя ищу. Мне пришло в голову, что для решения вопроса, что же делать дальше, тебе может понадобиться сочувствующий слушатель.

Где-то в моем сознании снова зазвенел тревожный звонок. Если бы мне предложили описать наши с Аазом взаимоотношения в прошлом, я никогда бы не употребил выражение «сочувствующий слушатель».

— А как ты узнал, где я?

Я хотел обойти скользкий момент, но мне действительно было любопытно, как Ааз меня нашел. Я приложил массу усилий, чтобы проскользнуть в королевскую конюшню незамеченным.

— Это было несложно, — ответил Ааз с широкой улыбкой, показывая большим пальцем на дверь. — Там у тебя целая толпа.

— У меня?

— У тебя. Пуки, на мой взгляд, несколько задается, но как телохранитель она свое дело знает. Я думаю, она села тебе на хвост, как только ты вышел из своей комнаты.

Пуки — это мой новый телохранитель; я ее нанял во время своего недавнего путешествия на Извр... и только потом узнал, что она кузина Ааза.

— Ничего себе, — сказал я и хмуро посмотрел на дверь. — Я ее нигде не заметил.

— Я ж тебе сказал, она свое дело знает, — подмигнул мой партнер. — Если она уважает твоё стремление к уединению и держится вне твоего поля зрения, это еще не означает, что она позволит тебе бродить повсюду без охраны. А потом, думаю, Гвидо ее заметил и решил присоединиться... он с самой первой встречи ходит за ней как привязанный... Ну и конечно, Нунцио тоже должен был сюда подойти... Так вот, в результате вся троица твоих телохранителей подпирает стенку у двери и следит, чтобы никто тебя не потревожил.

Восхитительно. Отправляешься искать уединения, а в результате оказываешься во главе процесии.

— Так что ты об этом думаешь, Ааз? — спросил я.

Все равно рано или поздно мне предстояло узнать его мнение, так что я решил спросить напрямую и покончить с этим делом.

— О чём?

— О стоящей передо мной проблеме, — пояснил я.

— В чём проблема?

— Извини. Я думал, ты слушал, пока я объяснял Глипу. Я говорю обо всей этой истории с королевой Цикутой.

— Я знаю, — отмахнулся мой партнер. — Повторяю вопрос: в чём проблема?

— В чём проблема? — Я уже сам понемногу переставал это понимать; при разговоре с Аазом это обычное дело. — Тебе не кажется...

— Секундочку, партнер, — произнес Ааз, поднимая руку. — Помнишь, при каких обстоятельствах мы с тобой познакомились?

— Помню, конечно.

— Не важно, я тебе еще раз напомню. Твой старый учитель Гаркин только что был убит, и у тебя были все шансы оказаться следующей жертвой. Так?

— Так. Но...

— Так вот это была *проблема*, — продолжал он, будто я ничего не говорил. — А еще одна у тебя была, когда с горсткой неудачников тебе предстояло остановить армию Большого Джули... притом что в случае успеха тебя по возвращении во дворец грозились убить или еще того похуже.

— Я помню.

— И когда ты решился вытащить меня из той истории с убийством на Лимбо, измерении, населенном сплошь вампирями и оборотнями, то это, я согласен, тоже была проблема.

— Я не понимаю...

— А теперь рассмотрим *нынешнюю* ситуацию — полная противоположность! Как я понял, тебе угрожает вступление в брак с королевой, что, на мой взгляд, подразумевает свободное распоряжение казнью королевства. В другом варианте — если ты не женишься на ней — она отречется от престола в твою пользу... и казна опять же в твоих руках, только при

этом без королевы. — Он улыбнулся, показав внушительный ряд зубов. — Так в чем, я повторяю, проблема?

Уже не в первый раз я замечал за своим партнером склонность оценивать плюсы и минусы любой ситуации, сводя все к денежному исчислению и определяя сальдо.

— Проблема в том, — сухо произнес я, — что добраться до этой казны я смогу, только женившись или сделавшись королем. Честно говоря, ни один из этих вариантов не вызывает у меня бешеного восторга.

— По сравнению с тем, как доставались тебе жалкие монеты в прошлом, это не так уж и плохо, — пожал плечами Ааз. — Ты должен привыкнуть, Скив, что зарабатывание денег обычно связано с чем-нибудь неприятным. Никто... слышишь, *никто* не станет отстегивать тебе наличные за приятно проведенное время.

Надо сказать, что «жалкие монеты», которые так тяжело доставались нам в прошлом, за последние годы сложились в сумму, внушавшую уважение даже банкиру на Извре; однако я знал, насколько бесполезны любые попытки убедить Ааза, что денег может быть достаточно.

— Я бы, пожалуй, начал писать книжки о разных рискованных приключениях, вместо того чтобы самому в них участвовать, — робко произнес я. — Мне всегда казалось, что это непыльная работенка и притом позволяющая неплохо жить.

— Ты так думаешь? Тогда, партнер, мне придется открыть тебе глаза на суровую реальность. Заниматься каким-нибудь делом на досуге, в качестве хобби, просто потому, что оно тебе нравится, — это одно, но писать книги, петь, играть в бейсбол — да что угодно! — когда ты *должен* это делать, хочется тебе или не хочется, — это *работа!*

Мне уже было понятно, что разговор наш ни к чему не приведет. Ааз просто не желал оценить ситуацию с моей точки зрения. Что ж, придется играть не по правилам: я решил оценить ее с *его* точки зрения.

— Я бы, наверное, не стал так отбиваться, — сказал я осторожно, — если бы финансы в этом королевстве не были так безнадежно на нуле. А делать что-то неприятное, чтобы

получить в награду кучу долгов, — это уж, по-моему, вовсе никуда не годится.

Ну вот. Удар ниже пояса. В самое чувствительное место — туда, где изверги, и Ааз в том числе, носят бумажник.

— М-да. Очко в твою пользу, — задумчиво произнес мой партнер, впервые за время нашего разговора слегка дрогнув. — Но, между прочим, ты ведь получил целый месяц на принятие решения. Я думаю, за это время мы сможем составить себе полное представление о том, каково *на самом деле* состояние здешних финансов... и о том, можно ли его оздоровить.

— Боюсь, с этим будет проблема, — заметил я. — В денежных делах я разбираюсь еще меньше, чем в магии.

— К твоему сведению, я бы сказал, что и с тем, и с другим ты не плохо справляешься.

Холодок в голосе моего партнера дал мне понять, что он уже готов оскорбиться. И неудивительно, ведь именно он научил меня практически всему, что я знаю о магии и о деньгах.

— Ну конечно, я справляюсь, когда речь идет о личных финансах или о заключении контракта... то есть даже очень неплохо справляюсь... и этим я обязан тебе, — торопливо проговорил я. — Но сейчас-то речь идет о чем-то большем — придется управлять бюджетом целого королевства! Мне кажется, наши уроки этой темы не касались, а если касались, значит, я все пропустил мимо ушей.

— Ладно. Это действительно повод для беспокойства, — согласился Ааз. — Хотя речь, возможно, идет о том же самом, что ты делаешь в Корпорации М.И.Ф., только в больших масштабах.

— Хорошо, конечно, только в Корпорации М.И.Ф. основную часть серьезной финансовой работы ведет Банни, — скривился я. — Тогда уж лучше бы она была здесь.

— А она уже здесь! — воскликнул Ааз, щелкая пальцами. — И эта вторая причина, по которой я тебя искал.

— Правда? А где она?

— Ждет у тебя в комнате. Я не в курсе, где ты ее пристроишь спать.

Одно из изменений по сравнению с нашим прежним житием во дворце состояло в том, что у меня появилась своя собственная, а не общая с Аазом, комната. Можете себе представить, насколько я был озабочен делами, если сказанное Аазом прошло мимо моего сознания.

— Как всегда, — ответил я. — Надо найти ей комнату, если не на нашем этаже, то хотя бы где-нибудь в нашем крыле дворца.

— Как скажешь, — пожал плечами Ааз. — В любом случае нам пора возвращаться. Мне показалось, ей не терпится тебя увидеть.

Последнюю фразу я тоже слушал вполуха, поскольку мое внимание оказалось отвлечено чем-то другим.

Я отвернулся от Ааза, чтобы в последний раз потрепать Глипа по холке, и в какую-то долю секунды разглядел то, чего прежде не замечал. Он нас слушал!

Конечно, я и прежде говорил, что Глип большая умница, но теперь, повернувшись к нему, я уловил на его морде промелькнувшее совершение разумное выражение. Понимаете, есть разница между «умница» и «разумное». «Умница» я всегда говорил о своем драконе в том смысле, что он внимателен и все быстро схватывает. А понятие «разумности» идет дальше простого обезьяньего исполнения команд и приближается к «самостоятельному мышлению».

На морде Глипа, когда я повернулся, было выражение сосредоточенного размышления, он будто бы даже что-то расчитывал. Но тут заметил, что я на него смотрю, и это выражение исчезло, сменившись обычным видом искреннего дружелюбия.

Почему-то я обратил на это внимание. Может, потому, что вспомнил рассказы нашей команды о том, как они старались развалить королевство в мое отсутствие. В частности, мне припомнились жалобы, что Глип чуть не убил Тананду... я тогда оставил это сообщение без внимания, сочтя, что они просто раздувают имевшее место случайное происшествие, чтобы продемонстрировать исключительную трудность своей задачи. Но теперь, глядя на дракона, я задумался, не следует ли мне посерьезнее отнести к тому, что они говорили. Хотя, конечно, не

исключено, что такую шутку со мной сыграла просто игра света и тени. Глип выглядел совершенно невинно.

— Пойдем, партнер, — раздраженно повторил Ааз. — Со своим драконом можешь поиграть как-нибудь в другой раз. Я все-таки думаю, что нам надо продать эту глупую скотину, пока она не проела до дыр наш банковский счет. Наш бизнес ничего с него не имеет... разве что счета за корм.

Поскольку теперь я смотрел в нужную сторону, я это уловил. На мгновение глаза Глипа, обращенные на Ааза, сузились, и из одной ноздри показалась еле заметная струйка дыма. И тут же он опять принял прежний расслабленный и невинный вид.

— Глип — мой друг, — сказал я Аазу, тщательно выбирая слова и не сводя при этом глаз с дракона. — Такой же друг, как ты и все остальные из нашей команды. И я не хотел бы потерять *никого* из вас.

Мой дракон, судя по всему, не прислушивался к моим словам, он вытянул шею и осматривал конюшню. Однако теперь его невинный вид показался мне преувеличенно невинным... мне показалось, что он нарочно избегает встречаться со мной взглядом.

— Как скажешь, — пожал плечами Ааз и направился к двери. — Пока что пойдем навестим Бани, а то она там лопнет от нетерпения.

Постояв в нерешительности еще мгновение, я вышел вслед за ним из конюшни.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я тоже рад вас видеть.
Доктор Г. Ливингстон

Как и обещал Ааз, все трое моих телохранителей ждали меня у дверей конюшни. Они, похоже, о чем-то спорили между собой, но при моем появлении тут же прекратили прерваться и уставились на меня с подчеркнутым вниманием.

Вы, может статься, думаете, что это очень приятно, когда у тебя есть собственные телохранители. В таком случае у вас явно никогда их не было.

На деле же это означает, что придется отбросить всякую мысль о том, что твоя жизнь принадлежит тебе. Уединение остается только в смутных воспоминаниях — не сразу и припомнишь, что это было такое, — зато нормой становится делить с кем-то абсолютно все... от еды в твоей тарелке до посещения сортира. («Да перестаньте вы, босс! За бачком может кто-то прятаться — знаете, сколько народу из-за этого откинуло копыта? Просто не обращайте на нас внимания, как будто нас здесь нет».) И вдобавок все это ни на минуту не дает расслабиться и забыть о том, что, каким бы славным парнем ты себе ни казался, кое-кто только и ждет случая безвременно оборвать твою карьеру. Я старался по возможности убедить себя, что последний пункт ко мне не относится, поскольку Дон Брюс приставил ко мне Гвидо и Нунцио скорее в качестве атрибутов моего статуса, чем для чего-нибудь еще. Но, между прочим, Пуки я нанял сам — нанял после того, как на меня напали во время моего недавнего путешествия на Извр. Нельзя отрицать, что иногда телохранители из обременительной атрибутики превращаются в нечто совершенно необходимое.

— У тебя найдется пара минут, Скив? — обратилась ко мне Пуки, делая шаг вперед.

— Я вообще-то собирался пойти поздороваться с Банни...

— Вот и славно. Как раз по дороге и поговорим.

Она зашагала рядом со мной, а Ааз вежливо приотстал и пошел с остальными двумя телохранителями.

— Дело в том, — объявила Пуки без всяких предисловий, — что я думаю взять расчет и податься обратно на Извр.

— Да? Может, объяснишь почему?

Она пожала плечами:

— Не вижу, чем я могу тут быть реально полезна. Когда я предложила сопровождать тебя сюда, мы оба думали, что тебе предстоит локальная война. Но сейчас, похоже, ситуация такова, что с ней вполне может справиться здешняя твоя команда.

Пока она это говорила, я украдкой бросил взгляд на Гвидо. Он тащился вслед за нами с чрезвычайно жалким и виноватым видом. Ясно было, что он, во-первых, без памяти влюблен в Пуки, а во-вторых, совершенно не в восторге от мысли о ее перемещении в пространстве.

— М-м-м... Вообще-то, Пуки, я предпочел бы, чтобы ты пока осталась, — произнес я. — По крайней мере до тех пор, пока я не решу, что мне делать во всей этой истории с королевой Цикутой. У нее репутация дамы, способной на всякие гадости, если что-нибудь не по ней.

— Как скажешь, — снова пожала плечами Пуки. — Я, собственно, хотела облегчить тебе задачу на случай, если ты надумал сокращать расходы.

Я в ответ только улыбнулся:

— Если мы собираемся поработать над здешними финансами, это еще не значит, что с нашим собственным кошельком что-то не в порядке. Ты должна бы уже достаточно знать своего кузена — по части ведения денежных дел на него можно положиться.

— Да, Ааза я знаю, — откликнулась она, бросая хмурый взгляд на упомянутую персону, — вполне достаточно, чтобы понимать, как трудно он расстается с деньгами без крайней необходимости, скорее руку себе отрежет... или лучше не себе, а кому-нибудь другому.

— За последние годы он стал помягче, — улыбнулся я, — но в целом ты права. Не знаю, насколько тебе от этого легче, но, между прочим, это я тебя нанял, и ты подчиняешься не ему, а непосредственно мне.

Пуки посмотрела на меня, прищурив один глаз.

— Иначе бы я и не подумала сопровождать тебя сюда.

Я мог бы пропустить это мимо ушей, но во мне проснулось любопытство.

— Слушай, а что за дела у вас с Аазом? Точнее, что ты против него имеешь? Он, между прочим, о тебе и о твоей работе всегда говорит только хорошее.

Пуки поджала губы, отвела от меня глаза и уставилась прямо перед собой.

— Это наши с ним дела, — произнесла она с каменным выражением лица.

Такая реакция меня озадачила, но я чувствовал, что дальше эту тему развивать не стоит.

— А. Ну ладно. Все равно я бы хотел, чтобы ты осталась, если ты не против.

— С моей стороны проблем нет, — ответила она. — Только вот что... сними у меня камень с души. Давай отрегулируем мою оплату. То, что ты мне до сих пор платил, — это тариф с наценкой для краткосрочных контрактов. При долгосрочной работе я тебе могу сделать скидку.

— Сколько? — быстро произнес я. Как уже говорилось, почти все свои познания по части денег я получил от Ааза, и в ходе обучения мне передались некоторые его рефлексы.

Можно снизить расценки до уровня тех двоих, — сказала она, поводя рукой в сторону Гвидо и Нунцио. — По крайней мере у них не будет ко мне исприязни на профессиональной почве.

— М-м-м... Ладно.

У меня не хватило духу открыть ей, что Гвидо и Нунцио к этому моменту получали гораздо больше ее тарифной ставки, даже с учетом наценки. Помня, что она происходит не только из одного с Аазом измерения, но и из одной семьи, я не был уверен, что она спокойно воспримет такую новость. А поскольку у меня и без того уже накопилась куча нерешенных проблем, я решил отложить это дело до лучших времен... например, до получки.

— Что ж, тогда у меня все, — заключила Пуки. — Есть какие-нибудь общие указания?

— Есть. Скажи Нунцио, что он мне нужен на пару слов.

Одна из особенностей житья во дворце состоит в том, что на переход из одного помещения в другое уходит масса времени, и это дает возможность о чем-нибудь переговорить как раз по пути на какие-нибудь другие переговоры. Нет, я не считаю, что жить во дворце приятно... просто есть особенности.

— Что скажете, босс? — спросил Нунцио, догнав меня и подстраиваясь к моему шагу. — Она остается или уходит?

— Что? А, она. Я думаю, остается.

— Вот это здорово! Слава богу! — воскликнул он, вращая глазами. — Гвидо, скажу я вам, стал бы совершенно невозможным, если бы она сейчас уехала. Понимаете?

— Угу, — кивнул я, бросив взгляд на его кузена... который, судя по блаженной улыбке на лице, был уже в курсе. — Похоже, он крепко втюрился.

— Вы и наполовину не представляете как, — состроил рожу Нунцио. — Так о чём вы хотели со мной поговорить?

— Помнишь, вы с Гвидо как-то рассказывали о странном поведении Глипа?

— Да. И что? — произнес он, и в его скрипучем голосе послышались тревожные нотки.

— Я хотел бы, чтобы ты проводил с ним больше времени. Говори с ним... может, когда выведешь его погулять, позанимайся с ним чем-нибудь.

— Я?

— Ты. Ты с ним ладишь лучше, чем кто другой... кроме разве что меня... а я в ближайшее время буду подолгу занят со здешними финансами. Если с Глипом что-то не так, я хотел бы узнать об этом пораньше, пока никто не пострадал.

— Как скажете, босс.

Я не мог не заметить, что в голосе его совершенно отсутствовал энтузиазм.

— Вот что еще скажу, — твердо проговорил я. — Это для меня важно, Нунцио, и никому, кроме тебя, я это дело передать не могу.

— Ладно, босс, — сказал он, слегка оттаяв. — Я им займусь.

Мне хотелось еще как-нибудь его ободрить, но тут мы подошли к дверям моей штаб-квартиры.

— Я подожду тут, босс, и послежу, чтобы никто больше не входил, — деланно улыбнулся Нунцио и отступил от порога.

Это меня несколько удивило, поскольку вся команда обычно вваливалась ко мне в комнату вслед за мной, не отставая ни на шаг и не прерывая разговора ни на секунду. Тут

я замстил, что и остальные тоже остановились перед дверью и с улыбкой глядят на меня.

Я не мог понять, что происходит. Ну, Банни ждет меня в комнате. Ну и что? Это же Банни, а не кто-нибудь.

Ничего не понимая, я кивнул им всем и вошел.

— СКИВ!

Я только что закрыл дверь и не успел даже повернуться, как Банни рванула ко мне через всю комнату и заключила меня в объятия, от которых у меня дух захватило... совершенно буквально.

— Я так за тебя беспокоилась! — воскликнула она, спрятав лицо у меня на груди.

— О-о-о... ох!

Последняя реплика принадлежала мне. Вообще говоря, это трудно назвать репликой — так, слабый звук, возникший, когда я попытался набрать немного воздуха в легкие. Это оказалось легче сказать, чем сделать, — а сказать, между прочим, было совсем не легко!

— Почему ты не зашел в контору, когда вернулся с Извра? — спросила Банни, стиснув меня еще сильнее и слегка встряхнув. — Я с ума сходила: как ты там один в этом жутком измерении...

Не обращая внимания на ее слова, я собрал остаток сил и ухитрился освободить сначала пальцы... потом всю руку... и чуть-чуть разжал ее захват. В последнее мгновение мои легкие все-таки успели получить столь необходимый глоток воздуха.

Уф. Конечно, с моей стороны это не слишком сердечно и даже где-то невежливо, но что делать, у меня масса неудобных для окружающих привычек — например, дышать.

— В чем дело, Скив? — озабоченно произнесла Банни, пристально глядя на меня. — С тобой все в порядке?

— О-о-о-о-ох... О-о-о-о-ох... — объяснил я, впервые ощущая, каким вкусным может быть обыкновенный воздух.

— Я как чувствовала! — продолжала она хмуро. — Тананда постоянно мне твердила, что у тебя все в порядке... каждый раз, когда я спрашивала, она говорила одно и то же... что у тебя все в порядке. Следующий раз, когда я увижу эту...

— У меня все... в порядке... Правда, Банни. У меня... все в порядке.

Я никак не мог заставить свои легкие работать самостоятельно, но не удержался и потрогал пальцем бицепс Банни.

— Это был... ничего себе приветик, — выговорил я. — Никогда не думал... что ты такая... сильная.

— А, это, — пожала она плечами. — Я тут, пока тебя не было, качалась... Почти каждый вечер. А что еще по вечерам делать? И потом, это помогает держать форму лучше всякой диеты.

— Качалась?

Дыхание мое уже почти вошло в норму, но голова была еще слегка не на месте.

— Ну да, качалась. Знаешь, сколько я теперь выжимаю?

Я никогда не думал, что женщины, выжимая белье, так разрабатывают руки. И сделал для себя вывод, что всю нашу стирку надо будет отдавать в прачечную.

— Прости, я как-то не подумал согласовать это дело с тобой, — сказал я, возвращаясь к прежней теме. — Я думал, раз ты в конторе, то там все нормально и ничего с тобой не случится, а я очень торопился сюда, к команде.

— Да, я знаю. Я просто...

И она внезапно снова обняла меня... правда, на этот раз несколько помягче.

— Не сердись на меня, Скив, — произнесла она, опустив голову мне на грудь. Я всегда так за тебя беспокоюсь...

Я с удивлением обнаружил, что она дрожит. Вообще-то у меня в комнате было совсем не холодно. Особенно если стоять тесно прижавшись, как мы.

— Да я вовсе не сержусь, Банни, — ответил я. — И беспокоиться было не о чем... Правда. На Извре все прошло нормально.

— Я слышала, тебя там чуть не убили в драке, — возразила она, и захват ее стал чуть-чуть крепче. — И потом, у тебя там, кажется, были какие-то проблемы с полицией?

Это мне не понравилось. Откуда она могла узнать обо всех этих делах на Извре? Только от Тананды... но, между

прочим, Тананда отбыла на Базар сменить Банни, еще ни о чем не зная. Это означает, что либо Ааз, либо Пуки растрепали о моих подвигах... Мягко выражаясь, восторга это у меня не вызвало.

— А от кого ты это слышала? — осторожно спросил я.

— Да на Базаре только и разговору что об этом, — ответила Банни, снова опуская голову мне на грудь. — Тананда сказала, у тебя все в порядке, но после того, что я слышала, мне надо было увидеть это своими глазами.

— Ладно, Банни, — мягко сказал я, мысленно извиняясь перед Аазом и Пуки. — Ты же знаешь, как на Базаре все преувеличивают. Сама видишь, у меня все в полной норме.

Она собиралась что-то сказать, но обернулась, поскольку в этот момент из-за закрытой двери послышался какой-то спор.

— Что это там?

— Понятия не имею, — сознался я. — Гвидо и Нунцио обещали никого не пускать. Но, может быть...

Тут дверь распахнулась, и в обрамлении дверного проема мы увидели королеву Цикуту. За ее спиной маячили мои телохранители — поймав мой взгляд, они только развели руками. Судя по всему, ее величество остановить оказалось труднее, чем любого злоумышленника, — эта мысль не слишком меня порадовала, принимая во внимание репутацию нынешней правительницы Поссилтума.

— Вот ты где, Скиви! — воскликнула королева, размахистым шагом входя в комнату. — Я тебя всюду искала, а тут вижу — под дверью ошибаются твои головорезы... А это кто?

— Ваше величество, это Банни. Банни, это королева Цикута.

— Ваше величество, — произнесла Банни, приседая в глубоком реверансе.

Мне пришло в голову, что при всей своей искушенности во многих отношениях Банни никогда раньше не встречалась с особами королевской крови и, по-видимому, испытывала подобающее смущение и почтение.

Королева Цикута, со своей стороны, не испытывала никакого смущения, а тем более почтения, при знакомстве с особой из народа.

— А что, Скив! Она хорошенькая! — заявила она, беря Банни рукой за подбородок и приподнимая ее голову, чтобы разглядеть лицо. — Я уж начала думать, может, ты какой не-нормальный — с этим твоим уродом-учеником, да еще тварь вроде ящера, которую ты повсюду за собой таскаешь, — но это... Приятно знать, что ты умеешь выбрать лакомый кусочек, когда захочешь.

— Банни — мой ассистент по административным вопросам, — сказал я несколько напряженно.

— Ну конечно, *разумеется!* — ухмыльнулась королева, подмигнув мне. — Мои мальчики тоже у меня телохранители... в любом случае это идет за счет королевской казны.

— Прошу вас, ваше величество, не поймите меня неправильно, — вмешалась Банни. — Мы со Скивом действительно только...

— Ладно-ладно, дорогуша. — Не дожидаясь окончания фразы, Цикута взяла Банни за руки и заставила встать из реверанса. — Не беспокойся, я ревновать не стану. Я и не думаю вмешиваться в личную жизнь Скива, ни до нашей свадьбы, ни после, — и точно так же ожидаю, что он не будет вмешиваться в мою. Если он мне обеспечит прирост генеалогического дерева — надо же чем-то порадовать низшее сословие, — то мне все равно, чем он будет заниматься в остальное время.

Мне совершенно не нравилось, какой оборот принимал наш разговор, и я поспешил сменить тему.

— Вы сказали, ваше величество, что искали меня?

— Ну да! — ответила королева, выпуская руки Банни из своих. — Я хотела сказать, что Гrimбл жаждет с тобой побеседовать, как только ты найдешь время. Я обещала, что ты поможешь ему навести порядок в государственных финансах, и он готов предоставить тебе любую нужную информацию и любое содействие.

Это звучало как-то не похоже на знакомого мне Дж.Р. Гrimбла, но я решил пока не заострять вопрос.

— Хорошо. Мы сейчас приедем.

— Ну разумеется, — улыбнулась королева, снова подмигивая мне. — В таком случае я тоже побежала.

Дойдя до двери, она обернулась и еще раз смерила взглядом Банни.

— Очень мила! Тебя действительно можно поздравить, Скив.

После ухода королевы в комнате воцарилось неловкое молчание. Наконец я, откашлявшись, решился его прервать.

— Банни, я прошу прощения за это все. Думаю, она хотела сказать...

— Это на *этой* женщине ты должен жениться? — произнесла Банни, словно не слыша моих слов.

— Ну, это она так хочет, но я еще думаю.

— А если кто-нибудь ее убьет, тогда ты должен будешь взять на себя управление королевством?

— М-м-м... ну, в общем, да.

Было в голосе Банни что-то такое, что мне не понравилось. Она, конечно, никогда прежде не встречалась с особами королевской крови, но дядюшка-то ее был не кто иной, как Дон Брюс, крестный отец Синдиката, а в этой среде вопросы власти решались довольно своеобразно..

— Понятно, — задумчиво сказала Банни и тут же озарилась своей обычной улыбкой. — По-моему, нам лучшеходить к Гrimблу и посмотреть, в какое дермо мы тут вляпались.

— Да, конечно. Пойдем, — ответил я, радуясь, что кризис миновал... хотя бы на время.

— Только один вопрос, Скив.

— Да, Банни?

— Сам-то ты что думаешь насчет «прироста генеалогического дерева», как изящно выразилась ее величество?

— Не знаю, — вздохнул я. — Меня это пока не заботит.

— Не заботит?

— Во всяком случае, не слишком. Я только не понимаю, какое отношение имеет должность принца-консорта к какому-то дереву? Я ей что, садовник?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ловкий махинатор всегда найдет работу.

Л. Паччиоли*

Дж.Р. Гrimбл, канцлер казначейства королевства Поссилтум, мало изменился со времени нашей первой встречи. Разве что чуть-чуть округлился в талии (хотя его худощавая фигура вполне справилась с добавочным весом и могла бы вынести еще больше), да еще с точки зрения прически из категории «лысеющих» он определенно перешел в категорию «облысевших», — а в остальном годы не оставили на нем никакого отпечатка. Поразмыслив, я пришел к выводу, что дело в его глазах, столь приметных, что остальные черты не играли особой роли. Глазки у него были маленькие, темные, с лихорадочным блеском, как у голодной крысы... или как у кого-то, кто слишком много времени проводит, испещряя бумагу цифирью, отражающей движение чужих денег.

— Лорд Скив! — воскликнул он, хватая мою руку и с энтузиазмом ее встряхивая. — Как приятно снова видеть вас в наших краях. И Ааз с вами! Никак без него не обойтись, а? — С этими словами казначей игриво подмигнул моему партнеру. — Ну ладно, это все шутки. Вас я тоже рад видеть.

— Вы что, выпили, Гrimбл? — без обиняков спросил Ааз.

Честно говоря, я сам подумал о том же, но не знал, как бы подипломатичнее спросить. К счастью, меня выручила свойственная моему партнеру исключительная бес tactность.

— Выпил? — захлопал глазами Гrimбл. — Нет. А почему вы спрашиваете?

— Просто вы выглядите как-то веселее обычного, вот и все. И, между прочим, я что-то не припомню, чтобы прежде вы бывали рады видеть кого-нибудь из нас.

— Ну ладно, кто старое помянет... Я не отрицаю, в прошлом у нас случались разногласия, но теперь нам предстоит работать вместе... и, честное слово, джентльмены, я не могу

* Вот тут я вам, так и быть, подскажу. Лука Паччиоли — изобретатель двойной бухгалтерии, «отец бухучета». — Р.Л.А.

себе представить никого лучше вас на роль союзников в нынешнем финансовом кризисе. Я никогда не позволял себе признаться в этом раньше, но всегда втайне восхищался вашими способностями в обращении с деньгами.

— Э-э... спасибо, Гrimбл, — произнес я, все еще не решив, как следует относиться к его новой манере общения.

— А это кто у вас тут?

Его внимание переключилось на Банни; он пожирал ее глазами, как жаба, подбирающаяся к мотыльку.

Мне вдруг вспомнилось, как мы с Аазом впервые попали на работу в Поссилтум — это произошло после того, как Гrimбл подцепил Тананду в баре для холостяков. Еще я как-то сразу вспомнил, что Гrimбл мне не слишком нравится.

— Это Банни, — сказал я. — Мой ассистент по административным вопросам.

— Ну разумеется. — Гrimбл бросил на меня змеиный косяй взгляд и снова плотоядно взорился на Банни. — По части дам, Скив, у вас всегда был изысканный вкус.

Я еще не кончил переживать по поводу того, как с Банни разговаривала королева Цикута, и уж канцлеру-то такое спускать вовсе не собирался.

— Гrimбл, — произнес я, слегка повысив голос. — Следите по губам, если вам плохо слышно. Я сказал, что она — мой ассистент по административным вопросам. Поняли?

— Да. Я... да, конечно. — Канцлер несколько стушевался, нервно облизнул губы, но тут же пришел в себя и бодро продолжил: — Очень хорошо. Теперь я покажу вам нашу работу — поле деятельности, знаете ли, у нас расширилось.

Если сам Гrimбл не изменился ни физически, ни духовно, то его рабочее место было совершенно не узнать. Прежде он трудился в крохотной тесной клетушке, заваленной до потолка стопками и связками бумаг. Теперь вместо клетушки мы увидели хотя и по-прежнему лишенное окон, но все же довольно просторное помещение... ну, по крайней мере это помещение было бы достаточно просторным, если бы Гrimбл занимал его один.

Вместо этого туда было втиснуто еще около дюжины работничков, всем своим видом демонстрировавших кипучую

деятельность, единственным результатом которой были все новые кучи бумаг, сплошь покрытых рядами и колонками цифр. Когда мы вошли, работнички даже головы не подняли посмотреть на нас, да и Гrimбл не счел нужным прервать их работу или как-то нас представить. Но я все равно заметил у них в глазах тот же лихорадочный блеск, какой раньше казался мне свойственным исключительно Гrimблу.

— Кажется, нынешний финансовый кризис не вызвал спада в вашей деятельности, — сухо сказал Ааз.

— Разумеется, нет, — с готовностью откликнулся Гrimбл. — Собственно, этого и следовало ожидать.

— Как это? — заинтересовался я.

— Видите ли, лорд Скив, — ухмыльнулся Гrimбл, — есть много общего между финансистами и стервятниками... Мы процветаем, когда у других дела идут хуже некуда. Понимаете, когда в каком-нибудь королевстве или компании дела идут хорошо, никто не станет возиться с бюджетом и тем более с экономией на накладных расходах. Пока у них есть денежки в сундуках, они радуются. А вот когда все катится под откос, как сейчас в Поссилтуме, вот тогда всем срочно требуются ответы на все вопросы... или чудо... и мы, зануды-счетоводы, должны это чудо сотворить. Чем больше объем экономического анализа, тем больше на это надо человека-часов, что, в свою очередь, требует большего штата и дополнительных площадей.

— Очаровательно! — проворчал Ааз, но Гrimбл его проигнорировал.

— Итак, — произнес он, потирая руки перед собой, как мясная муха, — с чего мы начнем?

— М-м-м... — умно высказался я.

Ужасная правда состояла в том, что теперь, глядя на Гrimбла и его бумажные горы, я и понятия не имел, что же надо делать.

— Действительно, Гrimбл, — шагнув вперед, сказала Банни, — пока есть время до обеда, я хотела бы посмотреть ваш оперативный финансовый план на текущий год с разбивкой по месяцам, а также сводку прибылей и убытков и финансовые отчеты за последние месяцы... да, и еще анализ

притока денежных средств — и план, и выполнение, если не возражаете.

Канцлер слегка побледнел и тяжело сглотнул.

— Конечно. Я... разумеется, — произнес он, бросив на Банни куда более уважительный взгляд, чем в начале беседы. — Сейчас я вам все это подберу.

С этими словами он поспешно удалился и начал совещаться с парочкой своих подчиненных, все время нервно оглядываясь на нашу компанию.

Я встретился глазами с Аазом и слегка приподнял бровь; в ответ на это он состроил гримасу и пожал плечами. Приятно было сознавать, что моего партнера запросы Банни повергли в такое же недоумение, как и меня.

— Ну вот, — объявил Гrimбл, возвращаясь со стопкой бумаг и передавая их Банни. — Приток денежных средств сейчас принесут, но вы можете начать с этого.

Банни проворчала что-то неодобрительное и принялась за бумаги, подробно и тщательно изучая каждую страницу. Я придвинулся к ней поближе, чтобы тоже читать через ее плечо — больше, конечно, для вида. Мой острый взгляд мгновенно распознал только то, что страницы сплошь покрыты цифрами. Восхитительно.

— Гм... У меня есть несколько развернутых таблиц в пояснение этих цифр. Если хотите, я принесу, — предложил Гrimбл, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Банни оторвалась от бумаг и одарила его мрачным взглядом.

— Может быть, после, — произнесла она. — Вы ведь знаете, почему эти ваши развернутые таблицы называют простынями?

— М-м-м... — замялся Гrimбл.

— Потому что в приличных домах их стирают не реже раза в неделю, — продолжила Банни с едва приметной улыбкой. — Именно так создается впечатление чистоты и порядка.

Гrimбл какое-то время смотрел на нее с непонимающим видом, а потом вдруг разразился смехом и игриво хлопнул ее по плечу.

— Вот это здорово! — воскликнул он. — Этого я раньше не слышал.

Я посмотрел на Ааза.

— Это, наверное, бухгалтерский юмор, — скривившись, предположил он. — Нам, простым смертным, этого не понять. Ну, знаешь, шутки типа «деньги на бумаге — это только бумага...».

— А вот это вовсе не смешно, — с деланной суровостью одернул его Гrimбл. — Если честно, слишком часто нам приходится слышать подобное. Правда, Банни?

Я не мог не заметить, что теперь он видел в Банни коллегу и обращался к ней с соответствующим почтением. Судя по всему, ее шутка, какой бы бессмысленной она мне ни показалась, убедила канцлера, что Банни представляет собой нечто большее, чем просто украшение моей конторы.

— К сожалению, правда, — откликнулась моя секретарша. — Но серьезно, Гrimбл, давайте вернемся к нашим делам. Если мы намерены привести здешние финансы в порядок, нам понадобятся полные данные без всякого камуфляжа. Я знаю, обычно принято приукрашивать состояние дел всяческими графиками и анализами тенденций, но, поскольку мы тут будем работать без посторонних, давайте на этот раз ограничимся только цифрами.

Мне это предложение показалось разумным, но канцлер, похоже, воспринял его как чересчур радикальное и не особенно мудрое.

— Не знаю, Банни, — произнес он, бросив на нас с Аазом взгляд, которым обычно одаривают шпионов и предателей. — Вы же в курсе, как обстоит дело. Нас все считают злодеями-бюрократами, но ведь мы не имеем никаких реальных полномочий что-то изменить. Можем разве что дать рекомендации тем, кто такие полномочия имеет. Тут уж приходится либо как-то подсластить пиллюлю, либо слегка подогнать факты, чтобы они соответствовали тому, что хотят услышать власти предержащие, либо запутать все до такой степени, чтобы сам черт не разобрался в наших делах, — иначе может оказаться, что вместо всех предложенных нами изменений заменят нас самих.

— Правду никто слушать не хочет, — сочувственно сказал Ааз. — По-моему, это обычное дело. Но на этот раз, Гrimбл, вы убедитесь, что все обстоит не так. К тому же у Скива есть все полномочия для осуществления любых перемен, какие вы сочтете необходимыми.

— Так оно и есть, — объявил я, радуясь возможности тоже поучаствовать в этой ученой беседе. — В числе первых мер, которые, я считаю, необходимо принять как можно скорее, будет сокращение армии. Например, вдвое — как вам это?

Зная давнее недовольство казначея военными расходами, я полагал, что он ухватится за это предложение, но он, к моему удивлению, отрицательно покачал головой.

— Ни в коем случае, — возразил он. — Это приведет к депрессии.

— Да плевать мне, огорчаться они или нет! — рявкнул Ааз. — Поуволынять половину, и все! Королева уже согласилась свернуть политику экспансии, и нам больше незачем содержать такую огромную армию.

Гrimбл смерил моего партнера таким взглядом, будто только что куда-то вляпался и теперь оглядывал перепачканные башмаки.

— Я имел в виду экономическую депрессию, — сухо произнес он. — Если мы разом выбросим на рынок труда всю эту массу бывших солдат и одновременно сократим военные расходы, то получим массовую безработицу. А лишившиеся своего места в жизни голодные люди, особенно прошедшие армейскую школу, имеют неприятную склонность восставать против тех, кто ими правит, — то есть в данном случае против нас. Я думаю, вы согласитесь, что с учетом долговременных последствий значительное сокращение вооруженных сил будет не самым мудрым решением.

Я начал относиться к Гrimбулу с гораздо большим уважением. В ремесле зануды-счетовода явно скрывалось что-то такое, о чём я прежде и не подозревал.

— Тем не менее мы можем добиться кое-какой экономии за счет естественной убыли, — продолжал канцлер казначейства.

— Естественной убыли? — переспросил я. Я решил, что настало время мне признаться в своем невежестве и начать усваивать хотя бы основные термины, если собираюсь во всем этом поучаствовать.

— В данном случае, лорд Скив, — пояснил Гrimбл на удивление терпеливо, — этот термин относится к сокращению личного состава за счет отказа от найма новых работников вместо уходящих по обычным причинам. Применительно к армии это означает, что мы перестаем набирать новых рекрутов на смену тем, у кого заканчивается срок службы. При этом численность армии будет сокращаться, но медленнее, и гражданское хозяйство сможет легче с этим справиться.

— А мы можем себе позволить действовать медленно? — спросил Ааз, на которого сказанное, видимо, произвело впечатление. — Я почему-то думал, что королевство стоит на краю финансовой пропасти.

— Мне кажется, я что-то слышал насчет увеличения налогов? — Канцлер произнес это как вопрос, пристально глядя на меня.

— Не думаю, что это поможет, — отозвалась Банни, сидевшая неподалеку с принесенными Гrimблом бумажками.

— Простите? — нахмурился канцлер.

— Судя по тому, что я тут у вас вижу, основная проблема не в доходах, а в их получении, — пояснила она, ткнув пальцем в одну из таблиц.

Гrimбл тяжело вздохнул и стал как-то даже меньше ростом.

— Должен признать, это у нас действительно слабое место, — проговорил он, — но...

— Стоп! — воскликнул я. — Тайм-аут! Может кто-нибудь мне перевести, о чём речь?

— Я хочу сказать, у королевства в настоящий момент довольно много денег, — отозвалась Банни, — но все эти деньги как бы на бумаге. Народ задолжал казне уйму денег по налогам, но налоги эти не собираются. Если бы нам удалось что-то предпринять, чтобы обратить эту дебиторскую задолженность... ну, эти деньги, которые они нам должны, в налич-

ные, которые можно расходовать, то королевство зажило бы очень неплохо. Не блестяще, не надейтесь, но достаточно прилично, чтобы преодолеть нынешний кризис.

— Проблема в том, — продолжил Гrimбл ее объяснения, — что наши граждане *совершенно* не склонны идти нам навстречу, когда дело касается налогов. Они отбиваются изо всех сил, чтобы только не признавать свою задолженность, а уж когда дело доходит непосредственно до платежа... все эти отговорки, которые они изобретают, могли бы нас позабавить, но в результате мы скоро обанкротимся, так и не дождавшись, пока они рассчитаются.

— Тут я с ними вполне солидарен, — ухмыльнулся Ааз.

— Каждый гражданин должен вносить положенную долю в оплату общих затрат королевства, исправно платя налоги, — раздраженно сказал Гrimбл.

— Но при этом каждый имеет право платить их в минимальном объеме, какой сможет отспорить на законном основании, — парировал мой партнер.

Эта перепалка между Гrimблом и Аазом прозвучала почти как в добрые старые времена. К сожалению, на этот раз у нас были дела поважнее.

— Вы скажете, что я не прав, — начал я, подняв руку и призвав всех к молчанию. — Но что, если мы попробуем разом убить двух зайцев?

— Это как? — нахмурился Гrimбл.

— Ну, первым делом мы осуществляем ваше предложение о сокращении армии за счет естественной убыли... и даже немного ускорим эту убыль, предложив сокращенные сроки службы всем желающим...

— Это может сработать, — кивнул канцлер, — но не вижу...

— И, — быстро продолжил я, — переведя часть оставшихся солдат в сборщики налогов. Таким образом они сами помогут нам собрать деньги, необходимые для их содержания.

Гrimбл и Банни переглянулись.

— Вряд ли от этого станет хуже, чем при нынешней системе, — кивнула Банни.

— Вот что я вам скажу, — с важным видом произнес я. — Обмозгуйте-ка это дело вдвоем и набросайте план конкретных действий. А мы с Аазом пойдем растолкуем его королеве.

Вообще-то у меня не было намерения навещать Цикуту в ближайшее время, но я решил воспользоваться моментом и смыться с совещания, имея на своем счету хоть маленькую, но победу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Так сколько вы мне заплатите?

М. Джордан

Следующие несколько дней прошли без особых происшествий. Они были так похожи один на другой, что мне трудно вспомнить, что в какой день было.

Вы можете сделать из этого вывод, что я изрядно скучал, и будете правы. Несколько лет подряд я только и делал, что влезал в передряги или уходил от погони, и нынешний режим разумеренной ежедневной работы показался мне вполне щадящим. Разумеется, большую роль играло и то, что я совершенно не понимал, чем занимаюсь.

Конечно, убегать от разъяренной толпы или пудрить мозги клиенту, стараясь слупить с него побольше, — в этом я знаю толк не хуже любого другого, и даже лучше. Но в таких вещах, как бюджет, оперативные финансовые планы, притоки денежных средств, я просто ни бельмеса не смыслю.

Я изрядно струхнул, когда осознал, что при всем при этом любые мои рекомендации — вроде перевода части армии в налоговую службу — практически тут же становятся законом. Но я все-таки вбил себе в голову, что должен что-то сделать для спасения здешних финансов, и теперь мне оставалось только стучать по дереву, плевать через левое плечо и стараться в каждом конкретном случае выбрать наилучшее решение.

Но пока я еще совсем не зациклился на своих жалобах, надо по справедливости заметить, что, как бы плохо ни шли дела, без Банни я бы вообще пропал.

Так получилось, что без всякого предварительного планирования моя ассистентка по административным вопросам в итоге взвалила на себя двойную нагрузку. Во-первых, она должна была просиживать долгие часы над цифрами и планами с Гримблом, перебрасываясь с ним своими бухгалтерскими жargonными скороговорками, в то время как я сидел рядом с отсутствующим выражением лица. А потом столько же или даже больше времени ей приходилось тратить на терпеливое объяснение мне, что же они решили. Это сушило мне мозги, но я предпочитал такое времяпрепровождение альтернативному варианту, то есть попыткам размышлять о предложении королевы Цикуты.

Иногда, правда, попадалось что-нибудь, о чем я вроде бы кое-что знал. Поскольку обычно со временем выяснялось, что я ошибся, то причин для особого самодовольства у меня не было. Не думайте, у меня не вызывало буйного восторга, когда мне вновь и вновь показывали, что я исключительно глуп и при этом совершенный невежда, просто я был склонен к тому, что некоторое разнообразие в ощущениях даже полезно.

Когда я перебираю в памяти эти наши заседания, мне особенно часто вспоминается один разговор.

— Погоди, Банни. Еще раз, что означала эта последняя цифра?

— Что? — отозвалась она, отрывая взгляд от бумажки, содержание которой она мне излагала. — А, это. Это у нас *ты*.

— В каком смысле *я*?

— Это ты как статья бюджета. Сюда входит заработная плата и оперативные расходы.

— Стоп! Не понял! — воскликнул я, подняв руку. — Я же официально ушел в отставку с поста придворного мага. Как это я опять оказался у них на жалованье?

— Гримбл тебя восстановил на работе в тот же день, как ты вернулся с Извра, — терпеливо объяснила Банни. — Но это не имеет никакого отношения к той статье, о которой мы

говорим. Эти средства выделены тебе как финансовому консультанту. Твои гонорары за магическую деятельность идут совершенно отдельной статьей.

— Но это же смешно!

— Ну что ты, Скив, — с упреком сказала она, делая большие глаза. — Я же тебе все это уже объясняла. Нам необходимо вести учет по разным операциям раздельно, на отдельных счетах, чтобы точно отслеживать результаты. Мы также должны внутри каждой операции записывать разные типы расходов на отдельные счета. Иначе...

— Да нет, я вовсе не имел в виду, что смешно записывать эти расходы отдельной статьей, — торопливо пояснил я, пока она не углубилась в очередной урок бухучета. — Я хотел сказать, что смешно вообще говорить о таком бюджете.

Почему-то мои слова совершенно не успокоили Банни, а скорее даже еще больше ее рассердили.

— Значит, так, Скив, — сказала она холодно. — Я знаю, ты не все понимаешь из того, что делаем мы с Гrimблом, но ты уж мне поверь, я эти цифры не с потолка взяла. Эта сумма, которая тебе выделена, — вполне разумное предположение, с учетом ожидаемых расходов и существующих тарифных ставок... Даже Гrimбл посчитал такой бюджет приемлемым и утвердил его. В этой связи я бы очень хотела услышать, на каком таком основании ты называешь эту сумму смешной.

— Ты меня опять не поняла, Банни, — ответил я, качая головой. — Я не говорю, что сумма смешная или расчеты неверны. Я хочу сказать, что этой суммы вообще тут быть не должно.

— Как это?

Я чувствовал себя так, будто мы говорим на разных языках, но отважно продолжил:

— Смотри, Банни. Предполагается, что вся эта работа направлена на то, чтобы сберечь деньги для королевства. Ну, все это финансовое оздоровление. Так?

— Да-да, — кивнула Банни. — И что же?

— Тогда какая же это выйдет помошь, если мы будем требовать с них хоть какой-то платы за наши услуги, не гово-

ря уж о *таких* запредельных тарифах? Кстати, с учетом всех обстоятельств я бы не стал им выставлять счет и за мою магическую деятельность.

— Да, партнер? — подал голос Ааз, который все это время сидел свернувшись клубком в своем любимом кресле в углу. Мне казалось, он еще больше меня скучал на этих заседаниях. — Можно я скажу тебе пару слов? Пока ты еще чего-нибудь не наговорил?

Я знал, что это значит. Ааз всегда был готов повышать наши расценки сверх всякой меры, придерживаясь основополагающего принципа, что заработать меньше, чем было бы можно, это все равно что потерять деньги. А уж если я занялся о том, чтобы не просто снизить наши гонорары, а вообще их отменить, то, понятно, следовало ожидать, что Ааз немедленно кинется в драку. Разговор о деньгах вообще, а о наших деньгах в особенности, мог бы вывести Ааза даже из состояния комы.

На этот раз, однако, я был не намерен с ним соглашаться.

— Успокойся, Ааз, — сказал я, махнув рукой. — В этом деле я не намерен уступать.

— Но, *партнер*, — угрожающе произнес он, протягивая руку к моему плечу.

— Нет! — упрямо ответил я, уворачиваясь от его пальцев. Мне прежде уже приходилось с ним спорить, когда он держал мое плечо мертвой хваткой, и я больше не собирался давать ему такое преимущество. — На этот раз я твердо знаю, что прав.

— *Как ты можешь быть прав, когда собираешься работать ДАРОМ?* — проорал он, отбросив всякие экивоки. — *Неужели за все эти годы я тебя так ничему и не научил?*

— Ты меня много чему научил!!! — заорал я в ответ. — И я много в чем с тобой соглашался... и обычно это было к лучшему. Но есть кое-что, Ааз, чего мы никогда не делали, при всех наших выкрутасах и уловках и при всем нашем корыстном интересе. Насколько я помню, мы никогда не раскручивали на расходы того, кто не может себе эти расходы позволить. Так?

— Ну, в общем, да. Но...

— Если мы можем выжать лишнюю копейку из деволов или из Синдиката, это только здорово, — продолжал я. — У них денег полно, и насколько мне известно, это не слишком честные деньги. Но Поссилтум — королевство, которое сидит в долговой яме. Как мы можем говорить, что пришли сюда им помочь, если в то же самое время вышибаем из них дух, требуя огромных гонораров?

Ааз не нашел что ответить и опустил глаза.

— Но ведь Гримбл это уже утвердил, — произнес он в конце концов, и голос его прозвучал почти жалобно.

Я не верил своим ушам! Неужели я переспорил Ааза по вопросу, имеющему отношение к деньгам? К счастью, у меня хватило присутствия духа в час победы повести себя великодушно.

— В таком случае я уверен, что он утвердит и дополнительное сокращение затрат, — сказал я, на этот раз сам кладя руку на плечо Аазу. — Кроме того, это просто технические поправки. Правда, Банни?

— Нет.

Она произнесла это мягко, но ее ответ не оставлял никаких сомнений. Быстро же кончился мой час победы.

— Но, Банни... — без особой надежды начал я, но она меня оборвала.

— Я сказала «нет», Скив, и это действительно «нет». — С этими словами она обернулась к Аазу. — Честное слово, Ааз, ты меня удивляешь. Как это ты дал ему зайти так далеко! Здесь на карту поставлены важнейшие принципы, а не просто корысть.

Ааз приоткрыл рот, но тут же закрыл его, так ничего и не сказав. Это, наверное, был первый случай на моей памяти, чтобы Ааз, пусть даже молчаливо, согласился с существованием принципов более важных, чем корысть. Но тут все-таки Банни выступала на его стороне, и он позволил ей продолжить.

— Да, Скив, с сердцем у тебя все в порядке, — продолжила она, снова поворачиваясь ко мне, — но есть факторы, которых ты не учитываешь или просто не понимаешь.

— Ну так объясни мне, — отозвался я, уже начиная злиться, но все равно стремясь понять.

Банни на мгновение замолчала, поджав губы и явно обдумывая, как построить объяснение.

— Хорошо, — сказала она, — давай начнем сначала. Как я это вижу, наша задача состоит в том, чтобы помочь королевству выбраться из нынешнего финансового кризиса. Помимо чрезвычайных мер по сокращению расходов, мы с Гrimблом заняты разработкой разумного бюджета и оперативного плана, который позволил бы вернуть все в норму без лишних потрясений. Я особенно подчеркиваю слово «разумного». Смысл в том, что будет абсолютно *неразумно* ожидать, что кто-то, будь то ты, я или Гrimбл, станет делать такую важную работу даром. *Никто* не работает даром — ни армия, ни фермеры. Так с какой стати мы должны работать даром?

— Но ведь из-за этого самого кризиса королевство просто *не в состоянии* оплачивать наши услуги, — возразил я.

— Чепуха, — бросила Банни. — Во-первых, не забывай, что королева сама довела королевство до ручки, расходя слишком много денег на армию. Не мы в том виноваты. Мы — эксперты, приглашенные со стороны, чтобы вытащить их из ямы, которую они сами себе вырыли.

Во-вторых, — продолжила она, не дав мне вставить ни слова, — как ты сам можешь видеть из тех таблиц, которые я тебе показываю, за счет экономии на расходах и дополнительных доходов от налогов мы можем высвободить достаточно средств, чтобы выплачивать наши гонорары. В обязанности зануды-счетовода входит, среди прочего, показывать своему нанимателю, где взять деньги себе на зарплату. Работники других специальностей этого обычно не делают!

То, что она говорила, было похоже на правду, но меня она не переубедила.

— Хорошо, но мы можем по крайней мере уменьшить наши гонорары? — спросил я. — У нас нет никаких серьезных причин требовать так много, как вы тут написали.

— Скив, Скив, перестань, — покачала головой Банни. — Я ведь уже говорила, что цифры эти взяла не с потолка. Я знаю, мы обычно устанавливали цену, исходя из того, что

можно содрать с каждого конкретного клиента, но на этот раз мы имеем дело с бюджетом, который практически определен заранее. Я заложила тариф, какой получают другие. Любой иной вариант был бы нелогичен и нарушил бы нам всю систему.

Я посмотрел на Ааза, но он не сводил глаз с Банни и ловил каждое ее слово.

— Хорошо. Давайте начнем сначала, — предложил я. — Банни, объясни мне простыми словами, как ребенку. Как устанавливаются эти тарифы?

Банни на мгновение задумалась, поджав губы.

— Ладно, — вздохнула она, — первым делом ты должен понять, что плата за любую работу сильно зависит от спроса и предложения. Самые высокооплачиваемые работы обычно относятся к одной из трех категорий. Во-первых, много платят, когда работа очень противная или опасная — тогда за нее приходится платить дополнительно, лишь бы кто-нибудь вообще согласился ее делать. Во-вторых, когда работа требует какого-нибудь особенного умения или таланта. В эту категорию попадают спортсмены, эстрадные артисты, но кроме того, заметь, и специалисты высокой квалификации, например, врачи.

— И маги! — подхватил мой партнер.

— Потерпи, Ааз, — попросила Банни, останавливая его энергичным жестом. — И наконец, третья категория высокооплачиваемых — это те, на ком лежит большая ответственность... те, чьи решения касаются больших денег, или влияют на судьбы многих людей, или и то, и другое сразу. Если рабочий на заводе совершает ошибку, это может означать, что придется переделывать всю работу за день или за неделю... возможно, завод даже потеряет заказчика. А президент фирмы, которой принадлежит завод, вообще может принимать решения всего-то три или четыре раза в год, зато это будут решения типа — открыть или закрыть полдюжины заводов, начать выпуск новой продукции или снять с производства какую-то модель. Если такой человек совершил ошибку, то сотни и тысячи людей могут лишиться работы. Такой уровень ответственности — это страшно, это изматывает, и человек,

который соглашается на такую работу, заслуживает повышенной оплаты. Это понятно?

— Вроде бы да... пока, — кивнул я.

— Теперь дальше. Внутри каждой профессии есть своя негласная иерархия. Лучшие или самые опытные получают больше, а начинающие и менее квалифицированные довольствуются минимальным окладом. Популярные артисты зарабатывают больше, чем те, кто еще только создает себе имя. Бригадиры и менеджеры получают больше своих подчиненных, потому что должны одновременно обладать всей необходимой квалификацией для выполнения работы и нести ответственность за организацию работы других и контролировать ее. Это обычный порядок, и он стимулирует новых работников держаться за свою работу и стараться продвинуться выше. Понятно?

— Это вполне логично, — согласился я.

— Теперь ты понимаешь, почему я заложила в бюджет такую крупную сумму на оплату твоих услуг! — с торжествующим видом заключила она.

— Как это? — не понял я.

Мне казалось, что я следил за ходом ее рассуждений шаг за шагом и все понимал. Но похоже, где-то по пути я что-то пропустил.

— Ты что, не видишь, Скив? — возмутилась она. — Та работа, которую ты делаешь для Поссилтума, подпадает сразу под *все три* категории высокооплачиваемых. Эта работа опасна и неприятна, она, несомненно, требует особых навыков и квалификации от тебя и твоих сотрудников, и, поскольку ты сейчас определяешь политику в масштабах всего королевства, уровень твоей ответственности просто высочайший!

Я никогда не думал обо всем этом в таких выражениях (главным образом чтобы не портить себе нервы и не свихнуться раньше времени), но тут она действительно была права. Между тем она еще не закончила.

— Кроме того, — продолжала Банни, — ты, если хочешь знать, один из лучших в своем деле и принадлежащий к верхушке негласной иерархии. Не забывай, Гrimбл сейчас работает под твоим началом, значит, ты должен получать больше

него. Вдобавок на тебя как на мага уже длительное время держится хороший спрос, и не только здесь, на Пенте, но и на Базаре Девы, где, сам понимаешь, играет высшая лига. Эта твоя королева Цикута довела королевство до полного развода, и если она хочет нанять лучших специалистов для спасательных работ, то ей, черт побери, придется за это заплатить.

В последних словах Банни было что-то неприятно-мистельное, но меня больше тревожило другое.

— Ну, предположим на минуту, что я с тобой согласен... по крайней мере в финансовом отношении, — начал я. — Но все равно я не понимаю, как это можно получать деньги одновременно в качестве финансового консультанта и в качестве придворного мага.

— Потому что ты выполняешь обе работы, — твердо сказала Банни.

— Но я же сейчас не работаю здесь магом, — возразил я.

— Как это не работаешь? — возмутилась она. — Ты что, Скив? Хочешь мне сказать, что, если возникнет какая-то проблема, требующая магических действий для своего решения, ты будешь сидеть сложа руки и ничего не делать?

— Ну нет, конечно. Но...

— Никаких «но», — оборвала меня Банни. — Ты сейчас проживаешь здесь постоянно и всегда готов бросить все свои силы на любое магическое задание, как только оно возникнет... точно так же, как ты делаешь это на Базаре. *Они-то* отстегивают тебе приличный процент только за то, что ты сидишь наготове. За те деньги, которые тебе здесь платят, Поссилтум получает шанс. И не сомневайся, ты действительно работаешь. А я только слежу, чтобы тебе за это платили. Если они хотят иметь финансового консультанта и придворного мага, то будет только справедливо заложить это все в бюджет как часть тех расходов, на оплату которых им нужны деньги.

Она меня убедила. Мне, правда, пришло в голову, что, продлись наш разговор еще немного, она бы вполне могла меня убедить, что черное — это белое.

— Ну ладно, пускай так, — сказал я и пожал плечами. — Все равно мне это кажется как-то многовато.

— Так оно и есть, Скив, — твердо сказала Банни. — Но не забывай, что эта сумма не вся тебе одному. Королевство платит Корпорации М.И.Ф. Гонорар должен покрывать все затраты на нашу деятельность, включая накладные расходы и оплату персонала. Вовсе не предполагается, что ты положишь все деньги себе в карман.

Я кивнул, не меняясь в лице, но мысли мои поскакали галопом. Слова Банни подали мне идею.

За время этих наших заседаний я узнал по крайней мере, что между затратами, заложенными в бюджет, или оперативным планом и реальными расходами существует большая разница. И если мне *позволено* потратить такую астрономическую сумму, то это еще не значит, что я обязан ее израсходовать.

Про себя я решил, что свои статьи расходов буду поддерживать на уровне гораздо ниже бюджетного... даже если для этого придется подсократить мой собственный персонал. Я их всех очень люблю, но, как только что отметила Банни, моя работа подразумевает высокий уровень ответственности.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Что вам надо, так это приличную контору по сбору денег.

Д. Шульц

Беседа с Банни дала мне пищу для размышлений. Вернувшись к себе в комнату и надеясь на относительный покой и уединение, я решил хорошенько обдумать все это за бокалом вина.

Обычно в нашей Корпорации М.И.Ф. я распределял задания, исходя из того, что, по моему мнению, необходимо для данной работы и кто, опять же по моему мнению, лучше всех с ней справится. Ну и учитывая, конечно, кто в данный момент свободен.

Как отмечала Банни, наши цены обычно определялись тем, сколько нам смогут заплатить. Похоже, в прошлом мне следовало обращать больше внимания на то, покрывает ли доход от каждого конкретного задания расходы его исполнителей, и на то, стоит ли вообще наша работа получаемой платы; но все равно то, как мы действовали, позволяло нам заработать достаточно денег, чтобы свести концы с концами... и, между прочим, даже очень неплохо.

Последние две операции — мое путешествие на Извр за Аазом и вылазка всех остальных на Пент с целью остановить продвижение армии Поссилтума — представляли собой заметное исключение. Это были практически личные акции, предпринятые на свой (то есть мой!) страх и риск; нам эту работу никто не заказывал, и никакого дохода от нее не предполагалось.

Зато теперь я столкнулся с совершенно новой для меня ситуацией.

Вместе со мной в королевском замке торчала вся моя команда, кроме Тананды, которая присматривала за делами на Деве. Вопрос состоял в том, надо ли им всем здесь находиться.

Интуитивно я чувствовал, что они сидят здесь в основном потому, что беспокоятся за меня... впрочем, не без оснований. Они поняли, что я в опасности, и решили быть под рукой, если мне понадобится помочь.

Я, конечно, очень ценил их заботу, и мне, несомненно, нужна была моральная поддержка, но следовало признать, что особого проку от них тут не будет. Помощь Банни в оздоровлении местных финансов, конечно, неоценима, но остальные мало что могли сделать в нынешних обстоятельствах — разве что немного меня подбодрить.

Неприятность состояла в том, что по всем правилам арифметики, находясь со мной в Поссилтуме, они не выполняли других заданий и не зарабатывали денег для Корпорации М.И.Ф. и, соответственно, для себя самих. И это целый месяц! Плюс время, которое они потеряли, останавливая для меня в порядке личной любезности армию королевы Цикуты. Если мы собираемся иметь работоспособную, приносящую

прибыль организацию, а не благотворительное общество по спасению Скива, то нам придется вернуться к нашей прежней прагматической ориентации. И более того, как президент корпорации и как человек, втравивший всех в эту внеплановую вылазку, я должен был взять инициативу на себя и выправить положение. Это означало, что мне придется либо сократить задействованные здесь силы и средства, либо согласиться с планом Банни и выставить королевству счет за все затраченное нами время.

Вопрос в том, кого сокращать.

Ааз должен был остаться. Не только потому, что я совсем недавно с изрядным трудом и риском вытащил его с Извра, просто я действительно ценил его советы и наставления. Конечно, с тех пор, как мы познакомились, я стал попадать в переделки исизмеримо чаще, зато отлично сознавал, что при этом Ааз не имеет себе равных по части *вытаскивания* нас из них же.

Банни была совершеннюю необходима. Вообще-то это была идея Тананды подключить ее к этому пакостному делу, но я уже хорошо понял, что без ее познаний и квалификации у нас не было бы ни малейшего шанса спасти поссылитумские финансы. Кроме того, помня ее поведение при нашей встрече, я опасался, что она не захочет возвратиться на Базар и оставить меня наедине с моей дилеммой.

Что же касается троицы моих телохранителей... После некоторого раздумья я решил пока их не трогать. Во-первых, я только что уговорил Пуки остаться, и было бы совсем уж подурячки тут же менять свое решение. Во-вторых, я не был так уж уверен, что они мне совсем не понадобятся. Отправляясь на Извр, я оставил Гвидо и Нунцио дома, несмотря на их активные протесты... И в результате, оказавшись там без них, нанял Пуки. Пока я подробно не обсужу с телохранителями, какова, с их точки зрения, степень возможной здесь опасности, мне и думать нечего о том, чтобы кого-то из них отослать. Я, конечно, хотел спасти королевскую казну, но не до такой степени, чтобы самоотверженно подвергать себя опасности.

Оставались Маша и Корреш.

Маша поступила ко мне в качестве ученицы, и хотя я был не слишком усерден в обучении ее магии, все же чувствовал

себя за нее в ответе. А как бы я мог за нее отвечать, если я здесь, а она на Деве? Пусть я и не позволил ей сопровождать меня на Извр, тем не менее я отлично знал по собственному опыту, что место ученика — рядом с его наставником.

Неожиданно я оказался перед фактом — в списке на сокращение не осталось никого, кроме Корреша. А его я сокращать не хотел. Несмотря на имидж недоразвитого детины с пудовыми кулаками, который Корреш любил себе создавать, находясь на работе, он был, пожалуй, самой умной головой во всей нашей Корпорации М.И.Ф. Честно говоря, на его мудрость и рассудительность я полагался гораздо больше, чем на взрывной темперамент Ааза. Мне совершенно не нравилась идея что-то решать по поводу предложения королевы Цикуты, не имея рядом мудрого Корреша. Может быть, потом, когда я приму решение...

Как ни пытался я избежать этих мыслей, проблема вновь со всей остротой напомнила о себе, и от нехорошего предчувствия по спине у меня пошел холодок.

Я нервно заглотнул остаток вина из кубка и снова его наполнил.

Когда я приму решение...

Все мои силы и помыслы были сосредоточены на ближайших проблемах и краткосрочных планах. А что будет *после* того, как я приму решение, каким бы оно ни было?

Моя жизнь наверняка не останется прежней.

Все равно, женюсь я на королеве Цикуте или, в случае моего отказа, она отречется и я вынужден буду сам управлять королевством, — в любом случае я надолго застряну на Пенте. Очень надолго.

Я не смогу одновременно торчать на Пенте и держать контору на Деве!

Сможем ли мы перенести нашу деятельность на Пент?

И если да, то как совместить обязанности принца-консорта или короля с ответственным постом президента Корпорации М.И.Ф.?

Если я стеснялся выставить королевству счет за один месяц работы моей команды, то как решусь зачислить их всех на *постоянное жалованье*?

А что будет с остальными нашими делами? Если мы все переберемся на Пент, то нам придется отказаться от хлебного контракта с Ассоциацией Купцов Девы, ведь по контракту мы должны проживать там постоянно. Смогу ли я вытрясти из Поссилтума достаточно денег, чтобы возместить такую потерю дохода?

Или мне придется уйти в отставку с поста президента Корпорации М.И.Ф.? Конечно, я временами жалуюсь на свою участь, но в общем-то мне уже начало нравиться мое положение, и было бы жаль от него отказаться... особенно если это означает еще и потерю друзей — Ааза, например.

ААЗ!

Если до этого дойдет, захочет ли Ааз состоять в качестве партнера, всегда остающегося в тени, при мне — принце-консорте или короле? Только недавно столкнувшись с его гордостью, я в этом сильно сомневался.

Каково бы ни было мое решение, но после его принятия мне при любом раскладе предстояло потерять Ааза!

Негромкий стук в дверь прервал мои размышления.

— Босс, вы можете мне уделить пару минут?

Я не только мог их уделить, я был даже очень рад отвлечься.

— Конечно, Гвидо. Заходи. Наливай себе вина.

— Я никогда не пью на работе, босс, — заметил он с оттенком укора. — Но все равно спасибо. Мне надо с вами кое о чем поговорить.

Мой старший телохранитель придвинул себе стул и уселся, крутя в руках принесенный с собой свиток пергамента. Я подумал про себя, что очень редко так вот сижу и разговариваю со своими телохранителями. Я как-то уже привык, что они просто находятся рядом.

— Ну, так что я могу для тебя сделать? — спросил я, небрежно отхлебывая вино и надеясь, что это поможет ему чувствовать себя свободно.

— Я вот о чем, босс, — неуверенно начал он, — такое дело. Я тут подумал... Вы ведь знаете, мы с Нунцио некоторое время прослужили в здешней армии?

— Да, я слышал.

— Так вот, поскольку я побывал там внутри, мне кажется, я побольше вашего знаю, что за типы служат в армии и что у них на уме. Дело в том, что меня несколько беспокоит, как они станут собирать налоги. Понимаете?

— Не очень, — признался я.

— Я хочу сказать, — серьезно продолжил Гвидо, — если ты солдат, то тебе нет дела, как к тебе относятся враги, потому что твоя задача — их всех поубивать, и не стоит поэтому рассчитывать на их любовь. А собирать с людей деньги — это совсем другое дело, все равно — платят они тебе за крышу или ты собираешь государственные налоги; налоги — это ведь тоже форма платы за крышу. Тут надо быть подипломатичнее, потому что тебе вновь и вновь придется иметь дело с теми же самыми людьми. Вояки могут быть просто асами, когда надо отобрать у противника территорию, но я не уверен в их способности наладить контакт с гражданским населением. Улавливаете мою мысль?

Сам я никогда не видел армию *изнутри*, как Гвидо, но мне приходилось иметь с ней дело в ходе первого моего задания при дворе Поссилтума, а еще раньше меня линчевали солдаты, выступавшие в роли городских стражников. Мне вдруг представилась картина армейских частей, с арбалетами и пращами наступающих на беспомощных граждан.

— Я об этом как-то не думал, — сказал я, — но понял, о чем ты говоришь.

— Вы знаете, я не люблю влезать в дела руководства, — продолжил Гвидо, — но у меня есть одно предложение. Я подумал, что вам, может быть, следует назначить кого-то из военных, чтобы он инспектировал весь процесс сбора налогов. Надо приглядывать, чтобы вояки не слишком увлеклись своими новыми обязанностями.

Я по достоинству оценил вклад Гвидо в решение этой проблемы, тем более что собственного решения у меня и не было. К сожалению, он, похоже, кое-что упустил в своих рассуждениях.

— Гм... Я не вполне понимаю, Гвидо, — сказал я. — Какой смысл ставить кого-то из армейских надзирать за арми-

ей? Я имею в виду, с какой стати наш инспектор будет чем-то отличаться от тех, кого он должен инспектировать?

— Тут есть два обстоятельства, — ответил мой телохранитель, впервые за время нашего разговора озаряясь улыбкой. — Во-первых, я кое-кого уже приметил на должность инспектора. Это один из моих армейских корешей. Поверьте мне, босс, эта личность не испытывает особой любви к армейским порядкам. Вообще-то я уже подготовил бумаги для официального назначения. Вам надо только подписать.

Он протянул мне свиток, который все время вертел в руках, и я понял, что свое предложение он действительно обдумал заранее.

— Забавное имя для солдата, — заметил я. — Паук.

— Поверьте, босс, — настойчиво повторил Гвидо. — Это то, что нужно для такой работы.

— Ты говорил про два обстоятельства? — напомнил я. — А второе какое?

— Знаете, я подумал, что вам понадобится парочка личных представителей, чтобы следить за всем на месте. Представителей, которые будут докладывать обо всем лично вам. Тогда у вас будет двойная гарантия, что армия ничего от вас не скрывает.

— Понятно, — откликнулся я, вертя в руках свиток. — И полагаю, у тебя уже есть на примете парочка кандидатур для этого дела, да?

— М-м-м... ну, вообще-то...

— Не знаю, Гвидо, — произнес я, покачав головой. — То есть идея хорошая, но не думаю, что смогу обойтись без вас обоих — без тебя и Нунцио. По крайней мере я хотел бы, чтобы Нунцио немного позанимался с Глипом. Я хочу быть твердо уверен, что с драконом все в порядке.

— На самом деле, босс, — осторожно сказал мой телохранитель, пристально разглядывая свои массивные кулаки, — я имел в виду не Нунцио. Я думал, может, мы с Пуки как раз подойдем.

Это поразило меня больше всего остального, что он сказал. Гвидо и его кузен Нунцио всегда работали в паре, и это казалось до такой степени само собой разумеющимся, что я

даже думал о них как об одном человеке. И то, что Гвидо пожелал разбить эту связку, показывало, насколько он обеспокоен сложившейся ситуацией. Или насколько ему хочется остаться вдвоем с Пуки.

— Правда, босс, — настойчиво повторил он, почувствовав мои колебания. — Троим телохранителям здесь особо делать нечего. То есть я это вижу так: единственная личность во дворце, которая может пожелать причинить вам физический вред, это сама королева, а на ее счет, пока не решите с женитьбой, думаю, можно не беспокоиться. Я просто стараюсь найти способ, как нам окупить свое содержание... и сделать что-нибудь полезное.

Вот тут он меня убедил. Его идея насчет нового назначения для моих телохранителей попала в самую точку — я как раз думал о сокращении персонала или расширении его функций. К тому же мне совершенно не хотелось влезать в какие бы то ни было рассуждения, касающиеся Цикуты и моего предстоящего решения.

— Хорошо, Гвидо, — сказал я, нацарапав внизу свитка свою подпись. — Твоя взяла. Только держи меня в курсе всех дел.

— Спасибо, босс, — улыбнулся он, забирая свиток и разглядывая мою подпись. — Вы об этом не пожалеете.

Мне как-то не приходило в голову, что я могу об этом пожалеть... до тех пор, пока он этого не сказал. А что может случиться?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*Деньги — вот корень всякого зла.
Женщинам нужны корни.*

Д. Трамп

Xотя всевозможные административные заморочки, связанные с приведением в порядок финанс королевства Поссилтум, сильно давили мне на психику, у меня был и другой, более серьезный повод для беспокойства, и мысль об

этом не покидала меня ни на мгновение все то время, что я бодрствовал.

Жениться мне на королеве Цикуте или не жениться?

Ааз по-прежнему настаивал, что мне следует привыкнуться с мыслью о женитьбе, поскольку быть принцем-консортом — это непыльная (не говоря уже о том, что хорошо оплачивающая) работенка на всю жизнь. Должен признаться, такой вариант действительно выглядел во многих отношениях привлекательней, чем дать ей отречься от престола и в результате остаться крайним и управлять королевством самому. Я уже один раз имел это сомнительное счастье по милости покойного короля Родрика, и мне *совершенно* не хотелось испытать все это снова.

Так почему же я медлил с решением?

Моя нерешительность была вызвана главным образом нежеланием согласиться с очевидным выбором. Известная величина — пребывание в должности короля — вызывала у меня изрядное отвращение, но неизвестные факторы, связанные с браком, внушали мне не меньший, если не больший, ужас.

Раз за разом я вновь пытался разобраться, пугает ли меня мысль о женитьбе вообще, или же дело в том, что именно королеву Цикуту я никак не могу представить себе в роли своей жены.

Своей жены!

Каждый раз, как эти слова складывались у меня в голове, ощущение было такое, будто ледяная рука сжимает мое сердце так сильно, что оно пропускает очередной удар.

Честно говоря, мне было трудно представить *кого бы то ни было* в этой роли. Пытаясь разобраться в своих чувствах, я пробовал рассмотреть в этом свете всех знакомых мне женщин.

Маша, моя ученица, явно не подходила. Хоть мы с ней и были достаточно близки как друзья и как учитель с ученицей, все-таки ее невероятные размеры как-то пугали. По правде говоря, мне даже было сложно думать о ней как о женщине. Конечно, я прекрасно сознавал, что она женского пола, но воспринимал ее скорее как подругу, а не как женщину, если вы понимаете разницу.

Бани... Ну, эту кандидатуру можно было и рассмотреть. Проблема состояла в том, что она была первой женщиной, всерьез проявившей ко мне интерес, и это меня в свое время до смерти напугало. Когда ее дядюшка, Дон Брюс, повесил ее мне на шею, она была настроена исключительно на роль гангстерской шалавы. Потом, когда мне удалось вывести ее из этого образа, она сделалась моей ассистенткой по административным вопросам и чувствовала себя на этом месте как рыба в воде, так что вопрос о каких-либо интимных отношениях между нами никогда больше не возникал. Думать о ней как о подруге жизни означало бы необходимость полного пересмотра моих представлений о ней и о нашей совместной работе, а сейчас она для меня была слишком важна в роли ассистентки, чтобы я позволил себе так раскачивать лодку.

Тананда... Мысль о троллине-убийце в качестве моей жены не могла не вызвать у меня улыбки. Да, она достаточно ко мне расположена, не говоря уже о том, что она очень привлекательна и долгое время я с ума сходил по ней. Тем не менее в какой-то момент стало очевидно, что все объятия и поцелуи, которыми она меня одаривала, ничем не отличаются от тех, что доставались всем остальным членам нашей команды... включая ее брата Корреша. Она просто склонна таким образом выражать свое расположение, а ее привязанность ко мне была чувством, испытываемым к товарищу по команде или в крайнем случае младшему брату. Теперь я уже мог с этим примириться. Кроме того, я с трудом себе представлял, как это она откажется от собственной карьеры и засядет дома вести мое хозяйство. Нет, как бы я ее ни любил, Тананда никогда не будет мне подходящей женой. Тананда... это Тананда.

Оставалась королева Цикута, к которой я не испытывал совершенно никаких чувств, за исключением разве что неприятного беспокойства, возникавшего всякий раз в ее присутствии. Она всегда выглядела чрезвычайно уверенной в себе и знающей, чего хочет... получается, почти полной противоположностью мне. Конечно, само по себе это соображение представляло интерес. И потом это была единственная жен-

щина, которая когда-либо выражала желание стать моей супругой... и похоже, желала этого так сильно, что готова была за это драться. Даже Банни в свое время отступила, когда я ее отверг. Должен признать, что самолюбию мужчины льстит наличие женщины, твердо решившей прибрать его к рукам... даже если сам мужчина не особенно ею увлечен.

К сожалению, этим исчерпывался список моих знакомых женского пола. Конечно, за последние годы мне случалось сталкиваться еще кое с кем — с Клади, например... а еще с Луанной...

Луанна!

Она почти исчезла у меня из памяти, но, как только я подумал о ней, ее лицо тут же возникло у меня перед глазами так ясно, словно она сама стояла передо мной. Луанна! Милая Луанна. Наппи пути пересекались всего пару раз, все-рьез — разве что на Лимбо, а в последний раз мы расстались очень нехорошо. Короче, на самом деле я ее совсем не знал. Тем не менее во многих отношениях она была для меня образцом женственности. Она не только покоряла мягкой, хрупкой красотой, но и держалась удивительно скромно и застенчиво. Для вас, может быть, это ничего и не значит, но для меня это важно. Понимаете, большинство женщин, с которыми я работал, могут быть названы, мягко выражаясь, агрессивными, если не сказать наглыми или нахальными. Даже Цикута, при всей своей королевской крови, высказывала свои взгляды и пожелания совершенно бесцеремонно. Банни несколько поостыла, когда вышла из образа шалавы, но вместо вызывающего верчения задом теперь усвоила резкие деловые манеры, которые временами смущали меня не меньше, чем ее прежний стиль секс-бомбы.

Луанна же всегда казалась очень застенчивой и робкой в моем присутствии. Голос ее обычно был так тих, что я с трудом ее слышал, и еще у нее была привычка глядеть в пол, а потом вдруг поднять на меня взгляд сквозь ресницы... будто она чувствовала, что я способен словом или жестом ее обидеть, но верила, что этого не сделаю. Не знаю, как другие мужчины, а я при этом всегда чувствовал себя так, будто я десяти футов ростом, страшно сильный и

только и мечтаю применить эту силу, чтобы защитить Луанну от любых напастей.

Я думал о ней, пытаясь представить, какой я хотел бы видеть свою жену, и в голове у меня сложилась картина, как Луанна ждет меня дома каждый вечер... и, надо сказать, картина эта не вызывала у меня никаких возражений. По правде говоря, как только я вспомнил о Луанне, она уже не выходила у меня из головы все время, что я размышлял о своем нынешнем положении, и мне очень хотелось увидеть ее еще хоть раз до того, как мне придется принять окончательное решение.

Вышло так, что желание мое исполнилось.

Я сидел у себя в комнате и без особого успеха пытался что-нибудь понять в очередной стопке таблиц, подброшенной Гримблом и Банни, — такие стопки они вываливали на меня почти каждый день. Те, кто следил за моими приключениями с самого начала, должны, наверное, помнить, что я вообще-то умею читать... по крайней мере я всегда *думал*, что умею. Однако при первых же попытках разобраться в финансах Пессилтума я обнаружил, что читать текст, то есть слова, это *совершенно* другое дело, чем читать цифры.

Мы были едины во мнении относительно нашей основной задачи — ликвидировать или уменьшить задолженность королевства, при этом избегая как несусветных налогов с населения, так и сокращения бюджетных расходов до такого уровня, при котором станет невозможна необходимая административная деятельность. Как я уже сказал, на этот счет у нас было единое мнение... по крайней мере в словесном выражении. Но как только между Банни и Гримблом начинались расхождения по всяким частностям, эти двое являлись ко мне, чтобы я присоединил свой голос к кому-нибудь из них или сам принял решение, и вот тут, в подкрепление своих слов, они неизменно начинали одну за другой вытаскивать эти загадочные таблицы, сплошь покрытые одними цифрами, и выжидательно глядели, пока я их просматривал, будто чья-то правота делалась от этого совершенно очевидной.

Для тех из вас, кто никогда в такую ситуацию не попадал, я кое-что поясню. Когда я говорю, что не умею читать циф-

ры, это не значит, что я не разбираю, что написано. Я прекрасно знаю, как выглядит двойка, что она означает и чем она отличается, к примеру, от восьмерки. Проблема для меня была в том, чтобы понять, как одна цифра связана с другой. Представьте себе, если бы это были не цифры, а слова, то Банни с Гrimблом смотрели бы на исписанную страницу и видели предложения и абзацы со всеми тонкостями и скрытыми намеками, а я при взгляде на ту же страницу увидел бы только множество отдельных, никак между собой не связанных слов. Было чрезвычайно неприятно, когда они протягивали мне пару страниц, читавшихся для них, как детективный роман, и спрашивали у меня, кто же, по моему мнению, там убийца.

Я знал, что они уже поняли, насколько я безграмотен по части цифр, но все равно мне ужасно надоело отвечать на разные лады «Ребята, я не знаю», и в попытке сохранить остатки самоуважения я стал вместо этого говорить: «Давайте я все это посмотрю и потом вам отдам». К сожалению, в результате на моем столе постоянно оказывалась очередная порция загадочных таблиц, в которых я чувствовал себя обязанным хотя бы попробовать разобраться.

Именно этим я и был занят, когда раздался стук в дверь. Состояние мое в тот момент можно коротко описать такими выражениями, как «некомпетентность», «неверие в собственные силы» и «отчаянное желание как-нибудь отвлечься».

— Да? — с готовностью произнес я, втайне надеясь, что мне сообщат о каком-нибудь землетрясении, или о наступлении вражеской армии, или еще о какой-нибудь катастрофе, требующей моего немедленного вмешательства. — Кто там?

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянула Маша.

— Я смотрю, ты занят, шеф? — спросила она, выказывая свое всегдашнее почтение к наставнику. — А к тебе тут пришли.

— Ничего страшного, бумаги подождут, — ответил я, торопливо складывая страшные таблицы в стопочку и отодвигая их на обычное место в угол стола. — А кто пришел?

— Это Луанна. Помнишь, та крошка, из-за которой нас всех чуть не поубивали на Лимбо.

Оглядываясь назад, я понимаю, что Маша не только выражала свое неодобрение, но и пыталась предостеречь меня, но тогда я совершенно не обратил на это внимания.

— Луанна? — произнес я, озаряясь улыбкой. — Конечно, веди ее сюда. Нет, лучше скажи ей, пусть войдет.

— Не беспокойся! — презрительно фыркнула Маша. — Я и не думала встречать в ваш тет-а-тет.

И снова ее слова прошли мимо моего сознания. Я был слишком поглощен беглым осмотром комнаты — можно ли тут принимать гостей? Комната, разумеется, была в полном порядке — по крайней мере горничные в поссыплюмском дворце работали отлично.

И вот она здесь... у меня в комнате, такая же милая и очаровательная, как в моих воспоминаниях.

— М-м-м... Привет, Луанна, — наконец вымолвил я. Отчего-то слова давались мне с трудом.

— Скив, — сказала она своим мягким тихим голосом, который самые обычные слова превращал в чудо красноречия.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

Потом мне вдруг пришло в голову, что в последний раз, когда мы с ней виделись, она ушла обиженная, ошибочно полагая, что у меня есть жена и ребенок.

— Знаешь, тогда... — начал я.

— Прости меня... — одновременно заговорила она.

Мы оба резко замолчали, потом поглядели друг на друга и рассмеялись.

— Ладно, давай сначала ты, — наконец сказал я, отвешивая поклон.

— Я только хотела извиниться за свое поведение во время нашей последней встречи. Я уже потом на Базаре много чего наслушалась и поняла, что дело обстояло не так, как мне тогда показалось. И мне стало ужасно неудобно, что я не дала тебе возможности все объяснить. Мне давно надо было тебя найти и попросить прощения, но я была не уверена, что ты вообще захочешь со мной говорить. Я... я очень надеюсь, что ты сможешь меня простить... хотя на самом деле у тебя нет никаких причин это делать.

Голос ее совсем сошел на нет, и она опустила глаза.

Разве мог я ее не простить — такую кроткую, такую беззащитную? Да я бы ее простила, даже если бы она поубивала кучу народу, что уж там говорить о какой-то мелкой размолвке, когда мы просто друг друга не поняли.

— Не беспокойся, — сказал я, надеясь, что это прозвучит небрежно. — По правде говоря, Луанна, я сам хотел перед тобой извиниться. Это, наверное, было ужасно... ты приходишь ко мне просить о помощи, а нарываешься на... на такую вот ситуацию. Я все время думал о том, что мне надо было как-то по-другому себя повести.

— Как это мило с твоей стороны, Скив, — сказала Луанна, подходя ко мне и чмокая меня в щеку. — Ты просто не представляешь, как я рада слышать это от тебя.

Не приходится удивляться, что ее мимолетное прикоснение произвело странное действие на мой рассудок... да и на обмен веществ тоже. Это был всего лишь второй раз, что она меня целовала, а первый поцелуй случился в самый разгар нашей операции по выгаскиванию Ааза из темницы, причем для этого нам надо было обвести Луанну вокруг пальца. В общем, надо признать, у меня совершенно не было иммунитета к ее поцелуям, даже к таким нечаянным.

— А... а что привело тебя в Поссилтум? — произнес я, всеми силами стараясь не выдать своих чувств.

— Ну конечно же, ты!

— Я?

Я изобразил удивление, но пульс мой при этих словах участился. То есть я мог, конечно, предполагать, что она оказалась здесь, чтобы со мной повидаться, но было очень приятно услышать от нее подтверждение, что целью ее визита был именно я, а не соображения вежливости.

— Разумеется. Я услышала, какое положение ты тут теперь занимаешь, и решила, что грешно было бы не использовать такой шанс.

Это звучало совсем не так хорошо.

— Прости, что-что ты сказала?

— Ой, я все смешала в кучу, — извинилась она с видом очаровательного недовольства собой. — Я хотела сказать, что у меня есть для тебя предложение.

Это было уже лучше. То есть это было даже слишком хорошо, чтобы быть правдой. Даже когда я позволял себе в мечтах думать о Луанне как о возможной жене, я никогда не смел и помыслить, что она может так же думать обо мне... я имею в виду как о муже, а не как о жене.

— Предложение? — переспросил я, намеренно медля, чтобы привести в порядок свои мысли.

— Именно. Мне пришло в голову, что теперь, когда ты на жалованье у королевства, у тебя, наверное, завелось какое-то количество свободных средств, а те виды мошенничества, которые я практикую, дают приличный доход на вложенный капитал, в общем, я подумала, что у тебя можно будет получить немного денег на раскрутку и...

— Стой! Погоди!

Мне потребовалось некоторое время, чтобы ее слова дошли до моего сознания, настолько они — эти слова — расходились с тем, что я ожидал от нашего разговора. Даже теперь, когда радужный мыльный пузырь моей мечты лопнул у меня на глазах, мне было трудно перестроиться и сосредоточиться на том, чего же она от меня хотела.

— Ты можешь остановиться и начать сначала? Так, значит, ты пришла просить денег?

— Ну... да. На самом деле мне нужно совсем немного... может, пятьдесят золотых... или семьдесят пять, — торопливо пояснила она. — Мелкое мошенничество тем и хорошо, что не нужен большой начальный капитал.

— Ты хочешь сказать, что собираешься занять у меня денег, чтобы мошенничать? Здесь, в Поссилтуме?

Взгляд, которым она в ответ окинула меня, был, мягко выражаясь, холодным и оценивающим. Совсем не тот застенчивый, скромный взгляд, к которому я привык.

— Конечно. Это мое ремесло, — спокойно сказала она. — Я думала, ты об этом знал, когда предлагал мне работу. Или ты просто злишься, что я предпочитаю работать независимо? Я полагаю, тебя такие мелочи мало интересуют, но это лучшее, что я умею.

Пока она говорила, в голове у меня пронеслись все наши с нею прежние встречи и разговоры. Хотя я и тогда понимал,

что она каждый раз была вовлечена в какое-нибудь мошенничество или же спасалась бегством от результатов очередной проделки, я все же всегда думал, что она просто милое дитя, во всем следующее за своим партнером Мэттом. Но теперь я осознал, что, кроме ее невинного вида, у меня не было ни малейших оснований для такого предположения. Кстати, ее внешность — это и в самом деле единственное, что я о ней знал.

— Это правда? — спросил я. — Это действительно самое лучшее, что ты умеешь?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, может, ты смогла бы с тем же или даже большим успехом попробовать заняться каким-нибудь легальным бизнесом? Я бы дал тебе денег, чтобы начать дело.

Последние остатки моих идеалистических фантазий в отношении Луанни развеялись, когда я увидел, как ее губы кривятся в презрительной усмешке.

— Ты имеешь в виду какое-нибудь ателье или бакалейную лавочку? И чтобы я этим занималась? Нет уж, спасибо. Это слишком похоже на работу. Смешно сказать, я думала, если уж *кто-то* должен это понимать, так именно *ты*. Ты ведь добрался до своего нынешнего положения не трудясь в поте лица, а обирая доверчивых простаков и одурачивая невежд, точно так же, как мы с Мэттом... только в больших масштабах. Конечно, у нас не было в помощниках демона, как у тебя. И даже теперь, при всем твоем нынешнем богатстве и респектабельности, я готова поспорить, что ты сни маешь хорошие сливки с этого королевства. Что должно быть нетрудно, когда королева ходит у тебя по струнечке и все делают все, что ты им скажешь. А я всего-то и хочу, что отрезать себе кусочек пирога... и, между прочим, совсем маленький кусочек.

Какое-то время я молчал. Мне хотелось рассказать ей обо всех долгих часах и невероятных усилиях, которые мы с командой тратили, пытаясь привести в порядок финансы Пос- силгума. Я даже думал, не показать ли ей парочку загадочных таблиц с моего стола... но потом решил, что не стоит. Она может оказаться способна расшифровать их, а тогда, несо-

МиФино, мне будут заданы кое-какие неприятные вопросы насчет моих раздутых гонораров. Мне и перед самим собой было за это неловко, а перед ней тем более.

Однако неизбежный вывод заключался в том, что какой бы милой, с моей точки зрения, ни казалась Луанна, наши с ней взгляды на людей и на то, как к ним следует относиться, различались кардинально.

Я выдвинул ящик стола, где мы держали мелкие деньги, и начал отсчитывать монеты.

— Знаешь, Луанна, что я тебе скажу, — начал я, не поднимая глаз. — Ты говоришь, тебе надо пятьдесят или семьдесят пять золотых? Так вот, я даю тебе сто пятьдесят... это в два или три раза больше, чем ты просила... и не в долг, не в качестве вложения капитала, а просто так, даром.

— Но с какой стати ты будешь...

— ...Однако у меня будет два условия, — продолжил я, как будто она ничего не говорила. — Во-первых, часть этих денег ты должна истратить на путешествие. Отправляйся в другое измерение или в другое место на Пенте... мне все равно. Только чтобы твои мошеннические дела вершились не в Пос-силтуме.

— Хорошо, только...

— И во-вторых, — сказал я, кладя столбик монет на край стола возле Луанны, — я хочу, чтобы ты обещала никогда больше со мной не встречаться... никогда больше... начиная с этого момента.

Какое-то мгновение я думал, что она заговорит. Она открыла рот, поколебалась, пожала плечами и вновь сомкнула губы. В полном молчании она забрала со стола монеты и ушла, захлопнув за собой дверь.

Я налил себе еще кубок вина, отошел к окну и уставился в пространство невидящим взглядом. Мечты умирают трудно, но все мои романтические мысли о Луанне только что были разбиты вдребезги. Поправить я ничего не мог, оставалось лишь оплакать их гибель.

В дверь тихо постучали, и сердце мое замерло. Может, она передумала! Может, решила вернуть деньги и попросить ссуду на честный бизнес!

— Входи, — отозвался я, стараясь, чтобы это не прозвучало слишком уж радостно.

Дверь открылась, и вошел вампир.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вы просто не знаете женщин.

Х. Хефнер

-Вина? Нет, спасибо. Я его в рот не беру.

— А, действительно. Прости, Вик, — сказал я, наполняя собственный кубок.

— Знаешь, — начал мой гость, поудобнее устроившись в кресле, — это из-за женщин вроде Луанны у вампиров складывается такая скверная репутация. Это не мы, а они способны без всякой жалости высосать чью-нибудь кровь, а обвинять все будут нас!

Если вы не поняли (или просто не читали раньше книг этой серии), то Вик — это тот, кто вошел ко мне в комнату в конце предыдущей главы, и он *именно* вампир. На самом деле он очень славный парень, примерно моего возраста, и может по праву считаться довольно приличным магом. Дело в том, что он с Лимбо, а это измерение изначально населено вампирями, оборотнями и тому подобными существами.

Судя по всему, он зашел в нашу контору на Деве, собираясь пригласить меня куда-нибудь пообедать. Тананда, которая осталась там присматривать за нашими делами, сказала ему, где я, и он решил меня проводить. (Кстати, одним из талантов, присущих уроженцам Лимбо, является способность путешествовать по измерениям без помощи механических приспособлений. Я этому всегда завидовал и мечтал научиться.)

Честно говоря, я был ужасно рад видеть Вика. Он единственный из немногих моих знакомых, кто на себе испытывал злоключения и невзгоды, связанные с профессией мага, не являясь при этом членом нашей команды. Не хочу сказать

ничего дурного или неуважительного о моих коллегах, но... понимаете, они для меня практически как семья, и все мои действия и планы на будущее касаются их непосредственно. Вик же мог взять на себя роль стороннего наблюдателя и объективно взглянуть на вещи. Мне гораздо легче было рассказать о своих чувствах и проблемах именно ему. Этим-то я и занялся, начав с предложения королевы Цикуты и выложив все вплоть до последней встречи с Луанной, совершенно разбившей мое сердце.

Пока Вик сам не заговорил об этом, я и не вспомнил, что он был знаком с Луанной. Он, вообще говоря, работал вместе с нею и с Мэттом, а потом вместе с ними скрывался от преследования... именно тогда я с ним впервые и встретился. Таким образом, упомянутую даму он знал гораздо лучше меня, и мое новое представление о ней, как оказалось, гораздо больше соответствовало сложившемуся у него впечатлению, чем дорогим моему сердцу грезам.

— Насчет того, что вы тут делаете с бюджетом королевства, мне особенно сказать нечего, — заявил вампир, пожав плечами. — Это не мой профиль и не мой уровень. — Но я определенно вижу, что проблем с женщинами у тебя более чем достаточно.

— Да уж, — согласился я, поднимая кубок за его здоровье.

— Должен сказать, это меня несколько удивляет, — продолжал Вик. — Я-то думал, при твоем опыте можно было бы и обойти некоторые из этих подводных камней... и уж во всяком случае, такую вымогательницу, как Луанна, можно было распознать за целую милю.

Мгновение поколебавшись, я решил с ним согласиться:

— Если честно, Вик, то у меня совсем не такой уж большой опыт по части женщин.

— Правда? — Вампир выглядел удивленным, что несколько меня утешило.

— Дело, наверное, в том, что Ааз и все остальные проявили массу усердия, обучая меня всему, что связано с бизнесом и с магией, но некоторые разделы моего образования оказались, к сожалению, прискорбно запущены.

— Ну, вот с *этим* я как раз смогу тебе помочь.

— Прости, что?

На какое-то мгновение я углубился в свои мысли и, видимо, упустил момент, когда разговор принял новый оборот.

— Это очень просто, — заявил Вик, пожав плечами. — Ты никак не решишь, следует ли тебе жениться вообще... а тем более на королеве Цикуте. Так?

— Ну...

— Так? — настойчиво повторил он.

— Так.

С моей точки зрения, проблема в том, что тебе не хватает информации для принятия грамотного решения.

— Еще бы, — грустно согласился я, отхлебывая вино. — Мало того, при всей этой нагрузке и при том сроке, какой поставила королева Цикуга, я не думаю, что успею за оставшееся время получить хоть какую-то информацию.

— Вот с *этим* я тебе помогу, — улыбнулся мой гость, откидываясь в кресле.

— Прости, что? — переспросил я, борясь с ощущением, что наш разговор пошел по замкнутому кругу.

— По-моему, тебе надо влюбиться *вслепую*. А если и не влюбиться, то хотя бы познакомиться.

К такому предложению я был абсолютно не готов.

— Знаешь, я как-то об этом не думал... — в конце концов произнес я. — Как это я с ней познакомлюсь? И вообще...

— Да нет, ты не понял, — перебил меня вампир. — Как ты смотришь на то, чтобы я познакомил тебя с девушкой? С девушкой, которую ты прежде никогда не видел?

— Не знаю, поможет ли это, — пожал я плечами. — У меня никогда не было знакомых слепых... ни девушек, ни мужчин. Ты не думай, не то чтобы я их специально как-то избегал...

— Стоп! Погоди! — Вик сделал мне знак рукой замолчать, а другую руку поднес ко лбу.

Я вдруг заметил, что в этой позе он ужасно похож на Ааза.

— Давай попробуем все сначала. Мы говорили о том, что тебе не хватает опыта в отношениях с женщинами. Я предложил познакомить тебя с девушкой... с моей знакомой... чтобы ты мог набраться этого опыта. Так?

— Так, — кивнул я. — У тебя есть знакомая слепая девушка, и ты хочешь, чтобы я с ней познакомился и, возможно, влюбился. А что, со слепыми надо вести себя как-то по-особенному?

— Нет... В смысле да! НЕТ!

Вик выглядел очень возбужденным, и при этом изрядно сбитым с толку — точь-в-точь как я.

— Слушай, Скив, — наконец, скав зубы, начал он. — Девушка, о которой я говорю, *не* слепая. Она совершенно нормальная. Это понятно?

— Понятно, — с сомнением произнес я, ожидая подвоха. — Совершенно нормальная, обычная девушка?

— Ну, не то чтобы совсем уж нормальная и тем более обычная, — улыбнулся вампир, слегка расслабившись. — Она очень заводная... если ты понимаешь, о чем я говорю. И действительно видная... то есть такая красотка, что у тебя глаза на лоб полезут.

— Ты что, хочешь сказать, что это я ослепну?

По природной доброте и в интересах краткости повествования (надо мне было раньше об этом подумать) я опущу подробное изложение оставшейся части беседы. Достаточно сказать, что к моменту расставания мы с Виком договорились, что он организует для меня выход в свет с одной своей знакомой, милой особой, вполне владеющей своими чувствами... в некотором роде (это уточнение меня несколько смущило), причем особа эта не нанесет ущерба моему здоровью или чувствам, но, напротив, по уверениям Вика, поднимет уровень моих познаний о противоположном поле до головокружительных высот.

На мой взгляд, это выглядело неплохо. Как всякий здоровый молодой человек, я испытывал к женщинам нормальный интерес... то есть я думал о них не чаще трех-четырех раз в день. Отсутствие у меня непосредственного опыта я объяснял

тем, что не представлялось подходящего случая — положение, которое вскоре, похоже, предстояло исправить. Сказать, что я ждал этого свидания, было бы ничего не сказать... совершенно ничего.

Однако события этого дня были еще не исчерпаны.

Раздался стук в дверь, но на этот раз я не поддался на искушение и не позволил себе делать никаких предположений.

— Кто там? — спросил я.

— Генерал Плохсекир, — последовал приглушенный ответ. — Может быть, у вас найдется для меня минута?

Я был изрядно удивлен. Мы с генералом никогда особенно не ладили, и не так уж часто (если не сказать никогда) он являлся в отведенные мне помещения. Ища объяснения происходящему, я подумал даже, что генерал сильно обиделся на учиненные мною сокращения армии и военного бюджета и теперь собирается убить меня прямо в моей комнате... а если не убить, то по крайней мере набить морду. Впрочем, это предположение я сразу отверг. Как бы я ни думал о генерале, он был одним из самых прямых и не склонных к вероломству людей из всех, кого я знал. Если бы он желал со мной расправиться, то, несомненно, сделал бы это не медля, подкараулив меня где-нибудь в коридорах или переходах дворца, вместо того чтобы прокрадываться в мою комнату. Короче, я решил, что гипотезу о намерении генерала нанести мне тяжкие телесные повреждения можно отвергнуть. Если он соберется меня убить, то убийство это будет внезапным... надо сказать, последняя мысль успокоила меня гораздо меньше, чем я надеялся.

— Заходите, — сказал я. И он зашел.

Это был все тот же генерал армии Поссилтума, правда, на этот раз без своей знаменитой секиры. Не то чтобы ее отсутствие делало генерала менее опасным в моих глазах — все-таки он превосходил по своим параметрам всех, кого я знаю, — тем не менее при взгляде на него мне стало как-то даже неудобно за мои опасения. Вместо воплощения суровой мощи, к которому я привык, я увидел человека, явно чувствующего себя не в своей тарелке.

— Простите, лорд маг, что прервал ваши труды, — начал он, нервно оглядывая комнату, — но я счел необходимым переговорить с вами по... по личному вопросу.

— Конечно, генерал, — с готовностью кивнул я. Странно, но от его очевидного замешательства мне самому было как-то неловко. — Присядьте, пожалуйста.

— Спасибо, я постою.

Вот и приглашай его.

— Как хотите, — кивнул я. — Так о чем вы хотели со мной поговорить?

С некоторым огорчением я осознал, что впадаю в официальный тон, но делать было нечего. Плохсекир, видимо, твердо решил держаться чопорно, и я чувствовал себя обязанным отвечать в том же ключе.

— Видите ли... Я хотел поговорить с вами об одном лице, которое состоит у вас в учениках.

— Об Аазе? — переспросил я. В королевстве Поссилтум Ааз числился моим учеником. — А что такого он натворил?

— Нет... не об Аазе, — спохватился генерал. — Я имел в виду Машу.

— Машу? — удивился я. Вот это сюрприз. Насколько мне было известно, у Маши с генералом всегда были прекрасные отношения. — Хорошо, а с ней что не так?

— О, не поймите меня неправильно, лорд маг. С ней ничего такого. Как раз наоборот. Я хотел поговорить с вами о том, что собираюсь просить ее руки.

Из всех сюрпризов этого дня заявление генерала оказалось для меня самым неожиданным.

— А почему? — только и вымолвил я, не придумав ничего лучшего.

Генерал заметно нахмурился.

— Если вы имеете в виду то, что она не худышка, или нашу с ней разницу в возрасте... — начал он с глухим рычанием в голосе.

— Да нет, вы меня не поняли, — торопливо прервал я его, хотя оба упомянутых им обстоятельства вполне могли бы вызвать вопросы. — Я хотел сказать, почему вы решили поговорить об этом деле со мной.

— А... Вы об этом.

Плохсекир, кажется, смягчился. Я мысленно отметил, что любые дискуссии по двум вышеназванным вопросам следует отложить на другой раз.

— Очень просто, лорд маг, — продолжил генерал. — Понимаю, с моей стороны это выглядит весьма старомодно, но я хочу, чтобы все было как следует. Чтобы вы не сомневались в моих самых благородных намерениях, я должен объявить о них заранее. Вообще в таких случаях принято обращаться к отцу, но у Маши в этом качестве нет никого ближе вас.

Это меня совершенно ошеломило. Главным образом потому, что я при всем старании не мог найти изъяна в его логике. Он был прав. Маша по возрасту старше меня, но она никогда даже не упоминала о своей семье, не говоря уже об отце. И самое главное, это дело я не мог спихнуть на Ааза. Маша моя ученица, и за ее благополучие, как и за ее обучение, в ответе только я. Если генералу и следовало к кому-то обращаться по вопросу, касающемуся Машиного будущего, то это ко мне.

— Понимаю, — протянул я, нарочно медля, чтобы подумать. — А что сама Маша думает по этому поводу?

— С ней напрямую я этот вопрос пока не обсуждал, — смущенно признался Плохсекир, — но у меня есть основания полагать, что мысль об этом не будет ей отвратительна. Честно говоря, я подумал, что сначала надо спросить вашего согласия.

— Но почему?

Мне понравилась эта затея — тянуть время, если не знаешь, что ответить, и самым лучшим способом было самому задавать вопросы.

Генерал смерил меня взглядом.

— Ну ладно, лорд маг, — проговорил он. — По-моему, мы с вами уже давно сошлись на том, что нам незачем обмениваться колкостями. Вы не хуже меня знаете, как Маша к вам привязана. Кроме того, она еще и слушается вас, как ученица наставника. Ни в бою, ни в состязании я никогда не отступал, но ее мне бы хотелось избавить от лишних тревог. И я думаю, что мне бы очень помогло, если бы я мог, прося

ее стать моей женой, сказать, что я уже поговорил с вами и у вас нет никаких возражений личного или профессионального характера против этого союза. То есть если у вас действительно нет никаких возражений.

Я какое-то время молчал, размышляя над его словами. Особенно я корил себя за то, что все время думал только о себе и о том, какие последствия для меня будет иметь решение жениться или не жениться на королеве Цикуте. Даже думая о моих друзьях и коллегах, я думал только о том, что могу потерять их дружбу, а не о том, что это может значить для них.

— Возможно, я и тут ошибся в своих предположениях.

Слова генерала оборвали мои размышления, и я внезапно сообразил, что он все это время ожидает моего ответа.

— Простите меня, генерал... Хью, — торопливо сказал я. Мне пришлось напрячься, чтобы вспомнить его имя. — Я что-то задумался. Конечно же, у меня нет возражений. Я всегда был о вас самого высокого мнения, и если Маша к вам расположена, я ни в коем случае не хочу становиться между ней и ее счастьем. Считайте, что вы получили мое согласие... и мои наилучшие пожелания.

Плохсекир схватил мою руку и сжал (к сожалению, я не успел ее отдернуть).

— Благодарю вас, лорд... Скив, — сказал он с жаром, какой мне случалось у него наблюдать прежде лишь при разработке плана сражения. — Я... благодарю вас.

Отпустив мою руку, он широкими шагами направился к двери, распахнул ее, но на пороге обернулся.

— Если бы я не полагал, что Маша, если, конечно, она согласится, попросит вас быть посаженным отцом, то я сам попросил бы вас быть моим шафером.

С этими словами он удалился... и очень кстати, поскольку я все равно не знал, что ответить.

Маша и Плохсекир. Семейная пара.

Как ни старался, я не мог охватить мыслью этот образ... и дело здесь скорее в ограниченности моего воображения, а вовсе не в физических размерах этой пары и каждого из них в отдельности.

В конце концов я оставил эти попытки, снова наполнил кубок и вернулся к гораздо более приятным размышлениям о собственном предстоящем свидании.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Любовь слепа. Но вожделение — нет!

Дон Жуан

Я обнаружил, что испытываю смешанные чувства, готовясь к назначенному на вечер свиданию. С одной стороны, я был не вполне уверен, так ли уж это здорово — провести целый вечер с женщиной, которую никогда прежде не встречал. Я, конечно, нацелялся, что Вик не повесит на меня какую-нибудь совсем уж безнадежную неудачницу, но все-таки было бы лучше хотя бы в общих чертах представлять, как она выглядит. Черт возьми, даже окажись она неважной собеседницей, вечер все-таки будет не вполне провален, если на нее по крайней мере будет приятно посмотреть.

Несмотря на преследовавшее меня беспокойство, я не могу отрицать, что с приближением условленного часа начал испытывать заметное возбуждение. Как отметил Вик, мой опыт по части свиданий был невелик. То есть вообще-то это должно было быть мое первое свидание. Не поймите меня неправильно, я был знаком со многими женщинами, но наши отношения протекали исключительно в сфере бизнеса. До того как встретиться с Аазом, я жил вдвоем с Гаркином в хижине посреди леса... а это не самое бойкое место для знакомства с прекрасным полом. С тех пор как я связался с Аазом, моя жизнь стала гораздо более захватывающей, но на светские раунды времени особенно не оставалось. Все свободное время я проводил с членами нашей команды; это, в общем, вполне приятная компания, но она не оставляет места для посторонних. Таким образом, идея провести целый вечер с какой-то незнакомой женщиной *просто ради совмест-*

ногого времяпрепровождения казалась мне по-настоящему заманчивой... и несколько пугающей.

Единственной переменной, которую я мог контролировать во всем этом деле, был я сам, а я твердо решил, что если этот вечер почему-либо не удастся, то уж пускай не потому, что я должным образом к нему не подготовился. С деньгами все было просто. Поскольку я не знал, куда мы отправимся, я решил взять две-три сотни золотых — этого нам должно было хватить на все расходы... заодно, подумал я, надо бы на всякий случай прихватить кредитную карточку, которую мне сделали на Извре.

С гардеробом было сложнее. Десять раз переодевшись с ног до головы, я в конце концов остановился на том наряде, который надевал на матч с Малышом Мятный Заход, — темно-коричневая рубашка с открытым воротом, темно-серые брюки и пиджак. Я подумал, что если этот вид произведет впечатление на публику Базара-на-Деве, то и в любом другом месте он произведет впечатление. Конечно, на Деве я тогда выступал при поддержке телохранителей и ассистентов... не говоря уже о четверти миллиона золотом.

Я как раз думал, не переодеться ли мне еще раз, когда раздался стук в дверь. Это меня несколько удивило, будто я почему-то полагал, что моя девушка просто возникнет в комнате. Когда я это осознал, мне пришла в голову и другая мысль: у девушки были все шансы появиться как раз в момент моего очередного переодевания. С некоторым облегчением от мысли, что удалось избежать возможной неловкости, я открыл дверь.

— Привет, Скив, — сказала Банни, проскальзывая мимо меня в комнату. — Я решила заскочить к тебе и рассказать о последних изменениях в бюджете, ну и, может, пообедать вместе... Ха! А ты хорошо смотришься.

Нечего и говорить, это был совершенно неожиданный... и неприятный сюрприз.

— Хм... Вообще-то я как раз собирался выходить, — вежливо высказался я.

Она восприняла это хорошо. То есть это сообщение ее, похоже, даже обрадовало.

— Вот и прекрасно! — объявила она. — Подожди минутку, я сбегаю к себе, переоденусь, и пойдем вместе!

— Хм... Банни...

— По правде говоря, я уже сама начала лезть на стенку от такой жизни. Было бы просто здорово куда-нибудь выйти, особенно с тобой, и...

— БАННИ!

Она замолчала и посмотрела на меня, склонив голову набок.

— В чем дело, Скив?

— Я... вообще-то... ну... у меня свидание.

Мои слова повисли в воздухе, а глаза Банни стали вдруг очень большими.

— А... — наконец совсем тихо произнесла она. — Я... я тогда, наверное, пойду.

— Подожди, Банни, — остановил я ее. — Может, завтра мы с тобой...

В комнате позади нас раздалось негромкое *бам*, и, обернувшись на звук, мы увидели, что моя девушка уже появилась... по крайней мере я решил, что это появилась моя девушка. С какой еще стати у меня в комнате могло бы появиться подобное создание?

Девушка была бледна, даже бледнее королевы Цикуты, и от этого еще больше бросалась в глаза ее густо-красная губная помада. Роста она была невысокого, но длинные, ниже пояса, волосы, поднятые надо лбом плотной темной волной, делали ее как будто выше. А фигура была такая, что дух захватывало: роскошный бюст, неправдоподобно тоненькая талия, крутые бедра. Она не осталась бы незамеченной ни при каких обстоятельствах, а уж тем более в таком наряде.

Искрящееся черное платье плотно, словно татуировка, облегало все изгибы ее фигуры. Вырез смело спускался чуть ли не до пупка и уж точно ниже бокового разреза платья, который, в свою очередь, открывал взору одну из самых изящных ножек, какие я когда-либо имел счастье лично наблюдать. Мягко выражаясь, это был весьма откровенный наряд, и то, что он открывал, было по большей части восхитительно.

Практически единственным, чего не удавалось увидеть и сложно было даже себе вообразить, оставались ее глаза, скрытые за зеркальными очками. Как будто в ответ на мой мысленный вопрос она небрежным грациозным движением сняла очки и осторожно расположила их поверх прически. Я мог бы получше рассмотреть этот маневр, если бы не засмотрелся на ее глаза. Внимание мое привлекли не густо-пурпурные тени, а то, что белки глаз оказались кроваво-красными.

Девушка, с которой у меня было назначено свидание, оказалась вампиrom.

Мне, конечно, следовало этого ожидать. Поскольку Вик сам вампир, вполне можно было бы догадаться, что свидание он мне устроит тоже с каким-нибудь вампиrom. Только вот я почему-то не догадался.

— Привет! — Прекрасное видение улыбнулось, обнажив пару острых клыков. — Меня зовут Кассандра. А ты, должно быть, приятель Вика.

— О боги! — с трудом выдохнула Банни, глядя на мою гостью.

— А это кто? — поинтересовалась Кассандра, окидывая Банни испепеляющим взглядом. — У тебя тут что, разминка? Ты, должно быть, тот еще тигр, если назначаешь подряд два свидания... Или она идет с нами?

— Кассандра, это Банни... мой ассистент по административным вопросам, — торопливо вмешался я. — Мы как раз обсуждали кое-какие дела.

Это, похоже, несколько смягчило Кассандру. По крайней мере до такой степени, что она шагнула вперед и повисла у меня на руке, тесно ко мне прижавшись. Очень тесно прижавшись.

— Ну, лапочка, тогда ты его не жди, — объявила она, подмигивая. — Я рассчитываю задержать его надолго... если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Не беспокойтесь, я никого ждать не собираюсь.

Коррэш однажды пытался описать мне какую-то штуку под названием «сухой лед». Я тогда никак не мог представить себе что-то настолько холодное, что можно обжечься. Тон и весь вид Банни, когда она повернулась на каблуках и просле-

довала вон из комнаты, сильно приблизили меня к пониманию, что это может быть такое. Я, возможно, по части женщин и не самый тонко чувствующий человек, но не требовалось никакой гениальности, чтобы понять, до какой степени Банни не одобряет моего выбора... хотя на самом деле я ничего и не выбирал.

— Ну наконец-то мы одни, — промурлыкала Кассандра, еще теснее прижимаясь ко мне. — Скажи-ка мне, Тигр, какие у тебя планы на сегодняшний вечер?

Как я уже говорил, я ничего особенного не запланировал. Разве что чувствовал настоятельную необходимость удалить эту неразорвавшуюся бомбу из дворца — или хотя бы из моей спальни — и увести ее как можно дальше от Банни.

— Не знаю, — ответил я. — Я думал, может, нам поужинать или выпить чего-нибудь, и пусть вечер идет сам собой.

— Годится, — заявила моя девушка, слегка вздрагивая всем телом. — В этом измерении есть какие-нибудь клевые места?

Всего за секунду до меня дошло, что она имеет в виду не те места, где клюст рыба, а те, куда ходят развлекаться. Иногда я прямо-таки схватываю на лету.

— Не уверен, — сознался я. — С моей работой не остается времени на ночную жизнь.

— Не дрейфь! Если дело касается ночной жизни, то я как раз та, которая тебе нужна. Я знаю на Лимбо кое-какие действительно клевые местечки.

Лимбо! То самое измерение, где все сплошь оборотни и вампиры. Я там был только раз, и воспоминания остались не слишком приятные.

— Вообще-то, если ты не против, лучше не туда.

— Да? А почему?

— Ну... ты, наверное, знаешь, что в моем измерении способности к путешествиям не очень развиты, — выпалил я первое, что пришло в голову. На самом же деле способности путешествовать по измерениям без помощи механических устройств типа И-Скакуна у меня просто отсутствовали, но я не видел необходимости быть чересчур честным.

— Если это единственная причина, то нет проблем, — сказала Кассандра. — Сегодня, Тигр, вести буду я.

С этими словами она одной рукой взяла меня под руку, а другой сделала какое-то движение, которого я не разглядел, и не успел я возразить, как мы уже очутились там!

Для тех из вас, кто никогда не был на Лимбо (что, думаю, относится к большинству читателей), должен сказать: это такое измерение, где смотреть особенно не на что. Да и вообще трудно что-нибудь увидеть, потому что там ТЕМНО. И когда я говорю «темно», я имею в виду, что там ТЕМНО!!! Даже когда на небе солнце, чего обычно не бывает, света от него немного, поскольку небо вечно закрыто тучами. Кроме того, доминирующим цветом в архитектуре, в оформлении улиц и всем остальном является черный, что тоже не делает пейзаж ярче. От одного этого все окружающее выглядит блекло, а если еще добавить к этому кое-какие декоративные детали, то вся картина получится откровенно зловещей.

Куда ни повернись, отовсюду с карнизов, с балконов, с барельефов над окнами на тебя глядят горгульи, драконы, змеи... к счастью, каменные. Вообще я к таким тварям отношусь спокойно. Черт возьми, вы же знаете, что у меня есть собственный дракон, а Гэс — один из лучших моих друзей, хоть он и горгулья. Надо, правда, отметить, что указанные индивидуумы в отношениях со мной ухитряются не демонстрировать постоянно свои зубы в кровожадной ухмылке, их же собратья на Лимбо такой деликатностью определенно не отличаются.

И вдобавок ко всему там были летучие мыши.

Каждая из упоминавшихся выше страшных каменных тварей была украшена десятком-другим летучих мышей. Летучие мыши всех размеров и форм, расположившиеся во всевозможных позах, казалось, имели только одну общую черту — ни одна из них не выглядела дружелюбно. Это служило дополнительным неприятным напоминанием о том, что жители этого измерения в большинстве своем вампиры.

— Хм-м... Это, случайно, не Блут? — поинтересовался я, делая вид, что разглядываю окрестные здания, и украдкой посматривая на Кассандру, особенно на ее зубы.

— Вообще-то да, — подтвердила моя девушка. — Только не говори мне, что ты уже слышал об этом городе!

— Вообще-то я тут уже бывал.

— Правда? Это странно... Впрочем, теперь вспоминаю. Вик говорил, как много ты путешествовал, не в пример большинству пришельцев, значит, и много чего видел. — Судя по всему, это действительно произвело впечатление на Кассандру. — Ну и как тебе тут нравится?

— Я, честно говоря, мало что тут видел, — признался я. — Это был чисто деловой визит, и ходить куда-нибудь или тем более с кем-нибудь знакомиться мне было особенно некогда.

Это опять же мягко сказано. Я прибыл в эти места, чтобы вытащить Ааза из тюрьмы до того, как его казнят за убийство. Однако теперь я подумал, что лучше не влезать в подробности по поводу моего прошлого визита. К счастью, я мог не беспокоиться на этот счет.

— Ну, это мы исправим прямо сейчас, — объявила Кассандра, энергично хватая меня под руку и волоча за собой. — Тут за углом есть один клуб, это сейчас самое модное место. Вполне подойдет для начала нашей экспедиции.

— Подожди минутку, — попросил я, слегка упираясь в землю каблуками. — А как насчет меня? Если я правильно понимаю, пришельцев вообще, и в особенности людей, здесь не слишком жалуют. По-моему, большинство вампиров считает нас монстрами?

— Это же все предрассудки, бабушкины сказки! — возразила моя девушка, продолжая тащить меня за собой. — Народ, который ходит в такие клубы, имеет широкие взгляды. Сам увидишь.

Почему-то выражение «широкие взгляды» меня не вполне успокоило. Я слишком хорошо сознавал, что оказался очень далеко от дома без всякой возможности вернуться туда самостоятельно, если что-то пойдет не так и я окажусь отрезан от своей девушки. На всякий случай я решил проверить, как тут с силовыми линиями... именно из них я обучен черпать энергию для своей магии. На Лимбо этих линий исключительно мало, и прошлый раз у меня из-за этого были проблемы. Если я собирался в случае чего воспользоваться резервной энергией, этот резерв мне следовало начать собирать задолго до наступления неприятностей.

— Ну вот, мы и на месте, — прощебетала Кассандра, отвлекая меня от магической концентрации.

Место, о котором она говорила, было видно издалека. Длинноющая очередь у входа загибалась за угол. Кстати, аккурат поверх этого места проходила хорошая силовая линия, что заметно повлияло на мою готовность устроить привал именно здесь.

— Черт возьми! — произнесла моя девушка, слегка замедляя движение. — Я чувствовала, что так и будет. Мы бы еще позднее заявились! Слушай, Тигр, как у тебя с деньгами? Если немного подмазать, ожидание можно заметно сократить.

— Ну, у меня всего пара сотен золотых, — неуверенно сказал я. — Если этого мало, всегда можно...

— Ничего себе! — Кассандра встала как вкопанная. — Ты сказал, пара *сотен*?

— Ну да, — кивнул я, высвобождая руку из ее захвата, чтобы достать кошелек. — Я не знал, сколько...

— Не вздумай это тут показывать! — еле выдохнула девушка, торопливо останавливая мою руку. — Псих! Хочешь, чтобы тебя грабанули? Разве можно таскать с собой все свое состояние? Ты что, не доверяешь банкам?

— Разумеется, доверяю, — несколько обиженно сказал я. — И знаю, это немалые деньги. Я просто понятия не имел, во сколько может обойтись этот вечер, и потому захватил с собой пару сотен... и еще кредитную карточку.

— Серьезно? — спросила она с нескрываемым изумлением. — А сколько же ты... а, ладно. Не мое дело. Вик мне, между прочим, не сказал, что ты такой богатый. У меня никогда в жизни не было знакомых с кредитной карточкой.

Кредитной карточкой я обзавелся только недавно, когда искал Ааза на Извре, и пока что не имел случая ею воспользоваться. (Честно говоря, если не считать немногочисленных путешественников по измерениям вроде моих коллег и меня, я даже не знаю, кто в моем родном измерении Пент хотя бы слышал о кредитных карточках. Я по крайней мере не слышал, пока не побывал на Извре.) Во всяком случае, я старал-

ся не слишком ее демонстрировать, чтобы не раздражать Ааза. Но тут моего партнера со мной не было, а девушка, на которую можно произвести впечатление, была. Уж использовать попутный ветер я за эти годы научился.

— Ты знаешь, это очень удобно, — важно заявил я, картиным взмахом руки доставая предмет обсуждения. — Можно не таскать с собой слишком уж много наличности.

Карточка немедленно оказалась в руках у Кассандры, которая уставилась на нее, разинув рот в нескрываемом восхищении.

— Карточка из чистого золота! — еле выдохнула она. — Ничего себе! Да уж, Тигр, ты точно знаешь, чем поразить девушку. Ну, сегодня вечером мы повеселимся!

Не успел я ее остановить, как она снова схватила меня под руку и врезалась в толпу, подняв над собой карточку, как флаг.

— *Извините! Пропустите!*

Тем, кто стоял в очереди, не нравилось, когда их расталкивают локтями. Кое-кто даже угрожающе оскалился. Но карточка, видимо, производила на них какое-то магическое действие — только взглянув на нее, все отступали и освобождали нам дорогу. Точнее, они освобождали дорогу Кассандре, за которой в кильватере следовал я.

Вход был перегорожен бархатным канатом, при котором состоял здоровенный детина. Его единственной задачей являлась, по-видимому, пропускать посетителей по мере того, как кто-нибудь выходит... ну и еще, конечно, наводить страх. Он действительно был ЗДОРОВЕННЫЙ, и это говорю я, имеющий опыт общения с телохранителями. В общем, едва увидев карточку, он тут же отцепил канат, оттеснил в сторону начало очереди, чтобы освободить нам проход, и даже попытался изобразить на лице улыбку, когда мы проходили мимо.

Мне пришло в голову, что в этих кредитных карточках, должно быть, больше смысла, чем я мог вообразить. Но данный момент мало подходил для расспросов, а уже в следующий мы оказались внутри заведения... и я потерял всякую способность думать о чем-то еще.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Люблю ночную жизнь!

В. Дракула

Не знаю, что именно я ожидал увидеть внутри вампирского ночного клуба — мне никогда и в голову не приходило, что я могу в таком клубе оказаться, — но уж точно не то, что увидел.

Прежде всего там был яркий свет. Не просто яркий, а ЯРКИЙ!

Освещение было настолько сильным, что почти ослепляло, особенно при входе в помещение из окружающей темноты. Даже прищурившись, я едва мог что увидеть в этом потоке света, и двигаться пришлось ощупью.

— Как тебе? — перекрикивая музыку, спросила Кассандра, вновь уцепившись за мою руку.

— Трудно сказать! — прокричал я в ответ. — Очень ярко!

— Знаю! Правда, потрясно! — воскликнула она с улыбкой, засверкавшей даже при таком свете. — Хорошее местечко для привидений, а?

Тут-то до меня и дошло, в чем дело с этим клубом. Люди от природы любят дневной свет. Когда им хочется показать или проверить свою смелость, они забираются в темные углы. А вампиры, наоборот, обычно сторонятся света. Потому совершенно естественно, что для создания пугающей атмосферы им нужно больше огня.

— Вообще-то неплохо... когда глаза привыкли, — снисходительно согласился я.

Это была правда. Мои глаза постепенно привыкали к яркому свету, и я смог осмотреться.

Помещение по размеру было невелико, но зато шум и давка превосходили все пределы.

Несколько сотен (по крайней мере мне так показалось) посетителей теснились вокруг столиков, над каждым из которых висел зонтик, дававший слабую защиту от яркого света... что-то вроде свечей на столах в темном ресторанном зале в тех краях, откуда я родом.

Небольшой пятак, где теснота была еще больше, чем у столиков, я посчитал площадкой для танцев. На эту мысль меня навело то, что столпившиеся там щека к щеке посетители все как один ритмично двигались в такт ревущей музыке, по громкости напоминавшей шум Большой Игры. Источника музыки я не обнаружил, там был только какой-то странный малый, устроившийся за отдельным столиком на возвышении у танцплощадки. Время от времени музыка прерывалась, и этот малый что-то кричал, после чего толпа орала в ответ и начиналась новая мелодия. Я из этого заключил, что малый имеет какое-то отношение к происходящему развлечению, но точной уверенности у меня не было, поскольку никаких признаков музыкальных инструментов я не заметил. Там были только стопки каких-то тоненьких дисков, и эти диски малый засовывал в стоящую возле него машину.

Сама музыка не поддавалась описанию... разве что можно охарактеризовать ее одним словом — громкая. В основном она представляла собой резкие всплески шума, без конца повторявшиеся в такт ведущему ритму. Я уже говорил, что случались паузы и смена мелодий, но, честно говоря, все эти мелодии казались мне одинаковыми. Понимаете, если ритмично встряхивать мешок с консервными банками или мешок с кастрюлями, или тот и другой через раз, то звуковой эффект будет во всех отношениях сходный. Тем не менее толпа, судя по всему, этим эффектом наслаждалась, она во-пила и кружилась с неистощимой энергией.

Я даже удивился, что во всем этом шуме и толкотне сумел рассмотреть украшения на стенах. Должно быть, они привлекли мое внимание своей совершенной неуместностью.

Там были связки чеснока — судя по всему, не настоящие, — а также пузырьки с водой и четки, сплошь изукрашенные разными религиозными символами. Вряд ли бы я смог расслабиться в окружении подобных штуковин... будь я, конечно, вампиrom. Впрочем, я уже понял, что расслабляться тут и не предполагалось.

— Интересный у вас декор, — заметил я, продолжая разглядывать стены. — А кстати, как называется это место?

— Оно называется «Осиновый кол», — ответила Кассандра, демонстративно вздрагивая и еще крепче цепляясь за мою руку. — Ерунда, правда?

— Угу, — уклончиво пробормотал я.

На самом деле ее дрожь сильно отвлекала мое внимание... особенно если учесть, что моя спутница была так тесно ко мне прижата.

— Тут битком народу, — добавил я, заставляя себя отвести глаза от Кассандры и оглядеться вокруг.

— Я же тебе *говорила*, что это самый модный клуб, — откликнулась она и дернула меня за рукав. — Смотри, весь народ тут.

Если вам кажется, что я зациклился на описании самого клуба, то это потому, что я никак не мог приступить к описанию публики. Публика эта как будто вышла из самого страшного кошмара... буквально из кошмара.

Как и следовало ожидать, это были вампиры. Если даже не заметить их красных глаз и кричащих нарядов, то нельзя было пропустить такую мелкую деталь, как их склонность взмывать над танцплощадкой и летать под потолком, чтобы отдохнуть от тесноты внизу.

Но это еще не все.

Там было полно оборотней. Не только вервольфов, то есть волков-оборотней, но еще тигров-оборотней, медведей-оборотней и змей-оборотней. Еще были мумии, человек-ящерица, один или два упыря и парочка призраков. По крайней мере я решил, что это были призраки, поскольку через них было видно насквозь.

Обычная такая средненькая публика из бара по соседству с вашим домом... если, конечно, вы живете на пересечении дюжины фильмов «ужасов».

— Что-то я нигде не вижу Ав-Авторов, — сказал я, просто чтобы к чему-нибудь придраться. На Лимбо я мало кого знал, но моих немногочисленных знакомых в клубе не было, так что там явно присутствовал не «весь народ».

— Ну, Иднова, возможно, где-нибудь здесь, — заметила Кассандра, оглядывая толпу. — Но Драсира ожидать не сле-

дует. Он обычно забивается в какую-нибудь щель потише и говорит о делах или...

Она внезапно замолчала и пристально посмотрела на меня.

— Ты что, знаешь Ав-Авторов?

— Я ж тебе говорил, — улыбнулся я и, в свою очередь, сжал ее локоть. — Я уже бывал на Лимбо.

— Смотри! Вон там есть столик! — Кассандра схватила меня за руку и рванула через толпу, таща меня за собой. Если я собирался произвести на нее впечатление, надо было выбрать момент поудачнее.

Мы чуть не подрались из-за столика с парой вампиров, но все же они отступили, одарив нас на прощание мрачными взглядами. Мне в этот вечер совершенно не хотелось влезать в драку, и тем более в «Осиновом коле». Таким чужаком, как здесь, я ощущал себя разве что на Извре.

Обзор с нашего столика был гораздо хуже, чем от входа, потому что кругом толпился народ. Единственное преимущество в обладании столиком, на мой взгляд, было в том, что на него можно поставить бокалы и освободить руки... правда, бокалов у нас пока не было.

— Что ты будешь пить?

Мне даже показалось, что вопрос пришел телепатически в ответ на мои мысли. Но тут я заметил, что возле меня витает призрак, сам почти прозрачный, но зато с вполне материальным подносом в руках. Я подумал, что это, наверное, неплохо — призрак легко просачивается сквозь толпу, а на поднос можно ставить напитки. Если бы другие бары и рестораны переняли этот опыт, клиенты, возможно, были бы избавлены от томительного ожидания.

— Привет, Марли. Мне «Кровавую Мэри», — сказала Кassandra. — А ты что будешь, Тигр?

Не стану вам рассказывать, какие ассоциации вызвало у меня название заказанного напитка. Хотя по прошлому своему посещению я уже знал, что вампиры не обязательно пьют только человеческую кровь, все же питье какой бы то ни было крови не вызывало у меня особенного аппетита.

— Хм... а что у них вообще есть? — замялся я. — Я как-то больше привык к вину.

— Не беспокойся, у них тут очень приличный бар, — радостно сообщила Кассандра. — Тут полно всяких... А, понятно!

Она со смехом откинула голову назад и хлопнула меня по плечу.

— Не тревожься, Тигр. Они держат напитки и для иномирцев.

Я почувствовал себя лучше, но в то же время мне совершенно не понравилось, что надо мной смеются. По части производимого на девушку впечатления я явно терял очки.

— Нет, я серьезно, Кассандра, — возразил я. — Я действительно не привык к другим напиткам, кроме вина.

— Это ничего, я сама тебе закажу.

На самом деле я имел в виду не это, но она уже повернулась к официанту, и я не успел ничего сказать.

— Марли, ему тоже принеси «Кровавую Мэри». Только обычную, а не здешний вариант, — сказала она и добавила: — Да, и записывай в счет. У него с собой кредитная карточка, так что потом просто все спишешь.

Официант принял карточку не моргнув глазом (похоже, официантов не так просто впечатлить кредитной карточкой, как охранников на входе) и двинул сквозь толпу. В буквальном смысле сквозь.

Честно говоря, я так был занят разглядыванием клуба и публики, что вспомнил о своей оставшейся в руках у Кассандры карточке, только когда она отдала ее официанту. Как ни неопытен я был в обращении с кредитными карточками, даже мне было понятно, что терять свою карточку из виду не дело, и я решил забрать ее, как только официант вернется.

А пока что у меня было одно небольшое дельце — требовалось заняться моим костюмом.

Как вы, возможно, помните, я потратил некоторое время, наряжаясь к этому свиданию, но ведь тогда я еще не знал, что мы отправимся на Лимбо. Мой костюм был хорош для Пента и даже для Девы, но на Лимбо он выглядел до безобразия консервативно. В обычных обстоятельствах я не стал бы рас-

трачивать магическую энергию на такие тривиальные вещи, особенно в этом измерении, но раз уж я нашел тут хорошую силовую линию... и потом, черт возьми, я все еще старался произвести впечатление на мою девушку.

Она как раз завязала разговор с какими-то своими знакомыми, подошедшими к нашему столику, и я счел момент вполне подходящим. Закрыв глаза, я приступил к изменению своей внешности при помощи старого испытанного приема — чар личины.

Поскольку то, что было на мне надето, в основном меня устраивало, я не стал ничего радикально менять — так, подправил кое-где кое-что. Сделал пониже вырез на рубашке и пиджаке, чтобы приоткрыть свою могучую грудь... если там было что открывать. Потом удлинил концы воротника и сделал посвободнее рукава, чтобы было похоже на разевающиеся наряды некоторых мужчин из местной публики. И в качестве последнего мазка заставил рубашку немножко искриться, как платье у моей девушки.

В общем, не так уж много изменилось. Ровно столько, чтобы мой наряд не выглядел безвкусно среди разодетых вампиров. Сам я, разумеется, не мог видеть этих изменений — это неприятная особенность чар личины, одного из первых освоенных мною магических приемов, — но я вполне полагался на свое умение и знал, что моей девушке эти изменения будут видны. Вопрос только, заметит ли она их?

Я напрасно беспокоился.

Она все замстила, и не только она. Друзья Кассандры уже ушли, но она еще махала рукой и окликала кого-то в толпе. Похоже, эта юная особа была очень популярна в местном обществе. Собственно, ничего удивительного.

Самое забавное началось, когда официант принес наш заказ. Осторожно ставя бокалы на столик перед нами, он наклонился к моему уху.

— Первая выпивка за счет нашего менеджера, сэр, — произнес он с гораздо большим почтением, чем когда принимал заказ. — Он просил передать, что для нас большая честь видеть вас здесь, и мы надеемся, что вам здесь понравится и вы будете к нам захаживать.

— Что? — искренне недоумевая, переспросил я. — Я не понял.

— Я сказал, наш менеджер... — Призрак стал было повторять сказанное, но я остановил его.

— Нет. Я хотел спросить, почему он нас угощает?

— Он прочел ваше имя на кредитной карточке, — сказал призрак, протягивая мне эту самую карточку. — Я не узнал вас в лицо... Надеюсь, вы не обижены.

— Нет. Это... Нет, никакой обиды, — выдавил я, пытаясь понять, что происходит.

— О чём это вы? — поинтересовалась Кассандра, наклоняясь поближе. Она обратила внимание на мой разговор с официантом, но из-за музыки не могла разобрать слов.

— Да ничего, — ответил я. — Просто здешний менеджер угостили нас выпивкой.

— Правда? — нахмурилась она. — Странно, с чего бы это? Обычно тут такое не принято... по крайней мере при первом заказе. Интересно, кто сегодня за главного?

Она вытянула шею, пытаясь разглядеть стойку бара, а я тем временем переключил внимание на принесенные напитки.

Выглядели они достаточно невинно. Матовая красная жидкость поверх кубиков льда, сверху все украшено какой-то зеленью. Жидкость в бокале у Кассандры была потемнее, чем в моем, но в остальном бокалы выглядели одинаково. Я осторожно сделал глоток... и, к своему большому облегчению, обнаружил, что на вкус это что-то вроде томатного сока.

— Ха! А это очень неплохо, — объявил я. — А что тут намещано?

— Что? — переспросила Кассандра, снова переключая внимание на меня. — А, это. У тебя только томатный сок и водка.

Я не знал, что такое водка, но томатный сок я уж точно мог переварить. Первый глоток заставил меня вспомнить, как мне хотелось пить после всей этой толкотни, и я залпом осушил почти весь бокал.

— Эй! Полегче, Тигр, — сказала моя девушка. — Без привычки эта штука может уложить в момент... и потом, от неё остаются пятна, так что не вздумай пролить себе на...

Она замолчала на полуслове и уставилась на мой наряд.

— Постой. Вроде на тебе было надето что-то другое?

— Да нет, это та же самая рубашка, — произнес я как можно более небрежно. — Я только ее чуть-чуть изменил. По-моему, так больше подходит для этого заведения, а?

— Но как тебе удается... А, поняла! Магия!

Ее реакция соответствовала моим лучшим ожиданиям... и вдобавок была совершенно искренней.

— Погоди. Ты приятель Вика из измерения Пент, и ты владеешь магией... Так? — задумчиво проговорила она. — А ты не знаешь там мага, которого зовут Великий Скив?

Этот вопрос меня по-настоящему удивил, но что-то начало проясняться. Картина складывалась совершенно невероятная, но мне удалось сохранить внешнее спокойствие.

— Вообще-то я его отлично знаю, — сказал я с легкой улыбкой.

— Ничего себе! — хлопнув ладонью по столу, воскликнула Кассандра. — Я думала, Вик просто пудрил мне мозги, когда говорил, что знаком с ним. Слушай, а как он выглядит?

Этот вопрос меня изрядно смущил.

— Вик? Ну, он довольно приятный парень. Я думал, ты...

— Да нет, балда. Скив как выглядит? Что он собой представляет?

Это было уже гораздо лучше.

— Ну, он совсем как я, — сказал я. — Я просто удивился, что ты о нем слышала.

— Шутишь, что ли? — изумилась она, делая большие глаза. — Это, наверное, самый знаменитый маг. Абсолютно *все* о нем говорят. Ты представляешь, он здесь, на Лимбо, устроил побег из тюрьмы!

— Кажется, я об этом что-то слышал, — признался я.

— А недавно его чуть не посадили в тюрьму на Извре. Ты можешь себе представить? На Извре!

— Обвинение было подстроено, — скривился я.

— Значит, ты *действительно* с ним знаком! Слушай, расскажи мне о нем. Ты говоришь, он похож на тебя, это в смысле что он молодой?

Ситуация была очень забавная, но я решил, что надо остановиться, пока не поздно.

— Кассандра, — осторожно начал я. — Слушай меня внимательно. Он *совсем как я*. Уловила?

Она нахмурилась и покачала головой.

— Нет. Не уловила. Ты говоришь так, будто вы с ним близнецы. Или...

Она внезапно уставилась на меня, и глаза ее сделались еще шире.

— Да нет же, — прошептала она. — Не хочешь же ты сказать, что...

Я поднес к ней поближе кредитную карточку, чтобы она могла прочитать на ней имя, и улыбнулся своей самой широкой улыбкой.

— Не может быть! — взвизгнула она так громко, что за соседними столиками обернулись. — *Ты — это он!* Что же ты мне не сказал!!!

— Да ты не спрашивала, — пожал я плечами. — На самом деле я думал, что Вик...

Оказалось, что я разговариваю уже с ее спиной... или, если точнее, примерно с крестцом. Она уже вскочила и с торжествующим видом обращалась к публике.

— *Эй, вы все! Знаете, кто это такой? Это ВЕЛИКИЙ СКИВ!!!*

Мне случалось слышать от разных людей, что у меня складывается заметная репутация во многих измерениях. Не так давно Банни об этом упоминала, когда объясняла мне, как устанавливаются цены на услуги Корпорации М.И.Ф. Наверное, я это все понимал и где-то даже принимал, но не особенно замечал, чтобы это влияло на мою повседневную жизнь. Правда, посещение «Осинового кола» в измерении Лимбо не входило в обычный распорядок повседневной жизни... и реакцию публики, когда она узнала, кто я такой, трудно было назвать обычной.

Сначала все завертели головами и зашептались между собой, глядя на меня так, будто у меня отросла вторая голова.

— Слушай, Скив... можно я буду звать тебя Скив?.. Надеюсь, я не слишком неловко себя вела? Я так раз волновалась... — Кассандра уже снова уселась за столик и сосредо-

точила все свое внимание на мне. — Представляешь, у меня свидание с самим *Великим Скивом!*

— М-м-м... ничего страшного, Кассандра, — успокоил я ее, но мое внимание уже привлекло кое-что другое.

У нее за спиной... да нет, черт возьми, повсюду кругом публика начинала проталкиваться к нашему столику. Я уже упоминал, что бывали случаи, когда за мною гналась толпа, но я никогда не оказывался в окружении с самого начала! Конечно, эта толпа не выглядела ни особо враждебной, ни разгневанной. Скорее даже на лицах были заметны преувеличенно широкие улыбки... что, принимая во внимание зубы присутствующих, было не таким уж приятным зрелищем.

— Извини, Кассандра, — начал я, глядя на приближающуюся публику, — но, по-моему, вся эта водка... в смысле вся эта схолка собирается сюда.

Оговорка получилась из-за того, что я как раз в этот момент пытался сделать еще глоток из бокала, но обнаружил, что там остались только кубики льда. Странно, я не мог припомнить, как допил свой бокал. Тут и подошел первый из собирающейся толпы.

Это был вампир мужского пола, с завидной грацией выступавший в красивом вечернем костюме.

— Простите за вторжение, господин Скив, — с улыбкой произнес он, — но я хотел пожать вашу руку. Мне всегда хотелось с вами познакомиться, но я даже не надеялся, что представится случай.

— О, конечно, — начал я, но он уже успел схватить мою руку и тряс ее.

— Извините... А можно попросить у вас автограф? — спросила юная особа, протискиваясь мимо первого джентльмена.

— Что? Я думаю, да...

К сожалению, мне не удалось отобрать свою руку у первого вампира, который продолжал ее трясти, хотя глядел в этот момент куда-то в другую сторону.

— Эй! Официант! — услышал я его голос. — Еще по бокалу господину Скиву и его даме... и запишите на мой счет!

— Гм... спасибо, — произнес я, высвобождая руку и поворачиваясь к девице, просившей автограф. — У вас есть ручка?

— Черт возьми, конечно, нет! — воскликнула она. — Но я сейчас добуду. Не уходите, я мигом!

Я просто не знал, что и думать. Я опасался возвращаться на Лимбо из-за своих полукриминальных приключений в прошлый приезд, а тут меня встречают, как какую-нибудь знаменитость!

— Господин Скив. Пожалуйста, если можно. Это для моей дочурки.

Последняя просьба исходила от тигра-оборотня, который протягивал мне бумагу и ручку. К счастью, по предыдущей девице я уже знал, что ему нужно, и торопливо нацарапал на листке свою подпись.

Нац призрачный официант материализовался, просочившись сквозь толпу, и поставил на столик бокалы... только их почему-то оказалось три. Судя по цвету, один предназначался Кассандре, а два мне.

— А откуда еще один? — поинтересовался я.

— Это от вон того столика, — показал куда-то влево официант.

Я попытался посмотреть в указанном направлении и чуть не уткнулся носом в пупок еще одной девицы из числа собравшихся. То есть на самом деле девиц там было три, и любая из них в нормальной обстановке привлекла бы всеобщее внимание, но здесь они просто терялись в толпе.

— А куда вы отсюда пойдете, господин Скив? — промурлыкала самая рослая из девиц. — У нас тут рядом будет вече-ринка, может, зайдете?

— Не раскатывай губы, лапуся, — улыбнулась Кассандра, обвивая рукой мое плечо. — У него свидание со мной... и я предполагаю, что он будет занят всю ночь.

Ее слова звучали интригующе, но тут еще кто-то подергал меня за рукав.

— Извините, господин Скив, — произнес внушительный набор острых зубов с такого близкого расстояния, что, кроме зубов, ничего не было видно. — Нельзя ли мне будет взять у вас интервью в удобное для вас время?

— Знаете... сейчас я вообще-то занят, — промямлил я, стараясь отодвинуться подальше и разглядеть говорящего. К

несчастью, в результате я уткнулся затылком в одну из стоящих сзади девиц.

— Да нет, я не имел в виду прямо сейчас, — откликнулись зубы, двигаясь вслед за мной, так что я по-прежнему не мог рассмотреть, кто говорит. — Если вы будете так любезны позже заглянуть к нашему столику, мы договоримся насчет времени. Выпивка за мной. «Кровавая Мэри», правильно?

— Правильно. То есть ладно. Но только...

Но только мой собеседник к этому моменту уже исчез. Оставалось надеяться, что он сам меня узнает, если я окажусь поблизости. Теперь я наконец почувствовал, что то, во что я упирался позади себя, тоже упиралось мне в затылок, и напор был слишком силен, чтобы считать это случайностью.

— Слушай, Скив, — обратилась ко мне Кассандра. Это дало мне повод выйти из соприкосновения, и я этим поводом воспользовался, наклонившись поближе к ней и попутно отхлебнув из своего бокала.

— Что, Кассандра?

— Если ты не против, может, пойдем отсюда, когда ты допьешь? Тут есть еще пара мест, куда я хотела бы сегодня заскочить... надо же тебя всем показать.

— Никаких проблем, — ответил я. — Только допивать придется долго.

Непонятным образом в суматохе разговоров мои два бокала размножились до четырех.

— Ничего, я не тороплюсь, — сказала она, чмокнув меня в щеку. — Я знаю, теперь тебе придется разбираться со всем этим народом, раз они узнали, кто ты такой. Вот что значит быть известным! Тебе-то это все, наверное, в порядке вещей, но я просто тащусь!

Мягко выражаясь, для меня это не было в порядке вещей. Если бы дело обстояло так, как она думала, возможно, я бы справился с этой ситуацией получше.

Помню, что много раз ставил на чем-то свою подпись... и что мне приносили еще бокалы... и что я целовал Кассандру... и еще, кажется, какой-то другой клуб... и еще два клуба... и еще выпивка...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Счастье определяется вашей способностью к наслаждению.

Бахус

Оtkрыв глаза, я долго не мог сориентироваться, но по-немногу окружающие предметы начали обретать четкость.

Я находился у себя в комнате... точнее даже, в своей постели, правда, простыни были все измяты и перекручены. Я был под ними совершенно гол, хотя не мог припомнить, чтобы раздевался. В окно лился солнечный свет, и я решил, что на дворе утро. Короче говоря, все выглядело вполне normally.

Почему же у меня было ощущение, что что-то не так?

Я лежал на боку и в какой-то момент понял, что у меня забит нос, и это не дает мне дышать той ноздрей, которая снизу. Чтобы продышаться, я перевернулся на спину и...

Меня как будто ударило!

Жуткий стук в висках... тошнота... страшно!

Мне случалось плохо себя чувствовать и прежде, но ничего подобного со мной не бывало. Сначала я испугался, что вот-вот умру. Потом мне стало страшно, что останусь в живых. Мучение, которое я испытывал, не могло продолжаться бесконечно.

Тихо постанивая и не отрываясь больше от подушки, я пытался как-то собраться с мыслями.

Что происходит? Что со мной случилось? Почему мне так...

Внезапно у меня в мозгу вспыхнула картина прошлой ночи... по крайней мере ее начала.

Знакомство вслепую... «Осиновый кол»... Восхищенные толпы... *Кассандра!*

Я буквально подскочил на постели и...

И это была большая ошибка. **БОЛЬШАЯ.**

Вся боль и тошнота, которые я испытывал прежде, обрушились на меня теперь в троекратном размере. Со стоном я свалился обратно на подушку, опрометчиво забыв о том, что это движение может вызвать новые неприятные ощущения.

Мне было так плохо, что дальше уже некуда. Какие уж тут рациональные соображения! Мне оставалось только лежать и ждать — одно из двух: либо в голове у меня просветлеет, либо я умру.

Раздался стук в дверь.

Даже в своем совершенно потерянном состоянии я без малейших затруднений решил, что мне следует делать — надо делать вид, что не слышал. Я просто не могу никого видеть, а тем более разговаривать!

Стук раздался снова, на этот раз немного громче.

— Скив? Ты не спиши?

Это был голос Банни. С учетом того, что я мог припомнить о начале прошлого вечера, мне действительно не хотелось с ней говорить прямо сейчас. В довершение моих несчастий не хватало мне только, чтобы она стала критиковать мой вкус по части девушки.

— Уходи! — крикнул я, даже не стараясь, чтобы это произвучало вежливо.

Не успел я закрыть рот, как понял, что лучше бы мне было промолчать. Мало того что от напряжения усилился стук в висках; главное, я опрометчиво выдал ей, что не сплю.

Будто в ответ на это запоздалое соображение дверь открылась, и Банни вошла в комнату, неся в руках здоровенный поднос с едой.

— Поскольку тебя не было ни за завтраком, ни за обедом, я подумала, что ты, должно быть, сильно помят после прошлой ночи, — деловым тоном сказала она, ставя поднос на тумбочку у моей постели. — Я попросила на кухне собрать тебе кое-что поесть, чтобы облегчить возвращение в царство живых.

Чего-чего, а есть мне в тот момент совершенно не хотелось. Скорее уж меня заботило, как бы что-нибудь не двинулось по моему пищеварительному тракту в обратном направлении. Однако внезапно я осознал, что хочу пить. То есть **ОЧЕНЬ** хочу пить.

— А у тебя там на подносе нет какого-нибудь сока? — слабым голосом спросил я, не рискуя переходить в сидячее положение, чтобы посмотреть самому.

— Апельсинового или томатного?

Упоминание о томатном соке тут же вызвало в памяти многочисленные «Кровавые Мэри» прошлой ночи, и мой желудок качнулся и ушел куда-то влево.

— Апельсиновый годится, — произнес я сквозь сжатые зубы и с трудом сглатывая.

Банни оценивающе посмотрела на меня:

— Понятно. Значит, это были не «отвертки» и не «мимозы».

— Что?

— Ничего-ничего. Апельсиновый сок, получите.

Я бы обошелся и без этого «получите», но на вкус сок был приятен. Я осушил стакан в два глотка. Странно, но жажда от этого только усилилась. Холодная влага была, конечно, приятна, но заставила ощутить, насколько у меня все внутри пересохло.

— А еще есть? — с надеждой спросил я.

— У меня тут целый кувшин, — ответила Банни, показывая на поднос. — Я чувствовала, что одного стакана не хватит. Только пей медленно. Тебе сейчас не стоит заглатывать сразу ведро холодной жидкости.

Я еле удержался от искушения выхватить у нее из рук кувшин и ограничился тем, что протянул стакан за добавкой. Колossalным усилием воли мне удалось последовать ее совету и выпить сок мелкими глотками. При таком способе питье удалось растянуть чуть-чуть подольше, и эффект оказался значительней.

— Это уже лучше, — сказала она, без напоминания снова наполняя мой стакан. — Вот так. Хорошо провел время прошлой ночью?

Я остановился на середине глотка, пытаясь заставить свои мозги работать.

— Если честно, Банни, не знаю, — в конце концов признался я.

— Что-то я тебя не понимаю.

— То, что я помню, было вполне, — пояснил я, — но начиная с какого-то момента у меня полный провал. Я даже не могу с уверенностью сказать, когда наступил этот момент. У меня все как-то перепутано в голове.

— Вижу-вижу.

Банни как будто собиралась сказать что-то еще, но вместо этого поджала губы, отошла к окну и стала смотреть на улицу.

В голове у меня начало светлеть, и я уже чувствовал себя почти живым. Я решил, что пора поставить все на свои места.

— Знаешь, Банни... насчет вчерашнего... Мне очень неудобно, что я так от тебя смылся, но Вик устроил мне это свидание, и отказываться в последний момент было бы неприлично.

— Ну конечно, а то, что девочка оказалась пальчики оближешь, не имеет ни малейшего значения, — ехидно откомментировала Банни.

— Ну знаешь...

— Не переживай по этому поводу, Скив, — торопливо сказала она, жестом пресекая мои возражения. — Собственно, меня не это беспокоит.

— А что тебя беспокоит?

Она повернулась и встала лицом ко мне, прислонясь к подоконнику.

— То же самое, что беспокоит меня постоянно с тех пор, как я прибыла на это задание, — объявила она. — Я не хотела ничего говорить, потому что это действительно не мое дело. Но если то, что ты сказал насчет прошлой ночи, правда...

Она замолчала и закусила губу.

— То что? — спросил я.

— В общем... попросту говоря, мне кажется, что ты начинашь спиваться.

Это заявление застало меня врасплох. Я был почти готов услышать от нее упреки в том, что от меня мало помоги в финансовых делах, или что-нибудь насчет толпы преследующих меня дам. Но мне даже в голову не приходило, что она может ополчиться на какие-то мои привычки.

— Я... я даже не знаю, что сказать, Банни. Я, конечно, выпиваю. Но ведь все немного выпивают время от времени.

— Немного?

Она отделилась от подоконника, пересекла комнату и присела на край моей кровати.

— Знаешь, Скив, в последнее время я тебя вижу каждый раз с кубком вина в руке. Вместо того чтобы сказать «Привет!», ты предлагаешь сразу выпить.

Теперь я действительно был смущен. Когда она впервые произнесла слово «спиваться», я подумал, что она зря паникует. Но чем больше она говорила, тем больше мне начинало казаться, что она, возможно, права.

— Это просто гостеприимство! — промямлил я, оттягивая время, чтобы собраться с мыслями.

— Нет, когда ты к этому приступаешь с самого утра, это уже не гостеприимство! — резко отозвалась она. — И уж тем более это не гостеприимство, когда ты сам себе наливаешь вне зависимости от того, пьет ли с тобой твой гость.

— Ага, между прочим, пьет, — возразил я, чувствуя, что начинаю оправдываться. — Он говорит, что вода в большинстве измерений небезопасна.

— Здесь твое родное измерение, Скив. У тебя должна быть привычка к местной воде. Кроме того, Ааз — изверг. У него весь обмен веществ устроен иначе, чем у тебя. Он может благополучно переварить выпивку.

— А я, значит, не могу. Ты это хочешь сказать?

Ощущение предельного страдания, с которым я проснулся, постепенно начинало перерастать в раздражение и озлобленность.

— Поправь меня, если я не права, — снова начала Бани. — Как я слышала, во время недавнего путешествия на Извр ты ввязался в драку. Так? И произошло это после того, как ты напился?

— Ну, вообще-то... да. Но мне и прежде приходилось драться.

— Насколько мне известно, если бы джинн Кальвин тебя не прозрел, из этой драки ты бы живым не вышел. Ведь так?

Тут она попала в точку. Ситуация там действительно была пакостная. Я не мог отрицать, что мои шансы пережить эту потасовку сильно бы упали, если бы чары Кальвина не вернули меня в трезвое состояние.

Я согласно кивнул.

— Теперь возьмем прошлую ночь, — продолжила Банни. — Ты серьезно хотел произвести на кого-то хорошее впечатление. Нарядился в свои самые стильные вещи, истратил, должно быть, кучу денег, и что в результате? Судя по всему, ты упился до беспамятства. Ты не можешь даже вспомнить, что там было, и уж тем более ты не помнишь, приятно ли провела время твоя девушка. Это не похоже на тебя... во всяком случае, на того тебя, каким бы ты хотел остаться в людской памяти.

Я уже чувствовал себя хуже некуда, и не только из-за последствий ночного загула. Я всегда считал выпивку невинным развлечением... или, в последнее время, способом снять напряжение от терзавших меня проблем. Мне никогда не приходило в голову, как это может выглядеть со стороны. Теперь, когда я об этом задумался, картина получалась не слишком приятная. Правда, мне как-то не хотелось признаваться в этом Банни.

— На счет прошлой ночи я твердо помню только то, что мне постоянно кто-то ставил выпивку, — оправдывался я. — Это как-то застало меня врасплох, а отказываться я считал невежливым.

— Даже если в обществе ты действительно вынужден принимать приглашение выпить, то кто тебе сказал, что ты обязан при этом пить спиртное? Всегда можно выпить соку или чего-нибудь безалкогольного.

Я внезапно почувствовал себя очень усталым. Похмелье и все эти новые размышления, обрушившиеся на меня, исчерпали тот скромный запас энергии, который был у меня при пробуждении.

— Банни, — сказал я, — я не могу и не буду сейчас с тобой спорить. Ты подняла интересные вопросы, и я благодарен тебе за то, что ты привлекла к ним мое внимание. Теперь дай мне время все это обдумать, ладно? Сейчас мне хочется только свернуться клубочком и на время умереть.

Банни, к чести ее, не стала продолжать свою агитацию, а, наоборот, сделалась чрезвычайно заботливой.

— Ты прости меня, Скив, — сказала она, положив ладонь на мою руку. — Я вообще-то не собиралась наскакивать на

тебя, когда ты еще не просох. Я могу что-нибудь для тебя сделать? Может, холодное полотенце на лоб?

Эта мысль показалась мне прекрасной.

— Если можно, хорошо бы. Пожалуйста.

Она соскочила с кровати и направилась к умывальному столику, а я тем временем попытался занять более удобное положение.

Переложив подушки, я взглянул в ее сторону, удивляясь, что она до сих пор не идет. Банни стояла столбом, уставившись на стену.

— Банни, там что-то не так? — спросил я.

— Похоже, я была не права, — каким-то странным тоном откликнулась она, по-прежнему глядя на стену.

Как это?

Я тут сказала, что у твоей девушки могло остаться плохое впечатление от вашего свидания... Похоже, мне бы лучше было помолчать на этот счет.

— А что?

— Я так понимаю, что ты этого еще не видел.

Она показала на стену над умывальным столиком. Я скосил глаза и попытался сфокусировать свой все еще затуманиенный взор на указанном ею месте.

На стене имелось послание, написанное ярко-красной губной помадой.

Скив!

Прости, но я не хотела тебя будить.

Ночь была просто волшебная. Ты столь же хороши, как и твоя репутация. Сообщи мне, когда захочешь повторить.

Кассандра

Я обнаружил, что самодовольно ухмыляюсь, читая все это.

— Выходит, она не очень рассердилась, что я выпил. А, Банни?

Ответа не последовало.

— Банни?

Я наконец оторвал взгляд от послания на стене и огляделся. Поднос стоял на месте, но Банни уже не было. Принимая

во внимание открытую дверь, вполне логично было предположить, что она ушла, не сказав ни слова.

Все мое самодовольство разом пропало.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Если бы работники и администрация лучше контактировали между собой, увольнения случались бы гораздо реже.

Дж. Оффа

-Привет, Лютик! Как поживаешь, старина?

Боевой единорог поднял голову, некоторое время пристально смотрел на меня, а потом вернулся к кормушке и снова захрумкал.

— Эй, старина, — повторил я. — Ты что, меня не узнаешь?

Единорог продолжал есть, не обращая на меня ни малейшего внимания.

— Не огорчайтесь, босс, — раздался писклявый голос позади меня. — Единороги — они все такие.

Я и не глядя знал, чей это голос, но все равно обернулся и увидел своего телохранителя.

— Привет, Нунцио, — поздоровался я. — Так что ты говоришь насчет единорогов?

— У них все зависит от настроения. И боевые единороги вроде Лютика тоже такие. Он сейчас просто дуется на вас, потому что вы редко его навещали в последнее время.

Нунцио, как мне стало известно, в прошлом какое-то время был дрессировщиком, так что его мнение в этом вопросе заслуживало доверия. Впрочем, я был несколько разочарован. Я-то надеялся, что реакция Лютика на мое появление послужит подтверждением тому, что произошло (или не произошло) между мною и Кассандной прошлой ночью, но, похоже, неприветливость единорога могла иметь другое, более рациональное объяснение.

Разумеется, сразу вслед за разочарованием пришло и ощущение вины. Я действительно совсем забросил моих зверей... впрочем, не только их.

— Кстати, Нунцио, — начал я, радуясь возможности переложить на кого-нибудь хотя бы часть вины. — Как у тебя дела с Глипом?

Мой телохранитель нахмурился и задумчиво потер подбородок здоровенной ручищей.

— Их знаю, босс, — ответил он. — Ручаться не могу, но что-то здесь не так. Последнее время он какой-то *не такой*.

Как ни странно, в этом был смысл. Нунцио удалось облечь в слова мое собственное смутное беспокойство насчет дракона... Он какой-то не такой.

— Может, мы не с того конца за это беремся, — сказал я. — Может, вместо того чтобы гадать, что с ним не так *сейчас*, надо бы попробовать проследить это дело немного назад.

— Что-то я вас не понимаю, — нахмурился мой телохранитель.

— Оглянемся назад, Нунцио, — повторил я. — Когда ты впервые заметил, что Глип ведет себя ненормально?

— Ну пожалуй, при Клади с ним было все в порядке, — задумчиво произнес Нунцио. — Вообще-то, если вспомнить, именно он первым из нас понял, что она не так проста, как кажется.

Что-то промелькнуло у меня в голове при этом напоминании, но Нунцио продолжал говорить, и мысль пропала.

— По-моему, все началось уже после того задания, когда мы с ним вместе охраняли склад. Помните, с поддельными комиксами?

— А во время задания он вел себя нормально?

— Совершенно. Я помню, мы тогда много с ним разговаривали, пока сидели там без дела. Он был в полном порядке.

— Минуточку, — прервал я его. — Вы *разговаривали* с Глипом?

— Ну, скорее это я говорил с ним. Он на самом деле ничего не отвечал, — поправился Нунцио. — Вы понимаете, о чем я говорю, босс. В общем, я довольно долго с ним гово-

рил, и он выглядел совершенно нормально. Мне даже показалось, что он очень внимательно слушает.

— А о чём ты с ним говорил?

Мой телохранитель заколебался и бросил быстрый взгляд в сторону.

— Да так... о том о сем, — наконец произнес он, с деланным равнодушием пожимая плечами. — Точно не припомню.

— Нунцио, — начал я, придав своему голосу оттенок супровости, — если можешь, пожалуйста, вспомни и скажи мне. Это очень важно.

— Ну, что... речь шла о том, что я беспокоюсь за вас, босс, — неуверенно признался Нунцио. — Помните, это было как раз после того, как мы решили учредить корпорацию? И вы так увязли в работе, что больше ни на что и ни на кого у вас не оставалось времени. Я просто выплеснул на Глина свои мысли насчет того, что такая жизнь опасна для здоровья, ног и все. Я знаю, что разговоры об этом без толку — себе дороже. Именно поэтому я свои мысли высказывал только ему и больше никому из нашей команды... даже Гвилю.

Теперь у меня в голове замелькали совершенно отчетливые картины. Вот Глип дышит огнем на Клади... и Клади с трудом ускользает благодаря вмешательству Нунцио... а вот мой дракончик заслоняет меня от другого, гораздо более крупного дракона, который хотел меня спалить.

— Подумай как следует, Нунцио, — медленно произнес я. — Когда ты говорил с Глипом, ты не сказал ему ничего такого... чего-нибудь насчет того, что Тананда или кто-то еще из нашей команды может представлять для меня угрозу?

Мой телохранитель нахмурился, какое-то время думал, а затем отрицательно покачал головой.

— Не могу припомнить, чтобы я говорил что-то подобное, босс. А почему вы спрашиваете?

Вот тут уже заколебался я. Идея, складывающаяся у меня в голове, казалась совершенно безумной. Но раз уж я обратился к Нунцио за советом и спрашивал его мнения как эксперта, элементарная честность требовала поделиться с ним моими подозрениями.

— Может быть, это звучит глупо, — сказал я, — но мне начинает казаться, что Глип гораздо разумнее, чем мы предполагаем. Смотри, он всегда в некотором роде меня защищал. Если он *действительно* разумен и если он вбил себе в голову, что кто-то из нашей команды представляет для меня угрозу, то, возможно, попытается этого кого-то убить... точно так же, как он тогда набросился на Клади.

Мой телохранитель посмотрел на меня в упор, а потом вдруг рассмеялся.

— А вы правы, босс, — сказал он. — Это и *в самом деле* звучит глупо. Слушайте, Глип все-таки дракон! Если бы он попытался замочить кого-нибудь из нашей команды, мы бы тут же об этом узнали. Вы меня понимаете?

— Да, а когда он пытался сжечь Тананду? — упорствовал я. — Подумай, Нунцио. Если он *действительно* разумен, то он, в частности, должен прийти к мысли, что я буду расстроен, случись что-нибудь нехорошее с кем-нибудь из нашей команды, правда? А в этом случае не следует ли ему постараться все обставить так, чтобы несчастье выглядело не результатом прямого нападения, а несчастным случаем? Я понимаю, что теория совершенно дикая, но все факты говорят в ее пользу.

— Кроме одного, — возразил мой телохранитель. — Если предположить, что он *действительно* сделал все, как вы сказали, то есть сопоставил факты и пришел к каким-то собственным заключениям, а тем более разработал план и привел его в исполнение, то он должен быть более чем разумен. Он должен в таком случае быть умнее нас всех! Не забывайте, для дракона он еще совсем молодой. Это все равно что заявить, будто ребенок, едва научившийся ходить, готовит ограбление банка!

— Наверное, ты прав, — вздохнул я. — Должно быть какое-то другое объяснение.

— Вы ведь знаете, босс, — ухмыльнулся Нунцио, — говорят, что животные со временем приобретают черты своих хозяев, и наоборот. С учетом этого будет вполне логичным, если Глип у нас станет время от времени странно себя вести.

Почему-то это напомнило мне о недавнем разговоре с Банни.

— Как ты считаешь, Нунцио, я действительно в последнее время слишком много пью?

— Не мне об этом говорить, босс, — спокойно ответил он. — Я ведь телохранитель, а не нянька.

— Меня интересует, что ты об этом думаешь.

— А я вам говорю, что мне думать не положено... по крайней мере мне не положено думать о том, кого я охраняю, — настойчиво повторил он. — Телохранители, рассуждающие о привычках своих клиентов, долго не живут. В мою задачу входит охранять вас, что бы вы ни делали... а вовсе не указывать вам, что делать.

Я уже собрался было наорать на него, но вместо этого сделал глубокий вдох и подавил в себе раздражение.

— Послушай, Нунцио, — сказал я, тщательно выбирая слова. — Я понимаю, что нормальные отношения между телохранителем и клиентом именно такие. Но мне хотелось бы думать, что мы с тобой продвинулись несколько дальше этого уровня. Я хотел бы считать тебя другом, а не только телохранителем. Помимо этого, ты еще и акционер Корпорации М.И.Ф., так что должен быть напрямую заинтересован в моей работоспособности как президента нашей корпорации. Так вот, сегодня утром Банни мне сказала, что я, как ей кажется, начинаю спиваться. Я так не думаю, но допускаю мысль, что я слишком близко подошел к этому рубежу и могу ошибаться. Вот почему меня интересует твое мнение... как друга и как товарища по работе, чьи мнения и суждения я привык уважать и ценить.

Нунцио задумчиво поскреб подбородок; на лице его ясно читалась внутренняя борьба.

— Не знаю, босс, — наконец произнес он. — Это как-то против правил... Но вообще-то вы правы. Вы обращаетесь со мной и с Гвидо совсем не так, как наши прежние боссы. Никто никогда не спрашивал нашего мнения ни по какому вопросу.

— А я спрашиваю. И что?

— Проблема отчасти в том, что на этот вопрос не так-то легко ответить, — пожал плечами Нунцио. — Конечно, вы пьете. Но можно ли сказать, что вы пьете слишком много? Тут ясности нет. Вы действительно стали пить больше с тех пор, как вернули Ааза с Извра, но «больше» не обязательно должно означать «слишком много». Вы меня понимаете?

— Честно говоря, нет.

Он тяжело вздохнул. Когда он заговорил снова, я не мог не обратить внимания на его терпеливый и заботливый тон — таким тоном говорят, или по крайней мере стараются говорить, когда приходится объяснять что-то ребенку.

— Так вот, босс, — продолжал он. — Выпивка влияет на способность рассуждать здраво. Все об этом знают. Чем больше пьешь, тем больше это влияет на твои суждения. Не просто определить, сколько именно будет «слишком много», поскольку для разных людей доза бывает разная, в зависимости от таких факторов, как вес, темперамент и т.д.

— Но если выпивка влияет на твои суждения, — спросил я, — то как определить, справедливо ли твое суждение насчет того, что выпито еще не слишком много?

— Вот тут-то как раз и закавыка, — опять пожал плечами Нунцио. — Одни говорят, что если у тебя хватает соображения задать такой вопрос, то ты еще пьешь не слишком много. Другие — что если ты об этом спрашиваешь, значит, УЖЕ пьешь слишком много. Единственное, что я знаю, так это то, что масса народа пьет слишком много, не видя в этом для себя никаких проблем.

— Тогда как же можно это узнать?

— Наверное, лучше всего, — сказал он, потирая подбородок, — будет спросить кого-нибудь из друзей, чьему суждению ты доверяешь.

Я закрыл глаза и постарался собрать остатки терпения.

— Я-то думал, что ИМЕННО ЭТО я и делаю, Нунцио. Я спрашиваю у ТЕБЯ. Как ТЫ думаешь, я действительно слишком много пью?

— Важно не это, — стоял он на своем. — Вопрос не в том, думаю ли я, что вы слишком много пьете, а в том, думаете ли ВЫ сами, что слишком много пьете.

— НУНЦИО, — выдавил я сквозь сжатые зубы. — Я спрашиваю, каково ТВОЕ мнение.

Он отвел глаза и непроизвольно отодвинулся.

— Простите, босс. Я уже сказал, для меня это непросто.

Он опять поскреб подбородок.

— Одну вещь вот скажу. Вы пьете в неподходящий момент... я не имею в виду слишком рано или слишком поздно в течение дня. Я имею в виду, вы пьете в неподходящий момент в вашей жизни.

— Не понимаю, — нахмурился я.

— Видите ли, босс, выпивка обычно действует как увеличительное стекло. Многие пьют, чтобы переменить настроение, но они сами себя обманывают. Это не помогает. Выпивка ничего не меняет, она только усиливает то, что есть. Если вы пьете, когда счастливы, вы становитесь СОВЕРШЕННО счастливы. Понимаете, о чём я? Но если вы пьете, когда вам плохо, то вам станет совсем плохо, и очень быстро.

Он опять тяжело вздохнул.

— Так вот, последнее время вам приходится нелегко, нужно принимать непростые решения. Как мне кажется, это не вполне подходящий момент, чтобы пить. Вам ведь сейчас нужна ясная голова. А уж что вам совсем ни к чему, так это усиливать любое появляющееся у вас сомнение в собственных силах и правоте своих суждений.

Тут уж настала моя очередь задумчиво поскрести подбородок.

— В этом что-то есть, — произнес я. — Спасибо, Нунцио.

— Кстати. У меня появилась одна идея, — радостно сказал он, явно воодушевленный своим успехом. — Есть очень простой способ узнать, действительно ли ты пьешь слишком много. Надо просто на некоторое время бросить выпивку. А потом посмотреть, нет ли существенных изменений в твоих мыслях и суждениях. Если изменения есть, значит, пора бросать пить. И конечно, если окажется, что бросить тяжелее, чем ты думал, то это будет еще одним тревожным признаком.

Какая-то часть меня ощетинилась при мысли, что придется отказаться от выпивки, но я это чувство поборол... так

же как и волну страха при мысли о том, что может означать такое чувство.

— Ладно, Нунцио, — сказал я. — Попробую сделать, как ты говоришь. Еще раз спасибо. Я понимаю, тебе это было непросто.

— Да чего уж там, босс. Я рад, что смог вам чем-то помочь.

Он повернулся было к выходу, но задержался и по-товарищески, как нечасто случалось, положил руку мне на плечо.

— Я лично не считаю, что вам следует так уж беспокоиться по этому поводу. Если у вас и возникают проблемы с алкоголем, то не слишком серьезные. Я имею в виду, вы же не отключаетесь и не напиваетесь до беспамятства...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

*А теперь давайте посмотрим
этот момент в записи!*

Х. Коуселл

-Эй, партнер! Привет! Как дела?

Я направлялся к себе в комнату со смутной мыслью завалиться еще поспать. Оклик Ааза заметно сокращал шансы на успех этого плана.

— Привет, Ааз, — повернулся я к нему. При этом солнце ударило мне в глаза, и в поисках тени я отступил назад.

Ааз подошел поближе и стал пристально меня разглядывать. Я со своей стороны изо всех сил старался не напрягаться и выглядеть озадаченным.

Наконец он удовлетворенно кивнул.

— Выглядишь ты нормально, — заявил он.

— А как еще я должен выглядеть? — невинно поинтересовался я.

— По слухам, ты прошлой ночью изрядно повеселился, — объяснил он, окидывая меня еще одним пристальным взглядом. — Я решил, что надо лично тебя осмотреть и определить

возможный ущерб. Должен признать, судя по твоему виду, ты выдержал шторм неплохо. Вот что значит молодость — силы восстанавливаются быстро!

— Возможно, слухи несколько все преувеличили, — с надеждой предположил я.

— Это вряд ли, — фыркнул он. — Коррэш сказал, что видел тебя, когда ты со своей девушкой ввалился в замок. Ты бы должен знать, что он-то скорее склонен преуменьшать, чем преувеличивать.

Я молча кивнул. Тролль, если только он не напяливал на себя свой «рабочий» образ Большого Грызя, отличался исключительной точностью суждений.

— Всё равно, — махнул рукой Ааз. — Как я уже сказал, ты, похоже, успешио это перенес.

Я выдавил из себя слабую улыбку.

— Как насчет опохмелиться? Рюмочка чего-нибудь крепкого тебя взбодрит, — предложил он. — Давай, партнер. Я угощаю. Для разнообразия можно сходить в город.

Мне хватило нескольких мгновений размышления, чтобы решить, как это неплохо прогуляться по городу вокруг замка. Даже очень неплохо, учитывая, что Банни вышла на тропу войны.

— Ладно, Ааз, пойдем, — сказал я. — Только вот насчет опохмелиться... Если ты не против, я бы остановился на чем-нибудь обычном. За прошлую ночь я принял вполне достаточно всяких странных напитков.

Он поцокал языком, как делал обычно во времена моего ученичества, если мне случалось сказать что-нибудь совсем уж глупое, но сейчас я не заметил ни малейшей улыбки.

— А ты ничего не забыл, партнер? — спросил он, не глядя на меня.

— Что?

— Если мы собираемся потолкаться среди народа, было бы нелишне навести чары личины.

Конечно, он был прав. Я-то привык видеть его таким, то есть извергом в зеленой чешуе и с желтыми глазами, но обычным гражданам Поссилтума его вид по-прежнему внушал

страх и ужас... собственно говоря, я и сам испытал то же самое, когда впервые с ним повстречался.

— Извини, Ааз.

Закрыв глаза, я быстро произвел необходимые изменения. Усилием мысли манипулируя с образом Ааза, я придал ему вид обычного стражника из замка, разве что он у меня выглядел чересчур костлявым и недокормленным. В нашу задачу ведь не входило устрашать публику, правда?

Ааз даже не потрудился по дороге взглянуть на свое отражение в каком-нибудь зеркале. Похоже, его гораздо больше занимало вытягивание из меня новых подробностей прошлой ночи.

— И как же вы в этом захолустном измерении нашли подходящее место? — спросил он.

— А мы и не стали торчать тут, — важно ответил я. — Мы подались на Лимбо. Кассандра знает там кучу клубов, и мы...

Я внезапно заметил, что Ааз уже не идет рядом со мной. Оглянувшись, я увидел его позади остолбеневшим. Губы его двигались, но никакого звука я не слышал.

— Лимбо? — наконец выдавил он. — Вы шатались по барам на Лимбо? Прости меня, партнер, но мне казалось, что в те края нам путь заказан.

— Я сначала тоже слегка обеспокоился, — признался я, не слишком при этом солгав. Как вы должны помнить, я тогда ОЧЕНЬ обеспокоился. — Но Кассандра сказала, что может в случае чего в момент вернуть нас обратно, так что я подумал, какого черта переживать? Оказалось, там никто, похоже, на меня зла не держит. Похоже, вообще я... то есть мы... там что-то вроде местных знаменитостей. Отчасти именно поэтому вечер прошел таким образом. Половина народу, с которым мы встречались, норовила поставить мне стакан за то, что я одержал верх над местным муниципалитетом.

— Это действительно так? — мрачно спросил Ааз, снова трогаясь с места. — А кстати, кто такая эта Кассандра? Что-то она не похожа на местную.

— А она и не местная, — подтвердил я. — Меня познакомил с ней Вик, они с ним друзья.

— Приятно слышать, что он не познакомил тебя с кем-нибудь из своих врагов, — язвительно заметил мой партнер. — Но, по-моему, все равно...

Тут он внезапно замолчал и снова встал как вкопанный.

— Минуточку. Вик? Это тот вампир Вик, с которым ты корешился на Базаре? Ты хочешь сказать, что эта крошка Кассандра тоже...

— Вампир, — сказал я, небрежно пожимая плечами. По правде говоря, мне уже надоело шокировать Ааза. — Да нет, с ней все в порядке. Конечно, это не та девушка, которую хочется привести домой и познакомить с мамой, но... А что тут плохого?

Я заметил, что он вытягивает шею под разными углами, стараясь осмотреть мою собственную шею со всех сторон.

— Я просто смотрю, нет ли следов, — пояснил он.

— Да что ты, Ааз, никакой опасности не было. Прошлой ночью она пила кровь, но из стакана.

— Я не те следы искал, — ухмыльнулся он. — У женщин-вамп репутация очень страстных.

— Хм-м... кстати, а куда мы направляемся? — спросил я, чтобы сменить тему.

— Да никуда особенно, — ответил мой партнер. — Местные бары и трактиры в основном все одинаковы. Вот этот, по-моему, нам вполне подойдет.

С этими словами он круто свернул к двери заведения, мимо которого мы в этот момент шли, и мне оставалось только последовать за ним.

Трактир выглядел приятно заурядным по сравнению с тем, что я мог вспомнить о виденных мною на Лимбо сюрреалистических клубах. Заурядным, откровенно унылым и совершенно немодным.

Вся обстановка сводилась в основном к потемневшим столам и стульям. Свет из окон и открытой двери слегка усиливался кое-где расставленными свечами.

— Что будешь пить, Скив? — спросил Ааз, направляясь к стойке.

Я уже собрался сказать «вино», но передумал. Права была Банни или нет насчет того, что я спиваюсь, но притормозить

не помешает. Замечание Нунцио об отключке и потере памяти оставило у меня неприятное чувство.

— Мне только какой-нибудь сок, — помахал я рукой.

Ааз остановился и посмотрел на меня, склонив голову набок.

— Ты уверен, партнер?

— Да. А почему ты спрашиваешь?

— Некоторое время назад ты говорил, что собираешься пить то же, что обычно, а теперь менять свои вкусы.

— Ну хорошо, давай, — поморщился я. — Тогда кубок вина. Только большой не надо.

Я откинулся на стуле и стал оглядывать зал, в основном для того, чтобы не смотреть в глаза Аазу и не дать ему увидеть, как я истрэвожен. Смешно, но я обнаружил, что мне почему-то не хочется делиться с ним моим беспокойством по поводу пьянства. Но если я буду менять свои привычки по части выпивки в его присутствии, это не может не вызвать у него вопросов, требующих ответа. Я решил, что пока проще всего будет продолжать все как есть, по крайней мере в присутствии Ааза. Бросать начну я потом, в более подходящей обстановке.

Оглядывая трактир, я заметил одну вещь — здесь, похоже, любит собраться молодежь. То есть, по правде говоря, молодежь была примерно моего возраста, но я столько времени провел со своей командой, что самому себе стал казаться старше.

Один столик, за которым сидели девушки, особенно привлек мое внимание — вероятно, потому, что они говорили обо мне. По крайней мере мне так показалось — они все время поглядывали в мою сторону, хихикали над чем-то, сдвинув головы, и снова поглядывали на меня.

Обычно я стал бы нервничать, увидев такое. Однако после недавнего путешествия на Лимбо уже немного привык к известности.

В очередной раз, когда они на меня поглядели, я в ответ посмотрел прямо на них и изобразил вежливый кивок головой. Это, разумеется, вызвало новое совещание и взрыв хихиканья.

Слава, что поделаешь.

— Чему это ты улыбаешься? — поинтересовался Ааз, ставя напротив меня мой кубок с вином и устраиваясь на скамье с другой стороны стола; свой же необытных размеров кубок он бережно держал в руке.

— Да ничему, — улыбнулся я. — Просто смотрю на девушки вон за тем столиком.

Я показал ему направление кивком головы, и он наклонился вбок, чтобы самому посмотреть на них.

— Не слишком ли они молоды для тебя, а, партнер?

— Они не так уж намного моложе меня, — возразил я, отхлебывая большой глоток вина.

— У тебя что, мало проблем? — произнес Ааз, принимая прежнюю позу. — Последний раз, когда я этим интересовался, ты страдал скорее от избытка женщин, чем от их нехватки.

— Да ладно, перестань, — рассмеялся я. — Я ничего с ними делать не собираюсь. Поболтать, и все. Они на меня смотрели, и я подумал, пусть увидят, что я на них тоже смотрю.

— В таком случае сейчас отвернись, — ухмыльнулся он в ответ, — кое-кто из них, по-моему, не только смотрит...

Нечего и говорить, я тут же посмотрел.

Одна из девушек встала из-за стола и направлялась к нам. Увидев, что мы на нее смотрим, она, должно быть, собрала всю свою смелость и рывком преодолела оставшееся расстояние.

— Привет, — весело сказала она. — Это ведь вы, правда? Колдун из замка?

— Правда, — кивнул я. — А как вы узнали?

— Я вроде слышала, как вот он назвал вас Скивом, когда пошел за вином, — выпалила она.

— Наверное, это потому, что меня так зовут, — улыбнулся я.

Да, высказывание не поражало своей глубиной. Вообще говоря, по сравнению с обычным непрерывным подщучиванием в нашей команде моя шутка была просто плоской. Однако по реакции девицы вы бы этого никогда не сказали.

Она прикрыла рот рукой и разразилась таким громким смехом, что это привлекло внимание всех в трактире... а может, и во всем городе.

— Ой! Этому же просто нет цены! — объявила она.

— А вот тут вы ошибаетесь, — возразил я. — На самом деле у меня довольно высокие расценки.

Это, разумеется, повлекло за собой новый взрыв смеха. Я поймал взгляд Ааза и подмигнул в ответ. Он неодобрительно закатил глаза и переключил свое внимание на выпивку. Мысль выпить показалась мне стоящей, но, когда я попытался тоже сделать глоток, мой кубок оказался пустым. Я уже хотел попросить Ааза принести мне еще вина, но передумал. Первая порция исчезла с пугающей быстротой.

— Так что я могу для вас сделать? — спросил я, одновременно стараясь прогнать мысль о вине и надеясь получить ответ.

— Знаете, весь город о вас говорит, — прощебетала девушка, — а моя подружка... вон та, хорошенъкая... она просто без ума от вас с тех самых пор, как вы возвратились и она увидела вас при дворе. Она будет просто вне себя от счастья, если вы подойдете к нашему столику и она познакомится с вами лично.

— Не знаю, — сказал я. — Вообще-то иногда хватает и безличного знакомства.

— А? — с непонимающим видом переспросила она, и я осознал, что так далеко ее чувство юмора не простирается.

— Ладно, скажите ей, что я сейчас подойду, только закончу разговор.

— Потрясно! Она просто умрет на месте!

Я посмотрел, как она рванула к своим, и повернулся к Аазу.

— Я могу отвалить, — объявил он.

— Ты просто завидуешь, — ухмыльнулся я. — Покарауль мой кубок, ладно?

С этими словами я встал и пошел к столику девушек. По крайней мере я туда направился.

Путь мне преградил какой-то долговязый парень. Я попытался его обойти, но он сделал шаг в сторону, определенно стараясь загородить мне дорогу.

Я остановился и посмотрел на него.

Мне случалось драться прежде. Иногда я даже не был уверен, что выйду из драки живым, — такие крутые попадались противники. Но тут был совершенно другой расклад.

Парень был явно не старше меня, а может, и на несколько лет младше. К тому же он вовсе не отличался уверенной осанкой заправского драчuna или хотя бы солдата. На самом деле он выглядел скорее напуганным.

— Отстань от них, — нетвердым голосом сказал он.

— Простите, что?

— Отстань от них! — повторил он немножко более уверен-
ным тоном.

Я изобразил на лице тень улыбки.

— Молодой человек, — мягко сказал я, — вам известно,
кто я такой?

— Конечно, известно, — кивнул он. — Ты Скив. Тот са-
мый злой колдун из замка. И еще мне известно, что ты мо-
жешь заставить меня пожалеть о том, что я не то что встал у
тебя на пути, а вообще родился на свет. Ты можешь превра-
тить меня в жабу или сделать так, чтобы у меня волосы на
голове загорелись, или даже вызвать какую-нибудь злобную
тварь, чтобы она разорвала меня на части, если тебе самому
не захочется пачкать руки. Ты можешь раздавить меня или
кого-то еще, просто чтобы расчистить себе дорогу... но пра-
воты это тебе не прибавит. Может быть, настало время, чтобы
кто-нибудь выложил тебе все это, даже если сама попытка
будет стоить ему жизни.

Я не мог не заметить, что за другими столиками слова
парня были встречены одобрительными кивками и возгласа-
ми, и поймал на себе не один мрачный взгляд.

— Хорошо, — спокойно сказал я. — Вы мне это выложи-
ли. Теперь скажите, в чем дело.

— Дело в том, что тебе нечего тут ошиваться и клеиться к
нашим женщинам. А если попробуешь, то скоро об этом
пожалеешь.

В подтверждение своих слов он сильно толкнул меня, и я
откачнулся. Мне пришлось даже сделать шаг назад, чтобы
сохранить равновесие.

В трактире внезапно стало очень тихо. Тишина повисла в воздухе; все напряженно ждали, что же будет.

Кровь застучала у меня в висках.

Я услышал, как заскрипела скамья, когда Ааз встал из-за стола, и, не оборачиваясь, махнул ему рукой, чтобы он оставался на месте.

— Я вовсе не собираюсь «克莱иться» к этим женщинам, ни сейчас, ни в будущем, — сказал я, отчетливо выговаривая слова. — Эта юная леди подошла к моему столику и сказала, что ее подруга хотела бы со мной познакомиться. Я собирался согласиться. Точка. Это все. Я хотел только проявить вежливость. Если, на ваш взгляд, в этом намерении есть что-то оскорбительное для вас или для кого-то еще, я готов от него отказаться.

Я взглянул мимо него на девушек, наблюдавших за этой сценой.

— Всего хорошего, леди, — кивнул я. — Может, когда-нибудь в другой раз.

С этими словами я повернулся на каблуках и пошел к выходу, рассерженный и недовольный, но уверенный в том, что правильно вышел из сомнительной ситуации.

Тем не менее, уже проходя в дверь, я не мог не услышать донесшийся из зала голос того парня.

— И не вздумай возвращаться!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Секрет популярности — уверенность.

В. Аллен

— Притормози-ка, партнер. Не забывай, нас с тобой двое. Я слегка замедлил шаг; Ааз догнал меня и зашагал рядом.

— Ты на меня не обижайся, — произнес он, — но, похоже, этот эпизод тебя расстроил.

— А как, по-твоему, должно быть? — огрызнулся я.

— Не стоит по этому поводу так огорчаться, — легко сказал мой партнер. — Местные жители всегда сердиты на чужаков... а особенно когда с чужаками начинают флиртовать их женщины. Эта проблема стара как мир. Спроси любого солдата или обольстителя. Так что не принимай это лично на свой счет.

Он похлопал меня по плечу, но на этот раз я не был уверен в его правоте.

— Но ведь они так реагировали не просто на какого-то чужака, Ааз. Они реагировали на меня. А я, между прочим, тоже здесь живу. И они, между прочим, это знают. Они знают, кто я такой, они знают, что я работаю в замке, но все равно смотрят на меня как на чужака.

— С их точки зрения ты и в самом деле чужак.

Эти слова меня поразили.

— Как это?

— Подумай, Скив, — уже более серьезным тоном сказал Ааз. — Даже если не обращать внимания на твои путешествия по измерениям, ты все равно не такой, как они. Ты сам сказал, что работаешь в замке... и заметь, ты работаешь не горничной и не подручным на кухне. Ты один из главных советников королевы, не говоря уже о том, что в перспективе можешь стать ее супругом... хотя они тут вряд ли об этом знают. То, что ты день за днем делаешь и говоришь, затрагивает всех и каждого в этом королевстве. Одно это помешает тебя на другой социальный... я уж не говорю экономический, уровень по сравнению с обычными гражданами.

Тут было над чем задуматься.

Мой нынешний образ жизни, если можно так сказать, годами складывался вокруг меня. Сталкиваться с королями и прочими сильными мира сего, вращаться в их обществе стало для меня обычным делом, хотя я никогда не переставал испытывать по этому поводу определенный трепет. Я почти привык к мысли, что все это как бы прилагается к профессии мага. А кстати, много ли магов мне приходилось встречать, пока я рос?

Ааз был прав. Работа в составе нашей команды отгородила меня от остального мира таким плотным коконом, что все

мне казалось уже само собой разумеющимся. Необыкновенное стало настолько привычным, что я уже не сознавал и даже не задумывался, как это все выглядит в глазах простых граждан.

Я резко помотал головой.

— Нет. Здесь не только это, но и что-то еще. Этим людям не нравлюсь лично я.

— Угу, — кивнул мой партнер. — Ну и что тебе с того?

— Как это что мне с того? — вскинулся я, возможно, с излишней резкостью. — Ты что, не понял? Я сказал...

— ...что ты этим людям не нравишься, — закончил Ааз. — И что?

— Как это «и что»? — возмутился я. — А сам-то ты будто не хочешь нравиться людям?

Мой старый наставник слегка нахмурился, а затем пожал плечами.

— Наверное, это было бы приятно, — сказал он. — Но я об этом как-то не особенно задумываюсь.

— Но...

— И тебе нечего задумываться.

Больше всего поразило меня, с каким спокойствием и твердостью это было сказано. Слова Ааза прозвучали чуть ли не предостережением.

Не пытаясь протестовать, я какое-то время мучительно старался понять, что же это он имел в виду, но в конце концов сдался и помотал головой.

— Я никак не пойму, Ааз. Ведь все хотят нравиться людям, правда?

— До какой-то степени да, — ответил мой партнер. — Но большинство в определенный момент понимает, что это в лучшем случае утопия... как, например, расчет на то, чтобы дождик шел только тогда, когда нам хочется. Реальность такова, что этот чертов дождик идет, когда хочется ему самому, и точно так же всегда будут люди, которым ты будешь не нравиться, что бы ты ни делал. Положительная же сторона всего этого в том, что есть люди, которым ты всегда будешь мил, что бы ты ни делал.

— Не могу с этим согласиться, — покачал головой я. — Это какой-то сплошной фатализм. Если все так, как ты говоришь, то нет смысла вообще стараться что-нибудь поправить.

— Смысл, разумеется, есть, — оборвал меня Ааз. — Давай не будем впадать в крайности, ладно? Реальность всегда находится где-то посередине. Совсем не стараться, чтобы люди тебя любили, так же глупо, как и стараться слишком сильно.

— Так я, значит, чересчур старался?

Мой партнер покачал перед собой рукой, как бы говоря «и да, и нет».

— Иногда ты подходишь опасно близко к этому состоянию, — произнес он. — Мне кажется, что твое желание нравиться иногда выходит за рамки. Когда такое случается, твое восприятие себя самого и окружающего мира начинает деформироваться.

— Ты можешь мне привести какой-нибудь пример?

— Разумеется, — с готовностью ответил он. — Начнем с чего-нибудь простого... ну, хотя бы с налогов. Ты сейчас в рамках своей работы выполняешь обязанности консультанта по налогам, взимаемым с граждан. Так?

Я кивнул.

— Только вот граждане совершенно *не любят* платить налоги. Они предпочли бы получать защиту и прочие услуги, оказываемые государством, не платя за это ни гроша. Разумеется, они тоже сознают, что получать что-нибудь ни за что нереально, и им приходится мириться с налогами как с неизбежным злом. Они и мирятся, но это им все равно не нравится. А поскольку им это *не нравится*, мы получаем нарастающее недовольство и ворчание. Какая бы ни была ставка налога, она им всегда слишком высока, и каков бы ни был уровень предоставляемых государством услуг, он им всегда недостаточен. И это недовольство будет обращено на любого, кто связан с установлением налогов, включая тебя и всех остальных, кто работает в замке.

Он покачал головой.

— В общем, если ты занимаешь пост, подразумевающий определенную власть и участие в принятии решений, то мо-

жешь забыть, что такое нравиться людям, которых затрагивают твои решения. Лучшее, на что ты можешь надеяться, — это *уважение*.

— Постой, — удивился я, — ты что, хочешь сказать, что люди могут тебя уважать, при этом не любя?

— Разумеется, — с готовностью подтвердил Ааз. — И на этот счет я тебе могу привести уйму примеров. Раз уж мы заговорили о налогах и финансах, то давай возьмем Гrimбла. Ты ведь уважаешь его квалификацию и преданность делу, хотя как личность он тебе не особенно нравится. Так?

Мне пришлось признать, что тут он прав.

— А теперь еще вспомни, — продолжал он, — как мы с тобой начинали вместе работать. Я тебя учил магии очень сурово и заставлял практиковаться, даже когда тебе этого совершенно не хотелось. За все мои постоянные придиры ты меня не любил, но уважал точно.

— Хм-м... Вообще-то я тогда не знал тебя так хорошо, как теперь, — выдавил я. — А тогда, наверное, мне приходилось просто верить, что ты знаешь, что делаешь, и что все, что ты меня заставляешь делать и терпеть, необходимо для учебного процесса... нравится мне это или нет.

— Именно так, — кивнул Ааз. — И не чувствуй себя виноватым. Это нормальная реакция на лицо, обнесенное властью, будь то родитель, учитель, начальник или представитель правительства. Нам не всегда нравится то, что они заставляют нас делать, но даже испытывая предельное отвращение к такому принуждению, мы можем все же ценить и уважать их добросовестность и компетентность. — Он пожал плечами и продолжил: — По-моему, к этому все и сводится. Ты, Скив, вполне заслуживаешь того, чтобы нравиться, но мне иногда кажется, что тебе следует поменьше беспокоиться об этом, а побольше — о том, чтобы тебя уважали. Помимо всего прочего, это более реальная задача.

Несколько минут я думал над тем, что он сказал.

— Ты прав, Ааз, — в конце концов произнес я. — Чтобы тебя уважали, это действительно важнее, чем чтобы тебя любили.

С этими словами я круто свернул в сторону от направления, в котором мы шли.

— Куда это ты, партнер?

— Хочу повидать Банни, — отозвался я. — Мы с ней начали утром один разговор, и мне кажется, нам надо бы его закончить.

Пока я дошел до комнаты Банни, у меня была масса времени на обдумывание того, что я хочу ей сказать. Но все без толку. Подойдя к двери, я чувствовал себя столь же неспособным выразить свои мысли, как и в начале пути.

Я помедлил немного и легонько постучал в дверь, не дождаясь, пока у меня сдадут нервы. Честно говоря, я наполовину надеялся, что она куда-нибудь вышла или легла спать — это позволило бы мне слезть с крючка, на который я сам себя посадил.

— Кто там?

Вот тебе и вся твоя половинная надежда. В следующий раз надо попробовать надеяться целиком.

— Это я, Банни. Скив.

— Что тебе?

— Я хотел поговорить с тобой, если ты не против.

Последовавшее за этим молчание длилось как раз столько, чтобы я, во-первых, вновь обрел надежду, а во-вторых, начал серьезно беспокоиться.

— Минутку, я сейчас.

Пока я ждал, из-за двери время от времени раздавался металлический лязг, как будто кто-то перетаскивал с места на место железные плиты... и судя по звуку, плиты были тяжелые. Это меня озадачило — с чего бы Банни стала держать в комнате тяжелые металлические плиты?

Тут мне пришло в голову, что в комнате вместе с ней может находиться кто-то еще.

— Я могу зайти попозже, если тебе сейчас неудобно, — предложил я, подавляя попытки своего мозга представить себе, кто бы это мог находиться в комнате у моей ассистентки в такое время... и зачем.

В ответ на мои слова дверь распахнулась, и в дверном проеме возникла Банни.

— Заходи, Скив, — произнесла она, тяжело дыша. — Какой сюрприз.

Вот уж точно, сюрприз.

Увидев ее силуэт против света, я сначала подумал, что она совершенно голая. Но она повернулась, и я разглядел, что на ней яркое трико, обтягивающее ее стройное тело.

— Хм-м... — протянул я, не в силах отвести глаз от фигуры моей ассистентки.

— Прости, я тут в таком виде, — произнесла она, хватая полотенце и начиная вытираять пот с лица и шеи. — Я решила покачаться, так лучше думается.

Как вы уже знаете, мне в последнее время приходилось думать, и весьма интенсивно. Но я никогда не надевал для этого занятия специального костюма. И кроме того, я никогда не потел от раздумий так, как Банни. Не знаю уж, о чем она думает и зачем при этом раскачиваться.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросил я, совершенно непрятворно ей сочувствуя.

— Нет, спасибо, — улыбнулась она. — Я уже была на последнем издыхании, когда ты постучал. — Вообще-то, может быть, имеет смысл тебе заходить время от времени и останавливать часы.

Тут уж я совсем запутался. Какие часы? И каким образом остановка часов поможет ей думать?

— Так в чем дело? — спросила она, присаживаясь на край кровати.

Каков бы ни был предмет ее раздумий, она, по-видимому, не очень из-за него переживала. Я решил отложить дальнейшие попытки во всем этом разобраться, по крайней мере до тех пор, пока не выполню то, зачем пришел.

— Прежде всего, Банни, — начал я, — я хотел бы извиниться перед тобой.

— За что? — Она казалась искренне озадаченной.

— За то, как я себя вел сегодня утром... или не утром... ну, в общем, когда проснулся.

— А, ты насчет этого, — глядя куда-то в сторону, отозвалась она. — Можешь не извиняться. С похмелья все немного не в себе.

Это, конечно, было очень мило с ее стороны, но я не собирался оставлять это дело на потом.

— Нет, Банни, тут дело не только в похмелье. Ты пыталась высказать серьезную озабоченность моим здоровьем и благополучием, а я повел себя грубо, потому что не был готов выслушать то, что ты говорила. Наверное, я и не хотел это выслушивать. Со всеми прочими делами, в которых мне надо как-то разобраться, я просто не хотел усложнять свое положение еще одной проблемой.

Я на мгновение замолчал и покачал головой.

— Я хочу только, чтобы ты знала: я думал над тем, что ты мне сказала. И пришел к выводу, что ты, возможно, права насчет пьянства. Я не уверен, что уже нахожусь на этой стадии, но у меня есть достаточно серьезные сомнения, и я намерен попробовать на время завязать.

Я присел на кровать рядом с ней и одной рукой обнял ее за плечи.

— Права ты или нет, не знаю, но все равно спасибо, что ты так обо мне беспокоишься. Именно это я должен был сказать сегодня утром, вместо того чтобы огрызаться.

Внезапно она крепко меня обняла, прижавшись лицом к моей груди.

— Ой, Скив, — услышал я ее придушенный голос. — Я просто очень за тебя беспокоилась. Я знаю, тебе как раз сейчас надо принять очень непростые решения, и я стараюсь не добавлять тебе проблем. Я хотела бы иметь возможность помочь тебе еще чем-то, но получается, что я пытаюсь помочь, а делаю тебе только хуже.

До меня постепенно дошло, что она при этом тихо всхлипывает, я только не понял, из-за чего. А еще я очень ясно осознал, что одежды, отделяющей меня от ее прижатого ко мне тела, совсем-совсем немного... а сидим мы на кровати... и...

Эту часть своих мыслей я резко отсек, испытывая смутный стыд. Банни была, совершенно очевидно, расстроена, и переживала она из-за меня. С моей стороны было бы просто низко воспользоваться моментом и помышлять о...

Мысли пришло опять отсечь.

— Ладно, Банни, — мягко сказал я, гладя ее ладонью по волосам. — Ты мне на самом деле очень помогаешь. Мы с тобой оба понимаем, что без твоих познаний я бы просто пронял со всем этим оздоровлением королевских финансов. А ты взвалила такой тяжкий груз на себя.

Я взял ее за плечи и слегка отодвинулся, чтобы можно было заглянуть ей в глаза.

— А насчет чего-то сверх того, — продолжил я, — ты и так уже достаточно серьезно ко всему подходишь, и, наверное, права. Как сегодня утром, когда ты мне говорила насчет пьянства. Но есть некоторые вещи, в которых я должен разобраться сам. Иначе ничего не получится. Никто другой не может и не должен принимать мои решения вместо меня, поскольку это мне предстоит жить и пожинать плоды этих решений. Все, что ты можешь сделать... и что вообще кто бы то ни был может сделать, чтобы мне сейчас помочь, — это набраться терпения и не обижаться на меня. Ладно?

Она кивнула и вытерла глаза.

— Прости, что я тут расхлюпалась, — сухо сказала она. — Черт возьми, первый раз ты появляешься у меня в комнате, а я в таком жутком виде.

— А вот *это* уж точно глупости, — улыбнулся я, с притворно суровым видом дотрагиваясь кончиком пальца до ее носа. — Ты выглядишь потрясающе... как всегда. И если ты этого раньше не знала, то теперь знай.

После этого совершенно естественным было ее поцеловать... короткий дружеский поцелуй. По крайней мере начиндался он как короткий и дружеский. А потом стал делаться дольше, и дольше, и дольше, а тело ее будто плавилось, прижимаясь ко мне.

— Ну ладно, пора откланиваться, — произнес я, отрываясь от нее. — Завтра тяжелый день.

Это была откровенная ложь, поскольку завтрашний день обещал быть не более и не менее напряженным, чем любой другой. Однако я понял, что если сейчас все это не оборву и позволю нашему физическому сближению нарастать и дальше, то мне будет трудно убедить себя, что к Банни я зашел извиниться и поблагодарить за заботу.

Какое-то безумное мгновение мне казалось, что она станет возражать против моего ухода. Если бы она это сделала, я не уверен, что у меня хватило бы решимости уйти.

Она уже собралась было что-то сказать, но, наверное, передумала и только глубоко вздохнула.

— Спокойной ночи, Скив, — в конце концов произнесла она. — Заходи как-нибудь... поскорее.

Пока я шел до своей комнаты, у меня в голове крутилось множество отвлекающих мыслей. Отвлекающих — это еще мягко сказано.

При первой нашей встрече Банни очень активно пыталась меня охмурить, а я ее отшил. И вот теперь, когда удалось добиться таких успехов, сохраняя наши отношения в чисто профессиональных рамках, не глупостью ли было бы это положение менять? Да и позволит ли она сама это сделать? Судя по всему, интереса ко мне она не потеряла, впрочем, не исключено, что тут, возможно, я себя обманываю.

А потом, имею ли я вообще право надеяться на какие-то новые отношения, когда еще не решил, что делать с предложением королевы Цикуты. Ночь с Кассандрай была интересным и весьма познавательным приключением, но насчет Банни даже я не стал бы обманываться, полагая, что с ней возможно мимолетное увлечение.

Чего же я на самом деле хочу? И от кого?

Все еще погруженный в эти мысли, я открыл дверь в свою комнату... и обнаружил, что меня поджидает демон.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Пройдемся по областям диким и неизведанным.

Г. Гебель-Уильямс

Так вот, те из вас, кто следил за моими приключениями, уже знают, что появление демона у меня в комнате не представляет собой ничего нового. Последнее время это ста-

ло обычным делом, хотя порой я еще чувствую, как трудно к этому привыкнуть.

Разумеется, кто-то из демонов доставляет мне большую радость своим посещением, а кто-то — меньшую.

На этот раз демон оказался очаровательной малышкой. У нее были коротко остриженные каштановые волосы, круглое лицо с большими широко расставленными миндалевидными глазами, задорный носик и маленький рот сердечком. Кроме того, на всех нужных местах у нее присутствовали приятные округлости, а гаремный наряд, который она носила, демонстрировал все эти округлости с потрясающей ясностью. Единственное неудобство заключалось в том, что она была совсем крошка. Не маленькая, а именно крошечная.

Фигурка передо мной, в высшей степени обольстительная, была ростом дюйма четыре, не больше, и парила в воздухе.

— Привет, — мелодичным голоском чирикнула крошечная леди. — Ты, должно быть, Скив. А я Дафни.

Было время, когда я в подобных обстоятельствах почувствовал бы себя неуютно. Однако за время последних странствий мне уже приходилось видеть подобное.

— Так, не говори ничего, я сам угадаю, — начал я в самой светской и небрежной манере. — Ты джинн, правильно? С Джиннджера?

— Ну, вообще-то не джинн, а джинна. Но если хочешь со мной дружить, то, будь любезен, никаких намеков на «русоволосую Джинни». Понятно?

Я какое-то время глядел на нее, ожидая продолжения фразы, которая по всем признакам была какой-то шуткой. Но Дафни, вместо того чтобы продолжать, сама выжидающе смотрела на меня.

— Ладно, — наконец согласился я. — Мне это несложно.

Она еще раз пристально посмотрела на меня и покачала головой.

— Ты, наверное, один такой на все известные мне измерения, что не знаешь эту песню, — сказала она. — А ты *точно* Скив? Великий Скив?

— Ну, в общем, да. А мы что, уже знакомы? — Я сам понял, какой это глупый вопрос, и торопливо поправился, не

дожидаясь ее ответа: — Хотя нет. Я уверен, если бы мы раньше встречались, я бы тебя запомнил.

Похоже, мое неуклюжее заявление почему-то ей понравилось.

— Очень мило, — сказала она, подплывая поближе и глядя меня по щеке мягкой ручкой, легкой, как прикосновение бабочки. — Нет. Я не имела этого удовольствия. Но у нас с тобой есть общие знакомые. Ты помнишь джинна по имени Кальвин?

— Кальвина? Конечно, помню. Он очень меня выручил тогда на Извре.

— На Извре, говоришь? — произнесла она, на мгновение погрузившись в какие-то свои мысли, а затем лицо ее просветлело. — Он говорил о тебе и просил, если буду поблизости, зайти и передать от него привет.

— Правда? Это очень мило с его... в смысле с твоей стороны.

Я был приятно удивлен, что Кальвин обо мне помнит. Ко мне нечасто просто так заходят в гости существа из иных миров — приходят в основном те, кому нужна моя помощь в каком-нибудь деле. И еще мне пришло в голову, что сам я ни разу не подумал заскочить просто так на минутку к кому-нибудь из тех, с кем я познакомился в своих приключениях. Я взял это на заметку и пообещал себе исправиться.

— А как поживает Кальвин? Он уже втянулся в жизнь на Джиннджере после такого долгого отсутствия?

— Он ничего, — отвела джинна, пожимая плечами, что при ее гаремном наряде и роскошной фигуре создавало удивительный эффект. — Ты же знаешь, как это бывает. После долгого загула всегда нужно какое-то время, чтобы опять войти в колею.

— Слушай... если мы будем дальше разговаривать, можно тебя попросить увеличиться до моих размеров? Так удобнее беседовать.

Если уж честно, то, посмотрев, как она пожимает плечами, я просто захотел увидеть ее тело в большем масштабе. Помимо всего прочего, это избавило бы меня от неприятного

чувства, что я испытываю физическое влечение к говорящей кукле.

— Никаких проблем, — отозвалась она и взмахнула руками.

Воздух вокруг нее пошел рябью и замерцал, и вот она уже стояла передо мной, так сказать, в мой рост. На самом деле, конечно, не в мой рост, а почти на целую голову ниже, что давало мне волнующую возможность глядеть на нее сверху вниз.

— Слушай, это что, монастырь?

— Что, это? Нет, это королевский дворец Поссилтума, — ответил я. — А что, я похож на монаха?

Предполагалось, разумеется, что вопрос этот с подтекстом. Я очень гордился тем, как был одет, а монах, наряженный таким образом, явно нарушил бы обет бедности.

— Да нет в общем-то, — признала она. — Но ты с таким интересом заглядываешь мне за корсаж, что для Великого Скива, который так много путешествовал, это просто странно. В этом измерении что, нет женщин?

Согласен, я, конечно, заглядывал, но не ожидал, что она это заметит... и тем более станет комментировать. Но уж чему Ааз научил меня за все эти годы, так это камуфлировать свои промахи словами.

— Да нет, у нас тут есть женщины, — с улыбкой сказал я. — Но, честно говоря, мне кажется, что к тебе за корсаж будут заглядывать в каком угодно измерении.

Она улыбнулась, демонстрируя ямочки на щеках и явно гордясь собой.

— Но при всем том, что зрелище это действительно захватывающее, — светским тоном продолжил я, — сейчас у меня интерес в основном профессиональный. Ты единственный, кого я знаю, кроме Кальвина, уроженец Джиннджера, и мне интересно, что это у вас за трюк с изменением размеров — просто чары личины или вы в самом деле меняетесь?

Если уместно говорить об этом самому, то ведь и правда получилось довольно неплохо для срочного выхода из затруднительной ситуации? В любом случае Дафни, похоже, все это проглотила.

— А, ты об этом, — произнесла она, снова поводя плечами. На этот раз мне удалось удержаться, и я продолжал смотреть ей в глаза. Не стоит испытывать судьбу. — Это все по-настоящему, мы действительно изменяем форму. Это одно из самых важных умений для джинна, а тем более для джинны. Если твое измерение специализируется на исполнении желаний, то надо быть готовым удовлетворить любые, даже самые фантастические требования.

Перед моим мысленным взором мгновенно пронеслись кое-какие совершенно непечатные фантазии с участием Дафни, но она еще не закончила говорить.

— Это касается не только размера... в смысле роста. Мы можем принимать любые пропорции в соответствии с нашими местными стандартами для настенных календарей. Вот смотри.

С этими словами она начала демонстрировать мне одну из самых впечатляющих коллекций женских форм, когда либо мною виденных... и все это была она! За недолгое время она побывала тонкой и гибкой как тростинка, потом полногрудой, потом длинноногой, в то же самое время меняя цвет волос и их длину и переходя от нежной матовой бледности к смуглому цвету лица, гораздо более темному, чем ее прежний бронзовый загар. Я решил, что, где бы ни находилось то измерение, в котором водятся эти самые каландари, мне обязательно надо там побывать... и поскорее.

Побочная реакция оказалась гораздо менее предсказуемой. Может, это получилось из-за того, что в последнее время я так много думал о женщинах и о женитьбе, но при виде этой демонстрации навыков по изменению формы мне вдруг пришло в голову, что из Дафни получилась бы интересная жена. Подумать только: женщина, которая может принимать любые размеры, форму и свойства по желанию! Это заметно снижает риск заскучать, видя перед собой всю оставшуюся жизнь одну-единственную женщину.

— Очень впечатляет, — произнес я, усилием воли подавляя свои предыдущие мысли. — Слушай, а ты никогда не думала стать фотомоделью?

Глаза Дафни на мгновение сузились, но потом лицо ее разгладилось.

— Надо понимать, ты хотел сказать комплимент? — поинтересовалась она.

Этим она меня по-настоящему смущила.

— Конечно, — сказал я. — А что? Получилось что-то другое?

— То есть я настолько привлекательна, что могу этим зарабатывать себе на жизнь. Ты это имел в виду?

— Ну, в общем... да. Только когда ты вот так это говоришь, получается *действительно* что-то сомнительное.

— Ты и наполовину себе не представляешь, до какой степени, — заявила джинна, закатив глаза. — Видишь ли, Скив, я уже пробовала играть в эту игру... и ты прав, я действительно это могу, и деньги там неплохие. Вся беда в том, с чем это сопряжено.

— Не понимаю, — признался я.

— Конечно, со стороны работа модели может показаться пределом мечтаний, но на самом деле это не так. На этой работе, между прочим, приходится долгие часы оставаться в очень неудобном положении. Например, большинство людей любит ходить на пляж, но попробуй-ка просидеть шесть часов в полосе прибоя, где о тебя разбиваются волны, пока этот чертов пушкарь прицелится и поймает свет... а потом часто оказывается, что снимок в дело не пошел.

Я сочувственно кивнул, гадая про себя, кто же такой этот «чертов пушкарь» и почему она должна сидеть на месте, пока он в нее целится.

— Потом, все почему-то думают, что быть фотомоделью — это высокий статус, — продолжила Дафни. — Статус тут примерно такой же, как у куска грудинки на мясном прилавке. Ты можешь быть в центре всеобщего внимания, но для людей, которые с тобой работают, ты просто столько-то фунтов мяса, которое надо выигрышно расположить на витрине и поудачнее толкнуть. Я вообще-то не меньше любой другой женщины люблю, когда мое тело кто-то трогает, но мне хотелось бы думать, что при этом этот кто-то думает обо *мне*. А то

получается, что ты манекен или марионетка, которую передвигают, чтобы добиться нужного эффекта.

— Угу, — кивнул я, подумав про себя, что если мне когда-нибудь выпадет шанс дотронуться до ее тела, то я уж точно во время этого процесса буду сосредоточен на ней.

— И разумеется, еще приходится поддерживать себя в форме. Большинство женщин считают, что они выглядели бы лучше, если бы сбросили пару фунтов или немного повысили мышечный тонус... и многие время от времени работают над этим. Так вот, я тебе могу сказать, что, когда твой кусок хлеба зависит от того, как ты выглядишь, поддержание себя в форме становится уже не хобби, не времяпрепровождением на досуге, а полноценной работой, требующей полного рабочего дня. Вся твоя жизнь крутится вокруг диеты и упражнений, не говоря уже об уходе за лицом и волосами. Разумеется, тут у меня есть преимущество, поскольку я могу изменять форму, но уж поверь мне: чем меньше ты прибегаешь к помощи магии, тем меньше перегружаешь систему и тем дольше протянет твоя машина. И кстати, не следует забывать: что бы ты ни делала для поддержания приличного внешнего вида, все равно это борьба со временем, и она изначально обречена на поражение. Конечно, у джинны срок жизни побольше, чем у женщин других измерений, но возраст все равно когда-нибудь берет свое. Стратегические участки, которые прежде притягивали взор, начинают терять упругость и обвисать, кожа на шее и на руках делается все больше похожа на гофрированную бумагу, и тут уж не успеешь и глазом моргнуть, как окажешься за дверью, а на твое место возьмут кого-нибудь из бесконечной череды молодых и подающих надежды. Ужасно, правда?

Ее слова заставили меня призадуматься. Одна из особенностей ремесла мага состоит в том, что возраст для нас не имеет первостепенного значения. Черт возьми, когда я начинал, мне вообще приходилось напяливать личину, чтобы выглядеть старше, поскольку никто не поверит, что такой молодой маг на что-то годится. Мысль о том, что можно потерять работу просто из-за того, что ты стал старше, была действи-

тельно ужасна. Я только порадовался, что в большинстве профессий нет таких возрастных ограничений, как у фотомоделей.

— Ну и наконец, для полного счастья, — продолжила джинна, — есть еще такая мелкая подробность: как люди к тебе относятся. Большинство мужчин робеют от твоей внешности и ни за что не станут к тебе подходить. Они будут стоять и пялиться, может, немного пофантазируют про себя, но никогда не сделают попытки назначить свидание. Если только они сами не кинозвезды или от природы не наделены совершенно неуязвимым самолюбием, они всегда будут бояться сравнения типа «Красавица и Чудовище». А если все-таки кто-то делает шаг навстречу, то у него в голове обычно уже сложился определенный сценарий... и этот сценарий совершенно не предусматривает, чтобы ты что-то говорила или думала. Им нужна красивая штучка, а если внутри этой блестящей упаковки обнаруживается личность, то они бывают не только удивлены, но даже слегка расстроены.

Она вздохнула и покачала головой.

— Ты уж прости, что я забиваю тебе голову всей этой ерундой, но у меня это любимая мозоль. Даже если забыть обо всем этом, все равно как-то грустно, когда женщины считают, что их внешность — это все, что они могут предложить миру. Лично я уверена, что способна предложить кое-что еще.

Она сделала глубокий вдох, с шумом выдохнула воздух, а потом улыбнулась и, склонив голову набок, посмотрела на меня.

— Хм-м... А если я не буду ничего говорить о карьере фотомодели, а просто скажу, что, по-моему, ты выглядишь фантастически? — осторожно спросил я.

— Тогда я скажу: «Спасибо, сэр, вы очень любезны. Вы и сами смотритесь довольно неплохо».

Она улыбнулась и изобразила легкий реверанс. Я успешно подавил порыв ответить ей поклоном.

Мысли мои при этом вертелись вокруг вопроса, о чём же мы будем говорить дальше, если тема красоты уже исчерпана.

— Слушай, а ты давно знаешь Кальвина? — начала Дафни, решив этот вопрос за меня. — Он о тебе говорил так, будто вы с ним старые приятели.

Тут мы наконец вернулись на твердую почву.

— Вообще-то я купил его на Базаре Девы. Выражаясь точнее, я купил его бутылку. Я имел право потребовать от него только одно желание... впрочем, что я тебе это объясняю? Ты, наверное, знаешь все эти дела гораздо лучше меня. Короче, я о нем ничего так и не знал, пока через пару лет не открыл бутылку.

— Не понимаю, — сказала Дафни, очаровательно хмуря бровки. — Зачем ты покупал его бутылку, если не собирался ее использовать несколько лет?

— Как я купил бутылку, это длинная история, — ответил я, заводя глаза вверх. — А почему я ее так долго не использовал... Понимаешь, я принадлежу к довольно впечатляющей команде магов-практиков... то есть на самом деле я возглавляю эту команду. Мы вполне успешно справляемся с большинством проблем, не прибегая к посторонней помощи.

Ну вот. Немного саморекламы. Получится ли у нас с ней что-нибудь, уверенности у меня не было, но я подумал, что не повредит произвести некоторое впечатление на такую хорошенькую женщину.

— Так, значит, все это время он оставался с тобой? С того момента, как ты купил его бутылку, и до тех пор, пока он не расквитался со своими обязательствами на Извре? А кстати, когда точно это произошло?

Не похоже было, чтобы я произвел на нее заметное впечатление. Она явно больше интересовалась не мной, а Кальвином, что меня несколько огорчило.

— Это было совсем недавно, — сказал я. — Где-то пару недель назад. Конечно, в разных измерениях время течет с разной скоростью... ты должна знать.

— Верно... — задумчиво протянула она. — Скажи-ка, а он не говорил, что отправляется прямо на Джиннджер? Или, например, что собирается по пути еще куда-то заглянуть?

— Погоди-ка, дай я подумаю. Насколько я помню, он ничего такого не говорил. Постой, а он что, не вернулся на

Джиннджер? Мне показалось, ты говорила, что это он тебя попросил заглянуть ко мне.

Я был одновременно смущен и обеспокоен. Если Дафни разыскивает Кальвина, то откуда она узнала обо мне? Я не знаком больше ни с кем из джиннов... и ни с кем, кто регулярно бывал бы на Джиннджере.

— Да нет, вернуться-то он вернулся, — пожала она плечами. — Мне только хотелось выяснить...

Раздалось негромкое *бам*, и в комнате материализовался второй джинн. В нем я сразу узнал Кальвина, о котором мы только что говорили с Дафни. Но с первого же взгляда мне стало ясно, что тут что-то не так.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Блаженны миротворцы, ибо им всегда достается от обеих сторон.

Неофициальный девиз ООН

За время путешествия на Изэр я успел хорошо узнать Кальвина; на протяжении всей этой истории он отличался редким спокойствием и твердостью в кризисных обстоятельствах. Однако теперь он выглядел так, будто вот-вот выйдет из себя. Все классические симптомы были налицо: плотно скатые челюсти, сдвинутые брови, напряженное выражение лица — в общем, все.

К счастью, похоже было, что его гнев обращен не на меня, а на мою гостью.

— Я должен был раньше догадаться! — заорал он, не удастив меня даже приветственным кивком. — Надо было сразу двигать сюда, как только я заметил, что ты смылась!

При всей ограниченности моих знаний о джиннах тут мне пришло в голову, что, когда джинн на тебя за что-то сердит, это может оказаться чрезвычайно вредно для здоровья. Зная, что магию, как и нож, можно использовать и в благих, и в злурных целях, я бы в таком случае первым делом попытался

джинна как-то успокоить... или быстро скрыться с места событий.

Однако джинна, к моему удивлению, развернулась и выплеснула на вновь прибывшего не меньшую порцию гнева.

— Вижу-вижу, — парировала она. — Ты, значит, можешь пропадать на много лет, и ни слуху ни духу, а я только вышла за порог, и ты уже меня ищешь!

Все виды на Дафни разом вылетели у меня из головы. За несколько секунд она из флиртующей кокетки преобразилась в визгливую мегеру. Кроме того, судя по всему, их с Кальвином связывало нечто большее, чем просто «знакомство», как она выражалась.

— У меня были дела, — отвечал джинн, по-прежнему стоя нос к носу с моей гостью. — Работа, знаешь ли. Работа, благодаря которой все наше измерение имеет кусок хлеба. А кроме того, если ты просто выходишь проветриться и размаяться, я ничего не имею против. Но я не желаю, чтобы ты всюду рыскала и тайком что-то обо мне выведывала!

— А что это ты так забеспокоился? Наверное, что-то от меня скрываешь, вот в чем дело.

— Я беспокоюсь о том, что ты мне не поверишь, — выкрикнул в ответ Кальвин. — Какого черта вообще у меня что-то спрашивать, если ты не собираешься мне верить?

— Я прежде верила всему, что ты мне говорил. ТЫ сам заставил меня понять, как это глупо. Тебе что, напомнить?

Разговор неудержимо шел вразнос. Я собрал всю свою смелость и шагнул вперед с намерением вмешаться.

— Простите, но я думал, что вы друзья.

Кальвин прервал свою речь и бросил на меня испепеляющий взгляд.

— Друзья? Это что, она тебе так сказала?

Он вновь обернулся к джинне.

— Знаешь, детка, не тебе обвинять меня во лжи. Ты сама довольно свободно и лихо обращаешься с правдой.

— Не валяй дурака, — возмутилась джинна. — Если бы я ему представилась твоей женой, он бы стал покрывать все твои фортели. Думаешь, не знаю, как мужики выгораживают друг друга?

— Минуточку, — прервал я ее. — Ты сказала «жена»? Значит, вы муж и жена?

Последние остатки моего влечения к Дафни исчезли бесследно.

— Разумеется, — скривившись, ответил Кальвин. — Разве ты сам не видишь, какую любовь и нежную привязанность мы проявляем по отношению друг к другу? Конечно же, мы муж и жена. Неужели ты думаешь, что кто-нибудь из нас стерпел бы такое обращение от посторонних?

Он потряс головой и на какое-то мгновение, как мне показалось, вернулся к нормальному состоянию.

— Кстати, Скив, рад снова тебя видеть, — произнес он, натянуто улыбнувшись. — Прости, что совершенно забыл о правилах хорошего тона, но я тут... В общем, с опозданием, но я хотел бы познакомить тебя с моей женой Дафни.

— Ну, наконец-то он собрался познакомить меня хоть с кем-то из своих деловых партнеров.

И все пошло по-новой.

В дверь постучали.

Я откликнулся, подумав при этом, как хорошо, что хоть кто-то еще входит ко мне в комнату нормальным способом... я имею в виду через дверь, а не просто возникая из воздуха без всякого предупреждения.

— Все в порядке, босс? Мне показалось, я слышал какие-то голоса.

— Да, конечно, — ответил я, — это просто... Гвидо?

Моему сознанию пришлось разом охватить несколько важных соображений, а это было нелегко. Первым соображением была констатация факта, что Гвидо вернулся со своего задания, куда был отправлен в качестве чрезвычайного налогового уполномоченного. Вторым — что рука у него на перевязи.

Второе удивило меня, вероятно, больше, чем первое. За долгое время нашего знакомства я привык, что мои телохранители практически неуязвимы. При мысли о том, что они могут, как и все прочие, получать телесные повреждения, я почувствовал себя как-то неуютно.

— Что ты тут делаешь? Ты уже вернулся? — спросил я. — И что у тебя с рукой?

Вместо ответа он подозрительно уставился на джиннов, продолжавших препираться за моей спиной.

— Что здесь происходит, босс?! — воскликнул он. — И кто такие эти двое?

Меня несколько удивило то обстоятельство, что Гвидо мог слышать и видеть моих гостей, но потом я вспомнил, что только на время действия контракта джинны остаются невидимы и неслышимы для всех, кроме владельца бутылки.

— Это просто мои друзья, — сказал я. — В некотором роде друзья... Я сначала думал, что они заскочили меня проведать, но, как видишь, все обернулось иначе. Бородатый — это Кальвин, а дама, с которой он спорит, — его жена Дафни.

Мне все сказанное казалось вполне невинным, но Гвидо отшатнулся, как будто я его ударил.

— Вы сказали «сто жена»?

— Да. А что?

Мой телохранитель шагнул вперед и встал между мной и препирающейся парочкой.

— Уходите отсюда, босс, — тихо сказал он.

— Что?

Мне сперва показалось, что я его неправильно понял.

— Босс, — прошипел он, стараясь держаться спокойно. — Я ваш телохранитель, верно? Так вот в качестве вашего телохранителя и лица, в настоящий момент отвечающего за сохранение вашего здоровья, я требую, чтобы вы немедленно ушли отсюда!

— Но...

Похоже, Гвидо не собирался продолжать обсуждение этого вопроса. Он просто сгреб меня в охапку здоровой рукой и выволок за дверь. Оказавшись в коридоре, он без особых церемоний прислонил меня к стене у дверного проема.

— А теперь стойте здесь! — произнес он, тыча мне в лицо здоровенным пальцем. — Понятно? Стойте здесь!

Этот тон был мне знаком. Я сам говорил таким, когда пытался винить Глипу какую-нибудь простую команду... после того как он уже три или четыре раза полностью проиг-

парировал мои слова. Я решил попробовать доказать, что я умнее своего дракона, и послушался.

— Хорошо, Гвидо, — утвердительно кивнул я. — Здесь так здесь.

Он мгновение поколебался, глядя на меня так, будто я прямо сейчас рвану обратно, но в конце концов удовлетворенно кивнул, повернулся и вошел в мою комнату, закрыв за собой дверь.

Я не мог разобрать слов, но слышал, как спорящие за дверью голоса вдруг умолкли, а потом опять зазвучали гневным хором, в который время от времени вплетался голос Гвидо. Затем наступила тишина.

Прошло несколько бесконечно долгих мгновений, и дверь вновь открылась.

— Теперь можете заходить, босс, — объявил мой телохранитель. — Они убрались.

Я покинул свое место у стены и зашел в комнату. Первый же взгляд вокруг подтвердил слова Гвидо. Джинны удалились в неизвестном направлении. Удивительно, но первой моей реакцией было чувство обиды, что они ушли не попрощавшись.

Кроме того, я почувствовал, что хочу вина, но подавил это желание и присел на край кровати.

— Ну хорошо, Гвидо, — сказал я. — Так в чем было дело?

— Вы уж извините, что я так на вас налетел, босс, — совершенно неизвиняющимся тоном начал мой телохранитель. — Вы же знаете, обычно я так себя не веду.

— А что же сейчас?

— Делал свою работу, — парировал он. — Как ваш телохранитель, я старался защитить вас от тяжких телесных повреждений, а возможно, и от гибели. Именно за это, в соответствии с должностной инструкцией, мне и платят.

— Защитить меня? От этих двоих? Да ты что, Гвидо! Они же просто спорили, да и спорили-то не со мной. Просто мелкая семейная перебранка.

— Просто спорили! — воскликнул мой телохранитель, надвигаясь на меня. — Вы что, думаете...

Внезапно он замолчал и отступил назад, тяжело дыша.

Я не знал, что и подумать. Гвидо на моей памяти никогда еще до такой степени не выходил из себя, но я совершенно не мог вообразить, в чем тут может быть дело.

— Простите, босс, — наконец сказал он уже более нормальным тоном. — Положение было очень рискованное, и я до сих пор еще немного не в себе. Но сейчас буду в порядке.

— Какое еще рискованное положение? — возмутился я. — Они же просто...

— Да знаю, знаю, — произнес он, жестом призывая меня замолчать. — Они просто спорили.

Он глубоко вздохнул и похрустел пальцами.

— Знаете, босс, я все время забываю, насколько вы в этих делах неопытны. То есть по части магии вы, может быть, всех за пояс заткнете, но вот в моей области, то есть там, где надо говорить и действовать без лишних церемоний, вы все еще сущий младенец.

Что-то во мне порыкалось возразить, поскольку за эти годы я побывал-таки в кое-каких серьезных переделках, но я промолчал. Гвидо и его кузен Нунцио были в своем деле экспертами, а уж мнение экспертов я за эти годы уважать научился.

— Понимаете, босс, люди говорят, что парни вроде нас с Нунцио мало чем отличаются от полицейских... Мы играем в одну игру, только в разных командах. Не знаю, может, это и правда. Так вот, есть одна вещь, в которой я точно уверен, и тут обе наши команды совершенно согласны: самая опасная ситуация, в которую можно вlipнуть... ситуация, когда тебя скорее всего могут замочить... это вовсе не перестрелка и не бандитская разборка. Это обычная ситуация скандала в семье. Да-да, не удивляйтесь. Семейнаяссора... вроде той, которую вы наблюдали, когда я появился. Это смертельно опасно, босс. Особенно если этоссора между мужем и женой.

Я хотел было засмеяться, но он, похоже, говорил предельно серьезно.

— Ты не шутишь, Гвидо? — спросил я. — Что там может быть такого опасного?

— Гораздо больше, чем вы можете себе вообразить, — ответил он. — Именно этим такая ситуация и опасна. В

обычной стычке можно себе представить, что происходит в данный момент и что произойдет в следующий. А вот скора между мужем и женой — дело совершенно непредсказуемое. Никогда нельзя сказать заранее, кто на кого замахнется, когда и чем именно, потому что сами участники этого не знают.

Я начал постепенно понимать, о чем он говорит. Картина рисовалась одновременно захватывающая и пугающая.

— А почему это так, Гвидо? Почему стычки между супругами так чреваты взрывом?

Мой телохранитель нахмурился и почесал в затылке.

— Я на самом-то деле никогда особенно над этим не раздумывал, — сказал он. — Но считаю, что дело тут в мотивности.

— В мотивах? — машинально поправил я.

— И в мотивах тоже, — кивнул он. — Видите ли, босс, если взять деловые разногласия, принимающие насильственный характер — собственно, к таким делам меня обычно и привлекают, — то там побудительные мотивы вполне понятны... это может быть, например, жадность или страх. То есть либо босс А хочет что-то получить от босса Б, а тот не желает это отдавать — например, кусок доходной территории, — либо босс Б боится, что босс А попытается с ним разделаться, и решает сам его устраниТЬ. При любом подобном раскладе у участников есть ясная цель, поэтому сравнительно несложно предвидеть развитие событий и принять контрмеры. Понимаете, о чем я?

— Кажется, да, — сказал я. — А при скандале в семье?

— Вот тут дело может обернуться очень паршиво, — скрипился он. — Прежде всего люди препираются, но сами не знают, о чем они спорят. На карту поставлены не деньги, а эмоции и оскорбленные чувства. Проблема в том, что определенной цели тут нет, а в результате невозможно сказать, когда схватка прекратится. Накал постоянно нарастает, обе стороны все изощреннее изводят друг друга, и обе терпят все больший ущерб, и так до тех пор, пока кто-то не получит по мозгам так больно, что не сможет думать ни о чем другом, кроме как отплатить противнику.

Он с шумом стукнул кулаком по раскрытой ладони, слегка поморщившись от боли в раненой руке.

— И когда близится взрыв, — продолжил он, — лучше не стоять вблизи от эпицентра. Они будут кидаться друг на друга с чем попало. А самое скверное здесь — и как раз главное, почему ни мы, ни полицейские не желаем вмешиваться в такие дела, — это то, что если ты попытаешься их разнять, то очень даже вероятно, что они оба накинутся на тебя. Понимаете, как они ни обезумели, они все равно инстинктивно будут защищать друг друга от любой сторонней силы... а в эту категорию как раз и попадает любой, кто попытается вмешаться. Поэтому лучше всего, если есть возможность, отойти от них подальше и не подходить, пока не осядет пыль.

Все это было очень интересно, особенно если учесть, что я сам в тот момент размышлял о женитьбе. Но то, как поморщился мой телохранитель, напомнило мне об одном вопросе, возникшем еще при его появлении и до сих пор остававшемся без ответа.

— Кажется, Гвидо, я теперь понимаю, — сказал я. — Спасибо. А теперь скажи мне, что у тебя с рукой? И почему ты вернулся во дворец?

Гвидо, похоже, был захвачен врасплох неожиданной переменой темы разговора.

— Простите, босс, что не явился с докладом, как только вернулся, — со смущенным видом произнес он. — Было поздно, и я решил, что вы уже спите... а потом услышал эту их перебранку. Я, собственно, собирался заявиться к вам с утра пораньше.

— Угу, — сказал я. — Ничего страшного. Но раз уж мы об этом заговорили, что произошло?

— Мы попали в небольшую переделку, вот и все, — ответил он, глядя куда-то в сторону. — Ничего серьезного.

— Но, видимо, достаточно серьезно, чтобы пострадала твоя рука, — заметил я. — Так что произошло?

— Если вы не против, босс, я бы не хотел вдаваться в подробности. По правде говоря, это все мне очень неприятно.

Я подумал было настоять на своем, но потом решил, что не стоит, ведь Гвидо никогда у меня ничего особенно не просил, а теперь вот просит не давить на него. От меня требовалось совсем немногое — просто уважать его секреты.

— Ну ладно, — медленно произнес я. — Оставим это до поры до времени. Ты можешь работать в таком состоянии?

— При крайней необходимости, наверное, смогу. Но не с максимальной эффективностью, — признался он. — Собственно, босс, об этом я и хотел с вами поговорить. Может, назначите Нунцио в напарники к Пуки? А я бы взял на себя его функции здесь.

Учитывая, до какой степени Гвидо втюрился в Пуки, просьба эта была серьезная. Но меня такой вариант все равно не устраивал.

— Не знаю, Гвидо, — сказал я. — Нунцио все это время работает с Глипом; надо все-таки разобраться, что с моим драконом не в порядке. Мне бы не хотелось срывать его с этой работы, пока мы не получили ответа. Вот что! Как ты смотришь, если я попрошу Корреша помочь?

— Корреша? — нахмурился мой телохранитель. — Не знаю, босс. По-вашему, вид тролля не напугает тамошний народ?

Учитывая, что Гвидо и Нунцио в своей работе в большой степени опирались на устрашение, возражение показалось мне несколько неожиданным. Но Гвидо был прав.

— Так ведь Пуки, наверное, способна применить чары личины или еще что-нибудь, чтобы Корреш смотрелся не так жутко? — предположил я. — Сама-то она, думаю, тоже не шатается по округе прямо как есть, в зеленой чещущей изверга.

— А ведь верно, босс! Это хорошая идея, — объявил Гвидо, заметно просветлев. — Тогда никаких проблем. Корреш вполне подойдет.

— Ну ладно, значит, я прямо с утра с ним поговорю.

— Вообще-то Корреш даже лучше, чем Нунцио, — продолжал мой телохранитель, обращаясь скорее к самому себе, чем ко мне. — Пуки все еще расстраивается из-за того, что в меня выстрелила, а Нунцио мог бы...

— Эй! Минуточку! Ты сказал, что это Пуки в тебя стреляла?

Гвидо какое-то мгновение выглядел изумленным, но тут же укрылся щитом праведного негодования.

— Ну что вы, босс, в самом деле! — возмутился он. — Мы ведь, кажется, договорились в это не влезать. По крайней мере пока.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Семейный очаг — прекрасное место для тех, кому место в психушке.

З. Фрейд

-П rivet, Коррещ! Можно зайти? Тролль поднял взгляд от книги, и его огромный рот растянулся в приветливой улыбке.

— Скив, это ты, старина! — воскликнул он. — Разумеется, можно. Надо сказать, я тебя ждал.

— Правда? — удивился я, входя в комнату и оглядываясь, куда бы присесть.

— Правда. Я сегодня утром повстречал Гвидо, и он мне объяснил ситуацию. По его словам, ты собирался прийти ко мне насчет кое-какой работенки. Так что я тут просто убивал время в ожидании официального сообщения.

Интересно, подумал я, не рассказал ли мой телохранитель Коррещу что-нибудь такое, чего не стал рассказывать мне.

— Но сам-то ты не против? — спросил я. — Возражений нет?

— Так, по мелочи. Не бери в голову, — сказал тролль. — Говоря по правде, я буду рад снова получить конкретное задание. А то последнее время я себя чувствую как-то не у дел. Я уж начал подумывать, стоит ли мне вообще тут торчать.

Этим он задел меня за живое. Действительно, я давненько не заглядывал к Коррещу даже просто поздороваться.

— Ты прости, мы последнее время как-то мало общались, — с виноватым видом сказал я. — Я был... занят... и сще...

— Да ладно, ничего, — с улыбкой сказал Корреш и подмигнул мне. — Видел я тут недавно ночью, как ты, намаявшись на работе, вернулся просто на бровях. Нелегко тебе приходится.

Кажется, я даже покраснел.

— Да на самом деле не так уж все... — пробормотал я. — Я только...

— Да успокойся, старина, — махнул рукой тролль. — Я хотел тебя поддразнить немножко, вот и все. Я знаю, сколько всего на тебе висит, с королевой и со всем остальным. Кстати, у меня есть на этот счет кое-какие мыслишки, но вроде как невежливо давать советы, когда никто не просит.

— Ты что-то придумал? Но это же здорово! — воскликнул я, совершенно не кривя душой. — Я сам хотел спросить, что ты обо всем этом думаешь, но не знал, как подступиться.

— Ну вот, теперь и подступился, — улыбнулся Корреш. — Пододвигай сюда кресло.

Пока я двигал, он продолжал говорить.

— Советы в вопросах брака, особенно когда дело касается выбора будущего супруга, лучше оставлять при себе. Получатели советов обычно уже сами для себя все решили, а высказывать мнение, отличное от их решения, может оказаться опасным для здоровья. Но поскольку ты все-таки спрашивашь, я тебе скажу, и мои мысли тебя, пожалуй, несколько удивят.

— Почему это?

— Ну, вообще-то большинство из тех, кто меня знает... я имею в виду меня настоящего, а не Большого Грызя... считают меня немного романтиком...

Я моргнул, но сохранил нейтральное выражение лица.

Я отношусь к Коррешу с глубочайшим уважением, но мне никогда не приходило в голову, что его можно назвать романтической натурой. Наверное, это как-то связано с тем, что у него зеленые спутанные космы и громадные глаза разного размера. Я понимаю, конечно, что у троллей должна

существовать любовь (иначе откуда бы брались маленькие тролли?), но по привлекательности среди уроженцев разных измерений я бы отвел им едва ли не самое последнее место. Тролли женского пола, то есть троллины, как его сестра Таннанда, — это совершенно другое дело, но сами тролли... если измерять по десятибалльной шкале, я щедро определил бы им показатель около минус восемнадцати.

А вот этот конкретный тролль, хоть и мой старинный друг, сидел сейчас на расстоянии вытянутой руки (его руки, а не моей!) от меня... а поскольку эта рука гораздо сильнее, чем две руки самого сильного человека... которым я не являюсь... в общем, я решил по этому вопросу с ним не спорить. Черт возьми, заяви он сейчас, что его выбрали королевой красоты, я и то, пожалуй, не стал бы с ним спорить.

— И они во многом правы, — продолжал Корреш. — Но в вопросах брака я способен к холодному анализу не хуже их всех.

— Здорово! — воскликнул я. — Вот об этом я и мечтал. Беспристрастное мнение, без всяких эмоций.

— Сначала я тебе задам несколько вопросов, — объявил тролль.

— Хорошо, давай.

— Ты ее любишь?

Я помолчал и честно поразмыслил над этим вопросом.

— Не думаю, — наконец ответил я. — Хотя, конечно, в любви я не такой уж спец.

— А она тебя любит?

— Опять же, не думаю.

Это дело мне нравилось. Корреш разбивал проблему на такие мелкие кусочки, что даже я был в силах понять его логику.

— И она не говорила, что любит тебя?

Тут мне и размышлять не понадобилось.

— Нет.

— Ты уверен? — переспросил тролль.

— Уверен, — ответил я. — Максимум, что она сказала, это что из нас с ней выйдет хорошая пара. Я думаю, она этим хотела сделать мне комплимент.

— Хорошо, — произнес мой друг, поудобнее устраиваясь в кресле.

— Что? — моргнул я. — Мне показалось или ты сказал «хорошо»?

— Я сказал «хорошо», — повторил тролль, — и я действительно так думаю.

— Тут я что-то не улавливаю, — сказал я. — Мне казалось, что браки должны быть основаны на...

— Основаны на любви? — закончил за меня Корреш. — Так в молодости думает большинство. И именно поэтому большинство ранних браков распадается.

Хотя он вроде бы и предупредил меня заранее, позиция тролля показалась мне несколько странной.

— Корреш, а где же тогда разница между аналитическим подходом и цинизмом?

— Это все не такая бессмыслица, как кажется, — улыбнулся тролль, совершенно, похоже, не обидевшись на мое замечание. — Видишь ли, когда ты молод и у тебя в крови полно гормонов, первый близкий контакт с представителем противоположного пола, не состоящим с тобой в родстве, заставляет тебя испытать чувства и желания, каких ты никогда прежде не испытывал. И поскольку большинство людей, как бы громко они ни кричали об обратном, воспитаны так, что считают себя хорошими и достойными, они автоматически вешают на эти чувства социально корректный ярлык — любовь. Разумеется, существует и социально корректный вариант поведения для случая, когда два человека испытывают друг к другу такие чувства. Я имею в виду брак.

— Но разве это... — начал было я, но тролль жестом заставил меня умолкнуть.

— Выслушай меня до конца, — сказал он. — Продолжим нашу маленькую семейную сагу. Со временем страсти обычно охлаждают и ослепление проходит. Это может занять годы, но в конце концов супруги обнаруживают, что «просто быть вместе» недостаточно. Пора как-то устраивать жизнь. К несчастью, тут же обнаруживается, что между ними мало или совсем нет ничего общего. Слишком часто выясняется, что у них разные цели в жизни или по крайней мере разные планы,

как этих целей достичь. И они вдруг понимают, что вместо идеального партнера, на которого можно во всем положиться, за спиной у них открылся второй фронт. В том смысле, что им приходится тратить на выяснение отношений друг с другом не меньше, а то и больше времени, чем на отношения с остальным миром.

Я чувствовал, что помимо своей воли оказался захвачен, прямо-таки загипнотизирован его речью.

— И что же тогда происходит? — спросил я.

— Если они хотя бы способны рассуждатьrationально... заметь, я не сказал «разумно», я сказал «rationально»... то они отправляются каждый своей дорогой. Однако слишком часто бывает, что они цепляются за понятие «любовь» и пытаются «любовью все превозмочь». В этом случае мы получаем восиний лагерь, живущий в состоянии шаткого перемирия... и никто при этом не достигает ни счастья, ни полной самореализации.

Я подумал о перепалке между Дафни и Кальвином, которой я недавно был свидетелем, и о том, что сказал мне Гвидо насчет скандалов в семье и насчет того, как супруги могут пойти вразнос и дойти до смертоубийства. Мысли эти заставили меня невольно вздрогнуть.

— Мрачная картина, — заметил я.

— Да, так оно и есть, — кивнул тролль. — Пытаться насилию сложить несложившийся брак — самое дохлое дело на свете. Реальная проблема заключается в том, что каждый из них связался с неподходящим для себя человеком, но вместо того чтобы это признать, они предпочитают все прятать под слоем косметики.

— Косметики?

— Это чисто внешние изменения. Такие, которые ничего не решают.

— Я что-то не понимаю.

— Ну хорошо, — сказал тролль. — Вот тебе пример. Жена говорит, что ей нужны кое-какие новые шмотки, и муж дает ей денег на поход по магазинам. Ты ведь скажешь, что между ними происходит нормальное общение, без всякого подтекста, так?

— Ну... так.

— Только на поверхности, — объявил Коррещ. — А теперь давай заглянем немного глубже и посмотрим, что же происходит *на самом деле*. Муж по уши ушел в свою работу... это, кстати, нормальная реакция человека, когда он женится и начинает ощущать так называемую ответственность за семью... жена чувствует себя из-за этого заброшенной и несчастной. Она решает, что ей нужны новые наряды, чтобы стать более привлекательной, и тогда муж будет уделять ей больше внимания. Поверхностное решение. Теперь она заявляет мужу, что ей нужны новые шмотки, и муж недоволен. Ему кажется, что у нее и так полные шкафы вещей, которых она не носит, но, чтобы с ней не спорить, он дает ей денег на покупки. Опять же поверхностное решение. Отметь, он просто дает ей денег. Он *не ведет ее* по магазинам и не помогает ей выбрать что-нибудь новенькое.

Троль откинулся в кресле и сложил руки на груди.

— А дальше все только хуже. Она покупает новые шмотки и носит их, но муж либо вовсе ничего не замечает, либо ничего не говорит... возможно, потому, что ему по-прежнему не нравится идея платить за покупки, которые он считает ненужными. Таким образом, покупка новых нарядов... ее поверхностное решение... не срабатывает, поскольку она по-прежнему чувствует себя заброшенной и несчастной и вдобавок огорчается, что муж, похоже, не ценит ее, как бы она ни старалась. А муж тем временем чувствует, что она по-прежнему несчастна, то есть выдача ей денег... *его* поверхностное решение... не срабатывает. Он еще вдобавок раздражается, поскольку видит, что жена его остается расстроенной и несчастной, даже когда он дает ей все, что она просит. Так что видишь, попытки решать проблемы поверхностными, косметическими средствами, не отдавая себе отчета в реальном положении дел, приводят только к ухудшению ситуации, а не к ее улучшению.

Он торжествующе улыбнулся, а я стал обдумывать высказанный им тезис.

— Значит, ты говоришь, что брак не срабатывает, — осторожно сказал я, — и сама идея брака порочна.

— Вовсе нет, — возразил тролль, качая головой. — Я говорил, что жениться, исходя из ложного впечатления, что любовь превозмогает все, значит навлекать на себя беду. Напротив, союз двух людей, вступающих в брак с открытыми глазами и без романтических заблуждений, может дать им жизнь гораздо более счастливую, чем существование порознь.

— Хорошо, — согласился я. — Если любовь и романтика — плохая основа для решения вступить в брак, потому что тут слишком легко обмануться, тогда какая же, по-твоему, может быть действительно веская причина для жениТЬБЫ?

— Таких причин множество, — пожал плечами Корреш. — Помнишь, как Цикута тут появилась? Ее брак с Родриком представлял собой союзный договор и скреплял объединение двух королевств. Среди царствующих особ это обычное дело, но союзы такого типа ты найдешь и в деловом мире. В этом случае обе стороны знают, чего хотят и чего могут ожидать, так что все это прекрасно работает.

— Ты уж извини, но мне все это кажется каким-то холодным, — покачал головой я.

— Да? — Тролль склонил голову набок. — Может, я не-правильно выразился? Чего нам *точно* не надо, это такой ситуации, когда у одной из сторон или у обеих заведомо есть что скрывать. Все карты должны быть выложены на стол с самого начала... как у Родрика с королевой Цикутой.

— А что они такого могут скрыть?

— Хм-м... это сложно объяснить. Скажи, если бы ты женился на королеве Цикуте, чего бы ты ожидал?

Вопрос застал меня врасплох.

— Не знаю... наверное, ничего, — наконец промямлил я. — Мне представляется, что это был бы брак чисто номинальный, она жила бы своей жизнью, а я своей.

— Очень хорошо, — отозвался тролль с чувством.

— Хорошо? — эхом повторил я. — Как это, Корреш?

— Хорошо то, что ты ничего не ожидаешь. Ты не ввязываешься в это дело с намерением ее перевоспитать, или с надеждой, что она откажется от трона, чтобы с обожанием ходить вокруг тебя на цыпочках, или еще с какой-нибудь

глупостью из бесчисленного множества ложных надежд и упоминаний, с которыми большинство женихов идут к алтарю.

— Да, наверное, это хорошо, — сказал я.

— Хорошо? Да это жизненно важно! Слишком многие вступают в брак с тем, кем, *по их мнению*, станет их партнер. Им, видимо, кажется, что в брачной церемонии есть что-то магическое. Будто эта церемония может освободить их партнера от всех неприятных привычек и черт характера, которые у него были до брака. Это так же нереально, как надеяться, что Ааз перестанет быть жадным до денег или научится сдерживать свой нрав только потому, что ты записался к нему в ученики. В общем, когда партнер продолжает оставаться все таким же, каким был (или была) всегда, они чувствуют себя уязвленными и в чем-то преданными. Поскольку они верили, что *должны* произойти какие-то изменения, им остается только прийти к выводу, что одной их любви оказалось мало, чтобы эти изменения вызвать... или, еще вероятнее, что с их партнером что-то не в порядке. Вот *тут-то* брак становится совсем уж скверным. А с этим предложением королевы Цикуты по крайней мере никто никого не обманывает насчет перспектив.

Какое-то время я размышлял над его словами.

— Значит, ты говоришь, что, по-твоему, мне следует жениться на королеве Цикуте?

— Ну вот. Погоди, — сказал тролль, откидываясь в кресле и поднимая руки. — Я ничего такого не говорил. Решение жениться или нет можешь принять только ты сам. Я всего-навсего рассказал тебе о самых, на мой взгляд, распространенных ошибках, связанных с браком, вот и все. Если ты *действительно* решишь жениться на королеве Цикуте, то имеются определенные соображения в пользу того, что это сработает... но только тебе самому решать, чего ты хочешь от брака и сможешь ли это получить.

Вот так. Я-то надеялся, что аналитический подход Коррепина упростит мне задачу. А он вместо этого добавил мне еще кучу факторов, которые я должен учитывать. Мне это нужно примерно, как Деве новые торговцы.

— Ну спасибо, Корреш, — сказал я, вставая. — Теперь у меня есть над чем подумать.

— Не за что, старина. Всегда рад помочь.

— Значит, с заданием все схвачено? Гвидо тебе объяснил, как связаться с Пуки?

— Угу.

Я уже было пошел, но задержался и задал еще один вопрос:

— Кстати, Корреш. А сам ты был когда-нибудь женат?

— Я? — Тролль казался искренне удивленным. — Благодарение судьбе, нет. А почему ты спрашиваешь?

— Просто любопытно, — сказал я и направился к двери.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

И что я, по-вашему, должен делать со всем этим золотом?

Царь Мидас

К этому моменту я, должен признаться, запутался до предела. У всех, с кем я разговаривал, были, похоже, совершенно разные взгляды на брак, что вовсе не облегчало мне принятие решения. Впрочем, в одном, судя по всему, сходились абсолютно все: неудачный брак может обернуться адом кромешным.

Разумеется, определение того, что же такое удачный брак и как избежать неудачного, невозможно было сформулировать просто... по крайней мере настолько, чтобы до меня дошло.

Проблема заключалась в том, что, как бы ни был ограничен мой опыт общения с противоположным полом, мои знания по части брака, удачного или неудачного, были еще более отрывочными. Свою семью я едва мог вспомнить, настолько давно я покинул дом. Единственной супружеской парой, с которой я познакомился за время своих приключений, были Ав-Авторы, но они все-таки вервольфы и, по моему разумению, вряд ли могут быть для меня образцом. Еще,

правда, Маша и Плохсекир собирались пожениться. Возможно, именно на их примере мне следовало попробовать научиться чему-нибудь полезному.

Идя через двор замка, я размышлял обо всем этом, когда мысли мои были прерваны окриком.

— Эй, партнер!

Поискав кругом глазами, я разглядел, что Ааз машет мне из окна верхнего этажа.

— Ты где был утром? Мы тебя ждали на совещании с Гrimблом.

— Мне надо было поговорить с Коррешем, — крикнул я в ответ. — Гвидо повредил руку, и пришлось попросить Коррепша его заменить.

— Ну ладно, все равно, — махнул рукой мой партнер. — Зайди к Гrimблу. Это важно!

Последнее прозвучало как-то зловеще, хотя сам Ааз выглядел вполне веселым.

— А в чем дело?

— Бабки! — проорал он и исчез из виду.

С ума сойти!

Направив стопы к кабинету Гrimбла, я невольно ощутил смутное раздражение. При всех моих заботах с дамами и девицами не хватало мне еще только обсуждать с Гrimблом каких-то бабушек!

— Привет, Гrimбл. Ааз сказал, вы хотели меня видеть?

Канцлер поднял глаза и посмотрел, как я подпираю дверной косяк.

— А, лорд Скив, — кивнул он. — Да-да, заходите. Я у вас много времени не отниму.

Я прошел в комнату и плюхнулся в предложенное мне кресло.

— Что, какие-нибудь проблемы? Ааз говорил насчет каких-то бабушек.

— Бабушек? Не знаю, о чём это он. А проблем, собственно, нет, — сказал Гrimбл. — Даже наоборот. Новая система сбора налогов действует настолько хорошо, что мы вышли на положительное сальдо. Мало того, если не считать пары-трой-

ки запятых, мы, можно считать, закончили с разработкой нового бюджета.

Он откинулся в кресле и одарил меня одной из своих нечастых улыбок.

— И скажу вам не без зависти, ассистентка у вас — это да! Должен признаться, на меня произвели огромное впечатление все грани ее квалификации, все, так сказать, параметры. Послушайте меня, не упускайте ее... хотя что я говорю, вы и сами знаете.

Все это, разумеется, сопровождалось самодовольной ухмылкой и подмигиванием.

Я хоть и закалился уже настолько, чтобы спокойно выслушивать от Гримбла подобные комментарии каждый раз, когда речь заходила о Банни, нравились они мне ничуть не болыше, чем в первый раз. Теперь по крайней мере он воздерживался от таких речей в ее присутствии, что само по себе стоило считать достижением. Но я все равно почувствовал себя задетым и решил поставить его на место.

— Просто удивительно вас слушать, Гримбл, — сказал я. — У вас что, такой перекос с гормонами, что вы не можете просто признать ее достоинства как коллеги, не делая никаких сексуальных намеков?

— Я... вообще-то... — начал было канцлер, но я оборвал его.

— Особенно если учесть, что королева... между прочим, это ваша работодательница... тоже женщина. Интересно, знает ли она, как вы озабочены насчет прекрасного пола, а если нет, то как будет реагировать, когда узнает? Как вы думаете, она сразу вас уволит или сперва захочет проверить, не блефуете ли вы? Насколько я понимаю, она питает к этому делу не меньший интерес, чем вы тут изображаете.

Тут Гримбл буквально побелел, что, принимая во внимание его природную бледность, кое-что значило.

— Но ведь вы ей не скажете, лорд Скив? — заикаясь, пробормотал он. — Я ничего дурного не хотел сказать о Банни, правда. Она один из лучших финансистов, с кем я когда-либо имел удовольствие работать... и мужчин, и женщин. Я просто

пощутил. Вы понимаете, это просто мужские шутки, своего рода ритуал мужской солидарности.

— Это не со всеми проходит, — заметил я. — Но, в общем, не беспокойтесь. Вы меня уже достаточно знаете и могли бы понять, что не в моих правилах бегать к королеве с доносами и жалобами. Но впредь не нарывайтесь. Хорошо?

— Благодарю вас, лорд Скив. Я... Благодарю вас. Я учту.

— Ну, — произнес я, вставая с кресла, — я полагаю, мы закончили? Вы ведь хотели меня видеть, чтобы сообщить насчет сбора налогов и бюджета?

— Нет, это просто для информации, — возразил Гrimбл, вернувшись на твердую почву. — Настоящая причина, ради которой мне надо было с вами встретиться, вот.

С этими словами он полез куда-то за свое кресло, вытащил приличных размеров мешок и плюхнул его на стол. Мешок при этом звякнул.

— Не понимаю, — сказал я, пристально глядя на него. — Что это?

— Это ваша получка, — улыбнулся он. — Я знаю, вы обычно поручаете такие дела своим ассистентам, но с учетом сумм, возросших в связи с вашим повышением, я подумал, вы захотите заняться этим лично.

Размеры мешка меня несколько смущили. Он был какой-то очень уж большой.

Конечно, Аазу и Банни удалось убедить меня принять за свои труды солидное вознаграждение, но все-таки одно дело видеть цифры на листке бумаги и совсем другое — их эквивалент в звонкой монете.

Может, когда я отсчитаю остальным их долю, эта куча ленсиг перестанет выглядеть такой огромной...

— Ваши ассистенты уже получили причитающиеся им суммы, — говорил тем временем Гrimбл, — так что нам осталось рассчитаться с вами и закрыть ведомость. Вы не могли бы расписаться вот здесь?

Он через стол придвинул ко мне листок бумаги, но я, не имея этого, продолжал смотреть на мешок с деньгами.

Мешок был очень большой. Особенно если учесть, как мало я на самом деле работал.

— Что-нибудь не так, лорд Скив?

Я подумал даже, не выложить ли ему начистоту, что меня мучает, — вот до какой степени я был подавлен. Гrimбл не из тех, кому можно довериться.

— Нет, ничего, — ответил я, одумавшись.

— Хотите пересчитать? — предложил он, по-видимому, не убежденный моими словами.

— А зачем? Вы разве не считали?

— Разумеется, считал, — оскорбился за свою профессиональную честь канцлер.

Я выдавил из себя улыбку:

— Ну вот и хорошо. Проверять за вами было бы пустой тратой и моего, и вашего времени, правда?

Я торопливо нацарапал свое имя на расписке, забрал мешок и ушел, стараясь не обращать внимания на озадаченный взгляд, которым проводил меня Гrimбл.

— Мы вам зачем-нибудь понадобимся, босс? Может, нам подежурить тут поблизости?

— Как хочешь, Гвидо, — рассеянно махнул я рукой, закрывая за собой дверь. — Я никуда не собираюсь уходить, так что вы можете пойти поесть. Мне надо много чего обдумать.

— Да мы уже поели. И мы...

Тут дверь закрылась, и что он сказал дальше, я уже не услышал.

Гвидо и Нунцио возникли рядом со мной в какой-то точке моего обратного пути от Гrimбла. Когда точно это произошло, я не уловил, поскольку был погружен в размышления, а телохранители не произнесли ни слова до самого порога моей комнаты. Если бы я заметил их присутствие, я бы, наверное, попросил кого-нибудь из них поднести мешок с золотом. Мешок был тяжелый. Очень тяжелый.

Сгребив его наконец на стол, я plюхнулся в кресло и уставился на мешок. Я слышал истории, как нечестно нажитые денежки возвращаются и терзают своего преступного владельца, и от них никаким невозможно отделаться, но ведь это же смешно.

Попытки разобраться, что мне делать с королевой Цикутой, настолько заняли все мои мысли, что я даже пальцем не шевельнул для решения задачи, которую сам себе поставил, — сократить мой штат или каким-то иным образом урезать счет, который Корпорация М.И.Ф. выставляет королевству. В результате теперь у меня на руках были эти деньги, и я не чувствовал ничего, кроме стыда.

Что бы там ни говорили Ааз и Банни, мне это все равно казалось неправильным. Мы тут, значит, по-всякому урезаем бюджет и выжимаем из населения налоги, чтобы вытащить финансы королевства из ямы, а я тем временем высасываю из казны деньги, которые мне, собственно, даже не нужны. И мало того, я еще ввел казну в дополнительные расходы, затянув с сокращением штатов, — не думаю, чтобы за это меня следовало вознаграждать.

Чем больше я обо всем этом думал, тем больше понимал необходимость найти какой-то способ вернуть деньги. Разумеется, это надо было сделать тихо, практически в полной тайне, иначе мне придется иметь дело с разгневанными Аазом и Банни. Но сделать это все равно было необходимо, просто для того, чтобы жить в согласии с самим собой.

При этом все равно оставался открытый вопрос, как снизить оплату наших услуг. Правда, если то, что сказал Гримбл, соответствует действительности, то проблема могла бы разрешиться сама собой. Если бюджет придет в равновесие, а процесс сбора налогов наладится, то можно будет отослать Банни обратно на Деву, и кого-нибудь одного из телохранителей тоже. А кроме того, я смог бы настоять на прекращении выплаты мне жалованья как финансовому консультанту. За счет этого расходы на оплату услуг Корпорации М.И.Ф. можно было бы существенно сократить.

Оставалось придумать, что мне все-таки делать с той непропорционально большой суммой, которую я уже получил.

Тут меня осенила идея. Надо сделать то, что делает любой начальник, когда сталкивается с какой-то проблемой: надо поручить ее решение кому-нибудь другому

Я кинулся к двери, распахнул ее и высунулся в коридор. Конечно же, оба моих телохранителя по-прежнему там торча-

ли и, похоже, были поглощены каким-то разговором между собой.

— Гвидо! Нунцио! — позвал я. — Зайдите на минутку.

Я вернулся к себе в комнату и направился к столу, даже не посмотрев, обратили ли они внимание на мои слова. Беспокоиться было не о чем.

К тому моменту, как я снова уселся в кресло, оба они уже стояли передо мной.

— Парни, у меня для вас есть небольшое дельце, — с улыбкой объявил я.

— Ну-сделано, босс! — хором откликнулись они.

— Но сначала я хотел бы кое-что выяснить. Вы всегда давали мне понять, что в прошлой вашей жизни вне рамок закона ваша совесть никогда не мешала вам менять правила игры, если того требовали обстоятельства. Это так?

— Верно.

— Никаких проблем.

Я обратил внимание, что ответы их хотя и были утвердительными, но прозвучали с некоторой задержкой и не отличались обычным энтузиазмом.

— Хорошо. Работа, которую я хочу вам поручить, должна быть сделана тайно. Никто не должен знать, что за всем этим стою я. Никто, даже Ааз или Банни. Понятно?

Мои телохранители выглядели еще в большей степени не в своей тарелке, но тем не менее утвердительно кивнули.

— Так вот, работа будет такая, — начал я, пододвигая к ним мешок с деньгами. — Я хочу, чтобы вы взяли эти деньги и отдалились от них.

Оба сначала уставились на меня, а потом переглянулись между собой.

— Что-то я вас не совсем понял, босс, — наконец произнес Гвидо. — Что вы хотите, чтобы мы сделали с деньгами?

— Не знаю и знать не хочу, что вы будете с ними делать, — ответил я. — Я хочу только, чтобы эти деньги снова поступили в обращение внутри королевства. Потратьте их или отдайте на благотворительность.

Тут меня осенила еще одна идея.

— А еще лучше, найдите какой-нибудь способ раздать их тем, кто жалуется, что не может заплатить налоги.

Гвидо нахмурился и снова посмотрел на своего кузена.

— Не знаю, босс, — осторожно сказал он. — Как-то это, мне кажется, неправильно. Мы ведь вроде бы должны собирать с народа налоги, а не раздавать...

— Гвидо хочет сказать, — вмешался Нунцио, — что наша специальность — вытрясать деньги из граждан и учреждений. Отдавать их обратно — некоторым образом не наш профиль.

— В таком случае, я думаю, вам пора расширить свой кругозор и сферу деятельности, — не дрогнув заявил я. — И вообще, это задание. Понятно?

— Так точно, босс, — хором откликнулись они, но выглядели по-прежнему неуверенно.

— И помните, ни слова об этом никому в нашей команде.

— Как скажете, босс.

Я уже говорил, каким тяжелым был этот мешок и с каким трудом я его тащил, но Гвидо легко подхватил ношу одной здоровой рукой и прикинул на вес.

— Хм-м... вы уверены, босс, что вам этого на самом деле хочется? — спросил он. — Как-то все это неправильно. Большинство людей за всю жизнь столько не заработает.

— В этом-то все и дело, — пробормотал я.

— А?

— Да нет, ничего. Я уверен. А теперь приступайте. Ладно?

— Считайте, что дело сделано.

Честь они не отдавали, но вытянулись в струнку и кивнули, и только затем направились к двери. Я припомнил, что они довольно долго пробыли в армии, и это, должно быть, въелось в них сильнее, чем они думали.

Когда они ушли, я откинулся в кресле и какое-то время наслаждался моментом.

Как же мне стало легче! Похоже было, что я решил по крайней мере одну из моих проблем.

Наверное, из-за этого мне и было так трудно последнее время. Я пытался сосредоточиться одновременно на слишком многих не связанных между собой проблемах. А теперь, когда эта история с деньгами свалилась с моих плеч, я мог уделить

все свое внимание ситуации с королевой Цикутой и ни на что большее не отвлекаться.

Впервые за долгое время я испытывал оптимизм в отношении своей способности прийти к какому-то решению.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Это так просто, что справится любой ребенок.

Обязательная фраза, содержащаяся в инструкции к любому набору «Сделай сам»

-Б у-бу-бу-бу цветы, бу-бу-бу-бу протокол. Все ясно?

— Угу, — произнес я, глядя в окно.

Когда я соглашался заслушивать план организации предстоящего бракосочетания Маши с генералом Плохсекиром, я не отдавал себе отчета, как много времени это займет и насколько сложная предстоит церемония. Впрочем, после нескольких часов обсуждения я понял, что моя роль во всем этом деле будет минимальной, и теперь мне стоило огромного труда сосредоточиться на выслушивании бесчисленных деталей.

— Разумеется, бу-бу-бу-бу...

Я опять отключился.

На ветку перед окном уселась какая-то птица и принялась клевать червячка. Я обнаружил, что откровенно ей завидую. Не то чтобы я был особенно голоден, просто при той жизни, какую я вел последнее время, поедание червячка выглядело заманчивой альтернативой.

— Ты все понял? Скив!

Я рывком вернул себя к действительности и обнаружил, что моя крупноразмерная ученица пристально на меня смотрит. Я явно пропустил что-то, на что предполагалось отвечать.

— М-м-м... Знаешь, Маша, не вполне. Ты не могла бы коротенько мне это повторить, чтобы я был уверен, что все понял правильно?

В мои намерения не входило как-то выделять слово «короленъко», но она все равно его уловила.

— М-м-м... — произнесла она, с подозрением вглядываясь в меня. — Может, стоит сделать перерыв на несколько минут? По-моему, нам всем не помешает немного размяться.

— Как будет тебе угодно, дорогая, — откликнулся генерал, послушно поднимаясь со своего места.

Я не мог не восхищаться его выносливостью... и терпением. Мероприятие, я уверен, было для него таким же скучным, как и для меня, но по его виду я бы никогда этого не сказал.

Я тоже поднялся было с кресла, но тут же рухнул обратно, сраженный внезапным приступом дурноты.

— Эй, Скив! Что с тобой?

Маша вдруг забеспокоилась обо мне гораздо больше, чем минуту назад.

— Все в порядке, — ответил я, пытаясь справиться с туманом в глазах.

— Может, хочешь вина?

— Нет!!! Со мной все в порядке, правда. Я просто плохо спал прошлой ночью.

— Угу. Опять, значит, где-то шлялся, да, шеф?

Обычно мне даже как-то нравилось ее подразнивание, но сегодня я чувствовал себя слишком усталым для игр.

— Вообще-то я лег очень рано, — сдавленным голосом сказал я. — Просто никак не мог заснуть. Слишком много всего крутится в голове.

Преувеличения тут нет — я почти всю ночь метался и ворочался в постели... как, собственно, и две предыдущие ночи. Я надеялся, что, как только разделаюсь с мучившими меня денежными проблемами, так сразу смогу собраться с мыслями и решить наконец, жениться ли мне на королеве Цикуте. Вместо этого всевозможные соображения и факторы продолжали тесниться у меня в голове, отталкивая друг друга и не давая сосредоточиться ни на одном из них. А выкинуть их из головы совсем я тоже, к сожалению, не мог.

— Угу, — повторила она, пристально вглядываясь в меня.

То, что она видела, ей явно не нравилось. Сдвинув вместе два стула, она уселась рядом со мной и по-матерински положила руку мне на плечо.

— Ну-ка, Скив, давай-ка расскажи Маше все. Что тебя последнее время так грызет?

— Да все эта история насчет того, жениться ли мне на королеве Цикуте, — сказал я. — Никак не могу ни на что решиться. И по-моему, тут не видно четко определенного правильного ответа. Любой вариант имеет массу отрицательных сторон. Что бы я ни сделал, это затронет судьбы множества людей, и я просто цепенею от страха, что сделаю что-то не так. Я этого страшно боюсь и в результате вообще ничего не делаю.

Маша тяжело вздохнула:

— Да уж, Скив, этого я за тебя сделать не смогу. И никто не сможет. Если тебе как-то это поможет, то знай, что мы тебя любим и что твои друзья поддержат любое решение, которое ты примешь. Я понимаю, сейчас тебе нелегко приходится, но мы совершенно уверены, что ты поступишь правильно.

Видимо, это должно было прозвучать ободряюще. Но у меня тут же промелькнула мысль, что вообще-то незачем было мне напоминать, до какой степени все полагаются на то, что я приму правильное решение... в то время как сам я, после многих недель размышлений, не имею даже смутного представления о том, каково будет это правильное решение! Конечно, моя ученица старалась помочь мне единственным известным ей способом, и я совсем не хотел в ответ ее обижать.

— Спасибо, Маша, — произнес я, выдавив из себя улыбку. — Мне уже немного полегчало.

— Гм-м.

Я оглянулся и заметил подошедшего генерала Плохсекира. Он вел себя так тихо, что я совсем забыл о его присутствии, пока он не прочистил горло.

— Ты нас извинишь, дорогая? Я хотел бы поговорить с лордом Скивом.

Какое-то время Маша смотрела то на меня, то на генерала и наконец пожала плечами.

— Конечно, Хью. Видит бог, мне есть чем заняться. А с тобой, шеф, мы еще поговорим.

Генерал затворил за ней дверь и несколько секунд стоял, глядя на меня. Потом подошел и положил обе руки мне на плечи.

— Лорд Скив, — начал он. — Могу ли я просить вашего позволения на короткое время разговаривать и вести себя с вами так, как если бы вы были моим сыном... или служили бы в армии под моим командованием?

— Конечно же, генерал, — ответил я. Его слова меня тронули.

— Хорошо, — улыбнулся он. — Кругом.

— Простите, что?

— Я сказал «кругом». Лицом в другую сторону, пожалуйста.

В полном недоумении я повернулся к нему спиной и стал ждать.

Вдруг что-то обрушилось на меня сзади, толкнув вперед с такой силой, что я упал на одно колено и едва удержался на руках, чтобы не врезаться носом в пол.

Я испытал шок.

Каким бы невероятным это ни казалось, у меня были все основания полагать, что генерал просто-напросто дал мне пинка под зад!

— Вы мне дали пинка! — сказал я, сам еще в это не веря.

— Совершенно верно, — спокойно откликнулся Плохсекир. — Честно говоря, это давно пора было сделать. Я сначала думал дать вам подзатыльник, но, похоже, последнее время мозги у вас располагаются в другом месте.

Нехотя, но я начинал понимать, что он прав.

— Но почему? — спросил я.

— А потому, лорд Скив, что при всем почтении к вашему положению и чину, я не без оснований полагаю, что ведете вы себя, как северный конец лошади, движущейся на юг.

Очень ясно сказано. На удивление поэтично для человека военного, но очень ясно.

— А вы не могли бы сказать более определенно? — попросил я со всем достоинством, на которое оказался способен.

— Разумеется, я имею в виду ваш предполагаемый брак с королевой Цикутой, — ответил он. — А точнее, ваши затруднения с принятием решения. Вы довели себя до агонии, в то время как самому поверхностному наблюдателю совершенно ясно, что вы не хотите на ней жениться.

— Но, генерал, тут на карту поставлено кое-что поважнее моих хотений, — устало произнес я.

— Дерьмо собачье, — твердо сказал Плохсекир.

— Что?

— Я сказал «дерьмо собачье», — повторил генерал, — и именно так я и думаю. Единственное, что имеет смысл принимать в расчет, так это то, чего вы сами хотите.

Я обнаружил, что улыбаюсь, несмотря на всю свою подавленность.

— Простите, генерал, но не странно ли слышать это от вас?

— Почему же?

— Вы ведь солдат. Вы всю свою жизнь посвятили тяготам и лишениям воинской службы. Вся армейская система основана на самопожертвовании и самоотверженности, разве не так?

— Может быть, — сказал Плохсекир. — Только вам не приходило в голову, что вся эта самоотверженность — лишь средство для достижения цели? Весь смысл подготовки к сражениям в том, чтобы быть способным защитить или навязать то, что хотите вы, против того, что хочет кто-то другой.

Я выпрямился и застыл.

— Никогда не думал об этом в таком разрезе.

— А только так об этом и надо думать, — твердо сказал генерал. — Я знаю, многие считают, что жизнь солдата — сплошное подчинение. Что солдат — это какой-то безмозглый робот, вынужденный выполнять бессмысленные приказы и прихоти вышестоящих офицеров... и генералов. На самом деле армия должна быть объединена общей целью, иначе она будет не способна к действию. Каждый военный *добровольно* соглашается выполнять команды вышестоящих, потому что это *самый действенный способ достичь общей цели*. Солдат, который не знает, чего он хочет и почему сражается,

ничего не стоит. Хуже того, он представляет опасность для всех и каждого, кто на него рассчитывает.

Он помолчал и кивнул головой.

— Однако давайте пока рассмотрим это в меньшем масштабе. Представьте себе молодого человека, который тренируется, чтобы те, кто старше и крупнее, не могли его побить. Он поднимает гири, накачивая мускулы, изучает разные боевые искусства, с оружием и без, — в общем, он по многу часов потеет на тренировках с одной лишь мыслью: закалиться настолько, чтобы не приходилось ни перед кем вставать на колени.

Генерал улыбнулся.

— Так что бы вы сказали, если бы тот же самый молодой человек впоследствии позволял любому крутому парню пинать себя из опасения, что тому будет больно, если он даст сдачи?

— Я бы сказал, что он полный идиот.

— Точно, — кивнул Плохсекир. — Вы и есть полный идиот.

— Я?

— Конечно, — произнес генерал в некотором замешательстве. — Вы что, не узнали себя в моем описании?

— Генерал, — устало сказал я. — Я уже несколько дней почти не спал. Простите, если я не успеваю все схватывать с нормальной скоростью, но вам придется мне это разжевать.

— Очень хорошо. Я говорил о молодом человеке, который работает над своей физической формой. Так вот, мой юный друг, вы, вероятно, самый потрясающий человек, кого я знаю.

— Я?

— Без сомнения. Более того, как и молодой человек из моего примера, вы сами сделали себя таким за годы тренировок... Я видел, как вы изменились даже за то время, что вас знаю. При ваших магических способностях, вашем богатстве, не говоря уже о ваших сподвижниках, союзниках и связях, вас никто не может заставить делать что-то, чего вам не хочется. Более того, вы это многократно доказали, противостоя весьма впечатляющим противникам.

Он улыбнулся и с неожиданной мягкостью положил руку мне на плечо.

— А теперь вы мне будете говорить, что должны жениться на Цикуте, даже если вам этого не хочется? Я вам не поверю.

— Но иначе она отречется и мне придется сделаться королем, — с тоской сказал я. — Этого мне хочется еще меньше.

— Так не становитесь королем, — пожал плечами генерал. — Как может кто-то заставить вас делать *то или другое*, если вы сами добровольно не согласитесь? Насчет себя я знаю, что я бы эту должность точно не принял.

Этот нехитрый анализ дал мне слабую надежду, но я все еще не решался ухватиться за нее.

— Но ведь люди на меня рассчитывают, — возразил я.

— Люди рассчитывают, что вы будете делать то, что правильно с вашей точки зрения, — твердо сказал Плохсекир. — Вы это никак не можете увидеть, но они-то *предполагают*, что вы будете делать *то, что вам хочется*. Вам следовало понимательнее прислушаться к тому, что говорила вам моя невеста. Если вы *хотите* жениться на королеве Цикуте, они будут поддерживать вас тем, что не станут препятствовать этому или как-то вас огорчать. Неужели вы действительно думаете, что, когда вы твердо выражите *желание* продолжать работать с ними, они не поддержат вас с тем же или даже большим энтузиазмом? Именно это Маша пыталась сказать, но, похоже, слишком мягко, и вы просто не услышали. Все обращаются с вами деликатно, потому как вы вроде не знаете, чего хотите. Вот они и ходят вокруг вас на цыпочках, чтобы не мешать вам самому во всем разобраться. А вы тем временем мучительно пытаетесь расслышать, чего хотят все остальные, вместо того чтобы расслабиться и принять как должное ваши собственные желания.

Я не мог сдержать улыбки.

— Ну хорошо, генерал, — сказал я, — вас-то если в чем и можно упрекнуть, то уж не в деликатном со мной обращении.

— Я счел, что так будет правильно.

— Да нет, я не жалуюсь, — рассмеялся я. На душе у меня было теперь хорошо, и я не собирался этого скрывать. — Я хотел выразить вам мое восхищение... и благодарность.

Я протянул руку. Он сжал ее в своей, и мы обменялись коротким рукопожатием, знаменующим новую ступень нашей дружбы.

— Я так понимаю, что теперь вы пришли к решению? — спросил Плохсекир, искоса глядя на меня.

— Так точно, — улыбнулся я. — И вы правильно догадываетесь, к какому. Благодарю вас, сэр. Надеюсь, и без слов ясно, что я буду счастлив когда-нибудь, если представится случай, оказать вам такую же услугу.

— Хм-м-м... Пожалуй, если это в ваших силах, проявите побольше внимания к организации бракосочетания, — сказал генерал. — Особенно было бы хорошо, если бы вы нашли способ как-то сократить процедуру разработки планов.

— Я могу сократить сегодняшнее заседание, — ответил я. — Передайте Маше мои извинения, но мне необходимо встретиться с королевой Цикутой. Возможно, мы продолжим заседание завтра.

— Но это никак не сокращает процесс, — помрачнел Плохсекир. — Это его только удлиняет.

— Простите, генерал, — улыбнулся я уже на выходе. — Единственное, что могу вам предложить, это убедить ее сбежать с вами. Я готов поддержать вам лестницу.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Существует сотня способов покинуть того, кого любишь.

Симон-Петр

Придя наконец к чему-то определенному, я решил сообщить эту новость королеве Цикуте. Если уж она ожидает от меня решения, было бы просто нехорошо тянуть с разговором, когда оно уже принято. Так? И тут совершенно ни при чем всякие соображения насчет того, что я боюсь передумать, если еще помедлю. Так?

Внезапно я с особенной остротой ощутил отсутствие моих телохранителей. Когда я поручал им раздать мои нежданные и исхеланные денежки, все мы принимали как данность, что во дворце мне никакая особенная опасность не угрожает.

Теперь я не был в этом так уж уверен.

Еще с первой моей встречи с королевой Цикутой, когда я выступал под личиной короля Родрика, у меня осталось впечатление, что королева — женщина опасная, способная, пожалуй, и на убийство. В дальнейшем никаких особых подтверждений этому не последовало, но мне ведь и не приходилось видеть, как она встречает дурные новости вроде тех, что мне прелстяло ей сообщить.

Я встряхнулся и сказал сам себе, что все это глупости. Даже в самом худшем случае королева не пойдет на открытое насилие без всякой подготовки. Если я почувствую, что дело плохо, то просто кликну свою команду и перепрыгну в другое измерение, прежде чем она соберется с мыслями и подготовит план отмщения. И пист абсолютно никакой необходимости, чтобы мои телохранители меня от нее охраняли. Так?

Все еще стараясь убедить себя в этом, я подошел к покоям королевы. Лейб-гвардеец у двери вытянулся по стойке «смирно», и отступать мне было уже неприлично.

Двигаясь с раскованностью, которой я вовсе не ощущал, я подошел к двери и постучал.

— Кто там?

— Это Скив, ваше величество. Если это вас не затруднит, не мог бы я с вами побеседовать?

После паузы достаточно долгой, чтобы во мне ожила надежда, дверь открылась.

— Лорд Скив. Какая приятная неожиданность. Добро пожаловать.

На королеве было простое оранжевое платье, и это действительно была приятная неожиданность. Не то, что платье было оранжевое, а то, что оно вообще было. Первый раз, когда королева принимала меня в своих покоях, она открыла мис дверь совершенно голая, что поставило меня в невыгодное и неудобное положение при разговоре. На этот раз, подумал я, мис требовалось положение максимально выгодное.

— Ваше величество, — начал я, входя в комнату и оглядываясь на королеву. Когда она закрыла за мной дверь и обернулась, я показал на кресло. — Вы не были бы так любезны присесть?

Королева вопросительно подняла бровь, но без возражений уселась, куда я показал.

— Что все это значит, Скив? — спросила она. — Что это ты такой торжественный?

Дальше тянуть было невозможно, и я бросился вперед, как в омут.

— Я хочу известить вас о том, что принял решение в отношении вступления с вами в брак, — произнес я.

— И какое же это решение?

— Я... ваше величество, я польщен... Для меня высокая честь, что вы считаете меня достойным стать вашим консортом. Мне никогда и присниться не могла такая возможность, и когда это предложение возникло, мне потребовалось время, чтобы его обдумать.

— Ну и... — нетерпеливо произнесла она.

Осознав, что никакой слой сахара все равно не изменит содержания моего решения, я перешел к сути.

— Мой окончательный вывод, — объявил я, — состоит в том, что в настоящее время я не готов для брака... ни с вами, ни с кем-либо еще. Пытаться изображать, что это не так, значило бы оказывать дурную услугу невесте... и себе самому тоже. С моей работой, с моими магическими занятиями, с моим стремлением путешествовать в другие измерения у меня просто нет сейчас ни времени, ни желания переходить к оседлой жизни женатого человека. Если я это сделаю, то, без сомнения, в конце концов возненавижу то или тех, кто меня к этому принудил. В связи со всем этим я считаю себя обязанным отвѣтить отказом на ваше предложение.

Высказав все это, я весь собрался в ожидании ее реакции.

— Ну и ладно, — сказала она.

Я ждал продолжения, но его не последовало. Я почувствовал, что должен что-то сказать.

— А что касается вашего отречения от трона в мою пользу... ваше величество, я вас прошу еще раз все обдумать.

У меня нет ни квалификации, ни желания править королевством. В лучшем случае я могу быть хорошим советником... но и то только благодаря серьезной помощи моих коллег и друзей. Боюсь, что, если бы мне пришлось принять на себя такую ответственность, королевство сильно бы пострадало... Я знаю, что я... и...

Мое красноречие сошло на нет — я заметил, что она смеется.

— Ваше величество? Извините меня. Я что, сказал что-нибудь смешное?

— Ой, Скив, — выдохнула она в полном изнеможении. — Ты что, и вправду думал... Разумеется, я не собираюсь отказываться от трона. Ты что, шутишь? Я очень люблю быть королевой.

— Вы любите быть королевой? Но вы же сами сказали...

— Ну, я *много* чего говорю, — беззаботно махнула она рукой. — Одна из приятных сторон жизни монарха состоит в том, что ты сам решаешь, что из того, что ты говоришь, взаимно, а на что можно не обращать внимания.

Мягко выражаясь, я был смущен.

— Но если вы не собирались отрекаться, тогда зачем вы это говорили? — воскликнул я. — А насчет брака? Это-то было всерьез?

— Ну конечно, всерьез, — улыбнулась она. — Но я вообще-то не рассчитывала, что ты на мне женишься. Зачем тебе это? Ты уже добился богатства и власти, при этом не будучи связан ни троном, ни женой. Вряд ли ты захотел бы остаться здесь при мне на вторых ролях, когда можешь гарцевать по всему миру, или где ты там гарцуешь, в качестве единственного в мире Великого Скива. Для меня и для всего королевства было бы роскошно, если бы тебя удалось к нам привязать, но тебе-то от этого какая выгода? Вот я и придумала этот финт с отречением.

— Финт? — слабым голосом повторил я.

— Ну да, конечно. Я же знала, что тебе не хочется становиться королем. Если бы ты хотел, то оставил бы трон за собой, сице когда Роди посадил тебя на свое место. Я и подумала, что если тебе действительно до такой степени этого не

хочется, то, может, хоть угроза вынудит тебя стать моим консортом.

Она сстроила легкую гримаску.

— Я понимаю, это слабый ход, но других карт у меня на руках не было. Что еще я могла сделать? Угрожать тебе? Чем? Даже если бы я и ухитрилась найти что-то представляющее угрозу для тебя и твоей шайки, вы бы просто сделали мне ручкой и свалили бы куда подальше. И выслеживать вас было бы пустой тратой сил и денег... не обижайся. А с этим отречением у меня по крайней мере появлялся шанс, что ты хотя бы подумаешь о женитьбе на мне... а если ничего не выйдет — что ж, тоже ничего страшного.

Я сначала подумал обо всех этих днях и ночных, проведенных в мучительных попытках найти решение. И сразу же вслед за этим — не задушить ли мне королеву.

— Да, ничего страшного, — согласился я.

— Ну, значит, — сказала она, усаживаясь обратно в кресло, — так тому и быть. Жениться не будем, отрекаться не будем. Но можем по крайней мере остаться друзьями, правда?

— Друзьями? — переспросил я.

Я знал ее уже довольно давно, но никогда всерьез не думал о королеве Цикуте как о друге.

— А почему бы и нет? — пожала она плечами. — Если я не могу заполучить тебя в качестве консорта, то давай попробуем подружиться. Судя по тому, что я видела, ты очень предан своим друзьям, и мне бы хотелось, чтобы и нас с тобой тоже что-то связывало.

— Но почему это для вас так важно? Вы же королева, и у вас обширное королевство с приличным доходом.

Цикута недоверчиво посмотрела на меня:

— Что, действительно не понимаешь, Скив? Ты ведь сам очень могущественный человек. Как для королевства, так и для себя лично я предпочитаю иметь тебя в союзниках, а не врагах. И если ты посмотришь вокруг себя, то увидишь множество людей, которые думают так же.

Все это звучало удивительно похоже на то, что говорил мне Плохсекир.

— А кроме того, — добавила королева, — ты славный парень, а у меня на самом деле не так уж много друзей. Мало таких, с кем я могу говорить на равных и кто меня не боится. Мне даже кажется, у нас с тобой больше общих проблем, чем ты думаешь.

— Но я все же в лучшем положении, потому что более свободен делать что хочется, — поразмыслив, заключил я.

— Не сыпь мне соль на раны, — сморщив нос, сказала Цикута. — Ну так что? Дружба?

— Дружба, — улыбнулся я.

Повинувшись внезапному порыву, я взял ее руку и поцеловал, а потом на мгновение задержал в своей.

— Если вы позволите, ваше величество, я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы так спокойно приняли мой отказ. Даже если вы к нему были почти готовы, все равно это должно было чадить вашу гордость. Было бы соблазнительно заставить меня в отместку немножко помучиться.

Королева снова рассмеялась, откинув голову назад.

— С моей стороны было бы не слишком умно теперь устраивать тебе скандал, — сказала она. — Как я уже говорила, Скив, ты можешь оказать королевству огромную помощь, даже просто время от времени работая для нас по контракту. Если я тебя буду слишком терзать из-за твоего отказа, то ни меня, ни наше королевство ты больше видеть не захочешь.

— Мне трудно это представить, — признался я. — В Поссилтуме я получил первую в моей жизни оплачиваемую работу в качестве мага. Должно быть, у меня навсегда останется к нему слабость. И потом, вы, ваше величество, тоже не лишены женского очарования.

Последние слова как-то вырывались из контекста, но королева, похоже, не обиделась.

— И все-таки недостаточно очаровательна, чтобы жениться, а? — улыбнулась она. — Ну ладно, когда у тебя случится свободная минутка, дай знать, и мы попробуем сообща исследовать кое-какие варианты.

Вот к этому я уж совсем не был готов.

— М-м-м... конечно, ваше величество. Но пока что, боюсь, мне и моим коллегам настало время покинуть Поссил-

тум. Судя по тому, что сказал мне Гrimбл, финансовое положение королевства больше не внушает опасений, а нас настоятельно требуют к себе другие дела.

— Разумеется, — сказала она, вставая с кресла. — Ступайте и прихватите с собой мою личную благодарность, а также плату, которую вы, несомненно, заслужили. И не пропадайте, я буду на связи.

Мне было так неудобно слышать о нашей плате, что я кинулся к выходу, и последние ее слова до меня дошли уже у двери.

— М-м-м... Ваше величество, — обернувшись, сказал я, — еще одно дело. В следующий раз, когда я вам понадоблюсь, просто напишете мне письмо, вместо того чтобы посыпать палец. А то я что-то занервничал, когда его получил.

— Никаких проблем, — ответила она. — А кстати, можно мне забрать палец обратно? Мне хотелось бы сохранить кольцо в память о Роди.

— Я думал, оно у вас, — нахмурился я. — Я не видел его с первой нашей встречи, когда сюда вернулся.

— Странно. Куда оно могло деться? Ну ладно, скажу горничным поискать. Если ты случайно на него наткнешься в своих вещах, будь любезен, пришли его мне.

— Обязательно, ваше величество. До свидания.

С этими словами я отвесил королеве почтительнейший поклон и удалился.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

А пока что давайте вернемся к реальности.

Дж. Лукас

У меня просто гора с плеч свалилась! Впервые послеозвращения с Извра я чувствовал себя хозяином собственной судьбы.

Не надо больше ломать голову, должен ли я жениться на королеве Цикуте — будь то ради блага королевства, или ради

блага нашей команды... или вообще ради блага цивилизации. У меня снова появилась перспектива! Я сам мог решать, что мне делать со своим будущим, и на меня больше не давила необходимость гадать, как будет лучше для других.

Идя по дворцовым коридорам, я обнаружил, что насвистываю, чего со мной давно уже не случалось, и с трудом подавляю искушение пуститься в пляс.

А обнаружив, немедленно изобразил какое-то па.

Я учился судить обо всем, что делаю, не оглядываясь на то, считают ли это правильным другие... точнее даже, на то, думаю ли я, что другие считают это правильным. Отныне я буду поступать так, как хочу я... а весь мир и все прочие измерения пускай приспосабливаются, как хотят!

Я изобразил очередной прыжок. Вряд ли это походило на классический танец, но плясать было ужасно приятно. Приятно, черт возьми! Не помню, чтобы мне когда-нибудь было так приятно.

Тут я увидел, что на меня издали глазеют какие-то люди, а потом заметил и других тянувших шеи, чтобы лучше видеть. Помало не смутившись, я весело помахал им рукой и продолжал приплясывать.

Надо срочно кому-нибудь рассказать! Надо поделиться с друзьями моим новообретенным счастьем! Они были рядом со мной в невзгодах, а теперь я хочу быть рядом с ними, когда мне так хорошо!

Надо рассказать Банни... или нет, Аазу! Сначала Аазу, а потом Банни. Мой партнер заслужил, чтобы ему я рассказал первому.

— Эй, босс! Скив!

Я обернулся и увидел Нунцио, призывающе машущего рукой из дальнего конца коридора. Я удивился, что он там делает, и помахал в ответ. Тут до меня дошло, что я впервые вижу, чтобы *он* подзывал меня к *себе*, а не наоборот. Ощущение тревоги вытеснило мою эйфорию.

— Идите сюда быстрее, босс! Это очень важно!

Мои опасения подтвердились. Случилось что-то неладное. Очень неладное.

Я кинулся к нему, но он пошел дальше в глубь коридора, время от времени оглядываясь, чтобы убедиться, следую ли я за ним.

— Подожди, Нунцио, — крикнул я.

— Скорее, босс! — откликнулся он, не замедляя шага.

Я уже начал задыхаться, пытаясь его догнать, но он, казалось, только наращивал скорость. Наконец он нырнул в лестничный пролет, и мне пришла в голову удачная идея.

Добравшись до лестницы, я, вместо того чтобы спускаться по ступенькам, воспарил над перилами и с помощью магии (которая в данном случае сводилась к левитации наоборот) заскользил вниз. Это оказалось быстрее, чем бежать, и гораздо легче для легких, так что я спокойно проскользил до самого низа. Мне удалось поймать моего телохранителя и одновременно восстановить нарушенный ритм дыхания как раз к моменту выхода из замка на двор.

— В чем дело, Нунцио? — спросил я, замедляя движение и подстраиваясь к его шагу.

Вместо ответа он показал куда-то вперед.

Во дворе собралась небольшая толпа. Там были стражники и еще кое-кто из обитателей дворца, но кроме них были еще какие-то ряженые типы. Потом я разглядел среди них Гвидо с Пуки и... Ааза!

— Эй, Ааз! Что случилось? — крикнул я.

Услышав мой голос, все обернулись ко мне, а потом расступились в стороны и...

И я увидел, вокруг чего они там толпились.

— ГЛИП!

Мой дракон лежал на боку без всяких признаков обычной жизнерадостности.

Я не помню, как приземлился... и вообще не помню, как лвигался. Помню только, что присел на корточки возле моего бесного зверя и положил его голову к себе на колени.

— Что с тобой, парень? — произнес я, но он ничего не ответил. — Ааз, что с ним?

— Скив, я... — начал мой партнер, но я уже увидел сам.

Из бока Глипа, позади передней лапы, торчала стрела!

В этот момент я почувствовал, как дракон шевельнулся, слабо пытаясь приподнять голову.

— Не напрягайся, парень, — сказал я, стараясь, чтобы это прозвучало ласково.

Взгляд Глипа нашел мои глаза.

— Скив? — слабым голосом сказал он, но тут же обмяк, и голова его снова упала ко мне на колени.

Он произнес мое имя! Первое свое слово, если не считать того звука, по которому он получил имя.

Я осторожно положил его голову на землю и встал. Несколько секунд я смотрел сверху вниз на моего дракона, а потом поднял глаза на собравшуюся толпу. Не знаю уж, что было написано у меня на лице, но все они под моим взглядом отступили на несколько шагов.

Я заговорил, стараясь, чтобы голос мой звучал мягко и ровно, но он все равно доносился будто издалека.

— Ладно, — сказал я. — Я желаю знать, в чем дело... и немедленно!

МИФия невыполнима

ГЛАВА ПЕРВАЯ

А вот опять и мы!

Ситрипио

Когда мой учитель и наставник Ааз ворчит или произносит филиппики по поводу моей тупости вообще или совершенных мною глупостей, я принимаю ужасно виноватый вид, хотя его болтовня меня нисколько не трогает.

Я смотрю на это как на географический феномен и как на обязательную плату за уроки магии.

Хочу пояснить, что термин «географический» в данном случае означает лишь то, что Ааз, будучи старше меня, болтался по миру больше, чем я.

Значительно больше.

Ааз — умудренный опытом «Демонстратор измерений» (в просторечии просто «демон»), и сравнивать его опыт и знания с моими было бы просто глупо.

Измерение, с которого Ааз свалился на мою голову, называется Извр, и его обитатели славятся своим необузданым правом и природной враждебностью.

Другие путешественники по измерениям всеми силами стараются избежать Извр, а встретив зеленого, покрытого чешуй изнера в каком-нибудь другом измерении, обходят его стороной.

И в довершение ко всему Ааз в свое время был могущественным магом, но утратил свои способности в момент нашей с ним встречи («Еще один великолепный МИФ»).

Паблюдая, как я спотыкаюсь и заикаюсь, изучая совершенно примитивные, с его точки зрения, заклинания, он время от

времени начинает слегка сердиться. Особенno выводит его из себя то, что по части магии он теперь целиком зависит от меня.

Я могу понять и принять его ворчание, когда он считает, что я совершаю какую-то глупость.

Однако я не терплю замечаний в тех случаях, когда, лишь оглядываясь назад, понимаешь, что глупость, которую я совершил, действительно была глупостью.

Мы наслаждались жизнью за стенами дворца королевства Пессилтум, после того как я получил завидную должность придворного мага. Эта работа досталась мне только потому, что Ааз сумел протащить меня через начальное прослушивание.

Если быть точным, то жизнью наслаждался лишь Ааз. Для него жизнь во дворце означала комфорт и приличное жалование. Для меня же она оставалась существованием бок о бок со злодорным демоном, требующим, чтобы я денно и нощно только занимался тем, что изучал магию.

По-моему, даже нет нужды говорить о том, что по прошествии некоторого времени все это начинает изрядно надоедать.

Те несколько приключений, которые выпали на мою долю после знакомства с Аазом, подогрели во мне жажду странствий, и я рвался на волю сильнее, чем прежде.

Однако, к моему великому сожалению, Ааз упорно отказывался учить меня самостоятельно скакать по измерениям, заявляя, что с моими хилыми познаниями в области магии это смертельно опасно.

И вот я решился на совершеннейшую глупость. Мне захотелось перехитрить Ааза и заманить его в новые путешествия по измерениям, а билетом в эту сказочную жизнь должен был послужить предмет, который я держал в руках.

— Ааз, — сказал я, протягивая ему свернутый вчетверо листок пергамента. — По-моему, тебе стоит на это взглянуть.

Ааз посмотрел на мою руку так свирепо, словно находящийся в ней жалкий листок мог его укусить. А свирепый взгляд существа с Извра, поверьте, способен на кого угодно произвести сильное впечатление.

— И что же это такое?

Я пожал плечами:

— Похоже на карту.

Вообще-то я точно знал, что это и есть карта.

Когда я вместе с Тандой странствовал по измерениям, чтобы прикупить подарок Аазу на день рождения, мне эту карту всучил на углу какой-то попрошайка. Поскольку Танда в этот момент обсуждала какой-то вопрос с местным дельцом и остановить меня было решительно некому, я приобрел карту за несколько медяков, подумав, что она может стать забавным дополнением к подарку. Я сунул покупку в сумку на пояс и начисто забыл о ней из-за проблем, связанных с Большой Игрою тремя измерениями позже.

В принципе подобный провал в памяти был вполне прощительным, поскольку Танда попала в плen и все мы сосредоточились на том, чтобы вызволить ее. А единственным средством освободить Танду была победа в Большой Игре.

Поэтому у меня имелись все основания забыть об этой карте. У меня и без нее забот было выше крыши.

Однако сегодня, запустив руку в сумку в поисках какой-то нужной мне вещи, я случайно наткнулся на этот листок.

Поскольку я честно не знал, какое значение может иметь эта карта, я решил использовать ее в качестве наживки, способной заманить Ааза вместе со мной в иные измерения.

Ааз по-прежнему не испытывал ни малейшего желания прикоснуться к пергаменту. Совсем напротив. Махнув рукой в сторону камина, он буркнул:

— Отправь эту штуку туда и возвращайся к занятиям.

— На сегодня занятия закончены, — ответил я. — Все сделано.

— Ты никогда не закончишь занятия и не переделаешь всего, что надо.

Я игнорировал это глубокомысленное замечание и продолжал гнуть свое:

— Между прочим, я заплатил за эту карту неплохие деньги.

Сказав это, я бросил на стол козырную карту. При всех своих многочисленных достоинствах Ааз люто ненавидит выбрасывать на ветер деньги.

Например, он приходит в ярость каждый раз, когда мой дракон Глип что-нибудь ломает, резвясь, и расходы на ремонт приходится покрывать из моего жалованья.

Все наши средства находились под полным контролем Ааза, и если его послушать, так мы постоянно пребывали на грани банкротства и нам вот-вот грозила голодная смерть.

— Уверен, что тебя опять надули. — Ааз отвернулся. — Ты не можешь без того, чтобы не бросать деньги на ветер.

Я задумался. Задача оказалась гораздо сложнее, чем я ожидал. В принципе, если есть возможность подзаработать, Ааз ни за что этого не упустит. И тут до меня дошло, что я забыл ему сказать, куда ведет эта карта.

— Ааз, — сказал я, обращаясь к его спине.

Ааз даже ухом не повел. Более того, демонстративно уставился в окно, выходящее на задний двор замка.

— Ааз, тебе действительно следует на это взглянуть! Карта указывает путь к существу, именуемому «корова».

— Ну и что? — спросил Ааз, качая головой. — Ты помнишь то время, когда мы последний раз посещали Базар-на-Деве? Из чего, по твоему мнению, был изготовлен бифштекс, который ты там лопал?

Я с недоумением уставился на него, так как не имел ни малейшего понятия о том, что бифштексы готовятся из коровы. Я был в полной уверенности, что их готовят из существ, именуемых «бифштекс». Форель готовят из форели, лосося из лосося, а утку из уток. Кроме того, в этом измерении коровы не водились. Во всяком случае, я ни одной не встречал.

— Послушай, — не сдавался я, глядя на пергамент. — Карта указывает путь к золотой корове, живущей в золотом дворце и дающей молоко с примесью золота.

Ааз медленно повернулся и, сощурившись, посмотрел на меня, словно пытаясь решить, шучу я или говорю серьезно.

Затем он в два шага перемахнул разделяющее нас расстояние и выхватил пергамент у меня из рук.

— Значит, этот золотой зверь действительно существует? — спросил я, когда он принялся изучать карту.

Ааз не ответил, и мне оставалось только пялиться на него, пока он пялился на карту.

Карта казалась мне ужасно чудной. На ней были обозначены не дороги, как на всех нормальных картах, а энергетические точки и центры энергетических вихрей, не было на-

званий городов и рек, зато в изобилии встречались упоминания о переходах из измерения в измерение.

Ааз как-то сказал мне, что измерений насчитывается великое множество, и их точного числа не знает никто. Перепрыгивая из одного в другое, можно заблудиться и не найти путь домой, добавил тогда мой наставник. После того как мы с Тандой в поисках подарка побывали то ли на тридцати, то ли на сорока измерениях (точно не помню), я начал ему верить.

В конце концов Ааз соблаговолил на меня взглянуть. На сто отвратительной физиономии явно читалась задумчивость. А в задумчивости Ааз, как вам известно, сразу становится похожим на злобного, хищного зверя. Его зеленая кожа, золотые глаза и рот, полный острых зубов, способны произвести весьма сильное впечатление на тех, кто к ним не привык. По счастью, я успел притерпеться к его облику.

— Итак, скажи, где точно ты это раздобыл? — спросил он, помахивая пергаментом перед моим носом.

— Купил у какого-то типа на улице, на углу, — ответил я. — По-моему, это был попрошайка.

— В каком измерении?

— Понятия не имею, — пожал я плечами. — В одном из многих, на которых побывали мы с Тандой. Если хочешь, спроси у нее.

Ааз стал еще задумчивее.

— Из каких соображений ты исходил, покупая эту карту?

— Честно говоря, не знаю. — Я снова пожал плечами. — Вообще-то я думал, что мы вместе посмеемся на твоем дне рождения, когда я преподнесу тебе карту в качестве подарка. Кроме того, попрошайка сказал, что уже много лет не встречал существа, не только способного воспользоваться картой, но и имеющего шансы остаться после этого в живых, дабы поведать миру о своих приключениях.

— Мог он увидеть твою истинную личину? — спросил Ааз, глядя мне в глаза.

Я попытался припомнить весь тот день. В том измерении я использовал свое стандартное заклинание личины. Поскольку большинство тамошних обитателей имели всего две ноги, а их средний рост не превышал четырех футов, изменить облик

было совсем не сложно. Во всяком случае, по сравнению с тем измерением, где нам с Тандой пришлось выступать в образе улиток. Но нищий явно выделил меня из числа прохожих, да и сам он выпадал из толпы, поскольку ростом был не менее пяти футов. Я посмотрел на Ааза и кивнул:

— Вполне возможно. Но как он это сделал, я не понимаю.

Ааз глянул на меня с отвращением, безнадежно махнул рукой и произнес:

— Знай, ученик, имеются тысячи способов определить истинную личину, особенно у такого, с позволения сказать, мага- недоучки, как ты.

Я промолчал, понимая, что свои магические способности я доказать не смогу. Ааз всегда выигрывал подобные споры, предлагая мне свершить нечто такое, что находилось за пределами моих ограниченных возможностей. И так случалось всегда, когда речь заходила о магии. Но менять личины я действительно умел.

Ааз развернулся на каблуках и вновь направился к окну, так и не отдав мне карту. Некоторое время он стоял глядя на двор, а тишина в комнате становилась все более и более зловещей. Надо признаться, что я терпеть не могу, когда кто-то думает и при этом не сообщает мне о чем.

— Значит, золотая корова все-таки существует? — Я подошел к учителю и встал рядом с ним у окна. Теперь он не мог просто так меня игнорировать.

Внизу во дворе Глип носился кругами, пытаясь ухватить себя за хвост. По счастью, рядом с ним не было никаких предметов, потому что, когда дракон ловит себя за хвост, эти предметы оказываются растоптаны, раздавлены или в крайнем случае просто разбиты. Особенно когда хвостоловством занимается юный дракон. Но наиболее удивительным было то, что Ааз, похоже, не замечал безумств Глипа. Карта, вне всякого сомнения, была ему небезразлична.

— Эта золотая корова, — снова спросил я, — она действительно существует?

Ааз неспешно повернулся, посмотрел мне в глаза и произнес:

— Миф. Таких мифов в различных измерениях навалом.

— Шутишь! Неужели есть и другие мифы о златокорове со златомолоком?

Поскольку я в жизни ни одной коровы не видел, мне было очень трудно представить подобное. Я понятия не имел, как может выглядеть единственная корова, а уж дюжина — и подавно. А может, расой коров заселено одно из измерений?

Ааз вздохнул. Обычно такой вздох означал, что я особенно глуп или непонятлив.

— Примерно в каждом десятом измерении бытует миф о животном или разумном существе, имеющем отношение к золоту. У одних это гусыня, откладывающая золотые яйца, у других рыба, которая своим прикосновением превращает в золото любой предмет, у третьих — утка с золотыми перьями.

— Ничего себе птичка, тяжеленькая. Такая не поплывет, — заметил я, пытаясь воссоздать в воображении покрытую золотом утицу.

— Перья становятся золотыми, только когда она их теряет, — с очередным вздохом сказал Ааз.

— А ты сам когда-нибудь видел золотое животное? Или хотя бы был поблизости?

Ааз расхохотался, и от этого демонического хохота затрясся весь дворец.

— Неужели ты думаешь, что после встречи с подобным зверем я торчал бы в этом сыром и затхлом замке с туцией учеником на шее?

В глубине души я признал, что это вполне убедительный довод, но в то же время не мог согласиться с каждым его словом.

— Значит, эта карта — подделка? — спросил я.

— Скорее всего, — ответил Ааз, глядя во двор.

Глип наконец поймал свой хвост и тут же отметил это радостное событие отчаянным визгом. Видимо, он в азарте охоты слишком сильно прикусил кончик. Вообще-то Глип весьма сообразительный дракон, но только не тогда, когда дело доходит до ловли хвоста.

Я посмотрел на демона. Когда Ааз, не глядя на меня, сказал «скорее всего», по тону я понял: есть шансы (хотя и очень малые) на то, что карта, открывающая путь к золотой корове, может оказаться подлинной.

— Почему «скорее всего», а не «точно»? — поинтересовался я.

— Да потому что мне доводилось видеть золотой олений помет.

— Олений помет? — Я снова не понял, что он хочет этим сказать.

— Оленье дермо, — устало уточнил мой наставник, и по его тону я понял, что он устал отвечать на глупые вопросы. — Олений помет, оленье дермо, олений навоз, олены эксременты, оленье гов... — принялся уточнять он. — Впрочем, достаточно. Короче, в одном из измерений существует миф о своеобразном составе оленевых испражнений. Надеюсь, ты наконец понял? Итак, я видел один кругляк. И... — Он замолк и посмотрел на меня.

— И что дальше?

— И кроме того, на Базаре-на-Деве я видел крупный обломок лосиных рогов из чистого золота.

Я был просто потрясен. Олень, который испражняется золотом, и золотые лосиные рога...

— Значит, карта подлинная? — спросил я.

— Сомневаюсь, — ответил Ааз, разглядывая пергамент.

— Но точно ты не знаешь?

— Нет, точно я не знаю. — Он покачал головой.

— Так, значит, мы отправимся в путешествие, чтобы проверить? — с надеждой поинтересовался я.

— Вернусь через час, — бросил он вместо ответа, а потом аккуратно сложил листок и сунул себе в карман.

После этого он взял в руки И-Скаун и настроил это транспортное средство на путешествие в нужное измерение. До того, как мы встретились, Ааз был очень могущественным магом, способным перемещаться между измерениями без помощи прибора. Теперь же он не мог обойтись без И-Скауна, и это его сильно угнетало.

— Постой! — заорал я. — Ты не можешь отправиться на поиски без меня!

— Я и не собираюсь ничего искать, — ответил Ааз и добавил: — Проследи за тем, чтобы этот глупый дракон ничего не сломал. Иначе нам снова придется понести убытки. Готовься

к путешествию. Через час. И имей в виду — твой глупый дракон останется дома.

Раздался слабый «БУМ!», и Ааз исчез, чтобы появиться в ином измерении.

К возвращению Ааза я успел разместить Глипа в стойле на конюшне и договориться, чтобы его кормили и выводили на прогулку до тех пор, пока я не вернусь из тех неизвестных мне мест, куда мы направляемся.

Я стоял у изголовья своей кровати, когда воздух внезапно содрогнулся от очередного «БУМ!». Я вздрогнул. Каждый бы на моем месте вздрогнул, если бы этот в общем-то негромкий «БУМ!» раздался всего в двух футах от него.

Если быть совсем точным, то я скорее не вздрогнул, а подпрыгнул.

Ааз вернулся не один. С ним был мой самый любимый демон из всего сонмища демонов.

— Танда! — закричал я и шагнул навстречу этому красивейшему созданию с длинными зелеными волосами и совершенной фигурой, способной остановить на марше целую армию.

— Скив! — с радостным смехом воскликнула она и заключила меня в объятия, которые, как я надеялся, продлятся вечно.

Последний раз мы виделись всего месяц назад на дне рождения Ааза, и она была пьяна, как последний скунс. Однако я полагал, что каждая наша встреча служит достаточным поводом для объятий. Танда, судя по всему, тоже не возражала против такого горячего приветствия. В свое время Танда была профессиональной убийцей и даже состояла в Гильдии. Я не знал, чем она занимается сейчас, кроме бесконечных покупок и участия в разного рода авантюрах, и не имел ни малейшего желания это выяснить. Мы оставались друзьями — и достаточно.

Ааз громко откашлялся, хотя мыостояли, обняв друг друга, совсем недолго. Он, видимо, возражал против того, что она не возражала против того, чтобы стоять, прижавшись ко мне. Ну и пусть. Я все еще верил, что нравлюсь Танде больше, чем он, — и это было самое главное.

Она легонько оттолкнула меня и, притворившись, что сердится, спросила:

— И почему же ты не сказал мне, что прикупил карту с сокровищем?

— По правде говоря, я собирался тебе это сказать, как только остановимся на ночлег. — Я пожал плечами. — Но затем тебя схватили, состоялась Игра, и карта просто вылетела у меня из головы.

— Не помнишь, за сколько измерений до Валлета ты ее купил? — уточнила она.

— За три, — ответил я.

— Ты в этом уверен? — рявкнул Ааз, и мне показалось, что из обращенных на меня золотых глаз вот-вот вылетят боевые стрелы.

— Валлет был тем измерением, на котором проходила Большая Игра. — Я поднял руку, а другой рукой отвел вниз болыной палец. — Так?

Танда кивнула. Ааз обжег меня взглядом, заставив потопиться. Я избегал раздражать своего наставника, когда в этом не было острой необходимости.

— Если считать назад, — продолжил я, отгибая указательный палец, — то до этого мы оказались в измерении, где нам пришлось принять личину свиней с тремя пятаками.

С этими словами я поводил перед их носами указательным пальцем.

— Забавное местечко, — ухмыльнулась Танда.

— А мне не очень понравилось, — возразил я, но Ааз посмотрел на меня так, что я счел за благо продолжить дальше.

— До этого, — я ткнул в средний палец, — мы пребывали в измерении, в котором наш рост был восемь футов, а передвигались мы на трех ногах.

— Это тоже было очень забавное измерение, — хихикнула Танда.

Измерение было хуже некуда, потому что там у меня было три ноги, а передвигаться на трех конечностях, по-моему, ничуть не легче, чем летать, как птица, размахивая руками. Но на сей раз я решил из соображений собственной безопасности не выступать с возражениями и сразу перешел к следующему измерению.

— А еще раньше мы побывали в измерении, — я ткнул в безымянный палец, — где я и купил карту. Получается, — я продемонстрировал им три пальца, — что это было третье от Валлете измерение.

Я хотел было спросить у Ааза, не желает ли он, чтобы я для большей точности повторил подсчет, но увидев, как он мною недоволен, от этой мысли отказался.

— Мини, — улыбнулась Танда. — Впрочем, я так и думала.

— А что особенного в этом измерении? — поинтересовался я.

Я нашел это место весьма заурядным, хотя Танда почему-то хотела покинуть его как можно скорее.

— И это означает, — уныло произнес Ааз, — что карта скорее всего подлинная.

— Почти наверняка подлинная, — со смехом согласилась Танда.

— Вы не шутите? — спросил я. — И полагаете, что золотая корова там есть?

— Ничего подобного я не утверждал, — пробурчал Ааз, — я всего лишь сказал, что карта скорее всего подлинная.

Я насупился, а Танда снова засмеялась и пояснила:

— Дело в том, Скив, что обитатели Мини (их зовут миникенами) обладают ужасным свойством: они органически не способны врать, чего бы это ни касалось. Именно поэтому они себя очень скверно чувствуют, посещая Базар-на-Деве.

— Но, может, тот парень, который продал мне карту, не был миникеном?

— Кем бы ни был этот парень, он потерял способность лгать, если провел на Мини более суток. Следовательно, то, что он сказал тебе о карте, было чистой правдой. Именно поэтому мы с такой поспешностью убрались с Мини. Если ты занимаешься покупками, то абсолютная правдивость может нанести тебе непоправимый ущерб.

Я понимал, что Танда пришла к подобному выводу вовсе не на основании собственного опыта. Но во всем, что касается торговли, она была экспертом.

— Отправляемся, — повернулась она к Аазу. — Доставай карту, мы зря теряем время.

Не знаю почему, но у меня появились очень дурные предчувствия, — произнес Ааз.

Он достал пергамент, развернул и положил на кровать так, чтобы мы все могли его видеть. Я не имел ни малейшего представления о том, на что смотрю, но Танда, похоже, понимала, что перед ней.

— Вот здесь измерение миникенов, — сказала она, показывая на верхний левый угол карты.

Теперь это понял даже я, поскольку там значилось «Мини».

— Мы начнем оттуда? — Этот вопрос, естественно, задал я.

Ааз кивнул. То же самое сделала и Танда, за что я был ей очень благодарен. Если они оба подтверждают этот факт, то у меня нет никаких оснований сомневаться.

Танда провела пальчиком по одной из линий, отходящих от Мини. Линия упиралась в черную точку, под которой было написано «Завихрение №1». Некоторое время она смотрела на надпись, а потом подняла глаза на Ааза и спросила:

— Тебе известно, что это и где оно находится?

— Понятия не имею.

Эти слова повергли меня в шок. Мой наставник крайне редко признавался в незнании чего-либо. Я даже не помню, когда это случалось в последний раз, если вообще когда-то случалось. У меня возникло желание сказать ему об этом, но время для подобных заявлений было явно неподходящим, и я вернулся к разглядыванию карты.

От «Завихрения №1» отходили три линии. Заканчивались они у черных точек без всяких надписей. А от этих шести точек, в свою очередь, шли линии к другим точкам, обозначавшим «Завихрения». Кроме первого «Завихрения», их было еще семь, а в правом нижнем углу карты стоял знак «Х», и рядом с ним значилось — «Корова». К корове вела всего лишь одна линия, ведущая начало от точки с надписью «Завихрение №8».

Было ясно, что прямиком из Мини до коровы никак не добраться. И вообще к этой золотой скотине не было ни единого прямого пути.

Даже беглого взгляда на карту было достаточно, чтобы убедиться: у нас по меньшей мере дюжина вариантов следования через разные «Завихрения» по различным линиям. Если мы и не отыщем корову, то все равно развлечемся, решая эту головоломку.

Ааз неоднократно говорил мне, что скачки по измерениям — дело опасное, поскольку можно попасть в незнакомое место и не найти оттуда дорогу домой. Интересно, подумал я, насколько опасно путешествовать по измерениям, руководствуясь этой картой, учитывая то, что сама карта ужасно путаная.

— Сдается мне, — сказала Танда, обращаясь к Аазу, — что без дополнительной помощи нам эту золотую тварь не отыскать.

Ааз посмотрел на нее, медленно наклонил голову и сказал:

— Я думаю, что ты не думаешь о том, о чем думаю я.

— Я думаю именно о том, о чем думаешь ты, — ответила она.

— Нет!

По собственному опыту я знал, что, когда Ааз произносит «нет!» таким тоном, ничто не может заставить его поменять точку зрения.

— Да, — сказала Танда и послала ему такую улыбку, от которой у мужчин мгновенно плавятся пряжки на ремнях, поддерживающих брюки.

Затем она протянула руку и погладила демона по зеленой чешуйчатой щеке.

— Нет, — повторил Ааз, но уже не столь решительно. Даже п'верг не в силах противостоять чарам Танды.

— Да, — повторила она, подбавив в улыбку еще немного шарма и почесывая шею Ааза где-то за ухом. Я возрадовался, что она проделала этот трюк не со мной, потому что, даже глядя со стороны, я едва не растекся лужей по полу. При этом я понятия не имел, о чем идет спор.

Ааз, похоже, чувствовал себя почти как я.

— Это — ошибка, — сказал он, покачивая головой. — Как мы иначе сможем определить то измерение, на которое нам следует перескочить с Мини?

Она еще раз потрепала его по щеке и прижалась к нему всем телом. Ни одно нормальное существо мужского пола не способно противостоять подобной атаке. Ааз, естественно, тоже не устоял. Даже у меня свежевыстиранная рубашка насквозь пропиталась потом.

Ну хорошо, — произнес он так тихо, что я почти не расслышал. — Но, поверь, мы совершаем ошибку.

— Не волнуйся, мы никому эту карту не покажем. — Танда отошла от Ааза и свела накал своих чар до нормального уровня.

И Ааз, и я глубоко вздохнули.

— Но тогда — зачем? — спросил Ааз.

— Мы узнаем, что представляет собой этот энергетический узел и где он находится, — ответила Танда.

— Может быть, мне объяснят, о чем идет речь? — не выдержал я.

— Нет! — отрезал Ааз, взял меня за руку и встал рядом с Тандой.

Уже через миг моему взору открылся Базар-на-Деве.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ну и базар!

Ригли

Другого места, хотя бы отдаленно смахивающего на Базар-на-Деве, не сыскать во всей вселенной. По крайней мере так утверждает Ааз. И я, исходя из собственного опыта, полученного после немногих посещений Базара и знакомства с некоторыми измерениями, начинаю ему верить. Обитателей Девы зовут деволами, и деволы считаются лучшими торговцами во всех известных измерениях.

Изверги, к которым принадлежит Ааз, трясутся над каждым грошом, но любой девол, как утверждает мой наставник, без труда вытянет этот грош из кармана ваших штанов, и вам еще повезет, если эти штаны останутся на вас. Девол может пустить вас гулять по свету голышом и при этом убедить, что вы совершили чрезвычайно выгодную для себя сделку.

Базар-на-Деве являлся материальным воплощением подобных талантов. Он был торговой столицей всех измерений, и у меня сложилось впечатление, что Базар тянется в бесконечность. Когда я спросил у Ааза, сколько мне потребуется времени, чтобы дойти до другого конца Базара, он ответил,

что на это уйдет пять или шесть месяцев, не забыв присовокупить, что живым мне туда все едино не добраться.

Надо признать, что Базар-на-Деве действительно место несъма опасное, поэтому, протискиваясь через толпу, я старался держаться как можно ближе к Танде и Аазу.

Я не мог понять, почему местность, где мы оказались, просто кишила демонами. Вонь стояла такая, словно кто-то решил варить поблизости старые сапоги, а большинство демонов покрывала красно-белая чешуя, и чешуйки сыпались с них при малейшем прикосновении. Поскольку мы очень спешили, я то и дело на кого-нибудь натыкался.

К тому времени, когда мы остановились перед совершенной незаметной палаткой с опущенным клапаном входа, я испотел, словно в жаркий летний день, и был облеплен чешуей с головы до ног.

— Будет неплохо, если ты стряхнешь с себя эту дрянь, — заметил Ааз, глядя на меня и покачивая головой.

Ни к нему, ни к Танде не прилипло не единой чешуйки. Я недоумевал, как им удалось остаться чистыми.

— Зачем стряхивать, сами отвалятся, — сказал я.

— Они кислотные, — пояснила Танда и сковырнула полированным коготком чешуйку с моего лба.

Я принял лихорадочно стряхивать сотни прилипших к одежде чешуек. Танда и Ааз, глядя на мои потуги, весело смеялись.

— Не могли бы вы, вместо того чтобы веселиться, очистить от чешуи мою спину? — возмутился я.

Танда рассмеялась еще громче. Я повернулся к ней спиной и ощутил, как по моим плечам, спине и чуть ниже спины прошли ее ручки. В других обстоятельствах я бы расслабился и постарался получить удовольствие, но сейчас мне было не до того. Какое можно получить удовольствие — расслабляйся не расслабляйся, — если ты стоишь в толпе, тебя толкают со всех сторон, ты переминаешься с ноги на ногу, а с себя обирают чужие чешуйки?

Ааз стоял в стороне и, покачивая головой, взирал на палатку. Тем временем чистка закончилась, и Танда на всякий случай проверила мои волосы, шею и уши в поисках застрявших чешуек.

Одну мы все-таки пропустили, и я узнал об этом лишь после того, как увидел, что у меня задымился ботинок. Это была моя лучшая пара! Я снянул ботинок с ноги и вытряхнул кислотную чешуйку на пол. Ааз посмотрел на меня, ослабился, продемонстрировав все свои остроконечные зубы, и сказал:

— Благодари небеса, что ни одна из них не завалилась тебе в штаны.

Ничего не ответив, я посмотрел на прожженную в подошве дыру и содрогнулся.

— Если хочешь, могу проверить, — ухмыльнулась Танда.

— Спасибо, — буркнул я, надевая ботинок, — как-нибудь в другой раз.

— Не нравится мне эта затея, — сказал Ааз, поворачиваясь лицом к палатке, которая, видимо, и была целью нашего визита на Дену.

— Я тоже не в посториге, — пожала плечами Танда, — но другого варианта у нас нет. Ты знаешь еще кого-нибудь, кто мог нам сказать, что такое «Завихрение» и где его искать?

Ааз покачал головой, явно пытаясь что-то вспомнить. Не добившись успеха, он сказал:

— Больше всего мне не нравится цена, которую нам придется за это уплатить.

— Не думаю, что цена окажется чрезмерной, — возразила Танда.

Ааз промолчал.

Я закончил контрольную проверку на чешуйчатость и посмотрел на палатку, перед которой мы находились. На ней не имелось никакой вывески, и ничто не указывало на то, что в ней вообще кто-то есть. Посетители рынка почему-то обходили ее стороной.

— Мне хотелось бы знать, куда мы идем, — заявил я. — Достаточно лишь крошечного намека.

— Ты nowhere не идешь, а остаешься здесь, — ответил Ааз.

— Ни за что! — Я оглядел толпу красно-белых кислотных демонов и для пущей убедительности потряс головой.

— Нам следует держаться вместе, — заметила Танда, принимая мою сторону. — Возможно, нам придется быстро отсюда сматываться.

— Не нравится мне это, — проворчал я, копируя наставника.

Лаз внимательно посмотрел мне в глаза, что-то прорычал и буркнул:

— Ты там не проронишь ни единого слова. Понял?

— Само собой, — кивнул я и приложил ладонь ко рту, давая понять, что отныне он на замке.

— Давай я тебе помогу, — улыбнулась Танда, прикоснувшись своей прекрасной ручкой к моим губам. Прикосновение было нежным, а аромат кожи напоминал благоухание цветов. Она провела пальцами по моему рту и потрепала меня по плечу.

— Это было... — начал я и умолк. Мой рот перестал открываться.

Я сделал еще одну попытку выразить свое восхищение, но все слова почему-то остались внутри меня, а на волю вырвалось:

— Тррртттт Врррттт. — Я попытался крикнуть: «Что ты со мной сделала?», но до моих ушей долетело лишь: — Вттттхххх дтттгхххх йтттгхххх дтттгхххх.

Губы склеились накрепко. И чем сильнее я старался их разлепить, тем больнее мне становилось.

— А я и не знал, что ты это умеешь, — сказал Ааз Танде, не обращая внимания на мои убогие попытки.

— Мне раз сто хотелось применить это заклинание, — ответила она. — Ты обо мне еще многоного не знаешь.

Что касается меня, то мне вовсе не хотелось, чтобы Танда заклеивала мне рот. Я предпочел бы, чтобы все ее действия с моими губами ограничивались поцелуями.

Я попытался высказать ей это, но не смог.

— Вперед, — скомандовал Ааз, которого мое состояние, судя по всему, вполне устраивало, и шагнул к палатке.

— Не беспокойся, я это сделала для твоего же блага. И для нашего тоже, — сказала Танда, глядя на мои безуспешные попытки разлепить губы. — Это пройдет. — Она подхватила меня под руку и повлекла вслед за Аазом.

В первый раз за все время до меня дошло, что постоянно твердящая об отсутствии магических способностей Тананда обладает гораздо большим могуществом, чем ваш покорный слуга — придворный маг королевства Поссилтум.

Подойдя к входу в палатку, Ааз и не подумал постучать. Хотя, по правде говоря, не знаю, есть ли какой-либо толк от стука в палатку. Он решительно вошел внутрь, а Танда провела меня за ним следом. Внутри палатка оказалась просто гигантской. Нет, слово «гигантской» здесь явно не подходит. Противоположной стены палатки я не видел, и у меня сложилось полное впечатление, что я шагнул в бесконечность. Впервые в жизни я увидел палатку, которая изнутри была больше, чем снаружи. Ааз упоминал о существовании на Базаре подобных торговых помещений, но до тех пор, пока я сам не вошел внутрь через откинутый полог, я не представлял, что подобное возможно. В палатке царил полумрак, полы там были из мрамора, а стены каким-то образом оказались деревянными. Мебель практически отсутствовала. Лишь чуть в стороне от нас располагался простой деревянный стол. На стене за столом красовалась огромная карта измерений. А за самим столом восседала женщина. На наше появление она вообще не среагировала.

Поначалу я никак не мог взять в толк, чего так опасались Ааз и Танда. Помещение выглядело странным, но ничего угрожающего в нем не было, если не считать того, что оно было в сотни раз больше той палатки, в которой находилось. Мы остановились перед столом, и Ааз выдвинулся чуть вперед, так как именно он собирался держать речь.

Женщина подняла на него взгляд и улыбнулась. У нее были оранжевые глаза и нос пуговкой, сильно смахивавший на свиной пятачок. На Танду дама совершенно не походила. Подобного демона женского пола мне ранее видеть не доводилось.

— Да? — сказала она, и я чуть не упал.

У нее оказался низкий, грубый, явно мужской голос. И именно этот голос заставил меня посмотреть на нее — или на него — внимательнее. Я не мог понять, почему вдруг решил, что передо мной женщина. Ее руки и плечи были скроены как у мужчины, а волосы острижены коротко, по-мужски. Тем не менее до того, как он заговорил, я был готов дать голову на отсечение, что нас встретила женщина. Словом, от всех этих мыслей моя голова пошла кругом. Ааз сразу взял быка за рога.

— Нас интересует, как можно попасть в измерение, именуемое «Завихрение», — сказал он.

Мужчина, который вроде был как бы женщиной, улыбнулся. Теперь это, несомненно, снова была женщина. Ее свиной пятачок куда-то исчез, и на его месте появился носик прекрасной формы. О губах я молчу, так как, глядя на них, можно было вообще лишиться дара речи, которого, впрочем, я уже был лишен. Я следил за тем, как постепенно меняется ее лицо. Изменения были просто невероятными. Глаза из оранжевых сделались голубыми, кожа посмуглела, щеки покрасовели, а волосы выросли до плеч.

— Как вы... — Я пожелал спросить, каким образом удается ей подобная трансформация, но склеенные губы не позволили мне этого сделать.

Ааз и Танда ничего не спросили, так как, видимо, ожидали увидеть демона-трансформера.

Создавалось впечатление, что она беспрестанно творит Заклинание личины. Любопытный трюк, подумал я.

— Скажите, — произнесла она нежным, тихим и весьма соблазнительным голосом, — какое из Завихрений вас интересует?

Прежде чем ответить, Аазу, очевидно, пришлось выдергивать серьезную внутреннюю борьбу. Поскольку возникла пауза, я хотел встремить в беседу и заявить, что нам нужны все Завихрения от №1 до №8 включительно. Но по счастью, мой рот был плотно заклеен. Я не мог понять, откуда у меня возникло желание вдруг это заявить.

— Завихрения от №1 до №8 включительно, — сказал Ааз.

Демон за столом продолжал неторопливо менять свой облик. Теперь она превращалась в статую. Одежда слилась с телом, а сама она стала похожа на покрытую чешуей каменную глыбу с мощными, как стволы деревьев, руками. Я обратил внимание на то, что кресло под демоном тоже выросло, чтобы вместить эту массивную тушу. Мне даже показалось, что кресло само стало частью этой туши.

— Назовите причины, в силу которых вы желаете попасть в указанное измерение? — спросило существо, и голос его в безграничных просторах палатки прогремел, словно раскат грома.

Ааз снова начал бороться с собой, а я вдруг ощутил, что мне не терпится выложить все, что мне известно о карте, указывающей путь к сокровищам. В этой твари, видимо, было нечто такое, что вынуждало стоящих перед ней демонов говорить правду. Теперь я был благодарен Танде за то, что она заткнула мне рот. Я не понимал, как Аазу и Танде удается хранить молчание. Вне всякого сомнения, мы были в руках могущественного мага, способного контролировать мысли.

— Мы ищем сокровища, — ответил Ааз, взвешивая каждое слово, — и наш путь лежит через Завихрения, начиная с измерения Завихрения №1.

— Логично, — сказало существо, постепенно трансформируясь в свинью, — но вам это, друзья, обойдется в десять процентов от общей стоимости находки.

Танда подняла руку и выступила вперед.

— Цена за указание направления слишком высока, — сказала она, — мы готовы дать не более пяти процентов от общей стоимости того, что обнаружим в ходе данного предприятия. Если эти условия неприемлемы, мы будем вынуждены обратиться за помощью в другое место.

Создание теперь обрело свинообразную форму — такого типа демонов мне уже приходилось встречать здесь, на Деве, во время предыдущих путешествий.

— Кроме меня, вам, ребята, никто не поможет, — заявил трансформер, — но ваше предложение представляется мне справедливым, и я его принимаю.

— Вот и ладненько, — в один голос произнесли Ааз и Танда.

Создание, успев вновь сделаться прекрасной женщиной, произнесло:

— Что ж, я смогу вам помочь. — Теперь она говорила твердо и решительно. — Поскольку у меня появился финансовый интерес, я хочу, чтобы ваша экспедиция закончилась успешно. Предупреждаю — все измерения Завихрений требуют самого внимательного к себе отношения. Они полны опасностей, и в них легко заблудиться.

Затем она посмотрела на меня, и взгляд ее голубых глаз пробуравил мне сердце. В моих самых лучших снах я до конца дней своих буду видеть это дивное создание. Она была

настолько прекрасна, что мне захотелось приблизиться к ней, прикоснуться — и уже не покидать никогда. По мере того как ее взгляд все глубже, и глубже, и глубже проникал в мое сердце, ноги мои постепенно слабели, а желудок начал исполнять сальто. Мне хотелось, чтобы мои губы разлиплись и я смог прошептать, как сильно я ее люблю.

— Ты должен заботиться о своих друзьях, — сказала она, и при звуках ее чудного голоса я расплавился окончательно. — Ты меня понял.

Я каким-то непостижимым образом ухитрился кивнуть.

— Вот и славно, — сказала она, подмигивая. — Мне сразу станет известно, победили вы или проиграли. Желаю удачи.

Палатка и прекрасная женщина вдруг исчезли. Вокруг нас под ветром гнулись деревья, а в лицо мне летел песок.

— Завихрение №1! — гаркнул Ааз, пытаясь перекрыть рев ветра.

— Мы на месте! — прокричала в ответ Танда.

Неужели им трудно было меня заранее предупредить, что мы прыгаем в другое измерение, подумал я и высказал все, что о них думаю:

— Пггхххирр угххххар мгррррббб, мгррррббб!

Мимо меня, сводя видимость к нулю, неслись облака пыли. Демон-трансформер на Деве сказал, что Завихрения таят опасность и рождают у путешественников странные желания. Лично я испытывал лишь одно желание — вернуться как можно скорее домой. Надо сказать, что ничего странного в этом желании я не находил.

— Сюда! Скорее! — крикнула Танда, приглашая нас взмахом руки следовать за ней. Поскольку в клубах пыли ничего не было видно, я решил, что терять все равно нечего, и последовал ее призыву.

Танда не обманула, сказав, что мой рот запечатан лишь на время, и к тому моменту, когда мы, спотыкаясь, добрали сквозь ураган до древнего бревенчатого строения, я снова обрел дар речи.

Хижина, в которую привела нас Танда, была сложена из неотесанных бревен, а на вид ей было лет сто, не меньше.

Танда распахнула дверь, и мы ввалились внутрь. Через сотни щелей в стенах ветер проникал в помещение, а единственными обитателями дома были крысы.

— Что за нелепая спешка? — спросил Ааз, стряхивая с одежду песок.

— Разве ты ничего не заметил? — спросила Танда. — Там что-то двигалось. Двигалось в нашу сторону.

— Я вроде бы ничего не видел, — сказал Ааз и посмотрел на меня.

Я в ответ лишь покачал головой и пожал плечами. Я тоже ничего не заметил, но Танда явно была напугана.

В центре комнаты я запалил приличный костер, используя для этого лишь силу разума и разбросанные по помещению деревянки, а Танда тем временем создала по периметру энергетическое поле, защищающее нас от ветра.

Как я теперь понимаю, Ааз и Танда, входя в палатку, были готовы к всяческим неприятностям, и теперь, когда неприятности не заставили себя ждать, мои спутники не растерялись. Я скорбел лишь о том, что они не предупредили меня. Когда я покончил с добыванием огня, Танда повесила мне на шею кулон-переводчик, еще один — на шею Ааза. Это было сделано для того, чтобы мы могли понять тех, кого встретим, покинув хижину.

— Ну и что дальше? — спросил я, грея руки над огнем. — Не могли бы вы объяснить мне, что случилось, кто был этот постоянно меняющий личины демон, как мы сюда попали и где, собственно, находимся?

— Знаешь, — сказал Ааз, обращаясь к Танде и полностью игнорируя мой вопрос, — малыш мне нравился гораздо больше, когда у него была запечатана пасть.

— Нехорошее это дело, затыкать другим рот, — сказал я, но вспомнив о том, что хотел сообщить, находясь в палатке, добавил: — Хотя я, кажется, понимаю, почему вы так поступили. Заклинание недержания, не так ли?

Ааз посмотрел на меня с нескрываемым изумлением, а Танда засмеялась:

— Нохоже, твой ученик кое-что усвоил. Однако ты мог бы удовлетворить его любопытство.

Ааз уселся на пол и вздохнул:

— Палатка, в которую мы вошли, принадлежит Перемещальнику. Существо, с которым мы говорили, зовется Перемещальник. Нас сюда переместил Перемещальник, и, насколько я понимаю, это замечательное местечко зовется Завихрение номер раз.

Пришлось признать, что он ответил на все поставленные мною вопросы, хотя ответы удовлетворили меня не полностью.

— Почему ты не хотел обращаться к Перемещальному за помощью?

Танда, услыхав вопрос, громко расхохоталась (она уже успела устроиться на полу) и сказала:

— Я тоже не хотела, но у нас не было другого выхода.

— Почему?

— Да потому, малыш, — пояснил Ааз, — что Перемещальники строят свое благосостояние на знании географии. Помнишь, как я тебе говорил, что для путешествия в иное измерение надо создать в уме четкий образ этого измерения и одновременно представить его в системе других измерений?

Я утвердительно кивнул. Каждый раз, когда я начинал донимать Ааза просьбами научить меня перемещаться по измерениям, он убивал меня именно этим аргументом.

— Если бы ко мне вернулись мои способности, — продолжал мой наставник, — то я смог бы перепрыгнуть в несколько сотен измерений. На пару с Тандой мы смогли бы одолеть штук четыреста — пятьсот. С помощью весьма дорогого И-Скакуна мы могли бы к этой цифре приобщить еще несколько сотен. Однако в мире существуют тысячи и тысячи измерений. Может быть, даже миллионы. Точных цифры я не знаю. Перемещальники выступают в роли своего рода туристических агентов при путешествиях по измерениям.

— А что такое туристический агент? — поинтересовался я, взглянув вначале на Танду, а затем на Ааза.

Оба в ответ покачали головами.

— Это не важно, — бросил Ааз, сопроводив слова знакомым мне жестом. Когда наставник вот так от меня отмахивался, это означало, что вопрос чрезвычайно глуп и отвечать на него не имеет смысла.

— Итак, они взимают плату за информацию и за перемещение, — сказал я. — Что ж, это, как мне кажется, справедливо.

— И да, и нет, — вмешалась Танда. — Никто не знает, откуда появились Перемещальники. Они великие мастера по смене личин, а те, кто пытается их надуть, исчезают навсегда.

— В каком-нибудь из смертельно опасных измерений, — добавил Ааз и покачал головой.

— Таким образом, мы должны будем сделать все, чтобы они получили свои пять процентов от стоимости золотой коровы — после того, как мы ее найдем, естественно.

— Надеюсь, что дело этим ограничится, — сказал Ааз.

Танда кивнула, видимо, разделяя его надежды. Мне же это крайне не нравилось. Исчезновение навсегда в моих жизненных планах вовсе не значилось. У меня были гораздо более грандиозные и значительно более приятные задумки на будущее. И вот теперь я, очертя голову и рискуя при этом жизнью, бросился на поиски какой-то золотой коровы. Не очень-то умно с моей стороны. Я попытался сменить тему, чтобы забыть о грозящем мне вечном исчезновении.

— Каким образом Перемещальники ухитряются так быстро менять облик? — спросил я. — Заклинание личины, наверное?

— Не знаю, — пожала плечами Танда. — Во всяком случае, я не видела, чтобы они хотя бы ненадолго задерживались в одном и том же образе.

Я считал себя специалистом по смене личин, но чтобы творить то, что умели делать Перемещальники, мне надо было еще учиться, учиться и учиться. Кроме того, это означало, что, имея такие способности, один из них мог находиться вместе с нами в хижине, приняв, к примеру, облик бревна. Эта мысль заставила меня содрогнуться, и я внимательно оглядел древнюю хижину, пытаясь обнаружить в ней что-нибудь странное или пугающее. Но там не было ничего, кроме грязного пола и бревенчатых стен. В то же время мне стало казаться, что за нами ведется наблюдение.

— Что ж, попробуем уяснить, где мы сейчас находимся и что нам следует предпринять, — сказала Танда, быстро пересаживаясь поближе к Аазу.

Я же обошел всю небольшую комнату и остановился возле того места, где мой учитель расстелил карту.

— Взгляните-ка на это! — Танда указала на карту.

Я сразу же понял, о чем она говорит. Карта изменилась. Я смотрел на нее, пытаясь сравнить с тем, что видел прежде. Линии, идущие от Завихрения №1, шли совсем в другие стороны, а в точках, где они заканчивались, появились надписи.

— Удивительно, — произнес Ааз, почему-то переходя на шепот. — Настоящая карта, указывающая на сокровище.

— Как это получилось? — спросил я.

— Магия, малыш, — усмехнулся Ааз. — Так же, как и все остальное. Это подлинная магическая карта, указывающая путь к золотой корове.

— Я о подобных вещах только слышала, — сказала Танда, а потом протянула руку и привлекла меня к себе. Я же, как всегда, хотел, чтобы это дружеское объятие длилось вечно. — Ты совершил великую покупку, малыш, — продолжила она, чуть оттолкнув меня от себя, видимо, для того, чтобы лучше видеть.

— Если она куда-нибудь ведет, — скромно потупился я.

— Весьма тонкое и очень верное замечание, малыш, — кивнул Ааз, возвращаясь к изучению карты.

Я тоже склонился над листком. Вообще-то там не было ничего, кроме нескольких точек, нескольких линий и каких-то надписей. Мне карта казалась совершенно бестолковой. Ориентируясь по ней, я даже не смог бы вернуться на то место, где мы появились, не говоря уж о том, чтобы прыгнуть в иное — предпочтительно родное — измерение.

— Итак, карта меняется. Что это может значить? — спросил я.

На мой вопрос, естественно, никто не удосужился ответить.

— Стараниями Перемещальника мы сейчас находимся здесь. — Танда показала на точку с надписью «Завихрение №1». — Отсюда мы можем отправиться в одно из пяти измерений. Из этих пяти наиболее многообещающим мне представляется измерение, именуемое Кол-Доб.

— Да, к нему ведет самая прямая линия, — заметил Ааз.

— Вы знакомы с миром Кол-Доба? — спросил я. — Или с другими, отмеченными на карте?

Танда в ответ лишь покачала головой.

— А как ты, Ааз?

— Нет, малыш, не знаком.

Я посмотрел на него, затем перевел взгляд на Танду. Интересно, как они рассчитывают туда перепрыгнуть? Ведь они оба утверждали: чтобы попасть в другое измерение, надо его хорошо знать.

— В таком случае получается, что мы здесь застряли капитально. Означает ли это конец путешествия?

— Нет, — ответил Ааз, вытаскивая из-за пояса И-Скакун.

Затем, быстро просмотрев перечень обозначенных на И-Скакуне измерений и сверив их с надписями на карте, вздохнул и сунул прибор обратно за пояс.

По этому вздоху я понял, что нам конец. Названия всех пяти измерений, на которые мы могли прыгнуть с Завихрения номер раз, на И-Скакуне отсутствовали.

— Проклятие! — воскликнула Танда. — Я с самого начала чувствовала, что случится нечто подобное. — С этими словами она поднялась с пола и отряхнула пыль с брюк.

— Не нравится мне это, — глубокомысленно заключил Ааз, встал с пола, тщательно сложил карту и сунул ее в поясную сумку.

— Ну и что же нам теперь делать? — поинтересовался я.

Танда поманила меня к себе, а когда я приблизился, запечатала мне рот. Это произошло настолько быстро, что я и опомниться не успел.

— Прости, — улыбнулась она, — но рисковать мы не имеем права.

Я попытался возразить, но вместо слов у меня получилось уже хорошо знакомое «Вгггххх!».

Мне это начинало изрядно надоедать. Еще одна подобная операция — и мои губы будут болеть целую неделю.

Мгновение спустя мы — без всякого предупреждения со стороны Танды или Ааза — оказались в большой палатке. Перемещальник сидел за столом на своем месте.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бесплатных поездок не бывает.

Управление
городского транспорта

-Десять процентов за ответ на ваш вопрос, — сурово и решительно произнес Перемещальник, разглядывая Танду и почесывая, если можно так выразиться, шею.

Не обращая внимания на то, кем было в данный момент это существо, я следил, как оно постоянно меняет личину. Какая-то его часть казалась аморфной, так как находилась в процессе превращения.

Менялись волосы, цвет кожи, удлинились руки. Словом, ничто в его теле не сохраняло форму более чем на несколько секунд. Его голос, кресло под ним и глаза тоже менялись. Картина была весьма впечатляющей.

Когда я творил Заклинание личины, я мог менять одежду, размер и форму тела, но с глазами у меня ничего не получалось. Судя по глазам Перемещальника, в нем одновременно слились не менее сотни различных существ. Я хотел спросить, как у него это получается, но, осознав, что мой рот запечатан, от этой идеи отказался.

— Десять процентов?! — переспросил Ааз, пытаясь из последних сил держать себя в руках.

— Да. Сверх тех пяти, о которых мы с вами уже достигли соглашения.

Мне показалось, что жилы Ааза вздулись так, что вот-вот вылезут из-под зеленой чешуи. Танда, судя по ее виду, была готова в любой момент залепить пасть и ему.

Мне очень хотелось обвинить Перемещальника в алчности, но, по счастью, подобной возможности у меня не было.

— Нет, так не пойдет, — покачала головой Танда. — Мы дадим тебе еще пять процентов и будем добавлять еще по пять, когда нам потребуется твоя помощь в этом путешествии.

Перемещальник превратился в высоченное создание с вытянутой физиономией и сотней крошечных зубов в отврати-

тельного вида пасты. Услышав слова Танды, создание улыбнулось — или изобразило нечто такое, что я принял за улыбку.

— Согласен, — сказало оно.

Ааз выглядел так, будто у него вот-вот начнется припадок ярости, но усилием воли он сумел сдержаться. Я был весьма удивлен. У него отхватили большой кусок прибыли, а он ничего при этом не уничтожил и не разломал. Подобное с ним случалось нечасто. С деньгами Ааз расставался с великой неохотой, и, если мы найдем золотую корову, он вряд ли добровольно захочет делиться золотым молочком, подумал я. Но сейчас у него не оставалось иного выбора, кроме как обещать минимум десять процентов от стоимости находки. У меня не было сомнений в том, что в ходе этой нелепой авантюры нам еще не раз придется побывать в этой палатке.

— И куда же вы теперь направляетесь? — спросило существо.

— На Кол-Доб.

Перемещальник, похоже, испытывал некоторые сомнения, поскольку процесс трансформации на миг замедлился.

— Ну что ж, будь по-вашему, — произнес он почти печально, и в следующий миг мы оказались посреди обширного луга, поросшего какими-то растениями с толстыми стволами и усыпанного оранжевыми цветами. Небо над нашими головами было окрашено в голубые и розовые тона, а луговину окружали деревья с темно-зеленой листвой. Далеко на горизонте розовели горные вершины. Я был готов сотворить заклинание личины, чтобы защитить нас всех от любого урагана, но теплый и чуть влажный воздух был совершенно неподвижен. По правде говоря, это было одно из самых красивых измерений из тех, где мне удалось побывать. Интересно, какие счастливцы здесь обитают?

Танда быстро повернулась вокруг собственной оси, и я был уверен в том, что она увидела нечто такое, за что не мог зацепиться мой взгляд.

— Десять процентов, — пробормотал, скрипя зубами, Ааз.

Танда приложила пальчик к губам моего наставника, чтобы тот помолчал. Я принялся всматриваться в линию деревьев, стараясь разглядеть угрожающую нам опасность.

Ничего.

Но судя по реакции Танды и тем колебаниям, которые испытывал Перемещальник, мы попали в место, не отличающееся гостеприимством. Красивое, но негостеприимное.

— Давай карту, — прошептала она Аазу. — Быстро!

Она знаком велела нам пригнуться, что мы и сделали. Растения и цветы на лугу были нам по колено, в них не укроешься, а запах у них был точно такой, как у моего дракона, когда тот мочится под себя. Я считал, что нам надо как можно быстрее двигаться к опушке леса, где мы сможем дать бой в случае нападения, но в нашей компании лишь Танда была когда-то профессиональной убийцей, и лишь она знала, что надо делать. Во всяком случае, я надеялся, что знала.

Ааз развернула карту и осторожно расстелил ее поверх растений. С первого взгляда стало ясно, что карта изменилась снова. От Кол-Доба — измерения, где мы находились в данный момент, — шла лишь одна линия, ведущая в тот волшебный мир, где обитало золотое жвачное. Линия упиралась в надпись «Завихрение №4». Не №2, как можно было ожидать, или в крайнем случае №3, но №4.

Танда кивнула и знаком велела побыстрее сложить и убрать карту.

После этого мы выпрямились. Едва подняв голову, я заметил какое-то движение. Собственно, это было вовсе не движение. Просто растения, покрывающие луг, начали держаться и раскачиваться, словно кто-то очень низенький бежал среди них по направлению к нам.

Затем примерно в сотне шагов от нас из травы высунулась голова — змеиная голова, величиной значительно превосходившая мой череп. У нее были желтые щели-глаза, а из пасти торчали два здоровенных клыка. Длину гадины определить было невозможно, так как ее тело скрывала растительность, а заняться измерениями у меня не было настроения. Мгновение спустя справа от первой головы возникла вторая. Затем еще одна. И еще. Я сделал пируэт, словно завязанный танцор, и увидел, что змеи окружают нас со всех сторон. Если мы не сумеем ничего предпринять — и при этом очень быстро, — у нас много шансов оказаться главным лакомством на их обеде.

— Прекрасное местечко, — заметил Ааз, а трава тем временем шевелилась все ближе и ближе к тому месту, где мы стояли. — Уже скоро.

Я попытался внести предложение, но из запечатанного рта вырвались ставшие уже знакомыми звуки:

— Аггххх, тггхх, нггхх.

— Что случилось? — спросила Танда. — Неужели мальчик испугался малюсенькой змейки?

Я в ответ яростно закивал. Еще одна чудовищная змеиная голова вынырнула из травы в каких-то пятидесяти шагах от нас. Эта тварь выглядела не только голодной, но и очень сердитой.

— Хорошо тебя понимаю. Я тоже боюсь.

Едва она успела это произнести, как мы снова оказались под ударами пылевой бури на Завихрении №1.

— Берегись, Скив! — взревел Ааз, когда на нас обрушился удар урагана.

— Не беспокойся, — сказала Танда, прежде чем я успел что-то сделать. — Ему ничего не угрожает.

В тот же миг мы оказались в палатке Перемещальника, который на сей раз был почти точной копией кол-добской змеи.

— Ничего себе, — фыркнул Ааз.

— Завихрение №4, пожалуйста, — сказала Танда, сразу беря быка за рога.

— Это означает пятнадцать процентов.

— Я помню наш уговор, — бросила Танда, прежде чем Ааз успел вставить хотя бы слово, и повторила: — Подбросьте нас на Четвертое Завихрение, пожалуйста.

Смахивающий на змею Перемещальник кивнул, мы оказались в очередном измерении, и на нас снова обрушилась эта идиотская пылевая буря. Вынужден признать, что, опять окававшись в измерении, на котором бушевал ураган, я испытал чудовищное потрясение. Танда знаком велела нам следовать за ней. Только добравшись до места, я догадался, где мы находимся. Раньше я этого определить не мог, потому что для меня все пылевые бури похожи друг на друга как две капли воды. Лишь увидев бревенчатую хижину, маячашую в полутьме, словно корабль в тумане, я догадался, что мерзавец Перемещаль-

ник заслал нас на Завихрение №1. Итак, мы оказались снова в первом квадрате. В первом-то первом, но не совсем. Все-таки это было Завихрение №4, а не Завихрение №1.

Окончательно я в этом убедился, когда вошел в бревенчатую хижину. Помещение теперь было заполнено ветками, и там даже стояла какая-то обшарпанная мебель. На полу не было никаких следов от моего костра.

— Надеюсь, на сей раз ты их видел? — спросила Танда.

— Кого их? — мрачно буркнул Ааз.

— Мне удалось их как следует рассмотреть. Там, в клубах пыли, — продолжала Танда.

— Ну и кто же это был?

— Пылевые зайцы. Целая стая. — С этими словами она обхватила себя за плечи, чтобы унять дрожь.

Мы с Аазом переглянулись в недоумении и дружно покоряли плечами. В который раз мой наставник и я продемонстрировали полное незнание предмета, который так тревожил Танду.

К тому времени, когда я разжег костер посередине хижины, а Танда навела защитный экран, мне была возвращена способность говорить. Губы растрескались и болели, но по крайней мере снова могли двигаться.

— Итак, Завихрение №4 очень похоже на Завихрение №1, — сказал я.

— В этом есть смысл, — кивнула Танда. — Не будь они так похожи, каждое измерение получило бы свое название.

— Значит, если имеются иные, похожие друг на друга измерения, — продолжал рассуждать я, — они тоже должны быть пронумерованы.

— Скорее всего, — согласилась Танда, — но я о существовании других близнецов-измерений ничего не слышала.

— Итак, мы отдали этим жуликам еще пять процентов, — произнес Ааз с явным отвращением. — Нам следовало отправиться на поиски самостоятельно.

Я не имел ни малейшего представления о том, как мы могли это сделать, но промолчал, поскольку мои познания в области перемещений между измерениями были крайне ограниченными.

— Сомневаюсь, — покачала головой Танда. — Сейчас мы очень и очень далеко от Завихрения №1. Мне ни разу не приходилось удаляться на такое число измерений от Базара-на-Деве.

— О-о-о... — протянул Ааз.

— Откуда ты знаешь? — спросил я. — Может быть, я не замечаю каких-то верстовых столбов, когда мы в один миг переносимся из измерения в измерение?

— О столбах мне ничего не известно, — рассмеялась Танда.

— Понимаешь, малыш, когда у существа есть способность прыгать из измерения в измерение, он шестым чувством знает, сколько измерений осталось между ним и тем местом, с которого он совершил прыжок, — пояснил Ааз. — Точное число определить невозможно, но порядок ощущается довольно верно.

— И чем дальше измерение, тем труднее совершить скачок, — добавила Танда. — А риск промахнуться и заблудиться многократно возрастает.

— Так вот, значит, почему мы с Кол-Доба возвращались через Завихрение №1, — догадался я.

— Да. Так было безопаснее.

— Неужели это означает, что каждый новый прыжок по этой карте уводит нас все дальше и дальше от дома? — спросил я жалобно, поскольку понятия не имел, что такое возможно.

Мой пост придворного мага, конечно, не лучшая должность во вселенной, но во дворце я чувствовал себя несравненно лучше, чем в этом далеком измерении с отвратительным климатом.

— Пока да, — ответила Танда. — Но мы должны следовать указаниям на карте. Сокровище спрятано основательно, не всякий дурак его найдет.

Мне ее слова тоже почему-то не понравились.

Ааз стянул перчатки и расстелил карту на полу так, чтобы мы могли ее видеть в свете костра.

Как мы и предполагали, карта снова претерпела изменения.

От Завихрения №4 теперь отходили шесть линий, каждая из которых завершалась названием места.

Все шесть линий вели в направлении сокровища, но ни одна из них строго не указывала на него. Да, Танда оказалась права, карта не скучилась на новые и новые пакости.

Названия в точках, которыми заканчивались линии, звучали более чем странно. Все они были комбинацией одних и тех же букв. Если читать слева направо, то измерения шли в следующем порядке: Ит, Акд, Алее, Ита, Кдал и Ее.

— Ты знаешь хотя бы одно из этих измерений? — спросил Ааз.

— Нет, — призналась Танда. — А ты?

— Тоже не знаю, — ответил Ааз, — и наше невежество обойдется нам еще в пять процентов.

— Ничего не поделаешь, — пожала плечами Танда. — Думаю, что нам следует отправиться в первое из обозначенных измерений.

— Значит, это будет Ит, — пояснил я.

Ааз в ответ то ли застонал, то ли зарычал, а потом поднялся и стал складывать карту.

— Надеюсь, что мы возвращаемся сразу на Завихрение №1, — сказал я. — Еще одна встреча со змеями мне почему-то не улыбается.

— Прыжок будет гораздо безопаснее, если мы сделаем промежуточную остановку на Кол-Добе, — серьезно произнесла Танда. — Полагаю, что лишний риск нам ни к чему.

— Надеюсь, ты шутишь? — поинтересовался я. При мысли о том, что снова придется встретиться со змеями, мое сердце упало куда-то в район желудка.

— Не беспокойся, малыш, — улыбнулась она. — Отсюда я смогу перемахнуть на Завихрение №1. Так что встреча со змеями отменяется.

Ааз уже был готов к перемещению, и ровно в следующую секунду мы совершили скачок.

Пыль засыпала меня с ног до головы за те несколько мгновений, которые потребовались Танде, чтобы убедиться, что мы на Завихрении №1, и подготовиться к следующему скачку.

На сей раз Перемещальник встретил нас, приняв форму ливана. Круглые глаза размешались в торцах валиков, а уши превратились в пару огромных диванных подушек. Если бы

нам захотелось присесть, пришлось бы садиться на его здоровенный розовый язык. Я подозревал, что, начиная с этого момента, стану присаживаться на любой диван с долей опаски.

— Нам необходимо попасть в измерение Ит, — сказала Танда.

— Теперь мои — двадцать процентов, — заметило чудовище. Его огромный язык двигался так, что создавалась полная иллюзия, будто кто-то невидимый взбивает подушки.

— Знаем, — ответила Танда, и мы в тот же миг оказались посреди широкой и, по счастью, совершенно пустынной улицы.

Вдоль улицы, по ее обеим сторонам, стояли простые деревянные здания. Небо на Ите было затянуто серыми, унылыми облаками, а воздух оказался чистым и довольно прохладным. Я порадовался тому, что в моем арсенале личин хранились теплые пальто и шапки.

Оглядевшись по сторонам, я еще раз убедился, что во вселенной попадаются весьма необычные измерения. Улица, теряясь в бесконечности, уходила в обе стороны, а вдоль нее стояли совершенно одинаковые дома. У всех домов была довольно странная форма, каждый имел по две двери и по два окна. Мы видели только фасады; как выглядят дома сбоку или сзади, рассмотреть было невозможно, потому что улица больше всего походила на неширокий каньон. Я не понимал, как местные жители ухитряются в этом единообразии отыскивать свое жилище. Помимо одинаковой высоты и формы, все дома имели один и тот же цвет, и ни на одном из них не было опознавательных знаков.

— Интересно, куда подевались все жители? — спросил я.

— Давайте-ка взглянем на карту, — предложил Ааз. — Может быть, там найдется ответ.

— Не нравится мне этот ландшафт, — заметила Танда. Судя по напряженному виду, она и здесь ожидала каких-то неприятностей.

Ааз вынул карту и расстелил ее на краю проезжей, если так можно выразиться, части. Измерение, в котором мы находились, было обозначено четко, и от него исходила всего лишь одна линия.

Очередной станцией назначения должно было стать Завихрение №6. Меня утешало лишь то, что мы благополучно миновали Завихрение №5, а равно и Завихрения под номерами 2 и 3. Танда взглянула на карту и покачала головой. На какой-то момент мне показалось, что Ааз готов скомкать клочок пергамента и выбросить его прочь, но здравый смысл, судя по всему, взял верх, и мой наставник, аккуратно сложив листок, сунул его в сумку.

Внезапно окно ближайшего к нам дома распахнулось, и в нем появилось какое-то создание.

— А у нас гости, — негромко произнес я.

Ааз и Танда безмолвно уставились на второе создание, появившееся рядом с первым. Я огляделся и увидел, что в каждом окне маячат обитатели домов. Все они были похожи друг на друга как две капли воды.

Серые костюмы, серые волосы, серые лица и пара рук. Само собой разумеется, что все они были одинакового роста и телосложения. Как я смог заметить, когда одно из этих существ двигалось, все остальные совершенно строго воспроизводили его движение.

— Они меня пугают, — сказала Танда, и через миг мы уже оказались в туче пыли.

— Предупреждать надо, — проворчал Ааз.

— Это Завихрение №4, — крикнула Танда, пытаясь перекрыть рев урагана. — Мы совершим следующий скачок до того, как зайцы успеют нас схватить.

Пылевая буря прекратилась, но лишь для того, чтобы мгновение спустя обрушиться на нас с новой силой.

Я понял, что мы уже прыгнули на Завихрение №1. Еще один скачок — и мы оказались в палатке Перемещальника.

— Завихрение №6, пожалуйста, — сказала Танда хозяину палатки, который, утратив форму дивана, превратился в существо, явно появившееся на свет в результате скрещивания кошки и обеденного стола.

— Двадцать пять процентов, — произнес кошко-стол (или столо-кошка, если последнее вам больше по вкусу).

Ааз заскрипел зубами настолько громко, что скрежет заполнил всю палатку.

— Вы раздражаете моего друга, постоянно повторяя одно и то же, — сказал я и тут же понял, что выложил все, что умсня на уме. Танда забыла запечатать мне рот.

Ааз ожег меня взглядом, я в ответ лишь пожал плечами.

— Уговор дороже денег, — ответил Перемещальник.

Я хотел было сказать ему, что договор с деволом и гроша ломаного не стоит, но Танда положила ладошку на мой рот и повторила:

— Завихрение №6, пожалуйста. Мы согласны на комиссионные в двадцать пять процентов.

Перемещальник кивнул (это означало, что стол слегка помахал одной из своих ножек), и мы снова оказались под ударами пыльной бури. Буря была не слабее, чем на двух предыдущих Завихрениях. Но когда мы оказались рядом со старой бревенчатой хижиной, я заметил, что Завихрение №6 существенно отличается от №1 и №4. В хижине горел свет. На сей раз кто-то был дома.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Никогда не берите к себе в машину автостопщиков!

Д. Адамс

Желтоватый свет в окне хижины послужил своего рода предупреждающим сигналом. Мы остановились шагах в двадцати от дверей и уставились сквозь клубы пыли на свет. Что касается меня, я был несколько встревожен. После двух посещений этого измерения бревенчатая хижина казалась мне продолжением собственного дома.

Кто посмел поселиться в моей избушке?!

— Ну и что же нам теперь делать? — проорал я Аазу, пытаясь перекричать рев бури.

— Здесь есть еще что-нибудь? — спросил он у Танды.

Зеленая чешуя на физиономии моего наставника была забита пылью. Ааз был чистюлей, и после того как ему приш-

лось отдать часть еще не найденного сокровища туристическому агенту (не помню, как еще он величал Перемещальника), пыль, грязь и ветер его настроения явно не улучшали.

— Я знаю только, что здесь водятся пылевые зайцы, — сказала Танда. — Перемещальник внушил мне лишь общее направление первого скачка. Никаких других сведений он в мой мозг не вложил.

— Придется постучать, — громко произнес я.

У Танды и Ааза других предложений не оказалось, поэтому я прошел по сугробам пыли к дверям и постучал. Танда встала слева от меня, Ааз остановился в пяти шагах и прикрыл лицо руками. Я был готов в случае необходимости быстро поменять ему личину: зеленая чешуя демона обычно приводила большинство живых существ в трепет.

Внезапно дверь распахнулась, и я увидел перед собой девушку. На ней была рубашка с длинными рукавами, черные брюки, а волосы она зачесала назад. Она улыбнулась, карие глаза радостно блеснули, и все мое существо наполнилось теплом. По моей прикидке, мы с ней были примерно одного возраста.

Увидев меня, она улыбнулась еще нежнее.

— Ты, наверное, Скив, — произнесла она. — Проходи. Папа сказал, что ты рано или поздно появишься.

Я стоял в клубах пыли и с изумлением смотрел на нее. Ее слова потрясли меня безмерно. Она знала, как меня зовут. Она меня ждала. Она ждала моего появления, дыша пылью на расстоянии тысячи измерений от моего дома!

Мне захотелось повернуться и как можно скорее бежать назад в ураган. И я бы это сделал, если бы ноги не отказались мне повиноваться.

— Входи, — повторила девушка. — Здесь слишком ветreno.

Несмотря на повторное приглашение, я не смог сдвинуться с места. Я, наверное, так бы и погиб, погребенный пылью, если бы Танда довольно грубо не толкнула меня в спину. Девушка отступила, давая нам возможность войти в хижину.

Если бы я не знал, что это та хижина, которую мы видели, прыгая по измерениям, то никогда бы не догадался. Теперь здесь были деревянные полы, щели в стенах отсутствовали, в комнате — тепло и уютно. Посреди стоял стол с че-

тырьмя стульями, в центре стола красовалась ваза с фруктами. У одной из стен была оборудована небольшая кухня. Там виднелись стойка для приготовления пищи и несколько шкафов с выдвижными ящиками. В камине горел огонь, что придавало помещению особое очарование. У дальней стены располагалась постель, аккуратно прибранная и застеленная красивым синим с золотом покрывалом. В изголовье поверх покрывала лежала подушка.

При виде Ааза юная дама совсем не удивилась, что испугало меня еще сильнее. Появление извергов обычно пугает всех людей чуть ли не до полусмерти — одни боятся их вида, другие — их дурной славы.

Я наконец ухитрился подобрать слова, чтобы задать нужный вопрос:

— Откуда вы меня знаете?

— Неужели она тебя знает, малыш? — изумился Ааз, который стоял слишком далеко от меня и едва ли мог слышать слова девушки.

Хозяйка хижины рассмеялась, а я испугался еще сильнее. Ее смех был само совершенство — мягкий, но в то же время звонкий и раскованный. Ее смех чем-то напоминал легкий ветерок в жаркий летний полдень.

— Строго говоря, я его не знаю, — сказала она, снова рассмеявшись. — Я не знакома с ним в традиционном значении этого слова, да и в ином значении тоже, если на то пошло. Хотя должна сказать, что не возражала бы, если бы вы поняли, что я имею в виду.

Я понятия не имел, что она имеет в виду. У меня возникло желание спросить, сколько значений имеет слово «знакомство», но решил отложить вопрос на потом.

Ааз фыркнула, а Танда засмеялась.

— Мой отец сказал, что я должна ждать здесь появления симпатичного молодого человека по имени Скив, — продолжила девица. — Поэтому я и решила, что вы тот самый Скив и есть, поскольку вы единственное существо, появившееся за те две недели, что я здесь торчу.

Я смотрел на нее с совершенно идиотским видом. Во всяком случае, мне так казалось. Я этой девицы определенно не знал и не имел понятия, кем является ее папенька.

Она улыбнулась мне, а затем повернулась к Танде:

— А вы, наверное, та, с кем Скив путешествовал раньше. Не беспокойтесь, о пылевых зайчиках мы позаботимся. Ведь вам, очевидно, известно, что они полностью невидимы для особей мужского пола?

Бросив взгляд на Ааза, она заметно помрачнела:

— А вас, здоровяк, я не знаю, и мне неизвестно, каким боком вы связаны с этим делом.

Итак, она называла Ааза здоровяком, но при этом знала, что мне доводилось скакать по измерениям в сопровождении Танды. Мы молчали. Ааз и Танда были потрясены не менее, чем я. Как сказала Танда, между нами и домом пролегло множество измерений, и вот, несмотря на это, здесь, в чужом измерении, в центре пыльного урагана, мы встречаем человека, который, оказывается, ждал нашего прибытия. И этот человек — девица, которой известно мое имя.

— Неужели вы проглотили языки? — со смехом спросила она и жестом пригласила нас за стол. — Держу пари, вы очень проголодались, прыгая по измерениям.

Я хотел спросить, почему она решила, что я проглотил язык, и откуда ей стало известно, чем мы занимались, но передумал и задал другой вопрос, гораздо более важный:

— Вы Перемещальник?

Она снова рассмеялась, ее великолепный, похожий на колокольчик смех разнесся по всей хижине, смешавшись с потрескиванием дров в очаге.

— Вряд ли меня можно так назвать, — ответила она, — но папенька сказал, что вам, возможно, уже надоело обещать им все новые и новые проценты. Какую часть сокровищ вы уже согласились отдать? Тридцать пять процентов? Сорок?

— Только двадцать пять, — ответил я, и тут до меня дошло, что девица не только знает, чем мы занимаемся, но ей известно и о том, что ведем переговоры с Перемещальниками. Интересно, что ей еще известно и каким образом ей удалось все это узнать?

Ааз сурово на меня посмотрел, я в ответ пожал плечами. Наставник вечно считает, что я слишком болтлив, и боюсь, что на сей раз мы имели дело с тем редким случаем, когда он оказался прав.

— О, — произнесла она, глядя на меня с улыбкой, — вы, наверное, великий мастер ведения переговоров.

— Это вряд ли, — заявила Танда, садясь за стол.

Мы с Аазом последовали ее примеру.

— Итак, вы, кажется, знакомы с нашим другом Скивом, — продолжила Танда. — Не могли бы назвать свое имя и сообщить, откуда вам стало известно о нем?

— Меня зовут Гленда, мой папенька продал ему карту, которой вы руководствуетесь в поисках золотой коровы.

Гленда подошла к кухонному шкафу, открыла дверцу, и мы увидели нечто похожее на свежеиспеченный каравай.

Танда посмотрела на меня, я покал плечами. Я рассказал ей и Аазу все, что случилось, когда я покупал карту. Этой юной особы поблизости не было. Я был в этом уверен, потому что если бы я ее увидел, то ее образ навсегда запечатлся бы в моем сердце. Теперь я пребывал в полном замешательстве. Почему существо, продавшее мне карту, послало свою дочь на встречу с нами? Для чего — и зачем?

— Итак, — сказал Ааз мрачно, — карта все-таки была поддельной. И вас прислали для того, чтобы запустить лапу в наш карман. Не так ли?

— Ах какой же вы циник! — со смехом сказала Гленда и улыбнулась мне.

Я тоже ей улыбнулся.

— Он видит все в черном цвете, — продолжила она, — и из него мог бы получиться превосходный юрист.

Я хотел было спросить, что значит «юрист», но промолчал, ограничившись кивком. Она же повернулась к Аазу и, глядя ему в глаза, решительно произнесла:

— Уверяю вас, что карта, насколько мне и моему отцу известно, подлинная.

— Что же вы в таком случае здесь делаете? — поинтересовалась Танда.

— Папенька решил, что к этому времени вам уже может понадобиться помочь, — ответила Гленда. — А когда папа мне рассказывал, как продавал карту Скиву, я подумала, что Скив, наверное, очень милый мальчик. И, как видите, оказалась права.

Кажется, я залился краской от пяток до макушки. По счастью, единственной видимой частью моего тела оставалось лишь лицо.

Ааз фыркнул до неприличия громко, и этот звук повис в хижине, словно неприятный запах.

— Почему ваш отец решил, что нам может понадобиться помочь? — спросила Танда.

Гленда вернулась к разделке каравая. Выдержав некоторую паузу, она, не поворачивая головы, небрежно бросила:

— Да потому, что никто еще не мог продвинуться дальше этого места и вернуться живым.

— О-о-о, — протянул Ааз, — теперь я, кажется, все понял. Ваш папаша продает карту снова и снова, а ваша задачаозвращать ее в семью.

— Если честно, ему изрядно надоело заниматься ее продажей, — сказала Гленда. — А вернуть карту в семью вообще не проблема. Папа обычно прыгает сюда каждую весну и забирает ее у покойников.

Слабое потрескивание дров в очаге да завывание ветра за стенами были единственными звуками, нарушавшими тишину в хижине. Мне не хотелось думать о том, что карта, которую я носил с собой почти мессян, была взята у трупов.

— Почему так происходит? — спросила Танда, и я не обнаружил в ее голосе прежней злости.

— Вот вы мне об этом и скажете, — улыбнулась Гленда. — Разве не вы обладаете способностью переноситься из измерения в измерение?

Танда помолчала, задумчиво глядя вдаль, а затем негромко произнесла:

— Потому что мы находимся слишком далеко от всех известных мне мест, включая то измерение, из которого мы сюда прыгнули.

— Именно, — подтвердила Гленда, ставя перед нами на стол нарезанный каравай. — Перемещальники проделали это с шестью группами искателей сокровищ, которым папа продавал карту. То место, где мы находимся (а это — Завихрение №6), весьма удалено от всех известных измерений, включая измерения, отмеченные на карте. Никто, кроме самых опыт-

ных прыгунов по измерениям, не в состоянии отсюда выбраться. До того как я обустроила эту хижину несколько недель назад, здесь стояла лишь оболочка дома из полусгнивших бревен.

— Значит, мы были обречены на голодную смерть? — спросил я.

— Да, со временем вы умерли бы от голода или, не выдержав мучений, совершили скачок в неизвестном направлении и заблудились, — сказала Гленда, придвигая стул и садясь рядом со мной. — Папа проследил путь двух групп, — продолжила она, — обе настигла мучительная смерть от существ, с которыми встречаться вовсе не следовало.

Перед моим мысленным взором предстали знакомые нам змеи, и я сразу понял, что она имеет в виду.

Гленда взяла ломоть восхитительно пахнущего хлеба и поднесла ко рту, не сводя с меня глаз.

И сколько же будет стоить наше спасение? — поинтересовался Ааз.

Я сердито глянул на своего наставника. Типичный для него вопрос. Прежде всего он думает о своем кошельке.

Улыбнувшись покрытому зеленою чешуй демону, Гленда вежливо поинтересовалась:

— Как вас зовут?

— Ааз, — ответил тот и тут же добавил: — Но вы не ответили на мой вопрос.

— Я хочу отправиться с вами, — сказала Гленда, — а за то, что я помогу найти вам золотую корову и верну вас на Базар-на-Деве, вы дадите мне ту же долю сокровищ, что получит каждый из вас. После расчета с Перемещальником, разумеется.

В ее словах я не видел никакого смысла.

— Но почему ты в таком случае не отправилась на поиски золотой коровы самостоятельно?

— Если честно, Скив, — произнесла она, глядя мне прямо в глаза, — мой папа сказал, что, по его мнению, ты, возможно, станешь первым, у кого есть реальный шанс добраться до коровы.

— Но вы, во-первых, не ответили на его вопрос, — сказал Ааз. — И во-вторых, почему вы требуете для себя такую большую долю сокровищ?

— Без меня вам отсюда не выбраться, — улыбнулась она. — Это ответ на ваш вопрос. Что же касается вопроса Скива, то ответ на него тоже весьма прост. Папа, до того как в первый раз продать карту, несколько раз пытался пройти дистанцию самостоятельно. Однако ему каждый раз приходилось возвращаться с полдороги. Впереди вас ждет масса трудностей, и я их знаю. Поэтому мое участие в вашей экспедиции необходимо. Прежде всего для вас самих.

— И ваш отец считает, что Скиву это удастся? — спросила Танда. Нотки сомнения у нее в голосе мне крайне не понравились, поскольку я чувствовал, как у меня растут крылья.

Гленда протянула руку и возложила ладонь на мою, лежащую на столе. Я ощутил нечто подобное удару током, а моя физиономия, как мне показалось, снова стала багровой. Я начал подумывать, как бы мне отодвинуться от нее вместе со стулом, только, если честно, мне этого совсем не хотелось. Одним прикосновением руки она могла заставить меня пойти на любой подвиг.

— Мой пapa имеет способность проникать в сущность людей и видеть их скрытую подлинную силу.

С этими словами она погладила мою руку, и я сделал все, чтобы подавить глубокий вздох.

— Если она думает, что Скив может добраться до золотой коровы, преодолев все грозящие нам опасности, мне не остается ничего иного, как верить в Скива, — сказал я, одарив Ааза одной из своих самых широких улыбок.

За все время нашего знакомства мне еще не доводилось видеть на его физиономии подобной гримасы отвращения. Его вид доставил мне столь же великое удовольствие, как и лежащая на моей руке ладонь Гленды.

В крошечной хижине повисла тишина. Тишина эта имела разное происхождение. Я молчал потому, что желание девушки принять участие в нашем путешествии мне очень нравилось. Нравилось не меньше, чем ее ладонь, лежащая на моей руке. Кроме того, имея дело с ней, мне не придется замаливать старые грехи и просить прощения за прежние ошибки.

Ааз и Танда молчали потому, что им не нравилась идея иметь спутницу, с которой придется делиться доходами. Эти

разнообразные чувства и порождали молчаливое напряжение. Напряжение усиливалось тем обстоятельством, что мы совсем не знали Гленду. Но каково бы ни было наше отношенис, выбора у нас, по существу, не оставалось. Танда не могла доставить нас отсюда ни в одно из знакомых ей измерений. Такие измерения находились очень далеко, а перепрыгивать с измерения на измерение, чтобы сократить расстояние, было слишком рискованно. Начав беспорядочные скачки, мы либо безнадежно заблудимся, либо погибнем от клыков известных нам змей или от рук одноглазых близнецов из жуткого города.

Короче, без Гленды нам не обойтись. Кроме того, мне очень хотелось, чтобы она отправилась с нами. Это позволит мне узнать ее ближе.

— Что ж, вот нас теперь и четверо, — весело заявил я, улыбаясь Гленде и игнорируя недовольные взгляды своих попутчиков.

— Замечательно, — сказала Гленда, — вы об этом не пожалеете.

Я не сомневался, что лично мне жалеть не придется.

— Итак, мы разделим добычу на четверых, — уточнил Ааз, чтобы устранить все неясности.

— После того, как рассчитаемся с Перемещальником, — напомнил я.

— Да. После того, как мы отдадим Перемещальному его двадцать пять процентов, — глядя на Танду и чуть ли не выплевывая слова, произнес мой наставник.

— Каждый из нас тем не менее получит более чем достаточно, — сказала Гленда, раздавая каждому по ломтию свежего хлеба. — Если мы, конечно, доберемся до золотой коровы и заберем богатство.

Я взял здоровенный ломоть хлеба из ее рук и яблочный мармелад из стоящей на столе вазы. Откусив разок, я сразу понял, что такого вкусного мармелада я не едал много-много лет. Он просто таял во рту, оставляя аромат цветущего сада. Если Гленда всегда будет готовить, как сейчас, я до конца дней останусь на ее стороне.

Пока мы питались (я заметил, что даже Ааз и Танда наслаждаются едой), Гленда не сводила с меня глаз.

— Доставай карту, чтобы мы могли наметить наш следующий шаг, — сказал я Аазу и, обращаясь к Гленде, добавил: — Я позволяю ему носить карту.

Ааз едва не подавился куском хлеба, Танда рассмеялась, и царящее в комнате напряжение слегка спало.

Ааз извлек карту и расстелил ее на столе. Гленда, чтобы лучше видеть, чуть подвинулась и оказалась рядом с Тандой. Для удобства наблюдения я тоже был вынужден переместиться.

Карта претерпела новые изменения, но никто из нас этому больше не удивлялся.

Мы находились на Завихрении №6, о чём ясно говорила надпись на карте. От нашего, с позволения сказать, измерения в разные стороны вели четыре линии. Названия измерений, на которые они указывали, мне совсем не понравились. Ближайшее к нам именовалось «Лихорадка», а следующее за ним — «Вражда». За Враждой все в том же направлении (справа от нас) находились «Наглость» и «Гниль».

— Ни об одном из них я даже не слышала, — покачала головой Танда.

— Я тоже, — произнес Ааз.

— Вы и не могли о них слышать, — пояснила Гленда. — Они еще дальше от Девы, чем это место. — Посмотрев на меня и убедившись, что я превратился в слух, она указала на Лихорадку и продолжила: — В этом измерении температура в самых прохладных местах и в холодное время года превышает пятьдесят градусов по Цельсию, и мы сможем продержаться там не более пяти минут.

— Как замечательно, что составитель не забыл отметить ее на карте, — сказал я.

— Ловушка, — заметила Гленда. — Картограммисты-программисты просто обожают подобные фокусы.

— Картограммисты-программисты? — переспросил я.

— Да. Это целая раса, которая занимается лишь тем, что исследует измерения и наносит их на карту. Когда они натыкаются на какое-нибудь сокровище, они изготавливают карту, подобную этой, и затем ее продают.

— Я слышала о них, — сказала Танда, — но никогда ничего у них не покупала.

— У них даже есть ларьки на Базаре-на-Деве, — вступил в беседу Ааз. — Но в их услугах я никогда не нуждался.

— А карту на стене палатки Перемещальника тоже они нарисовали? — спросил я у Гленды.

Гленда кивнула:

— Если там изображены измерения, готова спорить на что угодно, что карту составили картограммисты-программисты. Каждая карта, указывающая путь к сокровищам, напичкана магией, и в них полным-полно ловушек и головоломок. Так же как и в нашей карте.

— Хорошо, когда узнаешь об этом заранее, — заметил я, глядя на Ааза. Мне было ясно, что он и понятия не имел ни о каких ловушках, когда мы пускались в это безумное предпринятие.

Наставник послал мне в ответ суровый взгляд.

— А сюда нам даже и соваться не стоит, — продолжила Гленда, покачивая на измерение по имени Вражда. — По сравнению с тамошней жарой на Лихорадке просто прохладно.

Ааз молча кивнул.

— Наглость уже не существует. Измерение погибло по неизвестной нам причине несколько тысяч лет назад.

— Таким образом, для нас остается только Гниль, — сделал я глубокомысленный вывод. — На что похоже это измерение?

— Я задержалась там всего на несколько мгновений, пока папа выяснял, что случилось с картой. Это было три покупателя назад, — сказала Гленда. — Это темное сырое место, где все, как мне кажется, постоянно меняется. Там даже земля топорщится и колышется прямо под ногами.

— Твои слова означают, — произнесла Танда, — что ты путешествовала со своим отцом и видела, как путешествуют в поисках сокровища другие. Ты должна знать путь, по крайней мере на несколько скачков вперед. Почему мы не можем пропустить хотя бы один шаг? Разве ты не знаешь, куда нас ведет карта?

Я был вынужден признать, что в словах Танды есть доля истины. Ликвидация промежуточных этапов могла существенно облегчить наше положение.

Гленда вздохнула, и даже ее тяжелый вздох прозвучал для меня райской мелодией.

— Если бы я могла... — сказала она, хотя ее вздох уже сообщил мне все, что было нужно.

— Это магическая карта, — вмешался Ааз, — и она каждый раз разная. Не так ли?

— Именно, — подтвердила Гленда. — За исключением этих убогих Завихрений карта каждый раз и с каждой новой попыткой показывает разные пути.

— Хм-м... — протянул Ааз, пляясь на древний пергамент. — Жаль, что мы не можем ампутировать у карты ее магические свойства, оставив лишь один путь к золотой корове.

Эти слова подсказали мне замечательную идею. Идея казалась настолько простой, что могла оказаться глупой, поэтому вслух я ничего не сказал. Но мысль продолжала биться в моей голове, пока остальные довольно тупо, на мой взгляд, плялились на карту.

А что, если я перекачаю магическую энергию карты так же, как, творя заклинание, перекачивал энергию из природных силовых линий?

Я расслабился и потянулся мыслью к карте, которую Ааз держал в руках. Момент касания я уловил сразу, а уловив, приступил к откачке энергии.

Вначале ничего не случилось.

Затем пергамент вдруг затрепетал в руке демона, а между мною и картой возникло энергетическое поле. Поле было холодным, но очень сильным. С каждым мгновением оно становилось все сильнее и сильнее. Я поспешил открыть линию, позволив излишку энергии стекать через меня в землю. Принципу заземления Ааз научил меня еще во время первых уроков.

— Что за!.. — воскликнул Ааз, отбрасывая карту.

Но наш путь к золотой корове, вместо того чтобы упасть на пол, воспарил к потолку.

— Скив! — взвизгнула Танда.

Не обращая внимания на ее истощный вопль, я продолжал сливать энергию с карты в землю. Наконец поток энергии начал истощаться и истощался до тех пор, пока не превратился в скромный ручеек. Я прервал мысленный контакт, и пергамент, колеблясь в воздухе, как сухой лист, опустился на пол.

— Взгляните-ка на карту еще раз, — сказал я.

Вся троица вначале посмотрела на меня, а потом обратила взоры на карту.

— Кто-нибудь может мне сказать, что здесь произошло? — спросила Гленда.

Ааз мрачно пялился на пергамент.

— Мастер маг Скив только что разрешил массу наших проблем, — со смехом объявила Танда.

Я смотрел на карту и не верил своим глазам.

Теперь от Завихрения №6 отходила всего одна линия, которая вела к Гнили. От Гнили она тянулась к Завихрению №5, а оттуда к измерению по имени Баасс, и от Баасса к Завихрению №6 — то есть к нам. От нас линия продолжалась к измерению, в котором паслась золотая корова. И это измерение имело название «Коро-Bay».

Мы могли теперь залепить скачок с Завихрения №6, где сейчас находились, прямо на легендарное Коро-Bay!

Гленда рассмеялась и заключила меня в объятия, которых я не забуду до конца дней своих. Она прижалась ко мне всем телом, и я затрепетал во множестве мест, часть которых я называть не стану.

— Папочка был прав, — прошептала она, прижимаясь ко мне еще крепче. — Ведь недаром он говорил, что в тебе есть нечто особенное.

Ааз фыркнул, но это фырканье ни на йоту не уменьшило моего восторга, вызванного пребыванием в объятиях Гленды.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Что за Дикий Запад!

Дж. Уэст

—Что это за название — Коро-Bay? — поинтересовался я, показывая на карту, после того как Гленда разомкнула свои объятия века.

Никто не ответил.

— Как это тебе удалось? — спросила Гленда. — Никогда не слышала, чтобы кто-то когда-либо пытался воздействовать на карту силами магии.

В ее огромных карих, необыкновенной красоты глазах я заметил выражение легкой тревоги. Но потом я понял, что это была вовсе не тревога. Это было выражение восторга и восхищения мною. Нечасто случается, чтобы кто-нибудь мною восхищался.

— Честно говоря, не знаю, — ответил я.

— Вот ответ, который меня не удивляет, — заметил Ааз и с отвращением посмотрел в потолок.

— Я просто пожелал попасть в нужное измерение, — продолжал я, игнорируя возмущение наставника, — и вдруг ощутил, как энергия урагана начала переливаться в меня. Предельно сконцентрировавшись, я стал пропускать энергию через себя пряником на карту. Вот и все, что я сделал. Честно.

Танда посмотрела на меня так, словно все поняла, но тем не менее промолчала.

— Все измерения класса «Завихрение» считаются весьма подходящим местом для разного рода магических действий, — сказала Гленда. — В силу этого здесь никто долго не выживает.

— Поэтому, пока мы здесь, — сказал Ааз, пристально глядя на меня, — будь осторожнее в своих желаниях.

— Ты это о чем? Разве я нам всем не помог? — спросил я, показывая на карту.

— Полагаю, что помог, — произнесла Танда и тут же спросила: — Гленда, ты знакома с измерением Коро-Бау, или нам придется возвращаться к Перемещальнику?

Услыхав слово «Перемещальник», Ааз застонал.

— Я была там несколько раз, — ответила Гленда, — но никогда не подозревала, что там находится такое сокровище.

— Следовательно, там имеется крупный рогатый скот? — поинтересовался Ааз.

— Поголовье крупного рогатого скота на Коро-Бау больше, чем можно представить, — кивнула Гленда.

— Итак, наша следующая задача, — сказал я, с улыбкой глядя на Гленду, — найти, как говорит пословица, корову в стоге коров.

На лице Гленды мелькнуло изумление, из чего я заключил, что она совершенно не поняла, что я произнес. А поскольку я понятия не имел, как выглядит корова, я не стал ей объяснять, что такое стог коров.

— Наш юный друг попытался сказать, — перевела мою речь Танда, — что если там так много этих жвачных, то как нам отыскать единственное, которое нас интересует?

— Откуда мне знать, — пожала плечами Гленда. — Ни один из тех, кто пользовался картой, не запрыгивал так далеко. А мне в голову не приходило, что карта ведет на Коро-Бау.

Ааз молчал, и я, решив, что с его стороны мне ничего не грозит, попытался высказать свои соображения:

— Как мне кажется, корова, дающая золотые удои, должна проживать в золотом дворце. Разве не так?

Вся троица с недоумением уставилась на меня.

— Более чем вероятно, — после весьма продолжительной паузы сказала Танда, и в хижине снова воцарилось молчание.

Это молчание красноречиво говорило, что мне следует молча жевать свой кусок, предоставив право на размышление другим.

На стратегическое планирование и разговоры мы потратили почти час, после чего Гленда по предложению Ааза должна была перебросить нас на Коро-Бау. Ааз считал — и все с ним согласились, — что место, где мы окажемся, должно быть малонаселенным, чтобы я в случае необходимости успел смешать личины участников экспедиции.

Но прежде чем отправиться в путь, Ааз убедился в том, что Танда и Гленда, если потребуется, смогут вернуться в хижину на Завихрении №6. Настроив при помощи Гленды И-Скакун, он и себе обеспечил экстренное возвращение. Понадежнее, я остался единственным, кто не имел запасного выхода в случае чрезвычайных обстоятельств. В итоге, поразмыслив, я решил держаться ближе к ним и в первую очередь — к Гленде.

Итак, перескочив с помощью Гленды на Коро-Бау, мы оказались на большом валуне, расположенному у самого края отвесной скалы. Погода была сухая и теплая, солнце стояло в

зените. Ландшафт немного напоминал пустыню, но выжженная поверхность, постепенно понижаясь, переходила в покровшую густой зеленою травой долину.

Под скалой, обегая подножие нашего холма, проходила дорога. Дорога вела к другому холму, на котором виднелись какие-то деревянные постройки. Насколько я мог видеть, домов высотой более двух этажей в поселении не имелось. Все здания, как мне казалось, жались к одной главной улице.

— Этот с позволения сказать город называется Увер-Тка, и он знаменит изобилием коровников, или по-местному — ковбоев и баров, — сказал Гленда.

— Коровников или ковбоев? — переспросил я. — А что это такое?

Поскольку я не имел представления о том, как выглядят корова, эти ковбои были для меня вообще сущей загадкой.

— Ковбои — лица мужского пола, которые заботятся о коровах, — пояснила Гленда. — По каким-то неясным для меня причинам их так называют во всех измерениях — вне зависимости от языка, господствующего в данном измерении. Главным условием является наличие в измерении коров или иного крупного рогатого скота.

Я хотел спросить, как зовут лиц женского пола, ухаживающих за коровами, но тут же передумал, решив, что их скорее всего называют ковбойками.

— Должна сказать, — продолжала Гленда, — что в этом измерении все ковбои — типы весьма странные.

— В каком это смысле? — спросил Ааз, вглядываясь в поселение, имевшее необычное, на мой взгляд, название Увер-Тка.

— Они относятся к своему скоту почти как к священным животным. Они никогда не ударят корову, сильно не толкнут ее и всегда говорят о коровах с большой душевной теплотой. И они защищают своих коров от всего, что, по их мнению, таит для животного опасность.

— Да, это не только странно, но и отчасти жутко, — заметила Танда.

— Это почему? — спросил я, и Ааз посмотрел на меня так, как смотрит всегда, когда я, по его мнению, задаю слиш-

ком много вопросов. Я знал этот взгляд, поскольку замечал его по меньшей мере три раза в день.

— Потому что в большинстве измерений коровы всего-навсего идут в пищу. Здесь же, на Коро-Бэу, убийце коровы грозит смертная казнь через повешение.

— И как же эти ковбои выглядят? — задал я очередной вопрос.

Из своих предыдущих путешествий я на опыте познал, что представляет собой смертная казнь через повешение.

— В принципе обитатели этого измерения похожи на троих из нас, — со смехом сказала Гленда и, посмотрев на Ааза, добавила: — Но с вами, здоровенный парнище, придется что-то сделать. О демонах здесь вообще ничего не знают — тем более об извергах.

Ааз промолчал. Думаю, он был рад, что она не назвала его извращенцем, как делают многие.

Неожиданно за нашими спинами послышался какой-то звук. Звук приближался. Гленда приказала нам укрыться за скалой и вести наблюдение. Я проверил, хорошо ли я вижу дорогу, поскольку мне предстояло пересодеть нас всех в подходящую одежду. Через минуту на дороге показались два всадника. Они неторопливо двигались в направлении города. Одеты наездники были примерно одинаково: клетчатые рубахи, похожие на джинсы штаны, высокие сапоги и широкие поясные ремни. Их кожа от постоянного пребывания на солнце потемнела, а на головах красовались широкополые коричневые шляпы. Один из всадников был чуть старше, а другой, естественно, помоложе. Оба были коротко острижены и носили усы. Они молча ехали бок о бок.

Когда они скрылись за холмом, Танда спросила:

— Ты можешь сделать нас похожими на них?

— Без проблем, — ответил я и, использовав немного магической энергии из своих запасов, придал своим спутникам туземное обличье.

Я надел на наши головы черные шляпы и облачил всех в клетчатые рубахи. Поскольку я как маг видел всех в обычной личине, я поинтересовался у Гленды:

— Ну и как мы выглядим?

— Превосходно, — ответила она. — Даже Ааз стал коричневым от загара, а не зеленым, как всегда.

— Неужели нам понадобятся лошади? — спросил я. — Их я сотворить не смогу.

— Боюсь, что понадобятся, — печально произнесла Гленда. — Особенно если золотой коровы не окажется поблизости. Нам придется путешествовать, а насколько я помню, лошади здесь служат единственным средством передвижения.

— А как здесь насчет денег? — забеспокоился Ааз. — Ведь нам потребуются оборотные средства.

— Не думаю, — сказала Гленда. — Деньги здесь не в ходу.

Мне показалось, что Ааза вот-вот хватит удар. Он выглядел так, будто ему сказали, что солнце больше никогда не взойдет.

— В таком случае на что же они продают и на что покупают? — спросила Танда, которую это сообщение тоже слегка шокировало.

— На труд, — ответила Гленда. — Труд является их капиталом.

Теперь и я перестал что-либо понимать.

— Если вы что-то от кого-то хотите, вы работаете на этого человека, — пояснила Гленда. — Все расчеты здесь ведутся в так называемых ДО, что означает «Долговое обязательство». Если вы поедите в таверне или что-то выпьете, то подписываетесь долговое обязательство. Позже вы должны свой долг отработать.

— Ну и странное же это место, — заметил я, и Гленда со мной согласилась.

Мы начали спускаться с холма, чтобы четверкой чужаков вступить в город, кишмя кишевший ковбоями. Я надеялся, что наши личины сработают, но все же старался держаться поближе к Гленде.

Вообще-то никаких особых трудностей я не предвидел. В городе Увер-Тка кипела бурная, но довольно примитивная жизнь.

Единственная в поселении улица называлась, естественно, Главной. Проезжая часть была покрыта засохшей и засыпанной пылью грязью. Шагать по ней было чрезвычайно трудно. По обеим сторонам Главной улицы тянулись ряды дерев-

вянных домов с деревянными же тротуарами. За пределами Главной улицы там и сям виднелись дома, окруженные возделанными участками земли. Там же находились и рощицы каких-то странных деревьев. За дверями многих домов на Главной улице звучала музыка и раздавался смех. Над некоторыми дверями имелись яркие вывески с надписями типа: «Поле битвы», «Дикая лошадь» и «У Одра». Я понятия не имел, что эти названия означают.

Вдоль деревянных тротуаров тянулись деревянные перила, к которым были привязаны как отдельные лошади, так и целые лошадиные сообщества, впряженные в фургоны. Весь город провонял конским навозом, довольно большие кучи которого виднелись тут и там.

Вооруженный лопатой мужчина в белой шляпе лениво сгребал свежий лошадиный помет, а затем с той же прохладой собирая его в кучи.

Я хотел спросить его, какой именно долг он отрабатывает или что собирается купить. Что бы он ни намеревался прикупить, цена товара, на мой взгляд, была слишком высока.

Дойдя до места, которое можно было считать началом города, мы поднялись на тротуар, тянувшийся вдоль левой стороны улицы. В этот момент я осознал, в каком палящем зное пришлось нам шагать от скалы до поселения. Как повезло его обитателям, что у них имеются шляпы! Поначалу, особенно после Завихрения №6, солнце здесь не казалось таким горячим, но, оказавшись в тени, я понял, в каком пекле нам пришлось быть.

Мы шагали по деревянному настилу с таким видом, словно всю жизнь прожили в городке под названием Увер-Тка. Несмотря на наши усилия, четыре незнакомца в городке с населением не более пятисот душ были заметны, как здоровенная дыра на новых ботинках.

— Будздра, — бросил на ходу первый повстречавшийся нам мужчина, приложив два пальца к полям шляпы.

К тому времени, когда я догадался приложить пальцы к своей шляпе, он был уже далеко.

Через несколько секунд нам повстречалась женщина в цветастой блузке и длинной юбке.

— Будздра, — сказала она.

Я приложил два пальца к полям шляпы. Ааз последовал мосму примеру. Дама улыбнулась, продемонстрировав довольно странного вида зубы.

Когда она ушла довольно далеко, я посмотрел на свою шею и увидел, что кулон-переводчик, которым снабдила меня Танда, находится на месте. Кулон был на месте, но, видимо, не работал, так как я не мог уразуметь, что значит слово «будздра». Я бросил вопросительный взгляд на Танду, но та в ответ лишь пожала плечами.

Пройдя примерно четверть длины улицы, мы остановились и, привалившись к деревянной стенке, сделали вид, что отдыхаем или просто так бездельничаем. Нас не только не беспокоили, но даже, как это ни обидно, просто не замечали. С противоположной стороны улицы из дверей с вывеской «У Одра» доносилась бодрая музыка. Дверь была полуоткрыта, и я заметил сидящих за столиками мужчин. Видимо, это был своего рода ресторан.

— Что теперь? — спросила Гленда, глядя на собирающего конское дермо парня в белой шляпе.

— Нам необходима информация, — сказала Танда.

— А мы не можем просто подойти и спросить? — глубокомысленно заметил я, и все для разнообразия со мной согласились.

— Кроме того, нам понадобятся лошади, — заявила Гленда, — если у вас, конечно, нет желания продолжать путь пешком.

Я бросил взгляд вдаль на открытое пространство за пределами города и подумал, что идея проделать пешком даже самое небольшое расстояние меня не вдохновляет. Все остальные тоже сказали, что пешая прогулка им совсем не улыбается.

— Итак, нам нужны две вещи, — заключил я. — Информация о золотой корове и лошади, способные доставить нас к искомому сокровищу.

— Мы со Скивом заглянем в заведение на противоположной стороне улицы, — сказала Гленда, — а вы двое совершите очередной скачок.

— Хорошо, — согласился Ааз, нескованно меня удивив. — Если что — встречаемся в хижине на Завихрении №6 ровно через час.

Я спросил Гленду, поняла ли она, что остается единственным транспортным средством для доставки меня из измерения Коро-Бау в измерение Завихрение №6. Получив утвердительный ответ, я вслед за ней сошел с тротуара. По пути к цели нам пришлось обойти внушительную кучу конского дерьма, которую успел насобирать парень в белой шляпе.

Когда мы проходили мимо, он улыбнулся и произнес:
— Будздра.

Я в ответ приложил два пальца к полям шляпы, чем он, видимо, был удовлетворен, так как сразу вернулся к объекту своего труда.

Что же касается трактовки слов «У Одра», то я в своем умозаключении оказался совершенно прав. Переступив порог, мы оказались одновременно в ресторане и в баре. Деревянная стойка бара тянулась вдоль всей левой стены заведения. За стойкой с тряпкой в руке стоял парень без шляпы, но зато в белом фартуке. Три столика были заняты. Разместившиеся за ними десять посетителей поглощали из тарелок внушительные порции каких-то овощей.

В зале громко звучала довольно ритмичная музыка. Она рождалась в недрах стоящего у дальней стены пианино, хотя за самим инструментом никакого пианиста в помине не было.

Когда мы вошли, едоки подняли на нас глаза, но через мгновение вернулись к приему пищи с таким видом, словно каждый день встречали незнакомцев и плевать на них хотели. Я решил, что это добрый знак.

— Будздра, ребята, — бросил парень за стойкой, вытирая пятно перед собой. — Как оттянешься для удовольствия?

Я не имел понятия, что он хотел этим сказать. Слова я вообще-то понял, однако не мог сообразить, почему, работая в баре, он интересуется способом нашей оттяжки для получения удовольствия. Человек, которого я совсем не знал, задавал вопрос весьма интимного свойства.

Я посмотрел на Гленду, которая, как мне показалось, тоже на мгновение сконфузилась. Затем, дав мне знаком понять, чтобы я следовал за ней, она кивнула бармену и, приложив два пальца к полям шляпы, сказала:

— Нам надо слегка выпить, немного поесть и получить приличную работу, чтобы рассчитаться.

Именно это от нас и требовалось, поскольку парень за стойкой ослабился так, словно только что сорвал банк.

— Незнакомцы всегда встречают самый радушный прием в моем заведении, — сообщил бармен, извлекая из-под стойки пару стаканов. Затем, взглянув вначале на Гленду, а потом на меня, он поинтересовался: — Чем будете промывать свистки?

Я был счастлив, что беседу продолжать приходится не мне, а Гленде. Я был почти уверен, что он спрашивает о выпивке, но в то же время не мог взять в толк, какие свистки нам предстоит промывать.

— О, — сказала Гленда, — сойдет любой, что вы найдете для нас подходящим.

Парень схватил бутыль, заполненную какой-то оранжевой жидкостью, до краев наполнил наши стаканы и толчком послал их к краю стойки на нашей стороне.

— Благодарим вас, добный сэр, — сказала Гленда, и парень снова расплылся в улыбке.

— Размечтайте ваши задницы, а я тем временем навалю вам корневищ покруче.

Мне захотелось шарахнуть кулоном-переводчиком по стойке бара, чтобы заставить его работать как следует.

— Ничего убойного не надо, — ответив улыбкой на улыбку, сказала Гленда и, чтобы персплюнуть парня вежливости, подмигнула.

Бармен улыбнулся от уха до уха, почему-то при этом покраснев, и скрылся в дверях в стене за стойкой. Похоже, что Гленда способна очаровать кого угодно в каком угодно измерении. Я не был до конца уверен в том, что мне это нравится. Она взяла стакан и, показав мне знаком следовать за ней, направилась к угловому столику, удаленному от столов, за которыми расположились другие клиенты. Я сел спиной к стене, чтобы следить за происходящим. Как только мы уселись, я спросил:

— Неужели ты его понимала?

— В основном плыла по течению, — ответила она, пожав плечами.

— Значит, продолжая «плыть по течению», как ты выражаяешься, мы будем есть какие-то корневища?

Я никогда не едал корневищ, и идея попробовать их в первый раз меня совершенно не вдохновляла.

— Я думаю, что слово «корневище» в этом измерении означает «еда».

— Ладно, — проворчал я, — если ты права, меня это утешает.

— А ты как думал?

Я неуверенно отпил из стакана и едва не выплюнул жидкость. Это был вовсе не апельсиновый сок, как я ожидал, а какая-то пульпа из протертой моркови. Причем моркови маринованной.

— Любопытно, — сказала Гленда, отпив желтой бурды.

Затем она повернулась лицом ко мне и состроила смешную гримасу. Похоже, что морковный напиток ей тоже пришелся не по вкусу. Я огляделся по сторонам. Все посетители наслаждались морковным соком. Судя по всему, других напитков «У Одра» не подавали.

В этот момент из помещения за стойкой бара появился наш друг в фартуке. В руках друг нес две тарелки. Лучась радостной улыбкой, он поставил тарелки перед нами.

Овощи. Одни только овощи.

Спаржа, морковь, сельдерей, немного нарезанных помидоров и кусочек огурца были живописно разложены на подстилке из растения, очень смахивающего на обыкновенную траву.

— Замечательно, — сказала Гленда, послав бармену одну из своих самых восхитительных и соблазнительных улыбок. — Надеюсь, я найду способ расплатиться за это великолепное пиршество.

У парня по крайней мере хватило такта залиться краской.

— Думаю, мы сможем столкнуться, — ответил он и отбыл на свое место за стойкой.

Поскольку самым удобным инструментом для еды в данном случае были пальцы, я взял с тарелки стебель сельдерея и вгрызся в него. Сельдерей был вялым, несвежим, и от него слегка попахивало конским навозом. Я надеялся, что мне удалось проглотить кусочек, не оскорбив своим видом ни одного из присутствующих.

Гленда рискнула попробовать кусок огурца. По тому, как медленно и с каким отвращением она его жевала, я понял, что огурец тоже никуда не годится.

— Мы в измерении, населенном вегетарианцами, — прошептал я Гленде, а та улыбнулась бармену и жестом дала ему понять, что ничего более вкусного в жизни не едана.

— Что они делают со скотом, которого здесь, как ты уверяешься, без счета? — спросил я.

— Понятия не имею, — прошептала в ответ Гленда, — но если мне придется есть и пить эти отбросы, то я наверняка заболею.

— Я тоже.

— Делай вид, что ешь с аппетитом, а я тем временем попытаюсь получить ответы на интересующие нас вопросы. — С этими словами она поднялась и направилась к стойке. Не могу сказать, что она ему там говорила, но бармен вдруг посмотрел на меня и разразился смехом, словно я послужил объектом какой-то остроумной шутки. Я сделал вид, что очень увлечен спаржей, но все же ответил ему худосочной улыбкой.

В этот миг в помещение вошли Танда и Ааз. Они вначале увидели Гленду, однако потом, заметив меня, направились к столику и заняли два места, обратившись спиной к остальным клиентам.

— Начали без нас, насколько я вижу, — заметила Танда.

— Не мог удержаться, — сказал я достаточно громко для того, чтобы мой восторг достиг ушей бармена. — Просто объединение! — И тут же прошептал так, чтобы слышали только друзья: — Ну и отрава!

— Что она там делает? — едва слышно поинтересовался Ааз.

Прикрыв рот пучком травы и сделав вид, что приступил к пережевыванию, я прошипел:

— Собирает информацию. Только ради всего святого не вздумайте заказать себе еду. Как вам прыгалось? Успехи есть?

— Никаких, — ответила Танда.

Через несколько мгновений бармен махнул рукой в направлении, противоположном тому, откуда мы пришли в город. Гленда одарила его улыбкой, вернулась к нам и объявила:

— Лошадьми торгуют в конюшне на окраине города. Кроме того, я сказала ему, что мы в уплату за еду и питье уберем кухню.

— Интересно, какие трудовые подвиги нам придется совершить, чтобы расплатиться за лошадей? — пробормотал Ааз, покачивая головой.

Гленда пожала плечами, заняла свое место и сделала вид, что вернулась к еде.

— И кроме того, — вступил я, — мы пока не знаем, куда нам схать.

— Верно, — согласилась Гленда.

— Это наша основная проблема, — разделил наши сомнения Ааз.

И тут на меня вновь снизошло озарение. Я вдруг понял, как можно узнать наши путь. Какая, скажите, магическая карта может привести вас в незнакомое измерение, не дав при этом указаний, куда вам в этом измерении следует идти? Весь мир — слишком большое место для поисков единственной — пусть и золотой — коровы. Я снял магические чары с карты перед тем, как мы скакнули в это безумное измерение. С тех пор нам и в голову не пришло на нее взглянуть.

— Ааз, — прошептал я. — Необходимо свериться с картой.

— Какого девола буду я... — проворчал он, глядя на меня с мрачным видом. Но тут его, видимо, тоже осенило.

Нельзя было исключать, что магия возвращалась в карту в тех случаях, когда речь шла о местных маршрутах.

Ааз запустил руку в сумку и извлек пергамент. Поскольку мой наставник сидел спиной не только к публике, но и к бару, он положил сложенный листок перед собой на стол так, что, кроме нас, его никто не мог увидеть. Затем он осторожно его развернул, и я сразу увидел — в этот миг я притворялся, будто увлечен огурцом, — изменения в карте.

Перед нами теперь была не общая карта измерений, а подробная — можно сказать туристическая — схема одного измерения, Коро-Бау. Ближайшие к нам клиенты, разделавшись со своим силосом, поднялись из-за стола, чтобы удалиться. Правда, за парой столов посетители пока оставались, да за стойкой бара торчал парень в переднике. Но в данный момент никто из них на нас не смотрел.

— Разверни ее совсем, чтобы мы видели, в какой точке сейчас находимся, — сказала Гленда. — Горизонт чист.

Ааз, надо отдать ему должное, не стал крутить головой, чтобы убедиться в справедливости ее слов и вызвать всеобщее подозрение. Проявив выдержку, он развернул карту и положил ее на тарелку с недоеденной нами зеленью. Никто ничего не заметил.

Место обитания золотой коровы было помечено на карте. Теперь мы по крайней мере знали, где ее следует искать. Город Увер-Тка, в котором мы находились, тоже нашел там свое место. Путь между Увер-Ткой и золотой коровой был указан линией, похожей на те, которые мы видели на мелко-масштабных картах. Но там они указывали путь между изменениями. На пути к золотой корове располагалось множество городов и поселений. Лишь одно было предельно ясно: чтобы добраться до вожделенного жвачного, нам еще предстояло проделать немалый путь.

Гленда смотрела на карту так внимательно, словно пытаясь удержать в памяти все мельчайшие подробности.

— Ты не видишь способа прыгнуть ближе к корове? — спросила у нас Танда.

— Если мы вернемся на Завихрение №6, то оттуда я могу совершить скачок поближе к сокровищу.

— Слава небесам! — воскликнул я.

— Не надо рассыпаться в благодарностях раньше времени, — сказала Гленда, глядываясь в карту. — Путь останется все равно неблизкий.

Ааз сложил карту, сунул в поясную сумку и поднялся на ноги.

— Мы с Тандой отправляемся на поиски укромного мес-тешка, с которого можно было бы совершить скачок, — прошептал он тихо, чтобы только мы трое могли его слышать.

— Думаешь, вам удастся прыгнуть отсюда незамеченными? — с сомнением в голосе спросил я.

— Без проблем, — ответила вместо Ааза Гленда.

— Встретимся на Завихрении №6, — бросила Танда, направляясь к дверям.

Мы с Глендой снова принялись делать вид, будто наслаждаемся пищей. На самом деле мы сгребали силос к од-

ной стороне тарелки — метод, который я довольно часто использовал в детские годы.

Гленда поднялась со стула и снова отправилась к стойке бара.

Я продолжал жевать, моля небеса о том, чтобы эта зелень чудесным образом обрела приятный вкус. Мольбы остались без ответа, а есть мне хотелось даже больше, чем тогда, когда я еще не приступал к пиршеству.

Я заметил, как бармен с улыбкой кивнул Гленде так, словно согласился с ее предложением. О том, с чем он мог согласиться, мне и думать не хотелось.

Она поманила меня к себе, и я пошел к стойке, неся в руках тарелки с недоеденными овощами. Бармен провел нас через дверь за стойкой бара в помещение, которое даже при самой необузданной фантазии трудно было назвать кухней.

Вдоль одной стены разместились три бочки с разными овоцами. Далее стояла скамья с грудой грязной посуды, рядом со скамьей — бочонок с водой.

Несущивительно, что пинча в этом заведении имела столь отвратный вкус.

При мысли о том, что я откушал приготовленных в этом месте блюд, меня начало слегка подташнивать.

— Вода для мытья в этом бочонке, — сказал бармен, бросая мне грязнущую тряпичку, призванную заменить полотенце. — Вытирайте этим вначале тарелки, а уж потом все остальное.

Гленда положила руку ему на плечо и проводила к дверям.

— Не беспокойтесь, — улыбнулась она. — Мы сделаем все в лучшем виде.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся в ответ хозяин заведения. Похоже, что в ее ручках парень стал подобием воска даже более мягкого, нежели я.

Он отправился на свое рабочее место, а Гленда повернулась ко мне.

— Что ж, красавчик, сегодня я окончательно убедилась в том, что мой папа был прав, когда называл тебя существом необыкновенным.

— Благодарю, — произнес я, чувствуя, что заливаюсь краской.

— Нет. Это я благодарю тебя за все. Я столько лет искала эту треклятую корову, не зная, как определить ее точное местонахождение.

— Что ж, — сказал я, — еще немного терпения, и мы там будем. Переноси нас скорее на Завихрение №6.

— Прости, мой принц в белой шляпе. Как-нибудь в другой раз, — сказала она, послала мне воздушный поцелуй и... БАМ!

...И она исчезла.

— Это вовсе не смешно! — завопил я, глядя на то место, где она только что находилась.

В кухню вбежал бармен. Вид у него был изумленный.

— Что — вовсе не смешно? — переспросил он и, оглядевшись по сторонам, добавил: — А где же ваша красивая подруга?

Я в свою очередь огляделся по сторонам и ответил, показывая на дверь черного хода:

— Я сказал ей, что начну мыть посуду, а она пока может передохнуть. Не сомневаюсь, что моя очаровательная подруга скоро вернется.

— Хорошо. Как только она будет здесь, дайте мне знать. Ваша подруга сказала, что у нее для меня есть сюрприз.

Он отправился в зал, оставив меня в одиночестве в этой, мягко говоря, странной кухне.

И в этом более чем странном измерении.

Похоже, что парень был не единственным, для кого Гленда заготовила сюрприз.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Снова один... Совсем один!

Р. Крузо

Я остался один-одинешенек посередине этой, с позволения сказать, кухни, и моей первой реакцией на исчезновение Гленды было желание как можно громче завопить и позвать ее назад. Так же как Ааза и Танду. Не исключено, что

вогль помог бы преодолеть охватившую меня панику, но я понимал, что по-настоящему никакого толку даже от самого истошного крика не будет. И все равно очень хотелось выть.

Однако я все же сумел себя сдержать.

Моей второй реакцией было желание выбежать через заднюю дверь и скрыться. Но этот поступок сразу превратил бы меня в находящегося в розыске преступника, не оплатившего обед. Зная, что мне предстоит пробыть на Коро-Бау порядочно времени, я решил не рисковать. А убежать все равно очень хотелось.

Оставалось одно — пустить мысли на самотек, чтобы дать возможность моему убогому умишке понять до конца, что произошло. Поэтому я принял мыть тарелки, сваливая недоеденный силос в большую кучу уже накопившихся отбросов. После чего я опускал тарелки в грязную воду и, сделав вид, что они таким образом отмылись, вытирая их осклизлой тряпкой.

Со стороны я, наверное, казался спокойным, но внутри у меня все кипело.

— Без паники, без паники, без паники, — твердил я себе, перемежая это заклинание глубокими вздохами и опусканием тарелок в бочку с грязной водой. Вернув таким образом некоторое самообладание, я принял задавать себе вопросы.

Почему она меня покинула?

Простого ответа на этот вопрос я не находил. Во всяком случае, такого ответа, который мне хотелось бы услышать. Но все более приятные варианты ответов были лишены всякого смысла.

Итак, она меня покинула. Почему? Наверное, все очень просто. Гленда узнала точное местонахождение золотой коровы, и это было все, что ей требовалось от меня, Ааза и Танды. Поэтому при первой возможности она сделала ноги, оставив меня в кухне какого-то жалкого заведения в совершенно чуждом мне травоядном измерении.

— Без паники, — повторил я, погружая в помой очередную тарелку.

После этого я свалил с очередной порции посуды все недоеденное сено в кучу отбросов и задал себе второй вопрос.

Не вел ли я себя, как последний идиот?

Ответ был — да. И этот ответ прозвучал в моих ушах почтительно-голосом Ааза. Кроме того, мой наставник еще и добавил бы, что не находит тут ничего странного или необычного.

Гленда играла на мне, Аазе и Танде, как на хорошо настроенных музыкальных инструментах. Не знаю, за какие места она дергала Ааза и Танду, но в моем случае Гленда в качестве струн использовала сердце и чувства.

— Ну и дурак же ты, малыш, — произнес я.

В кухне не было никого, кто мог бы это подтвердить. Но, по правде говоря, ни в каких подтверждениях я и не нуждался. Я знал, что вел себя как дурак.

Я протер пару тарелок, стряхнул морковь еще с двух, макнул их в бочонок и задал очередной вопрос.

Что теперь делать?

Ответа на этот вопрос у меня не было. Я не имел ни малейшего представления о том, как поступать дальше. На некоторое время я застрял на Коро-Bay, а если что-то случится с Аазом и Тандой, то мне придется проторчать здесь до конца дней. Та же участь грозит мне, если они так и не смогут меня найти.

Эта мысль снова повергла меня в панику, и мне ничего не осталось, кроме как мыть тарелки.

Через несколько минут появился мой работодатель с очередной партией грязной посуды. Парень был явно огорчен тем, что Гленда не вернулась, но выступать по этому поводу не стал. Он молча поставил тарелки на скамью и удалился.

Я свалил считающийся в этих краях едой навоз в кучу и, чтобы убить время, попытался мыть тарелки как можно тщательнее. Я еще раз протер грязной тряпичкой всю посуду, сложил ее стопкой, а затем дошел до того, что вытер и стойку. После этого работы у меня не осталось и пришлось вернуться в главный зал.

— Моя подруга заходила несколько минут назад, — соловрал я. На какой-то миг мне показалось, что парень вот-вот зарыдает, и я поспешил развить свою ложь. — Сказала, что вернется примерно через час, и вы получите свой сюрприз.

Услыхав эти слова, бармен слегка посветлел.

— Нет ли у вас желания проверить мою работу? — спросил я.

— Нет, — ответил он, улыбаясь. — Что касается меня, то мы в расчете.

— Ну и классные корневища здесь у вас! — сказал я, одной рукой поглаживая живот, а другую поднося к полям шляпы.

— Спасибо, приятель! — Он широко улыбнулся, продемонстрировав не менее скверные зубы, чем те, которые мы видели у женщины на улице. — Заваливайтесь в любое время. Поняли?

— Еще бы. Всепременно завалюсь, — ответил я и вышел.

Солнце продолжало припекать середину улицы, поэтому я остался на тротуаре, прикладывая два пальца к шляпе и бормоча «Будздра» каждый раз, когда кто-то проходил мимо.

Парень в белой шляпе с лопатой, видимо, закончил уборку улицы, оставил в качестве подтверждения завершения своей миссии большие кучи конского навоза.

С того времени, как Гленда меня бросила, прошло не более четверти часа, но эти пятнадцать минут уже казались мне вечностью. От Ааза и Танды не было ни слуху ни духу.

Я шагал по деревянным мосткам, борясь с искушением громко позвать Ааза и со столь же сильным искушением броситься бежать сломя голову. Бежать, собственно, было совершенно некуда, но желание припустить галопом почему-то не исчезало.

Дошагав до конца улицы, а следовательно, и города, я остановился на последней доске деревянного тротуара и посмотрел в сторону скалы, на которой мы оказались, прибыв из другого измерения. У меня не было сомнения в том, что Ааз и Танда вернутся за мной, если, конечно, Гленда не сговорилась с ними что-нибудь на Завихрении №6. Но об этом варианте развития событий мне даже не хотелось и думать. Если подобное произошло, то я застрял здесь очень надолго. На дороге, ведущей от холма к городу, никого не было видно.

Я повернулся назад и снова принял на произносить таинственное слово «Будздра» перед каждым встречным, сдабривая устное заявление прикосновением двух пальцев к полям шляпки. Добрившись по затененному тротуару до противоположного конца города, я посмотрел вдаль — туда, где пыльная дорога исчезала среди невысоких холмов.

Вдоволь насмотревшись на опаленный солнцем ландшафт, я развернулся и зашагал назад.

Я успел пересечь город шесть раз, прежде чем осознал, что столь странное поведение может привлечь внимание аборигенов. А этого мне совсем не хотелось.

Добравшись до конца города в той стороне, с которой мы в него вступили, я уселся на помост, вытянув перед собой ноги и привалившись спиной к стене дома.

Солнце медленно сползло к горизонту. Похоже, что до заката оставалось совсем недолго.

И что же я буду делать, когда стемнеет?

Ответа на этот вопрос у меня не было. Но больше всего меня волновало то, что Ааз и Танда до сих пор за мной не вернулись. На мытье посуды и бесцельное хождение по городу, по моим расчетам, ушло не менее двух часов.

Ходьба на самом деле не была совсем уж бесполезной. Она помогла мне преодолеть панику и страх. Я чувствовал, что ко мне вернулась ясность мышления, и я снова гордился своей способностью выживать в незнакомой обстановке. Оставалось надеяться, что у меня появится возможность рассказать об этом Аазу и Танде, чтобы и они могли мною гордиться.

Я смотрел на пустынную дорогу и думал о том, что мне меньше всего на свете хочется застрять в вегетарианском измерении, заселенном странными людьми, которые постоянно прикладывают пальцы к шляпе и не верят в деньги.

На меня издали смотрели два туземца. Вид сидящего человека их, судя по всему, шокировал.

Я поднялся на ноги, откозырял им и небрежно привалился к стене дома. Они улыбнулись с таким видом, словно все вдруг стало на свои места, и заспешили по своим делам.

Несколько минут я стоял, глядя на дорогу, ведущую к скале, и размышлял, стоит туда возвращаться или нет. Что будет, если я взберусь на высокий утес, а их там не окажется? Такой вариант был более чем возможен, и в этом случае мне предстояла ночевка на голой скале. Не знаю почему, но идея торчать в одиночестве под открытым небом мне совсем не улыбалась.

А как мне быть, если они вообще сюда не вернутся? Следует ли мне самостоятельно двинуться на поиски города, в

котором проживает золотая корова? Я запомнил, что город называется Увиль-Нуть и приблизительно знал — у меня отличная зрительная память, — в какой части Коро-Бау он находится. Если у меня будет достаточно времени, то я смогу, трудясь по пути, добраться до желанной цели. Итак, если Ааз и Танда сюда не вернутся, я отправлюсь на поиски сокровищ один. А сейчас надо сделать так, чтобы Ааз и Танда смогли меня найти, если они здесь все же объявятся.

Они оставили меня в этом городке, следовательно, здесь я и должен дожидаться их возвращения. Сколько бы времени на это ни ушло.

Если Гленда и с моими друзьями все же сотворила что-то нехорошее, с этой проблемой я разберусь позже.

Значительно позже.

Кроме того, я позабочусь о том, чтобы Гленда дорого заплатила за свои грехи.

Бросив последний взгляд на пустынную дорогу, я побрел назад к «Одру». Там я по крайней мере мог сидеть у окна и следить за улицей, оставаясь незамеченным.

Когда я вошел, из похожего на фортепьяно инструмента по-прежнему доносилась музыка. Парень за стойкой улыбнулся, но сразу помрачнел, увидев, что со мной нет Гленды. Решив сделать этого человека своим союзником, я подошел к стойке и спросил:

— Разве моя подруга еще не вернулась?

— Нет, — ответил бармен. — А вы, выходит, так ее и не нашли? — В том тоне, каким был задан вопрос, я уловил некоторое беспокойство.

— Не видел с тех пор, как она сюда забегала, — сказал я. — В поисках ее я несколько раз прошел из конца в конец весь ваш прекрасный город.

— А я-то все удивлялся, почему вы туда-сюда бродите, — заметил он. — Не могу представить, что с ней могло случиться. До полнолуния еще несколько дней, так что в столпотворение она попасть не могла. Пока.

Мне страшно хотелось спросить у него, какое значение в этих краях имеет полная луна и что это за штука такая — *толпотворение*. Но парень произнес это настолько обыденно,

что мой вопрос не мог не вызвать у него недоумения. Словом, любой дурацкий вопрос с моей стороны мог меня разоблачить.

— Нет, этого уж точно быть не могло, — небрежно бросил я.

— Вообще-то она интересовалась лошадьми, — сообщил бармен. — Если ей удалось найти конягу, она вполне могла продолжить путь.

— Я это проверил. — Я покачал головой. — Она из города не выезжала. Не возражаете, если я подожду ее здесь?

— Нисколько, — сказал он и протянул руку за стаканом.

Прежде чем я успел сообразить, с чего бы это, как он наполнил посудину до краев морковным соком и толкнул стакан в мою сторону. Стакан скользнул по деревянной стойке и замер передо мной. Из него не пролилось ни капли.

— За счет заведения, — бросил бармен. — Только ты, друг, напомни ей, когда увидишь, что она задолжала мне один сюрприз.

— Поверь, — сказал я, — уж если она обещала сюрприз, то ты его непременно получишь.

Парень даже и не подозревал, насколько точно мое замечание соответствовало истине. Он жизнерадостно заулыбался, а я взял стакан с оранжевой жижей и направился к столику у окна.

Тени продолжали удлиняться, дневной жар постепенно оставлял главную улицу города Увер-Тка. Похоже, что ночи в этих краях вообще довольно холодные. Теперь я был рад, что вернулся в город, а не остался ночевать на утесе. Но радовался я не только потому, что боялся простудиться. Я не знал, что такое *толпотворение* и чем оно мне может грозить. Неведомое не может не тревожить разумного человека.

Я отпил немного морковного сока, чтобы утолить жажду, и принял смотреть на людей, которых на улице оставалось еще довольно много. Они перемещались целеустремленно, с деловым видом, неизменно приветствуя друг друга прикладыванием пальцев к шляпе.

За час я ухитрился высосать чуть ли не весь стакан морковного сока. Когда тени от домов закрыли почти всю улицу, мой друг бармен начал проявлять признаки беспокойства. По

моим расчетам, до полного захода солнца оставалось не более получаса.

— Боюсь, что мне пора закрываться, — сказал бармен, после того как несколько раз прошелся туда-сюда вдоль стойки. — У вас уже есть логово?

Решив, что слово «логово» каким-то образом связано со сном, я небрежно бросил:

— Как-то не очень об этом задумывался.

Мои слова, похоже, ввергли его в шок. У него был такой вид, будто я только что признался, что прикончил свою матушку. Он открыл рот. Потом закрыл рот. Потом снова открыл. Но в итоге так ничего и не произнес.

На одном из самых больших зданий в середине улицы я заметил вывеску «Отель Увер-Тка», поэтому я попытался с честью выйти из положения.

— Вообще-то собирался заночевать в отеле, — небрежно бросил я. — Надеюсь, у них еще есть свободные номера.

— Уверен, что есть, — сказал он с явным облегчением. — Таков закон.

Он засмеялся, я засмеялся вместе с ним, хотя мне было абсолютно непонятно, о чем он толкует.

— Спасибо за выпивку. — Я пустил стакан по столешнице в его сторону и поднялся со стула. — Темнеет, и мне, пожалуй, пора.

Мое заявление о намерении покинуть его заведение привело парня в восторг.

— Надеюсь, что ваша подруга в безопасности, — сказал он. — Убежден, что она уже в отеле. Приходите вместе с ней утром к нам на завтрак.

— С удовольствием, — улыбнулся я. — Мы доставим вам ваш сюрприз.

Он рассмеялся, я рассмеялся тоже и вышел на деревянный тротуар.

Мой друг захлопнул дверь, и я услышал, как закрылся тяжелый засов. Создавалось впечатление, что бармен опасался нападения бандитской шайки численностью по меньшей мере в тысячу стволов. Затем он закрыл окна и заслонил изнутри ставнями.

Тени уже достигли максимальной длины, улица была абсолютно пустынна. Звуки музыки, совсем недавно доносившиеся из различных заведений, умолкли, и на смену им пришла тишина наступающей ночи.

У меня в желудке начались спазмы. Но причиной этому был вовсе не морковный сок, а нарастающее чувство тревоги. В этом измерении по ночам происходило нечто очень важное.

Я не знал, что это такое. Но это нечто, мне пока неизвестное, заставляло обывателей еще до захода солнца укрываться за крепкими запорами и тяжелыми ставнями.

И если я не совсем выжил из ума, мне надо последовать их примеру.

Я еще раз дошел до конца города и посмотрел на дорогу, ведущую к утесу. На дороге не было ни одной живой души. Что ж, поиски Ааза и Танды могут подождать до завтра. Только почему-то у меня было такое чувство, что с каждым часом шансов на успешный исход поисков остается все меньше и меньше.

Я повернулся и быстрым шагом направился к отелю. Дверь была заперта, окна закрывали тяжелые ставни. Но как только я постучал, дверь тут же открыла очень миловидная женщина, до этого, видимо, сидевшая за стойкой в вестибюле — или в прихожей, если быть точным.

Ничего не спрашивая и не предлагая работы, которой я мог бы оплатить ночевку, она просто сказала, что мне повезло, и провела на второй этаж в весьма удобный номер, единственное окно которого, естественно, было закрыто ставнями.

В комнате имелась постель. На комоде стоял тазик с водой, а за дверью в конце коридора размещался туалет. Я поблагодарил милую даму, и та удалилась.

Первым делом я проверил, можно ли открыть ставни, но створки были надежно стянуты болтами. Что бы ни случилось ночью, увидеть этого события я не смогу.

Я улегся на удобную кровать, даже не удосужившись раздеться. Перед моим мысленным взором проплыли Ааз и Танда. Если Гленда поступила с ними нехорошо, то помочь им отсюда я все равно не в силах. Прыгать из измерения в измерение я не умел, и мне оставался единственный выход —

найти способ выжить в мире, где все жуют овощи и боятся выходить из дома по ночам.

Несмотря на то что на улице царила полная тишина, я не мог уснуть, и ночь в этой крошечной комнате показалась мне бесконечно долгой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Домой хода нет.
Принцесса Леа

Как только за ставнями забрезжил свет, я спустился вниз. Солнце только что поднялось из-за горизонта, синие тени разрезали улицу, но тем не менее двери гостиницы были распахнуты, а ставни с окон сняты.

Местные жители, вне всякого сомнения, почти недолюбливали.

Мне жуть как хотелось спросить, чего они так опасаются, но спросить, не выдав себя, возможности не было. Они сразу же догадались бы, что я вовсе не из их измерения. А у меня и без того было проблем выше головы.

Ааз всегда учил меня беспокоиться последовательно.

Самая главная проблема в данный момент состояла в том, что я не мог решить ни одной проблемы. Я направился к «Одру», сказав по пути «Будздра» парню в белой шляпе, который с утра пораньше принял лопатить конский навоз. Само собой разумеется, что я не забыл приложить два пальца к полям шляпы. Он ответил мне тем же.

Мой старый друг и работодатель уже распахнул двери своего заведения и снял ставни с окон. Я оказался первым посетителем.

— Значит, не нашли ее? — спросил он, как только я вошел в зал.

— Наверное, мы разминулись, и она осталась переночевать у друзей, — соврал я. — Держу пари, что она скоро здесь возникнет.

— Да, с красивыми женщинами такое случается, — сказал мой друг и подмигнул.

Я не хотел даже думать о том, каким образом он пришел к подобному умозаключению.

Где-то к середине ночи я проголодался настолько, что был готов съесть целый стог травы и выпить бадью морковного сока.

— Не мог бы я получить у вас завтрак и выпить стаканчик вашего удивительного напитка?

— Спрашиваете, — хмыкнул он и наполнил стакан морковным соком.

Я посмотрел на сосуд с оранжевой жидкостью. Если я пробуду здесь еще немного, то начну по-настоящему ненавидеть эту бурду.

— Вам повезло, — продолжил мой друг, — сегодня утром мне прямо с полей доставили фургон свежайшей зелени.

— Потрясающе! — восхитился я.

Он исчез в кухне, а я занял место у окна и отпил немного сока. Он оказался вовсе не таким отвратным, каким я его счел вчера. Но, видимо, только потому, что я голодал уже второй день. Со своего места я видел улицу и все, что на ней происходит. Если Ааз и Танда появятся, то я их просто не смогу не заметить.

Бармен принес мне небольшую тарелку травы и овощей, которые действительно оказались крепкими и свежими. Я был настолько этим потрясен, что съел все за каких-то три часа и запил целым стаканом морковного напитка. Как ни удивительно, чувство голода полностью исчезло. Но меня тревожило вовсе не это. Я опасался, что никогда уже не увижу столь дорогих моему сердцу Ааза и Танду. Посидев еще часок, я решил совершить прогулку на утес.

Вначале, правда, я предложил бармену помыть посуду в качестве платы за завтрак, но мой друг пригласил меня прийти позже на обед и лишь после этого приступить к мытью посуды.

Я охотно согласился, надеясь в глубине души, что никогда больше не увижу ни его, ни его кухни.

Чтобы добраться до места нашего прибытия в это измерение, мне потребовалось больше часа. Это было довольно из-

нурительное испытание, так как шагать пришлось по полу-десной жаре.

На дороге я никого не встретил, а воздух на утесе оказался настолько горячим и неподвижным, что мне показалось, будто я спустился в собственный склеп. Чувство это было настолько неприятным, что мне пришлось потрясти головой, чтобы отогнать мрачные мысли и взглянуть на события в более приятном свете. Я направился к камню, за которым мы прятались, увидев двух шагающих по дороге парней. Голова нещадно потела, струйки пота стекали в глаза, поэтому, оказавшись в тени утеса, я первым делом снял шляпу. Когда я клал шляпу на камень, я заметил в трещине на его поверхности блеск металла. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никого поблизости нет, я нагнулся посмотреть поближе и не поверил своим глазам. В не очень глубокой трещине находился небольшой металлический цилиндр, не похожий ни на один из предметов, которые мне довелось увидеть в этом измерении.

Это был И-Скакун.

Я осторожно извлек его из трещины и увидел, что под ним лежит сложенный листок пергамента.

Карта!

По какой-то неизвестной причине Ааз и Танда оставили их мне. Скорее всего они с самого начала подозревали Гленду, в то время как я был ослеплен то ли похотью, то ли любовью.

Я посмотрел на И-Скакун, покрутил его в руках и, убедившись, что это не галлюцинация, пустился в пляс, подняв бесценный прибор над головой. Впервые за последние дни у меня появилась возможность выбора. Я мог что-то предпринять, а не только сидеть, ждать и надеяться. Я испытал такое облегчение, что у меня заболел живот.

«Успокойся и подумай», — сказал я себе, но в голове у меня почему-то звучал голос Ааза. Я слышал своего наставника так ясно, будто он стоял рядом со мной.

Набрав полную грудь горячего воздуха, я посмотрел вниз на долину с расположившимся в ней городом.

Если Ааз и Танда поднимались сюда, чтобы оставить эти предметы мне, то Гленда прибыла на Завихрение №6 наверняка раньше их. Там она внезапно на них напала, и это

объясняло, почему они не явились за мной. Эта мысль полностью отняла у меня радость, которую я испытал, обретя И-Скакун и карту. Оставалось надеяться, что они еще живы. Вообще-то Гленда не производила впечатления кровожадной особы. Но в отношении нее я один раз уже ошибся. Она вполне могла убрать с пути моих друзей, считая их серьезными соперниками в погоне за сокровищем. Меня она препятствием, видимо, не считала.

Но что-то не позволило им вернуться за мной. Это ясно. И спасать надо не меня, а их.

Ситуация коренным образом изменилась, и я не имею права на ошибку. От этого зависит жизнь моих друзей.

Я сунул карту в сумку, уселся на камень и, положив И-Скакун на колени, стал продумывать свой следующий шаг.

И-Скакун был настроен на Завихрение №6.

Это хорошо, думал я. Но смогу ли я вернуться назад, если Ааза и Танды там не окажется? На Коро-Бау я по крайней мере не умру с голоду, питаясь морковным соком и овощами.

На Завихрении №6 шансов выжить у меня будет крайне мало, несмотря на то что мои магические возможности там возрастут.

Хоть у нас с Тандой и был И-Скакун, когда мы шлялись за покупками, пользоваться им я так и не научился. Впрочем, я знал, что на И-Скакуна есть позиция, которая позволяет вернуться в случаи необходимости в измерение, откуда прибыл.

Я внимательно осмотрел металлический цилиндр и, не меняя настройки на Завихрение №6, наметил Коро-Бау как возвратный пункт. Затем я дважды — не трижды — проверил правильность установки. Итак, если я активирую И-Скакун, то окажусь на Завихрении №6. Если я там активирую его снова, то вернусь в ту точку, где нахожусь сейчас.

Итак, одна проблема решена.

Я поднялся, чтобы совершить скачок, но тут до меня дошло, в какую авантюру я пускаюсь.

— Подожди и подумай, — сказал я себе вслух, снова услыхав голос Ааза.

Если мне повезет, И-Скакун доставит меня в хижину, но надо готовиться к худшему. Как поступить, если там все еще находится Гленда? Необходимо вооружиться.

Оглядевшись, я заметил небольшой камень. Конечно, не бог весть что, но все же лучше, чем ничего. Я поднял камень с земли и убедился, что он прекрасно лежит у меня в руке.

— О'кей! — сказал я громко. — Что еще?

Ничего больше я придумать не смог. Под своим тяжелым одеянием я потел сильнее, чем обычно, и мои мозги, видимо, начали плавиться.

— Думай, а потом действуй, — сказал я вслух, повторив слова, которые сотни раз твердил мне Ааз.

Бросив последний взгляд на долину и город Увер-Тка, я активировал И-Скакун. В тот же миг на меня обрушился ураган. Я сунул И-Скакун под рубашку и попытался вспомнить, каким путем Танда вела нас к хижине.

Клубы пыли слепили, но я знал, что где-то поблизости должны быть деревья. Мы проходили мимо них во время двух последних визитов на Завихрение №6.

Танда тогда провела нас чуть вниз по склону холма, а затем свернула направо. Поэтому я тоже двинулся вниз, а затем пошел направо, считая шаги для того, чтобы иметь возможность вернуться, если промахнусь.

Через двадцать минут я разглядел в клубах пыли дерево. У меня не было сомнения, что дерево здесь в прошлый раз стояло, поэтому я продолжал путь. Еще тридцать неуверенных шагов — и во мгле замаячило еще одно дерево. Его я тоже запомнил. Пока все идет как надо. Проковыляв еще пятьдесят шагов, я заметил слабый огонек. Хижина стояла на склоне, чуть ниже меня. Я едва не промахнулся, шагая слишком высоко по склону.

Осторожно спустившись к бревенчатому сооружению, я попытался заглянуть в окно, но пыль мешала что-либо рассмотреть.

Видимо, надо было действовать быстро и решительно, как солдат, идущий в атаку, или полицейский, бросающийся на опасного преступника.

Я подошел к двери, осторожно отодвинул щеколду и, немного выждав, вломился в хижину, высоко подняв руку с зажатым в ней камнем.

Я развел такую скорость, что смог остановиться только посередине комнаты. Камень я держал по-прежнему над

головой, ибо не сомневался, что Гленда вот-вот на меня нападет.

Но ее там не оказалось.

В хижине было так же тепло и уютно, как и в наше последнее посещение. Ааз и Танда мирно сидели за столом и с удовольствием уплетали, судя по запаху, мясное рагу и хлеб ломашней выпечки.

— Эффектное появление, — улыбнулась Танда. — Почему ты так задержался?

Ааз покачал головой:

— Не мог бы ты закрыть за собой дверь?

Я, не веря своим глазам, продолжал торчать посреди комнаты, воздев над головой оружие пролетариата. Я был убежден, что Ааз и Танда попали в беду, и не мог представить, как они могут так спокойно уплетать рагу, ожидая моего появления. Почему они вынудили меня провести целые сутки на Коро-Бау?

Как они могли рассчитывать на то, что я обязательно, найду И-Скакун там, где они его спрятали?

— Дверь! — проревел Ааз. — Тебя что, в амбаре родили?

На дворе ревел ураган, забрасывая в хижину пыль. Я подошел к порогу, выбросил камень в бурю и закрыл дверь.

— Разве я не говорила тебе, Ааз, что он прекрасно спрявится? — улыбаясь мне, сказала Танда. Потом она сделала то, о чем я даже не мог и мечтать. Она меня обняла.

— После того, как он провел целый день в обществе нашей подруги Гленды, я решил, что его мозги уже никогда не встанут на место, — ухмыльнулся в ответ мой наставник.

Я наконец задал вопрос, ответ на который хотел услышать больше всего:

— Почему вы не вернулись?

— Не могли, — сказала Танда, дружески похлопывая меня по спине и подводя к столу.

Как только я уселся, она передала мне ломоть восхитительного хлеба.

Я посмотрел на своего наставника, который был настолько увлечен едой, что не обращал на меня никакого внимания. Так он поступал лишь в тех случаях, когда был зол на меня

или, напротив, счастлив. На сей раз я не знал, доволен он мною или сердится.

— Хочешь рагу? — спросила Танда, придвигая к себе глиняный горшок, источавший столь приятный аромат. — Гленда оставила нам еды по меньшей мере на несколько недель.

— Очень мило с ее стороны, — буркнул Ааз (только теперь я понял, что он в ярости).

— Когда вы за мной не вернулись, я решил, что вы оба погибли.

— Мы и погибли бы недель через пять-шесть, — проворчал Ааз. — Как только закончилась бы еда.

Танда подала мне тарелку рагу, села рядом и потрепала меня по плечу.

— Итак, почему вы не вернулись? — повторил я, не желая приступать к еде до тех пор, пока не получу ответы на вопросы. — Что случилось?

— Что ж, изволь, — сказал Ааз, ис глядя в мою сторону. — Мы с Тандой сразу поняли, что Гленда что-то затевает с целью нас обмануть.

— Мы догадывались, что она бросит тебя на Коро-Бау, — добавила Танда.

— Догадывались?! — Я был потрясен и разозлен. — Но почему вы даже не попытались меня предупредить?

— А разве ты бы нас тогда послушал? — глядя мне в глаза, спросил Ааз.

— Да, — ответил я, а они почему-то расхохотались. Они, несомненно, считали, что я целиком и полностью стал жертвой чар Гленды. И чем больше я размышлял на эту тему, тем сильнее убеждался в их правоте. По крайней мере в главном...

Когда Гленда принялась обрабатывать бармена, у меня стали возникать подозрения, но я не удосужился их как следует продумать.

— Ты был ближе всех к ней, ученик, — сурово произнес Ааз в своей обычной поучающей манере, — и это ты был обязан предупредить нас, а вовсе не мы тебя.

Ааз, как всегда, был абсолютно прав.

— Ну а что же произошло с вами? — спросил я, стараясь изо всех сил не показать, что признаю свою вину.

Вначале мы отправились к скале, чтобы спрятать И-Скаакун и карту, — сказала Танда. — Затем я перенесла нас сюда.

— Прямо в руки Гленды, — добавил Ааз.

— И она наложила на меня заклятие, блокирующее способность скакать из измерения в измерение, — продолжила Танда. — Потом попыталась отнять у нас И-Скаакун и, не найдя, пожелала нам удачи и удалилась.

— Думаю, она отправилась на поиски сокровища, — грустно заметил Ааз, — и опережает нас на один день.

Теперь я понял, что Ааз злится не столько на меня, сколько из-за того, что мы рискуем потерять сокровища. Ему было крайне обидно, что, подбравшись так близко к золотой корове, нам теперь снова приходится начинать со старта.

— А что это за блокирующее заклятие? — поинтересовался я.

— Оно не позволяет скакать в другие измерения, — пояснил Ааз. — Некоторые цивилизации применяют его к преступникам, вместо того чтобы сажать их в тюрьму. Это — одно из базисных заклятий.

— А ты меня ему до сих пор не научил, — упрекнул я своего наставника.

— Я тебя еще много чему не научил, — ответил он, пожав плечами. — И вряд ли стану обучать после того, как ты так раскис, попав под чары этой сладкоречивой Гленды.

— Не осуждай так сильно своего ученика, — попросила Танда, погладив лапу изверга, — он еще юн, и в нем бурлят гормоны. Тем более что он, как видишь, вернулся.

Я хотел спросить, что такое гормоны, но решил отложить вопрос на то время, когда рядом с нами не будет Ааза и некому будет насмехаться над моей тупостью.

Я и без того вызывал у него отвращение. И нельзя сказать, что я не разделял его чувств. Мне не следовало с такой легкостью заглатывать наживку, которую забросила мне эта красотка. Она отвесила мне пару комплиментов, и я сразу превратился в ее ручках в податливую глину.

— Но если ты прыгнешь хотя бы разок с помощью И-Скаакуна, действие заклятия прекратится? — с надеждой спросил я.

— Именно, — кивнула она.

— Закругляйтесь, — сказал Ааз. — Она и без того нас обогнала.

— Но как мы доставим домой сокровище, когда до него доберемся? — спросил я и сразу осознал всю чудовищную глупость сказанного. Хотя, по сути, вопрос был верным, ведь Гленда говорила, что мы находимся на огромном расстоянии от всех известных нам измерений. В таких условиях опасность, связанная со скачком, многократно возрастала.

Однако оказалось, что это была всего лишь еще одна ложь Гленды.

— Я думаю, — сказала Танда, — что Гленда каким-то образом сумела блокировать мое чувство расстояния, когда я находилась рядом с ней. Как только мы скакнули сюда с Коро-Бау, я тут же уловила присутствие Завихрения №4 и Завихрения №2. Так что мы можем попасть домой в любое время.

Облегчение, которое я испытал от этих слов, в сочетании с радостью от того, что я нашел Ааза и Танду, совсем меня доконали. Чтобы не расплакаться от счастья, я принялся за обе щеки уплетать великолепное рагу.

— Так что же ты делал после того, как она убежала? — спросила Танда.

Я пожал плечами:

— Платил за еду мытьем посуды. Затем изучал город, а потом стал ждать вас на открытом пространстве, чтобы вы смогли меня заметить.

— И спал, конечно, — ухмыльнулся Ааз.

— Не очень, — ответил я, — правда, мне пришлось поселиться в гостинице, потому что люди там боятся выходить из домов по ночам.

— Неужели? — изумилась Танда.

Я оторвал взгляд от рагу и увидел, что даже Ааз мое сообщение заинтересовало.

— Да. Каждую ночь они запирают двери и закрывают окна ставнями, — сказал я. — Я хотел спросить их, зачем они это делают, но испугался, что они заподозрят во мне демона. Подобный вопрос показался бы им просто нелепым. Кроме

того, у меня было полным-полно других проблем, и я пытался придумать, что делать, если вы не вернетесь.

— Следовательно, — заметил Ааз, — по ночам нам следует проявлять осторожность.

— Этот парень-бармен сказал, что до столпотворения есть еще несколько дней, поскольку это самое *толпотворение* случается только во время полнолуния.

— Интересно, что представляет собой *толпотворение*? — поинтересовалась Танда.

— И кто творит толпу? — добавил Ааз. — Да, многое из того, что происходит в измерении Коро-Бау, нам пока неизвестно, — глубокомысленно протянул он и тут же спросил словито: — Карта у тебя?

— Естественно. — Я извлек карту из сумки и передал ему. И тут на меня снизошло очередное озарение.

Я заметил, что карта вновь обрела магические свойства.

Она не указывала прямого пути на Коро-Бау до тех пор, пока я не лишил ее магии. На Коро-Бау карта опять стала волшебной.

— Ааз, — сказал я с улыбкой, — а ты знаешь, что там, на Коро-Бау, карта снова стала магической?

— И что же из этого следует? — чуть ли не презрительно поинтересовался он. — Гленда ее так или иначе видела.

— Гленда видела карту, когда мы были в Увер-Тке, разве не так? — спросил я с ухмылкой у своего зеленого наставника.

Танда расхохоталась. Она хотела так весело и громко, что я даже испугался, не повредит ли она этим своему здоровью. Однако при виде изумленной физиономии изверга я тоже не смог удержаться от смеха.

— Эта карта не что иное, как головоломка, — снисходительно пояснил я. — И ее фундаментальное свойство не изменилось после того, как мы прибыли на Коро-Бау.

И тут-то до него дошел глубинный смысл моих слов. Зеленая физиономия расплзлась в улыбке, в глазах загорелся огонек, и он восторженно воскликнул:

— Гленда увидела не то место!

— Именно, — подхватил я. — Карта каждый раз меняется, как только мы приближаемся к цели. Точно так, как это было:

с измерениями. Готов pari держать, то же самое произошло и на Коро-Bay.

Ааз сунул сложенную карту в поясную сумку и стремительно встал со стула.

— А голова, Скив, у тебя иногда варит, — сказал он. — Вперед, на Коро-Bay! Гленда вернется, как только поймет, что пошла не по тому пути, но мы уже успеем подготовиться. Кто предупрежден — тот вооружен.

Эти слова мне очень понравились.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Полет — единственный достойный способ путешествия!

Братья Райт

Мы прибыли на знакомую скалу, когда до захода солнца на Коро-Bay оставалось менее двух часов, но воздух по-прежнему оставался горячим и сухим, как в то время, когда я ускакал в другое измерение.

Первым делом я придал всем нам облик, типичный для обитателей измерения Коро-Bay. На сей раз мы прихватили с собой немного еды и пару емкостей с водой. Жизнь вегетарианца Аазу была совсем не по душе: изверги не могут обходиться без мяса.

Ааз проверил И-Скакун, поставил на шкале нужное измерение и сунул под рубашку.

— До чего же хорошо, — протянула Танда, потягиваясь под горячими лучами предвечернего солнца.

— Наслаждаешься теплом? — спросил я.

— Нет. Радуюсь тому, что снова могу скакать с измерения на измерение. Только вновь обретя эту способность, я поняла, насколько много потеряла.

— Как я тебя понимаю, — вздохнул Ааз.

— Прости, что напомнила, — смущилась Танда.

— Ведь я так к этому привык, — добавил мой наставник.

Я понимал, насколько скверно чувствует себя Ааз, бывший в свое время могущественным магом и утративший все свои способности в результате неудачной шутки моего прежнего учителя. Мой учитель был убит до того, как смог устранить последствия шутки, и теперь Ааз должен был терпеливо ожидать возвращения былого могущества, на что, по его оценке, должно было уйти времени больше, чем я мог представить.

Ааз развернул карту и положил на скалу, чтобы все могли ее видеть.

Началом пути был город Увер-Тка, от которого тянулась линия к городку Булоч-Ник. В Булоч-Нике дорога раздваивалась. Конечным пунктом — а именно там находилось сокровище — был город Плут-Ня, к которому подходило несколько линий. Видимо, туда и направлялась Гленда.

Но была ли там корова, дающая золотое молоко?

Я готов был спорить, что ее там нет. Держу пари, что, как только мы доберемся до Булоч-Ника, карта снова изменится. И будет меняться до тех пор, пока мы не достигнем конечного пункта.

Гленда, наверное, разозлится, но так ей и надо. Тем не менее я не испытывал желания увидеть, что сотворит с коварной обманщицей Ааз, если ему доведется с ней еще разок повстречаться. Изверги — существа крутые и не любят, когда их оставляют умирать от голода в каком-то заледеневшем измерении. На то, что он с ней сотворит, смотреть, наверное, будет не очень приятно.

— Итак, нам придется позаботиться о лошадях, — сказал Ааз, а затем, задумчиво глядя на меня, добавил: — Но этого может и не потребоваться, если ты сохранил свое умение левитировать.

Полеты нельзя отнести к самым сильным сторонам моего магического дара, но заклинание левитации было одним из первых приемов, которым обучил меня Ааз. Однажды оно спасло меня от повешения и еще пару раз выручало нас из трудных положений.

— Могу попробовать, — произнес я и тут же пожалел о своих словах. И кто только вечно тянет меня за язык?

— Сконцентрируйся, — велел Ааз, возвращаясь к манере учителя. — Найди линии силы, втяни их в себя, дай им возможность свободно протекать через твое тело.

— Ты сможешь, Скив, — подбодрила меня Танда.

Лично я в этом сильно сомневался.

В каждом месте имеются невидимые линии силы, из которых маги черпают свое могущество. В некоторых измерениях — таких как Завихрение №6, например, — этих линий полным-полно. Если бы мы были в хижине, то я мог бы летать, прихватив с собой полсотни людей, но здесь, на Коро-Бау, силовых линий было очень мало. Вообще-то их здесь почти не было.

Я напрягся, пытаясь втянуть в себя всю ту небольшую энергию, которая была рассеяна вокруг нас. То, что удалось собрать, я пропустил через себя и мысленно подхватил под руки своих друзей.

Мгновение спустя мы уже парили в знойном воздухе.

— Не так высоко, — предупредил Ааз. — Держись в двух-трех шагах от земли.

Я с удовольствием послушался, так как лететь ниже было гораздо легче. И уж во всяком случае, куда как безопаснее падать.

Я спустился настолько, чтобы оказаться лишь чуть выше отдельно лежащих камней, продержал всех немного в воздухе и вернулся на то место, откуда взлетел. Оказавшись на твердой почве, я почувствовал, как меня покинули последние остатки магической энергии. Мне не хватало воздуха, меня мучила жажда, но тем не менее я радовался тому, что не разучился летать.

— Отлично сработано, — сказала Танда, передавая мне сосуд с водой.

— Сколько времени ты сможешь продержаться в воздухе без дозаправки? — поинтересовался Ааз.

— По правде говоря, не знаю, — ответил я, сделав громадный глоток вкуснейшей холодной воды. — Если без отдыха, то, имея вас в качестве груза, наверное, минут пятнадцать. Силовые линии здесь очень слабы. Там, где они будут сильнее, я смогу летать и подольше.

Ааз кивнул. Мой ответ, видимо, его удовлетворил.

— У тебя не найдется смягчительного заклинания? — спросил изверг у Танды и тут же пояснил: — На тот случай, если он нас вдруг уронит.

— Что за вопрос? — усмехнулась Танда. — Конечно, найдется.

— Но как мы поступим, если нас кто-нибудь увидит? — поинтересовался я. — Я не уверен, что, находясь в полете, смогу придать нам птичью личину.

— Это тебя пусть не беспокоит, — ответил Ааз, как будто это меня действительно сильно волновало.

— Заметив кого-нибудь, мы сразу перейдем на шаг, — сказала Танда, глядя на раскинувшийся в долине город. — Только держись поближе к земле и лети над дорогой.

— Я готов лететь, как только вы будете готовы.

— Отлично, — кивнул Ааз. — Донеси-ка нас пока до Увер-Тки. Мы прополаем по городу пешим ходом, а затем полетим дальше.

Я кивнул в ответ, обратив внимание, что солнце стоит уже довольно низко. Позже нам придется решать, как и где провести ночь. Я сомневался, что Ааз и Танда захотят ночевать в Увер-Тке.

Впрочем, если повезет, до темноты мы успеем добраться до Булоч-Ника и там найти себе крышу над головой.

Встав между Аазом и Тандой, я возложил ладони на их предплечья. Потом сконцентрировался, вобрал в себя всю имевшуюся поблизости силу и взмыл на высоту примерно одного шага над землей.

— Придерживайте шляпы, — велел я, и мы поднялись еще на один шаг.

Вначале мы неторопливо слетели к дороге, а затем, постепенно набирая скорость, заскользили в воздухе в направлении Увер-Тки. Думаю, что с такой скоростью нас не смогла бы нести ни одна лошадь.

Со стороны мы, наверное, выглядели весьма необычно. Три человека, стоя вертикально, скользили над дорогой с весьма приличной скоростью.

Через пару минут я начал чувствовать усталость. Но прежде чем я успел попросить пардону, Ааз заметил, что мы уже рядом с городом и пора бы притормозить.

На путь, который занял у меня час с лишним, сейчас ушли каких-то две с половиной минуты.

Где, спрашивается, были мои мозги сегодня утром?

Я снизился, и мы полетели над самым полотном дороги со скоростью пешехода. Через минуту силы оставили меня окончательно, и я непременно упал бы носом в дорожную пыль, если бы меня вовремя не поддержала Танда. Я настолько ослаб, что все мои мышцы стали похожи на вареную вермишель.

— Тебе скоро станет лучше, — утешил Ааз, продолжая шагать к совсем уже близкому городу.

Наставник, как всегда, оказался прав.

Через пару десятков шагов я так истекал потом, что стал похож на прохудившуюся плотину, но передвигаться уже мог вполне прилично. Танда дала мне немного воды, что не только укрепило мое тело, но и подняло дух. Я даже начал подумывать, что справляюсь с возложенной на меня задачей. Кроме того, полст, как бы труден он ни был, — ничто по сравнению с пребыванием в седле, не говоря уж о той каторжной работе, которую нам пришлось бы выполнить в оплату за транспортное средство.

Мы вошли в город в тот момент, когда обыватели начали запирать двери и закрывать окна ставнями.

— Выходит дело, ты не шутил, — заметила Танда, когда мы шагали по опустевшим деревянным тротуарам.

— Они страшатся того, что выходит на улицы по ночам, — пояснил я, — но о том, что это такое, я не имею ни малейшего представления.

Когда мы проходили мимо заведения «У Одра», мой друг бармен помахал мне из окна, а я в ответ поднес к полям шляпы два пальца.

Туземцы измерения Коро-Бау очень милые люди, даже несмотря на то что все они вегетарианцы и боятся темноты.

Затем мы прошли мимо отеля. Ааз даже не подумал замедлить шаг. Я же предпочел промолчать. Мне совсем не хотелось, чтобы мой наставник подумал, будто мной овладел присущий аборигенам страх темноты.

Дойдя до конца города, мы сошли с тротуара и пешком миновали пару-тройку стоящих за окопицей домов. Само со-

бой разумеется, что все двери у этих домов были на запоре, а окна закрыты тяжелыми ставнями.

Через десять минут, когда нижний край солнца сдво коснулся гряды холмов на западе, Ааз дал сигнал, что путь свободен.

Я возложил руки на своих спутников, впитал в себя магическую силу, воспарил и полетел над дорогой с самой большой скоростью, на которую мог осмелиться. Лететь еще быстрее было опасно, так как дорога могла сделать резкий поворот, что было чревато столкновением со скалой или в лучшем случае потерей пути.

На сей раз я смог пролететь без остановки целых десять минут.

После краткой передышки и нескольких глотков воды я был готов снова тронуться в путь. Солнце начинало тонуть за горизонтом, а до Булоч-Ника, как мне казалось, было еще довольно далеко. Становилось прохладнее, что существенно облегчало мой труд.

— Ты можешь продолжать полет? — участливо поинтересовалась Танда, когда я, приземлившись в очередной раз, уселся на камень на обочине дороги.

— Мы летели на хорошей скорости, — заметил довольный моими успехами Ааз.

— Да, очень хорошей, — согласилась Танда. — Но Скиву онадалась нелегко.

— Можно продолжать, — сказал я, сделав еще один глоток и поднявшись с камня. — Но мне нужно отдыхать приблизительно через каждые десять минут.

— С твоим уровнем магических познаний это вполне простительно, — заметил Ааз.

— Это тяжело для каждого мага, вне зависимости от степени его познаний, — вступилась за меня Танда. — В этих краях очень мало силовых линий. И ему приходится собирать энергию с очень большой площади.

— Это действительно так? — спросил у меня Ааз.

— Да, так, — ответил я. — Но раз я сказал, что могу продолжать полет, значит, мы полетим.

— В таком случае отправимся, как только ты почувствуешь, что готов, — сказал мой наставник. — До полного захода

солнца осталось очень мало времени, а в темноте лететь с большой скоростью слишком опасно.

Для меня было ясно, что нам придется провести ночь под открытым небом и лично познакомиться с тем, чего так боятся жители Коро-Бау.

Но Ааза, судя по его виду, подобная перспектива нисколько не тревожила. Танда ничего не сказала. Я же был всего-навсего учеником чародея и выступать в присутствии старших считал неуместным.

Тем временем солнце на западе все больше и больше погружалось за линию холмов, а на востоке из-за горизонта восходила почти полная луна. Еще пара дней — и начнется полнолуние с его *толпотворением*, столь страшшим местных жителей.

Отбросив все неприятные мысли и страхи, я сосредоточился на том, чтобы выбрать как можно больше силы из окружающего пространства. Затем, подхватив своих друзей, поднялся над землей на высоту коленса и как можно быстрее полетел вдоль дороги.

Когда я приземлился, чтобы в очередной раз отдохнуть, солнце почти полностью скрылось за горизонтом — и никаких признаков города Булоч-Ник.

Я в первый раз был готов признать правоту тех, кто указывает мне на мою глупость, но у меня на сей раз хватило здравого смысла не сказать Аазу и Танде о том, насколько я встревожен, и у них не было основания уличить меня очередной раз в глупости, если с нами ночью ничего не случится.

Первая часть путешествия прошла без приключений. Сделав еще три остановки на отдых, мы прибыли в город Булоч-Ник. Город был застегнут на все пуговицы. Подобного мне видеть еще не доводилось.

Залитые лунным светом, совершенно одинаковые дома походили на чудовищные коробки, заселенные призраками. Из-за ставней свет почти не пробивался, но поднимающаяся все выше луна позволяла хорошо видеть дорогу.

Булоч-Ник был, пожалуй, раза в два больше, чем Увер-Тка, и состоял не только из одной Главной улицы. Он раскинулся в широкой долине, по обе стороны простирались хорошо возде-

ланные поля. Мы вошли в поселение и, чтобы не производить шума, продолжили путь по проезжей части улицы.

Город полностью обезлюдел. На улицах не было ни людей, ни животных. Мы не замечали никакого движения, и город казался необитаемым. Но мы знали, что это не так.

— Странно все это, — заметила Танда, когда мы достигли центра поселения. — До чего же унылая здесь жизнь! Я померла бы от тоски, если бы мне пришлось отправляться в постель сразу после заката.

Танда принадлежала к числу людей, которым все время неймется и которые должны постоянно чем-нибудь заниматься. Чем именно — безразлично. Она с одинаковым рвением занималась покупками, плясала на вечеринках или пускалась в разнообразные авантюры. На поиски золотой коровы, например.

Я не сомневался, что через несколько дней жизни на Коро-Бау она или умрет, или в лучшем случае свихнется.

— Интересно, чего они так боятся? — спросил Ааз, показывая на одно из зданий. — Эти ставни, похоже, выдержат какой угодно напор.

— То же самое я видел и в Увер-Тке, — заметил я. — Никаких звуков с улицы не доносилось, хотя я и не спал всю ночь.

— Скорее всего это какой-то древний обычай, — предположила Танда. — Чем дальше от крупных городов, тем больше дурацких обычая. Провинция, одним словом. Это свойственно многим измерениям.

— А в этом измерении большие города есть? — спросил я.

— Кто знает, — ответил Ааз. — Но ты не глазей попусту по сторонам и будь повнимательнее.

Он мог этого и не говорить, поскольку я и так уже был само внимание. И я чувствовал, что не смогу уснуть, несмотря на то что совершенно обессилел после бессонной ночи и многочасового перелета.

Ааз, заметив окно, из которого пробивался серебряный лучик света, остановился и достал карту. Мы встали с ним рядом, стараясь производить как можно меньше шума.

— Ты был прав, Скив, — сказал мой наставник, ласково похлопывая меня по спине.

Карта снова изменилась. В самом центре ее оказался Булоч-Ник — город, в котором мы были в данный момент, — и от него отходили две дороги. Сокровище теперь находилось в городе Сереб-Рянка, а города Плут-Ня на карте не было вообще. Представляю, как разозлится Гленда, когда поймет, насколько глупо поступила. Жаль, что в это время меня не будет с нею рядом.

— Итак, куда же теперь лежит наш путь? — спросила Танда.

От Булоч-Ника, как я уже сказал, вели две дороги — одна на город Бан-Кир, а вторая на поселение со зловещим названием Твер-Дыня. Оба пункта назначения находились на одинаковом расстоянии от Булоч-Ника, но один лежал на северо-западе, а второй — на юго-востоке.

— Бан-Кир, — бросил я, прежде чем успел сообразить, что говорю.

Почему? — спросил Ааз, внимательно глядя на меня. Этот демонический взгляд мог навести страх на кого угодно, но только не на Скива. Я, как известно, не из пугливых.

— Не знаю. Но мне нравится, что он начинается на букву «Б», так же как и Булоч-Ник.

Танда рассмеялась, однако у нее хватило приличия ничего не сказать вслух.

Ааз ограничился тем, что покачал головой. Затем сложил карту, отправил ее в сумку и коротко произнес:

— Хорошо, пусть будет Бан-Кир.

С этими словами он сошел с деревянного тротуара на проезжую часть и двинулся к западной окраине города.

— Но я мог и ошибиться, — пробормотал я, семеня следом за ним и Тандой.

— Более чем вероятно, — откликнулся Ааз.

— Так почему же вы со мной согласились?

— Предложений лучше, чем твое, у меня не было, — ответил изверг.

— Так же, как и у меня, — вступила Танда. — Кроме того, если мы вдруг придем не туда, у нас будет кого ругать.

— Потрясающие! — произнес я. — У меня и без того проблем выше головы.

Ааз и Танда фыркнули, но до самой окраины города не произнесли ни слова. Найти дорогу на Бан-Кир не составило

никакого труда. На развилке, примерно в сотне шагов за последним домом, находился указатель, который можно было прочитать и в лунном свете.

— Ты готов? — спросил Ааз, указывая на правое разветвление.

— Конечно.

— Лети чуть медленнее, чем раньше, — предупредил он, — иначе мы рискуем на что-нибудь наткнуться.

Я сконцентрировался и почувствовал, как сила из пространства перетекает в мое тело. Силовые линии в этих местах были заметно более насыщенными, чем в окрестностях Увер-Тки. Перекачав в себя достаточно энергии, я легко поднял своих друзей в воздух и полетел над полотном дороги.

За городом дорога была совершенно прямой и шла среди зеленых, похожих на пастибище, полей. Несмотря на то что путь мне освещала лишь луна, я мог двигаться с приличной скоростью.

По обе стороны дороги какие-то незнакомые мне звери щипали траву. Когда я остановился, чтобы передохнуть, некоторые звери, прекратив питаться, посмотрели на нас. Их глаза зловеще поблескивали в темноте, но в то же время я уловил во взгляде животных чуть ли не изумление.

— Коровы, — сказала Танда, показывая на громадных созданий, плявившихся на нас с поля.

Так называемые коровы выглядели упитанными, а их тела были покрыты крупными белыми и черными пятнами различной конфигурации. Огромные глаза и большие уши придавали им весьма зловещий вид.

— Почему они не спрятались под крышу, как вся прочая живность? — спросил я у Танды, которая дала мне немного выпить и перекусить.

— Это ты меня спрашиваешь? — усмехнулась она, пожимая плечами, и добавила: — Значит, они не боятся того, чего опасаются все остальные.

В ее словах имелся смысл, но его можно было толковать по-разному.

— А что, если именно их боятся жители? — спросил я, вглядываясь в бездонные глаза ближайшей коровы.

Ааз и Танда расхохотались так, будто ничего более смешного в жизни не слыхивали.

Лично я никакого повода для смеха здесь не видел. Коровы казались весьма злобными тварями, и мне совсем не хотелось их молока — как золотого, так и самого обыкновенного.

К тому времени, как я отдохнул, шайка коров уже столпилась у обочины. Звери помахивали хвостами, не сводя с нас взгляда. Мне стало страшно, и лишь благополучно поднявшись в воздух, я облегченно вздохнул.

Когда я спросил Ааза, почему коровы так внимательно на нас смотрели, он ответил, что понятия не имеет, и добавил, что никогда раньше не сталкивался со столь необычным поведением крупного рогатого скота. Танда тоже сказала, что не знает. Эти ответы меня отнюдь не успокоили, и я летел все дальше и дальше без остановки, не желая, чтобы коровы устраивали вокруг нас свои сборища.

Как только над горизонтом показались первые лучи солнца, коровы перестали провожать нас взглядами и занялись травой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Appetit приходит во время еды.

Г. Лектер

Я настолько устал, что даже короткая прогулка до центра города Бан-Кир едва меня не убила. У меня было только одно желание — свалиться и заснуть. Хотя бы на несколько часов.

Ааз клятвенно пообещал, что очень скоро мне будет предоставлена подобная возможность, поэтому я, едва передвигая ноги, продолжал тащиться за своими друзьями.

Торговцы открывали свои лавки, ставни уже успели исчезнуть с окон. Лошади тянули фургоны, а посередине улицы какой-то парень в белой шляпе, вооружившись лопатой, сгребал конский навоз. Видимо, это был обычный род деятельности

сти для каждого городка. Я не мог представить себе такого ребенка, который мечтал бы, став взрослым, разгребать деръмо. Но не исключено, что, согласно традициям культуры Коро-Бау, уборка помета считается самой лучшей работой для особо одаренных людей. Город Бан-Кир, похоже, ничем не отличался от города Увер-Тка, если не считать того, что он был чуть-чуть больше. Те же близнецы-дома, те же деревянные тротуары.

Мы нашли небольшое заведение, очень похожее на то, в котором оставила меня Гленда, и уселись за стол рядом с выходящим на улицу окном.

Оглядевшись, я обнаружил, что помещение ничем не отличается от того, в котором я трудился и питался ранее в городе Увер-Тка. Вдоль левой стены зала тянулась стойка, а вся мебель состояла из простых деревянных столов и стульев.

— Чем могу быть вам полезен, ребята? — спросил молодой человек, появляясь из дверей за стойкой. Он вполне мог быть близнецом моего приятеля из Увер-Тки. Тот же фартук, то же грязное полотенце в руке и, естественно, та же широченная улыбка.

— Не затруднит ли вас, если я попрошу принести мне стаканчик вашего самого лучшего сока?

— Без проблем, — ответил он, осклабившись еще шире. — Если хотите позавтракать, к вашим услугам свежие корневища, которые я получил только утром. Твердые и хрустящие.

— Звучит потрясно, — ответил я. — Но, возможно, позже. А пока мы просто посидим поболтаем.

Парень вернулся, поставил передо мной стакан морковного сока и, послав нам улыбку, удалился в кухню.

— Похоже, ты ловко освоил местный диалект, — заметила Танда. — Неужели тебе на это хватило одной проведенной в одиночестве ночи?

— Вроде того, — ответил я, потягивая сок. — Однако на меня наводит ужас то, что все люди здесь так друг на друга похожи.

— Я тоже это заметила, — сказала Танда. — Парень, разгребающий деръмо, ничем не отличается от всех остальных парней, разгребающих деръмо.

Ааз рассмеялся, а я тупо уставился на нее. Я настолько устал, что не мог понять, шутит она или говорит серьезно.

— Интересно, почему у них здесь нет молока? — спросил Ааз, с отвращением глядя на стоящий передо мной стакан морковного сока.

— По-моему, не стоит и спрашивать, есть у них молоко или нет, — сказал я. — Мне пришлось побывать на кухне, и там, кроме сиоса и грязи, ничего не было.

— Мы и не будем, — заметила Танда. — Боюсь, что нас арестуют, как только мы зададим этот вопрос.

— У вас обоих слишком богатое воображение, — сказал Ааз, доставая карту.

Карта снова изменилась. Я изучал пергамент, попивая морковный сок.

В центре карты теперь располагался город Бан-Кир — место, где мы сейчас находились. А золотая корова переместилась в город под названием При-Иск. От Бан-Кира по трем разным направлениям отходили три дороги, и каждая из них, минуя несколько поселений, заканчивалась в При-Иске.

— Ну и куда теперь? — спросил я, глядя на открывающиеся перед нами пути. Надо было решать, в какой город двигаться дальше — в Кре-Кер, Пи-Рог или Биск-Вит. Ну и названия! От каждого из них по коже шла дрожь. Измерение, в которое мы попали, казалось мне все более и более страшным.

— Если согласиться с теорией Скива, что наш путь лежит через поселения, названия которых начинаются с «Б», нам следует двигаться в направлении Биск-Вита, — сказала Танда.

— Согласен, — кивнул я.

— И для меня этот путь ничуть не хуже и не лучше двух других, — покачал головой Ааз, глядя на карту. Через несколько мгновений он сложил пергамент и упрятал его в сумку.

Дорога на Биск-Вит начиналась в западной части города, но шла она строго на север. Я не сомневался в том, что мы найдем ее без труда.

Я отпил еще немного сока и заметил, что Танда косит в мою сторону, насмешливо сморщив носик.

— Аппетит приходит во время еды, — сказал я и одним глотком опустошил стакан.

То, что осталось, я предложил Танде, но та вежливо отказалась:

— Ни за что, ни при каких обстоятельствах.

Я пожал плечами и очередным глотком опустошил стакан. После того как я привык к вкусу раздавленной маринованной моркови, напиток казался мне вовсе не таким уж и плохим. Скорее напротив — он начинал мне нравиться.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался Ааз.

— Ему надо отдохнуть, — ответила вместо меня Танда.

— Знаю, — кивнул Ааз. — Меня интересует, как он намерен отдохнуть. Возвращение в хижину исключается, там может оказаться Гленда, а мне пока не хочется иметь с ней дело. Поэтому нам надо найти какое-нибудь уединенное место.

— Вообще-то, — начал я, чтобы прекратить спор еще до того, как он успел разгореться, — я чувствую себя превосходно. Выпью еще немного морковного сока и посижу некоторое время здесь у окна — и мы сможем отправиться в путь.

Я подозвал бармена и заказал себе еще стаканчик. После того как он поставил передо мной выпивку, Танда заглянула в оранжевую жижу и спросила:

— Что они в него добавляют?

— Не знаю, — ответил я, потягивая волшебный напиток. — Но тем не менее это прекрасно восстанавливает силы.

Посидев еще минут десять, я допил сок, подошел к бармену и спросил, как могу расплатиться за эту роскошную выпивку.

— Приходите на ужин, — сказал он. — Это будет вполне достаточной платой.

Мне оставалось только поблагодарить его за гостеприимство. Я не знал, как работает бартерная система в этом измерении, но в том, что она делает людей добрее, сомнений не было.

Мы направились в западную часть города по деревянному тротуару, приветствуя улыбающихся нам людей прикосновением двух пальцев к полям шляпы.

Я чувствовал себя просто грандиозно! Пара стаканов морковного сока полностью заменила мне ночной сон. Я не знал, что они добавляют в питье, но чувствовал, что могу легко к нему пристраститься.

Дорогу мы и здесь нашли без труда. На окраине города высилась доска со стрелкой и надписью «Биск-Вит».

Вдоль дороги там и тут стояли дома, по обочинам паслись бесчисленные коровы. Пришлось идти пешком, несмотря на то что солнце палило все сильнее.

Только прошагав милю, мы наконец оказались в безлюдных местах. Можно было пускаться в полет.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? — спросил Ааз.

— Никогда не чувствовал себя лучше! — объявил я.

— Пожалуй, в следующем городе я тоже приму на грудь этого сочку, — сказала Танда.

Как только я принялся перекачивать в себя силу, мне стало ясно, что в этом районе силовых линий значительно больше, чем в тех местах, где мы были прежде. Поэтому я без всякого труда поднял всех троих на высоту колена и помчал над дорогой.

По пути нам никто не встретился, и я ни разу не присел, чтобы отдохнуть.

Потрясающая штука этот морковный сок!

До Биск-Вита мы домчались лишь во второй половине дня, и я к этому времени уже начинал чувствовать усталость. Мы зашли в заведение, которое ничем не отличалось от бара «У Одра» в городе Увер-Тка. Подобное сходство начинало нас серьезно беспокоить.

Я хотел убежать, но из дверей за стойкой выступил мужчина в фартуке и с грязным полотенцем в руке. Очередной близнец моего друга из города Увер-Тка спросил, что нам угодно.

— Пару стакашков вашей лучшей выпивки, — бодро произнес я.

— Может быть, сразу пожелаете и поужинать? — с широкой улыбкой поинтересовался он. — Я только что получил партию свежих кореньев. Сочных и хрустящих. Ведь нам всем, как вы понимаете, надо быть в хорошей форме до того, как начнется *толпотворение*.

— Не исключено, что и поужинаем, после того как посидим маленько.

Услыхав мой ответ, он улыбнулся от уха до уха.

Вскоре бармен вернулся с двумя стаканами сока и тут же удалился.

— Интересно, может ли кто-нибудь объяснить нам, что здесь происходит? — поинтересовалась Танда. — В жизни ничего подобного не видела.

— Я тоже, — пробурчал Ааз. — На прошлой остановке мне показалось, что у вас разыгралось воображение. Но теперь и я вижу — здесь что-то не так. Все эти места практически идентичны.

— А может, мы вообще ходим по кругу? — робко предположил я. — Может быть, все эти города — одно и то же поселение?

— Нет, — ответила Танда. — Они все отличаются по величине, у них разная планировка, да и ландшафт вокруг них существенно разнится.

— Города, несомненно, разные, — согласился Ааз. — Но все они построены по одной схеме и заселены очень похожими друг на друга людьми.

— Что ж, — заметила Танда, — теперь я вправе заявить, что видела здесь все.

— Не совсем, — возразил я. — Мы пока не знаем, что такое *толпотворение*, и еще не видели золотой коровы.

Танда кивнула и, глядя на Ааза, мрачно произнесла:

— Не знаю, стоит ли это сокровище того риска, которому мы себя подвергаем.

Ааз взглянул на Танду так, словно у нее поехала крыша.

— Ты, наверное, шутишь, — сказал мой наставник. — Мы так далеко зашли! До цели осталось всего лишь два города.

Она снова кивнула, подтверждая справедливость этих слов, но я видел, что пребывание в этом измерении сильно ее пугает. А ведь Танда все время, сколько я ее знал, никогда ничего не боялась.

Ааз обернулся и, убедившись, что бармен все еще на кухне, достал карту и расстелил ее на столе.

Карта, как и в прошлый раз, изменилась. На этот раз от Биск-Вита шли четыре дороги и все они упирались в поселения, названия которых начинались на букву «Б».

Ближе всего к нам находился город Бра-Га, дальше к северу располагались Бра-Тва и Бар-Тер. Самый северный из четырех городов носил звучное имя Бар-Дак. Золотая корова на сей раз находилась в поселении, именуемом Доннер-Веттер.

— Вот и кончилась наша система, — печально заметил я.

— До сих пор она нам помогала, — откликнулся Ааз.

— А может, мне стоит опять отнять у карты ее волшебные свойства? — спросил я, поскольку только что прикончил стакан морковного сока и чувствовал себя способным своротить горы.

— Ты полагаешь, что здесь для этого достаточно магических сил? — ответил вопросом на вопрос Ааз, покосившись на дверь кухни.

— Силовых линий становится все больше и больше, — ответил я.

— Пусть попытается, — предложила Танда. — Это поможет нам сократить время поиска. Нам не придется возвращаться назад.

— Влепи-ка сй как следустг, — снисходительно бросил Ааз, обращаясь ко мне.

Я набрал полную грудь воздуха, сосредоточился и принялся выкачивать силу из воздуха и земли.

Вначале мне показалось, что ничего не происходит. Помнится, то же самое я чувствовал и в хижине. Но прошло несколько мгновений, и я начал ощущать приток силы. Сила, пронзив меня, обрушилась на карту. Пергамент засиял синим светом, взвился над столом, а затем, медленно колыхаясь, стал опускаться. Как только карта коснулась столешницы, сила исчезла, и я вдруг почувствовал страшную усталость.

Чтобы восстановить энергию, мне срочно требовалось хлебнуть морковного сока.

— Отлично сработано, Скив! — похвалил мой наставник.

Мне довольно редко приходится выслушивать добрые слова в свой адрес, поэтому я наслаждался моментом славы. Танда ласково потрепала меня по руке и поцеловала в щеку.

Ничего не приносит большей радости, чем хорошо сделанная работа!

Я поднял стакан сока, принесенный Танде, и стал потягивать прекрасный напиток, глядя на карту.

От Биск-Вита теперь шла лишь одна дорога на Бар-Дак. Из Бар-Дака путь вел прямо в Доннер-Веттер, где паслась юлотая корова. Оказывается, мы ближе к цели, чем считали. Но до Бар-Дака, если верить карте, путь неблизкий. Еще большее расстояние отделяло Бар-Дак от Доннер-Веттера.

В ближайший пункт назначения, город Бар-Дак, мы, по расчетам, должны были прибыть глубокой ночью.

Я надеялся, что коровы не станут пожирать нас взглядами.

— Ты достаточно отдохнул? — спросил Ааз.

Я ополовинил стакан морковного сока и сказал:

— Вполне. А это, — я показал на стакан, — перелейте в один из сосудов с водой.

Затем я подошел к двери в кухню и постучал. Когда оттуда вышел парень в фартуке, я спросил:

— Что мы должны сделать в оплату за тот прекрасный напиток, который вы нам подавали?

Он улыбнулся так, словно услышал магические слова.

— Просто приходите поужинать.

— Непременно придем, — заверил я его и отсалютовал, прикоснувшись к полям своей шляпы.

Когда мы уходили, он стоял на пороге и провожал нас таким взглядом, которым провожают в школу своих детей любящие родители.

В Бар-Даке, как и предполагалось, мы оказались в разгар ночи. Город выглядел так же, как и все остальные, и, несмотря на то что все двери были закрыты, а на окнах красовались тяжелые ставни, я сразу нашел заведение, как две капли воды похожее на закусочную «У Одра». Последние несколько часов мы передвигались в темноте, и коровы снова на нас плялились. Похоже, пролетая мимо пастбищ, мы служили для этих жвачных главным развлечением. Тысячи и тысячи коров выстраивались у обочины, чтобы проводить нас взглядом. Я понятия не имел, почему они так поступают и откуда им становилось известно о нашем приближении, но вдоль дороги не оставалось ни одного клочка земли, на котором не было бы этих парнокопытных. И так продолжалось всю ночь.

Однако несмотря на то что дорога не была ничем ограждена, коровы не переступали какую-то невидимую нам черту и не пытались нас задержать.

Через некоторое время я остановился, чтобы в свою очередь полюбоваться на них. Их огромные глаза поблескивали в лунном свете, и это действовало мне на нервы.

По мере того как мы продвигались в глубь измерения, мои полетные возможности непрерывно улучшались. Теперь беспосадочный перелет мог продолжаться почти час. Лететь было легко, поскольку наш путь освещала практически полная луна.

Тем не менее я все же уставал, и теперь, когда мы шагали по деревянным тротуарам Бар-Дака, мне очень хотелось для поддержания сил глотнуть морковного сока. Однако я решил терпеть до тех пор, пока мы не выйдем из города. Там, на природе, я полностью смогу насладиться половиной стакана чудесного напитка, сохраненного для меня Тандой. Я знал, что половина стакана подарит мне энергии столько же, сколько я мог получить от полноценного ночного сна. Волшебный напиток позволял мне перекачивать в себя всю магическую силу окружающего пространства, и я мог мчать своих друзей над дорогой с большой скоростью.

Покинув город, я допил сок, и мы полетели дальше.

С восходом солнца коровы перестали обращать на нас внимание, и я почувствовал себя оскорблённым. «Как эти животные смеют нас игнорировать», — спрашивал я себя. И не мог отыскать ответ.

За пару часов до полудня мы долетели до какого-то крошечного городка. Поселение было раза в два меньше моей родной Увер-Тки, и на карте оно было помечено точкой, которую с первого взгляда можно было принять за мушкий помет. До Доннер-Вестера было еще лететь и лететь.

Сок, выпитый мною ночью, давно перестал действовать, и я ощущал смертельную усталость. Как я и рассчитывал, в центре поселения оказалось заведение, скопированное со всех остальных подобного рода заведений. Вы догадались, наверное, что оно было похоже на мой любимый ресторан, именуемый «У Одра».

В зале никого не оказалось, мы вошли и заняли, как я уже начал считать, наш обычный столик. Я плюхнулся на стул у окна, удивляясь тому, что все еще жив.

Морковный сок имел лишь один недостаток: если вы привыкаете к нему, то привыкаете накрепко, и сейчас, если мы, конечно, хотели к полуночи добраться до Доннер-Беттера, мне необходимо было принять пару доз золотого напитка.

Заведение было не просто похоже на ресторацию «У Одра» — оно вполне могло быть оной. И когда из кухни появился человек в фартуке и с грязной тряпкой в руке, я нисколько не удивился.

— Чем могу быть вам полезен, незнакомцы?

— Не могли бы вы, — поспешил произнести я, прежде чем Ааз и Танда успели вставить слово, — нацедить нам три стаканчика вашей самой лучшей выпивки?

Бармен расплылся в улыбке, вытер руки о грязнущее полотенце и произнес те слова, которые я ожидал от него услышать:

— Без проблем. Но, возможно, вас, ребята, интересует и ленч? Я только что получил фургон свежей, хрустящей зелени. Близится *толпотворение*, и вам потребуется вся ваша сила.

— Спасибо, дружище, — ответил я. — Это звучит жутко аппетитно, но мы предпочитаем начать с сока, если не возражаете.

— Какие здесь могут быть возражения? — сказал бармен.

Через несколько секунд он вернулся с тремя стаканами морковного сока. Поставив их перед нами на стол, он улыбнулся и удалился в кухню.

— Все, — сказала Танда, — с меня хватит. Официально заявляю, что я напугана всем этим больше чем до полусмерти. Я покидаю корабль.

— Что?! — изумился Ааз. — Неужели тебя ввергли в ужас эти лупоглазые коровы?

— И они тоже, — ответила Танда.

Я выпил половину стакана и откинулся на спинку стула, наслаждаясь тем, как по телу разливается благостное тепло. Я вообще не понимал, как я мог раньше жить без этой волшебной жидкости.

— По-моему, ты чересчур увлекаешься этой бурдой, — сказал Ааз. Он выглядел таким же усталым, каким был я всего пару минут назад.

— Тебе, пожалуй, тоже стоит приложитьсь, — ответил я. — Если у тебя есть желание добраться этой ночью до сокровища.

— Похоже, что кто-то из нас крепко подсел на морковный сок, — покачав головой, продолжил он.

— Ничего ты не понимаешь, — обиделся я.

Мой наставник как-то сразу помрачнел и вынул из сумки карту. Карта не изменилась. Моя магия сработала. Целью нашего путешествия по-прежнему оставался Доннер-Веттер, хотя до него по-прежнему было очень далеко.

«Лишняя энергия мне совсем не повредит», — подумал я и выпил еще четверть стакана.

К тому времени, когда я приступил к обычной процедуре прощания с парнем в белом фартуке, я успел принять на грудь полтора стакана. Я пообещал ему вернуться к ужину, и мы вышли на улицу. Энергия во мне была ключом. Меня радовало и то, что в сосуды для воды Танда перелила еще полтора стакана. Этого должно было с избытком хватить на весь ночной полет. То, что Таңда и Ааз устали, меня не беспокоило. Друзья вполне могли высидеться во время полета.

Во второй половине дня они благополучно уснули. Я нес их на высоте колена над дорогой и думал: «Какое счастье, что в этом измерении имеется морковный сок».

Когда это произошло, мы подлетали к какому-то крошечному поселению, вообще не отмеченному на карте. Солнце уже скрылось за горизонтом. Поселение насчитывало не более двух десятков домов, но мы решили не рисковать и двинулись через него пешим ходом. Мы как раз находились в центре городка, когда все двери начали с хлопаньем открываться. Было очень темно, поскольку солнце уже зашло, а луна еще не всталла.

От неожиданного шума я так испугался, что волосы встали дыбом.

— Что происходит? — спросила Танда.

Ответа на ее вопрос у меня, естественно, не было.

Насколько я мог видеть, все население городка высыпало на улицу. Одетые кто во что горазд мужчины и женщины (некоторые в однихочныхочных рубашках) походили на зомби. Вначале они собирались толпой на окраине, а затем, выстроившись в линию, зашагали в западном направлении.

Чтобы нас не растоптала толпа, мы вскочили на тротуар и прижались к стене дома.

Глаза людей казались безжизненными, обыватели шагали с обреченным видом, даже не пытаясь противиться той силе, что влекла их из домов в ночь.

— Готовься перебросить нас на Завихрение №6, — прошептал Ааз на ухо Танде.

— Вот уже несколько дней, как я к этому готова.

Мимо нас прошествовал последний житель, и город опустел. Двери всех домов остались распахнутыми.

Я не имел понятия о том, как нам следует поступать, а потому достал из сумки сосуд и выпил полстакана сока, чтобы накопить силенок и быть готовым ко всему, что может произойти.

Ааз знаком пригласил нас следовать за аборигенами, и мы двинулись на запад, отстав шагов на тридцать от замыкающего вереницу человека.

Вскоре мы оказались в сельской местности, и чем дальше мы продвигались, тем больше я ожидал увидеть наблюдающих за нами коров.

Коров не было вовсе. Вместо них я увидел множество обиаженных людей, которые зевали и потягивались с таким видом, словно только что восстали от сна.

Горожане продолжали свой марш, а обиаженные люди с полей двинулись к ним. Первый голый парень приблизился к веренице людей неподалеку от нас. Он выдернул за ночную рубашку какого-то старца и, запрокинув ему голову, припал губами к морщинистой шее.

— Вампиры, — прошептала Танда.

За нашими спинами из-за вершины холма выползала полная луна, осветив пиршество. Все больше и больше вампиров припадали к шеям своих жертв.

Так вот что означает их *толпотворение!*

Я не верил своим глазам. Коровы в этом измерении были вампирами, а люди служили им фуражом. Неудивительно, что все туземцы питались силосом и боялись выходить на улицу по ночам. Жители городов были всего лишь скотом, который специально откармливали, чтобы полакомиться в полнолуние.

Хозяевами в этом измерении были коровы.

— Почему вы покинули стадо? — послышался позади приятный женский голос.

Мы поспешили обернуться и увидели перед собой двух обнаженных людей. Мужчину и женщину. У них были безупречные тела с хорошо развитой мускулатурой, а лица украшали огромные карие глаза, очень похожие на те, что я видел у коров каждой ночью.

Женщина была очень красива. Подобных красавиц в натуральном обличье мне видеть еще не доводилось. Наверное, в дневное время она была той еще телкой!

Взглянув в ее глаза, я испытал непреодолимое желание шагнуть сюда навстречу. Мне было плевать, укусит она меня или нет.

В следующий миг мне в лицо ударил ураган Завихрения №6 и во второй раз поменял проявить себя полным идиотом перед лицом красивых женщин.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*Я готов в любой момент бросить
это дело.*

Ш. Холмс

Сотня шагов на заплетающихся ногах с каждым разом давалась мне все труднее и труднее. Я не мог понять, почему И-Скакун не доставил нас прямо в хижину, избавив от глотания пыли. Надо будет спросить об этом у Танды, как только все успокоится.

Когда мы приблизились к хижине, Танда подняла руку, давая сигнал остановиться. В клубах пыли хлипкое сооружение было едва заметно, однако я смог заметить, что окна хижины не светились.

Танда как-то по-особому взмахнула руками, и я сообразил, что она прибегла к одной из разновидностей сканирующей магии, которой владеют все профессиональные убийцы.

Убедившись, что горизонт чист, она дала нам сигнал следовать дальше. Из этого можно было сделать вывод, что Гленда засаду не устроила.

Перед моим мысленным взором вдруг предстала приятная картина: я увидел Гленду и корову-вампира, припавшую к ее прекрасной шейке. Учитывая то, что она сотворила со мной, это было вполне заслуженным. Надо сказать, меня очень давно не посещали столь приятные видения.

Мы вошли в хижину и закрыли за собой дверь, чтобы отгородиться от бури.

— Ты установила защиту? — спросил Ааз у Танды.

— Прочную и нерушимую, — ответила та. — Скив был прав, здесь все пропитано магической энергией, и я могу удерживать экран столько, сколько потребуется.

— Значит, Гленда не сможет застать нас врасплох? — с надеждой поинтересовался я.

— Ни за что, — ответила Танда. — Если она прискакет сюда, то жуть как запылится, оставаясь на воздухе.

— И поделом, — хмыкнул Ааз. — Если бы она вела себя пристойнее, этого бы с ней не случилось.

— Хотите чего-нибудь поесть? — спросила Танда, роясь в кухонном шкафу. Я к этому моменту уже сидел за столом.

— Только морковного сока, — ответил я, почувствовав, как усталость разливается по всему телу. Создавалось впечатление, что из меня выдернули затычку, и вся моя энергия потоком изливалась на пол. Я сунул руку в поясную сумку, в которой хранился сосуд с волшебным напитком.

Драгоценный сосуд исчез. Я просмотрел содержимое сумки еще раз, но ничего не обнаружил.

— Скажи, сосуд с соком у тебя? — спросил я Ааза.

— Боюсь, что нет, ученик, — ответил тот. — Прежде чем прыгнуть сюда, я оставил его на Коро-Бау.

Вначале я не поверил своим ушам. Затем, осознав, что лишился остатков сока, попросту взъярился.

— Как ты смел так поступить?! — заорал я.

— Совершенно спокойно, — ответил мой наставник.

— Но как же я без него проживу?!

Морковный сок был мне нужен немедленно и в большом количестве. В жизни я ничего никогда не жаждал больше, чем этого золотого напитка. Душа моя просто рыдала.

— Ты будешь долго-долго спать, — сказала с улыбкой Танда.

Одного упоминания о сне было достаточно, чтобы я смертельно захотел спать. Я не мог поверить, что они посмели так мерзко со мной поступить.

— Воровать морковный сок у маленьких очень плохо, — пробормотал я.

— Знаю, — ответила Танда. — Но мы сделали это для твоего же блага. Ты не спал уже трое суток, и тебе требуется полноценный отдых.

Усталость пакатила, словно морская волна на песчаный берег. У меня хватило сил лишь на то, чтобы подумать: «Надо сказать, что я спать не хочу. И спросить, как смеют они решать за меня, что мне следует делать. И как Ааз смог оставить сок на Коро-Вау — ведь я так просил его поберечь напиток».

— Я не хочу спать, — пробормотал я, и мой голос даже для меня прозвучал несколько странно.

— И не надо, — услышал я ответ Танды. — Ты просто приляг ненадолго, а потом мы все с тобой обсудим.

С этими словами она помогла мне подняться со стула и провела к очень мягкой на вид кровати, стоявшей у стены комнаты.

— Ну ладно. Но только на одну минуту, — сказал я — или мне показалось, что сказал.

Возможно, я ничего и не говорил, поскольку ничего не помню с того самого момента, как моя голова коснулась подушки.

Пробудился я с чудовищной головной болью и с привкусом смеси навоза и залежалой моркови во рту. Я перевернулся на бок, и голова заболела еще сильнее. Мне показалось, что кто-то изо всех сил хватил меня молотком между глаз.

— О-о-ох! — протянул я, сжимая обеими руками голову.

— Наш спящий красавец пробуждается, — сказал Ааз настолько громко, что мои уши не смогли вместить его голос.

— И, похоже, в страданиях, — проорала Танда.

— Умоляю, говорите шепотом, — произнес я, но горло настолько пересохло, что словам не удалось вырваться наружу.

Мне страшно хотелось умереть. И почему только они не убили меня во сне? А может, они пытались это сделать? Тогда понятно, почему у меня все болит.

Кроме того, меня тошнило, но облегчиться я не мог, так как в желудке было хоть шаром покати. Однако мне казалось, что желудок все равно готов вывернуться наизнанку и вылезти через горло. Мир вокруг меня вращался со страшной скоростью, что отнюдь не способствовало улучшению состояния. Но больше всего мне хотелось забыть тот ночной кошмар, в котором коровы становились вампирами, а люди, обитающие в измерении, превращались для них в фураж. Какое ужасное видение! Если это результат действия морковного сока, то до конца жизни не возьму его в рот.

Танда подошла к кровати и опустилась на колени. Я почувствовал, как на мой лоб легла ее рука, и в тот же миг мое тело начало наполняться теплой энергией. Тошнота и боль отступали. Это было дивное ощущение. Через некоторое время Танда поднялась с колен и отошла от кровати, а я открыл глаза.

Голова болела уже не так сильно, а мир, который до сей поры наваливался на меня со всех сторон, видимо, решил несколько снизить активность. Но, к сожалению, я в тот же миг осознал — то, что я принимал за кошмарное ночное видение, было самой что ни на есть реальностью.

— Полегчало? — спросила Танда.

Я кивнул и сразу понял, что напрасно совершил столь необдуманное действие. Боль Танда сняла, но все остальные проблемы, связанные с желанием желудка вылезти через горло и с вращающимся, как волчок, внешним миром, до конца не исчезли.

Подошла Танда со стаканом воды и помогла мне поднести его к губам.

— Ну и как ты себя чувствуешь с похмелья, ученик? Прекрасное состояние, не так ли?

— Нет, — ухитрился просипеть я, отпив глоток воды, — хуже ничего не бывает.

— Не забудь этих слов, когда в очередной раз пустишься в загул, — продолжал мой наставник.

Одна только мысль о морковном соке заставила меня содрогнуться, а желудок выплюнуть ту воду, которую я только что с таким трудом проглотил.

— Неужели они подливают в морковный сок чистый спирт? — спросил я.

— Нет. Они используют не спирт, а иное вещество, — ответил Ааз. — Вещество, которое превращает обитателей городов в деликатес для вампиров.

Мой желудок снова совершил непроизвольное движение.

— И, возможно, помогает их контролировать, — добавила Танда, нежно глядя на меня. — Может быть, ты поднимешься к столу и поешь немножко?

— Попробую, — ответил я, — но обещать не могу.

— Попытайся, тебе обязательно надо подкрепиться.

— И долго я спал? — Я вылез из постели и начал пробираться к столу.

Доковыляв до цели, я плюхнулся на стул и стал ждать, когда окружающий мир перестанет вести себя, как волчок.

— Около двенадцати часов, — ответил Ааз. — Когда ты начал проявлять признаки жизни, мы уже были готовы скакнуть на Коро-Бау.

— Без меня? — спросил я, глядя в глаза своему наставнику.

Услыхав в моем вопросе изумление и даже негодование, он улыбнулся:

— Только на рекогносцировку. Мы хотели подобраться поближе к Доннер-Веттеру, пока вампиры еще были коровами. Вокруг тебя сохранился бы защитный экран. Вернуться мы предполагали уже через несколько часов.

— Неужели ты все еще хочешь добраться до сокровища? — спросил я, не веря своим ушам. Мысль о том, что снова придется отправиться на Коро-Бау, была мне глубоко противна. А о возможной встрече с золотой коровой, которая по ночам превращается в вампира, я даже и думать не хотел.

— Натурально, — ответил мой наставник. — Мы слишком далеко зашли, чтобы отыгрываться назад.

— И как ты намерен поступить, когда встретишь эту пресловутую золотую корову?

— Я его тоже об этом спросила, — вступила в беседу Танда.

— Вот когда встречу, тогда и решу, — ответил Ааз.

— В таком случае я страшно рад, что проснулся.

— Боюсь, что ты еще слишком слаб, чтобы скакать вместе с нами, — заметила Танда, поставив передо мной стакан с водой и положив небольшой сандвич.

— Все будет отлично, — сказал я. — Хлебну немногого морковного сока — и вперед!

В хижине повисла зловещая тишина. Я поспешил их успокоить:

— Шучу-шучу.

Но моя шутка их почему-то не рассмешила.

Чем дальше мы продвигались в глубь Коро-Бау, тем больше видели коров. На лугах вдоль дороги паслись огромные стада. Такого сбора этих парнокопытных мы никогда раньше не видели.

Я радовался тому, что они не выстраивались у обочины, чтобы на нас поглязеть.

Холмы становились все круче, и создавалось впечатление, что дорога ведет к высокому горному хребту. Оставалось надеяться, что Доннер-Веттер окажется на нашей стороне гор, а не за перевалом.

Когда мы поднялись на вершину очередного холма, я получил ответ на этот весьма волнующий меня вопрос. Я вовремя успел притормозить и совершить мягкую посадку. Учитывая степень моего изумления при виде той захватывающей картины, которая открылась перед нами, мою реакцию можно было считать очень даже приличной.

С вершины холма открывался вид на Доннер-Веттер. Город раскинулся на пологом и широком склоне другого холма. Все дома, насколько мы могли разобрать, ничем не отличались от тех сооружений, с которыми мы успели познакомиться в других поселениях. Но чуть дальше, ближе к вершине, стояли более высокие и красивые здания. А самую вершину украшал дворец.

Он не походил ни на одно из сооружений, которые нам довелось увидеть как в этом, так и во всех иных измерениях нашей планеты.

Дворец был сложен из камней и покрыт листовым золотом. Здание так ярко сияло в лучах послеполуденного солнца, что казалось вторым дневным светилом, но только золотым.

— Вот это да, — прошептала Танда.

— Неудивительно, что Доннер-Веттер помечен на волшебной карте как то место, где находится сокровище, — пробороматал Ааз. — Никогда ничего подобного не видел.

— Я тоже не видела, — подхватила Танда.

Если мои старшие товарищи, побывавшие на стольких измерениях, не видели ничего подобного, то что говорить обо мне — самом юном?

Постояв минуту с разинутым ртом, я задал вопрос, который напрашивался сам собой:

— Ну и что же мы теперь будем делать?

— Подойдем и посмотрим поближе, — со смехом ответил Ааз. — Увидим все, что можно будет увидеть.

Я внимательно посмотрел на своего наставника. Он всегда выглядел счастливым, когда появлялась хоть какая-нибудь возможность пополнить мошну. Я не стал спрашивать его о том, как мы сможем получить золото, которое видим с этого места. У Ааза, видимо, были свои соображения на сей счет. Именно поэтому он и улыбался. Меня же, честно говоря, эта улыбка пугала.

Мы полетели дальше, и когда миновали пару невысоких холмов, Ааз предложил проделать дальнейший путь пешком. Атмосфера здесь была настолько пропитана магической энергией, что я, совершив довольно продолжительный беспосадочный перелет, нисколько не устал. Это означало, что в этом месте я смогу воспользоваться всем своим (весьма ограниченным) магическим искусством. С одной стороны, это было хорошо, а с другой — плохо.

Впереди на дороге виднелись несколько пешеходов. Пара лошадей тянула загруженный зеленью фургон. На лугу паслись коровы, не обращая ни на кого и ни на что ни малейшего внимания. Вблизи Доннер-Веттер оказался даже больше, чем представлялось с расстояния. Город рассекала широкая, большая похожая на бульвар аллея. Золотой замок на вершине холма производил просто грандиозное впечатление. Мне ка-

чилось, что он может поглотить в свое нутро весь замок Пос-силтума, закусить дворцовой площадью и даже не рыгнуть. Интересно, не нужны ли им здесь придворные маги?

Можно было бы подать заявление, но вряд ли мне удастся выдержать испытание на коровье здоровье.

Когда мы, перевалив через последний не очень высокий холм, оказались почти на окраине, из города с громовым стуком копыт, оставляя за собой клубы пыли, вылетела группа всадников.

Пешеходы впереди нас отошли к обочине, а фургон с силосом, резко вильнув в сторону, едва не свалился в придорожную канаву.

Всадники неслись галопом, придерживая на головах черные шляпы. Грохот копыт усиливался, и мне это крайне не нравилось.

Впрочем, достаточных оснований считать, что они скачут к нам, у меня не было.

Когда всадники в черных шляпах приблизились, мы отступили на обочину, полагая, что они проскачут мимо. Однако люди в черных шляпах остановили лошадей и, расположившись полукольцом, начали теснить нас в направлении пасущихся коров.

Да, видимо, напрасно я не всегда доверяю дурным предчувствиям.

— Вы арестованы, — заявил человек, восседавший на огромном черном жеребце. — Прошу вас проследовать за нами в город.

— Неужели это команда охранников-добровольцев? — спросила Танда, не скрывая изумления. — Вот уж не думала, что встречу их здесь.

— Что? — переспросил я.

— Не суть важно, — ответила она.

— За что мы арестованы? — спросил Ааз у парня на черном скакуне.

Парень, который был точной копией всех барменов,увиденных нами в заведениях, похожих на морковню «У Одра», улыбнулся (вид его мелких зубов мне крайне не понравился) и ответил:

— Вы обвиняетесь в отказе следовать правилам столпотворения и в незаконном использовании магии.

Я посмотрел на Ааза, а затем перевел взгляд на Танду. Теперь мы знали, что обитатели этого измерения знакомы с магическим искусством.

Мне казалось, что настал момент удирать из этого отвратного места на Завихрение №6, но у Ааза, похоже, были иные намерения.

— Мы требуем встречи с вашим правителем, — произнес Ааз, приближаясь к предводителю банды. — Мы — могущественные маги, прибывшие из другого измерения с важной информацией.

Предводитель расхохотался, что окончательно вывело демона из себя.

— Сбрось с меня личину, — прошептал он мне.

Положения хуже, чем то, в котором мы оказались, быть не могло, и я, пожав плечами, выполнил его просьбу.

Ни один из всадников, похоже, даже не заметил, что вместо их соплеменника перед ними вдруг оказался ужасный демон, покрытый с ног до головы зелено-чешуйчатой кожей.

Даже лошадям было на это наплевать.

Такой реакции или, вернее, отсутствия оной Ааз не ожидал.

Парень на черном жеребце снова расхохотался.

— Прекратите этот спектакль, — давясь смехом, сказал он. — Наш вождь знает, кто вы такие.

Сказав это, парень на черной лошади сотворил нечто такое, что повергло меня в ужас. Он показал пальцем на Ааза, и в тот же миг волшебная карта выскочила из сумки моего наставника, самостоятельно развернулась и взвилась в воздух. Спланировав вниз, подобно сухому листу, пергамент вновь сложился и юркнул на свое место в сумку.

— Итак, прошу вас следовать за мной, — повторил предводитель дружины стражников-общественников.

С этими словами он повернулся коня и неторопливо направился в город. Я с изумлением посмотрел вначале на Ааза, потом на Танда.

— Не пора ли нам домой? — спросил я.

— Пора, если бы мы только могли это сделать, — ответила Танда.

Когда она шагнула с обочины на дорогу, я увидел, что по ее лбу струями течет пот. Мы шли следом за начальником, а остальные всадники прикрывали нас с тыла.

— Прости, — сказал я, так ничего и не поняв, — почему бы нам не сбежать в пыльную бурю?

— Поверь мне, я пыталась, — ответила она, стирая со лба пот.

— Ты пыталась?! — переспросил я, не веря в то, что она не может вытащить нас отсюда.

— Значит, мы заблокированы? — спросил Ааз.

— Надежнее, чем в склепе, — ответила Танда. — С таким крепким блоком мне встречаться еще не приходилось.

— А если попробовать улететь? — поинтересовался я.

— Ничего не получится. — Танда покачала головой. — В данный момент любые магические действия заблокированы.

— О... — протянул я. И это был единственный звук, который я был способен издать.

Впереди за широким крупом черного жеребца виднелся золотой дворец. Там хранилось сокровище, к которому мы стремились и до которого так трудно было добраться. Но в данный момент я к этому сокровищу вовсе не стремился, мне хотелось оказаться в любом месте любого другого измерения.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Интересно, кто эти парни?

Батч Кассиди

Kогда мы, вступив в город, двинулись по главной улице в направлении дворца, на нас никто не обратил внимания.

Я увидел по меньшей мере дюжину заведений, как две капли воды похожих на «У Одра». Город был настолько велик, что дерзко на улице разгребал не один, а целых три парня в белых шляпах. Когда мы проходили мимо них, каждый из разгребателей навоза прикладывал два пальца к полям своего роскошного головного убора и произносил волшебное слово «Будздр». Мы, естественно, отвечали тем же.

Отличие этого города от других состояло только в том (кроме золотого дворца, конечно), что он был больше, и кроме того, здесь между домами сохранились поросшие травой лужайки, на каждой из которых паслась одна-единственная корова. Чем выше мы поднимались по склону, тем живописнее становились лужайки и тем породистее выглядели пасущиеся на них одинокие коровы.

У самого дворца по обе стороны главного бульвара мы увидели пять особенно красивых персональных лужаек, около каждой из них торчал парень в белой шляпе с совковой лопатой.

Они ждали.

Теперь я понял, что ребята, разгребающие навоз на улицах, всеми силами стремились сделать карьеру, чтобы чистить дерьмо не где-нибудь, а здесь, у подножия дворца.

Когда мы оказались перед массивными воротами с каменными столбами по бокам и золотыми запорами, всадники соскочили с лошадей, их предводитель указал нам на ворота, но сам остался стоять на месте. Дворец был окружен каменной стеной — настолько высокой, что всякая попытка перелезть через нее казалась предприятием невозможным. Стена была отполирована до блеска, ее гребень венчало золотое покрытие.

На подходе к воротам нас встретили пять человек в белых мантиях с золотой каймой. Каждый держал в руках служившую посохом золотую лопату. Я понял, что те, кто трудится на улицах и не располагает золотым шанцевым инструментом, не вправе входить в золотой дворец.

«Почему нам предоставили такую привилегию?» — спрашивал я себя и не находил ответа.

— Нет, вы только посмотрите на все это золото! — причитал Ааз, бешено вращая чешуйчатой головой.

— Потрясающе, — негромко, но с явным восхищением произнесла Танда.

Я промолчал. Но не потому, что не хотел вмешиваться в беседу старших, а потому, что утратил дар речи. Ничего подобного я раньше не видел. За каменными стенами оказались великолепно построенные лужайки с золотым бордюром,

необычайной формы живые изгороди и множество важных парней в белых шляпах и с золотыми лопатами.

На дюжине лужаек паслась дюжина коров, и за каждой с лопатой наготове стоял придворный.

Нас провели по лестнице, по обеим сторонам которой высились золотые изваяния неизвестных мне разнообразных животных и иные произведения искусства — естественно, тоже золотые. Теперь перед нами возвышались белокаменные, украшенные золотом стены самого дворца. Такого высокого здания мне видеть еще не доводилось.

Миновав тяжелую двустворчатую дверь, мы оказались перед широкой лестницей. Поднявшись по ступеням, мы свернули в коридор, и с этого момента я полностью утратил всякую ориентацию. Мы проходили по каким-то туннелям, спускались по каменным ступеням, постепенно уходя все ниже и ниже в недра земли под замком.

Мне казалось, что на меня давит огромная масса дворца и служащих ему основанием скал, и это мне очень не нравилось. Еще меньше мне нравилось то, что мы оказались пленниками жвачных животных, командующих парнями с золотыми лопатами. Но больше всего меня тревожило то, что эти так называемые жвачные на самом деле были вампирами.

В конце концов мы оказались в большой комнате с каменными стенами и тяжелыми дверями с золотыми засовами. Кроме нас, в помещении находились пять человек. Они выглядели иссохшими и совершенно обессилевшими. Вдоль стен стояли десять кроватей, и все прибывшие до нас заключенные крепко спали.

— А вот и Гленда, — сказал Ааз.

Я внимательно всмотрелся в фигуру женщины, лежащей на койке у дальней от нас стены.

Это действительно была Гленда. Но эта Гленда была совсем не той красивой, веселой и уверенной в себе, какой я видел ее всего несколько дней назад.

Одежда была изодрана в клочья, грязь покрывала лицо, под глазами виднелись синие круги, на шее зияла алая рана. Когда мы приблизились к Гленде, ее ресницы затрепетали, она открыла глаза и посмотрела на нас.

— Насколько я понимаю, вы нашли сокровище, — едва слышно прошептала Гленда и снова погрузилась в сон. Рот ее был открыт, она тяжело дышала. Алые отметины на шее пульсировали в такт ударам ее сердца.

— Не нравится мне все это, — сказал я.

— Интересно, а как отсюда можно выбраться? — поинтересовался Ааз, оглядывая помещение.

Я тоже обвел взглядом комнату. Состояние всех остальных пленников было столь же незавидным, как и у нашей вероломной подруги. И у каждого виднелись алые отметины на шее. Сон их был таким глубоким, что они больше походили на мертвцевов.

— Никак, — ответила Танда на вопрос Ааза. — Течение энергии здесь ощущается, но возможность перемещения между измерениями полностью заблокирована. С момента ареста я не раз пыталась скакнуть в другое измерение.

— Что ж, — пожал плечами Ааз, — придется искать другие пути, но сперва мы прихватим немного золотишка.

— А как насчет И-Скакуна? — спросил я.

— Нас не обыскивали, — ответил Ааз, — возможно, он и сработает.

С этими словами он достал И-Скакун, проверил правильность установки и привел прибор в действие. Ничего не произошло, мы остались стоять на своих местах.

— Попытаться все равно стоило, — заметил я, пока Ааз прятал И-Скакун под рубашку.

— Полагаю, что нам следует получить ответы на волнующие нас вопросы. — Ааз присел на койку Гленды и ласково потрепал девицу по щеке.

— Нет! Нет! — еще не совсем проснувшись, выкрикнула она и прикоснулась к шее. Узнав нас, она поморгала, фыркнула: — Убирайтесь! — и снова смежила веки.

— У нас есть к тебе вопросы! — Ааз потряс ее за плечи, приподнял и посадил спиной к стене.

— Полегче, полегче, изверг, — прохрипела Гленда. — Мы здесь все в одной лодке.

— Я даже здесь с тобой в одну лодку не сяду, — ответил Ааз.

А я, глядя на то, что осталось от Гленды, изумлялся, как она вообще могла мне нравиться. «Неужели я настолько ничтожна, что меня не трогают ее муки, потому что она утратила красоту?» — спрашивал я себя. Или, может быть, я изменил к ней отношение из-за того, что она нас предала? Любопытные вопросы. Надо будет поинтересоваться мнением Ааза, когда мы вернемся домой.

— Поверь, — сказала Гленда, — хочешь ты того или не хочешь, но, оказавшись в этой камере, ты сразу же угодил со мной в одной лодку.

— Как ты здесь очутилась? — спросил Ааз. — И каким образом нашла город без карты?

— Я пришла в Улов-Ку, ничего там не обнаружила и спросила у парня в баре, где находится золотая корова. Он и указал мне место.

Я недоуменно потряс головой. Неужели все так просто? И почему нам это не пришло в голову?

— Что случилось потом? — спросила Танда.

— Я даже не сумела войти в город, — ответила Гленда. — Вчера на меня наскочила какая-то банда всадников, и меня бросили сюда. А ночью из меня сделали закуску для гостей бала, который кипел наверху. — Она снова прикоснулась к шее и поморщилась. — Все это было как страшный сон. — Немного помолчав, Гленда продолжила: — Они насилино, стакан за стаканом, вливали в меня морковный сок и по очереди прикладывались к моей шее. К утру я едва держалась на ногах и совершенно не помню, как сюда добралась.

Упоминание о морковном соке заставило меня содрогнуться.

— Кто они? — спросила Танда.

— Не знаю, — пожала плечами Гленда. — Помню только сотни красивых обнаженных людей, собравшихся в украшенном золотом бальном зале. В какой части дворца расположен зал, я не знаю.

— Коровы-вампиры, — понимающе кивнул Ааз.

— Что?! — изумилась Гленда.

— Прошлой ночью мы видели, как сотни коров превращаются в красивых обнаженных людей, — сказал я. — А за-

куской им служили горожане, выстроившиеся для этой цели в очередь.

— Надеюсь, это всего лишь глупая шутка? — спросила она, взглянув вначале на меня, а затем на Ааза.

Ааз только горестно покачал головой.

Гленда в свою очередь тоже горестно покачала головой и закрыла глаза.

— Быть высосанной до полусмерти жвачными вампирами! Какая ирония судьбы!

Больше она не произнесла ни слова, и Ааз не принуждал ее говорить.

Мне казалось, что за ночь она потеряла по меньшей мере двадцать фунтов. Что ж, и поделом. Она сумела перехитрить нас и найти дорогу в замок, но ее все же поймали. Если Гленде не удалось сбежать, то что можем сделать мы? Чтобы не превратиться в одно из блюд на ужине под полной луной?

— Необходимо исчезнуть отсюда до захода солнца, — заявил Ааз. С этими словами он поднялся с кровати Гленды и, подойдя к двери, дважды в нее ударил.

На громкий стук моего наставника никто не появился. Похоже, вооруженные золотыми лопатами охранники не опасались того, что их пленники могут сбежать.

— Даже если нам и удастся выбраться отсюда, потребуется карта, чтобы найти выход из замка, — сказала Танда.

— Кarta! — воскликнул я. — Вот наш ключ от врат темницы.

Ааз бросил на меня взгляд, означающий примерно: «Ну и глуп же ты, ученичок!»

Я подошел к нему и протянул руку:

— Дай мне, пожалуйста, карту.

— Зачем она тебе? — поинтересовался Ааз.

Я не хотел раньше времени делиться с ним своей догадкой, не убедившись в ее правильности.

— Дай ей карту, — вмешалась Танда.

Ааз пожал плечами, достал карту и передал ее мне в сложенном виде.

Я развернул карту и разложил на ближайшей свободной койке так, чтобы все могли ее видеть.

Карта выглядела именно так, как я и ожидал. Когда мы вступили в замок, к ней снова вернулись магические свой-

ства. Она показывала, что мы находимся под пятнадцатью слоями золота и камня. Комната, где пребывала золотая корова, была высоко над нами. Кроме того, на карте был указан путь, по которому водят пленников из этой комнаты в большой бальный зал.

Мне стало ясно, что те, кто создал карту, намеревались продолжать игру до последнего, видимо, следуя известной лишь им безумной логике.

Вначале они вели нас из измерения в измерение, а когда мы оказались на Коро-Бау, стали вести нас от города к городу. У меня не было сомнения, что здесь, в замке, карта будет указывать нам путь из комнаты в комнату. Игра мне не нравилась, но ход мыслей ее авторов я, видимо, уловил правильно.

— Нет, вы только посмотрите! — изумился мой наставник.

Танда посмотрела на карту, а затем перевела взгляд на стену, у которой стояла койка Гленды. Я довольно быстро сообразил, почему она смотрит.

Карта показывала, что из комнаты можно выйти и не через дверь. Не исключено, что у нас появился шанс на спасение.

Если мы сумеем выбраться из камеры, избежать нежелательных встреч с многочисленными людьми в белых мантиях и с золотыми лопатами, а затем убежать от добровольцев-всадников, то нам, возможно, удастся скакнуть на Завихрение №6. Это по-прежнему казалось невозможным — но все же не настолько, как пару минут назад.

Я сложил карту, сунул в сумку и направился к койке Гленды. Гленда по-прежнему сидела, привалась к стене и закрыв глаза. Если бы ее грудь не вздымалась при дыхании, Гленду легко можно было бы принять за покойницу.

— Подожди, — сказала Танда, когда я, встав на колени рядом с Глендой, принялся изучать стену в том месте, где, по идеи, должен был находиться запасный выход. — Мы должны позаботиться о прикрытии, чтобы никто не знал, чем мы заняты.

— Ну и как же, по-твоему, это можно сделать? — язвительно поинтересовался я.

Ааз огляделся по сторонам:

— Скив, когда Танда даст команду, сделай так, чтобы одеяла на трех постелях лежали таким образом, словно под ними находятся люди.

— На четырех, — неожиданно произнесла Гленда. Она открыла глаза и, глядя ясным взором на Ааза, продолжила: — Если вы нашли путь к спасению, я ухожу с вами.

— Вот как? — усмехнулся Ааз. — А может, ты запамятовала, как кинула нас на Завихрении №6? Короче — ты остаешься здесь.

— Если вы меня с собой не прихватите, я подниму тревогу и предупрежу стражу, — заявила Гленда, не сводя глаз с моего наставника. — Кроме того, у меня остались силы, чтобы снять заклятие личины с пустых коек. За вами начнется погоня.

В какой-то момент мне показалось, что Ааз готов ее задушить.

Но этому помешала Танда. Встав между конфликтующими сторонами, она сказала, глядя в глаза изверга:

— Она владеет магией и сможет нам помочь. Оставь ее в покое, иначе мы проведем в спорах весь остаток дня.

Я думал, что мой наставник вот-вот взорвется. Он ненавидел делать то, что ему было не по вкусу, а совместное путешествие с Глендой ему явно было не по вкусу. Но Танда права: в случае необходимости Гленда могла оказаться нам полезной.

— Ладно, — сказал Ааз. Он набрал полную грудь воздуха, а затем медленно выдохнул. Встав за спиной Танды и глядя на Гленду, демон продолжил: — Ты будешь делать то, что надо нам. В противном случае мы бросим тебя быстрее, чем ты бросила моего любимого ученика в том вонючем баре. Ты все поняла?

Гленда слабо, но решительно кивнула и сказала:

— Позволь мне вместе с Тандой сотворить заклинание прикрытия. Я в этой области специалист.

— Куда тебе до меня? — вступила Танда. — Ведь я как-никак бывшая профессиональная убийца.

Я знаю, что ты в этом отношении сильнее меня, — согласилась Гленда. — Но я смогу увеличить глубину прикрытия и поддержать заклинание личины, наложенное Скивом. Мы здесь имеем дело с очень могущественными магами.

Надо сделать так, чтобы они не смогли увидеть нас входящими или выходящими, в зависимости от обстоятельств.

Танда внимательно посмотрела Гленде в глаза и кивнула:

— В таком случае объединим усилия.

— Целиком и полностью, — согласилась Гленда, привалившись спиной к стене и смыкав веки.

Я огляделся по сторонам. Ни один из пленников не шелохнулся. Похоже, они пребывали даже в более худшем состоянии, чем моя бывшая подруга.

— Приготовься, — сказал мне Ааз. — По команде Танды твори заклинание личины. По одному на каждую койку.

Я глубоко вдохнул и сразу ощутил прилив магической энергии. Что касается энергии, то ее здесь было в избытке.

— Ааз — первый, — сказала Танда и после паузы бросила: — Давай!

Я представил Ааза лежащим на самой дальней койке. В моем воображении наставник спал, широко открыв рот.

На койке в тот же миг возник Ааз, и именно в том виде, в котором я его представил.

Я поднабрал еще порцию энергии.

— А теперь Гленда, — сказала Танда.

Я представил Гленду лежащей на соседней с Аазом койке — в той позе, в которой мы ее застали, появившись в камере. Не забыл я и о красных ранах на шее.

Гленда появилась на койке, как я, впрочем, и ожидал.

— Теперь я, — произнесла Танда.

Я поймал поток энергии, втянул его частично в себя и представил Танду спящей. Через мгновение ее копия уже мирно почивала на койке.

— Теперь займись собой.

Я произвел то же самое действие и представил себя спящим, хотя никогда не видел это со стороны. Надо сказать, что во сне я выглядел довольно нелепо.

— Все экранированы, — объявила Танда.

— И очень надежно. Отлично сработано, Скив, — добавила Гленда.

Я ограничился кивком. Мне не нужны были комплименты женщины, бросившей меня гнить в городе, где кормили только силосом.

— Что ж, Скив, — сказала Танда, — попробуй теперь найти выход.

Я лег на живот и заполз под койку, стоящую рядом с кроватью Гленды.

Передо мной была каменная стена, ничем не отличающаяся от остальных стен. Но как только я к ней прикоснулся, моя рука провалилась в пустоту, словно там и не было никакого камня.

— Тайный выход, — объявил я, пополз дальше и уже через несколько секунд оказался по ту сторону.

Там было темно, словно в подвале. Оторвав полоску ткани от подола рубашки и запалив ее при помощи магии, я увидел, что нахожусь в вырубленном в камне туннеле. Судя по всему, этой каменной трубой пользовались очень давно. Если вообще пользовались. Потолок туннеля был достаточно высок, и я мог стоять выпрямившись. Однако шириной каменный проход не отличался. Мои плечи — не очень широкие, надо сказать, — едва не касались его стен. Из трещины в камне торчал факел. Я его зажег и бросил почти догоревшую тряпичку.

Через несколько секунд из того, что казалось твердым камнем, возник Ааз, следом за ним, тяжело дыша, появилась Гленда. Не успела Гленда отползти в сторону, как из стены вылезла Танда.

— Туннель прикрыт защитным экраном, — объявила она. — Экран поставили очень давно, не исключено, что он старше самого замка.

— Впечатляет, — просипела сидящая на каменном полу Гленда. — И как ты, Скив, догадался, что в стене есть дыра?

Я молча достал карту, развернул и, подняв факел повыше, принял ее изучать.

— Ах да. Понимаю, — кивнула Гленда, увидев в моих руках пергамент.

Танда и Ааз склонились над листком.

Карта снова изменилась. Теперь в самом ее центре находился туннель, а золотая корова переместилась в другое место. На сей раз это жвачное пребывало в обеденном зале десятью этажами выше. Я не верил своим глазам.

Из карты следовало, что нам надо идти по туннелю до упора, а затем подняться по лестнице в помещение, именуемое «Морг».

— Похоже, у нас нет выбора, — заметил Ааз, глядя на карту. Этим он хотел сказать, что карта не показывала пути обратно в камеру.

Я подошел к стене и прикоснулся к тому месту, из которого мы только что выползли. Под рукой оказался сплошной камень. Ну и жуть!

— Боюсь, нам придется гоняться за этой коровой, пока мы не найдем выход, — сказал Ааз.

— Можно еще раз попытаться отнять у карты магические свойства, — заметил я.

— Ни в коем случае! — возразила Танда. — Магия карты нам может еще понадобиться, чтобы найти выход из какого-нибудь замкнутого пространства.

— Она права, — подхватила Гленда. — Не исключено, что этот туннель создан магическими свойствами карты. Если мы лишим ее этих свойств, туннель может превратиться в сплошной камень.

Я посмотрел на карту, потом на Гленду. Если она права, то, убив магию карты, мы рискуем остаться на веки веков замурованными в камень. О подобной перспективе даже думать было противно.

— Что ж, пойдем магическим путем, — со вздохом произнес Ааз.

Я свернул карту, сунул ее в сумку, взял со стены факел и поднял его перед собой, чтобы лучше видеть, куда ставить ногу.

Совершив сей героический поступок, я двинулся по туннелю, такому древнему — или такому магическому, — что казалось, будто в нем никогда не бывало ни людей, ни демонов.

Туннель довольно круто поднимался вверх, напоминая подъездной пандус. Я шагал неторопливо, с каждым шагом проверяя, насколько тверда почва под ногами. После того как мы пролезли сквозь скалу, я перестал доверять своим глазам.

Пройдя шагов сто, я оглянулся.

Танда шла следом за мной. За ней двигался Ааз. Последней тащилась Гленда. Она успевала за нами только потому, что я ступал чрезвычайно медленно и осторожно.

Я не испытывал к ней ни малейшей жалости. Она бросила меня умирать и сама же влипла в эту ужасную историю. Без нас у нее не было никаких шансов бежать из заключения. Что касается меня, то мне было совершенно безразлично, потащится ли она за нами или отстанет и будет умирать в одиночку.

Я шел, осторожно передвигая ноги, до тех пор, пока не добрался до стены, в которую упирался туннель. В стене были вырублены каменные ступени, заканчивающиеся очень узким лазом.

— Ты сможешь протиснуться? — спросил я Ааза, показывая на дыру.

— А что, есть другие варианты?

— Боюсь, что нет, — ответил я, передавая ему факел, и добавил: — Я пролезу первым, потом ты мне его вернешь.

Пока мой наставник не успел высказать очередное мало-приятное замечание, я начал подъем.

Отверстие в потолке туннеля было достаточно широким, чтобы я, лишь слегка касаясь плечами стен, мог через него пролезть. Протискиваться мне не пришлось. Однако Аазу, видимо, придется попотеть.

Сразу за дырой проход снова расширялся. Я сунул руку в дыру, и Ааз вложил мне в ладонь рукоятку факела. Обжечься я не успел.

Подняв факел, я увидел над собой лестницу. Лестница уходила вверх на расстояние в двадцать моих ростов и заканчивалась, как мне казалось, у деревянной крышки люка.

— Следующей посытай Танду, — шепнул я стоявшему подо мной Аазу. — Она сможет проверить, есть ли кто-нибудь в помещении над нами.

— Отличная мысль, — сказала Танда, выбираясь из лаза (я тем временем поднялся чуть выше). — В данный момент там никого нет, — добавила она, внимательно поглядев на закрытую крышку люка.

— Вот и хорошо, — кивнул я.

— Ты идешь следующей, — произнес где-то внизу невидимый мне Ааз, обращаясь к Гленде.

— Ни за что! — услышал я ее ответ. — Если ты застрянем в этой дыре, Танда станет тянуть тебя на себя, а я буду толкать снизу.

Ответа Ааза я не слышал, но уже через мгновение его зеленая чешуйчатая башка возникла из дыры.

— Не так, — сказал Танда. — Вытяни обе руки над головой.

Ааз скрылся в отверстии, и через секунду из дыры высунулись его руки, а затем появилась и голова. Мне казалось, что его плечи ни за что не пролезут в отверстие.

Танда встала потверже, взяла его за руки и спросила:

— Гленда, ты готова его толкать?

— Готова, — ответила Гленда. Голос ее прозвучал глухо, так как Ааз заткнул собой дыру.

— Поехали! — крикнула Танда и потянула Ааза за руки. Ааз всеми силами помогал ей, а снизу его толкала Гленда.

В конце концов ему удалось чуть вылезти, порвав рубашку и потеряв несколько зеленых чешуек.

Танда отпустила его руки и поднялась ко мне.

Плечи Ааза уже прошли через лаз, но выбираться выше он почему-то не стал.

— Гленда, — сказал он, — хватайся за мою ногу, и я вытяну тебя наверх.

— Полагаю, что справлюсь сама, — ответила Гленда.

— Хватайся и не спорь! — рявкнул Ааз.

Я смотрел сверху вниз на голову своего наставника. Чешуйчатый старец все же дал слабину. Я всегда подозревал, что у него есть слабые места, хотя проявлялись они крайне редко. Или вернее будет сказать — не проявлялись вовсе.

Пока Ааз помогал Гленде подниматься по каменным ступеням, мы с Тандой добрались до люка.

Поскольку Ааз не научил меня заклинанию, позволяющему узнать, что происходит за закрытой дверью, за стеной или, как в данном случае, за полом, в дело вступила Танда.

— Все по-прежнему чисто? — спросил я.

— Чище не бывает, — ответила она.

Я поднял руки над головой и начал медленно приподнимать крышку люка.

Вначале она со скрипом пошла вверх, но потом остановилась, словно ее что-то удерживало. Я не сразу понял, что это ковер, и ковер очень старый.

Я нажал сильнее, ковер приподнялся и соскользнул в сторону. Можно было лезть выше.

Высунувшись наполовину из люка, я поднял факел и осмотрел комнату.

Танда была права. В помещении никого не было. Там находилось лишь несколько столов, а слева в стене я увидел дверь.

Однако, выбравшись полностью из люка и поднявшись, я понял, что и я, и Танда ошиблись.

В комнате не было ни одного живого человека. Но покойников там было сколько душе угодно.

Ими были заполнены все столы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Из этого донжона обязательно должен быть выход.

Граф Монте-Кристо

И снова я повстречался с незнакомым мне явлением.

Прежде мне еще не доводилось бывать в комнате, заполненной мертвецами. Возможно, мне просто не везло.

И это были не какие-нибудь там мертвые люди, а люди, из которых прошлой ночью высосали жизнь. Покойников было штук пятнадцать—двадцать, все они были обнажены, и на шее у каждого виднелись следы укусов. Жмурики лежали на спине, уставившись в потолок пустыми глазами.

Я замер, высоко подняв факел и не испытывая никакого желания двигаться, пока мои спутники не составят мне компанию.

Я не боялся, что мертвецы мне что-нибудь сделают, — не настолько я суеверен. Меня просто беспокоила мысль, что я могу совершить опрометчивый шаг. Во всяком случае, я пытался себя в этом убедить.

— Кажется, тебе крупно повезло, — сказал Ааз, помогая Гленде выбраться из люка. — Ты сумела пережить эту ночь.

— Похоже на то, — ответила она, тяжело опершись на стол, на котором покоился какой-то мертвый парень. Парень был точной копией бармена из заведения, именуемого «У Одра».

Мне уже начинало казаться, что большинство мужчин в этом измерении как две капли воды похожи друг на друга.

— Получается, что они убивают свою пищу, обрекая себя на бескормицу? — недоуменно спросила Танда.

— Думаю, большинство коров так не поступают, — ответил Ааз. — Но мы находимся в королевском замке, а на элитный скот правила не распространяются.

— Потрясающе! — вступил я в беседу. — Таким образом, мы оказались в обществе смертоносных коров-вампиров, одна из которых, по слухам, дает золотое молоко.

— Странное местечко, верно? — с глубокомысленным видом заметил Ааз.

— Я это только что и сказал.

— Надо поправить ковер и закрыть люк, — решительно произнесла Танда. — Для того, чтобы по возможности замести следы.

Передав Танде факел, я вместе с Аазом приступил к работе, и через несколько секунд комната оказалась точно такой, какой была до нашего появления.

— Ну а теперь куда? — спросила Гленда.

Я достал карту, развернул и поднес к свету, чтобы Ааз и Танда могли ее видеть.

Морт — комната, в которой мы находились, — теперь был в самом центре карты, а золотая корова перебралась на кухню. Наш путь из морга проходил не через обычную дверь, а через стенную панель в самой глубине комнаты. Если верить карте, то панель вела в потайной ход, протянувшийся по всему замку.

— Знаете, — сказал я, — следуя этим потайным ходом, мы будем все дальше и дальше углубляться в замок и удаляться от выхода.

— Похоже на то, — согласился Ааз, глядя на карту.

— Но ты же понимаешь, Ааз, что это не имеет никакого значения, — заметила Гленда. — Неужели ты не можешь сказать своему ученику правду?

Мы посмотрели на нее, а она по-прежнему стояла, опершись на стол, декорированный обнаженным трупом.

— Как прикажешь тебя понимать? — спросил Ааз, кото-рому тон Гленды явно пришелся не по душе.

— Очень просто. Мы не сможем выйти из замка, не выиграв игру, предложенную нам этой картой. А для выигрыша нам надо поймать золотую корову, которая, видимо, правит всем этим измерением. Вывести нас отсюда может только золотая корова, и тебе это прекрасно известно.

В этот момент я понял, что чрезмерная потеря крови повлияла на ее умственные способности. Мне хотелось лишь одного — как можно скорее убежать или улететь из этого замка, чтобы тут же, не теряя ни секунды, скакнуть в другое измерение.

— Неужели? — сказал я с ядовитой улыбкой. — Это же чистое безумие — охотиться за золотой коровой, которая стоит во главе огромного стада вампиров. Даже хуже, чем безумие. Это — настоящее самоубийство. Мы кончим так же, как фурраж, который валяется на столах. Гленда, ты нуждаешься в длительном отдыхе.

Все остальные промолчали.

Гленда продолжала смотреть на меня, а я вдруг понял, что ни Ааз, ни Танда не подхватили мою версию о ее безумии.

Я перевел взгляд на своего наставника, лицо которого почему-то приняло баранье выражение.

— Гленда права, — сказал Ааз. — Нам здесь противостоит такая магия, что без помощи карты нам отсюда ни за что не выбраться.

Я вопросительно глянул на Танду.

— Они оба правы, — улыбнулась она. — Даже с помощью Гленды мне лишь с большим трудом удается удерживать защитный экран. Окружающие нас магические силы настолько сильны, что без поддержки свыше нам не выстоять. А карта ведет нас к источнику этой поддержки.

В этот момент я понял, что могу уже считать себя покойником — не хуже, чем все эти ребята на столах. У меня просто не хватило ума, чтобы улечься рядом с ними и перестать дышать. Я еще раз посмотрел на своего наставника, пожал плечами и, придав своему лицу выражение посмертной маски, сказал:

— В таком случае пошли, пока сюда не явились парни с лопатами, чтобы помешать нашей охоте за сокровищами до того, как она началась.

Бросив взгляд на карту, я сложил ее, сунул в сумку и мимо столов с покойниками двинулся к дальней стене морга. Проходя мимо жмуриков, я хотел им сказать, чтобы они не беспокоились, что я обязательно к ним вернусь, и было бы очень хорошо, если бы они зарезервировали для меня столик. Однако промолчал, решив держать свои мрачные мысли при себе.

Всю дальнюю стену морга занимал большой стеклянный шкаф с медицинскими приборами и препаратами, и никакой секретной панели я не увидел. Если верить карте, панель находилась как раз за шкафом. Я взялся за край огромного сооружения, потянул, и оно легко и бесшумно отошло от стены, открывая очередной потайной ход.

Оглянувшись на Танду, Ааза и Гленду, внимательно следивших за моими действиями, я бросил:

— Давайте факел и следуйте за мной. Сверимся с картой, когда окажемся внутри. И не забудьте закрыть за собой шкаф!

Мне было приятно ощущать себя вожаком, хотя вел я всех вовсе не туда, куда мне хотелось. Кроме того, я первым могу оказаться не там, где надо, и в результате погибнуть раньше их. Да, жизнь вождя имеет свои — и весьма серьезные — недостатки.

Танда передала мне факел, я скользнул в проход за шкафом. Проход был ничуть не уже дворцовых коридоров в Поссилтуме. Стены в нем были деревянные, хотя попадались и каменные участки. В отличие от вырубленного в скале туннеля под моргом этим путем, судя по виду, пользовались довольно часто. Пройдя шагов десять, я остановился. Шедший последним Ааз вернулся на место шкафа и знаком показал, что готов следовать за нами.

Меня очень занимал вопрос, сможем ли мы в случае необходимости вернуться этим путем назад, но я не стал просить Ааза это проверить. Не стал просить только потому, что боялся получить отрицательный ответ.

Примерно через сто шагов потайной ход раздваивался. Один вел направо и слегка наверх, другой шел прямо — во всяком случае, до того места, куда достигал свет факела.

Танда находилась за моей спиной, поэтому я отдал ей факел, а сам достал карту. Она снова изменилась, теперь ее

центром был перекресток, на котором мы стояли. Карта требовала, чтобы мы шли направо. И вверх.

Я вспомнил, как стоял перед этим замком и глазел. Столь огромного здания я никогда раньше не видел. Теперь же, если следовать карте — а Ааз и Танда этого определенно хотели, — мы можем оказаться на самом верху дворца. Меня утешало лишь то, что, когда из меня будут высасывать кровь, передо мной откроется прекрасный ландшафт.

Проход поднимался и поднимался. Иногда это были ступени, иногда просто пандус. Он поворачивал направо. Затем через двадцать шагов снова направо. Создавалось впечатление, что он идет в обход какого-то зала.

Закручиваясь широкой спиралью, тайный ход вел нас все выше и выше. Уже через двадцать минут я полностью потерял ориентацию в пространстве и не имел ни малейшего представления, в какой части замка мы находимся. Я знал лишь то, что мы покрыли немалое расстояние.

Коридор закончился певысокой лестницей.

Я остановился и подождал Танду. Позади, примерно в десяти шагах от нее, шли Ааз и Гленда, и меня удивляло то внимание, которое уделял мой наставник предавшей его женщины. Ясно, что ему от нее что-то нужно, но вот что именно? А поскольку он не отходил от изменницы, спросить я не мог.

Когда они приблизились к нам, Гленда тяжело опустилась на пол, а я достал карту.

Карта показывала, что потайной ход заканчивается в том месте, где мы сейчас стоим, и прямо передо мной, если верить карте, должна была находиться дверь, ведущая в огромный бальный зал.

Я посмотрел на стену перед собой. Никакой двери там, естественно, не было, но я волноваться не стал, решив, что она появится тогда, когда будет нужно.

Вернувшись к изучению карты, я увидел, что нам предстоило пройти через зал и в дальнем его конце отыскать панель, закрывающую вход в очередной потайной коридор. Судя по карте, золотая корова теперь пребывала в тронном зале, расположенном на несколько этажей выше.

— Похоже, нам в первый раз придется показаться на открытом пространстве, — заметил Ааз, изучив карту.

— Сейчас там никого нет, — сказала Танда.

— В таком случае нужно действовать как можно быстрее, — заключил я, складывая пергамент.

— Держи карту под рукой, — велел Ааз. — Когда окажемся в бальном зале, нам придется снова к ней обратиться.

— Естественно, — ответил я с таким видом, словно и сам знал, хотя такая мысль мне даже в голову не пришла.

— Ты еще можешь идти, Гленда? — спросил Ааз.

Гленда кивнула и, с трудом поднявшись на ноги, привалилась к стене.

— Я могу идти столько, сколько надо, — ответила она.

— Тогда — вперед! — бросил Ааз.

Факел был у Танды, поэтому я подошел к стене и надавил на то место, где, согласно карте, должна была находиться дверь, ведущая в зал.

В стене, как я и ожидал, разверзся проход.

Я шагнул в него и ничего не увидел. В первый момент я даже подумал, что карта врет, но затем догадался, что потайной вход закрыт огромным гобеленом.

Я нырнул направо под ткань и довольно быстро вырвался на свободу, Танда с факелом в руке последовала за мной.

Однако в искусственном освещении в данный⁴ момент необходимости не было. В зале вдоль одной из стен шел ряд огромных, высотой в два этажа, окон, через которые лился солнечный свет. Холмы на горизонте казались мне старинными, манящими к себе друзьями. Судя по высоте солнца, до заката оставалось около часа, и нам следовало поторопиться, если мы не хотели встретиться с золотым вампиром, в которого к ночи превратится золотая корова.

— Вот это да! — восхитилась Танда, рассматривая инкрустированные золотом стенные панели и золоченый потолок зала. Пол в зале был сложен из полированных каменных плит с золотыми прожилками.

Даже в самых невероятных снах мне не приходилось бывать в залах подобной красоты и великолепия.

Ааз и Гленда остановились рядом с нами и принялись глазеть по сторонам.

Я был готов поспорить с кем угодно, что этот зал мог одновременно вместить не менее пятисот человек.

— Я помню, что была здесь прошлой ночью, — едва слышно прошептала Гленда.

Я содрогнулся, представив ее в этом огромном зале в окружении голых вампиров, жующих ее шею.

— В таком случае не будем ждать, когда заиграет оркестр, — сказал я, развернул карту и посмотрел на нее.

Карта снова изменилась. Видимо, она менялась каждый раз, когда мы проходили через потайную дверь.

Выход из зала теперь находился не у дальней стены, а за похожим на сцену возвышением, расположенным напротив окон.

— Сюда, — сказал я, направляясь к небольшой лестнице, ведущей на массивный деревянный подиум. На дальней стороне сцены не оказалось ничего, кроме решетки из деревянных досок.

Бросив сице один взгляд на карту, которую я по-прежнему держал в руке, я направился туда, где должен был быть проход. Карту я благоразумно засунул обратно в сумку.

После нескольких неудачных попыток я нашел слабо закрепленные доски и, раздвинув их в стороны, шагнул в очередной затемненный переход. Танда проследовала за мной, держа факел таким образом, чтобы я мог видеть, куда ставлю ногу.

Я застыл как вкопанный, так потрясла меня открывшаяся перед нами картина.

— Чтоб мне всю жизнь могилы копать! — воскликнула Танда.

Перед нами оказался вовсе не потайной ход, а обширный зал с низким потолком. Весь зал был уставлен рядами многоярусных полок, и на всех этих полках теснились, не оставляя свободного места, черепа.

Черепа коров. Тысячи и тысячи белых черепов пялились на нас пустыми глазницами.

Шедший последним Ааз, вернув на место доски, присоединился к нам, и я был рад, что его реакция на увиденное ничем не отличалась от моей. Я всегда бывал очень доволен, когда мой наставник испытывал потрясение.

— Кто-нибудь может мне объяснить, что все это значит? — спросила Гленда, и ее голос эхом прокатился по похоронному залу.

— Возможно, это представители многих поколений королевской семьи? — предположил Ааз и тут же добавил, указывая на череп, украшенный ожерельями из драгоценных камней: — Посмотрите-ка сюда. Это скорее всего основатель династии.

Не исключено, что он был прав. Кроме того, помещение было до краев наполнено магической энергией.

— Ты ничего не чувствуешь? — спросил я у Танды.

— Магические силы, — ответила она.

— Неужели здесь находится энергетический центр? Фокус, в котором сливаются потоки? — изумился Ааз.

— Похоже на то, — кивнула Танда. — В то же время нельзя исключать, что черепа способны усиливать магическое поле и превращать магическую энергию в нечто иное.

В этот момент я с огромным удивлением обнаружил, что двигаюсь в сторону ближайшей полки с черепами. Прикоснувшись к белой холодной кости, я ощутил, что она действительно излучает энергию, но вовсе не ту, обращению с которой учил меня Ааз. Эта была совсем иная сила, и использовали ее не в магических целях.

— Энергия вампиризма, — сообщил я.

Танда и Гленда, подойдя ко мне, неуверенно прикоснулись к черепу.

— Он прав, — сказала Танда. — Эти черепа поглощают магическую энергию и преобразуют ее в ту силу, которая нужна коровам для превращения в вампиров.

— Ты что, надо мной смеешься? — возмутился Ааз.

— И вовсе нет, — вступилась за Танду Гленда. Обведя рукой ряды черепов, она добавила: — Перед вами источник, превращающий жвачных животных в вампиров.

— И похоже, поток энергии усиливается, — тревожно сказала Танда.

— Солнце садится, — пояснил я, — нам надо как можно скорее отсюда уходить.

Я развернул карту, чтобы выяснить наш дальнейший путь. Нужная дверь, как водится, оказалась в противоположной стене помещения. И за этой дверью находилось нечто такое,

что совсем не должно было там находиться. Все получилось слишком легко и быстро.

За дверью была... ЗОЛОТАЯ КОРОВА. До сокровища, которое мы столь долго искали, оставался только шаг. Лишь одна дверь отделяла нас от комнаты, именуемой «Лужайка».

— Посмотрите, — сказал я, расстилая карту так, чтобы все могли видеть. — И что же теперь делать?

Ааз взглянул на карту и обнажил в улыбке острые зубы.

— Мы возьмем в заложники их вождя и освободим его в обмен на нашу свободу.

— Отличный план, — заметила Танда.

— Интересно, почему я не думал, что все окажется так легко? — спросил я.

— Да потому что, как правило, все оказывается сложнее, чем ты рассчитывалась, — ответила Гленда.

Поток энергии вокруг меня усилился, черепа начали издавать едва слышное низкое гудение.

— В любом случае, — сказала Танда, — отсюда нам надо убираться как можно скорее.

Сунув карту в сумку и плотно закрыв ладонями уши, я двинулся между тысячами гудящих коровьих черепов к поганой двери в дальней стене королевского склепа.

К тому времени, когда я до нее добрался, мой собственный череп уже раскалывался от мощного гудения пустоглазых останков.

Дверь, как я и предполагал, легко открылась, и, шагнув через порог, я в тот же миг оказался на толстом ковре из великолепной травы. Танда, Гленда и Ааз вошли следом, и мой наставник плотно прикрыл за собой дверь. Как только он это сделал, сводящий меня с ума гул прекратился.

Передо мной открылась совершенно удивительная картина. Картина эта была настолько невероятной, что я не верил своим глазам.

На противоположной стороне лужайки какой-то парень, развалившись в шезлонге, читал газету.

Если бы на нем был белый фартук, то он был бы вылитым барменом из забегаловки «У Одра». Через гигантские окна комнату заливали лучи заходящего солнца, холмы за окнами казались розовыми, золотыми и красными.

Я огляделся. Если не обращать внимания на полосу зеленой травы, на которой мы стояли, помещение походило на хороший гостиничный номер с большой постелью, кухонной нишей в одной стене и с дверью в ванную — в другой.

Постоялец этого номера расположился в гостевой, если так можно выразиться, части помещения. Но гостей здесь, видимо, не принимали, так как, помимо шезлонга, в комнате имелся только один стул.

Он взглянул на нас и потряс головой, словно не веря своим глазам. Затем, снова посмотрев на нас — на сей раз более внимательно, — он вскочил с шезлонга с выражением неподдельного счастья на физиономии.

— Великие небеса! — вскричал парень. — Наконец-то вы пришли!!!

— По-моему, он рад нашему появлению, — прошептала Танда.

Обитатель гостиничного номера направился к нам, сияя такой широкой улыбкой, что я испугался, не лопнут ли у него щеки.

— Входите, друзья, входите, — сказал он, жестом приглашая нас в ту часть помещения, где стоял стул. — Не бойтесь ничего. Я так счастлив вашему прибытию!

— Неужели? — спросил Ааз.

— Да, очень, — со смехом ответил наш хозяин. — Не могу поверить, что карта наконец привела сюда тех, кто способен меня спасти!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Не всегда и не на все можно держать пари.

М. Джаггер

Xозянин провел нас с лужайки в то, что, вне всяких сомнений, было его домом.

— Прошу прощения за беспорядок, — сказал незнакомец и принялся собирать разбросанные повсюду книги, блокноты

и тарелки. Тарелки он поспешил сунуть в мойку. Нам пока оставалось только наблюдать за его действиями.

— Меня зовут Харольд. Извините, что не могу предложить вам стулья.

Выглядел он действительно как типичный Харольд.

Это имя очень шло ему, как и всем остальным парням, которых мы встречали в закусочных на Коро-Бау. Харольд притащил кухонный табурет, сел на него и жестом пригласил нас занять единственный стул и шезлонг.

Мне стало ясно, что он никогда не принимал гостей, способных сидеть. Мы же были настолько потрясены, что наши реакции едва ли возможно было описать словами. В том, что моя реакция не поддавалась описанию, я был абсолютно уверен.

Я строил разные предположения, что может находиться в Комнате сокровищ, но о том, что мы встретим какого-то парня по имени Харольд, я уж точно не думал.

Да и как могла мне прийти в голову мысль, что карту нам подсунул жаждущий какого-то мистического спасения человек?

Гленда приняла его предложение и, тяжело вздохнув, с трудом опустилась в шезлонг.

— Неужели вас прошлой ночью схватили? — тревожно глядя на нее, спросил Харольд.

— Да, — ответила Гленда.

Харольд, похоже, искренне огорчился.

— Весьма сожалею, — произнес он. — Вам очень повезло, что вы сумели пережить ночь.

— Мы видели комнату, заваленную менее удачливыми людьми, — сказал Ааз.

Мне показалось, что бедняга Харольд вот-вот хлопнется в обморок.

— Это я во всем виноват, — пролепетал он, заламывая руки и тряся головой. — Это моя вина.

— Ладно-ладно, — успокоительно произнес Ааз. — Не могли бы вы объяснить нам, что здесь происходит?

— Лучше всего начать с самого начала, — вставил я, прислонясь к кухонной стойке.

С того места, где я стоял, были видны боковая стена комнаты и два окна высотой в пару этажей. На долину за окнами уже опустилась тень, но солнце еще стояло над вершинами гор, и его лучи по-прежнему играли на зеленой траве.

Если это и была тюрьма, то такой милой камеры мне видеть не приходилось.

— Еще раз прошу меня извинить, — кивнул Харольд. — Я настолько потрясен вашим появлением и тем, что карта сработала, что совсем забыл о правилах хорошего тона.

— Итак, с самого начала, — напомнил Ааз.

— И, умоляю, во всех подробностях, — сказала Танда. — Сейчас перед вами находятся четыре человека, которые вообще перестали понимать что-либо.

— Хорошо, — ответил Харольд и снова кивнул, да так, что мне показалось, будто его голова сидит на пружинке. Он взглянул в окно и глубоко вздохнул: — Рассказ будет долгим, а в нашем распоряжении не более получаса. Мне придется продолжить повествование завтра утром.

— Мы не возражаем, — сказал Ааз и, чтобы окончательно успокоить Харольда, растянул свою чешуйчатую физиономию в обворожительной улыбке. — Начинайте, а завтра продолжим.

Харольд принялся кивать как заведенный. Его голова ходила вверх-вниз с такой скоростью, что у парня обязательно должна была заболеть шея.

— Итак, вы находитесь в здании, которое много столетий назад именовалось Замком графа Жвачника.

Я был не единственный, кто, услыхав эти слова, фыркнул. Танда, как мне показалось, тоже захихикала. Что касается Ааза, то он, пытаясь сдержать смех, принялся трясти головой. Глядя на своего наставника, я громко расхохотался. Но Харольд, по счастью, был так увлечен поиском нужных слов, что ничего не заметил.

— Как следует из исторических хроник, особи типа Жвачника и наш народ долгое время существовали бок о бок в состоянии неустойчивого равновесия, — продолжил Харольд, набирая темп. — Они пили нашу кровь, а мы их убивали,

когда находили. Все было сбалансировано. Легенда гласит, что Жвачник — древний и многоопытный вампир — явился на это место и захватил его. Он поработил Доннер-Веттер и соорудил замок.

Харольд помахал руками — видимо, для того, чтобы мы сообразили, в каком замке находимся.

— Затем граф Жвачник повел своих сатрапов на людей, используя ту магическую силу, которую излучает замок. За несколько столетий ему удалось захватить всю планету и поставить людской род на грань полного уничтожения.

Харольд посмотрел в окно. Солнце уже цеплялось за вершины гор. Близился закат.

— Помимо людей, подручные графа Жвачника смели с лица планеты всех теплокровных животных, и сделали они это, как вы понимаете, в своем обычном кровожадном ключе. И вот настал момент, когда им стало не хватать крови.

Только сейчас я сообразил, что мы действительно не видели на Коро-Бау никаких животных, кроме коров и лошадей. Ни собак, ни свиней, ни оленей. Здесь водились лишь коровы, лошади и люди.

— Позвольте задать один маленький вопрос, — попросил я, и Харольд согласно кивнул, не отрывая глаз от окна. — Вы сказали, что пособники Жвачника в то время еще не были коровами, а были людьми, но с вампирскими замашками?

— Да, — ответил Харольд. — Старинные легенды гласят, что вампиры когда-то, в далекой древности, произошли от нас, но точно никто этого не знает.

— В других измерениях это было именно так, и вряд ли Коро-Бау явилось в этом отношении исключением.

— О других измерениях я тоже слышал, — согласился Харольд.

— Итак, что же произошло дальше? — спросил я.

— Граф Жвачник, который вовсе не был глупцом, понял, что надо принимать какие-то меры, иначе простые люди исчезнут с лица планеты. А к этому времени люди остались единственной пищей вампиров.

— Разумно, — согласилась Танда. — Отсутствие пищи означает неизбежную гибель.

— Именно, — сказал Харольд. — Поэтому Жвачник заключил договор с остатками людей о том, что вампиры будут питаться ими лишь в полнолуния, а на все остальное время оставят их в покое.

— И ваши люди согласились? — спросила Гленда изумленно, что полностью отражало и мое состояние.

— Боюсь, что у моих предков не было выбора, — ответил Харольд. — Используя могущественные магические силы этой земли, граф Жвачник наложил заклятие на людей, а затем, прибегнув к еще более мощному заклинанию, превратил всех своих adeptов в коров.

— Так почему ваш народ не истребил их всех, пока они находились в коровьей ипостаси? — спросил Ааз. — Ведь это так просто.

— Только на первый взгляд, — сказал Харольд. — Забить жвачных было бы несложно, если бы не заклинание, не позволяющее нам так поступить. Это колдовство ничего не позволяет нам делать, кроме как готовить себя к столпотворению. И вот уже в течение многих столетий мы в полнолуние толпой выходим на съедение. — Печально покачав головой, Харольд продолжил: — Люди Жвачника превратились в благопристойных коров, которые лишь в полнолуние становятся вампирами, чтобы устраивать оргии и пить нашу кровь. Что касается нас, то мы превратились в пищевой продукт для своих парнокопытных хозяев. Ни на какие великие (впрочем, как и малые) дела мы не способны. Мы сумели выжить — и все.

Харольд посмотрел в окно. Солнце уже было готово исчезнуть за вершинами гор.

— Следуйте за мной, и побыстрее, — сказал он, направляясь в сторону ванной.

— В чем дело? — поинтересовалась Танда.

— На ночь я превращусь в корову, а вампиры заполнят замок, чтобы подкрепиться. Если вы не укроетесь в помещении с мощным магическим экраном, они вас найдут и убьют.

Харольд провел нас в ванную комнату, открыл настенный шкафчик, нажал в нем какую-то кнопку и отступил, когда стена за унитазом отошла в сторону.

— Это самое защищенное помещение во всем замке, — сказал он. — Оставайтесь здесь до тех пор, пока я не открою дверь. Ни при каких обстоятельствах отсюда не выходите. Вы меня понимаете?

— Понимаем, — ответил Ааз.

Я первым вошел в закрытое для магии помещение. Гленда и Танда последовали за мной. Ааз, чуть задержавшись, перекинулся парой слов с Харольдом и вошел следом за нами.

За ванной комнатой оказался вырубленный в скале зал. Камень стен был весь пронизан золотыми прожилками. В зале было тепло, а золото стен слегка светилось, создавая приятный полумрак. Все помещение было заполнено древними манускриптами и свитками, антикварными столами, креслами и прочими предметами мебели. Такого количества старья в одном месте я никогда раньше не видел. Когда мы все оказались в комнате, Харольд, не говоря ни слова, задвинул панель.

— Даже доброй ночи не пожелал, — буркнула Танда, а Гленда молча направилась к стоявшей у стены антикварной кровати.

— Я вздремну, если не возражаете. — Она улеглась на древнее ложе и смежила веки.

— Отличная мысль, — произнес Ааз, взглянув на меня, извлек на свет добытый им шнур с золотой нитью и приложил палец к губам, призывая всех нас хранить тишину. Взяв одеяло с другой античной кровати, он подошел к Гленде: — Позволь мне тебя укрыть. Ночью здесь может быть прохладно.

— Спасибо, — сонно пробормотала Гленда.

Ааз склонился над ней и знаком пригласил Танду и меня подойти ближе. Я понятия не имел, что задумал мой наставник.

Ааз укрыл Гленду одеялом и мгновенно набросил на нее шнур. Это было сделано настолько ловко, что Гленда ничего не почувствовала. Он опять же знаком велел мне достать свободный конец шнура, который свалился на пол за кроватью. Я встал на колени и сделал так, как он приказал. Ааз сделал вид, что заправляет под ней одеяло. Затем он одним движением затянул шнур, связал концы в узел и отступил от кровати. Мы с Тандой сделали то же самое.

Я не понимал, как всего один виток шнурка сможет удержать Гленду. Более того, я не имел ни малейшего представления, зачем нужны эти сложные манипуляции.

Но Ааз явно знал нечто такое, что мне было неведомо, и в этом не было ничего удивительного.

Гленда начала двигаться взад-вперед, взад-вперед, пытаясь освободиться от уз, но золотой шнур, удерживающий ее, даже не натянулся сильнее. Она открыла глаза, и такого ужаса во взгляде мне никогда еще видеть не приходилось.

— Что происходит? — прошептал я.

Ааз знаком приказал мне молчать, а Гленда открыла рот в беззвучном крике. Ее спина изогнулась дугой и в такой необычной позе девица пробыла не меньше минуты. Это была самая долгая минута в моей жизни.

Я не мог оторвать от нее глаз, ужас на ее лице потряс меня. Но вот эта бесконечная минута прошла, и все закончилось. Гленда плюхнулась на спину, закрыла глаза и захрапела. Ааз махнул мне рукой, и мы двинулись через комнату, лави-руя между книгами, рукописями и древней рухлядью.

— Ну и что же произошло? — спросила Танда за мгновение до меня.

— Харольд дал мне шнур, который не позволил сей стать вампиrom, — ответил Ааз. — Прошлой ночью они оставили ее в живых только потому, что она им очень понравилась.

— Так вот почему тела Гленды не оказалось в морге среди остальных покойников, — сказал я.

— Именно. Они хотели превратить ее в вампира. Сделать своей.

— Так, значит, теперь она не станет вампиром? — спросил я, оглядываясь на кровать, на которой хрюпала Гленда.

— Кто знает, — пожал плечами Ааз. — Шнурок мы, во всяком случае, снимем только утром.

— А как насчет следующих двух ночей? — поинтересовалась Танда.

— Посмотрим, — засмеялся Ааз.

Будь моя воля, я не снимал бы с нее веревки целый месяц. Что касается Гленды, мой девиз был предельно прост: «Лучше сейчас перестараться, чем потом сожалеть». Врагу

своему не пожелал бы провести ночь среди обломков древней культуры, со страхом ожидая, что вот-вот твою кровь высосут ставшие вампирами коровы.

Помещение, в котором мы оказались, было довольно обширным и имело потолок в виде купола. Повсюду стояли стеллажи с древними манускриптами, перемежающиеся группами антикварной мебели. В отличие от Ааза и Танды я не был книжным червем, интересующимся всякими допотопными писаниями. Все эти манускрипты и свитки были покрыты пылью, и их было противно взять в руки. Потерев пару ветхих книг, похожих на поваренные, и решив, что готовиться в кулинары не буду, я отправился в другое крыло зала, где нашел прелестную древнюю кроватку. Почти очистив ее от пыли, я огляделся и завалился спать.

Сон не приходил. Танда и Ааз о чем-то шептались, а я сам был слишком возбужден дневными событиями, чтобы уснуть. Перед моим мысленным взором бесконечной чередой проходили коровы, вампиры и заваленные трупами столы в морге. Поняв, что уснуть не удастся, я повернулся на спину и принялся пялиться в потолок.

Так я мучился примерно час, то закрывая глаза в безуспешных попытках уснуть, то открывая снова. Открыв в очередной раз глаза, я вдруг понял, что смотрю на нечто весьма любопытное. На гладком каменном потолке я обнаружил очень древний рисунок. Покрытый пылью веков, он был почти невидим в неярком свечении позолоченных стен.

Но рисунок там точно был, и чем дольше я в него вглядывался, тем лучше осознавал, что в комнате нет ничего более важного, чем этот рисунок кисти древнего художника.

Это был план замка. Но на плане замок был изображен не в его теперешнем виде, а таким, каким он был во времена графа Жвачника. Я напряг зрение и разглядел довольно четкие очертания строения. Я нашел жилище Харольда, которое в свое время было личными покоями графа Жвачника. Помещение, в котором мы находились, когда-то служило библиотекой, а комната с коровьими черепами значилась под названием «Королевское хранилище».

Но наибольший интерес для нас представлял коридор, ведущий из «библиотеки» вниз, в глубину горы, туда, где

находился энергетический центр замка. Центр был укрыт огромным куполом, что я тоже посчитал весьма интересным.

Примерно через час я уже хорошо запомнил расположение главных пунктов на плане, включая потайные выходы из замка. Оставалось надеяться, что коровам-вампирам об этой древней карте ничего не известно.

Я поднялся с антикварной кровати и подошел к антикварному столу, за которым потели над антикварными манускриптами Ааз и Танда.

Обвязанная золотым шнуром Гленда тихо посапывала на своем ложе.

— Хорошо вздремнул? — поинтересовался Ааз.

— Не столько хорошо, сколько продуктивно, — ответил я.

Он удивленно посмотрел на меня и, показав на лежащую перед ним книгу, сказал:

— Здесь сказано, что район около замка является центром эманации магической энергии всего измерения. До появления Жвачника этот регион являлся курортом, куда слетались демоны из всех измерений, чтобы насытиться волшебной силой и омолодиться.

— Мощная штука, — заметил я.

— Ничего подобного я раньше не встречал, — ответил Ааз.

— А в этой книге говорится, что битва между вампирами и обычными людьми продолжалась более двух сотен лет, и в результате погибли почти все люди и почти вся нежить, — сказала Танда, ласково поглаживая лежащий перед ней манускрипт. — Это одна из последних книг, поступивших в библиотеку перед Исходом.

— Исходом? — переспросил я.

— Именно, — ответил Ааз. — Как мы поняли, после компромисса, к которому пришли воюющие стороны (одну сторону он спас от полного уничтожения, а другую — от голодной смерти), граф Жвачник и его вампиры покинули этот регион и замок, установив вокруг него защитный экран, чтобы никто не мог воспользоваться источником магической энергии.

— Создается впечатление, что граф не доверял даже своим самым близким соратникам, — добавила Танда.

— И что же случилось с этим графом? — спросил я.

— Кто знает? — пожал плечами Ааз. — Возможно, Харольд расскажет нам утром о его судьбе.

— Но до этого я хочу вам кое-что показать. — Я пригласил вслед за мной пройти к античной кровати.

— Почему ты решил, что я хочу спать? — возмутился Ааз.

— Поверь мне и ни о чем не спрашивай, — сказал я и, указав на предмет мебели, стоящий фуках в десяти от нас, распорядился: — А теперь передвиньте эту кушетку сюда и ложитесь рядом. Но только на спину, — добавил я и улегся на кровать, которую только что покинул.

Ни один из них и ухом не повел.

— Неужели вы не можете мне поверить хотя бы на пять секунд? — обиделся я.

Ааз фыркнул и улегся на край кушетки, оставив место для Танды.

— Что вы там видите? — спросил я, показывая вверх.

— Ничего, кроме темного потолка и пыли, — произнесла Танда.

— А я вижу, что даром теряю время, — буркнул Ааз. — В книгах масса сведений, которые нам просто необ...

И в этот момент в древней библиотеке вдруг воцарилась полная тишина.

— Интересно, не правда ли? — сказал я.

— Что это? — спросила Танда. — Прекрати играть с нами в угадайку и скажи прямо — что это такое!

Я теперь видел карту совершенно ясно, так, словно она была напечатана на листке белого пергамента.

— Это — рисунок, — сказал я, указывая на наиболее четкие линии справа от Танды.

— Карта! — воскликнул Ааз.

— Именно! — подхватил я. — И если вы ее хорошенько изучите, то увидите, где мы сейчас находимся.

— Великие небеса! — пробормотала Танда, увидев над собой план замка.

— Минут через пять рисунок станет для вас еще яснее, — сказал я. — Взгляните на то, что справа от библиотеки, в которой мы сейчас находимся.

Я замолчал, предоставляя им возможность самостоятельно разобраться в схеме, которую я изучал уже не один час.

— Похоже, что там какой-то коридор, — наконец произнес Ааз.

— Где? — спросила Танда.

— Рядом с комнатой, которая именуется «Личной библиотекой». На противоположной стороне от «Королевских покоеv», — сказал я.

— Коридор ведет вниз, — сказал Ааз.

— В центр магической энергии, — пояснил я. — Вы представляете, что случится, если окунуться в этот поток силы?

— Случится нечто такое, ученик, что ты себе и представить не можешь, — ответил Ааз.

— Верно, — согласилась Танда, снова обратив взор к потолку, — но спуститься туда сможет только Скив.

— Знаю, — буркнул Ааз, продолжая изучать план замка.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил я. Перспектива тащиться в одиночестве по коридору, ведущему в центр магической силы, мне не очень-то нравилась.

— Я потерял свою волшебную силу, — со вздохом произнес Ааз. — Танда же не волшебница, а всего-навсего убийца. Гленде мы доверять не можем. Так что остаешься ты, ученик. Из всех нас лишь ты один можешь сойти вниз в гору.

Я посмотрел на план и проследил взглядом весь коридор, ведущий в глубину холма к центру невообразимой мощи. Перспектива быть высосанным до смерти коровой-вампиром теперь казалась мне не такой уж и плохой. В ней по крайней мере не было никаких неясностей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Настало время смотреть вверх.

Микеланджело

Остаток ночи тянулся крайне медленно.

Ааз и Танда лежали бок о бок на кушетке, пляясь в потолок и рассуждая о том, как можно выбраться из замка.

Ааз, узнав, что никакой золотой коровы не существует, а наша волшебная карта была лишь трюком, призванным спас-

ти Харольда, полностью утратил интерес к этому предприятию и мечтал лишь о том, как улизнуть отсюда.

Вот уж действительно — лучше поздно, чем никогда.

Когда дверь открылась и в комнату вошел Харольд, Ааз и Танда сидели за столом, а я стоял рядом с ними.

Через дверной проем я увидел, как лучи утреннего солнца заливают бывшие «Королевские покой». Похоже, что мы сумели благополучно пережить еще одну ночь полнолуния в стране коров-вампиров.

Харольд посмотрел на спящую Гленду, которая всю ночь так и оставалась в одном положении.

— Она не пыталась убежать? — спросил он.

— Только в момент захода солнца и всего несколько секунд, — ответил Ааз. — Золотой шнур ее удержал.

— В таком случае она спасена, — сказал Харольд.

— А что эта веревка смогла сделать? — спросил я. Мне казалось странным, что доволюю тонкий шнурок, не способный сдержать и ребенка, не позволил восстать ото снающему вампиру.

— Если говорить упрощенно, не вдаваясь в технические подробности, то магия шнура удержала ее от полного превращения в кровососа, — ответил Харольд. — Кроме того, шнур за ночь очистил ее кровь, и она теперь никогда вампиром не станет. Если желаете в этом убедиться, взгляните на ее шею.

Я подошел к слегка похрапывающей Гленде. Слюна, вытекшая во сне у нее изо рта, оставила на одеяле большое мокрое пятно. Я легонько повернул ее голову набок, чтобы разглядеть то место, на котором оставались следы зубов вампиров.

Там, где еще вчера шея была красной и воспаленной, остались всего лишь две едва заметные точки.

— Удивительно, — заметил я.

— Согласен, — сказал, подойдя ко мне, Ааз.

— Оставьте шнур на ней, и пусть она еще немного поспит, — произнес Харольд. — За это время ее организм частично восполнит вчерашнюю потерю крови.

Я посмотрел на Гленду. В этот момент мне было ее почти жалко. Однако вспомнив, как она навсегда бросила

меня в чужом мире, я подавил в себе нарождающееся чувство жалости.

— Как вы провели ночь? — спросила у нашего хозяина Танда.

— Как обычно, — пожимая плечами, ответил тот. — Так, как я всегда провожу ночь в полнолуние вот уже много-много лет. Я превратился в корову, щипал траву и спал стоя. Даже вспоминать об этом не хочется.

— Ах вот как? — протянула Танда. — Так вы об этом хотели рассказать нам утром?

— Это всего лишь часть истории, — рассмеялся Харольд и, оглядевшись по сторонам, сказал: — Любопытная комната, не так ли?

— Мы почерпнули массу полезных сведений из этих книг, — сказал Ааз, и я обратил внимание на то, что мой наставник ни словом не обмолвился о карте на потолке. Мне тоже не хотелось о ней говорить.

Интересно, знал ли Харольд о существовании карты?

— Вот и отлично, — улыбнулся Харольд, — это позволит вам лучше понять, что произошло со мной и как мы дошли до жизни такой. Не лучше ли нам пройти на солнечный свет? — закончил он.

— А как быть с ней? — поинтересовался я, показывая на спящую Гленду.

— Она не проснется, пока на ней шнур, — пожал плечами Харольд. — Думаю, что здесь ей будет хорошо.

Возражать мы не стали и прошли вслед за хозяином в главную комнату.

Я был очень рад снова оказаться в светлом помещении. Особенно приятно это было после ночи тревожных раздумий в пыльном и темном зале. Признаться, в прошлом мне приходилось знавать и более приятные вечера.

— Не хотите ли что-нибудь съесть? — спросил Харольд, проходя в кухню.

— Все что угодно, кроме морковного сока, — ответил, улыбнувшись в мою сторону, Ааз.

— Вовсе не смешно, — буркнул я.

Харольд посмотрел на нас и пожал плечами, явно не понимая, о чем мы говорим.

— Я могу приготовить вам сандвич с холодной кониной, сандвич с огурцами или салат из свежих помидоров. Выбирайте. Да, кроме того, у меня есть вода и фруктовые соки.

— Вот это да! — восхитилась Танда. — Вы питаетесь гораздо лучше, чем весь остальной народ.

— Неужели?! — не скрывая изумления, спросил он. — Я так долго находился в этой комнате, что совершенно не знаю, что происходит в мире.

— Оно и к лучшему, — заметил я. — Однако в данный момент мне хотелось бы получить всего лишь стаканчик воды.

Ааз и Танда, тоже ограничившись водой, попросили Харольда побыстрее продолжить рассказ.

— Вы остановились на том месте, когда граф Жвачник и ваш народ пришли к соглашению о том, что на большую часть месяца вампиры станут превращаться в коров, — напомнил Ааз и поинтересовался: — Как этого удалось добиться?

— Вообще-то это сделал я, — ответил Харольд.

— Каким образом? — спросил Ааз, опередив меня на долю секунды.

— Потому что я нашел выход, понял, как улучшить положение моего народа и изменить наш мир в лучшую сторону.

— В таком случае вернемся к истокам, — сказала Танда. — Поведайте нам, как вы пришли к этому пониманию.

— Я познакомился с путешественницей по измерениям по имени Лейла. Когда она здесь появилась, я владел небольшим рестораном и баром неподалеку от замка. Лейла зашла в мое заведение, мы разговорились, она рассказала о жизни в других измерениях и предложила мне стать ее учеником. Ей казалось, что я обладаю очень высоким магическим потенциалом.

Я бросил взгляд на Ааза, но тот не обратил на меня внимания. Ааз ни разу не говорил, что я вообще обладаю каким-нибудь потенциалом, а я не осмеливался его спросить. Если бы я попробовал это сделать, то он сказал бы «нет» и рассмеялся бы мне в лицо. Или просто рассмеялся бы, ничего не сказав.

— Лейла взяла меня в путешествие по измерениям. Она познакомила меня с сотнями различных мест, обучила началь магии... и пала от рук убийцы.

По глазам Харольда я видел, что гибель Лейлы до сих пор причиняет ему душевную боль, хотя это печальное событие, насколько я понимаю, произошло много-много лет назад. Наверное, он ее очень любил.

— После того как ее не стало, я при помощи И-Скакуна вернулся сюда. Магический экран вокруг замка был очень прочен, и ни я, ни другие люди, ни вампиры Жвачника не могли в него проникнуть. Но поскольку я уже был немного знаком с магией, мне удалось снять защиту.

— Неполные знания могут нести с собой серьезную опасность, — заметил Ааз, глядя на меня.

Настала моя очередь не обращать на него внимания.

— Несомненно, — согласился Харольд и продолжил: — Я обосновался в этом помещении, обнаружил комнату, в которой вы провели ночь, и начал выяснять, что произошло с людьми. И чем больше я читал, тем более приходил к убеждению, что моя жизненная миссия состоит в спасении человечества и полном уничтожении вампиров.

— Иными словами, — вмешалась Танда, — вы снова развязали войну.

— Строго говоря, именно это я и сделал, — ответил Харольд.

— Ну и что же случилось? Почему вы не преуспели в своих благородных начинаниях? — поинтересовался Ааз.

— Потому что вернулся граф Жвачник.

— Что?! — изумился я. — Как?! Ведь ему к этому времени было много тысяч лет от роду.

— Да, это так, — ответил Харольд.

— Когда ты наконец поймешь, мой туповатый ученик, что могущественные вампиры, так же как и могущественные маги, живут много тысячелетий? — сурово глядя на меня, спросил Ааз.

— Ладно-ладно, — сказал я. — Продолжайте рассказ.

— По правде говоря, я в то время тоже не подозревал, что граф Жвачник еще жив, — сказал Харольд. — Поскольку я

освободился от действия заклятия, не позволяющего выступать против коров, я начал собирать силы сопротивления. В конце концов мне удалось сколотить отряд, я снял с них заклятие, и мы приступили к планированию военных действий. Когда численность отряда достигла пятидесяти человек и мы все обучились кавалерийскому делу, начался отлов коров и их истребление.

Мы все промолчали, а Харольд продолжил:

— Битва велась успешно, мое войско возрастало, и все больше коров-вампиров гибло от наших рук. С каждым принесенным в замок черепом убитой коровы мы становились все сильнее и сильнее. Это было прекрасное время.

Последние слова были произнесены таким тоном, что Харольд сразу показался мне старцем, вспоминающим давно ушедшие молодые годы.

— И когда же появился граф Жвачник?

— Примерно через пять месяцев после начала военной кампании. Он явился сюда в сопровождении своих самых могущественных вампиров-подручных, и нелюди практически без боя уничтожили все мое войско.

— Держу пари, что вы догадались воздвигнуть вокруг своих воинов защитный экран, — сказал Ааз.

— Да, я сделал это, — ответил Харольд. — Я был так уверен в надежности защиты, что даже не выставил часовых.

— Думаю, это бы вам не помогло, — молвил Ааз.

Танда понимающие кивнула, а я так и не понял, что они этим хотели сказать.

— Граф Жвачник, само собой разумеется, пребывал в ярости. Он заключил меня в этом помещении и наложил на меня заклятие. С тех пор каждый месяц в полнолунье, когда он и его вампиры питаются людьми, я превращаюсь в корову и щиплю траву.

— И когда же это началось? — участливо спросил я.

— Точно не знаю, — ответил Харольд, — у меня не было никакого желания следить за временем.

— И с тех пор Жвачник и его вампиры убивают людей? — поинтересовался Ааз.

— Строго говоря, нет, — ответил Харольд. — Убийства начались несколько лет назад, после того, как Жвачник погиб от руки своего главного подручного по имени Убальд.

— И этот Убальд отказался поддерживать демографический баланс? — спросила Танда.

— Эта проблема его нисколько не волновала, — ответил Харольд. — Негодяй сказал, что людей расплодилось очень много и пищи вампирам хватит на столетия.

— Но он почему-то не снял с вампиров коровье проклятие, — сказал я.

— Ни он, ни граф Жвачник этого сделать не могли, — поспешил развеять мои сомнения Харольд. — Убальд, впрочем, до сих пор пытается это сделать. При помощи черепов в соседней комнате он надеется сконцентрировать достаточное количество энергии, чтобы разрушить чары.

— Резонно, — заметил Ааз. — Столь сильное заклинание, продержавшееся так долго, снять почти невозможно, но кое-какие шансы на успех все же есть.

— Времени у него на это предостаточно, — сказал Харольд.

— А как появилась карта? — поинтересовался я.

— Когда граф Жвачник был еще жив, и он, и его подручные обитали довольно далеко от замка. И вот однажды здесь появился картограф. Я попросил его помочь мне бежать, но он ответил, что сделать этого не может.

— Да, он не соврал, — сказал Танда.

— Но почему? — спросил я.

— Картограф ответил, что он не вправе вмешиваться в дела измерений и может использовать свои магические силы только для перемещения в любое место (именно поэтому ему удалось преодолеть защитный экран, поставленный Жвачником), — пояснил Харольд.

— Интересно, — вмешался Ааз, — как вам удалось толкнуть его на ложь о том, что в этом измерении имеется золотая корова, дающая золотое молоко, и отметить это на карте?

— Но карта ничего не говорит о корове с золотым удоем, — со смехом сказал Харольд. — Я и есть та самая корова,

к которой карта указывает путь, и я действительно готов дать очень много золота тому, кто меня найдет.

— Весьма разумно, — рассмеялась Танда. — Вы действительно корова (пусть и не все время), а золота у вас более чем достаточно.

Я наслаждался игрой чувств на физиономии моего наставника. Мы расшифровали карту, нашли искомую корову, и теперь нам предстояло получить груду золота. Я почти видел, как у моего наставника текут слюнки. Но получить золото и вывезти его отсюда, сохранив всю кровь в жилах, — две большие разницы, как говорят в одном из измерений.

— Ведь вы извращенец, не так ли? — спросил Харольд, заметив выражение лица моего наставника.

— Изверг! — рявкнул Ааз, продемонстрировав многочисленные зубы.

— Прошу прощения, — продолжил Харольд, — но вы очень любите деньги и золото, не так ли?

Этот вопрос заставил меня и Танду расхохотаться, а Ааз, одарив нас свирепым взглядом, буркнул:

— Естественно.

— Вы заберете отсюда столько золота или других сокровищ, сколько сможете унести, — сказал Харольд. — У нас здесь этого добра тонны и тонны. В этой горе имеются богатейшие золотые жилы. Но за это вы должны помочь мне отсюда бежать.

Скорее на Завихрении №6 засияет солнце, чем Ааз откажется от этого предложения, подумал я. Впрочем, я тоже возражать не стану.

Что касается Харольда, то этот человек-корова был мне чем-то симпатичен. Кроме того, я, как и он, однажды уже потерял своего наставника, а мы — парни из гильдии учеников чародеев — должны поддерживать друг друга.

— Вы знаете, каким образом можно отсюда бежать? — спросила Танда у Харольда, глядя при этом в глаза Ааза, которые уже при одной мысли о будущем богатстве хищно поблескивали.

— Если бы знал, меня здесь давно бы не было, — печально ответил наш хозяин.

Ааз вопросительно взглянул на меня.

— Почему бы и нет? — произнес я, пожимая плечами.

Ааз перевел взгляд на Танду.

— Придется сказать, коль скоро мы так далеко зашли, — со вздохом ответила та.

— Вот и хорошо, — произнес Ааз. — Мы вам поможем.

Я был уверен в том, что мой наставник не имеет понятия о том, как помочь Харольду бежать, но его слова привели нашего хозяина в радостное расположение духа.

Чтобы не упустить ничего важного, мы еще часок потолковали с Харольдом, и к концу беседы я столько узнал о вампире Убальде, что мне даже захотелось хлебнуть морковного сока.

При всей своей низости Убальд отличался крайней вздорностью характера, был почти столь же стар, как граф Жвачник, и крайне отрицательно относился к текущему положению вещей на измерении Коро-Бау. Кроме того, он обожал устраивать вечеринки, которые перерастали в оргии. Если верить Харольду, то к утру последней ночи полнолуния Убальд и его банда настолько упивались кровью, что превращались в стадо сдва держащихся на ногах идиотов.

Однако несмотря на то что идиоты сдва держались на ногах, они по-прежнему оставались коровами, и людям с золотыми лопатами приходилось затратить много сил, чтобы отыскать крупный рогатый скот в разных углах замка и выгнать скотину на персональные пастища.

Мысль о том, чтобы зайти в спальню и обнаружить там на кровати двух пьяных коров, была мне глубоко противна. А сегодня как раз была последняя ночь полнолуния. Самая опасная ночь месяца.

Мне не терпелось приступить к делу.

Наконец Ааз решил, что мы наговорились достаточно, и, пройдя в библиотеку, попросил Харольда показать нам книги, в которых говорилось о заклятиях, наложенных на замок, на графа Жвачника, и о тех магических силах, которые заполняли эту округу.

Но прежде всего следовало разбудить Гленду. Храпящую, пускающую слюни Гленду.

Я, честно говоря, оставил бы ее спать еще пару сотен лет или до тех пор, пока она не умрет во сне от голода. Но Харольд и Ааз в отношении нее имели, очевидно, иные планы, и этими планами они со мной поделиться не соизволили.

— Вы уверены, что она полностью излечилась? — спросил я у нашего хозяина.

— Абсолютно убежден, — ответил Харольд, — магический шнур делает все, что надо.

— А не могли бы мы для пущей уверенности связать ее и на эту ночь? — спросил я.

— Свяжем-свяжем, не волнуйся, — рассмеялся Ааз.

Я следил за тем, как он подошел к Гленде, развязал узел и снял с нее золотой шнур, намотав его себе на руку.

Лично я считал, что Гленда вполне заслужила того, чтобы всю оставшуюся жизнь большую часть каждого месяца быть телкой. Поскольку она в любом случае уже была бессердечной кровопийцей, то почему бы ей не побывать некоторое время в шкуре коровы?

Как только Ааз снял веревку, Гленда сразу проснулась. Издав легкий стон, она ухитрилась принять сидячее положение. Ее щеки покрывала смертельная бледность, а глаза затуманились.

— Что случилось? — спросила она.

— Ты отлично проспала всю ночь, — сказал Ааз.

— И при этом храпела, как лошадь, — добавила Танда.

Я хотел спросить, откуда ей известно, что лошади храпят, но сразу же от этой идеи отказался, решив, что сейчас совсем не время вмешиваться в ее личную жизнь.

Гленда пощупала шею, на которой не осталось ни малейших следов вампирских укусов. Мне показалось, что она немного удивилась, обнаружив, что при прикосновении шея не болит.

Заметив на руке Ааза золотой шнур, она вздрогнула, подняла глаза:

— Неужели я обречена стать вампиrom?

— Вы были обречены, — ответил вместо Ааза Харольд. — Именно с этой целью Убальд и его приятели оставили вас в живых.

— Неужели этот шнур — именно тот предмет, за который я его принимаю? — поинтересовалась она, не сводя глаз с моего учителя.

— Этой ночью в целях безопасности тебе придется им перевязаться, — ответил Ааз, не вдаваясь в пояснения. — Я обещал это своему ученику для спокойствия его души.

— Полагаю, что мне следует всех вас поблагодарить, — сказала она, глядя на волшебную веревку.

— Помоги нам выбраться отсюда, и мы в расчете, — ответил Ааз.

— Сделаю все, что в моих силах, — ответила она, — но прежде всего мне хотелось бы получить стакан воды.

— Теперь я окончательно убедился в вашем исцелении, — с радостной улыбкой произнес Харольд. — Воду я вам сейчас принесу.

Я понятия не имел, почему скромное желание выпить стакан воды означало полное исцеление. Мне это казалось даже несколько глупым. Но спрашивать я, как вы понимаете, не стал. Не исключено, что вампиры воду вообще не употребляют, а пьют только кровь.

Когда Харольд удалился в кухню, Гленда подняла на Ааза исполненный ярости взгляд и спросила:

— Почему ты не загнал мне в сердце осиновый кол, когда имел для этого все возможности?

Меня ее вопрос привел в изумление. Неужели эта неблагодарная злится на то, что мой наставник ее не прикончил?

— Я об этом подумывал, — сказал Ааз, показывая на островертко заточенный кол, лежащий на антикварном туалетном столике рядом с ложем Гленды.

Я испытал очередное потрясение.

— Однако по здравом размышлении решил, что ты сможешь нам помочь — сделать то, в чем до сих пор не особенно преуспела.

— Ты же знаешь, что мне придется обязываться до конца моих дней не только каждое полнолуние, но и каждый раз, когда я прыгаю в иное измерение!

— Знаю, — ответил Ааз ледяным тоном.

Такого презрения в голосе этого изверга мне слышать еще не приходилось.

— И если ты нам не поможешь, — продолжал он, — то клянусь: я оставлю тебя в этом измерении, в самой дикой глуши и без спасительного шнура. И большую часть отведенных тебе лет ты проживешь в облике коровы.

Я с восторгом смотрел на своего наставника — таким величественным мне его видеть не доводилось. Величественным и исполненным жаждой мщения. Мне стало ясно, что он знал о Гленде гораздо больше, чем говорил вслух, и заботился о ней только потому, что она могла оказаться нам полезной.

Ааз сложил веревку в сумку и скрестил руки на груди:

— Если хочешь получить на эту ночь шнур и тем самым спастись, то будешь делать все, что нам надо, — и без фокусов. Ясно?

— Да, — отвела она, обжигая демона яростным взглядом.

У меня же, напротив, никакой ясности не было, но я не стал спрашивать, почему все друг на друга так осерчали.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Плыvите по течению.

М. Твен

Даже во время самых великих приключений бывают периоды, когда ничего не происходит. И третья ночь полнолуния оказалась именно таким периодом.

Ааз, Танда и Гленда весь день корпели над старинными книгами и свитками, пытаясь отыскать пути к спасению.

Я сидел и слушал, то и дело впадая в дремоту и просыпаясь каждый раз, как только мой подбородок падал на грудь. Затем я снова пытался вникнуть в их слова. Однако всякое умственное напряжение заканчивалось тем, что я опять засыпал.

Весь этот цикл повторялся снова и снова.

Минут за тридцать до захода солнца Ааз уложил Гленду в кровать и обвязал ее золотым шнуром.

Гленда в тот же миг уснула. Такого действенного снотворного, как эта веревка с золотой нитью, я еще не видел. Вернувшись в Поссилтум, Ааз сможет с ее помощью защищать немалые деньги. Наш король частенько страдал бессонницей и был готов пожертвовать всем ради того, чтобы уснуть.

Что касается меня, то я вытолкал бы Гленду в коридор, чтобы она до конца своих дней щипала траву, а парень в белой шляпе подбирал за ней навоз золотой лопатой.

Но решал здесь не я, и поэтому Ааз благополучно уложил ее спать.

Минут за двадцать до захода солнца Харольд снова запер библиотеку и отправился в свое жилище, чтобы щипать траву в облике коровы.

Я прекрасно спал всю ночь. Ааз и Танда тоже хорошо выспались, а проснувшись, тут же приступили к чтению.

К тому времени, когда Харольд открыл дверь, предоставив нам возможность вновь увидеть прекрасное солнце, я уже попросту изнемог от скуки.

Ааз развязал Гленду, сложил золотой шнур в сумку, и мы все, пройдя в кухню, позволили Харольду приготовить бифштекс из конины с помидорами.

Наш хозяин назвал это праздничным завтраком и добавил, что позволяет себе попирать каждый месяц после окончания полнолуния. Я был вынужден признать, что завтрак удался на славу — бифштекс из конины явился просто чудом кулинарного искусства.

Покончив с едой, мы вернулись к обсуждению плана побега, и на мой взгляд, после унылой ночи и страха быть съеденным вампирами, более увлекательной темы придумать было невозможно.

Ааз, взвалив на себя бремя председателя собрания, кратко суммировал открывающиеся возможности.

— Во-первых, мы могли бы попытаться снять или в крайнем случае ослабить экран, не позволяющий скакать с изменения в измерение, — сказал он. — Если это удастся, то сам побег окажется несложным.

— Подобного защитного экрана я еще ни разу не видела за всю мою бытность убийцей, — заметила Танда. — Он прочнее скалы.

— Будет точнее сказать, что он черпает энергию из скалы, — резонно ответил Ааз.

Я вспомнил о карте на потолке и удивился, почему мой наставник о ней не упоминает. Впрочем, не зная точного хода мыслей Ааза, я понимал, что тот не хочет, чтобы его замыслы (какими бы они ни были) потерпели ущерб от появления ненужной информации. В прошлом мне не раз от него попадало за несдержанность.

— Во-вторых, мы могли бы просто попытаться найти выход из замка, — продолжал он.

— Ну да, — встрял я, — чтобы потом прошагать через весь Доннер-Вестгер на глазах у конных дружиинников.

— Конных дружиинников? — удивился Харольд.

— Конные отряды добровольцев, которые заранее знали о нашем приближении, — пояснила Гленда. — Меня тоже захватили они. И это означает, что они получают магическую информацию о приближении врага.

— Мы могли бы поставить защитный экран, если бы знали о характере этой магии, — заметила Танда.

— Мне отсюда выхода нет. — Харольд указал на дверь. — Как только я пытаюсь переступить через порог, создается впечатление, что я натыкаюсь на стену.

— А если попробовать воспользоваться тем путем, которым мы сюда вошли? — спросила Танда.

— В том направлении мне позволено передвигаться через склад черепов до входа в бальный зал, — ответил Харольд. — Там я натыкаюсь на защитный экран.

— А как насчет окон? — поинтересовался я. — В крайнем случае можно попытаться сделать подкоп через пол.

— А вот этого я, честно говоря, не пробовал, — сказал Харольд.

— По-моему, бесполезно, — решительно заявил Ааз.

— Да-а-а... — протянула Танда. — Думаю, что мы имеем дело с так называемым тюремным заклятием, которое применяется в некоторых местах заключения. Это помещение

находится в своего рода невидимом и неразрушающем пузыре.

— В таком случае возьмем Харольда с собой, — сказал я. — А заклятие как-нибудь снимем.

— Вы пойдете с нами? — спросила Гленда.

— Во всяком случае, попытаюсь, — ответил наш хозяин, не упомянув о золоте, которое причиталось нам за его спасение.

Мы, в силу свойственной нам деликатности, этот вопрос тоже поднимать не стали.

— Итак, учитель, — сказал я, обращаясь к Аазу, — как, по-твоему, мы можем снять заклятия, ибо без этого нам отсюда никак не выбраться? Все пути заблокированы.

Он сердито на меня посмотрел, помолчал немного и ответил менторским тоном:

— Известно два основных способа снятия заклятий. Во-первых, можно сотворить контрзаклинание и, во-вторых, лишить магический экран (или любое иное проявление магии) энергетической подпитки.

— Поскольку дворец насыщен энергией, второй способ вряд ли применим, — сказал я. — А какие контрзаклинания здесь годятся?

— Я испробовал все, какие знал, — ответил вместо Ааза Харольд, — и ни одно не сработало.

— Мой наставник даже не пытался меня им обучать, — пожаловался я, глядя на Ааза.

— Я подумаю об этом, когда ты научишься владеть собой, — буркнул тот.

— Оказавшись здесь, я тоже испробовала все заклинания, которые знаю, — вмешалась Гленда. — На защитных экранах, фигурально выражаясь, не осталось ни единой царапины.

— Я бросила в дело все свои магические познания, — мрачно сказала Танда.

Поскольку мы все пока находились в замке, я заключил, что она добилась не больших успехов, чем Гленда.

— И ни в одной из просмотренных мною книг нет даже намека на то, как отсюда выбраться, — произнес Ааз. — По совести говоря, положение наше может быть даже гораздо

хуже, чем мы предполагаем. Очевидно, заклятие, превращающее вампиров в коров и не позволяющее вашим людям этих коров истреблять, каким-то образом связано с теми чарами, которые мы хотим разрушить.

— В таком случае, — безнадежно произнес Харольд, — я смогу освободиться, лишь сняв заклятие со всех своих людей и одновременно позволив вампирам убивать их в любое время. Нет, на это я никогда не пойду.

— Однако, — с улыбкой продолжал Ааз, — мы можем спастись, если в нужный момент перекроем источник энергии в горе.

— Но как? — спросил Харольд.

— Мне тоже хотелось бы знать как, — сказал я.

— Мы сделаем это днем, — со смехом бросила Танда, глядя на смущенного Ааза. Громче всех почему-то хохотала Гленда.

— Когда все коровы будут на пастище, — добавил Ааз таким тоном, чтобы я мог прочувствовать всю степень своей тупости.

— Дневной свет и вампиры! — хихикнула Танда.

— О! — воскликнул Харольд. — Как я мог забыть? Ведь солнечный свет — смерть для вампиров.

— Само собой, — громко сказал я, делая вид, что тоже запамятовал, хотя, по правде говоря, ничего не знал о повадках кровососущих.

Да и где я мог об этом узнать? До того, как я попал в это глупое измерение, я не только никогда не видел вампиров, но даже и не слышал о них. И лишь здесь узнал, что их активность каким-то образом связана с полной луной.

— Итак, — резюмировал Харольд, — если нам удастся отключить источник энергии, питающий главное заклинание, половина вампиров планеты тут же погибнет.

— Именно, — сказал Ааз, — а тем, которые окажутся наочной стороне, срочно придется искать убежище, чтобы укрыться от утреннего солнца.

— У меня к вам только один вопрос, Ааз. Каким образом вы намерены перекрыть поток энергии?

— Пусть это останется нашей заботой, — улыбнулся мой наставник.

— Интересно, почему мне не нравится ход ваших мыслей, хотя мне они и неизвестны? — спросил я.

Танда в ответ лишь рассмеялась.

— Не вижу ничего смешного, — обиделся я.

— А мне, напротив, это кажется очень забавным, — сказала Танда.

Я обратил взор на Ааза. Иногда мне очень хотелось, чтобы к нему как можно скорее вернулось его магическое искусство. Ведь в этом случае мне не пришлось бы все время выполнять самую грязную работу. По выражению его лица я догадывался, что на сей раз на мои плечи ляжет самая грязная из всех грязных работ — отключение магической энергии у ее источника.

— Прежде чем решить, как лучше блокировать поток, пытающий все заклятия, — сказал Ааз, — нам следует узнать, какими путями он протекает через замок.

Услыхав эти слова, я содрогнулся. Мы все еще находились в кухне. Гленда заняла единственный стул, остальные стояли. Каждый раз, распахивая свой ум, я чувствовал, какой могучий поток магической энергии захлестывает замок. Источник его находился глубоко в недрах горы. Обычно магическая энергия распространяется по воздуху в виде линий, и из этих линий я черпал силу для полета или изменения личины.

В случае отсутствия энергетических линий в воздухе приходилось обращаться к силе, заключенной в земле и горах, что было гораздо сложнее. Именно поэтому Ааз прежде всего и научил меня черпать магические силы из воздуха. Но замок был сооружен в таком месте, где магическая энергия, поступая снизу, растекалась по воздуху во всех направлениях.

Для того чтобы выявить воздушные потоки энергии, требовалось взмыть в небо и взглянуть на замок сверху.

— Итак, что же мы будем делать? — спросила Танда.

— Во-первых, нам следует установить, как энергия попадает на склад черепов. Поток там очень силен и стал еще сильнее прошлой ночью, незадолго до того, как коровы превратились в вампиров.

— Неужели? — спросил Харольд.

Что касается меня, то я был несколько удивлен предложением Ааза, но мой учитель, наверное, видел в этом какой-то смысл. Нам следовало вычертить для себя схему энергетических потоков, и Ааз считал, что начинать лучше всего с того места, где поток обладает наибольшей силой.

И тут-то на меня снизошло очередное озарение.

— Карта! — громко выпалил я.

Все обратились ко мне.

— Карта, — повторил я, улыбнулся, сунул руку в сумку и извлек листок пергамента. Если он привел нас сюда, то он нас отсюда и выведет, думал я.

— Ну конечно же! — воскликнул Ааз, одарив меня улыбкой. — А ты иногда неплохо соображаешь, Скив.

Это был уже третий комплимент, который я услышал от него в связи с картой, и я решил, что стану таскать этот листок с собой все время, пока моим наставником является Ааз. В последний год он очень редко удостаивал меня похвалами.

Я развернул листок. Он был девственно чист. Ни единой пометки. Такой пакости от волшебной карты я ожидал меньше всего. Правда, я не очень знал, что я вообще надеялся увидеть.

— Великолепно, — сказал Ааз, глядя на пустой листок.

Я передал пергамент ему, предварительно помахав им перед глазами остальных, чтобы те убедились в том, что карта исчезла.

— Эта та карта, которую когда-то составил мой картограф? — спросил Харольд.

— Была таковой, — ответил я.

— Что же с ней произошло? — поинтересовался наш хозяин.

— Она исчезла после того, как доставила нас сюда, — сказала Танда.

— О! — сказал Харольд.

— Танда, ты знакома с картографическим заклинанием? — спросил Ааз.

— Куда мне, — ответила та.

— А ты, Гленда?

— В полном неведении. Когда мне была нужна карта, я отправлялась на Базар-на-Деве и покупала ее у профессионального картографа.

— Я поступала точно так же, — добавила Танда.

— Похоже, ученик, в дело придется вступить тебе, — сказал Ааз, поворачиваясь в мою сторону.

— Всегда готов! — радостно гаркнул я и тут же, взяв на три тона ниже, добавил: — Но не считаешь ли ты, что мне необходимо слегка попрактиковаться?

— В нашем распоряжении единственный листок магического пергамента, — сказал он, помахивая в воздухе бывшей картой, — и у тебя только одна попытка.

— Вообще-то я не очень к этому стремлюсь, — довольно кисло ответил я.

— Если бы я не был в тебе уверен, то и не стал бы предлагать, — наставительно произнес изверг.

Я решил не напоминать ему о том, что, прежде чем обратиться ко мне, он предлагал эту работу Танде и Гленде. Зачем высказывать затаенные обиды, когда человек — или в данном случае демон — пытается поднять твой боевой дух?

— Мы скоро вернемся, — сказал Ааз, предложив мне взмахом руки следовать за ним. — Надеюсь, что с картой.

— Мне тоже хочется на это надеяться, — сказал я, и мы зашагали по травянистому ковру, осторожно обходя кучки коровьего навоза. Я догадался, что у Харольда нет персональной прислуги в лице человека в белой шляпе и золотой лопатой в руках.

У входа в складское помещение с черепами Ааз вдруг остановился и, обернувшись, спросил у Танды:

— Мы там будем экранированы?

— Не полностью. Часть информации о ваших магических действиях может просочиться наружу. Мне это страшно не понравилось, нам тут только конных дружинников еще не хватало.

— А как насчет библиотеки? — немного подумав, спросил Ааз.

— Она так защищена, что оттуда не просочится ни капли магии, — ответила Танда.

— Согласен, — кивнул Харольд. — Творить заклинания там гораздо безопаснее, чем в любом другом месте.

Ааз знаком приказал мне следовать за ним, и мы вновь двинулись по лужку, старательно обходя навозные кучи. Пройдя через комнату и ванную, мы оказались в библиотеке. Я столько времени провел на этом складе старья, что новое пребывание в нем не доставляло мне ни малейшего удовольствия.

Ааз плотно закрыл дверь и расстелил пергамент на столе, за которым провел почти всю прошлую ночь.

— Здесь работать будет гораздо легче, — сказал он. — Давай разобъем всю процедуру на две части.

— Скажи мне, что надо делать, и я попытаюсь.

— Во-первых, мы должны перенести рисунок с потолка на этот листок, — пояснил мой наставник.

— Отличная идея, — согласился я, — но как?

— Копировальная магия не покажется тебе трудной. Она гораздо легче, чем магия полета или заклинание смены личины.

Мне эти слова понравились, и я одобрительно закивал. «Чем проще, тем лучше, — подумал я, — ведь в моем расположении всего одна попытка».

— Распахни свой мозг и набери энергии, как ты умеешь. Но только не переборщи, держи ее на среднем уровне.

— Приступить?

— Приступай.

Я сделал так, как он мне сказал. Поскольку набирать энергию мне приходилось уже сотни раз, это стало для меня делом совершенно естественным.

Когда мы уходили из хижины моего наставника, Ааз сказал, что со временем это станет моей второй натурой, но я ему не поверил, так как в ту пору концентрация магической энергии была для меня трудом почти неподъемным.

Вокруг меня был избыток энергии, и моя задача сводилась к тому, чтобы удерживать ее в себе на должном уровне.

— Готово, — сказал я мгновение спустя.

Сквозь меня шел поток энергии, которую я мог использовать для любых магических действий.

— Теперь одним движением, без какого-либо перерыва, взгляни на изображение на потолке, запомни его и перенеси на карту.

Первым делом я при помощи струившихся сквозь меня магических сил придал ясность карте на темном куполе, а затем перенес все четкие и ясные линии на волшебный пергамент.

— Превосходно! — не скрывая восхищения, произнес Ааз.

Я же первым делом посмотрел на потолок. Карта, хвала небесам, находилась на месте. Я ее не повредил. Затем я, испытывая чувство, похожее на страх, взглянул на пергамент. На нем была воспроизведена точная копия карты, нарисованной на потолке. Впрочем, не совсем точная копия. Линии на пергаменте оказались более четкими, и там появились слова, о существовании которых на закопченном веками потолке я даже и не подозревал. Вся пыль и грязь, само собой, осталась наверху и на моем творении не проявилась.

Я не верил своим глазам. Мне удалось сотворить волшебство с первого раза!

— Только не лопни от гордости, — сказал Ааз, словно прочитав мои мысли. — Это была самая легкая часть работы.

Но его педагогические потуги не произвели на меня никакого впечатления. Я сотворил чудо с первой попытки! И в данный момент это было самое главное.

— Что теперь?

— А теперь мы сделаем то же самое с энергетическими линиями, — сказал Ааз. — Мы наложим их на план замка.

Я понимал, что он хочет. Но когда я как-то самостоятельно попытался увидеть все энергетические линии на большом пространстве, я чуть было не свихнулся, и поток сил, который я пропускал через себя, едва не унес с собой остатки моего разума. Тогда мне лишь с большим трудом удалось прийти в себя. О своем эксперименте я Аазу не рассказывал, поскольку знал, что он очень рассердится.

— Для этого потребуются кое-какие приготовления, — продолжал Ааз.

— Я так и думал.

Мой наставник расстелил карту на полу и предложил мне встать над ней.

— Посмотри внимательно на план.

Я кивнул и уставился на сотворенный мною шедевр. У меня были все основания гордиться собой.

— Как только я дам сигнал, ты должен представить, что паришь над замком, над всеми силовыми линиями. Для этого тебе надо будет распахнуть свой разум точно так, как делаешь это во время накопления энергии.

— Хорошо, — сказал я, не сводя глаз с карты, — но не получится ли так, что я просто унесусь в неведомое пространство?

Я стоял над картой, широко расставив ноги, и мне казалось, что я уже парю в воздухе.

— Отличный вопрос, ученик, — сказал Ааз. — Нацепи на свою ногу шнур удержания.

— Что-что? — спросил я, глядя наставнику в глаза.

Я увидел по его взгляду, что он действительно озабочен. Правда, я не знал, волнует ли его моя судьба, или он опасается, что в том случае, если я унесусь в неведомое, все остальные обречены навсегда остаться в замке.

— Бечевку, которую привязывают к детскому воздушному шарику. Представь, что один конец шнурка закреплен на ноге твоего физического тела, а другой — на ноге парящей субстанции. Если захочешь вернуться, мысленно потянешь за этот шнур. Ты понял?

Я кивнул.

— Итак, как только ты увидишь все силовые линии, проходящие как над замком, так и сквозь него, — продолжил Ааз, — сделай то же, что ты сделал с картой. Представь их себе мысленно и перенеси на воображаемое изображение карты.

— Хорошо, — сказал я, — надеюсь, получится.

— Подготовься и, как только ощущишь, что созрел для действий, приступай.

Внимательно посмотрев на карту, чтобы получше запомнить все линии, точки и названия, я дал волю накопленной мною магической энергии.

Если хотите знать, как это делается, то я вам охотно скажу.

Для начала я отпустил все нити, которые удерживали меня на земле. Слегка поднявшись над полом, я первым делом решил проверить, находится ли на месте шнур удержания. Убедившись, что шнур прикреплен как к полетной ноге, так и к ноге посадочной, я с чувством огромного облегчения взмыл вверх.

Я поднялся над энергетической линией, которую использовал для копирования карты, пронзил крышу замка и остановился, зависнув под горячим солнцем над золотыми куполами.

Подо мной текли реки голубой энергии, и их истоком служил колодец, расположенный в недрах горы под замком. Реки разбивались на отдельные потоки, устремляющиеся во все стороны в долины между холмами.

Я зафиксировал в уме энергетические потоки всех уровней, включая первоначальный источник в недрах горы под замком.

Это было прекрасно, я видел источник голубой энергии, видел реки, видел их рукава и все малейшие ручейки волшебной силы.

Держа всю эту великолепную картину в уме, я попытался воссоздать в мозгу изображение карты и без задержки нанести на него все потоки магической энергии.

На это ушел какой-то миг. Бросив последний взгляд на великолепную и величественную картину энергетических потоков, я потянул за шнур удержания и тут же вернулся в свое бренное тело.

Открыв глаза, я тут же посмотрел на Ааза.

Мой наставник улыбался так, как он улыбался только во время посещений Базара-на-Деве.

— Потрясающе! — сказал он. — Иногда ты меня, если честно, просто изумляешь.

Я боялся посмотреть вниз и поэтому просто отступил в сторону.

Ааз нагнулся и поднял карту. На ней был изображен план замка, который я перетянул с потолка, а над ним плавали

энергетические линии. Магия карты сохранила их цвет и движение точно такими, какими я видел их сверху.

Мое творение оказалось настолько прекрасным, что я лишился дара речи. Разве мог я ожидать, что энергетические потоки будут продолжать свое движение? Однако они двигались, переливаясь при этом всеми оттенками синего и голубого.

— Пойдем, ученик, покажем им все то, что ты сумел сделать. Потрясающее, просто потрясающее!

Он повернулся и направился к дверям. Впервые за все время нашего знакомства я уловил в его голосе нотки гордости. А может, мне всего лишь показалось? Нет, не думаю. Наставник действительно гордился своим учеником, а ученик чувствовал себя на седьмом небе.

ГЛАВА ШЕСТИДЦАТАЯ

Увековечьте свое имя на карте.

А. Веспууччи

Y видев созданную мною карту, все подняли великий шум. Танда прижала меня к себе и долго не отпускала, что было очень приятно.

Я был исполнен гордости, но молчал, так как очень опасался испортить величие момента какой-нибудь глупостью.

Когда всеобщее кудахтанье прекратилось, Ааз расстелил карту на столе.

— Приступим к работе, — сказал он. — Нам необходимо выяснить, где находится источник энергии, питающей заклятие, наложенное графом Жвачником на это измерение.

Я внимательно посмотрел на голубые потоки, возносящиеся в воздух с поэтажного плана замка. Карта была настолько совершенной, что показывала все этажи строения. Казалось, будто смотришь не на плоский лист, а в аквариум. Это было красиво, но в то же время порождало какую-то тревогу.

— Посмотрите-ка на подземный этаж замка, — сказала Танда.

Я настроил зрение так, чтобы увидеть самые нижние этажи крепости, и сразу же заметил то, на что обратила внимание Танда.

Исходящая из недр горы широкая, мощная струя энергии внезапно истончалась, словно большая часть ее сливалась в какую-то невидимую глазу дренажную систему. Энергии, попавшей в этот слив, было вполне достаточно, чтобы наложить мощное заклятие на целое измерение.

— Похоже, что мы нашли это место, — сказал, удовлетворенно кивая, Ааз.

— Согласен, — произнес я, припомнив, как действовал на меня энергетический поток, когда я парил над этой точкой.

— Где вы раздобыли этот план? — изумленно спросил Харольд. — Ничего подобного я раньше не видел. Здесь не должно быть никакого коридора, и я не знаю, куда может вести вот этот туннель.

Я бросил на Ааза вопросительный взгляд, и он ответил мне улыбкой.

— Вы видели его раньше, — сказал я, восприняв улыбку наставника как поощрение. — Он начертан на потолке библиотеки.

— Быть того не может! — произнес Харольд, растерянно тряся головой.

— Можете убедиться сами, — сказала Танда. — Я тоже его не сразу рассмотрела. Скив увидел план замка первым.

Харольд смотрел на нас так, словно у Танды и у меня поехала крыша.

Но осуждать его за это я не мог. Если бы я, прожив в изоляции немыслимое число лет, не углядел карты, указывающей возможный путь спасения, я тоже не поверил бы.

Он что-то прошипел и устремился в библиотеку.

— Итак, — сказал я, — нам известно, в каком месте граф Жвачник подключился к энергетической системе. Но как нам перекрыть этот поток?

— Придется спуститься вниз, — ответил Ааз, — и попытаться хотя бы на секунду разорвать течение магической энергии, отклонив поток или перекрыв его.

Я еще раз посмотрел на бьющую из-под земли мощную струю волшебных сил. Небольшие энергетические ручейки я перекрывать мог, но с таким могучим потоком справиться был не в силах. Да и никто другой с ним, судя по всему, не смог бы совладать. Но задавать вопросы настроения у меня не было.

Вернулся Харольд. Он был смущен и пребывал в полном замешательстве.

— Что произойдет, если мы поток перекроем? — спросила Танда.

— Все заклятия, наложенные графом Жвачником, скорее всего будут сняты, — глядя на план, ответил Ааз.

— И к моим людям опять вернутся рассудок и способность бороться за освобождение, — добавил Харольд.

— Оно конечно, — заметил я, — зато вампиры тоже будут в наличии каждый день в течение всего года.

— Половина вампиров погибнет в тот миг, когда они перестанут быть коровами, — ответил Ааз. — А те, кто переживет первый удар, будут ждать восхода солнца без пищи, крова и одежды.

— Как вы считаете, сохранятся ли после этого в мыслях моих людей воспоминания о ежемесячных столпотворениях?

— Несомненно, — ответил Ааз. — Вы же никогда не забывали о них, хотя ваш разум в полном порядке?

— В таком случае люди начнут охотиться на оставшихся вампиров и не закончат охоты, пока не истребят всех.

— И вы сможете уйти из замка, — вставил я.

— Если мы освободим мир от вампиров, у меня не будет нужды уходить отсюда, я останусь в замке, чтобы помочь моим людям восстановить нормальную жизнь.

В ответ я только покачал головой. Мне казалось, что освобождение его народа случится не сегодня и не завтра, а значительно позже.

— Но на мой вопрос о том, как остановить поток, так никто и не ответил, — произнес я.

О необходимости спускаться в недра горы мне даже думать было противно, но я сильно подозревал, что они именно меня отправят в эти гнусные подземелья, куда сотни лет не ступала нога ни человека, ни коровы.

— Золото, — устало произнесла Гленда. — Золото может остановить поток, если вы сумеете сбрать достаточно металла и сосредоточить его в одном месте.

Ааз глубоко задумался.

Танда тоже погрузилась в мысли.

Мы же с Харольдом недоуменно посмотрели друг на друга.

Поскольку мы были всего лишь учениками чародеев, ни один из нас не понял, почему все остальные задумались.

— Полагаю, что это может сработать, — сказал Ааз. — Отличная идея, Гленда. Мы все тебе благодарны.

Гленда ничего не ответила. Создавалось впечатление, что чем ближе мы подходим к решению проблемы, тем мрачнее и отрешеннее она становится. Но я был страшно зол на эту предательницу и не хотел спрашивать, что с ней происходит.

— У меня остаются вопросы, — не унимался я. — Как мы туда спустимся с грузом золота, достаточного для усмирения потока? Кто сможет его тащить?

— Много золота нести не надо, — ответила Танда. — Его потребуется ровно столько, сколько нужно, чтобы при помощи заклинания связывания притянуть к себе металл из окружающего пространства. Достаточно какого-нибудь плоского позолоченного предмета.

— Золотая лопата сойдет? — спросил я.

— Наверняка, — ответила Танда.

Харольд прошел к стене за зеленой лужайкой, открыл дверцу шкафчика и извлек оттуда золотую лопату. Создавалось впечатление, что коровий навоз во дворце убирают только золотыми лопатами.

— Итак, проблема с золотом решена, — сказал Ааз и повернулся к Танде: — Ты можешь устроить так, что, как только мы приступим к делу, лопата начнет притягивать к себе золото?

— Естественно, — ответила та. — Мне приходилось сотни раз творить это заклинание, чтобы соорудить стены или иные преграды.

— Но я пока не исчерпал все свои вопросы. — Мне жуть как не хотелось спускаться в недра горы. — Как мы подойдем к источнику, избежав при этом встречи с волонтерами-дружинниками?

Ааз ткнул пальцем в какую-то точку на плане.

Мои самые худшие предположения оправдались. Наставник показывал на тот самый туннель, мысль о спуске в который вызывала у меня отвращение.

— Посмотри, куда ведет этот коридор. Потайной вход в него, кстати, находится в библиотеке.

Я проследил за движением пальца изверга и увидел проход, ведущий в самые недра горы. Потайной коридор обходил стороной все помещения и заканчивался большой комнатой, из пола которой был энергетический фонтан.

— Похоже, что потайной ход был сооружен с одной целью, — с ласковой улыбкой продолжал Ааз.

— Граф Жвачник, когда обитал здесь, использовал его для доступа к главному источнику силы, — добавил Харольд.

— Итак, мы отираемся под землю, — заявил я, принимая золотую лопату из рук нашего хозяина. — Остается надеяться, что мне не придется прорывать себе выход на свет при помощи этого шанцевого инструмента.

— Нам, — уточнил Ааз, внимательно взглянувшись в подэтажный план замка.

Мой наставник был настолько уверен в успехе, что я изумлялся, почему он вообще позволяет мне все утро донимать его глупыми вопросами.

Найти потайную дверь оказалось непросто. Чтобы до нее добраться, пришлось передвинуть гору старинной мебели и перетащить с места на место бесчисленное количество древних фолиантов и рассыпающихся в прах свитков. Перемещать свитки было труднее всего, так как Харольд не позволил мне отпихивать их ногами.

Добравшись до места, где, если верить плану, находился вход, мы наткнулись на каменную стену.

— Боюсь, мы ничего не найдем, — сказал Харольд. — За все эти годы я успел прекрасно изучить помещение.

Я не стал напоминать ему, что он ошибается. Как можно говорить о хорошем знакомстве с помещением, если ты даже не заметил плана на потолке своей темницы.

— Нет, вход здесь, — сказал Ааз, протыкая пальцем монолитную на вид стену.

Мы все стояли на пыльном полу у входа в потайной ход. Я держал лопату, а Танда — карту.

— Подойди-ка ко мне, Гленда, — позвал Ааз.

Гленда послушалась, и мой наставник, не успел я и глазом моргнуть, накинул на нее шнур с золотой нитью и затянул его.

Гленда мгновенно рухнула на пол и погрузилась в сон, так и не успев выразить протест.

Действия наставника повергли меня в изумление.

— Харольд, — сказал Ааз, — берите даму за ноги, и перенесем ее на кушетку.

Харольд, похоже, был изумлен не менее моего. Тем не менее он помог Аазу перенести Гленду на кушетку и стал внимательно наблюдать за тем, как мой наставник затягивает узлы золотого шнура.

— Ни при каких обстоятельствах, что бы вам ни казалось и что бы вокруг вас ни происходило, не развязывайте веревку до нашего появления, — жестко произнес мой наставник и для пущей убедительности грозно спросил: — Вы меня хорошо поняли?

— Понял, — ответил Харольд, — хотя мне не до конца ясно, с какой целью вы это сделали.

— Карту! — не отвечая на его вопрос, бросил Ааз.

Танда вручила ему пергамент и показала на какую-то точку:

— Посмотри сюда. Видишь тонкую силовую линию, которая тянется из подземелья к этому помещению?

Я сунул нос в карту. Поначалу я думал, что Танда все выдумала, но, внимательно взглянувшись, рассмотрел тонкую, как волос, линию.

— Гленда каким-то образом была на крючке, — сказал Ааз, — я заметил это лишь после того, как мы обсудили все наши планы.

— Ты хочешь сказать, что противнику известны наши намерения? — спросила Танда.

— Весьма возможно.

— Какая удача! — язвительно произнес я.

«Интересно, — подумал я, — сколько добровольцев-дружинников я успею сразить золотой лопатой, прежде чем они меня повяжут?»

— Вы готовы? — спросил Ааз.

— Ты хочешь, чтобы я шел первым? — поинтересовался я, все еще не зная, куда идти.

— Некоторое время первым пойду я, — ответил Ааз и взял в руки факел, который мы предусмотрительно прихватили из первого туннеля. — Думаю, что свет нам не помешает.

Я выбрал немного энергии из общего потока и направил ее на факел. Тот, естественно, сразу же загорелся. Кто мог бы подумать, что совсем недавно этот простой трюк давался мне с огромным трудом? Всего год назад я, вместо того чтобы зажечь факел, мог спалить всю библиотеку с ее антикварной мебелью и старинными манускриптами.

— Иди за мной, — бросил Ааз и исчез в каменной стене.

— Ну и местечко, — заметил я и шагнул следом, держа перед собой лопату на случай, если камень вдруг окажется камнем.

Через мгновение я очутился в узком, вырубленном в скале туннеле. Еще через миг из каменной стены вынырнула Танда.

Передо мной оказались ступени, ведущие куда-то в недра земли. Конец спуска терялся во тьме, свет факела туда не доходил.

В туннеле было холодно и пыльно. Ясно, что нога человека (или вампира) не ступала здесь много-много лет. Каждый наш шаг поднимал четко видимые в свете факела клубы пыли.

— Мы здесь экранированы? — спросил Ааз.

— Не хуже, чем в библиотеке, — ответила Танда. — Граф Жвачник наверняка не хотел, чтобы о существовании этого хода знали другие.

— Это облегчит нам жизнь, — заметил я, и Ааз утвердительно кивнул.

Убедившись, что мы готовы двинуться вперед, мой наставник поднял факел повыше и зашагал вниз по каменным ступеням.

Спуск в недра занял много времени и оказался не очень приятным, поскольку каждый наш шаг по-прежнему вздымал тучи пыли. Я не мог представить, кто и как мог когда-то пробить этот туннель.

Спускаться я еще кое-как спускался, но подъем представлялся мне совершенно невозможным. Я не смог бы здесь карабкаться вверх, даже находясь на пике спортивной формы.

Наконец этот кошмарный, занявший, как мне показалось, целую вечность спуск завершился; дальше туннель шел горизонтально.

— Карту! — приказал Ааз.

Танда подошла к нему, и мы все склонились над пергаментом. В неярком свете факела и в клубах пыли карта была едва различима.

Мне стало ясно, что мы достигли самой глубокой точки туннеля. Внимательно оглядев каменные стены и потолки, я увидел бесконечную каменную толщу, нависающую над нашими головами. Мне вдруг стало трудно дышать, и я запаниковал.

— Неужели нам так необходимо идти дальше?

Танда устремила взгляд на карту, а Ааз одарил меня улыбкой. Его зеленая чешуя была покрыта толстым слоем пыли, и желтые глаза казались крошечными дырочками в грязи.

— Небольшой приступ клаустрофобии? — спросил он.

— Не знаю, что это такое, — ответил я, не представляя, что означает это очень длинное и красивое слово.

Ааз частенько забывал, что я явился из самого медвежьего угла самого отсталого мира.

— Ощущаешь, как на тебя давит горная масса? — спросила Танда.

— Что есть, то есть, — сказал я. — Гораздо больше, чем мне того хотелось бы. И все вашими молитвами.

— Не волнуйся, малыш, мы почти у цели, — усмехнулся Ааз.

— В таком случае — вперед, — произнес я, пытаясь подавить страх при виде ожидающего меня узкого каменного коридора.

Ааз внимательно посмотрел мне в глаза и двинулся по туннелю. Я пошел следом, держа наготове золотую лопату. Если потолок туннеля рухнет, то я окажусь похороненным с ценным предметом в руках, что, несомненно, порадует будущих гробокопателей. Через пару сотен шагов каменный коридор снова пополз вверх. Ступень за ступенью. Все вверх и вверх.

Длительное восхождение меня так утомило, что я даже перестал бояться обвала.

— Ну и дела, — протянул Ааз, — здесь же почти нечем дышать.

Услыхав его слова, я вдруг осознал, что мне тоже не хватает воздуха. Час от часу не легче! Итак, если мне не суждено быть погребенным под обвалом, я непременно погибну от удушья.

— Почти на месте, — услыхал я позади себя голос Танды, а затем послышалось шуршание пергамента.

Ааз кивнул и двинулся дальше. Шел он медленно, едва переставляя ноги. Мне было чуть легче, потому что я использовал золотую лопату в качестве посоха.

Шаг. Звон лопаты о камень. Шаг. Звон. Шаг. Звон. Звон эхом катился по туннелю позади нас.

Если наша задумка не сработает, предстоит долгоеозвращение по этому мрачному коридору. Я, конечно, постараюсь доковылять до покоев Харольда, но неохота — страшно.

Шаг. Звон. Шаг. Звон.

Неужели это будет продолжаться вечно?

Нет, это невозможно.

Скорее всего мы сделали петлю и теперь возвращаемся обратно.

Глаза слезились от пыли, на зубах хрестела все та же пыль.

— Пришли, — еле слышно прохрипел Ааз.

Я оглянулся. Танда плелась за мной. Ее лицо было сплошь покрыто пылью, лишь под носом и в углах рта были заметны ручейки грязи. Казалось, она вот-вот шлепнется в обморок.

Шедший впереди Ааз отодвинул в сторону деревянную панель и шагнул через порог. Когда я вошел следом за ним, на меня словно молот обрушился поток холодного, свежего

воздуха. Никогда в жизни я не чувствовал себя так хорошо, как в этом месте.

Мы оказались в приличного размера зале (по моей оценке, шагов пятидесяти в поперечнике), где не было никакой мебели. Я видел лишь четыре каменные стены, каменный потолок и каменный пол. Только дверь, через которую мы вошли, нарушала серую монотонность камня. Окон в зале, естественно, не было, и я не мог понять, откуда поступает этот сладостно свежий воздушный поток.

— Ах! — прошептала Танда, захватив широко открытым ртом полную грудь живительного воздуха.

Я вздохнул следом за ней.

Ааз подошел к Танде, взял карту и принялся ее изучать. Мы же тем временем пытались отышаться.

Через некоторое время Ааз двинулся по комнате, стараясь держаться поближе к стенам.

Я понимал почему. Где-то в центре зала должен был находиться мощный фонтан магической энергии.

Думаю, поток не повредил бы Аазу, если бы он сквозь него прошел. Но мой наставник, видимо, решил не искушать судьбу.

Пройдя примерно половину комнаты, он остановился, посмотрел на карту и отступил на несколько шагов назад.

— Здесь, — сказал он, ткнув пальцем в пустое пространство. — В этом месте энергетический поток имеет отвод, — пояснил мой наставник и показал на стену, в то место, куда, видимо, направлялась часть энергии.

Я сделал глубокий вдох и распахнул свой мозг, чтобы увидеть поток энергии.

— Этого не может быть! — воскликнул я, отступая на шаг.

— Какой огромный! — подхватила Танда, тоже отходя назад.

Всего в нескольких шагах от нас изливался могучий поток чистой голубой энергии. Появляясь из пола, он исчезал в потолке.

Диаметр потока был не менее сорока шагов.

Сквозь голубую реку энергии я с трудом различал стоящего у стены Ааза. Примерно на половине высоты комнаты диаметр потока резко уменьшался до тридцати шагов. Часть

его отходила в сторону и исчезала в стене, в том месте, на которое показывал Ааз. Именно эта часть энергии питала заклятие, удерживающее измерение Коро-Бау в его весьма необычном состоянии.

Каким образом графу Жвачнику удалось отхватить такое количество энергии, я своим жалким умишком ученика чародея понять не мог. Я еще раз посмотрел на бурлящий передо мной водоворот энергии и перевел взгляд вниз, на золотую лопату. Только сейчас до меня дошла глупость всей нашей затеи. Как можно остановить бушующий поток жалким шансцевым инструментом — пусть даже и золотым? Поняв это, я горько рассмеялся.

Ааз, по-прежнему держась поближе к стене, подошел к нам.

— Это невозможно, — сказал я, поднимая лопату. — Зал переполнен энергией.

— Ничего подобного я раньше не видела, — прошептала Танда.

— Мы сделаем это, — заявил Ааз.

Я снова посмотрел на лопату, затем на голубой поток и печально покачал головой.

Иногда мой наставник бывал бесконечно умен, иногда сердит, но чтобы у него полностью поехала крыша, мне видеть еще не приходилось.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

*Я слышал, что из золота кладут
стены. Но это же — нонсенс!*

Царь Мидас

-Стив, — сказал Ааз, — ты видишь, где энергетический поток, питающий заклинание графа Жвачника, отходит от основного русла?

Мы как раз подошли туда, где часть потока отклонялась и уходила в стену.

— Да. Прямо перед нами. — Я показал на точку отвода и на место, где боковой поток уходит в стену.

Воспользовавшись моментом, я пошире распахнул свой ум и набрал про запас побольше энергии, которую позже можно было бы использовать для сотворения заклинаний. Я без труда различал все энергетические потоки, чего не мог утративший магические способности Ааз.

Поток энергии, использованной графом Жвачником, напоминал крупную ветвь неохватного дерева. Он шел чуть вверх и в сторону. Теперь я видел, что поток вовсе не втекает в стену, а просто исчезает, целиком растворившись в заклинании, и похож скорее не на целую ветвь, а на ее обрубок длиной примерно в человеческий рост. Наша задача состояла в том, чтобы слегка выпрямить боковой поток и вернуть его в главное русло. Теоретически это выглядело правильно, но в том, что это все получится на практике, я был далеко не уверен.

Это напоминало попытку, не намочив ноги, в один миг соорудить дамбу на рукаве бурной реки. Но этот, с позволения сказать, рукав энергии в попечнике был не менее десяти шагов и во много раз превосходил ширину моей жалкой золотой лопаты. Тем не менее я видел, что Ааз горит желанием заставить меня не только отклонить, но и вообще остановить поток энергии при помощи инструмента для подбора навоза.

Я был готов поклясться преисподней графа Жвачника, что из этой затеи ничего не получится.

— Мы будем работать вместе, — сказал Ааз, становясь со мною рядом. — А ты, Танда, по моему сигналу установи магическую связь золота этой лопаты со всем золотом замка. Постарайся притянуть его как можно больше.

— Вы хотите увеличить размеры лопаты?! — изумился я.

— Именно, малыш, именно.

— Придется сделать лопату не менее десяти футов в попечнике, — заметила Танда, и я понял, что она тоже сомневается в успехе предприятия.

— Знаю, — кивнул Ааз.

— А мы сможем удержать такую массу? — поинтересовался я. — Что касается меня, то я точно лопату выроню.

— Будем работать дружно, — сказал Ааз. — Ты начнешь двигать инструмент, а я удерживать, встав под черенком. Как только Танда произнесет заклинание притяжения, лопата мгновенно потяжелеет, поэтому будь готов действовать по моему сигналу. Я не хочу, чтобы ты ее уронил.

Я молча кивнул, хотя золотая лопата была достаточно тяжелой и в первозданном виде. Мне было неясно, как Ааз ухитрится удержать золотую пластину поперечником в десять футов — пусть и не очень толстую.

— Мы должны держать ее вне потока, пока она не увеличится, — сказал Ааз.

— Ладно, — согласился я, — давай покончим с этим делом и начнем новую жизнь.

— Знаешь, малыш, что мне больше всего в тебе нравится? — со смехом спросил мой наставник.

Поскольку вопрос был риторическим, я промолчал, и Ааз ответил сам:

— Больше всего мне нравится твоя способность к позитивному мышлению.

Я не знал, что такое это самое позитивное мышление, но на всякий случай ответил:

— Покажите мне что-нибудь позитивное, и я буду думать как надо.

Ааз ухмыльнулся и нырнул под черенок лопаты, а я удерживал инструмент рядом с боковым потоком энергии. Когда Танда соберет достаточно золота, мы просто уроним лопату вправо, как бы отсекая ветвь от ствола, а заодно и заклинание графа Жвачника от источника энергии. Но если мы случайно выроним лопату в главное русло энергии, ожидать можно все что угодно. Ааз даже не знал, что может случиться, когда мы отсечем боковой поток. Когда я его об этом спросил, он лишь выразил надежду, что ничего страшного не произойдет. Мне его ответ почему-то очень не понравился.

Итак, мы в очередной раз отправлялись в неведомое.

— Готовы! — что есть мочи гаркнул Ааз, несмотря на то что в помещении царила тишина и, кроме нас троих, никого не было.

Для постороннего зрителя (если бы на нас можно было взглянуть со стороны) мы являли собой весьма дурацкое зрелище.

Ааз, пригнувшись, стоял передо мной, положив черенок лопаты на плечо и вцепившись в него обеими руками. Танда, запрокинув голову, пялилась в пространство, я же просто держался за лопату.

— Готова, — сказала Танда, и я знал, что она отправила свое бестелесное «я» собирать золото и транспортировать его на нашу лопату.

— Давай! — снова гаркнул Ааз, и лопата мгновенно стала рasti, прибавляя при этом в весе.

Я напряг все свои силы. То же самое сделал и Ааз. Вес инструмента увеличивался с потрясающей быстротой. Я делал все, чтобы не выронить его, хотя моя работа была значительно проще, чем у моего наставника, — мне надо было просто удерживать лопату под нужным углом.

— Примерно половина! — прохрипел Ааз из-под навалившегося на него огромного груза. Он едва стоял на ногах, хотя был одним из самых физически сильных демонов среди тех, кого я когда-либо встречал. Я делал все, чтобы снять с него хотя бы часть нагрузки, одновременно удерживая лопату под нужным углом.

А лопата все увеличивалась и увеличивалась, все быстрее и быстрее.

— Почти готово! — еле слышно прохрипел Ааз, изнемогая под огромным грузом золота.

Лопата стала похожа на золотую монету гигантских размеров.

— Давай! — пискнул Ааз.

Я слегка толкнул лопату в сторону, чтобы она упала ребром на боковое ответвление потока. Танда не прекращала наращивать вес инструмента.

Золотой диск вошел в голубой поток, словно нож в масло, и мне показалось, что на нас рухнул весь мир. Меня отбросило на стену, и я со страшной силой приложился затылком о камень. Танда упала, сила взрыва швырнула ее к дверям. Наша подруга лежала с закрытыми глазами, и я не

знал, жива она или мертва. Ааз стоял прижатый к стене рядом со мной.

Какая-то страшная сила не позволяла мне пошевелиться, в то время как золотая лопатища рассекала поток энергии.

Пока все шло именно так, как мы и планировали. Я не верил своим глазам. Лопата продолжала увеличиваться в размерах по мере того, как в нее вливались новые порции золота.

Нет, здесь явно что-то не так!

Танда должна была добыть лишь золото, находившееся в том пространстве, которое оказалось экранированным во время наложения заклятия, но желтого металла в лопате было уже явно больше, и он по-прежнему продолжал поступать. Лопата отсекла боковой поток и теперь уже падала на основное энергетическое русло. Не прекращая своего роста, лопата перекрывала главный источник энергии.

Мне показалось, что помещение, в котором мы находимся, вывернулось наизнанку. Голова не выдержала давления о камень, и я погрузился во тьму.

— Скив! Скив! Ты меня слышишь?

Этот зов долетал до меня откуда-то издалека, словно из-за высокой горы. Но мне было все равно. Вокруг царила тьма, и мне страшно хотелось спать.

— Скив!!! — Голос, как мне показалось, прозвучал ближе.

Я пребывал во тьме. Абсолютной, беспросветной тьме. Я попытался открыть глаза, но темнота не исчезла. Каждая мышца в моем теле отдавалась болью. Видимо, во сне я свалился с кровати.

— Скив, если ты меня слышишь, зажги факел!

Теперь я понял, почему здесь так темно, но о том, где я нахожусь, у меня не было ни малейшего представления. Я слышал вокруг себя какое-то движение, но ничего не видел. Скорее всего это шевелился Ааз, пытаясь выяснить, что же произошло с освещением. Я ощупал вокруг себя пол, но факела там не оказалось. Не понимаю, с чего это я вдруг решил, что он должен валяться на полу? Пол в спальне оказался холодным и твердым как камень.

— Скив, создай хоть какое-нибудь освещение.

Этот изверг начинал действовать мне на нервы.

Ну и что с того, что вокруг темно? В темноте спать гораздо лучше.

Однако я все же протянул руку и оторвал клок от полы рубашки. Мне казалось, что в прошлом я уже делал нечто подобное, но эти воспоминания были весьма туманными.

Держа лоскут перед собой, я сосредоточил на нем свои мысли, пытаясь добыть из мозга хоть немного энергии, чтобы запалить тряпицу.

Это было очень трудно, но вскоре материя все же занялась едва заметным пламенем. Этот трепетный огонек осветил комнату, и я начал вспоминать, где нахожусь.

Ааз сидел в десяти шагах от меня, привалившись спиной к каменной стене. Голова Танды поклонилась на его коленях. В помещении, кроме них, не было никого и ничего, если не считать огромного диска из серого металла. Диск прикрывал почти весь пол, лишь немного не доходя до стен.

— А я уже начал беспокоиться за тебя, малыш, — сказал Ааз. — Рад снова увидеть своего ученика живым.

— Я тоже начал за себя беспокоиться, — произнес я, начиная вспоминать последние события.

Я припомнил, что мы пришли сюда, чтобы лишить энергии мощное заклятие, наложенное на Коро-Бау графом Жвачником, а серый диск на полу — видимо, моя лопата или, вернее, то, что от нее осталось.

Танда застонала и сделала попытку сесть.

— Полегче, полегче, — удержал ее Ааз. — У тебя на голове здоровенная шишка.

— Я чувствую, — сказала Танда и, посмотрев в мою сторону, улыбнулась: — Рада видеть тебя в полном здравии.

— О том, в здравии или нет, я скажу, если доживу до утра. Танда засмеялась и тут же вскрикнула от боли.

— Я же говорил тебе — полегче, — заметил Ааз.

— Итак, — продолжила Танда, — удалось нам это сделать, или мы старались зря?

— Не знаю, — ответил Ааз.

— Скажи, Скив, что у нас получилось?

Некоторое время я не понимал, чего от меня вообще хотят. Я сидел, привалившись к стене, и тупо смотрел на тлеющий в моей руке лоскуток. Потом вдруг до меня дошло, что они хотят спросить, вижу ли я энергетический поток. Я распахнул разум, чтобы увидеть море голубой энергии, еще совсем недавно заполнявшее все помещение.

И ничего не увидел! Как основной поток, так и его ответвление полностью исчезли. Теперь в комнате не было не только мебели, но и энергии.

— О да, — ответил я, — наша миссия увенчалась полным успехом. Может быть, даже слишком.

— Все исчезло? — спросила Танда.

— Абсолютно все, включая основной поток.

— Весьма любопытно, — заметил Ааз. — Интересно, что из этого получится?

Лоскут уже начал обжигать мне пальцы, поэтому я, оглянувшись, отыскал факел и, завалившись набок, осторожно его зажег.

Я взял факел в руку, вновь принял сидячее положение и осмотрел помещение.

На противоположной стене, где раньше не было никакой двери, теперь виднелась широкая арка. Из нее дул легкий ветерок, исчезая в туннеле.

— Пожалуй, стоит взглянуть, что мы натворили, — сказал Ааз и спросил: — Вы способны передвигаться?

Я проверил свои нижние конечности, Танда тоже испытала крепость ног. Если не считать шишек и ссадин, то мы вышли из авантюры в весьма приличном виде. Интересно, как пережили все это остальные обитатели замка?

— Неужели нам придется возвращаться через туннель? — произнес я, с ужасом представив, как стану карабкаться по бесконечным ступеням.

— Если это не прекратило действие заклятия, то ничто другое не сможет положить ему конец. В таком случае нам придется остаться здесь навсегда, и прятаться дальше нет смысла, — сказал Ааз.

— И эти слова, по-твоему, тоже надо считать проявлением позитивного мышления? — поинтересовался я.

— А как же? Ведь я тоже чему-то учусь у своего ученика.

Обменявшись репликами, мы заковыляли к арке, из которой дул освежающий ветерок. Миновав ее и пройдя еще полсотни шагов, мы оказались в широком коридоре. Коридор привел нас к лестнице. Предстоял болезненный подъем, но здесь по крайней мере воздух был свежим. Поднявшись по лестнице, которая, по счастью, оказалась не слишком длинной, мы вышли в верхний коридор, заканчивающийся укрытой цветущими лианами аркой. Ааз, раздвинув лианы, скрылся за аркой, а я помог Танде пройти за ним следом.

Миновав арку, мы оказались в лучах послеполуденного солнца. У меня не было слов, чтобы описать тот восторг, который я ощутил при виде дневного светила после путешествия по подземелью, энергетического удара и пребывания во тьме.

На лужайке перед нами валялась лопата. Она имела точно такую форму, как все золотые лопаты, только на этой не было ни грана золота.

— Взгляните-ка! — сказал Ааз.

Мы посмотрели в указанном направлении и увидели обгорелую дымящуюся кучу, в которой при наличии воображения можно было угадать корову.

— Похоже, что мы сняли заклятие Жвачника, — заметил я.

— Это точно! — откликнулась Танда и, показав на лопату, добавила: — Парни в белых одеждах побросали свои инструменты. И ушли, оставив ворота замка открытыми.

Она была совершенно права, и, кроме того, я заметил, что золотая отделка ворот исчезла, так же как и золотая кайма вдоль стен.

Внимательно оглядевшись по сторонам, я не заметил никаких признаков золота. Заклинание Танды высосало драгоценный металл со всей округи.

Мы прошли по травке в направлении догорающей туши и остановились футах в двадцати от нее: дальше идти не позволила вонь. Это была корова-вампир, но теперь все ее четыре копыта смотрели в небо, а шкура сгорела полностью.

Создавалось впечатление, что ее всю мгновенно охватило пламя и она скончалась на месте, не успев даже вернуть себе облик вампира.

— Как жаль, — заметил Ааз.

— Ты это о чем? — изумился я. — Ведь перед нами дохлый вампир.

— Вампира мне не жаль, — покачал головой мой наставник. — Жаль, что пропадает столько прекрасной говядины. В последнее время хорошо прожаренные бифштексы перестали пользоваться среди гурманов популярностью. Что скажет на это шеф-повар? — спросил он у меня с улыбкой.

— Пройдет много лет, прежде чем я прикоснусь к любому бифштексу, как хорошо прожаренному, так и с кровью, — ответил я.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

И что же мы с этого будем иметь?

Терсций

Мы смертельно устали и, несмотря на то что возвращались победителями, едва доплелись до библиотеки, где оставили Харольда и Гленду. Я и раньше замечал, что работа с энергетическими полями и силовыми линиями отнимает силы. Это становится заметно после того, как все магические действия заканчиваются.

Войдя в помещение, я первым делом увидел, что Харольд развязал Гленду и она сидит напротив него на единственном стуле.

Кроме того, я увидел, что наш хозяин держится более уверенно, чем раньше.

— Входите, входите, друзья мои! — произнес он, улыбаясь от уха до уха. — Сдается мне, что настало время для поздравлений. Все указывает на то, что вам удалось положить конец заклятию графа Жвачника.

— В нашей повестке дня должны быть не только поздравления, — мрачно сказал Ааз, скрестив на груди руки. — Прежде всего мы хотели бы услышать от вас кое-какие объяснения. Той сказки, которую вы нам рассказали, для нас недостаточно.

— Охотно, — ответил Харольд, широким жестом предлагаю нам занять антикварные кресла. — Насколько я догадываюсь, вы уже смогли заметить, что мой рассказ не совсем полон.

— Я бы выразилась несколько иначе, — сказала Танда. — В вашем повествовании концы с концами не сходятся.

— Совершенно верно, — радостно согласился Харольд. — Разъясняю ситуацию, некоторые несущественные моменты я опустил и ряд мелких деталей слегка исказил.

— Почему бы вам сейчас не восполнить эти пробелы? — сурово проговорил Ааз. — А мы уж сами как-нибудь определим, насколько существенны пропущенные вами моменты и как сильно вы исказили детали.

— Хорошо. Для вас все, возможно, станет яснее, если я скажу вам, что меня зовут вовсе не Харольд. Я не кто иной, как сам граф Жвачник.

— Вампир?! — воскликнул я, не в силах скрыть охвативший меня ужас.

— Да, я — граф, — ответил Харольд/Жвачник. — Но уже не вампир. И в этом, пожалуй, заключена самая суть дилеммы, с которой я столкнулся. Возможно, вы помните ту часть моей истории, в которой я говорил о моей наставнице Лейле. Так вот, она своим искусством смогла помочь мне подавить инстинкты вампира и привила любовь к нормальному человеческому образу жизни. Однако следует признаться (уверен, что вы меня поймете), для практикующего мага нормальной жизни в обычном понимании быть не может.

Я хотел было заявить, что целиком и полностью поддерживаю последнее замечание графа, но воздержался, поскольку Жвачник продолжал свой рассказ:

— Мы вернулись в это измерение, чтобы обратить моих бывших сотоварищей-вампиров в обычных людей и тем самым позволить всем обитателям измерения жить без страха,

как братья. Однако, к моему величайшему сожалению, остальные вампиры не поддержали мои гуманистические взгляды и не пожелали отказаться от роли хозяев и правителей. После этого я предпринял попытку поднять людей на борьбу, но результат схватки оказался для меня плачевным. Моя наставница погибла, а я оказался в заточении. Подавил восстание не кто иной, как Убалльд. Во всем остальном мой рассказ был совершенно правдив.

— Но почему вы не рассказали все это сразу? — спросила Танда. — Мы бы охотно вступили в борьбу за правое дело.

— Возможно, — печально кивнул Жвачник. — Но опыт всей моей жизни говорит о том, что люди охотнее оказывают помощь своим ближним, руководствуясь алчностью, а не высокими побуждениями. Особенно справедливо это утверждение, когда речь идет об оказании помощи вампиру или обращенному в человека вампиру.

— Именно, — вмешался Ааз, — и насколько мне помнится, мы слышали от вас упоминание о вознаграждении.

— Что я могу на это сказать, — развел руки в стороны Жвачник. — Я совершенно искренне предлагал взять вам столько золота, сколько вы можете унести. В этот момент я никак не мог предположить, что в ходе снятия коровьего заклятия вы превратите все золото в свинец.

Я осмотрел помещение и убедился, что граф говорит правду. Там, где ранее сверкали золотые инкрустации, тускло поблескивал какой-то серый металл.

— По правде говоря, — продолжал граф Жвачник, — я очень надеялся на то, что вы поживете здесь некоторое время, чтобы помочь мне возродить измерение Коро-Бау к жизни. Вы много путешествовали по измерениям, и ваши знания в совокупности с вашим опытом могли бы принести моему народу неоценимую пользу. И в конечном итоге мы могли бы придумать нечто такое, что полностью компенсировало бы ваши труды и затраты.

— Кажется, мне пора, — сказала Гленда, поднимаясь со стула. — Воссоздание миров не входит в число моих любимых занятий. Хватит множить убытки. Настало время отправляться домой.

— Что?! — изумилась Танда. — Ты удаляешься, не получив своей доли?

— Тоже мне доля, — презрительно фыркнула Гленда. — Доля от ничего есть ничто.

— А как быть с теми процентами, о которых мы договаривались? — спросил я.

В помещении повисла мертвая тишина. Все смотрели на меня в немом изумлении.

— Выходит, ты обо всем догадался? — выдержав паузу, хихикнула Гленда.

— Ты же — не что иное, как Перемещальник с Базара-на-Деве, что, нет? — продолжил я. — Ты скакнула раньше нас, чтобы получить не одну долю, а две. Более того, ты попыталаась вообще отделаться от нас и заграбастать все сокровище.

— Кто может осуждать девушку за попытку? — пожала плечами Гленда. — Увидев, как много экспедиций бесцельно бродили, следя указаниям карты, я решила присоединиться к одной из них, чтобы добиться успеха. Из этого, как видите, ничего не получилось. Сил потрачено много, а в результате ноль.

— Но во время нашей первой встречи на Завихрении ты сказала, что не имеешь отношения к Перемещальникам, — заметила Танда.

— Я солгала, — спокойно ответила Гленда. — Один из наиболее строго охраняемых секретов Перемещальников состоит в том, что мы способны удерживать постоянную форму, если пожелаем. Когда Скив прямо спросил меня об этом, я решила, что он о чем-то догадывается, и пустилась на блеф. Мне и сейчас интересно, как ты это сообразил.

— Тогда это был, как говорится, выстрел в темноте, — признался я. — Окончательно я это понял после того, как ты бросила меня на Коро-Бау. Я знаю, что вы оба решили, будто при виде миленького личика я веду себя, как последний идиот, — продолжил я, глядя на Ааза и Танду. — И вы имели для этого некоторое основание. Однако я знаю себя лучше, чем вы, и чем больше я думал об этом, тем меньше верил, что мог без всякой причины оказаться таким, фигулярно выражаясь, теленком. Затем я вспомнил, как неудержимо мне хотелось

высказаться во время пребывания в палатке Перемещальника. Это было заклятие принуждения. Скажи, Гленда, разве я не прав? Думаю, что я весьма чувствителен к действию этого заклятия, и все мое последующее поведение явилось его отдаленным результатом.

— Довольно близко к истине, — подтвердила Гленда. — К сожалению, мне приходилось использовать его не на полную мощность и направлять так, чтобы другие ни о чем не догадались. Мне казалось, что тебе с твоим ограниченным опытом сообразить не удастся. Это была моя ошибка.

— Еще бы, — язвительно заметила Танда и добавила: — Молодчина, Скив! Отличная работа.

— А теперь, повторяю, мне пора домой.

— Не так скоро, дорогая, не так скоро, — вступил в беседу Ааз. — Во-первых, ты должна публично признать, что характер твоих действий во время проведения операции освобождает нас от всех обязательств по отношению к тебе.

— Естественно, — пожала плечами Гленда. — Как я уже сказала, любая доля от ничего равняется нулю.

— Во-вторых, — с улыбкой продолжил Ааз, — полагаю, тебе не хочется, чтобы весь Базар-на-Деве узнал о том, как ты пытались обмануть своих клиентов? Не только обмануть, но еще и заработать на этом. Это нанесет существенный урон не только твоей репутации, но и репутации всех Перемещальников.

— Ты смеешь мне угрожать? — возмутилась Гленда.

— Ни в коем случае, — ответил Ааз, продемонстрировав в улыбке бесчисленные острые зубы. — Совсем напротив. Ты вполне можешь рассчитывать на нашу скромность. Мы даже между собой не станем говорить о твоем участии в нашей эскападе и той роли, которую ты в ней сыграла.

— Неужели?

— ...за определенную цену, естественно.

— Так я и знала, — вздохнула Гленда, закатывая глаза. — Одно слово, извращенцы...

— Изверги! — поправил ее я и добавил: — Эта маленькая оговорка обойдется тебе еще в некоторую сумму.

Ааз расцвел улыбкой, а затем обратил все свое внимание на Танду.

— Танда, дорогая, — сказал он, — тебе не будет очень затруднительно составить компанию Гленде по пути домой и обсудить все детали нашего соглашения? А мы со Скивом тем временем завершим все дела здесь, на Коро-Бау. Базар-на-Деве как-то лучше располагает к переговорам. Мы же используем И-Скакун и встретимся с тобой в Поссилтуме.

— Замечательная идея, — улыбнулась Танда.

— В таком случае действуй, детка, — кивнул Ааз. — А нам и здесь есть о чем побеседовать.

Обе дамы встали рядом. Через мгновение я услышал столь мне знакомое негромкое «БАМ!», и они исчезли.

Гленда даже не попрощалась, однако не могу сказать, что этим она разбила мое сердце.

— Вы поступили очень благородно, — произнес Жвачник. — Ведь вы могли просто уничтожить ее репутацию.

— Ее репутацию? — презрительно хмыкнул Ааз. — А что будет с нашей репутацией, когда повсюду разнесется весть о том, что мы прошли через страшные испытания, не получив за это никакого вознаграждения?

— Мне кажется, все обойдется, Ааз. Никто не станет над нами смеяться.

— Ты так думаешь? Да все умрут от смеха, узнав, что мы своей рукой превратили в свинец все золото на измерении, где в обращении нет денег. Нам останется лишь то, что Танда сумеет выколотить из Гленды. Но это будет плата за молчание, а не за наши усилия.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — сказал я, обращаясь к графу Жвачнику. — Вы сказали, что в обмен на наши услуги мы можем получить столько драгоценностей, сколько можем унести. Не так ли? Любых драгоценностей. Не обязательно золота. Золото тогда казалось лишь наиболее очевидным платежным средством.

— Да, именно так.

— В таком случае не расплатитесь ли вы с нами черепами из соседнего помещения? — спросил я.

— Коровьими черепами? — мрачно переспросил Ааз.

— Хотя бы одним. Тем, который обвешан драгоценными камнями.

— Неужели он все еще по-прежнему там?! — искренне изумился Жвачник.

— Да, он на месте, хотя и несколько запылился.

— Естественно. Это будет только справедливо. Подождите, я сейчас же его вам принесу, — сказал граф и направился в черепохранилище.

— Знаешь, малыш, — произнес Ааз, ласково обнимая меня за плечи, — иногда ты мне кажешься весьма многообещающим учеником.

— Это, конечно, немного, но все-таки кое-что, — скромно сказал я.

— У меня была другая задумка, но твоя — гораздо лучше.

— И что же ты собирался сделать?

— Я хотел попробовать превратить свинец опять в золото. Проблема в том, что это еще никому никогда не удавалось. — Мой наставник немного помолчал и сурово закончил: — Это наводит меня на мысль о том, что тебе, чтобы стать настоящим магом, надо еще учиться, учиться и учиться.

Снова Корпорация М.И.Ф.,
или
Нечто оМИФигенное

Этот том посвящен Эрику Дель Карло — моему новому партнеру по перу и другу, который вернул меня на писательский путь, заставив вспомнить, что сочинение книг — дело веселое и захватывающее, а не унылый долг, который следует неукоснительно исполнять.

ПРОЛОГ

По всей стране — из города в деревню, от уличного торговца до крестьянина — со скоростью лесного пожара распространялся слух, что некогда идиллическое королевство оказалось под пятой могущественного колдуна, который держит королеву на коротком поводке.

Хотя простой народ, как правило, почти не интересуется тем, кто им правит, а на дворцовые интриги вообще плзует, на сей раз дело обстояло совсем иначе.

Даже случайному наблюдателю было понятно, что колдун этот прямо-таки купается в черной магии. В коридорах дворца полным-полно демонов, у которых он открыто испрашивает совета. Другим бесспорным свидетельством его принадлежности к иному миру является то, что колдун в качестве домашнего зверька держит злобного дракона... Явление настолько необычное, что даже самые рьяные защитники окружающей среды считали подобное поведение ненормальным и тревожащим. А тех, кто при упоминании о магии и прочих сверхъестественных силах лишь скептически ухмылялся, пугали слухи другого сорта. Поговаривали, что этот якобы маг связан с криминальным подпольем и оказывает бандитам политическую поддержку, а те в обмен на эту услугу помогают ему держать население под кабуком.

Однако даже с учетом всех вышеперечисленных обстоятельств люди вполне могли наплевать на перемену власти, если бы не один прискорбный факт: власть повысила налоги. По правде говоря, даже после нового подъема налоги не до-

тягивали и до половины того, что приходилось платить некоторое время назад, но люди увидели в этом мрачное предзнаменование. Если колдуну удалось изменить тенденцию понижения налогов на тенденцию их роста, то где, позволительно будет спросить, он остановится?

Одним словом, всем было понятно: необходимо что-то предпринимать.

Люди, которые никогда не считали себя героями, начали — как в одиночку, так и группами — размышлять, как свергнуть тирана. В воздухе витали глухие угрозы. Хотя заговорщики резко различались по роду занятий, образованию и интеллектуальным возможностям, их общая масса практически гарантировала избавление королевства от человека, жиравшего на страданиях подданных... человека, которого они называли Великий Скив.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Если и есть нечто, чему нельзя обучиться, выступая в качестве крутого братка, так это искусство проведения деловых совещаний.

В производственных собраниях (мы их называем разборками) Синдиката обычно участвует очень мало людей (чтобы свести к минимуму число потенциальных свидетелей), а по-вестке дня, как правило, ограничивается рассказом о возникшей проблеме с минимально возможным количеством деталей. Заканчивается деловая встреча очень простым решением: «Разберитесь с этим!» Научиться в ходе таких деловых совещаний искусству выуживать и выслушивать мнения других участников так же трудно, как и умению проводить типа пресс-конференции.

Тем не менее я оказался конкретно в подобной ситуации и, несмотря на недостаточную подготовку, горел желанием сделать все, что было в моих силах.

— Как я полагаю, для проведения подобного собрания имелись какие-то специфические мотивы?

Это возник Корреш. Когда его как тролля нанимают для грязной работы, он весьма удачно разыгрывает роль лишенной мозгов горы мышц, однако в свободное от службы время изъясняется не хуже других и лучше многих.

— Спроси у Гвидо, — сказал Нунцио, ткнув в мою сторону большим пальцем. — Это представление дает он.

В данный момент Нунцио вдобавок к тому, что является моим кузеном, выступал и в роли партнера. К сожалению,

как это частенько случается даже у лучших партнеров, мы целиком и полностью разошлись во мнениях о необходимости проведения совещания. Воспользовавшись своим руководящим положением, я принял решение, а Нунцио, помогая мне, не упускал возможности выступить в качестве королевских размеров занозы в моей заднице.

— Итак, — сказал я, игнорируя замечание Нунцио, — поскольку все в сборе, можно начинать.

— Минуточку, Гвидо. По-моему, здесь кого-то не хватает. Разве я не прав?

Это пропел Ааз, который стоял, прислонившись спиной к стене рядом с дверью. Именно от него я в первую очередь и ждал неприятностей.

— Если ты имеешь в виду босса, Ааз, — сказал я, одарив его суровым взглядом, — то мне прекрасно известно, что его здесь нет. И если толковать напрямую, то это и есть одна из причин данного собрания. Нунцио и я получили кое-какую информацию, и мы... то есть я решил проконсультироваться со всеми вами, стоит ли делиться указанной информацией с боссом (если да, то как) или действовать самостоятельно.

Именно в этом и состоял корень моих расхождений с Нунцио, поскольку в Синдикате проведение деловой встречи без участия или даже без ведома вашего босса трактовалось как заговор с целью переворота. В Синдикате подобная деятельность являлась более чем достаточным основанием для принятия решительных мер самого что ни на есть окончательного характера.

Однако, хорошо зная босса, я считал подобный исход маловероятным. Тем более мы собирались не затем, чтобы потом спихнуть его силой, а чтобы пораскинуть мозгами и решить, как ему лучше помочь. По правде говоря, мы очень любили босса и стали по-настоящему процветать после того, как нас к нему приставили.

Нунцио в отличие от меня считает, что босс, по крайней мере технически, является вторым человеком в Синдикате, и, созывая это собрание, мы вступаем на такой тонкий лед, по которому не приходилось хаживать даже во время самых крутых приключений. Он говорит, что мы должны хотя бы заявить, что действуем по приказу босса. Совещание — полнос-

тью моя идея, и я как главный затейник буду отвечать за все неприятные последствия, коли такие случатся. Бывают времена, когда положение обычного братка, получающего приказы и ни за что не отвечающего, имеет свои преимущества.

— Дай ему высказаться, Ааз, я страсть как хочу услышать, что он скажет.

Заявившая это Маша получила в знак признательности одну из моих самых широчайших улыбок и ответила на нее, хитро подмигнув.

Ааз вознамерился было что-то сказать, но потом раздумал, пожал плечами и жестом позволил мне продолжать.

— О'кей, — кивнул я. — Как вам всем известно, для того чтобы положить конец или хотя бы слегка подсократить экспансиионистические устремления королевы Цикуты, мы с Нунцио провели некоторое время под армейскими знаменами. Сейчас мы узнали, что разведчикам генерала Хью Плохсекира, похоже, удалось добыть сведения, напрямую касающиеся босса. Не имея желания действовать по официальным каналам, он выбрал солдата из нашего отделения и послал его сюда перемолвиться с нами парой слов.

Я обернулся и показал на фигуру, стоявшую у стены рядом со мной.

— Это — Осса, и вы не ошибетесь, если назовете ее моим старым армейским дружком. Осса, перескажи этой братве то, что успела поведать Нунцио и мне.

Осса — самый крутой парень в нашем отделении. После меня и Нунцио, естественно. Она тонка, как кнут, обладает изяществом бродячей кошки и таким же нравом. Согласно требованиям армейского устава, ее волосы коротко острижены и имеют светло-каштановый колер в отличие от шевелюры всех цветов радуги, с которой она была призвана под знамена. Однако это не придало ей армейского или какого-либо иного домашнего вида. Осса по-прежнему похожа на уличную бандитку, готовую вступить в драку по любому поводу и вообще без повода. Следует признать, внешность полностью соответствует ее истинному *моралистическому* облику.

Сейчас она смотрела на наше благородное собрание так, как смотрит на покупателей охранник магазина в дни боль-

шой праздничной распродажи. Когда я дал ей слово, Осса обвела взглядом аудиторию, посмотрела своими кошачьими глазами в мои зрачки, покачала головой и бросила:

— Не буду!

— Осса, — произнес я, пытаясь держаться в рамках приличия, — сейчас не время для шуток. Повторяю: я желаю, чтобы ты поведала этим господам то, что просил передать Хью Плохсекир.

— Ты сказал, Мухобой, что я должна буду рассказать всем твоим друзьям, — презрительно фыркнула она. — И я согласилась. Даже не сказала «А не пошел бы ты...», когда узнала, что наша конференция состоится в конюшне. Но кто эти типы? Кто этот здоровенный волосатый амбал с разнокалиберными зенками? Что это за парочка, сплошь покрытая зелено-чешуйей, и вдобавок еще и с остроконечными ушами? Только не пытайся втиснуть мне, что эти, с позволения сказать, господа — местные. А если у меня окончательно не поехала крыша, то из стойла на меня плятится самый что ни на есть настоящий дракон. Короче: прежде чем развязить пасть, я хочу узнать, перед кем выступаю. Тебя и Нунцио я знаю, но что касается этих... — Она потрясла головой и погрузилась в мрачное молчание.

— А как понимать «Мухобой», Гвидо? — поинтересовалась Маша.

— Это мое старое армейское прозвище, — сказал я, отмахиваясь от возможных дальнейших вопросов, и обратил все свое внимание на кузена: — Нунцио, а я-то думал, ты все объяснил ребятам, когда мы собирались у Абдулы.

— Ты просил сказать им, кто такой Абдула и почему он девил, — пожал плечами Нунцио. — Я и рассказал им, что наша работа на босса связана с путешествиями в иные миры, где нам приходится иметь дело с различными странными со-зданиями, и что время от времени некоторые из этих стран-ных созданий прибывают в наш мир. Я сказал, что эти созда-ния могут быть хитрыми или мерзкими, а иногда совмещать в себе оба качества. Я предупредил ребят, что если появится кто-то другой, похожий на Фрумпеля, то пусть для разборки они оставят его нам.

— И это все? — спросил я. — Неужели ты ничего не рассказал об измерениях и путешествиях между ними?

— В то время мне показалось, что это будет избыточная информация, — ответил кузен. — Они вполне удовлетворились услышанным.

Мне было трудно в это поверить, особенно учитывая страсть Нунцио бесконечно трепаться обо всем, что попадает в поле его зрения.

— Ну хорошо, — сказал я. — Тогда было тогда, а теперь мы имеем теперь. Думаю, тебе стоит ради Оссы удариться в подробности, уделив при этом особое внимание игрокам, которые в данный момент находятся в комнате.

— Без проблем, — кивнул Нунцио и, повернувшись к Оссе, завел: — Понимаешь, те миры, о которых я упоминал, на самом деле называются измерениями. Их много-много тысяч, так же, как и обитающих в них существ. Большинство этих существ не знает о существовании других измерений... если не считать древних легенд и народных сказок. Однако некоторые не только знают о множественности измерений, но и путешествуют между ними туда-сюда. Этого может требовать их работа, а иногда они отправляются в путь в поисках приключений. Этих путешественников обычно называют демонами, или, если хочешь полностью, — демонстраторами измерений. Впрочем, так их величают лишь в том случае, когда они пребывают не в своем измерении.

Он замолчал и, склонив голову набок, бросил на Оссу добродушно-насмешливый взгляд. Однако та продолжала взирать на него с прохладцей.

— Теперь поговорим о тех, кто собрался здесь, — продолжил Нунцио. — Вся команда известна в некоторых мирах под названием «Корпорация М.И.Ф.». Мы объединились для того, чтобы оказывать услуги как отдельным личностям, так и группам, нуждающимся в помощи, которая либо носит необычный характер, либо требует от помощников неких специфических качеств. Нашим главой, или председателем совета, является босс... более известный как Скив. Ты, наверное, знаешь его под именем Великий Скив. В настоящее время он занимает пост придворного мага в королевстве Поссилтум.

Зеленого чешуйчатого господина, стоящего с мрачным видом у стены, зовут Ааз. Он был главным наставником Скива во всем, что касается магии и путешествий между измерениями. В настоящее время он выступает в качестве первого советника босса и является вторым лицом в корпорации. Родом он из измерения, именуемого Извр, что делает его извергом, так же, как и его кузину Пуки — слегка усущенную версию упомянутого мною Ааза. Вы видите ее перед собой. Она совсем недавно влилась в наши ряды и теперь помогает Гвидо и мне осуществлять функции телохранителей.

Два представленных персонажа наклонили головы, на что Осса ответила вежливым кивком.

— Крупного и волосатого джентльмена зовут Коррещ. Он и его сестра Тананда, которая в настоящее время охраняет нашу штаб-квартиру, происходят из Троллии, и, как ты можешь сообразить, наш друг Коррещ соответственно является троллем.

Коррещ отвесил Оссе глубокий поклон. Я же с одобрением отметил про себя, как ловко Нунцио обошел Тананду, едва упомянув о ней. У Тананды с Оссой во время нашей последней операции произошла мимолетная встреча, но Тананда в то время носила другую личину, и Осса не распознала в ней демона. Обе дамы нешибко тогда поладили, поскольку их интересовал один и тот же парень. Поэтому Нунцио проявил мудрость, когда не стал вдаваться в подробности.

— Последняя в моем перечне, но, бесспорно, не последняя по значению — Маша. Как ты можешь видеть, ее трудно не заметить, поскольку ее размеры значительно превосходят «натуральную величину» и еще потому, что она обожает яркую одежду и украшения. Она встретилась с боссом в измерении Валлет, и босс настолько поразил ее воображение, что она решила стать его ученицей по части магии. Несмотря на статус ученицы, Маша — полноправный член команды.

— Привет, детка, — прощебетала Маша, сделав Оссе ручкой. — Не пугайся. Мы не такие ужбуки и бяки, как может показаться с первого взгляда.

Осса настолько увлеклась лицезрением Маши, что забыла кивнуть. И неудивительно: в Маше есть на что посмотреть.

Заявление Нунцио о том, что ее размеры превосходят «натуральную величину», мягко говоря, снижают ее статус. Маша просто огромна во все стороны, кроме роста. Волосы у нее ярко-оранжевые, а губы выкрашены в зеленый цвет. Эту симфонию красок отлично дополняют кричащий, режущий глаз наряд и такое количество разнообразных драгоценностей, которого вполне хватило бы для небольшой выставки образцов ювелирного искусства.

— Еще одного из нашей компании здесь нет. Я имею в виду Банни, которая сейчас вместе со Скивом обсуждает состояние финансов этого королевства. Подобно Гвидо и мне, Банни происходит из данного измерения, известного в иных мирах под названием Пент. В силу этого обстоятельства в ее внешности отсутствует какая-либо специфика, если, конечно, не считать того, что она хороша, как розанчик. — Заметив, как скривилась на его слова Осса, мой кузен поспешно добавил: — Видимо, стоит заметить, что она является племянницей славного Дона Брюса, крестного отца местного отделения Синдиката. Поскольку об этом зашла речь, тебе, видимо, следует узнать о том, что наша организация является частью Синдиката. Независимой, изолированной, но тем не менее частью.

— Глип!

— Ах да, — сказал Нунцио, указывая на взявшего слово. — Упоминавшегося здесь ранее дракона зовут Глип. Глип — любимый зверек босса, и он на страх врагам и на их погибель помогал нам в некоторых наших эскападах. Надеюсь, мне удалось удовлетворить твое любопытство?

Нунцио не удосужился включить в свою речь себя или меня, поскольку, как я ранее заметил, мы работали вместе с Оссой во время нашей непродолжительной службы в армии. Однако следует сказать, что наш с кузеном облик не менее впечатляет, чем внешность остальных членов нашей команды. Габаритами и телосложением мы ничем не уступаем атлетам, профессионально занимающимся контактными видами спорта. Только вид у нас гораздо более устрашающий. Это было обязательным требованием для вступления в Синдикат в качестве специалистов по вышибанию разного рода долгов.

— Думаю, что удовлетворил. Или по меньшей мере кое-что объяснил, — сказала Осса, отлипнув наконец от стены.

— В таком случае вернемся к повестке дня нашего совещания, — вступил в дело я. — Не могла бы ты сообщить то, что просил передать нам Хью Плохсекир?

— Хорошо, если ты настаиваешь, — пожала она плечами. — В основном это сводится к тому, что генерал Плохсекир в последнее время стал получать информацию о возникновении в королевстве очагов недовольства. Пока они невелики и все ограничивается разговорами, но генерала тревожит то, что недовольные могут перейти к действиям. Организованным вооруженным действиям.

— Прошу извинить меня, милая, — вмешался Корреш, — но боюсь, я что-то упустил. Почему Хью попросил вас рассказать все это нам? Если существует угроза восстания, то почему бы ему не решить проблему с помощью армии?

— Я как раз к этому перехожу, — отмахнулась Осса. — Понимаете, о смене власти в королевстве недовольные вовсе не помышляют. Все дело в колдуне. Великом Скиве. Или боссе, как вы его называете.

— Нельзя ли пояснить?

Ааз уже не стоял, лениво притулившись к стене. Теперь он выпрямился во весь рост, являя собой воплощенное внимание.

— Хорошо. Создается впечатление, что по королевству распространяются слухи, будто колдун по имени Скив держит королеву на коротком поводке, управляя страной из-за кулис, — пояснила Осса. — Большинству людей, очевидно, плевать на то, кто управляет королевством; находятся и такие, которые говорят о необходимости... как бы поточнее это передать... освободить Поссилтум от захвата безжалостной лапы.

— Но это же полный абсурд! — возмутился Корреш. — Мы все прекрасно знаем Скива. У него на плечах отличная голова, он обещает в будущем стать первоклассным магом, но больше всего молодой человек преуспевает во всяского рода организационной деятельности. Да в его теле нет ни единой злой косточки!

— А я вот что скажу тебе, детулька! — вступила в беседу Маша. — Скив пытается вытащить королевство из финансовой дыры по личной просьбе королевы Цикуты. Кроме того, она норовит шантажом женить его на себе. Как в свете этого ты прикажешь понимать слова «колдун держит королеву на коротком поводке»?

Я испугался, что из-за «детульки» Осса накинется на Машу, но этого, по счастью, не произошло. Мало того что превосходство Маши в весе исчисляется соотношением пять, а то и шесть к одному, так еще и часть ее висюлек таит в себе мощный магический заряд.

— Таким видите его вы, — спокойно ответила Осса, — и я склонна вам поверить — главным образом потому, что доверяю Мухобою и Нунцио. Чтобы понять происходящее, надо взглянуть на все со стороны. Во-первых, королева действительно прислушивается к Скиву. И вы все это тоже признаете. Во-вторых, поговаривают, что он сотрудничает со странными потусторонними созданиями. — Она обвела взглядом присутствующих. — В-третьих, некоторые утверждают, что его охраняет злобный дракон. — Она кивнула в сторону Глипа, который внимательно слушал, склонив голову набок. — И наконец, ходят упорные слухи, что Великий Скив связан с преступным миром и пользуется полной поддержкой местной криминальной организации.

На Нунцио и меня Осса при этом не взглянула, но мысль тем не менее была выражена достаточно ясно.

— У меня нет намерения оскорбить ваше общество, но обыватели считают, что «если ты переваливаешься, как утка, крякаешь, как утка, то...». — Оставив конец фразы болтаться в воздухе, она продолжила: — Отложив в сторону вопрос, что здесь соответствует истине, вы должны знать, что думают и говорят в королевстве. Во всяком случае, так считает генерал Плохсекир.

Я выдержал паузу, чтобы дать возможность собравшимся переварить услышанное.

— Спасибо, Осса, — сказал я наконец, нарушив молчание. — Полагаю, главный вопрос заключается в следующем...

чтобы получить ответ, я и созвал это совещание... Итак, что нам следует предпринять в свете назревающих событий?

— Думаю, ты поступил совершенно правильно, Гвидо, — начал Ааз. — Я имею в виду не только созыв собрания, но и то, что ты не пригласил на него Скива. Моему ученику лучше не знать, что происходит.

— Считаю своим долгом поддержать Ааза, — произнес Коррэш. — Парень никогда не был слаб в обращении с женщинами, все эти заморочки с королевой Цикутой скрутили его в тугой узел. Предлагаю разобраться со всем самостоятельнно, позволив тем самым Скиву сосредоточиться на других проблемах.

— Верно, — кивнул Ааз. — Особенно потому, что заварушка может оказаться небескровной, а Скив частенько демонстрирует слабину, когда дело доходит до открытого насилия, сколь бы необходимым таковое ни было.

Он обвел взглядом аудиторию и получил всеобщее одобрение в виде кивков. Я был страшно рад, что Ааз взял на себя руководство собранием — это позволяло мне сорваться с крючка.

— О'кей, — продолжил он. — На мой взгляд, действовать надо следующим образом. Большинство из нас остаются во дворце охранять Скива и следить, чтобы никто сюда тайно не проник с целью покушения. А тебе, Гвидо, по-моему, следует вместе с Нунцио провести разведку, чтобы точно оценить ситуацию и предложить путь решения проблемы. Если же ты сможешь что-то предпринять, чтобы Оссу перевели сюда, она будет вам помогать.

Это все к вопросу о том, чтобы «сорваться с крючка».

— Если никто не возражает, я тоже могла бы им помочь, — произнесла Пуки, первый раз открыв рот.

— Ну, поскольку ты владеешь заклинанием личины и не распугаешь местное население — не вижу причин тебе отказать, — одобрительно кивнул Ааз. — О'кей, — продолжил демон. — Все согласны? Никто не желает что-нибудь добавить? Хорошо. Тогда я предлагаю закрыть собрание и вернуться к нашим обязанностям. Скив скоро нас хватится.

Когда участники разборки начали неспешно разбрдеться, Ааз отвел меня в сторону.

— Еще кое-что, Гвидо, — сказал он. — Ежели у тебя возникнет желание созвать еще одно совещание, советую тебе проводить его не в конюшне, а в ином месте. Скив имеет привычку время от времени сюда заскакивать, чтобы поболтать с драконом.

Я покосился на Глипа. Вместо того чтобы предаться своим обычным игрищам, зверек сидел тихо, уставившись в одну точку с таким видом, словно размышлял о чем-то очень важном.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наша неустрашимая команда подняла весьма интересный и важный вопрос. И теперь следовало поразмыслить и сказать, кто мог быть настолько недоволен Скивом, чтобы организовать движение сопротивления.

Быстрый взгляд на королевство (а оно не очень велико) должен был дать ответ.

Богатые крайне редко идут на открытый мятеж. Их любимое оружие — деньги (потому они и богаты), а не мечи или луки. Более того, они вполне могут позволить себе призвать под знамена опытных наемников, которые станут сражаться вместо них. Правда, схватки эти обычно происходят в залах судов или в аудиторских компаниях, а вовсе не на поле брани.

Следуя той же логике, бедняки весьма редко плетут заговоры и учиняют мятежи. У них на это просто нет необходимых средств. Что касается крестьян, то те настолько заняты, обрабатывая поля и ухаживая за скотом, что на политику у них совсем не остается времени. Даже нищенство отнимает столько времени и сил на то, чтобы собрать нужное количество монет для поддержания бренного существования, что попрошайкам не до мятежа. Пока не наступил момент, когда множество людей начинают помирать от голода и им уже нечего терять, беднякам, по существу, плевать, кто ими правит.

Подлинных баламутов и ворчунов следует искать среди тех, у кого водятся кое-какие деньжата, кто получил образо-

вание и у кого слишком много свободного времени. Одним словом... в так называемом среднем классе.

Для этого достаточно обратить взор на «Шервудский клуб любителей лучной охоты». В старое добре время это была всего лишь группа приятелей, живущих в городском предместье «Герб Шервуда». Они планировали свои каникулы на одно и то же время, чтобы, вооружившись луками, отправиться в расположенный поблизости Королевский охотничий заказник. На самом деле они там отращивали бороды за выпивкой и игрой в карты и называли сие занятие закалкой, что само по себе весьма забавно, учитывая те примитивные условия жизни, что преобладали в то время в Пессилтуме. Однако в этом году сбор любителей лучной охоты протекал совсем по-иному...

— Я все не могу взять в толк, — сказал Таккер, пополняя кружку вином, — какого рожна мы должны заниматься этим типом по имени Скив?

— Разве ты не слышал, что сказал Робб? — спросил Джон, здоровенный, похожий на строительного рабочего парень. — Он же поднимает налоги. Знаешь, на чем это отразится сильнее всего? Если не знаешь — скажу. На малом бизнесе, то есть на нас.

— Говори о себе, Джонни, — фыркнул Таккер. Низкорослый и пухлый, он являл собой полную противоположность Джону. — В отличие от некоторых я не стал бы называть свой бизнес маленьким... ах да, прости — малым.

— Не желаешь ли выйти на воздух и повторить это еще раз, Такки? — поинтересовался Джонни, поднимаясь на ноги и демонстрируя свою внушительную фигуру.

— Да мы и так на воздухе, Джонни, — лениво протянул Таккер, даже не делая попытку подняться.

Несмотря на то что они были друзьями и соседями, проблема «большой/малый» частенько вносила напряг в их отношения. Таккер владел несколькими ресторанами в самой крупной сети пунктов быстрого питания Пессилтума и преуспевал гораздо больше, нежели Джон. Джон же предпринял третью попытку основать свою фирму (на сей раз по аренде портативных сортиров) и едва-едва сводил концы с концами.

— Не могли бы вы оба уняться? — нетерпеливо спросил Робб. — Все это очень важно.

— Прости, Робб, — сказал Джон, усаживаясь на место. — Этот Холестериновый король иногда здорово действует мне на нервы.

— Некоторые из нас все-таки должны предоставлять людям то, что те хотят... — фыркнул Таккер. — Нечто вроде готовой еды. Какой смысл сдавать в аренду переносные нужники в стране, большинство жителей которой считают ближайший куст или дерево наилучшим сортиром?

— Отвечаю. Мой продукт требуется по той же причине, в силу которой люди отказываются жрать в своих пропитанных вонючим жиром заведениях. Нормальное человечество инстинктивно стремится к гигиене.

— К гигиене, говоришь?! — возмутился Таккер. — Так вот, я тебе скажу, что...

— ХВАТИТ! — рявкнул Робб. — Вы будете меня слушать или нет?

Джон и Таккер погрузились в мрачное молчание, время от времени злобиенько поглядывая друг на друга. Несмотря на то что Робб не мог похвастать ни ростом, ни мускулатурой Джона, в нем присутствовала какая-то сила, превращавшая его в лидера группы.

— А теперь я хочу сказать, что меня больше всего тревожит, — продолжил он. — Дело не только в том, что Скив поднял налоги, мне не нравится, что он привлекает армию или часть ее для сбора старых долгов. Кто посмеет сказать, что это нас не касается?

Любители лучной охоты обменялись взглядами, в которых можно было заметить тревогу. Хотя все они исправно платили текущие налоги, чтобы избежать наказания и роста процентов, они уже давно привыкли полагаться на лень, с которой государство относилось к сбору задолженностей. У каждого из них накопился изрядный долгок, и требование погасить всю сумму немедленно грозило им катастрофой.

— Ну хорошо, — произнес рыжеволосый любитель охоты, привалившийся спиной к дереву. Он был неимоверно тощ, но всегда держался с таким достоинством, что никому не

приходило в голову видеть в нем Рыжего. — Ну и что же мы можем в связи с этим сделать?

Прежде чем что-то сказать, Робб покрутил головой, словно предполагая, что из-за ближайшего дерева за ними следит шпик или солдат.

— У меня есть план, — сказал он, понижая голос. — Мы могли бы заплатить налог, как добропорядочные граждане, а потом, когда они уйдут, напасть и отнять деньги.

— Но это же будет нарушением закона, — сказал рыжеволосый. — Если нас уличат, всю мою юридическую практику (не обижайся, Джон) можно сливать в сортир... Платить налоги мне нравится не больше, чем остальным, но, несмотря на это, в качестве громилы я себя не вижу.

— Не напрягай меня своей юриспруденцией, Уилл, и не вешай на меня ярлык громилы. В худшем случае нас объявят вне закона. Но если на то пошло, мы уже давно нарушаем закон. Как ты расцениваешь то, что мы регулярно вторгаемся в Королевский заказник?

— Да всем на это плевать, — ответил Уилл. — Родрик никогда не увлекался охотой так, как его отец. А Цикута настолько занята расширением границ королевства, что у нее нет времени обращать внимание на мелкие преступления. Но если мы начнем грабить сборщиков налогов, кому-то это может сильно не понравиться.

— И кроме того, сколько воды утекло с тех пор, когда кто-то из нас подстрелил хоть какую-нибудь дичь во время этих вылазок... — пробормотал Таккер.

— Даже если бы мы этого и сильно захотели, все единогласно смогли бы попасть, — поддержал приятеля Джон.

Хоть они и объявили себя клубом любителей лучной охоты, вся компания без единого исключения была совершенно беспомощна в обращении с луком и стрелами.

— Что еще, Робби?

В первый раз подал голос Алли. Этот снимающий комнату в доме Джона парень слыл местным шутом и полноправным членом клуба не являлся, а приятели держали его при себе просто так, для смеха.

— А тебе что — мало? — невинно поинтересовался Робб.

— Брось, Робб, — сказал Алли. — Перестань шутить над шутником. Я слишком хорошо тебя знаю. Налоги и долги по ним, конечно, проблема, и с этим все согласны. Но насколько я понимаю, ты припрятал в рукаве еще кое-что. Нечто такое, что тебя по-настоящему гложет. И эта тревога так сильна, что ты готов выступить против армии — пусть даже не всей, а отдельных отрядов. Однако она не настолько убедительна, чтобы ты мог навязать ее нам.

Все взоры обратились на Робба.

— Ну ладно, — вздохнул он. — Я слышал, что, помимо всего прочего, Скив подумывает покончить с Королевским охотничим заказником. Кто-то предложил ему (для пополнения бюджета) разрешить лесозаготовительным компаниям вырубить деревья, а освободившиеся земли продать под застройку.

— От кого ты это услышал?

— От моей племянницы Мариан, приходящей горничной в замке.

— Горничная? По имени Мариан? — задумчиво протянул Джон.

— И не думай, Джонни, — отмахнулся Робб. — Она работает в школе, а в замке на наши заморочки у нее просто нет времени.

— По-моему, я опять что-то не уловил, — сказал Уилл. — Но поскольку мы, ежели честно, никогда не охотимся, то какое нам дело до уничтожения заказника?

— Пораскинь-ка мозгами. Да и вы все подумайте. Заказник и наша страсть к охоте — единственный повод раз в год сбежать из дома. Если заказника не станет, не станет и предлога скрыться. Скажите, кто из вас готов проводить отпуск в семье?

Над поляной повисло раздумчивое молчание. Всех этих очень разных людей объединяло одно: они были женаты. Браки, естественно, были весьма счастливые, но кто сказал, что мужья способны купаться в счастье без перерыва и отдыха?

— Итак, Робб, — нарушил молчание Таккер, — поделись с нами своим планом.

* * *

Чтобы найти рассадник мятежей и революций, непременно следует заглянуть в учреждения, дающие молодой поросли высшее образование. Свирепый идеализм, не укroщенный необходимостью зарабатывать на хлеб насущный, — благодатная почва для вскармливания целых гуртов зеленоj молодежи обоего пола, точно знающей, как следует управлять миром лучше, чем действующие правители.

Однако было подмечено, что изменение политической атмосферы в подобных заведениях носит цикличный характер: мятник раскачивается от радикализма к консерватизму, а затем снова назад к радикализму. В то время, о котором идет речь, высшие учебные заведения находились в консервативной фазе, и лишь одна группа недоумков вписывалась в нужное нам уравнение.

Группа, к которой следовало присмотреться внимательнее, объединяла молодых людей обоего пола, периодически сбивающихся в стадо, чтобы предаться популярной ролевой игре «Фэнтези». Для тех, кто не знаком с подобного рода времяпрепровождением, следует пояснить, что в ходе этой забавы участники периодически влезают в средневековые наряды, дабы придать себе облик различных фантастических персонажей и разыграть (обычно в словесной форме) сценарий, написанный руководителем игрища. Игра пользовалась чрезвычайной популярностью в Поссилтуме, и этот факт частично объяснялся тем, что древнее барацко можно было добыть в королевстве буквально за гроши.

— А я вам говорю, что мы просто не имеем права упускать подобный шанс! — вопила не привыкшая к возражениям Буря (в миру — Вильгельмия), главный учредитель правил игры, свирепо преследовавшая всех нарушителей. — Такая возможность бывает раз в жизни, да и то, если повезет.

— А я, честно говоря, не в восторге от подобной возможности, — сказал Егор, в миру откликавшийся на имя Элвин. Элвин был изможденным, бледным математиком с последнего курса и отрывался от книг только для того, чтобы предаться этим бессовским игрищам. Как ни удивительно, он был

единственным, кто смел отстаивать свои позиции в споре с Бурей.

— Ты, наверное, шутишь? Злобный колдун схватил королевство за горло! — рявкнула Буря. — Возникла как раз та кризисная ситуация, с которой мы имеем дело вот уже много месяцев.

— Протри глаза! — остановил ее взмахом руки Егор. — Мы всего-навсего сражаемся с вымышленными персонажами в нами же придуманной обстановке. А ты призываешь нас выступить против реального чародея с вполне реальной охраной. Эти охранники, позволь напомнить, вооружены самим что ни на есть реальным оружием, способным нанести самые что ни на есть реальные раны. Не те, которые можно исцелить, стерев краску, а те, от которых откладывают копыта. Кроме того, как говорят, оппозиция сражается с ним годы и делает это профессионально. Короче, повторяю: мне не по душе тот шанс, который ты так жаждешь поймать.

— Я вовсе не призываю атаковать его в лоб, нескладеха ты, — заявила Буря.

— Вот как?

— Конечно, нет. Я ж не идиотка.

— Хорошо, принимаю поправку по обоим пунктам, — сказал Егор и отвесил ей легкий поклон, не отрывая зада от стула.

Буря в ответ показала ему язык.

— Ну и что же ты предлагаешь? — поинтересовался Красный Клинок, известный учителям и родителям под именем Херби.

Этот тощий заморыш в очках с бифокальными линзами видел в себе воителя, заключенного злыми чарами в хилое тело школьара.

— Думаю, мы должны поступать так, как сказано в книге, — величественно ответила Буря. — Нам следует создать Братство.

— Книге? Какой книге?

— Какой-какой? — передразнила Буря. — Той самой, ясное дело. Кончай валять дурака, Красный Клинок. Сколько, по-твоему, книг помещает в центр внимания Братство?

— Ах вот что, — сказал Клинок. — Та книга.

[Примечание автора. Читатель может заинтересоваться, каким образом подобные и (время от времени) всякие прочие хронологические несуразицы возникают в королевстве Пессилтум. В первых книгах серии было установлено, что деволы — исключительно талантливые торговцы и основная часть их доходов формируется покупкой в одном измерении и перепродажей в другом разного рода новинок. В силу этого обстоятельства повсюду, где пишутся книги в жанре «фэнтези», появляются двуручные мечи, кольчуги и арбалеты. Точно таким же образом деволы создают пиратские копии музыкальных произведений и печатной продукции, чтобы продавать их в разных измерениях, плюя на авторское право или выплату гонорара. И вы прекрасно с этим явлением знакомы. Взять хотя бы Интернет.]

— Насколько я помню, — сказал Егор, — в этой книге целая армия разнообразных персонажей. И где же в Пессилтуме ты намерена найти их аналоги?

— Это не так трудно, — ответила Буря. — Помнишь, как в прошлом году мы разбили Лагерь Любителей Фантастики?

— Помню, конечно. Нас тогда так острекал ядовитый плющ, что мы весь год после этого чесались.

— Ну так слушай. Парень, который тогда пришел и сказал нам, что мы не имеем права разводить костры в парке, некоторое время встречался с Мелиссой, и она еще помнит, где его можно найти. Думаю, что он сойдет за Рейнджера.

— Большая натяжка, конечно, — заметил Егор. — Впрочем, продолжай.

— А как насчет карлика... или гнома... как там его? Джон Малыш на эту роль потянет?

— Холодно, — перебил Егор. — Парень, конечно, коротышка, но, думаю, ему не понравится, если ты обзовешь его карликом.

— Мы не скажем ему, что он карлик, глупышка. Просто пригласим его участвовать, и пусть те, кто его увидит, сами делают выводы.

— Хм-м... Обсудим это позже. Кто еще?

— Что касается рока, то брат моей соседки по комнате призван в армию на должность мага. Получилось так, что он и пара его дружков сейчас в городе. Полагаю, мы можем рекруттировать их, пообещав устроить несколько свиданий вслепую.

— Классная идея, — сказал Егор. — Однако не думаю, что они помогут нам напасть на колдуна. Я слышал, что он с армией варь-варь.

— Как я уже сказала, мы не станем атаковать в лоб, — пояснила Буря. — Помните книгу? Мы постараемся уничтожить источник его могущества.

— Ну и как же, по-твоему, мы это сделаем?

— Готовься! — сияя от счастья, произнесла Буря. — Соберитесь все вокруг меня.

С этими словами она вынула из поясной сумки небольшую коробочку и эффектным движением открыла ее. На дне коробки покоился отрезанный палец с глубоко врезавшимся в плоть кольцом.

— Меня сейчас вывернет наизнанку, — едва слышно произнес Красный Клинок.

— Что это такое, Буря? И где ты это раздобыла? — спросил Егор.

— У Мариан, — ответила Буря. — Ну, вы знаете... У той, которая подрабатывает горничной во дворце. Она свистнула это в комнате колдуна и передала мне.

Все вначале посмотрели на кольцо, а затем друг на друга.

— Ну и с чего же мы начнем?

— Я стану эльфом, а вас попрошу разбрестись и поглязеть по сторонам в поисках Вулкана.

Если в обществе и есть существо, обладающее большим потенциалом, но не столь мощным, как студенты, то им окажется выпускник университета, который еще не нашел выгодной работенки и в силу этого обстоятельства вынужден жить с родителями. Именно к такой категории потенциальных бунтовщиков и принадлежал единственный сын самого богатого землевладельца и строителя Поссилтума...

* * *

— Должен сказать, Донни, что из всех глупых планов, с которыми ты когда-либо выступал, этот самый безумный.

— Брось, Нардо, — ответил молодой человек своему крепко скроенному приятелю. — Это — как два пальца о мостовую. Поверь мне хоть сегодня.

При взгляде со стороны дуэт Нардо и Донни сильно напоминал свидание степенного и унылого филина с порхающей над ним сойкой. Или, если быть более точным, щеголеватым зеленым дятлом.

— Доверие или недоверие к делу отношения не имеет, — произнес Нардо. — Я не для того вытаскивал тебя то из одной кучи дерьяма, то из другой, чтобы в результате ты закончил жизнь под мечами солдат. Тебя изрубят на куски.

Подобно большинству богатых папаш, имеющих всего одного отпрыска, папа Дона маниакально боялся, что его наследника постигнут какие-нибудь неприятности. Для решения проблемы он нанял Бернардо в качестве слуги и телохранителя на то время, пока сынок был в университете. Получилось так, что отношения между слугой и молодым хозяином стали более тесными и доверительными, чем между сыном и отцом. Однако Бернардо всегда помнил о своей главной обязанности — и о том, кто выписывает ему чеки.

— Но я не могу стоять в стороне и спокойно взирать на то, как этот колдун буквально вырывает сердце у моего папы и у его арендаторов, — стоял на своем Дон.

— Насколько я понимаю, — сухо заметил Бернардо, — мужик всего лишь пытается спасти королевство. Королева Цикута настолько снизила налоги, что страна едва-едва держится на плаву. Ее экономическая политика никуда не годилась.

— Как ты это определил? — искреннее удивился Дон.

— Оставаясь бодрствовать на тех лекциях, которые ты благополучно прорвал, — парировал Бернардо. — Телохранителям на работе спать не положено. Кроме того, я кое-что узнал, когда вместо тебя сдавал испытания.

— Ну ладно, — пожал плечами Дон. — Как бы то ни было, но сборщики налогов будут таскать с собой кучу бабок, и я смогу их слегка потрясти.

— Неужели твой папаша решил срезать тебе выплаты, пока ты не найдешь работу? — подозрительно поинтересовался Бернардо.

— Нет. Это всего лишь способ несколько увеличить текущий доход, пока я не подыщу подходящее место, — ответил Дон. — Ты же понимаешь, что соответствующую моим талантам должность найти чрезвычайно сложно.

— Умри — лучше не скажешь, — пробормотал себе под нос Бернардо.

— Что ты сказал?

— Ничего особенного. Проехали, — с невинным видом произнес телохранитель. — Дело в том, Донни, что, если ты даже и сумеешь улизнуть от армии, тебе вряд ли стоит бодаться с этим Скивом. До меня доходили слухи, что он кое с кем связан, а это означает для всех нас серьезные неприятности.

Бернардо говорил со знанием дела, поскольку, прежде чем занять пост телохранителя, работал на Синдикат. Правда, не очень долго.

— Ну да, как же! — заржал Донни. — Я даже слышал, что он содержит дракона. Скажи, ты видел в наших краях хотя бы одного дракона?

— Я...

— Помолчи. Это всего лишь лапша, которую вешают на уши, чтобы напугать людей и добиться поставленной цели. Что касается меня, то я поверю в это лишь после того, как увижу собственными глазами.

— Мне доводилось видеть такие вещи, в которые я до сих пор не верю.

— Все. Значит, договорились! — радостно воскликнул Донни.

Бернардо некоторое время смотрел на него молча, а потом разыграл свою козырную карту.

— Если дойдет до твоего папаши, он закатит истерику. А потом примется за меня.

— Я все предусмотрел, — улыбнулся Донни. — Я выступлю инкогнито. Под другим именем. Никто не подумает, что это я.

— Еще бы! Ты этим действительно облапошишь лохов, — сказал Бернардо, демонстративно оглядывая кричащий наряд молодого человека.

Дон всегда страшно гордился тем, что выделялся из толпы, и сегодня он был одет точно так же.

— Не бойся, я надену другой костюм, — сказал он. — Я же говорю тебе, все схвачено.

Бернардо тяжело вздохнул и покачал головой. Понимая, что авантюра с самого начала обречена на провал, он знал: заставить Донни пересмотреть позицию практически невозможно. Особенно если вся заваруха связана с обновлением гардероба.

— Поделись, — сказал он, — какое же имя ты себе выбрал?

— Что же, — ответил Дон. — Оно короткое, но звучит сильно и решительно. Палач. Как тебе?

— Во всяком случае, лучше, чем Ослиная Задница, — прорычал Бернардо.

— Что?

— Ничего. А наряд ты себе уже присмотрел?

— Окончательно я пока не решил, — признался Дон. — Возможно, это будет отороченный мехом комбинезон из копричневой замши с яркими аксессуарами.

— Ну, с этим ты уж точно затеряешься в толпе, — закатив глаза, простонал Бернардо. — Но почему бы тебе не облачиться с ног до головы в черную лаковую кожу, включая, естественно, головной убор и высокие сапоги.

— Отличная идея! Заметано! — с широкой ухмылкой воскликнул Дон.

— Я всего лишь пошутил, Донни, — с отчаянием в голосе произнес Бернардо.

— А я нет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вне зависимости от того, какое впечатление произвело на вас наше с Нунцио отношение к закону и порядку, имеется черта, которую мы, как правило, стараемся не переступать. В частности, мы никогда не лжем боссу. В своих докладах мы можем опустить кое-какие детали, но делаем это лишь

для того, чтобы не ставить его в затруднительное положение. От беспардонного открытого вранья мы шарахаемся, как от чумы. Отчасти мы поступаем так потому, что знаем: если в Синдикате вас уличат во лжи, обвинений в лжесвидетельстве в ваш адрес ждать не приходится. Наказание будет гораздо более грубым и скорее всего необратимым.

В свете этого я не жаждал просить босса о новом поручении, не дав ему знать, что происходит. Такая задача требовала тонкого подхода и деликатности, чему я в ходе своей трудовой деятельности так и не научился, ибо подобные качества требовались от меня крайне редко.

Тем не менее, понимая, что сделать это необходимо, и сделать именно мне, поскольку все это моя затея, к посещению босса я подготовился чрезвычайно тщательно. С помощью Нунцио я сочинил вполне правдоподобную легенду, способную выдержать почти все вопросы. За перекрестный допрос третьей степени я, конечно, поручиться не мог. После этого Коррэш подсказал мне, как лучше изложить предложения в письменном виде. В результате наших совместных упражнений на свет появился пергаментный свиток довольно внушительного вида.

Решив, что за имевшееся в моем распоряжении время лучше подготовиться невозможно, я постучал в дверь босса.

— Босс, вы можете мне уделить пару минут? — спросил я, просовывая голову в щель.

Босс сидел за столом с бокалом вина в руке, а рядом с ним стоял полный кувшин.

— Конечно, Гвило. Заходи. Наливай себе вина.

Мне казалось, что босс слишком рано принялся за выпивку, но я также знал, что это не мое дело. Честно говоря, я не имел представления, что ежедневно делает босс с целью привести в порядок финансы, однако понимал, какое напряжение он при этом испытывает. Одним словом, ему решать, как и что делать.

— Я никогда не пью на работе, босс, — сказал я. — Но все равно спасибо. Мне надо с вами кое о чем потолковать.

Я огляделся по сторонам, придвинул стул и сел. Оказавшись в комнате босса, я не знал, с чего начать.

Босс, похоже, это понял и, наклонившись чуть вперед, произнес с легкой улыбкой:

— Ну так что я могу для тебя сделать?

Вопрос прозвучал очень дружелюбно.

Я набрал полную грудь воздуха и ринулся в бездну.

— Я вот о чем, босс. Такое, значит, конкретно, дело. Я тут типа подумал... Вы ведь знаете, мы с Нунцио некоторое время прослужили в здешней армии?

— Да, слышал, — кивнул он.

— Так вот, поскольку я побывал там внутри, я, похоже, побольше вашего знаю, что за типы служат в армии и что у них на уме. Дело в том, что меня беспокоит, как они станут собирать налоги. Просекли?

Я умолк и вопросительно на него уставился.

— Не очень, — насупился он.

Все шло не так хорошо, как можно было надеяться, однако я отважно гнула свою линию.

— Я хочу сказать, если ты солдат, то тебе плевать, как к тебе относятся враги, потому что твоя задача — их всех поубивать, и не стоит рассчитывать на то, что это им придется по вкусу. А собирать с людей бабки — совсем другое дело, и без разницы — платят они тебе за крышу или ты сдираешь с них государственные налоги. Тут надо дипломатию проявить, потому что приходится снова и снова иметь дело с теми же самыми ребятами. Вояки могут быть асами, когда речь идет о том, чтобы оттяпать у противника кусок земли, но не уверен, что они знают, как следует обходиться с гражданскими лицами. Теперь улавливаете, куда я гну?

Босс утвердительно кивнул, чему я был нескованно рад.

— Я об этом как-то не думал, но понимаю, о чем ты говоришь.

Ощущив под ногами твердую почву, я продолжил более уверенно:

— Вы знаете, я терпеть не могу совать нос в дела начальства, но у меня есть предложение. Я подумал, что вам, может быть, захочется назначить кого-нибудь из военных приглядывать за сбором налогов и держать под контролем это дело. Для того чтобы вояки не слишком впадали в раж, выполняя свои новые обязанности.

Босс снова насупился и проговорил:

— Хм... я не совсем тебя понимаю, Гвидо. Тебе не кажется, что ставить солдафона следить за другими солдафонами немного бессмысленно? С какой стати наш инспектор вдруг будет отличаться от тех, кого он станет инспектировать?

— Здесь надо учитывать две вещи, — улыбнулся я. — Во-первых, я уже кое-кого присмотрел на должность инспектора... Это один из моих армейских корешей. Поверьте, босс, мой кандидат нешибко любит армию и с трудом переваривает тамошние порядки. По правде говоря, я уже подготовил бумаги для официального назначения. Вам остается только их подписать.

Я передал ему свиток; он развернул его и пробежал глазами.

— Забавное имя для солдата, — пробормотал он себе под нос. — Осса.

— Поверьте, босс, — сказал я. — Это как раз то, что надо для работы.

Вместо того чтобы поставить подпись, босс откинулся чуть назад и сурово на меня посмотрел:

— Ты говорил, что есть две вещи. Докладывай о второй.

— Вообще-то я подумал, что вам может понадобиться пачечка представителей, которые будут за всем следить на местах и докладывать вам лично, — сказал я небрежно. — В таком случае вы будете вдвойне уверены, что армия от вас ничего не прячет.

Босс несколько секунд молча смотрел на меня, а затем произнес:

— Понимаю. И полагаю, что у тебя уже имеется пара подходящего для этого дела парней. Я не ошибся?

Эти слова застали меня врасплох. Он задал вопрос задолго до того, как я должен был перейти к этому пункту, и мне пришлось поднапрячь мозги, чтобы изменить тщательно проработанный сценарий.

— Ну... вообще-то...

— Не знаю, Гвидо. — Он покачал головой. — Сама по себе идея неплохая, но не уверен, что смогу обойтись без тебя и Нунцио. Помимо всего прочего, я хотел бы, чтобы Нунцио немного поработал с Глипом. Я хочу выяснить, не случилось

ли что-нибудь нехорошее с драконом. Мне надо знать, что зверек в полном порядке.

Мы снова оказались на одной и той же волне, и я позволил себе немного расслабиться. Если это единственное, что беспокоит босса, то я благополучно добрался до дома.

— Вообще-то, босс, — осторожно начал я, — я вовсе не имел в виду Нунцио. — Мне казалось, что мы с Пуки отлично сладим с этим делом.

С Нунцио мы уже успели потолковать об этом и решили, что лишить босса сразу всех трех телохранителей — идея хреновая. Кроме того, было бы не вредно, чтобы один из нас, знающий привычки босса, остался с ним, а другой объединился бы с Пуки. Когда Нунцио сказал, что готов остьяться с боссом, я не стал сильно спорить, поскольку не совсем ронно двину к Пуки, хоть когда-то она и уложила меня одним ударом.

Мне показалось, что мое предложение сильно удивило босса, и я поспешил продолжить:

— Правда, босс! Для трех телохранителей здесь и работы не найдется. Хочу сказать, что неприятности в замке вам может доставить лишь один человек — сама королева, но думаю, что вам не стоит волноваться, пока вы не решите для себя вопрос с женитьбой. Я просто ищу способ отработать наше содержание... и сделать что-то полезное.

По неизвестной мне причине эти слова его убедили окончательно, и он потянулся к гусиному перу.

— Ладно, Гвидо, — сказал он, ставя подпись в свитке. — Твоя взяла. Только не забывай сообщать мне, что происходит.

— Спасибо, босс, — пробормотал я, забирая свиток и стараясь не встречаться с ним взглядом. — Вы об этом не пожалеете.

И я поспешил сличить или, если вам так больше нравится, — покинуть помещение.

Задержавшись на некоторое время в коридоре за дверью, я ощущал, как колотится мое сердце. Оно колотилось значительно чаще, чем того требовала простая беседа служащего со своим нанимателем. До меня наконец дошло, что я снова возвращаюсь на полевую работу к грубому и беззаконному

времяпрепровождению, которое, как я теперь знал, приводит к стрессам значительно реже, чем всякая дипломатическая тягомотина.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Всем прекрасно известно, что события, когда доходит до дела, не всегда развиваются в соответствии с заранее составленными планами. Это в первую очередь относится к избранному мною ремеслу, поскольку оно требует от вполне миролюбивого создания, коим являюсь я, знакомства с набором тупых и не очень тупых предметов. В девяноста процентах случаев, когда ситуация вынуждает прибегнуть к насилию, события развиваются не так, как предполагалось, и на первое место выходит задача выживания, а не получение прибыли.

Однако я, кажется, отвлекся.

Я пришел к выводу, что самая большая трудность в нашей тайной разведывательной миссии состояла в том, чтобы вынудить босса ее поддержать, не давая ему при этом знать, чем мы занимаемся в действительности. Однако, как выяснилось, добиться этого было легче легкого, отчасти потому, что босс все время был занят, пытаясь найти способ оздоровления государственных финансов, но главным образом в силу того, что он начинал зашибать с самого утра... Похоже, пьянство идет рука об руку со всем, что касается цифри. Как бы то ни было, использовав минимум уверток и недомолвок, я вышел из комнаты босса с документом, в котором Оssa назначалась королевским следователем, а мы с Пуки — личными представителями. Легче легкого.

Что касается самой миссии, то она представлялась мне милой загородной прогулкой вдали от придворной суэты и дворцовых интриг. К моему величайшему сожалению — и Нунцио не ленится мне об этом постоянно напоминать, — я слишком медленно соображаю и мало интересуюсь деталями, чтобы разобраться во всех этих хитросплетениях.

Однако, давая оценку своему новому заданию, я упустил из виду то, что мне придется работать с Пуки и Оссой.

Хочу сразу пояснить: против них обеих я не имею ничего. Я испытывал слабость к Оссе со временем нашей совместной службы в армии, когда она издевалась над нашим сержантом (парень был по меньшей мере раза в три крупнее ее и постоянно норовил ответить ударом на удар), не нарушая при этом субординации. (Вообще-то все это было не так уж и умно, зато требовало силы духа, которая в наше время большая редкость.) Что касается Пуки, то начиная с нашей первой встречи, когда она, решив, что я хочу напасть на босса, вывела меня из строя и при этом не добила, я вижу в ней высокого профессионала.

Говоря это, я хочу дать вам знать, что Осса мне нравится, а Пуки пользуется моим уважением. В свете сказанного я не думал, что в ходе нашей совместной работы могут возникнуть какие-либо сложности. Я и по сию пору считаю, что рассуждал тогда верно. Но я не учел того, что мы сформировали команду, состоящую из одного мужчины и двух женщин. Мужчиной был я, а женщинами — две, как бы это повежливее выразить... «веселья склонные к соперничеству» личности.

Подобная недоработка с моей стороны дала знать о себе почти с самого начала миссии. Когда мы первый раз остановились на привал, отдохнуть стали я и Осса, а Пуки отправилась вперед, как она заявила — «на разведку».

— Скажи, Мухобой, — начала Осса, глядя в спину удаляющейся Пуки, — с какой стати в этой разведывательной миссии участвуют три человека?

Мне сразу не понравилось то, каким тоном это было сказано, но наша работа только начиналась, и я решил вопрос не обострять. Кроме того, нельзя было исключать, что Осса ничего не имела в виду. Солдат старой гвардии (это я, значит) был обязан отвечать на вопросы новобранца, чтобы тот не обучался на собственных ошибках, а набирался опыта, получая ответы на свои вопросы.

— Это вытекает из требований безопасности, — пояснил я. — Мы не знаем, со сколькими противниками придется встретиться, мы не знаем также, чем он будет вооружен и

насколько искушен в боевом искусстве. Нам будет легче убедить его, противника то есть, не совершать глупости, если мы сможем явить собой внушительную силу. Если же слов окажется недостаточно и противник решится на вышеозначенные глупости, то указанная сила повысит наши шансы на выживание.

— Не уверена, что все усекла, — сказала она.

Я вздохнул, еще раз осознав, что значительная часть нашего населения владеет речью гораздо хуже, чем я.

— Проще говоря, кто-то как следует подумает, прежде чем навалиться на троих. А если и надумает, то вскоре пожалеет о своей опрометчивости.

— Ну вот теперь я вроде усекла, — успокоилась Осса.

На некоторое время она погрузилась в молчание, а я поздравил себя с успехом в роли педагога.

— Но почему именно она? — ни с того ни с сего продолжила Осса.

— Прости, не понял...

— У тебя во дворце осталась здоровенная команда, — пояснила Осса. — Почему ты вдруг решил тащить с собой эту ящерицу? По правде говоря, мы с тобой и вдвоем прекрасно управились бы.

Я ясно помнил, что Осса присутствовала на нашем собрании, когда Пуки добровольно вызвалась отправиться вместе с нами, но о том, что именно я на этом настаивал, припомнить не мог.

— Ты удивляешь меня, Осса, — сказал я, покачивая головой. — Создается впечатление, что ты выступаешь сейчас как ревнивая баба.

— Дело не в ревности, Мухобой... или, скажем, не только в ревности, — протянула она. — Раз ты решил прихватить кого-то еще, это говорит о том, что я, по-твоему, недостаточно хороша, чтобы прикрывать твою задницу. И поскольку ты избрал именно ее, мне очень трудно не воспринять это как личное оскорбление.

— А теперь открай уши и слушай меня внимательно, — жестко произнес я, — поскольку повторять я не намерен. Ты хорошая девочка, Осса, и понравилась мне с того дня, когда

мы встретились в дрессировочном лагере. Ты круче всех — кроме меня и Нунцио — из армейских типов, с которыми я тогда познакомился, и меня устраивает, если ты станешь прикрывать мою задницу. Я буду чувствовать себя вполне уверенно. У тебя есть мозги, и, имея большую *потенциальность*, ты добьешься успеха, чем бы ни занялась в будущем. В отличие от тебя Пуки — профессионал. Она давно приняла решение и достигла на избранном поприще больших успехов. Более того, судя по тому, что я узнал о подобных ей и Аазу извергах, она является профессионалом значительно дольше, чем ты существуешь в природе. Пуки очень хороша в деле, и нам повезло, что она решила поучаствовать в нашей заморочеке. Знай, что *уважение*, которое я испытываю к ее професионализму, никаким образом не затмевает те чувства, которые я испытываю к тебе. А чувства эти — не что иное, как восхищение и симпатия. Вместо того чтобы дуться и распускать сопли, тебе следует пользоваться возможностью увидеть ее в деле. Глядишь, ты у нее чему-нибудь и научишься. Я лично рассчитываю тоже кое-что усвоить.

Оssa пробормотала нечто невнятное и погрузилась в себя. Я не мог понять причину этого. Возможно, она обдумывала услышанное, но нельзя было исключать и того, что продолжала дуться. Я не мог этого понять еще и потому, что возвращалась Пуки, и я несколько отвлекся, наблюдая, как она идет к нам.

Пуки, как и обещала во дворце, изменила свою внешность с помощью заклинания личины, чтобы не испугать местное народонаселение, значительная часть которого не привыкла к виду разгуливающих по дорогам демонов. В этих целях она сменила свою зеленую чешую, желтые глаза, остроконечные уши и волосы на обличье, свойственное тем из нас, кто постоянно обитает в этом измерении. Этим она и ограничилась. Пуки решительно не стала менять те признаки, которые причисляли ее к женскому полу. Я подумывал о том, чтобы сказать ей, что если она примет личину мужчины, то будет менее заметна и обретет более внушительный вид, но, хорошенько все взвесив, от этой идеи отказался. Мне показалось, что попытки обсудить с ней вопросы смены пола могут скверно кончиться для моего здоровья.

Однако и это еще не все. Изменив личину, Пуки сохранила свою обычную рабочую одежду — плотно обтягивающий кожаный комбинезон с множеством лямок и прорезных карманов, в которых она хранила свой арсенал. Наряд этот, как вы понимаете, не только не скрывал вышеуказанного факта, но, напротив, подчеркивал ее женские прелести и, кроме того, давал всем знать, что эта дама — не из здешних краев.

И наконец, последнее по месту, но не последнее по важности замечание. Заклинание личины никакого не повлияло на ее манеру двигаться. Если эта информация вам ни о чем не говорит, значит, вам никогда не приходилось попадать в положение, когда ваша жизнь целиком зависит от правильной оценки *потенциальности* тех, кто на вас намерен накатить. Для большинства людей движение состоит в поочередном переносе одной ноги перед другой. Таким образом они перемещаются с места на место, ухитряясь при этом не упасть. Но это, пожалуй, и все. Тренированные атлеты вроде меня, сумевшие разить мускулатуру за пределы, необходимые для обязательной дневной прогулки, движутся более плавно и лучше удерживают равновесие. Однако и их походка имеет тенденцию оставаться несколько тяжеловесной. Пуки же относится к тем редким типам существ, о которых можно сказать, что они не ходят, а скользят. Они не только отлично держатся на ногах, но каждое их движение плавно перетекает в другое так, что кажется, будто эти существа танцуют под неслышимую другим музыку. Позвольте мне дать вам совет. Если вы повстречаете кого-нибудь, кто передвигается в столь радующей глаз манере, ни в коем случае не пытайтесь устроить с ними свары, ибо, пока вы будете замахиваться для удара, они успеют врезать вам раза три с той стороны, с которой вы никак не ожидаете. Мне было ясно, что, двигаясь таким образом, Пуки не впишется в толпу, какую бы личину она на себя ни напялила.

Но, как я уже успел заметить, мне было весьма приятно (как профессионалу, естественно) за ней следить. Удовольствие удваивалось от того, что Пуки передвигалась со мной рядом.

— Удалось ли тебе уладить отношения со своей маленькой подружкой? — спросила она, стрельнув глазами в спину Оссы.

Как только Пуки вернулась, на рекогносцировку решила отправиться Осса.

Пройдя через это испытание с Оссой, я не имел ни малейшего желания выслушивать дурацкие шутки еще и с другой стороны.

— Пуки, испытывая громадное уважение к твоему возрасту (хотя точными цифрами ты предпочла со мной не делиться) и не желая тебя обидеть, я тем не менее должен спросить: помнишь ли ты свои юные годы?

Задав этот вопрос, я удостоился косого взгляда, за которым последовала довольно длинная пауза.

— Если очень напрягусь, — наконец проговорила она, — то у меня возникают какие-то туманные воспоминания о тех днях.

— В таком случае, — сказал я, — напрягись покрепче и вспомни свои первые дни в нашем нелегком бизнесе. Как бы тогда ни задирала нос, в глубине души ты наверняка испытывала тревогу и неуверенность. И тревожило тебя не только то, как ты поведешь себя, когда дело дойдет до свалки. Больше всего ты боялась оказаться чужой в обществе тех, кто выступал на твоей стороне. Насколько я понимаю, именно это и происходит сейчас с нашей юной коллегой.

— Хм-м... Любопытное рассуждение, — протянула Пуки, задумчиво кивая. — Знаешь, Гвидо, а ты ведь на самом деле более чувствительный и заботливый, чем позволяешь себе показать.

— Отвечая на твой вопрос, — сказал я, игнорируя ее слова, поскольку никогда не отличался любовью к комплиментам, — хочу тебе сообщить, что Осса спрашивала меня о той роли, которую ты играешь в нашей экспедиции. На это я посоветовал ей завернуть свою ревность в тряпочку и видеть в тебе не женщину-конкурентку, а профессионала, который никогда не позволит посторонним мыслям и чувствам влиять на его работу и у которого ей следует учиться.

— Хм-м... Ладно, Гвидо, ты отлично донес до меня свою мысль, — скривив физиономию, произнесла она. — Я втяну когти и возьму эту славную малышку под свое крыло... выражаясь метафорично.

— Вот и хорошо, — ответил я, — это сделает нашу прогулку более приятной.

— К вопросу о прогулке. Не мог бы ты сообщить мне более внятно, что нам предстоит делать? Мне многим приходилось заниматься, но в качестве надзирателя за сбором налогов я никогда не выступала.

— Молодец, — похвалил я, — сейчас самое время еще раз совместно обмозговать наши планы. Эй, Осса!

Когда она обернулась, я жестом пригласил ее присоединиться к нам.

— Мы говорили о том, что неплохо было бы обсудить, с какого бока нам лучше подойти к стоящим перед нами задачам, — сообщил я, когда Осса влилась в наши ряды. — На сколько я понимаю, нам предстоит выяснить, какие заговоры, если таковые имеются, зреют против босса, и либо нейтрализовать их, либо доложить нашей команде, чтобы разработать необходимые контрмеры.

— На мой взгляд, нам лучше всего действовать следующим образом, — пожала плечами Осса. — Поскольку основным источником слухов являются военнослужащие, откомандированные для сбора налогов, нам следует перехватить их в одном из тех мест, где они встречаются, и, допросив, точно выяснить, что происходит. Наши дальнейшие планы будут зависеть от того, что мы услышим.

— Верно, — согласился я. — Сейчас мы направляемся в то место, где встречаются солдаты, обирающие людей, живущих вблизи дворца. Теоретически именно эти территории должны служить гнездилщиком типов, представляющих угрозу для босса.

— Хорошо, я все поняла, — вступила в беседу Пуки. — Меня интересует то, как разыгрывать пьесу. Кто мы — бархатная перчатка или железный кулак?

— В этом-то и вся хитрость, — сказал я. — С одной стороны, мы должны быть готовы положить конец всем намечающимся глупостям, а с другой — нам следует действовать осторожно, чтобы ненароком не раздувать пламя. Может получиться, что мы породим неприятностей больше, чем ликвидируем. Лучше всего подождать и посмотреть, с чем и с кем предстоит схватиться.

— Сидя здесь, мы уж точно ничего не узнаем, — заявила Осса. — Мне кажется, что пора двигаться. Хм-м... Скажи,

Пуки, ты можешь со мной немного потолковать? У меня пара вопросов касательно заклинания личины.

— Конечно, детка, — ответила Пуки. — Я готова до конца удовлетворить твое любопытство.

Я задержался на пару секунд, поскольку мне было интересно, о чем они собираются говорить. Однако, поймав на себе их взгляды и поняв намек, я продолжил поход. Позволив мне отойти на некоторое расстояние, женщины двинулись следом.

Я сам подвигнул их на контакт, однако сложившаяся после этого ситуация начала меня угнетать. Я оказался для себя единственным собеседником. Когда до меня то и дело стали долетать взрывы смеха, я уже не знал, что хуже: путешествовать в обществе женщин, которые не уживаются друг с другом, или в обществе женщин, которые прекрасно между собой ладят.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вынужден признать, что с учетом всех «за» и «против» наше путешествие к месту встречи сборщиков налогов оказалось одним из самых интересных, в которых мне когда-либо приходилось участвовать.

Наибольшее удовольствие мне доставило любопытство, проявленное Оссой к заклинанию личины. Это любопытство проявилось не только в форме вопросов и ответов, касающихся возможностей заклинания, но и в неоднократной демонстрации его действия.

Насколько я смог усечь из того, что мне удалось подслушать, Оssa как личность во многом формировалась под влиянием своей внешности. Она всю жизнь выглядела как тощий голенастый сорванец-мальчишка, и никто не желал видеть в ней девочку. Поняв, что она никогда не сможет выступить достойным конкурентом в женских играх, Оssa, само собой, усвоила манеры кругой крошки. Это был единственный ответ на требования ее жаждущей лидерства натуры. И вот теперь, когда ее

характер уже вполне сформировался, она открыла для себя заклинание личины. Это открытие меняло ситуацию в корне.

Мы шагали вперед, а Пуки тем временем демонстрировала свое мастерство, награждая Оссу бесконечным рядом новых лиц, телесных форм и, естественно, нарядов. Одаривала ее, как она сама говорила, «новым видом». И это еще не все! Каждая новая личина сопровождалась краткой лекцией о том, как следует себя вести и как двигаться для придания образу достоверности. Так они могли развлекаться много часов кряду, хихикая и подталкивая друг друга. Словом, мои девицы были счастливы, как пара адвокатов по уголовным делам перед купленными на корню присяжными. Осса веселилась как никогда, принимая облик разнокалиберных крошек, а Пуки на всю катушку использовала возможность насладиться игрой в переодевание живой куклы.

Я в этом празднике жизни участия не принимал. Более того, любая моя попытка выступить с предложением сурово отметалась взглядами, закатыванием глаз, разного рода фырканьем и тихим бормотанием, в котором слово «мужчины» звучало как нечто совершенно уничтожительное. Однако, несмотря на то что, как всем известно, я обладаю тонкой душевной организацией и получаю удовольствие от общения, исключение из приличного общества меня, по правде говоря, не слишком трогало. Мне было приятно просто наблюдать за их играми.

Кроме того, я заметил, что и та, и другая не оскорбляли взора, особенно в некоторых прикодах, которые Пуки примеряла на Оссы. Значительная часть этих нарядов открывала моему взору гораздо больше ее анатомии, чем я имел честь видеть когда-либо ранее.

Мне было чем занять мозги и помимо этого. Поскольку времени на размышления у меня было более чем достаточно, я смог со всех сторон взвесить ситуацию, навстречу которой мы двигались. Несмотря на значительный опыт по этой части, я не делаю вид, что знаю женщин так, как знают они, но, с другой стороны, мне больше, чем им, известно о мужчинах.

Я знал, что на месте встречи мы столкнемся с отрядом солдат и, представляя собой власть, потребуем, чтобы они

назвали себя и поведали бы нам о своих действиях (для якобы последующих анализа и оценки). Подобная ситуация уже сама по себе не могла сделать нас желанными гостями для сборщиков налогов, и они инстинктивно станут противиться чужакам, поучающим их, как выполнять работу. Ситуация усугублялась еще и тем, что власть должна была представлять особа женского пола, которая в настоящее время трудится сверхурочно, обучаясь быть миленькой и аппетитной.

Лично я не принадлежу к тем типам, которые отказываются признавать женщин в роли руководителей или возмущаются этим, и не защищаю ретроградов мужского пола, думающих по-иному. Однако реалии современного мира требуют признать, что подобные ретрограды не только существуют, но и составляют в нашей армии большинство, если, конечно, выводы, сделанные мною во время недолгой армейской службы, соответствуют действительности. К этим типам скорее всего относятся и те вояки, которых нам предстоит допрашивать.

Учитывая все возможные осложнения, я сосредоточил свое внимание на укреплении мускулов и содержании в порядке своего походного арсенала, полируя или смазывая по мере необходимости оружие. Как я уже успел заметить, любой миролюбивый человек, чтобы сохранить мир, должен уметь (и хотеть) положить конец всяkim беспорядкам, как только они начнутся или даже чуточку раньше.

Явившись на место встречи, мы испытали некоторое удивление, ибо не обнаружили там никого, кроме нас самих. Правда, причина удивления у нас была различной. Пуки и Осса удивились, что там не оказалось представителей воинства, а я безмерно изумился тому, что их это удивило. Если судить по моему ограниченному опыту армейской службы, в которой Осса тоже принимала участие, каждый солдат, получивший непыльную работу — гарнизонную службу или сбор налогов, например, — ни за какие коврижки не останется в казарме или на бивуаке, если в округе имеется более привлекательное место и если у него за спиной не торчит офицер.

В нашем случае таким местом было сомнительное заведение, именуемое «Суши-бар Абдулы». И сейчас мы без особых усилий нашли прибежище вояк, с которыми намечалось ранде-

ву. Это было зачуханное заведение, носившее гордое название «Бунгало Таки». Снаружи оно было украшено сухими вениками и бревнами с грубой резьбой, что, видимо, должно было придать кабаку экзотический вид тропической хижины. Мой наметанный глаз сразу усек, что руку неизвестного нам пожарного инспектора изрядно позолотили и тот дал добро на открытие этой кучи хвороста, способной заполыхать от малейшей искры. Кроме того, я обратил внимание, что в забегаловке крайне мало окон, а те, которые есть, закрашены черной краской.

— Может, стоит подождать до наступления темноты? — сказал я.

— С какой это стати? — поинтересовалась Пуки.

— Да я просто так подумал, — ответил я.

— И я тоже, — заявила Осса, — не вижу причин, в силу которых мы не могли бы немедленно приступить к делу.

— Минуточку, — сказал я, закрыв глаз и для большей верности прикрыв его ладонью. — Мне что-то в глаз попало.

Они нетерпеливо затоптались, но все же выдержали, пока я не досчитал до сотни.

— Хорошо. Теперь пошли, — произнес я, не отрывая ладони от глаза. — После вас, дамы, — добавил я, вежливо пропуская их вперед.

Я придержал для них дверь, а когда они вошли, двинулся следом. Переступая через порог, я открыл глаз и тут же закрыл другой.

Это, как вы понимаете, очень старый трюк. При переходе из яркого света в полутемное помещение глаз приспособливается не сразу — на это уходит несколько секунд. Эти секунды могут оказаться чрезвычайно опасными, если в том месте, куда вы входите, обретаются потенциальные враги, зрение которых адаптировалось к темноте. Поэтому мой вам совет: вы поступите мудро, если позволите одному глазу — предпочтительно тому, который нужен вам для стрельбы — заранее приспособиться к темноте. Разница, конечно, небольшая, но и этой малой предосторожности иногда бывает достаточно, чтобы спасти вам жизнь.

Как бы то ни было, но, войдя в помещение, я мгновенно скользнул в сторону (чтобы не маячить на фоне двери, пока

та еще была открыта) и осмотрел помещение. Как я уже сказал, окна были закрашены черной краской, а зал и стойку бара освещали мерцающие на низких столах свечи. У столика в углу собралась небольшая компания аборигенов. Я решил оставить их в покое и сосредоточить все внимание на дюжине парней армейского вида, угнездившихся за стойкой бара или рассевшихся за ближайшими к ней столиками.

Насколько я успел заметить, это были сплошь нижние чины без сопровождения офицеров или даже унтеров. Отсутствие командиров означало, что парни оттягиваются вовсю. Они со счастливым видом пили, болтали и перекидывались в картишки, но, как только мы вошли, все взгляды мгновенно обратились на Оссу.

Вы, наверное, еще не забыли, что Пуки экспериментировала, изменения внешность Оссы с помощью заклинания личины, и в тот момент ее наряд имел лишь весьма отдаленное сходство с обычной армейской униформой. Насколько мне помнится, я описывал указанную униформу, когда рассказывал о нашем с Нунцио кратком пребывании в рядах вооруженных сил, но для тех из вас, кто страдает провалами памяти или забыл прикупить соответствующий том нашей саги, напомню. Форма состоит из фланелевой, прикрытой нагрудником, ночной рубахи с короткими рукавами и юбки, изготовленной из уплотненной кожи. Вообще-то это не совсем юбка, а скорее множество кожаных полосок, закрепленных на талии. Шлем, сандалии и короткий меч великолепно дополняют ансамбль. Униформа сконструирована с таким расчетом, чтобы придавать любому пузатому новобранцу или городскому слизняку вид внушительного вояки.

На Оссе этот, с позволения сказать, мундир смотрелся совсем по-иному.

В исполнении Пуки униформа претерпела грандиозные изменения. Исчезла фланелевая ночная рубаха, а юбка, став существенно короче, прикрывала лишь верхнюю часть бедер, и пояс крепился не на талии, а существенно ниже. Для того чтобы этот ход не остался незамеченным, нагрудник существенно уменьшился в размерах, открывая голый живот с прекрасной формы пупком. Боюсь, что эта часть туалета пос-

ле подобной трансформации потеряла право именоваться на-
грудником.

Словом, у Оссы был такой вид, что ее изображение впол-
не можно было помещать на развороте журнала для солдат...
если подобные издания имеются в данном измерении. Не
хватало только фенички в пупке.

Пока посетители заведения упивались незабываемым зре-
лищем, в помещении царила гробовая тишина. Но Осса от-
крыла рот — и разрушила все очарование.

— Господа, не могли бы вы указать мне лицо, которое
осуществляет здесь руководство? — учтиво поинтересовалась
она.

— Я могу сказать тебе это, милочка, — ответила какая-то
здоровенная туша, вальяжно развалившаяся за ближайшим
столиком. — Сержанта сейчас здесь нет, но если хочешь его
подождать, присаживайся ко мне на колени.

И он подмигнул своим товарищам по оружию, которые
ответили ему гоготом и оглушительным свистом.

Лицо Оссы начало заливаться краской, а мы — те, кто
хорошо ее знает — прекрасно понимали, что краснеет она
вовсе не от смущения. Нам было ясно, что все мы — лишь в
одном шаге от полного доннибрука*.

К несчастью, нашелся идиот, решивший сделать этот пос-
ледний шаг. Один из сидевших сзади Оссы воинов, проявив
тонкий юмор, приподнял ее юбочонку, чтобы взглянуть, что
под ней скрывается.

Под юбкой, невзирая на заклинание личины, находилась
настоящая Осса. Вместо того чтобы по-девичьи взвизгнуть
или просто одернуть юбку, она молча развернулась и врезала
парню по физиономии. Поскольку тот сидел и был чуть ниже
нее, она смогла вложить в удар весь свой вес, дополнив его
легким поворотом бедер. Парень рухнул (но не через спинку
стула, а вместе с его обломками) и недвижно застыл на полу.

Смех мгновенно оборвался, и воины, открыв рот, устави-
лись на павшего товарища.

* Доннибрук — местечко близ Дублина, где происходит еже-
годная ярмарка. В переносном смысле «базар». — Примеч. пер.

— Осса, дорогая, — сказала, выступая вперед, Пуки, — разве я тебе не говорила, как должна вести себя настоящая леди?

— Он сам на это нарывался, — кипя негодованием, прорычала Осса.

— Верно, — сказала Пуки, — однако тем не менее...

Не глядя по сторонам, она сделала еще шаг, взявшись левой рукой за спинку стула и завалила его на пол вместе с сидящим на нем солдатом. Правую руку она использовала для того, чтобы надавить на затылок солдатику, восседавшему рядом с первой жертвой, и ткнуть его мордой в стол. Не прекращая движения, она потянулась через стол к двум воителям напротив и стукнула их друг о друга лбами. Этого было достаточно, чтобы их глаза собирались в кучку, а сами они тихо сползли на пол.

— ...ты должна уметь разруливать ситуацию без напряжения. Не потея, если можно так выразиться. Лишняя затрата сил не может служить торговой маркой для настоящей леди.

— Понимаю, — протянула Осса, сопровождая слова задумчивым кивком. — Благодарю за своевременную подсказку, Пуки.

Было бы просто прекрасно, если бы на этом все и закончилось, но этого, увы, не случилось. По моим подсчетам, из двенадцати воинов на полу валялись лишь пять или шесть. Оставшиеся находились пока в довольно приличном состоянии. Они повскакивали с мест с налитыми кровью глазами.

Я решил, что пора вмешаться, пока дело не приняло серьезный оборот.

— Смир-р-НА!! — рявкнул я своим лучшим плац-пара-дным голосом и распахнул ударом ноги дверь.

Если что и остается в солдатской башке после учебного лагеря, так это умение занять в любой момент стойку «смирно» — по первой команде, как только в помещении появляется офицер. Служивые немедленно замерли в указанной позиции, и даже те из них, кто лежал на полу, тоже слегка вытянулись.

Эта картина продержалась несколько секунд. Вплоть до того, как один из воинов вытянул шею, чтобы узнать, почему

их в такой неурочный момент вдруг поставили по стойке «смирно». Единственное, что он смог увидеть, был мой силуэт на фоне дверного проема. В руке я держал заряженный и поставленный на боевой взвод мини-арбалет.

— А вот и мы, — сказал я, осклабившись от уха до уха.

От того, что я поймал их на этот старый трюк, их настроение явно не улучшилось.

— Очень остроумно, парень, — сказал один, поворачиваясь лицом ко мне. — Неужто ты тоже хочешь принять участие в этом представлении?

— Нет, я всего лишь выступаю здесь в роли заинтересованного наблюдателя, — ответил я, поигрывая арбалетом. — Тем не менее позволю себе дать совет: прежде чем вы перейдете к дальнейшим действиям, вам было бы полезно ознакомиться с полномочиями этой юной леди. Особо советую обратить внимание на то, кем они подписаны.

— Мне плевать, даже если под ними нацарапала подпись сама королева Цикута, — прошипел один из парней. — Мы никак не дождемся, когда она выплатит нам жалованье.

— Близко, но не совсем, — ответил я. — О королеве речь не идет. Эта леди действует по приказу самого Великого Скива.

— Колдуна, что ли? — спросил парень, сглатывая слону.

— Это — единственный Скив, который мне известен, — сказал я, пожимая плечами. — Теперь, когда вы знакомы с истинным положением дел, вам решать, хотите ли вы заводить свару с лично им назначенным следователем.

С этими словами я скрестил руки на груди и привалился к дверной раме. С меня, если мне будет позволено это сказать, можно было писать портрет объективного наблюдателя, в исходе дела нисколько не заинтересованного.

— Отлично сказано, Гвидо, — раздался за моей спиной голос. Это произошло настолько неожиданно, что я даже слегка подпрыгнул. — Рад видеть, что ты не утратил своих деликатных навыков общения с рядовым составом.

Я обернулся и увидел перед собой ухмыляющуюся рожу сержанта Лыбби — моего первого инструктора по боевой и строевой подготовке.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

—И так, Гвидо, чем же ты занимался последнее время? — спросил сержант Лыбби. — После того как ты покинул учебку, я слышал о тебе много хорошего.

— Неужели? — удивился я.

— Точно. Я всегда слежу за своими парнями после того, как они заканчивают подготовку. И за своими дамами тоже. — Он слегка наклонил голову в сторону Оссы, не подумав оторвать задницы от стула.

Мы все сидели за столиком в «Бунгало Таки». Служивые поспешили ретироваться, и из всех армейских в зале остались лишь сержант и Осса.

— Я слышал, — продолжал сержант, — что ты очень быстро получил повышение, но затем вдруг пропал из виду. Прошел слух, что тебя взяли на курсы подготовки офицеров. Если верить другим сплетням, ты получил спецзадание и обосновался в королевском дворце. А теперь я вижу тебя в цивильной упаковке в обществе специального следователя. Как бы то ни было, но ты, похоже, и впрямь процветаешь.

Несмотря на то что я вроде как бы конкретно любил сержанта Лыбби, у меня не было желания излагать ему всю правду, особенно сейчас, когда сержант узнал бы ее, не будучи связанным присягой. Хотя мы и были типа того, что как бы армейскими дружбанами, я не знал, как долго продержится наша дружба, если станет известно, что я встал под знамена лишь для того, чтобы изыскать способ приостановить агрессивные устремления королевы Цикуты или положить им конец навсегда.

— Не могу пожаловаться, — осторожно произнес я. — А как ты? Когда я видел тебя в последний раз, ты слишком приводил рекрутов в должную форму.

— Это все последствия военной реформы, — со вздохом сказал он, — теперь, когда мы живем в мирное время, необходимость в наборе и подготовке новых солдат отпала. Идет сокращение, и, по правде говоря, мы не знаем, что делать с теми, кто уже у нас есть. Поскольку у меня хорошая выслуга, я получил право выбрать новое назначение, вот и выбрал то, что казалось полегче, — отряд сборщиков налогов.

Он отпил из кружки и, недовольно скривившись, продолжил:

— Легкая работенка... Как бы не так! На сборщиков налогов, похоже, открылся сезон охоты, а мы даже не можем отстреливаться, поскольку имеем дело с гражданами Поссилтума.

— Нельзя ли поподробнее? — поинтересовался я.

— Можно, конечно. Но мне неясно, с какой стати тебя это так занимает.

Я немного подумал, пожал плечами и сказал:

— Это не секрет, и ты об этом, наверное, слышал. В замке ходят слухи, будто в королевстве зреет что-то похожее на мятеж. Нас послали проверить и доложить, насколько серьезны эти опасения. Поскольку ты находился на передовой и мог первым заметить признаки волнения, все, что ты скажешь, не только получит во дворце высокую оценку, но здорово поможет нашему расследованию.

— Да, в твоих словах есть смысл, — кивнул Лыбби.

— Неужели? — возникла Осса, но Пуки вовремя наступила ей под столом на ногу, и моя боевая подруга заткнулась.

— В основном, — продолжал, ничего не заметив, Лыбби, — это сводится к ору и иногда к метанию в нас продуктов сельского хозяйства. Ничего такого, что бы выходило за рамки, учитывая популярность сборщиков налогов. Меня гораздо сильнее достают типажи, которые грабят бригады сборщиков.

— Давай начнем с этого места, — сказал я. — Я обратил внимание, что ты помянул об этих негодяях во множественном числе, и это указывает на то, что их больше, чем один. Не считаешь ли ты, что это признак организованного мятежа?

— Не думаю, — ответил Лыбби, задумчиво сощурившись. — Насколько я понимаю, существуют две действующие раздельно группы.

— Не могли бы вы рассказать об этом подробнее? — вступила в беседу Пуки. — Человек с таким огромным боевым опытом, как у вас, не мог не заметить деталей, которые станут неоценимым вкладом в нашу работу.

Лыбби, как любой нормальный парень, не мог устоять перед лестью из уст такой куколки, как Пуки. Надувшись, словно лягушка, он продолжил речь:

— Как я уже сказал, судя по всему, работают две независимые группы. Это подтверждается тем, что они действуют в разных местах, и методы их операций различны. Одна из групп базируется в Королевском охотничьем заказнике и, как правило, скрывается в зарослях кустарника. Нападение начинается с того, что поверх голов сборщиков в воздух пускаются стрелы. Это делается, чтобы солдаты поняли: они — в зоне досягаемости. Затем бандиты требуют, чтобы сборщики налогов сложили деньги на землю и отвалили. Любопытно то, что они пока никого не убили и не ранили, но и угрозы вполне достаточно, чтобы наши ребята выполняли их требования.

— И они не пытаются дать бой? — спросила Осса. — Просто оставляют деньги?

— Ты, видимо, что-то не усекла, — с недовольной гримасой ответил Лыбби. — Нам приказано ни в коем случае не стрелять в гражданское население. Пойми, мы работаем внутри страны, а не находимся на линии фронта, где нам противостоят враги. Ведь мы имеем дело с гражданскими лицами, которых призваны защищать, и начальство не желает никаких инцидентов, способных посеять вражду между народом и армией.

Он снова отпил из кружки, печально покачал головой и продолжил:

— Но буду с вами честен. Даже если бы у нас и не было этого идиотского приказа, мы все равно вряд ли бы смогли поймать этих парней. Лес там большой и дремучий. Они ведут игру на своем поле, что дает им огромное преимущество. Если они числом превосходят нас, то будут отстреливать жертвы из укрытия, не оставив нам никаких шансов. Если же мы соберем достаточно большую команду, они просто растворятся в кустах, и нам их никогда не поймать.

— Хорошее знание топографии — непременное условие победы, — пробормотала Пуки.

— Верно, — согласился Лыбби. — Похоже, госпожа моя, вы тоже знакомы с началом военной тактики.

— Ты сказал, что действуют две группы, — поспешно вмешался я, чтобы помешать сержанту углубиться в прошлое Пуки. — Что представляет собой вторая?

— Вторая — настоящий цирк с клоуном, — ответил Лыбби, возвращаясь к теме. — На дорогу выскакивает какой-то парень. Весь в черном, с маской на роже и капюшоном на голове. Он размахивает мечом, требует отдать деньги и заявляет, что иначе они узнают, что такое его гнев.

— Узнают, что такое его гнев? — переспросил я.

— Да, так он говорит. Слово в слово. Ничего подобного я не мог и представить.

— Подожди, — снова вмешалась Осса. — Неужели все отделение отступает, встретив одного парня с мечом?

— Это не так, — сердито ответил Лыбби. — Клоун в черном — единственный, кто держит речь. Но у него имеется поддержка. Когда мы встречаем этого джокера, за его спиной мы замечаем еще одного парня. Это здоровенный лоб — почти такой же здоровенный, как ты, Мухобой. Но и это не все. Гораздо важнее то, что он вооружен сделанным на заказ мини-арбалетом и арбалет этот нацелен на наших ребят. Всем становится ясно, что тот, кто решит стать героем, уже никогда не вернется в казарму.

— Но в арбалете всего лишь одна стрела, — не унималась Осса. — А сколько людей в команде?

— Верно подмечено, — согласился Лыбби. — Однако проблема в том, что никто не рисуется оказаться на пути этой единственной стрелы. Кроме того, не забывай: нам приказано не трогать гражданских.

— Весьма удобный приказ, — пробормотала Осса.

— Расскажи-ка мне побольше об этом заказном арбалете, — поспешно сказал я, прежде чем сержант успел приняться за Оссу.

— Это несложно, — ответил Лыбби. — Хотя я близко его не рассматривал, а в руках и подавно не держал, он очень похож на тот, которым ты размахивал перед ребятами в момент моего появления.

Сказать, что сия пикантная подробность меня заинтриговала, значит не сказать ничего. Дело в том, что мы с Нунцио получаем свои арбалеты только от парня по имени Йоло — непревзойденного, по моему мнению, оружейника. Я слышал, будто он делает оружие как для Ярмарки Ренессанса,

так и для любителей Средневековья. Однако подавляющая часть его продукции раскупаются парнями вроде меня и моего кузена. Иными словами, теми, кто трудится на Синдикат или каким-то образом с ним связан.

— Не мог бы ты мне сказать, в каких местах работает каждая из этих групп? — спросил я, меняя тему разговора.

— Я могу даже больше, — сказал Лыбби, приканчивая выпивку и поднимаясь на ноги. — В палатке у меня есть кое-какие карты. Идите за мной, я покажу вам, что где происходит, и, может быть, поставлю вам выпить.

Хотя наши герои и оставили «Бунгало Таки», мы задержимся на некоторое время, чтобы узнать, что произошло там сразу после их ухода...

Так вот, после ухода разведчиков и сержанта несколько сидевших за дальним столиком в углу зала гражданских лиц долго хранили гробовое молчание.

Наконец один из них нарушил тишину:

— Горизонт чист, Трутень. Они ушли окончательно.

Воздух вокруг трех человек из этой компании заколебался, и их внешность заметно изменилась, оставшись, впрочем, столь же неприметной, как и прежде.

— Едва-едва пронесло, — заметил один — здоровенный мускулистый парень.

— Умри, Хи, лучше не скажешь, — подхватил сидящий рядом с ним столь же молодой человек.

Оба парня очень походили друг на друга. Они наверняка были братьями; если вообще не близнецами.

— Отличное заклятие, Трутень! — продолжал второй из братьев. — Однако ты зря не сказал нам сразу, что Мухобой в нашем маленьком приключении выступает на противоположной стороне.

— Я и сам не знал, — запротестовал Трутень, выпрямляясь во весь свой не шибко великий рост. — Мне сказали, что нам предстоит всего-навсего увильнуть от службы, и кроме того, я не так давно слышал, что Гвидо и Нунцио вышли в отставку.

— Как бы то ни было, — произнес Шу, толкая братца локтем под ребра, — теперь, когда мы знаем, что и как, видимо, настало время еще раз подумать об этой затее.

— Постой-постой, — резко вмешалась Буря. — Что происходит? Кто эти парни, которые нагнали на вас такой ужас? И кто, в частности, этот амбал?

— Его зовут Мухобой, — ответил Хирам Слеппень. — Или Гвидо, если употребить его настоящее имя. Он и его кузен Нунцио были вместе с нами в учебной команде, когда мы только встали в ряды. По правде говоря, он командовал нашим отделением.

— И сказать, что он крутой парень с отлично поставленным ударом, значит не сказать ничего, — добавил брат Хирама Шуберт.

— А как он владеет арбалетом! — вмешался Трутень. — Он помог мне сдать норму по стрельбе, что с его стороны было благородным поступком. Если бы не Мухобой, я наверняка до сего дня истекал бы потом и кровью в тренировочном лагере.

— Ну и что? — вяло проговорил Егор. — Это свидетельствует лишь о том, что он был лучше, чем все другие новобранцы. Ну и потом, вы все получили там отличную подготовку, разве не так?

— Ты не понял, — произнес Хи, покачивая головой. — Он и Нунцио были лучше всех, когда вступали в армию. Нам с ними никогда не сравняться, сколько бы нас ни натаскивали.

— А вы видели сержанта, с которым они говорили? — спросил Шу. — Он был нашим инструктором. Как-то он сцепился с Гвидо, и Мухобой уложил не только его, но заодно и капрала. При этом Бой даже не вспотел.

— Постойте, — не унимался Егор. — Я думал, что армейские правила запрещают подобные поступки. Неужели у него после этого не было неприятностей?

— Это было названо несчастным случаем во время учебного боя, — ухмыльнулся Хи. — По правде говоря, он после этого пошел на повышение.

— А вы обратили внимание на то, кто с ним был? — поинтересовался Трутень. — Мне лично показалось, что это — Осса.

— Если так, то она сильно изменилась, — заметил Хи.

— Не исключено, что они по какой-то причине использовали заклинание личины, — предположил Шу.

— Осса?

— Тоже из нашего отделения, — пояснил Хи. — С ног до головы самая отвратная из всех девок, которых мне приходилось встречать. Злобная, как кобра, только раза в два подвижнее.

— Заметно. Мы все видели, как она уложила типчика, который полез к ней под юбку, — произнес Егор, покачивая головой.

— Боюсь, что вы все не туда смотрите, — вмешался Красный Клинок. — Что вы скажете о той крошке, которая не моргнув глазом уложила четырех мужиков?

— Еще одна ваша старинная подруга по играм? — поинтересовалась Буря.

— Никогда ее не видел, — ответил Хи.

— Хорошо, — кивнула Буря, — а то я уж было подумала, что мы угодили на встречу боевых друзей.

— Даже не видев ее в деле, могу сказать, — вмешался Шу, — если эта девица кучкуется с Гвидо, она — классный профессионал. Выступать против нее у меня нет ни малейшего желания.

— Что возвращает нас к тому, с чего мы начали, — сказал Хи. — Теперь, когда мы усекли, что Мухобой и его дружки участвуют в игре, нам надо решать, оставаться здесь или свалить в леса.

— Но вы не можете уйти! — возник Красный Клинок. — Вы же согласились нам помочь!

— Мы согласились участвовать в этом во всем главным образом потому, что нам показалось — подобное сбороище хорошее место, где пара солдат в увольнении может встретиться с девицами, — сказал Хи. — Я что-то не припоминаю, что давал согласие сцепиться рогами с парой умело плодящих вдов профессионалов.

— Мальчики, мальчики! — вмешалась Буря, поднимая руки. — Ничего не изменилось только потому, что поблизости возникла парочка суперкостоломов. Ведь вся суть нашего плана в том, что прямо мы ни на кого не нападаем. Они ищут тех, кто грабит сборщиков налогов, а это, как вы знаете, не мы. Поэтому давайте пропустим еще по паре банок и спокойненько все обсудим.

— Выпивка и впрямь хороша, — сказал Трутень. — Кто что берет?

— То же, что и в прошлый раз, — произнес Шу, глядя на брата.

— Крови! Крови и плоти на закуску! — выкрикнул сидящий в самом углу эльф.

— Я же тебе уже сказал, что этого здесь не подают! — прорычал Хи. — Буря, где ты раздобыла это чучело?

— Заказала по «Полному каталогу эльфийских услуг», — ответила девица. — Пришлось отвалить большой кусок. Эльфы нынче недешевы.

— А я по-прежнему хочу узнать, где ты найдешь гнома? — пискнул Джон Малыш (его настоящее имя все давно забыли). — На данный момент я самый невысокий во всей команде.

В ответ все остальные члены братства тактично промолчали.

— А Вулкан где сыщешь? — уныло поинтересовался Трутень.

По правде говоря, именно по этой причине братство избрало своей оперативной базой «Бунгало Таки». Несмотря на грандиозный масштаб поисков, единственным «Вулканом», который им удалось найти в королевстве Поссилтум (даже в новых его границах), был крепчайший коктейль, который подавали только в этом заведении.

Выждав, когда принесут заказ, они страшно торжественно развернули тряпицу, в которую было завернуто бесценное кольцо, украшенное к тому же отрезанным пальцем. Произнеся ритуальную фразу, они опустили кольцо вместе с пальцем в горячий спирт — основной ингредиент знаменитого напитка.

Ничего, увы, не произошло.

Так же, как ничего не происходило и при прошлых попытках, которых уже насчитывалось не менее дюжины.

И так же, как и двенадцать раз до этого, никто не изъявил желания выпить «Вулкан» после того, как из него был извлечен палец с кольцом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Получив информацию от сержанта Лыбби и пропустив пару-тройку стаканов за старые добрые времена (не исключено, что имел место некоторый перебор), мы открыли военный совет с целью определить дальнейшие шаги. Два часа спустя мы все еще «советовались». И вы не ошибетесь, если методом *дедуктирования* придет к выводу, что совет проходил не шибко гладко.

— А я утверждаю, что наша миссия завершена и нам следует возвращаться во дворец, — говорил я, начиная терять обычно свойственное мне равновесие.

Мы начали этот спор сразу после пяти вводных предложений, которые открыли наше собрание, и с того момента никто из нас не отступил ни на пядь. Это о чем-то говорит, поскольку я выступал в одиночку, а Пуки и Осса перли на меня парой.

— Предполагалось, что мы проведем разведку в потенциальных центрах мятежа, — говорила Пуки. — До тех пор, пока мы не увидим все собственными глазами, наши выводы будут построены лишь на слухах. А это мы могли бы сделать, не отрывая задниц от кресел во дворце.

— Мы получили исчерпывающую информацию от военных, которые видели все собственными глазами и слышали собственными ушами, — возражал я. — По их мнению, никакого организованного сопротивления не существует. Имеется лишь пара небольших групп, грабящих сборщиков налогов. Теперь нам следует доложить обо всем боссу и услышать от него, как действовать дальше. Как бы то ни было, но Скив — мой босс и в Корпорации М.И.Ф., и в Синдикате. За многие годы службы мне удалось усвоить, что длительность и успешность карьеры, не говоря уж о продолжительности жизни, напрямую зависят от умения избегать самостоятельных действий в попытке предугадать желания и намерения босса.

— Но мы же не предпринимаем никаких самостоятельных действий, — возразила Пуки. — Мы намереваемся всего лишь оценить ситуацию, что нам с самого начала и поручалось.

— Постой, Пуки, — сказала Осса, вставая между нами. — Поговори-ка лучше со мной, Мухобой. Что тебя гложет?

— Я уже сказал: босс...

— Я знаю, что ты уже *сказал*, — оборвала меня Осса. — И я хорошо знаю тебя. В учебной команде ты вполне успешно управлял нашим отделением насекомых под самым носом сержанта Лыбби. Когда нас отправили служить в гарнизон, а затем в пакгаузы, ты все еще командовал нами, и командовал очень успешно. Я знаю, что ты способен действовать самостоятельно, не корча из себя типа «мамочка-а-я-могу-это-сделать?». И вот вдруг ты шага не хочешь ступить без указания. Мне кажется, это вовсе не вопрос субординации. Поэтому поделись с нами, что тебя гложет, не пытаясь спрятаться за формальностями.

Беда была в том, что она попала в точку. Я не против в случае необходимости слегка исказить факты или затуманить картину перед лицом присяжных и даже коллег, но мне крайне не нравится, когда меня хватают при этом за руку.

Я в раздумье потер подбородок — и решил выложить все начистоту.

— Ну ладно, слушай, — сказал я. — Я вполне чувствую себя в своей тарелке, когда дело доходит до драки. Тут я специалист. Почти всю работу мне приходилось выполнять в городах, вступая в схватку с отдельными личностями или бандами, которые делали все, чтобы не привлечь к себе общественного внимания. Этому меня обучали. И я с большой прохладой отношусь к идее бродить по лесу, пытаясь прихватить *оппозиционников*, число которых нам неизвестно и которые знают игровое поле значительно лучше нашего. При этом стрелять в противника нам не позволяют. Боюсь, что мы окажемся в положении деревенского олуха, который приехал в большой город.

— Значит, ты хочешь сказать, что боишься! — заявила Осса.

Я начал было подниматься во весь свой немалый рост и выпячивать грудь, но враз передумал, ограничившись лишь легким пожатием плеч.

— Хорошо. Если ты так хочешь думать, то я действительно боюсь. Но это не меняет общего положения.

— Спрячь свои коготки, Осса, милочка, — выступила в мою защиту Пуки. — Гвидо не боится. Он просто рассуждает как профессионал. В отличие от многих из тех, кого ты встречала в прошлом и кто объявлял себя крутым, Гвидо подлинная жемчужина. Он настолько крут, что ему не обязательно надрываться, чтобы это доказать. Даже когда его провоцируют.

Я и сам это знал, но Пуки поступила очень мило, что это сказала, поскольку мне этого не позволяла сделать врожденная скромность.

— Теперь, я надеюсь, ты уловила разницу между испугом и признанием наличия потенциальной опасности, — продолжала Пуки. — Гвидо поднял действительно важный вопрос. Мы можем вступить в схватку с врагом, у которого на руках все козыри. Поэтому прежде, чем сделать очередной шаг, нам следует хорошенько все взвесить.

— Если босс скажет, что это следует сделать, я на это пойду без колебаний, — сказал я. — Мне не раз доводилось с открытыми глазами выступать в смертельно опасных играх с малыми шансами на успех. Но сейчас я повторяю: поскольку существует серьезная возможность того, что нас прикончат, мы обязаны передать полученную информацию боссу. В противном случае все наши действия лишаются смысла, и следующей команде придется начинать с нуля.

Осса опала, как воздушный шар, из которого вдруг выпустили весь воздух. Теперь она выглядела не как юная разбойница, а как девочка, которой не разрешили идти на вечеринку.

— Что ж, в таком случае возвращаемся во дворец, — сказала она безжизненным тоном. — Маг получит информацию, и никому не будет нужна моя служба в роли Королевского следователя. Прости, Гвидо, что я на тебя давила. Мне так нравилось наше путешествие, что я попыталась продлить удовольствие.

Теперь мне стало ясно, почему она рвалась продолжать наше расследование. Путешествие со мной и Пуки было ее звездным часом. В нашем обществе она не чувствовала себя чужаком, которому каждый день приходилось бороться за место под солнцем. Мы относились к ней как к любимой

младшей сестренке. Особенно внимательной была Пуки, обувавшая ее всему, начиная от умения привлекательно одеваться и кончая тем, как утихомирить пару горлопанов, не повредив себе прическу.

Покончив с этим делом, мы с Пуки продолжим работу в нашей команде, все члены которой, как я уже неоднократно говорил, классные ребята, отличные бойцы и верные друзья. Что же касается Оссы, ей придется вернуться в свою армейскую часть. Могу засвидетельствовать по собственному опыту: тамошнее существование в лучшем случае можно назвать унылым. Подобной жизни я не пожелал бы даже врагу, а уж об Оссе, которая была мне глубоко симпатична, и говорить не приходится.

Пуки поймала мой взгляд, и по выражению ее глаз я понял, что она полностью разделят мои мысли.

— Впрочем, поразмыслим еще немного, — протянул я, стараясь выиграть время. — У меня, конечно, есть на этот счет свое мнение, но я вовсе не хочу выглядеть узколобым догматиком. Не исключаю, что кое-что могло и ускользнуть от моего внимания.

Осса начала было закатывать глаза, но, осознав, что я смягчаю позицию, навострила уши.

— Итак, мы знаем, что существуют две действующие независимо одна от другой группы... — начал я.

— Точно, — подхватила Пуки, понимая, куда я гну. — Команда, которая играет в прятки в Королевском заказнике, и клоун в черном.

Я глубокомысленно кивнул и принялся как бы в задумчивости барабанить кончиками пальцев по колену.

— Лесные парни, на мой взгляд, таят большую потенциальную опасность, — произнес я. — Вопрос в том, каким образом мы могли бы разнюхать о них чуть больше, не отправляясь следом за ними в чащобу.

— Мне кажется, сержант что-то говорил о подрайоне, расположенному совсем рядом с лесом, — сказала Пуки.

— Да. О «Гербе Шервуда», — сказал я. — Ну и что?

— Мы, видимо, имеем дело с группой партизан, играющих в низшей лиге, — произнесла Пуки. — Как утверждает

большинство специалистов, партизанская война невозможна без поддержки местного населения. Может быть, нам удастся собрать кое-какие сведения в этом подрайоне?

— А я-то думала, они живут на природе, — сказала Осса. — Ведь в заказнике разной дичи навалом.

— Угу... — буркнул я. — А ты когда-нибудь пробовала эту самую дичь? Время от времени ее можно пожевать, чтобы разнообразить диету, но для ежедневного рациона она не годится, если, конечно, в твоем распоряжении нет повара, который отлично знает свое дело.

— Кроме того, — добавила Пуки, — они отнимают деньги у сборщиков налогов. Если ты постоянно обитаешь на природе, золото тебе ни к чему. Готова спорить, они его где-то тратят, и тратят именно в «Гербе Шервуда».

— Что ж, похоже, мы выработали какой-то план, — сказал я. — Мы вытрясем информацию из местного народонаселения, и это занятие гораздо больше соответствует моей натуре, чем попытки таскаться по болотам и кустам. Что скажешь, Осса?

— Это вам решать, ребята. А что касается меня, то я с вами, — ответила она, делая все, чтобы ее слова звучали как можно небрежнее.

Пуки мне хитро подмигнула, и я решил, что идея не торопиться назад во дворец не так уж и плоха, как мне прежде казалось.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

-3 наешь, я так долго проторчала на Извре, что успела забыть, какие необычные вопросы иногда порождает посещение других измерений, — сказала Пуки.

Как я уже говорил вам, за время путешествия я научился отключаться от женских разговоров, поскольку они вызывали у меня головную боль, но это замечание привлекло мое внимание.

— Почему ты об этом заговорила? — спросил я.

— Есть вещи, с которыми не часто приходится встречаться. Ну вроде этого... как ты назвала эту штуку, Осса?

— Портативный туалет, — ответила Осса.

— Вот видишь? Подобные вещи я и имела в виду.

— Ну и что же в этом странного? — спросила Осса.

— Оглянись вокруг, дорогая, — сказала Пуки. — Мы со всех сторон окружены кустами и деревьями. Для чего, спрашивается, изобретать какие-то переносные туалеты?

— За пользование кустами и деревьями с людей денег не возьмешь, — буркнул я.

Прежде чем ответить, Пуки несколько минут хранила молчание.

— Ты, Гвидо, и вся твоя команда, судя по всему, довольно много времени провели на Базаре-на-Деве. Я не ошиблась? — наконец произнесла она.

— Верно, — кивнул я. — Там наша штаб-квартира. И что же из этого следует?

— Ничего, — с невинным видом сказала Пуки. — Это просто кое-что объясняет.

За время нашего путешествия я понял, что прямого ответа — если она того не хочет — от Пуки добиться труднее, чем от адвоката, который убежден в вашей виновности, но в то же время знает, что вы при деньгах. Поэтому я просто решил сменить тему.

— Поскольку мы быстро приближаемся к месту назначения, — сказал я, показывая на открывшееся нашему взору небольшое скопление домов, — было бы неплохо определить наш «модус операнди», или, иначе говоря, что мы предпримем, когда туда дошагаем.

— Не мог бы ты, Гвидо, кратко просветить меня о том, что это за поселение? — спросила Пуки, оглядывая дома. — Что за штуковина такая — «подрайон»?

— Это сравнительно новое явление, — сказал я. — В свое время люди оставляли небольшие сельские общины ради культурных ценностей и экономических возможностей, которые предоставляли им большие города. Однако это породило новую проблему. По мере того как города становились все более и более перенаселенными, в них появилась и начала быстро

расти прослойка людей, которых стали вежливо именовать «грубым элементом». Этот «элемент» добывал средства к существованию путем насильтственного отделения указанных граждан от плодов упомянутых экономических возможностей.

Решение проблемы, каким бы странным это ни казалось, состояло в том, что наиболее преуспевающие граждане решили найти себе место где-то между городом и деревней. Инвестиционные фирмы, скупив заброшенные земли или владения фермеров, едва сводивших концы с концами, начали строить дома, которые покупали люди, работающие в городе, но не желающие там жить. Итак, люди, о которых мы говорим, проводят дни на работе в городе и возвращаются вечерами в эти самые подрайоны, чтобы провести время с семьей и выпеняться.

Самые старые и, соответственно, наиболее развитые подрайоны вроде «Герба Шервуда» настолько разрослись, что в них возник мелкий бизнес, обеспечивающий население пищевыми продуктами, услугами и даже развлечениями — последнее, естественно, в ограниченных масштабах. Таким образом, жителям подрайона не приходится таскать предметы первой необходимости из города.

— Итак, судя по твоим словам, обитатели этих мест считают себя безжалостными, изощренными горожанами, но недостаточно круты, чтобы выдержать уличный стресс. Я не ошиблась?

— Довольно точное обобщение, — сказал я.

— В таком случае не мог бы ты позволить мне возглавить нашу маленькую экспедицию?

— Без проблем, — ответил я. — У тебя имеется какой-то план?

— Ничего особенного. Я подумала, что это откроет для меня возможность продемонстрировать Оссе эффективность прикладной женственности. Ты поняла, что я имею в виду, дорогая?

— Ты намерена крепко кому-то врезать, — с надеждой сказала Осса.

Мне лишь с огромным трудом удалось удержаться от грубой шутки. Мне давно было ясно, что ввести Оссу в лоно

цивилизации — задача не из легких. Даже для такого утонченного и цепкого существа, как Пуки.

— Нет, дорогая, — являя собой воплощение терпения, произнесла Пуки. — Подумай как следует. Припомни, что мы говорили с тобой о тонкости обращения.

Осса, предавшись непривычному процессу мышления, вначале наморщила лобик, а затем, просветлев лицом, выпалила:

— Ты скажешь кому-нибудь, что хорошенко ему врешь!

На сей раз все мои попытки скрыть реакцию оказались не столь успешными, за что Пуки наградила меня суровым взглядом.

— Нет, дорогая, — сказала она. — То, о чем ты говоришь, проходит по департаменту Гвидо. Мы же с тобой — леди. Знаешь, ты пока последи за мной, а потолкуем мы об этом позже.

Развлекаться возникшей ситуацией мне, к сожалению, удалось не долго. Все веселье закончилось, как только Пуки приступила к приготовлениям.

Подготовка в основном заключалась в том, чтобы с помощью заклинания личины изменить облик Оссы и мое обличье. Пуки сказала, что хочет придать нам менее пугающий вид, чтобы люди при нашей попытке с ними заговорить не шарахались в сторону. Но, по-моему, Пуки просто воспользовалась возможностью отыграться на нас, ибо она сама не меняла личины с момента встречи в кабаке со служивыми. Должен признаться, образ, который она себе придала, не вызывал протеста. Совсем напротив, Пуки в своем обличье выглядела весьма многообещающей девицей.

Для Оссы она сохранила облик «горячей крошки», лишь изменив наряд, который после этого вообще перестал напоминать военную форму. Новый гражданский прикид, надо сказать, вызывал не меньше эмоций, чем предыдущий с военным уклоном.

Зато на мне Пуки оттянулась по полной программе.

Я ничего не мог возразить против ее действий, ведь мой обычный облик внушает почтительный ужас, что в немалой степени определило мою профессиональную ориентацию.

Трудящиеся в Синдикате силовики делятся в основном на два типа: высоких и широких бугаев вроде меня и Нунцио и худых, жилистых, злобных, быстрых, отлично владеющих ножом парней вроде Змея. Каждая из этих разновидностей имеет свои преимущества в деле убеждения простых людей пойти на сотрудничество. Обыватель, как правило, не сомневается, кто возьмет верх в споре, если ему вдруг вздумается заартачиться. Поэтому я понимал Пуки, которая надумала несколько снизить визуальный эффект, обычно производимый мною на непосвященных.

Во-первых, она срубила с меня примерно треть, как сверху, так и с боков. Затем ликвидировала мой стильный прикид, превратив его в убогого вида рабочий халат, который висел на моем усохшем теле, словно пальто на спинке маленького стула. Что касается гнилых зубов, то награждать меня ими было новое не обязательно, ибо при виде моей новой личины мне почему-то совсем расхотелось улыбаться.

Затем Пуки отступила на несколько шагов и, оценив, как художник, дело рук своих, произнесла с широкой ухмылкой:

— Вот, пожалуй, и все. Только держи свой арсенал не на виду до тех пор, пока на нас действительно не нападут.

Последние слова, как я догадывался, были всего лишь мерой предосторожности с ее стороны, так как, взглянув на себя в своем новом обличье, я не сомневался, кто станет моей первой жертвой, если я вдруг решу отказаться от миролюбивых привычек.

— Все готовы? — спросила она, порадовавшись своей работе. — Осса? Гвидо?

— Это — твое шоу, — пожал я плечами.

Она двинулась в сторону стоящих на границе поселения лавок и мастерских, а мы потащились следом.

На улице было немноголюдно, да и среди тех, кто там оказался, преобладали домохозяйки. Однако очень скоро Пуки вычислила свою первую жертву. Выбор пал на огненно-рыжего, тощего, как жердь, и страшно долговязого типа. Для натренированного глаза было ясно, что его наряд по цене значительно превосходит одежду всех, кто находился в поле нашего зрения.

— Простите меня... Сэр? — остановила его Пуки.

Рыжий огляделся и, убедившись, что лада не только обращается, но и направляется к нему, сказал:

— Да, сударыня. Могу ли вам чем-нибудь помочь?

Образованный, вне всякого сомнения, тип.

— Во всяком случае, я на это очень надеюсь, — проговорила Пуки, пуская в ход одну из своих наиболее чарующих улыбок. — Вы проживаете здесь?

— Боюсь, что так, — сказал рыжий, отвечая на улыбку улыбкой.

— В таком случае вы, возможно, действительно способны нам помочь. Понимаете, я и мои спутники только что пришли в ваше очаровательное поселение и пребываем в некоторой растерянности. Дело в том, что мы проводим своего рода обследование, но совершенно не представляем, с чего начать.

— Обследование? Потрясающе!

Обмениваясь этими репликами, они оглядели друг друга. А если быть честным, то они оглядели друг друга не один, а два или три раза. И, судя по всему, увиденное не повергло их в разочарование.

— Я как раз только что сказала своим помощникам... Ах да, простите! Меня зовут Пуки. А вас?

— Уилл.

— Рада познакомиться с вами, Уилл. Понимаете, я подумала, что, если нам поможет один из тех, кто по-настоящему знает округу, мы справимся с работой очень быстро. И это даст нам возможность развлечься и лучше познакомиться с местнойочной жизнью. И вы можете составить мне... то есть нам компанию... если согласитесь помочь.

На мой взгляд, Пуки слегка пережимала, но болван, проглотив наживку вместе с ложкой, продолжал пускать слюни.

— Получилось так, что всю вторую половину дня я свободен... и вечером тоже, — сказал он, улыбаясь от уха до уха. — Какое именно обследование вы проводите?

— Мы пытаемся выяснить отношение местных жителей к тем борцам за права человека, которые базируются в Королевском охотниччьем заказнике.

Улыбку с лица Уилла словно смыло.

— Борцов за права человека? — переспросил он.

— Тех ребят, — подмигнула ему Пуки, — которые в последнее время совершили налеты на сборщиков налогов.

Услышав эти слова, абориген в буквальном смысле попятился.

— Никогда о них не слышал, — сказал он. — Нет, мэм! Не имею ни малейшего понятия. И боюсь, что помочь вам я оказать не смогу. Теперь, если позволите...

— Может быть, вы присоединитесь к нам позже? — не сдавалась Пуки.

— Боюсь, что с моей стороны это может оказаться не очень хорошей затеей, — сказал он. — У людей, которые увидят нас вдвоем, могут создаться ложные представления... Дело в том, что я женат.

— А меня это не колышет, — заявила Пуки, меняя тон. — Кроме того, все проблемы, связанные с браком, может без труда разрулить хороший адвокат — если ему заплатить, конечно.

— К вашему сведению, сударыня, я — адвокат, — сообщил рыжий, — но я никогда не *разруливал*, как вы выражаетесь, проблем, связанных с браком. До свидания...

С этими словами он развернулся на каблуках и, желая как можно скорее увеличить расстояние между собой и нами, чуть ли не припустился бегом. Мы в молчаливом изумлении глядели ему вслед.

— Ну и чего же в этом поучительного? — полюбопытствовала Осса.

— Притормози, Осса, — поспешил я, пока Пуки не врезала ей по полной, и, обращаясь к последней, спросил: — Скажи, парень действительно вел себя как-то странно или мне почудилось?

— Здесь явно что-то не то, — мрачно ответила Пуки. — Готова поклясться, я крепко посадила его на крючок. Ну да ладно, позволь мне сделать еще один заход.

Следующий парень, которого она попыталась подцепить, обладал атлетическим телосложением, и звали его Джон. Он занимался тем, что грузил в фургон один из упомянутых выше портативных сортиров. Дальше события, к сожалению, развивались точно так же, как и в случае с Уиллом, разве что язык

общения оказался не столь рафинированным. Джон пытал энтузиазмом до тех пор, пока Пуки не упомянула лесных парней. Услышав вопрос, он бросился прочь, едва не растоптав нас на бегу. Нам удалось выяснить лишь то, что Джон тоже был женат.

— Либо женатые мужчины в этом измерении значительно отличаются от, простите, семейных мужиков иных миров, либо мы угодили в весьма странную общину, — глубокомысленно заметила Пуки.

— Я тоже ничего не понимаю, — сказал я. — Вот что, Пуки, коль скоро Красавица оказалась бессильной, настала пора пустить в ход Чудовище.

— Прости, не поняла.

Я одарил ее своей лучшей улыбкой и сказал:

— Верни мне мою прежнюю внешность и позволь разок пальнуть.

— Почему бы и нет? — ответила она. — Я пока выбила ноль очков. Заодно верну Оссе и мне наш обычный вид. Если потребуется, мы потом снова можем принять обличье команды, страшно интересующейся общественным мнением.

Она сделала несколько магических пассов, и я снова стал самим собой. Дело в том, что заклинание личины не изменяет вашего физического состояния, просто со стороны все начинают видеть вас в ином облике. Мне было приятно осознавать, что люди снова видят меня в самом что ни на есть всамделишном виде.

— Хорошо, Гвидо, — сказала Пуки, — теперь твоя очередь. Выбирай цель.

— Вон то заведение на противоположной стороне ничуть не хуже, чем все другие, — сказал я, кивнув на какую-то лавочку.

— «Скобяные и спортивные товары Робба», — прочитала Пуки на вывеске. — Валяй действуй. Что нам следует делать, чтобы тебе подыграть?

— Ничего особенного. Слоняйтесь по лавке и лениво глядите на товары. И улыбайтесь как можно больше.

Дав эти указания, я пересек улицу и вошел в дверь магазина.

Парень за прилавком сразу усек наше появление, и не только потому, что в его заведении никого, кроме нас, не было, но главным образом в силу того — и я об этом уже говорил, — что мой обычный облик привлекает всеобщее внимание.

— Чем... чем могу помочь? — неуверенно поинтересовался он.

Пуки и Осса начали дрейфовать между полками, даже не удостоив его взглядом. Они брали в руки товар, внимательно рассматривали и небрежно бросали на место. Я же облокотился на прилавок и, глядя не на парня, а в зал, процелил:

— Мне хотелось бы потолковать с хозяином, если у него сынется на это время.

— Я... Это я, — сказал парень. — Меня зовут Робб.

— И это занесение принадлежит вам?

— Да... конечно.

Я обернулся и оглядел помещение, уделив особое внимание потолку.

— Миленькое заведеньице, — произнес я якобы задумчиво. — Удобное местонахождение. Приличный набор товаров. Да, сэр, очень хорошая лавка. Жаль, если с ней что-то случится.

— Случится? Что, например? — спросил Робб, нервно облизывая губы.

— Трудно сказать, — протянул я. — Пожар... Разбитые витрины... Главная беда малого бизнеса — в его *маргиналистическом* характере. Даже крошечные потери могут обернуться для него полным крахом.

Вконец разнервничавшийся парень покосился на Пуки и Оссу, которые лениво рассматривали товар... и при этом чему-то улыбались.

— Так... так чем же я все-таки могу вам помочь? — спросил он. — Что вы желаете купить?

— Вообще-то я желаю получить информацию, — сказал я. — По округе ходят кое-какие слухи, и мне хотелось бы их проверить.

— Да выше по улице есть бар, — радостно заверещал Робб. — Тамошний бармен знает обо всем, что творится в наших краях.

— Неужели? Дальше по улице, говорите? — Я опустил глаза и, уставясь прямо в его зрачки, произнес: — Беда в том, что бар — дальше по улице. А я — здесь. И говорю я с вами. Вы и впредь намерены создавать для меня проблемы?

— Н-н-н-нет. Конечно, нет, — ответил он. — Так что же вы хотите узнать?

— Дело в том, что я представляю... м-м-м... некую ассоциацию бизнесменов, — сказал я. — До членов ассоциации дошли слухи, что в этих краях действует группа лиц, вмешивающихся в деятельность королевских сборщиков налогов, когда последние совершают обход своих территорий. Мои работодатели горят желанием побеседовать с этими людьми, чтобы выяснить возможность совместной деятельности с пользой для обеих договаривающихся сторон. Мне надо найти способ вступить с этими парнями в контакт, чтобы организовать встречу заинтересованных сторон.

— Я... я не понимаю, о чем вы говорите, — сказал Робб.

— Хотите, чтобы я повторил? — спросил я, слегка повышая голос. — Неужели я так сильно заикался, что вы ничего не просекли?

— Нет-нет... Я просто хочу сказать, что ничего не слышал об упомянутой вами группе. Я вообще ни о каких группах ничего не знаю. Все свое время я провожу либо в магазине, либо дома с супругой. Никто мне ничего не рассказывает.

— Что ж, поразмыслите о том, что вы от меня услышали, — произнес я, демонстрируя ослепительную улыбку. — Потолкуйте с супругой. Может быть, она поможет вам что-то вспомнить. Не исключено, что я к вам еще загляну. Если мне вдруг станет известно, что вы что-то знали, но не поделились этим знанием со мной, вам, возможно, никогда не удастся увидеть моего появления. Вы понимаете, о чем я?

— Да-да... Я подумаю. Но я правда ничего не знаю.

Я некоторое время молча смотрел на него, затем отвернулся и направился к двери, взглядом дав понять Пуки и Оссе, что мы уходим.

Никто ничего не сказал, пока мы не вышли из поселения, чтобы избежать любопытствующих взглядов. Однако когда мы удалились от домов на порядочное расстояние, Осса не выдержала и разразилась:

— Вот это да, Гвидо! Ты был великолепен! Просто здорово!

— Ничего подобного, — сказал я, несколько замедляя шаг, но по-прежнему избегая встречаться с девицами взглядом.

— Что ты хочешь сказать?!

— Подумай сама, дорогуша, — сказала Пуки. — Шоу было и впрямь великолепным, но информацию Гвидо, так же, как и я, раздобыть не смог.

— Нет, во всем этом действительно есть что-то странное, — сказал я, обращаясь в основном к самому себе.

— Не знаю, — протянула Осса. — А вдруг они на самом деле ничего не знают?

— Ну уж нет! — ответил я. — Если они и не располагают точными сведениями, хоть что-то они должны были слышать. Пусть в форме слухов. Этого было бы достаточно, чтобы пронести впечатление на Пуки или отвязаться от меня. Нет, здесь я вижу какой-то сговор.

— Да, похоже на то, — кивнула Пуки.

— А у меня есть идея! — выпалила Осса. — Может, стоит попробовать?

— Попробовать — что? — спросил я.

— Здешний народ любит деньги. Правда? За информацию мы можем обещать им вознаграждение. Если они не реагируют на угрозы или похоть, то вполне могут пасть жертвой алчности.

Мы с Пуки обменялись взглядами и одновременно покачали головами.

— Не думаю, что от этого будет толк, сестренка, — сказала Пуки. — Идея хорошая, но когда на кону появляются деньги, возникает огромное число ложных версий и необоснованных предположений. Мы свихнемся, общаясь с информаторами, а о том, чтобы проверить всю чепуху, которую на нас вывалият, и речи быть не может.

— Кроме того, — вмешался я, — если мы правы и здесь имеет место сговор, каждый, кто согласится с нами сотрудничать, восстановит против себя всех остальных. Деньги, бесспорно, удачный стимул, но их потребуется очень много, чтобы преодолеть страх наказания.

— Постой, Гвидо, — сказала Пуки. — Может быть, мы смотрим на все не с той стороны? Что, если от общения с нами их удерживает не страх наказания, а деньги?

— Повтори.

— Что, если банда делится своей добычей с общиной? — пояснила она. — Грабит, так сказать, богатых, чтобы одарить бедных. Если обитатели подрайона получают кусок пирога, не приходится удивляться тому, что они не желают делиться сведениями с чужаками.

— Не знаю, не знаю, — протянул я. — Для меня это звучит как-то диковато. Я хочу сказать, что не понимаю той части, в которой речь идет о грабеже богатых. Ведь бедных вообще не имеет смысла грабить, поскольку у них нет денег. И с какой стати они вдруг решат делиться своей добычей? Особенно учитывая то, что в этой округе я еще не встречал ни одного бедняка.

— Это было фигуральное выражение, — сказала Пуки. — Надеюсь, ты помнишь мои слова о том, что партизаны для ведения боевых действий нуждаются в поддержке населения? Поэтому схема раздела прибылей может оказаться отличной находкой для банды. Я, во всяком случае, не вижу более действенного способа обеспечить себе народную поддержку. Это очень умный и тонкий способ привлечь на свою сторону народ в борьбе с властью.

— Надо подумать, — ответил я. — Пока ясно одно: в этой части расследования мы зашли в тупик. Похоже, настало время заняться клоуном в черном наряде.

Однако наша команда следователей не знала о последствиях, которые принес их визит в «Герб Шервуда».

В тот же день, вечером, состоялось экстренное и чрезвычайное собрание всех членов «Клуба любителей лучной охоты Шервуда».

— Брось, Робб, — сказал Такк, — это была целиком твоя затея. А когда какая-то личность начала задавать тебе вопросы, ты сразу сдрейфил.

— Я вовсе не сдрейфил, — ответил Робб. — Я испугался до потери сознания. И вы бы упались от страха, если бы увидели того монстра, который учинил мне допрос. И готов

поклясться, вам бы и в голову не пришло называть его «какой-то личностью».

— Если это тот же парень, который был со шлюшкой, пытавшейся выудить у меня информацию, то на меня он особого впечатления не произвел, — заметил Уилл.

— Жалкий костлявый тип, — поддержал его Джон.

— Заткнитесь, вы оба! — рявкнул Такк, возложив на себя роль председателя. — Мы уже пришли к выводу, что вопросы задавали две различные группы, состоящие из одного мужчины и двух женщин.

— И это было ровно на две группы больше, чем нужно, если вас интересует мое мнение, — произнес Робб. — Одно дело, когда за нами по лесам гоняется армия, но совсем другой оборот, когда охота начинается рядом с тем местом, где мы живем. Думаю, нам хотя бы на время следует лечь на дно. Необходимо отложить операцию, пока не уляжется волна этого неожиданного интереса.

— Никаких проблем, — пожал плечами Уилл. — Будем считать, что приговор вынесен и обжалованию не подлежит.

— Вот как? И никакого прения сторон? — вскинул брови Такк.

— Естественно, — сказал Уилл. — Пораскинь мозгами, Таккер. Мы уже нанесли один удар сборщикам налогов. Как по-твоему, сколько раз в году они будут совершать свой обход? Теперь тебе все ясно?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Приемы, с помощью которых мы пытались выйти на след одинокого налетчика, существенно отличались от методов отлова стрелков Шервудского леса. Объединяло их лишь то, что в обоих случаях мы ощущали себя несчастными... главным образом потому, что нас не устраивала наша внешность.

Мы снова сошлись во мнении, что нам следует принять такое беспомощное обличье, которое побудило бы злодея не-

медленно на нас напасть. Таким образом, отпадала необходимость отправляться на его поиски. Одним словом, Пуки снова пустила в ход свое заклинание личины.

Когда Пуки закончила, на нас оказалась армейская униформа, и все стали мужчинами. Мы договорились об этом заранее, на случай, если по округе распространится слух о подозрительной группе, состоящей из одного мужчины и двух женщин. Проблемы начались, когда Пуки настояла на том, чтобы мы приняли облик жалких, ничтожных хиляков. Она считала, что такой облик скорее вдохновит супостата на атаку. Поскольку мы с Оссой уже настрадались от подобного обличья в «Гербе Шервуда», мы потребовали, чтобы справедливости ради Пуки придала столь же жалкий образ и себе. Накал и продолжительность дискуссии по этому поводу свидетельствовали: Пуки, каким бы профессионалом она ни была, все же не лищена женского тщеславия. Однако в конце концов ей пришлось уступить. Справедливость восторжествовала.

Наш план был чрезвычайно привлекателен и прост в теории, зато оказался на редкость тосклив при воплощении в жизнь. В основном он сводился к тому, чтобы повторить путь сборщиков налогов, на которых напал этот щут. Мы должны были изображать отряд, отставший от своих и спешащий с ними воссоединиться. Логически рассуждая, мы, оказавшись в тех же краях, должны были стать объектом нападения. Но в отличие от первого отряда наша группа к атаке была готова. На практике это означало, что нам приходилось пройти через множество поселений, в которых солдат, мягко говоря, вообще недолюбливали, а после первого визита сборщиков интенсивность этой нелюбви по меньшей мере удвоилась. Мои спутницы были уверены, что те словесные помои, которыми нас поливали во всех населенных пунктах, были следствием нашего менее чем героического вида. Я же был убежден в том, что грязь на нас лили только потому, что мы, с точки зрения публики, принадлежали к армии. На внешний вид народу было ровным счетом плевать.

Как вы понимаете, свое мнение я держал при себе. Нет ничего хуже, чем вступать в спор с расстроенной женщиной. Впрочем, хуже этого может быть только спор с двумя рас-

строенными женщинами — если вы, конечно, не готовы заранее принять все их аргументы.

— Я все-таки не понимаю, с какой стати мы должны таскать эти глупые личины, когда находимся не в городе, а в чистом поле, — пробубнила по меньшей мере в двадцатый раз Осса. — Нас здесь все равно никто не видит.

На сей раз ее нытье вызвало ответ с моей стороны. Возможно, это произошло потому, что я уже был на взводе. Не исключено, что это была реакция на двадцатое повторение одного и того же. Впрочем, был еще один момент: мне приходилось катить перед собой тачку. Наличие тачки говорило о том, что мы вживались в образ по полной программе, и о том, что в нашей небольшой группе явно имела место дискриминация по половому признаку.

— Эта личина нужна нам в городе для того, — ядовито ответил я, — чтобы те типы, которые информируют колдуна в черном, сказали ему, что мы являемся легкой добычей. А в сельской местности мы носим ее затем, чтобы упомянутый клоун, увидев нас, понял: мы именно та легкая добыча, которую заметили в городе.

— Тебя что-то беспокоит, Гвидо? — спросила Пуки. — В последнее время ты стал весь какой-то взвинченный и по пустякам выходишь из себя.

— Может, это потому, — серьезно ответил я, — что мы, несмотря на наши личины и эту треклятую тачку, которую я должен катить, слишком легкомысленно относимся к вышеупомянутому клоуну.

— Брось, Гвидо, — сказала Осса. — Неужто ты опасаешься какого-то шута в маске и в мантии с капюшоном? Что он такое против нас троих? По-моему, нам надо беспокоиться лишь о том, как быстрее его найти.

— Полегче, сестренка, — охолонула ее Пуки. — Гвидо свое дело знает, и если его что-то тревожит, нам стоит прислушаться. Давай, Гвидо, выкладывай. Что в этом деле прошло мимо нашего внимания?

— Помимо фундаментальной посылки, состоящей в недоценке противника, меня тревожит несколько вполне конкретных вещей. Поясняю. Не могли бы вы описать мне внешность парня, за которым мы ведем охоту?

Женщины обменялись вопросительными взглядами, но ни одна не сказала ни слова.

— Вот так-то, — хмыкнул я. — Мы имеем (цитирую): «парня в черном одеянии, в маске и с капюшоном на голове». Конец цитаты. Помимо этого, нам ничего о нем не известно. Мы не знаем его роста, сложения и возраста, не говоря уж об уровне образования, о котором можно судить по манере выражаться. Он может сидеть рядом с нами за одним столом во время обеда, но мы об этом не будем знать.

— Понимаю, — задумчиво протянула Пуки.

— Это очень старый трюк, — пожав плечами, продолжил я. — Носи во время работы что-то сразу бросающееся в глаза, и сто против одного, что свидетели запомнят только твою одежду. Переодевшись, ты сразу растворяешься в толпе.

— Этим ты хочешь сказать, что парень хитрее и умнее, чем мы думаем? — спросила Пуки.

— Или так, или есть кто-то еще, кто знает, как работать, и дает ему советы, — ответил я. — И это подводит меня еще к одной частности. Меня по-настоящему беспокоит то, что у парня, который прикрывает нашего клоуна, есть арбалет.

— Почему?

— Ты, видимо, не обратила внимания на слова сержанта Лыбби: арбалет этого типа ничем не отличается от моего.

— И это имеет какое-нибудь значение?

— Пуки, — спросил я, — ты когда-нибудь видела мой арбалет?

— Особенno я не вглядывалась, — ответила она. — Помоему, арбалет как арбалет...

— Я совсем забыл, что большую часть времени ты проводишь на Ивре или Деве. А в этих измерениях, как известно, преобладают высокие технологии.

— И что же из этого следует?

— Позволь мне повысить уровень твоего образования в области вооружений, являющихся плодом низких технологий.

С этими словами я снял с пояса свой мини-арбалет, ослалил тетиву и легонько кинул ей оружие.

Она поймала его одной рукой и повернулась к свету, чтобы лучше рассмотреть. Вначале Пуки изучала арбалет на

расстоянии вытянутой руки, затем поднесла его к глазам, а затем едва слышно присвистнула.

— Превосходная... просто превосходная работа, — произнесла она с восхищением.

— Ты еще и половины его качеств не знаешь, — сказал я. — Попытайся выстрелить. Только не целься, а стреляй на вскидку.

Пуки взялась за рукоятку и, резко развернувшись, направила арбалет на воображаемую цель.

— Ну и балансировка! — воскликнула она. — Ни за что бы не поверила, если бы сама не испытала.

— А я могу его подержать? — спросила Осса.

Я утвердительно кивнул, и Пуки передала самострел подруге.

— Арбалет сделал по моему заказу Йоло. И это — лучшее из того, что я когда-либо видел в нашем измерении.

— Жаль, что он не соорудил арбалет с двойным луком, чтобы можно было делать пару выстрелов или стрелять дуплетом, — задумчиво сказала Пуки.

— Йоло мастерит и двойные, хотя и не любит. Отговорил меня, когда я попросил.

— Неужели?

Я пожал плечами:

— Не знаю всех технических подробностей, но конструкция с двойным луком страдает какими-то дефектами. В результате оба выстрела получаются не такими точными, как при стрельбе из модели с одним луком. Я давно решил для себя, что когда имеешь дело со специалистами, к их мнению следует прислушиваться.

— Любопытно, — протянула Пуки и, взяв у Оссы арбалет, снова принялась его изучать.

— Дело в том, что подобный самострел обходится примерно в средний годовой заработок, — сказал я. — Для того чтобы его купить, надо быть либо очень богатым, либо напрямую зависеть от качества оружия, которым пользовешься. Поскольку наши противники занимаются разбоем на большой дороге, можно допустить, что в число богачей они не входят, а это, в свою очередь, означает, что арбалет был заканчен как средство производства.

— Так же, как и в твоем случае, — кивнула Пуки, возвращая мне оружие.

— Именно, — бросил я, перезаряжая арбалет. — Не исключено, что я даже знаком с его владельцем. Все, кто вооружен арбалетами от Йоло, либо работают на Синдикат, либо работали на него прежде. В принципе то, с чем мы имеем дело, — не их стиль. Кроме того, Дон Брюс — это парень, который возглавляет в здешних краях Синдикат, — договорился с боссом оставить его королевство в покое.

— Как бы то ни было, но я понимаю, почему мы должны относиться к этим ребятам со всей серьезностью, — сказала Пуки.

— И это хорошо, — ответил я, — поскольку за толстым деревом впереди нас наблюдается какое-то шевеление. Не пляться на него... Это то дерево, большая ветка которого нависает над тропой. Думаю, что наконец перед нами открывается возможность перейти хоть к каким-то действиям.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Если быть честным, то нападение было очень хлипкое, особенно в свете того, что я минутой раньше старательно живописал грозящие нам ужасы. Тем не менее моя карьера не была бы столь долгой и столь успешной, если бы я недооценивал противника. Даже такого, который заслуживает быть недооцененным.

Мы находились довольно далеко от дерева — на расстоянии броска камня, пожалуй, — когда с нависающей над тропой ветви посыпалась листва, а следом за листвой на тропу свалился мальчишка. При приземлении он потерял равновесие и оказался на четвереньках, однако проявил характер и ухитрился встать на ноги, даже не выронив меча.

— Ну-ка повтори еще раз, что мы с тобой недооценили этого придурка, — прошипела мне на ухо Пуки.

Я в ответ лишь пожал плечами: сказать мне было нечего.

Должен честно признать, что и мне этот разбойник не показался внушительным. Передо мной был хлипкого вида недомерок, который даже в высокой шляпе не дотянул бы мне и до середины груди, находясь я в своей обычной личине. Грабитель обладал фигурой дистрофика-подростка и грацией трехногого мула. Последнее свойство он ярко продемонстрировал, безуспешно пытаясь извлечь меч, запутавшийся в складках плаща. Несмотря на черный наряд, я не сомневался, что Осса, даже не испортив прически, уложит его и еще четырех таких же.

— Приветствую вас, прислужники Зла, — произнес он, пытаясь говорить басом. — Я здесь для того, чтобы освободить вас от вашего позорного груза. Ваша тачка до краев нагружена деньгами, заработанными в поте лица честными гражданами, деньгами, которые вы у них отобрали. Отныне этими средствами распоряжаюсь я.

Пуки и Осса пялились на меня, вопросительно вскинув брови, из чего я сделал вывод, что они считают главным режиссером этого шоу меня.

— Боюсь, ты глубоко заблуждаешься, — сказал я, скрестив руки на груди.

— Неужели? — искренне изумился мальчишка. — И почему же, позволь мне спросить?

— Помимо того, что мы превосходим тебя численностью в соотношении три к одному, — пояснил я, — есть еще одна важная деталь: мы находимся вне зоны действия меча, которым ты размахиваешь.

— Простите, — улыбнулся он, — я забыл вам представить своего партнера. — Нардо!

— Возможно, тебе придется произвести пересчет, солдатик, — донеслось до меня откуда-то справа. — И ты находишься в зоне моего действия.

Я отметил для себя дерево, за которым скорее всего мог скрываться партнер, — и не промахнулся. Из-за ствола выступил здоровенный парень. Он выдвинулся ровно настолько, чтобы суметь выстрелить или успеть укрыться, если дело обернется не в его пользу. В руках парень держал заряженный и взведененный для боя арбалет. Все так, но арбалет был обращен вверх, чтобы мы могли видеть, чем этот разбойник вооружен.

— Ясно, — кивнул я. — Думаю, что против этого у меня есть только один аргумент. Пуки! Верни мне мой облик!

Сказав это, я сразу нырнул за тачку и, выхватив из-за пояса свой арбалет, навел его на мальчишку.

Пуки и Осса, следуя ранее полученным инструкциям, бросились в разные стороны и замерли.

Немая сцена продолжалась несколько долгих мгновений.

— Так это ты, Гвидо? — услышал я наконец.

— Угадал с первого раза, — ответил я. — Как твои дела, Нардо?

— Не так хорошо, как были пару секунд назад, — сказал он. — Если бы я знал, что ты входишь в загадительный отряд, я бы сразу объявил пас.

— Это называется заклинание личины, — пояснил я. — Очень удобная штука для контрудара. Согласен?

— В следующий раз учту... если будет следующий раз.

— Каким образом тебя угораздило выступить прикрытием в этом любительском представлении? — спросил я. — До нас дошли слухи, что ты удалился на покой.

— Пришлось пойти в няньки, чтобы свести концы с концами, — ответил он. — К младенцу, на которого ты наставил свой арбалет. А как ты сам? Что занесло тебя в наши леса?

— В настоящее время я выступаю в роли личного посланника Великого Скива, — ответил я. — Похоже, ты и твой младенец как раз те, к кому Великий Скив меня направил.

Нардо долго молчал, переваривая услышанное, а затем сказал:

— Вот, значит, как... Ну — и что дальше?

— Думаю, настало время потолковать. Посмотрим, сможем ли мы разрулить ситуацию и отправиться отсюда каждый своим путем.

— Мне эта идея нравится, — согласился он. — Давай так и сделаем.

Он вышел из-за дерева, а я поднялся на ноги за тачкой. Затем, двигаясь очень медленно и следя за каждым шагом друг друга, мы разошлись в стороны. Нардо оказался рядом с мальчишкой, а я — около Оссы.

Теперь-то задним умом я понимаю, что мне было бы лучше оказаться рядом с Пуки, но Осса стояла ко мне ближе. Кроме

того, я знал, что Осса умеет обращаться с арбалетом, поскольку я сам помогал ей овладевать оружием в учебной команде. Что же касается Пуки, то я не был уверен, что, путешествуя по мирам с высокими технологиями, она смогла познакомиться со столь примитивным изобретением нашего измерения.

— А теперь, Осса, — сказал я, не сводя глаз с противника, — бери арбалет и прикрывай меня. Держи его нацеленным на Нардо, но не дергайся. Мы можем все разрулить без стрельбы.

— К чему все эти разговоры, Гвидо? — спросила Осса. — Ты с ними сладишь. Почему бы нам разом все не кончить?

— Прими добрый совет старого профессионала, Осса. Если можешь выбирать между переговорами и стрельбой, выбирай вариант с переговорами. Пострелять ты всегда успеешь, когда переговоры провалятся, а если начать со стрельбы, то вступать в переговоры будет поздно.

Увидев, что Нардо передал арбалет мальчионке, я двинулся вперед, стараясь шагать под таким углом, чтобы не закрывать для Оссы линию обстрела. Она должна была видеть свою цель все время. Нардо вел себя точно так же, медленно двигаясь к точке, где мы оба могли бы быть отличной мишенью для наших сторонников.

В этот момент я осознал, что на нас обоих направили стрелы совсем неопытные детишки. Мысль эта меня не утешала, и я укорял себя за то, что забыл предупредить Оссу. Дело в том, что спуск в моем арбалете был очень легким в отличие от тех деревяшек, которые используются в армии.

— Отлично выглядишь, Гвидо, — сказал он, когда мы оказались рядом.

— Спасибо. Ты тоже неплохо смотришься.

Вообще-то вид у него был неважный, и, на мой взгляд, он заметно постарел, однако я решил, что сейчас не лучшее время об этом ему сообщать.

— Как Нунцио? — поинтересовался Нардо. — Вы все еще работаете вместе?

— Да. В то время как я шастаю по кустам, он торчит во дворце, охраняя босса.

— Раз речь зашла о кустах, то как, по-твоему, мы можем разрулить эту ситуацию? — спросил он.

— Во-первых, у меня вопрос, — начал я. — Не строит ли твой младенец планы с целью прикончить Великого Скива или каким-то иным способом помешать работе государственных органов королевства Пессилтум?

— Если весь шум из-за этого, отвечу: никаких планов подобного рода у парня нет. Мальчишка растратил все, что дал ему папаша, залез в долги и теперь пытается поправить свое финансовое положение. Работать, как человек, он не желает. Ты же знаешь, как это бывает.

— Когда я знаю мелодию, слова я и сам могу придумать, — сказал я, презрительно скривившись. — В таком случае мы без всякого труда разрешим наши разногласия. Дело в том, что я получил задание проверить достоверность слухов о якобы готовящемся мятеже. Гоняться за грабителями с большой дороги меня никто не просил. Если ты дашь мне слово, что ваши выходки не являются частью более серьезного предприятия, я думаю, что позволю мальчишке тихо удалиться.

— Ты хочешь сказать, что позволишь ему и впредь грабить сборщиков налогов? — изумленно спросил Нардо.

— Полагаю, с его стороны это будет не слишком разумно, — ответил я. — Нет, я хотел сказать, что мы не заберем его за то, что он уже успел натворить. Принужни его хорошенько. Скажи, что тебе удалось вытащить его из дерьма только потому, что мы с тобой старые друзья, и добавь, что, если он будет продолжать, я вернусь и возьмусь за него по-настоящему. Если не сможешь заставить его начать честную жизнь, убеди по крайней мере избирать цель, не связанную с правительством.

— А как насчет денег с первого дела?

— Хороший вопрос, — усмехнулся я. — А от них что-нибудь осталось?

— Какие-то гроши, — ответил Нардо. — Несмотря на свой нежный возраст, мальчишка умеет тратить деньги.

— Значит, так, — сказал я. — Мы доложим, что нападениям на сборщиков положен конец. Если босс командирует меня, чтобы вернуть в казну награбленное, то это будет означать новое поручение. Не думаю, что он это сделает, но даже если и сделает, вы так или иначе получите большую фору. Скрыться для вас проблемы не будет. Просто заставь его выбросить этот идиотский прикид.

— А что потом? Мы расходимся по домам, начинаем жить долго и счастливо?

— Меня это вполне устроит. По правде говоря, босс... то есть Великий Скив... лишь немножко старше твоего мальчонки. Мне самому не раз приходилось попадать в дерьмо, чтобы вытащить его из беды. И меня нисколько не колышет, если мы по этому делу больше напрягаться не будем.

— Я страшно рад, Гвидо, что мы разобрались во всем по понятиям. Если бы все кончилось по-другому, я был бы очень огорчен, каким бы ни оказался исход.

— Вопрос решен, — сказал я. — Успехов тебе, Нардо.

— И тебе, друг!

Прежде чем я успел сообразить, что он делает, Нардо шагнул вперед и заключил меня в объятия, что, как известно, является в Синдикате традиционным прощальным жестом.

За моей спиной послышался негромкий щелчок, и я едва успел прикрыть Нардо своим телом, когда что-то ударило мне в руку.

— Я не хотела этого, Гвидо. Нет, правда... — раз в двадцатый заныла Осса.

— Все нормально, Осса, — сказал я. — В нашей работе такие вещи случаются.

Эту фразу я повторял слово в слово каждый раз, когда она выступала со своим заявлением. То есть раз двадцать.

— Нет, правда, Гвидо, я не собиралась стрелять, — сказала она... снова. — Его движение застало меня врасплох, и когда я чуть переместила арбалет, чтобы держать его на прицеле, он взял да и выстрелил.

— На самом деле это моя вина, — ответил я как можно беззаботнее. — Мне следовало предупредить тебя, что спуск очень легкий. Выше нос! Все могло обернуться гораздо хуже.

— Ты прав! Ведь я могла тебя убить! О, Гвидо, я чувствую себя такой несчастной! Мне так жаль!

Как видите, все мои попытки успокоить ее завершились полным провалом.

— Он знает, дорогая, что ты очень сожалеешь, — вмешалась Пуки, приподнимая мою руку. Она уже наложила на

рану повязку и теперь прилаживала перевязь. — Почему бы тебе немного не прогуляться, чтобы успокоиться. А тем времени мы с Гвидо закончим с лечением.

— Хорошо. — Осса уныло опустила голову. Затем снова повернулась ко мне и пробормотала: — Прости, Гвидо, я очень сожалею.

Она ушла, прежде чем я успел ответить.

— Ну и что же мы теперь будем делать? — спросила Пуки, закончив возню с перевязью.

— По-моему, нам пора возвращаться во дворец, — ответил я. — Мы расследовали все, что могли. Настало время доложить о наших успехах и испросить совета, как поступать дальше. Кроме того, от меня с этой дыркой в руке здесь проку мало, и я, прежде чем отправиться искать новые приключения на свою задницу, не прочь немного передохнуть.

— Если не возражаешь, я еще побуду здесь некоторое время, — сказала Пуки. — И оставлю с собой Оссу. Ей, чтобы дозреть, нужно еще время.

— Согласен. Если хочешь, пришлю тебе подмогу. Нуунцио, например.

— Это было бы здорово, — кивнула она. — А мы еще немного покрутимся у «Герба Шервуда». Посмотрим, нельзя ли выяснить что-нибудь о ребятах, орудующих в заказнике. И еще кое-что, Гвидо.

— Что?

— Не мог бы ты, вернувшись во дворец, оказать мне небольшую услугу? Не мог бы ты сказать там, что в тебя случайно выстрелила не Осса, а я?

— Зачем тебе это надо? — глядя ей прямо в глаза, спросил я.

— Как ты сам сказал, это была чистая случайность. Это могло произойти с любым, кто не знаком с твоим арбалетом. И со мной тоже.

— Ага... — протянул я. — И почему же ты хочешь, чтобы это была ты, а не Осса?

— Ты знаешь, для меня все это лишь временная работа. Нет, мне очень нравится быть в вашей команде, но думаю, что рано или поздно мне захочется перебраться в другое место. Осса же, напротив, хочет присоединиться к вам на посто-

янной основе сразу после того, как уйдет из армии. И поэтому было бы лучше, если бы этот несчастный случай был списан на меня.

— Ну коль скоро ты того хочешь... — сказал я.

Однако в глубине души я очень сомневался, что увижу Оссу в качестве постоянного члена нашей команды. Хотя я никогда ни на кого не держу зла, но по прошлому опыту знаю: не могу я чувствовать себя спокойно рядом с человеком, который в меня стрелял. Пусть даже случайно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Я вернулся во дворец поздним вечером. При желании путешествие можно было бы и растянуть, однако делать этого я не стал и двинул прямым ходом домой.

Расследование возникших у сборщиков налогов проблем приятно разнообразило унылую службу во дворце, но эта детективная деятельность, увы, закончилась... по крайней мере пока. Теперь мне снова приходилось возвращаться к дворцовым делам. И чем больше я о них думал, тем быстрее несли меня ноги.

Босс находился в глубокой замазке. Ему оставалось либо жениться на королеве Цикуте и помогать ей управлять королевством, либо послать ее к дьяволу. Однако в последнем случае Цикута угрожала отречься от престола, и это, в свою очередь, означало, что боссу придется управлять королевством Пессилтум в одиночестве. Суть проблемы состояла в том, что ему приходилось иметь дело с женщиной, а это было его, мягко говоря, слабым местом. Великий Скив быстро соображал, когда речь шла о магии, но когда в дело вмешивались бабы, наш старый добрый Великий Скив сразу становился похожим на заблудившегося в лесу младенца. Меня особенно угнетало то, что, будучи его телохранителем, я мог помочь ему только в одном случае: если бы Цикута попыталась его замочить. Последнее, впрочем, нельзя было исключать, если Великий Скив откажется взять ее в жены.

Когда я добрался до места, меня по-прежнему одолевали эти горестные мысли. Наступила ночь, и я очень надеялся, что все обитатели дворца отправились спать, а доклад можно отложить до утра. Это позволяло мне не только хорошенько продумать, что и как сказать, но и сохранить ясную голову, для того чтобы отвечать на неизбежные вопросы. С этими мыслями я шагал в направлении своей комнаты.

— Уже вернулся, Гвидо? — послышалось из темноты. — Как все прошло?

Обернувшись на голос, я увидел выступающего из тьмы Ааза.

Должен признать, что Ааз среди членов нашей команды моим любимцем не был. Этим я вовсе не хочу сказать, что он ни на что не годен. Совсем напротив, даже не обладая магической силой, он может разделаться с кем угодно, а таких мозгов и хитрости, как у этого типа, я ни у кого не встречал. Теплых чувств я не испытываю к нему только потому, что он слабак — мягко говоря — в искусстве общения. Ааз начал свою карьеру как наставник босса, и, несмотря на то что они давно стали полноправными партнерами, демон продолжает публично наезжать на Скива более круто, чем последний того заслуживает. Честно говоря, его отношение к людям колеблется между нетерпеливым сарказмом и открытым презрением. Хотя я знал, что рано или поздно мне придется ему докладывать, сделать это хотелось скорее поздно, чем рано.

— Привет, Ааз, — сказал я. — Что ты здесь делаешь в столь поздний час?

— Я просто сидел и размышлял, — ответил он. — Наслаждался свежим вечерним воздухом. Присаживайся рядом и поведай, что удалось узнать.

Выбора не было — я последовал за ним в тень. Там был выход на стену, с которой открывался вид на внутренний двор. Мне кажется, что место, в котором мы находились, здесь называют цитаделью. Ааз сел на низкий парапет, сооруженный вдоль стены, чтобы никто не мог свалиться вниз, и жестом пригласил меня присесть рядом.

— Ну что скажешь? Обнаружили какие-нибудь признаки готовящейся заварушки?

— По правде говоря, нет. Мы побеседовали с ребятами, собирающими налоги, и узнали, что на них совершались нападения. Похоже, что работали две разные банды. Организации я не вижу. Лично я полагаю, что кто-то решил таким образом поправить свое финансовое положение.

Мои глаза успели приспособиться к темноте, и я заметил, что в ответ на эти слова Ааз медленно кивнул.

— Расскажи подробнее, — велел он.

— Одна банда разбойников базируется в Королевском охотничьем заказнике, — ответил я. — Они вооружены луками и используют партизанскую тактику, нападая из-за кустов. Поскольку нас было лишь трое, я решил, что неразумно будет искать их в лесу.

— Правильный ход мыслей.

— Мы поспрашивали в округе, — продолжал я, — но все немели, как только мы затрагивали эту тему. По нашему мнению, местные жители их прикрывают, поскольку злодеи делятся с ними добычей.

— Любопытно, — кивнул Ааз. — А что представляет собой другая группа?

— Это была простая пара грабителей.

— Была?

— Мы устроили своего рода засаду и выманили их на свежий воздух, — ответил я. — Не думаю, что они впредь доставят нам беспокойство.

— Там, видимо, тебя и ранили? — спросил Ааз, а я увидел, как в улыбке блеснули все его многочисленные зубы. — И сколько же тел вы при этом оставили?

Я знал, что рано или поздно мне придется отвечать и на этот вопрос.

— Ни одного. Мы их просто до смерти напугали. Руку мне по чистой случайности прострелила Пуки. Она прикрывала мой тыл.

— Пуки в тебя выстрелила?! — недоуменно вскинул отсутствующие брови Ааз.

Я пожал плечами:

— Как я сказал, это была чистая случайность. Я отдал ей свой арбалет, забыв предупредить, что спуск у него очень легкий. Если кто и виноват, так это я сам.

Последовало долгое молчание, и я решил, что Ааз готовится к одному из своих саркастических взрывов. Однако вместо насмешки я услышал вздох.

— У нее всегда было стремление сразу нажимать на спуск. Прости, Гвидо, мне надо было предупредить тебя об этом до того, как я позволил ей отправиться с тобой.

До меня вдруг дошло, что я впервые слышу, как Ааз извиняется передо мной — или перед кем-то вообще, если на то пошло.

— Ничего страшного, — ответил я, несколько растерявшись. — Рана пустяковая.

— Когда у тебя будет время, обратись к Маше. В ее магической коллекции наверняка отыщется какая-нибудь целебная безделушка, которая быстро приведет твою руку в порядок.

— Хм-м... Спасибо, Ааз, — сказал я.

Столь непривычная нежность с его стороны окончательно выбила меня из колеи.

— Судя по твоим словам, Гвидо, вы отлично справились с работой. Вы все. И я рад, что вы вернулись.

— Вообще-то Пуки и Осса пока еще там, — пояснил я. — Они хотят по возможности получше разнюхать о лесных братьях. Я вернулся из-за руки. Хочу попросить босса направить в помощь им Нунцио.

— Похоже, ты все продумал. Отличная работа. Мне кажется, я никогда тебе об этом не говорил, но я всегда высоко ценил твой профессионализм. И профессионализм Нунцио тоже. Для существ со столь малой продолжительностью жизни и при этом никогда не изучавших магию вы действуете на удивление эффективно.

Извинение и комплимент в ходе одной беседы... Будучи в полном замешательстве, я поспешил сменить тему:

— Спасибо, Ааз. Как дела здесь? Босс в порядке?

За моим вопросом последовала еще одна долгая пауза. Молчание затянулось настолько, что я заранее испугался новости, которую мог услышать.

— Боюсь, у Скиви сейчас забот выше крыши, — сказал наконец Ааз. — Ты был совершенно прав, не сообщив ему о

возможном мятеже. Парень растерян и пребывает чуть ли не в отчаянии. Напрягать его рассказами о том, что думают всякие «лесные люди», было бы просто негуманно.

И в этот момент я понял, что происходит.

Ааз тревожился о боссе. И тревожился крепко.

Я всегда знал, что Ааз любит своего партнера, но обычно это проявлялось в язвительных шутках и бесконечных нравоучениях. Увидев его столь озабоченным, я впервые осознал, какие глубокие чувства испытывает изверг к моему боссу. Это изменило мое мнение о нем, и, надо сказать, — в лучшую сторону.

— Трудное дело, — заметил я. — Совсем не похожее на все наши прежние заморочки. Но у босса есть мы, и, если ему как следует помочь, он выпутается.

— Говоря «мы», ты, насколько я понимаю, имеешь в виду себя и Нуунцио?

— Вообще-то я говорю обо всей Корпорации М.И.Ф., в которой ты играешь далеко не последнюю роль. Ты же знаешь, почему я стал работать в Синдикате. В одиночку тоже можно кое-чего добиться. Но в группе каждый способен сделать неизмеримо больше. Во-первых, есть кому прикрыть твою задницу, и, во-вторых, достоинства других компенсируют твои недостатки.

— Я, надо признаться, никогда не думал о Корпорации под этим углом, — проговорил Ааз. — Пожалуй, ты совершенно прав.

Он немного помолчал и продолжил:

— Ты знаешь, я ведь тогда решил совсем не возвращаться с Извра. Был готов снова работать в одиночку.

Я этого не знал, но, как уже успел заметить, мне редко приходилось с ним беседовать. А с тех пор, как босс вернулся с Извра, мы вообще ни разу не разговаривали.

— И почему же ты передумал? — спросил я.

— Меня тронуло то, что Скив, разыскивая меня, добрался до Извра. Это было нелегко, так как вся команда выполняла особенно трудное задание. Вот я и решил вернуться и посмотреть, не могу ли чем-нибудь ему помочь.

Я заметил в темноте, как он покачал головой.

— Итак, я вернулся и взглянул на то, в каком положении мы оказались, — продолжил Ааз. — Знаешь, Гвидо, иногда возникают проблемы, которые не могут решить ни магия, ни сила, ни даже сочетание обеих.

— Вот как раз для этого, как я уже говорил, и существует команда, — сказал я. — Друзья помогут решить проблему. А если и у них ничего не получится, то по крайней мере не приходится в одиночку страдать от последствий.

— Думаю, что в этом и содержится ответ, — с тяжелым вздохом ответил Ааз. — Спасибо тебе, Гвидо, за то, что согласился меня выслушать. До завтра.

Теперь я смог возобновить движение к постели. Беседа с Аазом предоставила мне много пищи для размышлений.

Я уже почти был у дверей, когда до моего слуха донеслись чьи-то голоса. Голоса были громкие и очень сердитые. Кто-то вел весьма серьезную дискуссию.

Шум доносился из комнаты босса.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Некоторое время я прислушивался, стоя у дверей, а затем громко постучал.

Услышав приглашение войти, я переступил порог и увидел босса, который косился через плечо на орущих друг на друга мужчину и женщину.

— Все в порядке, босс? — спросил я. — Мне показалось, что я слышу голоса.

— Точно, — сказал он. — Это всего лишь... Гвидо? Почему ты вернулся? И что у тебя с рукой?

Я сосредоточил все свое внимание на ссорящейся парочке, которая пока не заметила моего появления. Ни мужчина, ни женщина, насколько я знал, отношения к Скиву не имели. И вообще они выглядели как-то по-иностранныму... возможно, благодаря своему смешному наряду.

— Что происходит, босс? И кто эти клоуны?

Все это мне крайне не нравилось. Мы с Нунцио очень серьезно относились к своим обязанностям телохранителей, однако всегда были уверены, что уж в своей-то комнате босс в полной безопасности.

— А... Это всего лишь пара моих старых друзей, — ответил он. — Или, лучше сказать... в некотором роде друзей. Я думал, они заскочили меня поприветствовать, но события, похоже, слегка вышли из-под контроля. Того, что с бородой, зовут Кальвин, а дама, с которой он ведет диспут, — его супруга по имени Дафни.

— Вы сказали «супруга»?!

— Да, — кивнул Скив. — Что тебя так удивило?

Это и решило дело.

— Сваливайте отсюда, босс, — сказал я и поманил его к дверям.

— Что?

Как мне уже не раз приходилось говорить, наш босс иногда соображает довольно туго.

— Босс, я — ваш телохранитель. Верно? Как ваш телохранитель и как лицо, несущее в данное время ответственность за сохранность вашего здоровья, я советую вам убраться отсюда!

— Но...

Я делал все, чтобы сохранить терпение. Но это уже выходило за все рамки. Не желая тратить время на дальнейшую дискуссию, я сгреб его здоровой рукой и выволок в коридор.

— Оставайтесь здесь! Понятно?! Здесь, говорю!

— Хорошо, хорошо, Гвидо, — произнес он. — Я все понял.

Я выкатил на него глаза и, убедившись, что он действительно не собирается никакурыпатьсяся, вошел в комнату и захлопнул за собой дверь.

Пока я решал, с чего начать, парочка продолжала дискуссию, полностью игнорируя мое присутствие. Думать было не просто, поскольку шум, который они производили, по интенсивности превосходил бедлам в ресторанной кухне в обеденное время.

В конечном итоге, припомнив, как вел себя Нунцио, когда занимался преподавательской деятельностью, я решил применить такую же технику. Не приближаясь к ним и тем бо-

лее — не вставая между ними, я, не обращая внимания на боль в раненой руке, изо всех сил хлопнул в ладоши. Это отвлекло их от битвы, и они уставились на меня.

— Кто ты такой и что ты здесь делаешь? — спросил бородатый.

— Я тот, кто встал между вами и Вел... и Скивом. А занимаюсь я тем, что хочу положить конец этому представлению.

— Это наше частное дело, — заявила крошка. — Вы не имеете права вмешиваться.

— Да, мэм, вы правы, — сказал я вежливо. — Ваш диспут, бесспорно, носит личный характер, и поэтому я считаю, что его следует проводить в приватной обстановке, а не в чужом жилище. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Наплюй на него, дорогая, — сказал бородатый. — Покинем это место.

Я думал, что они направятся к двери, но вместо этого послышалось «БАМ!», и бородатый растаял в воздухе. Его супруга обожгла меня еще одним взглядом и исчезла, произведя очередной «БАМ!».

Демоны.

Я немного выждал и, убедившись, что они исчезли окончательно, открыл дверь.

— Теперь можете входить, босс.

— Хорошо, Гвидо, — сказал Скив и спросил: — Почему весь этот шум?

Теперь, когда кризис миновал, я решил, что настало время вернуться к своей обычной вежливой манере общения с Великим Скивом.

— Простите, босс, что так на вас рычал. Вы же знаете, что это мне совсем не свойственно.

— И чем же это было вызвано?

— Я делал свою работу, — терпеливо пояснил я, несмотря на некоторую остаточную взвинченность. — Будучи вашим телохранителем, я пытался защитить вас от неприятностей или, даже хуже того, гибели. Это входит в мои служебные обязанности, и именно за это вы мне платите.

— Защитить? Неужели от этих двоих? — ухмыльнулся он. — Брось, Гвидо! Они всего лишь спорили. И спорили даже не со мной. Это была всего-навсего семейная свара.

— Просто спорили? Неужели вы не понимаете...

Я сделал паузу и на некоторое время задержал дыхание, чтобы успокоить расшалившиеся нервы.

— ...простите, босс, поскольку вы были на краю гибели, я все еще немного... через пару секунд все будет в порядке.

— На краю гибели? Да они же всего-навс...

Я, чтобы расслабиться, снова набрал полную грудь воздуха, выдержан паузу, выдохнул и сжал кулаки.

— Простите, босс, но я все время забываю, насколько вы неопытны. Нет, по части магии вы, бесспорно, самый главный, но в моем ведомстве, где господствует грубая сила, вы, простите, похожи на заблудившегося в лесу младенца.

Решив, что даже столь позднее время можно использовать для обучения босса, я продолжил:

— Понимаете, босс, некоторые люди утверждают, что парни вроде меня и Нуццио не очень отличаются от копов. Мы играем в одни и те же игры, но только на разных полях. Не знаю, может быть, оно и так... Но я знаю одно: как мы, так и наши аналоги согласны в том, что опаснее всего совать нос в ситуацию... в ситуацию, которая приведет к вашей гибели скорее... чем перестрелка или полномасштабная гангстерская война. И копы, и мы именуем эту ситуацию просто — «СС».

— «СС»? — переспросил он. — Несколько я помню, ты говорил мне, что это какая-то разновидность игры в кости... или карты. Точно не помню.

— Нет, — ответил я, снова демонстрируя родительское терпение. — Я говорю о Семейных Ссорах. О тех сварах, одна из которых происходила здесь в момент моего появления. Семейные ссоры смертельно опасны, босс. Особую опасность таит в себе брань между мужем и женой.

— Ты, наверное, шутишь, Гвидо, — сказал он. — Чего же в этом опасного?

— Вы и представить не можете, насколько это опасно. В обычной схватке вы вполне можете проследить за тем, что происходит, и соответственно предугадать, что случится позже. Что же касается спора между мужем и женой, то ход его развития предугадать невозможно. Вы не можете сказать, кто кому врежет и каким предметом, потому что враждующие стороны этого и сами не знают.

— Но почему подобное происходит, Гвидо? Почему ссоры между мужем и женой настолько взрывоопасны?

— Вообще-то я об этом по-настоящему не задумывался, — ответил я, — но если мне будет позволено высказатьсья, то я скажу, что все здесь зависит от их мотивности.

— Мотивов?

— И от этого тоже, — сказал я, не понимая, почему он повторил сказанное мною. — Понимаете, босс, с диспутами делового характера, которые приводят к насилию и с которыми мне чаще всего приходится иметь дело, все ясно. В их основе лежат либо страх, либо алчность. Скажем, босс «А» желает отхватить у босса «Б» нечто такое, с чем последний не хочет расставаться. Как правило, если быть точным, это доходный кусок бизнеса. С другой стороны, босс «Б» не без основания опасается, что босс «А» намерен его прикончить, и в силу этого обстоятельства решает нанести удар первым. В обеих отмеченных мною гипотезных ситуациях присутствуют ясно очерченные цели, что позволяет, в свою очередь, не только достаточно точно предсказать возможные действия оппонента, но и разработать необходимые контрмеры. Вы понимаете, о чем я?

— Кажется, понимаю, — ответил он. — А что происходит во время семейных ссор?

— Развитие семейных ссор может получить отвратительный характер, — недовольно скривившись, ответил я. — Ссора начинается с того, что люди вступают в дискуссию, не зная, почему они это делают. На кону здесь оскорблённые чувства, а вовсе не деньги. Проблема в том, что при домашней сваре отсутствуют точно обозначенные цели, и никто не в силах предсказать, когда и чем завершится схватка. Конфликт продолжает разрастаться, и обе стороны все сильнее расходятся, причиняя друг другу все больший и больший ущерб. В конечном итоге им не остается ничего иного, кроме как нанести оппоненту решающий удар.

Я выдержал паузу, покачал головой и продолжил:

— Когда происходит взрыв, от его эпицентра следует держаться как можно дальше. Один из бойцов наверняка кинется на другого, или они оба накинутся друг на друга, вооружив-

вшись тем, что подвернется под руку. Если вы попытаетесь вмешаться, обе враждующие стороны скорее всего объединят свои силы, чтобы наброситься на вас, в чем, собственно, и состоит самая отрицательная черта подобного рода конфликтов. Именно в силу этого обстоятельства как копы, так и мы избегаем каких-либо активных действий, когда возникает ситуация «СС». Понимаете, как бы супруги ни были ослеплены гневом, они инстинктивно защищают друг друга от воздействия любой внешней силы. И под эту категорию подпадает всякий, кто осмелится вмешаться. В силу этого обстоятельства лучшей политикой с вашей стороны — если у вас имеется выбор, конечно, — будет оставление поля боя. Прежде чем осмелиться на возвращение, следует дождаться, когда осядет пыль.

— Кажется, теперь я все понял, Гвидо, — кивнул он. — Спасибо. А теперь расскажи мне, что случилось с твоей рукой. И почему ты вернулся во дворец?

Неожиданная смена темы застала меня врасплох.

— Прошу прощения, что не доложил сразу по возвращении, — ответил я, пытаясь выиграть время. — Было поздно, и я решил, что вы уже спите. Но затем я услышал спор, ну и так далее... Утром я вам все расскажу.

— Угу... Никаких проблем. Но поскольку мы уже беседуем, скажи, что случилось.

— Мы всего-навсего столкнулись с небольшой неприятностью, — как можно небрежнее проронил я.

— Но достаточно серьезной, чтобы твоя рука оказалась на перевязи, — сказал он. — Итак, что же случилось?

— Если не возражаете, босс, я предпочел бы не вдаваться в подробности. То, что произошло, по правде говоря, вгоняет меня в краску.

— Ну ладно, — согласился он. — Оставим пока эту тему. Но работать-то рукой ты по крайней мере можешь?

— Ущипнуть что-нибудь в состоянии. Но до полной мощности еще далеко. Только я хотел поговорить с вами вовсе не об этом. Не могли бы вы направить Нунцио в помощь Пуки, а я бы тогда вернулся к своим обязанностям здесь.

— Не знаю, Гвидо. Нунцио занят с Глипом. Пытается выяснить, что случилось со зверьком, и мне очень не хочется отры-

вать его от дела до тех пор, пока он не найдет ответа. А почему бы нам не послать вместо него Корреша? Что скажешь?

— Корреша? — переспросил я. — Не знаю, босс. А вам не кажется, что тролль до смерти может напугать обитателей здешних мест?

— Но разве Пуки не владеет заклинанием личины или чем-то иным в этом роде, что способно изменить внешность Корреша? — спросил он. — Ведь не ходит же она по Пенту, смущая народ зеленою чешуей изверга?

— Точно! Отличная мысль, босс. Вопрос снят. Корреш вполне сойдет.

— Хорошо. Утром я с ним поговорю.

— Вообще-то Корреш будет даже лучше, чем Нунцио. Пуки все еще расстроена тем, что меня подстрелила, и Нунцио будет...

— Что?! Постой-постой! Я не ослышался? Ты действительно сказал, что в тебя стреляла Пуки?

Ну и глупец же я! Сумев ценой огромных усилий перевести беседу на другую колею, сам же снова поднял неприятную тему. Оставалось одно: закрыть этот вопрос раз и навсегда, проявив несвойственную мне наглость.

— Спокойной ночи, босс, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Мне показалось, что мы решили потолковать об этом утром. Во всяком случае, не сейчас.

С этими словами я удалился, стараясь держаться с максимально возможным в подобной ситуации достоинством.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

-Никаких сложностей, стариk. Всегда рад прийти на помощь. Мне уже давно хотелось несколько сменить обстановку.

Это сказал Корреш, к которому я заскочил, едва скатившись с постели. Как вы понимаете, речь шла о том, чтобы помочь Пуки и Оссе. Корреш — тролль и, по-видимому, са-

мый сильный и крутой из всей нашей команды. После меня и Нунцио, разумеется. Он таким остается, несмотря даже на свою странную манеру речи. Однако интеллигентно Корреш изъясняется лишь в то время, когда не работает по найму.

— Босс сказал, что Пуки сможет позаботиться о твоей внешности с помощью заклинания личины, — сообщил я.

— А с этим никаких проблем не будет, — сказал он. — Сестренка снабдила меня одной вещицей, которая позволяет избежать подобного рода трудности. Интересно, куда я ее положил?

Порывшись в ящике стола, он извлек на свет прибор, который я сразу узнал. Я видел эту штуковину у его сестры Тананды, когда мы во время последнего задания некоторое время действовали вместе.

Прибор этот очень похож на компактные пудреницы с зеркалом, которые так любят таскать с собой девицы и дамы. Однако зеркало и пудру в этой безделушке заменяла пара вращающихся дисков, настроив которые можно было поменять внешность не хуже, чем с помощью заклинания личины.

— Выходит, ты уже готов? — обрадовался я. — И когда же ты сможешь отправиться?

— Прежде чем я буду окончательно готов, мне надо завершить пару-тройку дел, — ответил он. — Кроме того, как мне кажется, было бы правильно дождаться формального разрешения босса. Как по-твоему?

Мне даже пришлось слегка закусить губу.

Корреш, несомненно, был прав. Все назначения в команде раздает босс. Беда в том, что я отправился расследовать так называемый «мятеж», не поставив в известность босса, и кроме того, осуществлял командование во время нашей экспедиции. В результате у меня выработалась нехорошая привычка действовать самостоятельно. А как я уже успел отметить ранее, в Синдикате подобные привычки отнюдь не способствуют сохранению здоровья на сколько-нибудь продолжительный срок.

— Само собой, — бросил я как можно более небрежно, надеясь, что он не догадается о моей непростительной промашке. — Боюсь, что я слишком беспокоюсь о Пуки, которой приходится в одиночку осуществлять операцию.

— Насколько я понял, Пуки вполне способна сама за себя постоять, — заметил Корреш. — За себя и еще за пяток других.

Я был доволен, что Корреш не стал требовать от меня подробностей о происхождении раны. Хоть Пуки меня об этом и просила, я ощущал некоторую неловкость, перекладывая на нее вину Оссы.

— Ладно, — кивнул я, — а я пока отправляюсь к Маше.

— Передай ей от меня привет. Может статься, что до ухода я не успею к ней заскочить. Но, если быть до конца честным, ее подготовка к бракосочетанию начинает слегка действовать мне на нервы.

— Знаешь, — я покачал головой, — меня потрясает то, что ни Ааз, ни босс не сказали мне о предстоящей свадьбе. Вчера поздно вечером я видел их обоих, а они и словом не обмолвились.

— Как мне кажется, их мысли в последние дни заняты совсем другими проблемами, — ответил Корреш. — Кроме того, Маша взяла все заботы на себя, так что они напрямую в этом деле не участвуют... во всяком случае, пока.

Шагая к комнате Маши, я размышлял о том, насколько радикально стиль босса отличается от обычных, принятых в Синдикате. В нашем гангстерском мире бракосочетание — важнейшее событие, уступающее по своему значению только похоронам.

— Сиди спокойно и не дергайся, Гвидо, детка. У Маши есть чем подлечить твою лапку... если мне, конечно, удастся это отыскать.

— Будет очень больно? — слегка нервически поинтересовался я: мне ведь еще не приходилось для исцеления прибегать к магии.

— Разве только чуть-чуть побольнее, чем при ампутации, — успокоила она. — Но у тебя в любом случае останется одна рука.

— Надеюсь, ты шутишь?

— Конечно, щучу, дорогуша, — рассмеялась Маша. — Не будь ребенком. Ах уж эти мне мужчины! Когда доходит до драки — они герои. Но как только после этого им приходится

затечивать раны — сразу превращаются в младенцев. На самом деле ты даже ничего не почувствуешь. Ага! Вот оно!

Она извлекла из светлого тюбика и выдавила на рану какую-то маслянистую мазь. Мазилка некоторое время светилась и искрилась, а затем сама по себе всосалась в кожу, не оставив при этом ни малейшего следа. Должен признать, что Маша меня не обманула. Я ощутил не боль, а приятную, успокаивающую прохладу.

— Вот и все, — сказала Маша. — Мышица, пожалуй, еще некоторое время поноет, поэтому оставь пока руку на перевязи. К следующему утру твоя конечность будет как новая.

— Спасибо, Маша, — сказал я, осторожно двигая рукой.

Честно говоря, я был изумлен. Но изумило меня не лечение, каким бы впечатляющим оно ни было. Меня потрясло то, что Маша сумела найти мазь. Вот это было настояще чудо!

Корреспондент сказал, что Маша сменила жилье, но тролль всегда обладал даром не договаривать до конца. Ее новая палата по размерам смахивала на небольшой пакгауз, будучи раза в три больше тех комнат, которые занимали Нунцио и я. И все эти акры площади были забиты от стены до стены и чуть ли не до потолка.

Повсюду валялись горы одежды и выкроек. Там и сям виднелись в беспорядке разбросанные туфли, образцы ткани и различные безделушки. Но самое большое впечатление произвели на меня портновские манекены. Их было целых четыре, и они стояли бок о бок в центре комнаты. Поскольку Маша носила экстраэкстраэкстрабольшие размеры, мне казалось, что это вовсе не манекены, а четверка ребят из контактного вида спорта (в некоторых измерениях его еще называют американским футболом), готовая взять меня в оборот. По сравнению с ними я начинал чувствовать себя пигмеем.

Да, действительно. То, что ей в этом хаосе удалось найти крошечный тюбик, было истинным чудом.

Кроме того, я начал подвергать ревизии свою первоначальную точку зрения, что предстоящее бракосочетание не считается во дворце значительным мероприятием. Судя по тому, как к нему готовилась Маша, это событие должно было вестись по масштабам в один ряд с самыми пышными похоронами, когда-либо устроенными Синдикатом.

— Да, кстати, Маша, — сказал я, — прими поздравления и наилучшие пожелания. Или наоборот — лучшие пожелания и поздравления, поскольку я не знаю, в каком порядке это следует произносить. Генералу привалило счастье.

Я произнес это совершенно искренне. Пережив первичный шок и хорошенько все продумав, я решил, что Маша — достойный приз... О трофеях Большой игры прошу вас на сей раз забыть. Хоть размеры Маши и могут нагнать страху, особенно учитывая кричащую манеру ярко краситься, пестро одеваться и обвешиваться украшениями, самым главным в ней остается ее огромное сердце. Маша — самая добрая и нежная душа среди всех живых существ, которых мне довелось когда-либо встретить. Одним словом, при выборе партнера на всю жизнь генералу Плохсекиру могло повезти гораздо меньше.

— Спасибо, Гвидо, — сказала она, слегка прослезившись. — Я все еще с трудом верю в происходящее. Никогда не думала... С моей-то внешностью...

Она разревелась, а разревевшись, громогласно вы сморкалась. От описания этой картины я, как человек милосердный и сам часто испытывающий тошноту, вас избавлю.

— Ну и как реализуются планы подготовки? — весело поинтересовался я, пытаясь разрядить атмосферу. — Как обстоят дела с помпезностью в свете текущих обстоятельств?

— Полное безумие, — поборов нахлынувшие чувства, ответила Маша. — Но кое-какое продвижение имеется. Королева очень мне помогает.

— Королева? Неужели ты говоришь о королеве Цикуте?!

Так-так. Передо мной наконец начала развертываться полная картина текущих событий. Ведь Маша — не только член Корпорации М.И.Ф., но одновременно и ученица босса... А королева Цикута имеет на босса свои виды... Естественно, она не постоит перед затратами, чтобы помочь устроить это бракосочетание.

— О ней. Королева — настоящая душка. Но если честно, то, по-моему, она видит в нашей скромной церемонии генеральную репетицию своего бракосочетания.

— Мне тоже это пришло в голову, — сказал я: — Как ты на это смотришь, Маша?

— У меня в связи с этим возникают большие сомнения. Что касается Хью и меня, то здесь все в порядке. Когда обе стороны желают воссоединиться, чтобы создать семью, это обязательно происходит, несмотря на все преграды и препоны. Однако мне кажется, что единственной причиной, в силу которой Скив подумывает о женитьбе на королеве, является его чувство долга. Для счастья в браке — фундамент довольно вшивый. Во всяком случае, я так считаю.

У некоторых дам, когда они говорят о браке, едет крыша. Подобное, как правило, случается в то время, когда они сами готовятся совершить матrimониальную акцию и в силу этого обстоятельства полагают, что все то, что хорошо для них, столь же хорошо и для других. Меня радовало, что Маша не разделяет заблуждение счастливых невест.

— По-моему, ты мыслишь правильно, — сказал я. — Однако мне пора. У тебя куча дел, а я еще не виделся с Нунцио. Еще раз спасибо за исцеление.

Возвращение домой и общение с остальными членами команды доставили мне большое удовольствие, но должен признать, что настоящую радость я испытал, лишь когда мне наконец удалось поболтать с Нунцио. Поскольку мы с ним кузены, мы были знакомы еще до того, как Дон Брюс приставил нас к боссу. А если быть совсем точным, то и задолго до того, как мы, поступив в Синдикат, познакомились с самим Доном Брюсом. Если я и могу с кем-то говорить, не взвешивая предварительно каждое слово, так это с Нунцио. Но и это еще не все. Мы друг друга так хорошо знаем, что чувствуем, когда можно задавать нескромные вопросы, а когда лучше воздержаться.

Я эскизно поведал ему об итогах нашей миссии, а он в свою очередь столь же кратко поделился со мной как новостями, так и циркулирующими во дворце слухами.

— Ну и как держится босс? — спросил я.

Вместо того чтобы сразу ответить, Нунцио потер подбородок (так он поступает всегда, когда погружается в раздумье), покачал головой и сказал:

— Не знаю, Гвидо. Если честно, то он в последнее время вообще какой-то чудной.

Мы знали, что босс находится в напряжении, пытаясь привести в порядок финансы и размышляя о том, как следует отреагировать на предложение королевы взять ее в жены. Нам и прежде доводилось видеть его в состоянии крайнего напряга. Однако, как бы трудно боссу ни было, Нунцио или мне, если на то пошло, никогда не приходило в голову назвать своего начальника «чудным».

— Не мог бы ты, братец, привести какой-нибудь пример? — спросил я.

— Ты знаешь, что я сейчас работаю с Глипом, чтобы выяснить, с какой стати он стал нападать на людей?

— Знаю. Ну и что?

— Так вот. Босс вбил себе в голову, что его дракон способен думать.

— Тоже мне новость! — фыркнул я. — Босс всегда питал слабость к этому малышу и всегда утверждал, что тот гораздо сообразительнее, чем думают окружающие.

— Речь идет не о сообразительности. Речь идет о настоящем интеллекте. Дело вовсе не в том, способен ли он обучаться разным трюкам или узнавать людей. Босс считает, что зверек способен по-настоящему мыслить. Что он может разрабатывать планы и оценивать возможные последствия своих шагов. Босс считает, что Глип атакует людей с какой-то целью, каждый раз пытаясь представить это простой случайностью или несчастным случаем.

Я был вынужден признать, что мысль и в самом деле безумная и одновременно, если хорошенько подумать, пугающая. Но Нунцио, оказывается, не все сказал.

— Есть еще кое-что, — продолжил он. — Как-то недавно босс поинтересовался моим мнением. И, обрати внимание, вовсе не по нашим заморочкам. Он хотел знать, какого я мнения о его личных привычках.

— Он хотел — что? — переспросил я, недоуменно помаргивая.

Да, вот это поистине дело неслыханное! Ни один из телохранителей Синдиката никогда не оценивает действий и не приспосабливается к привычкам тех тел, которые он приставлен охранять. Только в таком случае он может действовать

эффективно. Что же касается комментариев о привычках, то они не только излишни, но и смертельно опасны. А интерес к собственным привычкам со стороны самого охраняемого тела — дело просто немыслимое. Это примерно то же самое, что спросить у бронежилета, какого он мнения о запахе у вас под мышками.

— Ты что, правда решил, что я это придумал? — возмутился несколько обиженный моим недоверием Нунцио. — Я тебе говорю, что босс самым серьезным образом спросил меня, что я думаю о его личных привычках, как будто я действительно считаю, что он слишком много пьет. Но и это еще не все! Когда я попытался юлить, он начал давить, чтобы я ответил честно и прямо.

— Ну и как он на самом деле? Я хочу спросить, он что, действительно чересчур принимает на грудь?

— Я никогда над этим не задумывался, — ответил Нунцио. — Конечно, он пьет. И стал пить еще больше после того, как вернулся вместе с Аазом с Извра. Но какое количество выпивки можно считать перебором? Я не знаю. И с какой стати он меня спрашивает?

— Да-а... — протянул я. — Действительно странно и даже жутковато.

Мы некоторое время молчали, предавшись размышлению. Наше глубокое раздумье прервал стук в дверь.

Затем дверь приоткрылась, и в образовавшейся щели возникла голова Ааза.

— Отлично, — сказал он. — Я так и думал, что застану здесь вас обоих. Сегодня день выдачи жалованья, парни. Я прихватил ваши денежки, поскольку все равно направлялся сюда.

С этими словами Ааз швырнул нам по небольшому мешку с золотом. Я говорю «небольшому», поскольку они были гораздо меньше тех мешков, которыми пользуются сборщики налогов. Наши же были размером в мой кулак. Однако, зная о том, какой величины мой кулачище, вы можете понять, что золотишком нас не обделили.

Я покосился на Нунцио и убедился, что он изумлен не меньше меня.

— Хм-м-м... Нам что, повысили жалованье? Или что-то прошло мимо меня? — спросил я, взвешивая мешочек на ладони.

— Премиальные всем членам команды за оказанную королевству помощь, — подмигнул Ааз. — На этом настояла Банни.

— Замечательно, — сказал Нунцио в полном изумлении.

— Да, — согласился я. — Спасибо, Ааз.

— Не за что, — ответил он. — Да, и еще кое-что. Конечно, вы лучше меня знаете свое дело, но я, если бы был телохранителем, прогулялся бы сейчас к кабинету Гrimбла.

— А что там?

— Я видел, как туда отправился Скив за своим жалованьем, которое, поверьте мне, превосходит мое и ваше вместе взятые. Такого количества золота ему одному просто не дотащить.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Мы подождали появления босса у дверей кабинета Гrimбла. Как и предсказывал Ааз, мешок, который тащил Великий Скив, значительно превосходил наши. Достаточно сказать, что он с трудом удерживал его обеими руками.

Босс проковылял мимо нас, едва проронив «Привет!», что, надо сказать, было на него совсем не похоже.

Мы с Нунцио обменялись взглядами и потащились следом. По правде говоря, мне показалось, что босс вообще не замечает нашего присутствия. Он плелся, что-то бормоча себе под нос и не глядя ни налево, ни направо. Наша процессия, естественно, привлекала внимание, но все встречные, едва увидев выражение лица босса, тут же принимались смотреть в другую сторону.

Молчание продолжалось вплоть до того момента, когда мы добрались до комнаты босса. Открывая дверь, он, похоже, заметил нас впервые. Думаю, что не ошибаюсь, поскольку он

вскинул брови так, словно мы оторвали его от важных мыслей.

— Вам чего-нибудь от нас надо, босс? — спросил я только для того, чтобы завязать беседу. — Если хотите, мы можем подождать здесь у дверей.

— Как вам угодно, Гвидо, — сказал он и махнул рукой, даже не глядя на нас. — Я побуду некоторое время у себя и не против, чтобы вы пока перекусили. Мне надо многое обдумывать.

Несмотря на то что мы в целости и сохранности доставили босса до дверей, я вовсе не горел желанием оставлять его в одиночестве.

— Мы уже успели подкрепиться. Так что нам остается только...

В этот момент до меня дошло, что я уже беседую с дверью. Босс захлопнул ее прямо перед моим носом.

— ...поджечь дворец и поджарить себе пару собак. Это будут настоящие хот-доги, — закончил я, скривив недовольную рожу.

— Теперь ты понял, что я имел в виду? — спросил Нунцио. — Он так ведет себя с того момента, как вы отправились на задание. Иногда он своей болтовней просто дырявит барабанные перепонки, а иногда держится так, словно вокруг него вообще никого не существует.

— Да, — согласился я, — он, похоже, действительно немного погружен в себя.

— Немного?! — возопил Нунцио. — Да если он погрузится еще чуток глубже, то даже не заметит, что надел брюки задом наперед.

— Ответь-ка лучше на мой вопрос, — сказал я, игнорируя его потуги шутить, — ты видел когда-нибудь, чтобы человек был столь удручен, ограбя кучу бабок?

— Что-то не припоминаю, — ответил Нунцио, слегка нахмутившись. — Да, его явно расстроило нечто, связанное с оплатой. Может, они увеличили вычеты из его жалованья?

— Брось, Нунцио! Какие вычеты? Кто на это пойдет? Королева делает все, чтобы женить его на себе, а Гримбл его до смерти боится. Ты видел размер мешка? Он же едва его та-

щил. На мой взгляд, это никак не похоже на урезанное жалованье.

— Но тем не менее его что-то сильно огорчило, — стоял на своем Нунцио. — Может быть, Гримбл что-то не то ему брякнул?

Кузен все еще рассуждал на эту тему, когда босс открыл дверь.

— Гвида, Нунцио! — позвал он. — Зайдите ко мне на секунду.

Мы вошли в комнату, и босс уселся за свой письменный стол. Мешок с деньгами стоял перед ним.

— У меня для вас есть небольшое дельце, парни, — с улыбкой сказал он.

— Всегда готовы! — рявкнули мы в унисон.

— Однако прежде всего я хочу кое-что уточнить. Вы всегда давали мне понять, что в прошлой вашей жизни вне рамок закона вы не стеснялись менять правила игры, когда того требовали обстоятельства. Я не ошибаюсь?

— Верно.

— Было дело.

— Хорошо. Поручение должно быть исполнено в строжайшей тайне. Никто не должен знать, что за этим стою я. Включая Ааза и Банни. Вам все ясно?

Мне это не очень понравилось. Я не был в восторге от того, что пришлось держать в тайне от босса мое расследование, а мысль о том, что придется что-то хранить в тайне от Ааза и всей остальной команды, меня просто ужасала.

Тем не менее я, скрывая охватившие меня нехорошие чувства, ответил утвердительным кивком.

— Хорошо. Задание состоит в следующем, — продолжил Скив, отталкивая мешок. — Вы должны взять эти деньги и избавиться от них.

Эта концепция, мягко говоря, показалась мне не совсем обычной. Я покосился на Нунцио, чтобы узнать его реакцию, но увидел лишь то, что он косится на меня.

— Я что-то не совсем усек, босс, — сказал я, пытаясь выражаться поаккуратнее. — Итак, что мы должны сделать с этими деньгами?

— Не знаю и знать не хочу, — ответил он. — Я только хочу, чтобы эти средства вновь поступили в обращение внутри королевства. Потратьте их или раздайте в виде милостыни. Но будет еще лучше, если вы найдете способ передать их тем, кто жалуется, что не в состоянии заплатить налоги.

Сказать, что я растерялся, значит не сказать ничего. Я открыто посмотрел на Нунцио, а тот в ответ лишь пожал плечами.

— Не знаю, босс, — протянул я после довольно длительного молчания. — Но сдается мне, что вроде как бы не совсем правильно. Я хочу сказать, что наша задача — собирать налоги с людей, а вовсе не раздавать их.

— Гвидо хочет сказать, что наша специальность — вытряхивать деньги как из отдельных лиц, так и из организаций, — пришел ко мне на помощь Нунцио. — Отдавать кому-то бабки — в некотором роде не наш профиль, мы просто этого не умеем.

— Что ж, в таком случае, как мне кажется, вам пора расширить кругозор и открыть для себя новые горизонты, — решительно произнес босс. — Как бы то ни было, но это мое задание. Вы все поняли?

На этот вопрос имелся единственный приемлемый ответ.

— Да, босс, — ответили мы снова в унисон, но, надо сказать, без всякого энтузиазма.

Я поднял мешок здоровой рукой. Вес его действительно впечатлял, и я решил предпринять еще одну попытку.

— Хм-м... а вы уверены, босс, что вы этого на самом деле хотите? — спросил я. — Как-то все это неправильно. Большинству людей приходится всю жизнь вкалывать, чтобы получить столько бабок.

— В этом-то все и дело, — ответил он.

— А?

— Да нет, ничего. Уверен. А теперь приступайте.

— Считайте, что дело сделано.

Ни один из нас не проронил ни слова, пока мы не оказались в комнате Нунцио. Я бросил мешок с золотом на его кровать, а сам плюхнулся в кресло.

Нунцио остался на ногах.

— Итак, — сказал он, нарушая молчание, — что ты по этому поводу думаешь?

— Думаю, что нам надо раздобыть пару поясных кошельков, переметных сум или еще чего-нибудь, в чем можно таскать золото, — ответил я. — Ходить с этим мешком — значит не только нарываться на неприятности, но и натирать мозоли на горбу.

— И это все? — спросил, повысив на целую октаву свой скрипучий голос, Нунцио. — Неужели после всего того, что произошло, тебя тревожит только состояние собственного горба?

— А что ты хочешь от меня услышать?! — гаркнул я. — Что у босса поехала крыша? Что он настолько углубился в страну ку-ку, что без карты ему оттуда не выбраться?!

— Вот именно, — проговорил сраженный моим эмоциональным взрывом Нунцио. — Значит, ты тоже считаешь, что он тронулся умом?

— Но это же само собой разумеется, — ответил я, снижая уровень шума до нормального. — Как иначе понимать его: «Отдайте деньги»? Неудивительно, что он хочет сохранить все в тайне. Если Ааз узнает, его тут же хватит удар.

— Ну и как же мы поступим?

— Как? — переспросил я. — Ты разве не слышал? Мы должны взять его жалованье и распределить бабки среди нуждающихся.

— Но это же безумие!

— И куда ты гнешь? Неужели ты хочешь сказать, что за столько лет работы на Синдикат ни разу не получал приказов от всяких безумцев?

— Перестань, Гвидо, — сказал Нунцио. — Речь идет о Скиве, а не о каком-то мелкотравчатом боссе из Синдиката.

Эти слова без всяких экивоков говорили, насколько огорчен мой кузен. За все годы нашей совместной работы он впервые утратил профессиональные навыки настолько, что назвал своего непосредственного начальника по имени, написав о родовом обращении «босс». Это означало, что он слишком сильно полюбил Скива как личность и перестал

держать эмоциональную дистанцию, столь необходимую в нашем деле. К сожалению, он был в этом не одинок.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, кузен, — произнес я, стараясь говорить как можно спокойнее. — Беда в том, что в данный момент я не вижу иных вариантов. Скажи, что мы можем сделать? Проигнорировать поручение означает нарушить прямой приказ. Если мы попытаемся поставить в известность остальных членов команды о том, что происходит со Скивом, то нарушим его распоряжение держать все дело в тайне. Кроме того, мне кажется, они уже дорубили, насколько близок Скив к тому, чтобы свихнуться. Большинство знают его дольше и лучше, чем мы.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга.

— Думаю, это подводит нас к моему первому вопросу, — нарушил молчание Нунцио. — Что будем делать?

— То, что всегда, — ответил я. — Выполнять приказ. И если нам заодно удастся решить для босса некоторые другие проблемы, то это будет как бы дополнительный приз. Верно?

— Похоже, у тебя возникли кое-какие мыслишки, кузен? — спросил Нунцио, вскинув одну бровь.

— Вообще-то да, — ответил я и улыбнулся, продемонстрировав при этом зубов несколько больше, чем обычно. — Когда дело дойдет до раздачи бабок народонаселению, у нас, как мне кажется, есть как раз та команда, которая сможет нам в этом деле помочь. Заставить их сделать это будет несложно, поскольку они уже состоят в нашем списке проблемных детишек.

Я ухитрился поделиться с ним своим планом, сохранив при этом уверенное выражение лица и выдержав столь же уверенный тон.

Выслушав мои соображения, Нунцио в свою очередь продемонстрировал мне в улыбке ряд хорошо сохранившихся зубов.

Я все-таки сумел скрыть от него то, что больше всего меня беспокоило. Мне казалось, что чем бы ни закончилась эта немыслимая эскалада, ее главным результатом для Скива и для всей нашей команды станет то, что Корпорация М.И.Ф. уже никогда не будет такой, как прежде.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— **А** ты в этом уверена? — спросил я, не сводя глаз с лавки спортивных товаров.

— Настолько уверена, насколько это возможно без чисто-сердечного признания.

Я подумал, что мог бы многое поведать ей о «чистосердечном признании», но, подумав еще раз, предпочел промолчать. Дискуссия на эту тему могла отвлечь нас от дела.

Вернувшись в «Герб Шервуда», мы с Нунцио первым делом отыскали Пуки, Осса и Корреша. Хотя я и не мог рассказать им о задании босса, я считал, что следует дать им знать, что мы в округе. Если бы мы случайно на них наткнулись, наше появление в подрайоне выглядело бы крайне подозрительно. Им сказали, что обстановка во дворце продолжает накаляться и следует разобраться с бандитами как можно скорее, чтобы мы с Нунцио могли посвятить все свое внимание боссу. Корреш, услыхав это, уставился на меня рыбьими глазами, зато Пуки и Осса приняли объяснение за чистую монету.

Оказалось, что они за это время весьма преуспели в розыске преступников.

— Повтори, как ты все это вычислила, — попросил я.

— Вообще-то это не я, а Осса, — сказала Пуки. — Почему бы тебе, сестренка, самой им все не рассказать?

— Ничего особенного, — скромно произнесла Осса. — Я просто подумала о том, что они нападали на сборщиков налогов, угрожая луками. А если ты в этом деле нешибко силен, то стрел требуется очень много. Следовательно, у них должен быть источник снабжения. Ведь не сами же они их строгали? Припомни, сколько стрел хранилось в пакгаузе, когда мы там несли службу.

Я утвердительно кивнул и жестом попросил ее продолжать.

— Ну так вот. Я решила немного разнюхать в округе и узнала, что та лавка, в которую мы заходили вначале, — единственное место, где имеется запас стрел.

— Это объясняет, почему тот парень не хотел открывать рта, — вступила в беседу Пуки. — Если он зашибает деньги, снабжая бандитов, ему меньше всего хочется, чтобы мы положили конец их делишкам.

— Но и это еще не все, — сказала Осса. — Мы установили постоянное наблюдение за лавкой и выяснили, что по меньшей мере полдюжины парней шастают то туда, то оттуда. При этом они ничего не покупают и ничего не доставляют. Похоже, они там проводят сходки и распределяют задания.

— Вы уверены, что они не заметили наблюдения? — поинтересовался Нунцио.

— Абсолютно исключено, старик, — ответил Коррэш. — Мы работали по очереди, пользуясь для изменения внешности заклинанием личины. Эти парни пребывают в счастливом неведении о том, что мы за ними следим.

— Есть ли для этих сходок какое-нибудь регулярное расписание?

— Какой-либо системы мы не обнаружили, — ответила Пуки. — Но вся компания как раз сейчас в сборе.

Мне только этого и было надо.

— Ну что, Нунцио, — сказал я, поправляя оружие на пояс, — заскочим немного поболтать с ребятами?

— Вы не хотите, чтобы я изменила ваше обличье? — спросила Пуки.

— Нет. Пусть это будет вечеринка «приходите-в-том-что-обычно-носите», — ответил я. — А вы все оставайтесь в зоне досягаемости. Если наш спектакль не сработает, на сцену вылезете вы.

— А ты уверен, что это правильно? Их вон сколько, а нас всего двое, — сказал Нунцио еле слышно, когда мы направились через улицу.

— Может, это и не лучший сценарий, — сказал я. — Зато единственный способ, который позволяет разыграть спектакль, не ставя в известность о приказе босса наших товарищ по оружию.

— Но когда он приказывал нам отдать золото, он, по-моему, не высказывал желания, чтобы его забирали с наших трупов. Или я чего-то не поднял?

— Расслабься, кузен, — сказал я. — Вот увидишь, все будет в ажуре. С их стороны на сцене выступят сплошные дилетанты. Эти парни из предместий пожиже, чем уличные хулиганы, с которыми мы разбирались без труда. Будешь сверлить их стандартным тяжелым взглядом, и у нас не возникнет проблем. Вот мы и пришли.

Для того чтобы поставить людей на место, существует два способа игры мускулами. Один из них называется «мягкий», а другой, естественно, «жесткий».

Когда я, Пуки и Осса навестили это заведение в первый раз, мы прибегли к первой методе. Говорили мы негромко, постоянно улыбались и являли собой саму нежность, давая при этом понять, что можем действовать гораздо круче, если того пожелаем.

На сей раз я решил пустить в ход технику «жесткого» подхода.

Остановившись перед дверью, я сделал глубокий вдох и обеими руками толкнул панель. Указанная дверь, отвечая на мои усилия, распахнулась со страшным стуком. (То, что дверь осталась висеть на петлях, объясняется добротностью материала, из которого она была сделана, а отнюдь не слабостью моих верхних конечностей.) Когда я переступил через порог, грохот все еще не успел стихнуть. Следом за мной вошел Нунцио.

Если до этого у меня еще оставалась тень сомнения в правильности дедуктивных умозаключений Пуки, то теперь эта тень рассеялась окончательно. При виде нас участники собрания окаменели. Парни стали похожи на игроков, скучковавшихся в кабинете подпольного букмекера, которую крышует полиция и в которую по чистой случайности забрел коп из другого участка.

Тип, с которым я беседовал во время первого визита, стоял за прилавком.

— Помнишь меня? — спросил я, вперив в него тяжелый взгляд.

— Хм-м... Помню, конечно. Вы тот, кто заходил ко мне... с парой друзей. Я не ошибся? — пролепетал он.

— Точно. Но сигары за разгадку ты от меня не получишь, — сказал я, подчеркнуто неторопливо надвигаясь на сбирающе. —

Я тот самый парень, который хотел получить информацию. Информацию о лесных бандитах. Припоминаешь?

— Мы... мы, пожалуй, пойдем, Робб, — сказал один из участников сходки, дергаясь в сторону двери.

— Думаю, что у тебя ничего не получится, — бросил я и рявкнул: — Нунцио!

— Заметано, Гвидо, — мрачно буркнул мой кузен и привалился к дверной притолоке.

Участники собрания посмотрели на него и сгруппировались по возможности подальше как от меня, так и от моего напарника.

Я же вновь повернулся лицом к дрожавшему за прилавком парню.

— Ты хотел что-то сказать?

— Угу... Да, конечно... Я здесь поспрашивал немного и...

— Насколько я понимаю, тебе не пришлось далеко ходить, чтобы задать свои вопросы, — прорычал я, наваливаясь на прилавок и демонстрируя в улыбке пару десятков зубов. — Не дальше, чем до тех типов, которые сейчас топчутся в углу твоего заведения. Я не ошибся?

— Ну... это... — начал мычать лавочник.

— Прежде чем ты что-то скажешь, давай убедимся в том, что мы друг друга понимаем, — оборвал я его мычание. — Надеюсь, ты дорубил, что по роду нашей деятельности — я имею в виду моего коллегу и себя — нам иногда приходится наносить ущерб здоровью людей. Ты это понял?

Парень в ответ энергично закивал.

— Это всего лишь требование профессии. Ничего личного, — сказал я, приближая лицо к его физиономии. — Но если этот потенциальный страдалец оскорбит мой интеллект ложью, я могу обидеться и принять все очень близко к сердцу. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Лавочник судорожно сглотнул слюну и кивнул.

— Теперь, имея это в виду, мы можем продолжить беседу. Я сказал, что тебе, чтобы собрать сведения о лесных бандитах, не пришлось шагать дальше, чем до тех парней, что собирались в твоем заведении. А ты был готов с этим согласиться. Так?

Лавочник посмотрел на своих дружков, затем перевел взгляд на меня и Нунцио и едва заметно кивнул.

— Не слышал ответа, — сказал я.

Парень снова кивнул — на сей раз несколько энергичнее.

Я покосился на Нунцио, который с безнадежным видом пожал плечами.

На это могло уйти довольно много времени. А времени у нас было в обрез. Если мы не разберемся быстро, сюда ввалиются остальные члены команды.

— Вот что, Робб... Ведь тебя зовут Робб, не так ли? Итак, слушай. Я буду говорить тебе, что происходило, а ты станешь кивать, если я говорю верно, и крутить башкой в том случае, если я ошибусь. Усек?

Последовал слабый кивок.

— Во-первых, нам известно, что ты и твои дружки имеют непосредственное отношение к бандитским нападениям, — сказал я. — Нас не интересует, собралась здесь вся банда или нет. Для нашей цели хватит и вас. Это так?

Он слегка кивнул.

— Во-вторых, мы считаем, что вы делились частью нажитого с местным населением, чтобы они прикрывали ваши неблаговидные выходки.

— Нет, мы ни с кем не делились, — заявил парень, к которому вдруг вернулся голос.

— Как это понять? — спросил я, вскинув брови.

— Мы ничего местным не платили, — поспешил ответить он. — Не могу сказать, что эта идея плохая, но мы до нее не додумались. Всю добычу мы оставляли себе.

Это создавало нам дополнительные сложности. Ведь суть нашей задумки состояла в том, чтобы с помощью этих клоунов раздать людям золото босса. Теперь передо мной стояла задача пересмотреть план, не прерывая переговоров.

— Ну хорошо, — сказал я, — мы здесь для того, чтобы разработать план, который позволил бы нам есть из одного корыта. Что, если мы финансируем ваши операции взамен на небольшие отчисления в нашу пользу?

— Не соглашайся, Робб!

Эти слова произнес тощий рыжий фат, который вместо того, чтобы быть испуганным, стал каким-то очень серьезным.

— Но почему, Уилл? — спросил Робб. — Это может позволить нам выйти из того... м-м-м... несколько сложного положения, в которое мы влипли.

— Пойдя на это, мы просто сунем головы в петлю, — сказал рыжий пижон. — До сих пор все их обвинения строятся на слухах и домыслах. Приняв от них деньги, мы полностью признаем, что совершили поступки, в которых нас пытаются обвинять, и у них появятся основания для нашего ареста. Если же мы попытаемся заявить, что согласились на их предложение в шутку, нас обвинят в мошенничестве. В любом случае брать у них деньги нельзя.

Тут до меня дошло, что мы имеем дело с юристом, который, как известно, является совершенно особым подвидом бандита и с которым я уж никак не рассчитывал здесь встретиться.

— А как насчет Королевского заказника? — пискнул один из разбойников.

— А что с ним такое? — спросил я, искренне изумившись.

— Разве вы ничего не слышали о планах продажи заказника лесозаготовительным компаниям? — столь же искренне изумился он.

— Какие еще планы? Ты что-нибудь знаешь об этом, Нунцио?

— Для меня это новость, — ответил кузен. — Но нельзя исключать, что это очередная задумка Гrimбла. Готов спорить, что босс ничего об этом не знает. Ведь ему на подпись подсовывают столько бумаг...

— Ага! — восторженно возопил рыжий. — Так я и знал! Эти парни работают на правительство! И все это представление — всего лишь тайная полицейская операция, попытка загнать нас в ловушку.

После этого собрание пошло вразнос, и я решил, что остается единственный выход.

— Всем заткнуться!!! — взревел я.

Все замерли, уставившись на меня.

— Властью, предоставленной мне Великим Скивом, объявляю вас членами Конфликтной комиссии общины «Герб Шервуда»! — гаркнул я и, немного выждав, с широкой улыбкой добавил: — В этой связи вам следует проследовать вместе с нами в королевский дворец, чтобы вы могли изложить свои претензии самому боссу... то есть, я хотел сказать, лично Великому Скиву.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Как это ни удивительно, но наше путешествие домой оказалось очень приятным.

Мы позволили делегатам «Герба Шервуда» сохранить при себе свои луки — в основном для того, чтобы доказать им, что они не находятся под арестом. Когда им наконец удалось расслабиться, о лучших попутчиках мы не могли и мечтать. Они постоянно обменивались шутками и анекдотами о своих охотничих эскападах и о жизни в предместье, а один из них оказался настоящим заводилой, заполняя возникавшие паузы либо пением, либо представлением смешных сценок.

Само собой разумеется, что мы устраивали соревнование по стрельбе из лука. Они пришли в восторг от наших с Нунцио мини-арбалетов. Дискуссия о качестве оружия плавно переросла в матч по стрельбе. Мы на ходу выбирали случайные цели, но если по правде, то никакого соревнования не получилось. Мы с Нунцио побили их без труда, хотя стреляли первыми, позволяя им вступать в дело, когда цели уже были значительно ближе. Все кончилось тем, что мы передали свои арбалеты Пуки и Оссе, но и женщины оказались более меткими стрелками, чем ребята из «Герба Шервуда». Когда Пуки и Осса приспособились к нежному спуску, игра вообще пошла в одни ворота. Однако шервудские ребята, по счастью, не восприняли это как личное оскорбление и по-прежнему сопровождали каждый удачный выстрел радостным воплем, а каждый промах жалобным стоном.

— Вот что я хочу тебе сказать, старик, — произнес Корреш, стараясь попасть со мной в шаг. Он и Пуки, чтобы не распугать местное народонаселение, по-прежнему носили туземную личину. — Ты и впрямь считаешь, что это хорошая мысль? Я хочу сказать, вся операция была задумана так, чтобы не потревожить Скива. А теперь мы без всякого предупреждения хотим вывалить на него всю банду.

Эта проблема в разных ее вариациях оставалась главной темой наших бесед с того самого момента, как я решил привести бандитов во дворец для встречи с боссом. Каждый из моих соратников поочередно отводил меня в сторону (чтобы не слышали попутчики) и с разной степенью вежливости интересовался, понимаю ли я, что творю.

— Думаю, будет лучше, если я все поставлю на свои места, — сказал я. — Эти парни вбили себе в башку, что наш босс — властолюбивое чудовище, которое спит и видит, как бы оттяпать королевство у Цикуты. Ты босса знаешь. Можешь ли ты представить человека, который, поговорив с ним хотя бы пяток минут, останется при этом идиотском мнении?

— Да, он вызывает симпатию, — согласился Корреш. — Но иногда у него прорезается крутой нрав. Надеюсь, что мы застанем его в хорошем расположении духа. Ну да ладно. Дело сделано. Как-нибудь прорвемся.

Это было произнесено без того энтузиазма, который я так надеялся увидеть у Корреша. Он хоть и тролль, но самый уравновешенный из всей нашей команды. Словом, его тревога не внесла покой в мою душу.

— Что же, кузен, — сказал Нунцио, занимая место Корреша, который отправился пофлиртовать с Пуки, — коль скоро мы почти на месте, как ты думаешь разыграть нашу партию?

Мы приближались к дворцу, и времени на общий анализ и планирование у нас не оставалось, пора было переходить к деталям.

— Думаю, что мы доставим их во двор дворца. Затем ты и остальные останутся их развлекать, а я отправлюсь искать босса. Когда найду, кратко введу в курс дела и приведу во двор для встречи с делегатами.

— И ты сам собираешься все это объяснить боссу? — спросил Нунцио, вскидывая бровь. — У тебя, слушаем, нет желания поручить это деликатное дело мне?

— Благодарю за предложение, кузен, — ответил я. — Но думаю, это все же моя работа. Я знаю, что ты говорун, пе то что я, да и объясняешь лучше, но идея расследования и затея притащить во дворец делегатов принадлежит мне. Если босс вдруг начнет метать икру и решит врезать нам по полной программе, пусть это будет моя задница.

— Лады, — бросил он со вздохом и шлепнул меня лапицей по плечу. — Остается только надеяться, что ты знаешь, что делаешь.

Это постоянное пережевывание одной и той же темы начинало действовать мне на нервы. Суть в том, что на самом деле я не слишком хорошо понимал, что делаю. Я просто предложил решение, которое представлялось мне наилучшим, и теперь всем ничего не оставалось, кроме как ждать, сложив на счастье пальцы крестом. Теперь, когда мы вступили в ведущий во двор проход, я все больше и больше сомневался в разумности своей затеи.

— Итак, Гвидо, — начал Робб, шагая со мной рядом, — что мы должны сказать Скиву? Как к нему обращаться? Дело в том, что ни один из нас никогда не встречал настоящего чародея, и мы не знаем правил протокола, если таковые существуют.

— Расслабьтесь и оставайтесь самим собой. Вначале выступим мы с Нунцио. Затем наступит ваш черед. Говорите с ним так, как говорили бы с любым другим человеком.

— Но, может, есть титул, с которым к нему следует обращаться? Ваше величие или что-то в этом роде?

— Ты плохо слушал меня, Робб! — Я уже начал слегка раздражаться. — Босс — славный парень. На самом деле он моложе тебя. Тебе следует всего-навсего...

— Эй, Гвидо, что происходит?

Подняв глаза и увидев направляющегося к нам через двор Ааза, я приветственно помахал ему рукой, не сразу сообразив, что Робб потянулся к луку.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Но это же демон, — пролепетал он с округлившимися глазами.

Остальные делегаты тоже принялись прилаживать стрелы к тетивам, и до меня впервые дошло, что мы не полностью проинформировали их о тех картинах и звуках, которые они могли встретить, вступив в замок.

— Эй! Успокойтесь! — поспешно крикнул я. — Это всего лишь Ааз! Партнер босса и...

— Глип!

Откуда-то из-за угла вылетел Глип. Судя по всему, как раз в момент нашего прибытия Ааз проводил с ним занятия во дворе. В мгновение ока я понял, что нам грозят серьезные неприятности.

— Это же дракон!!!

— Всем стоять!!! — взревел я, пустив в ход свой самый лучший командный голос. — Нет никакой...

И тут-то Глип узрел Нунцио и ринулся на него.

— Глип!

Все, что произошло позже, напоминало вращение обезумевшего вентилятора.

Поднялись заряженные стрелами луки.

Ааз замер на месте.

Глип ударил по тормозам и, прыгнув в сторону, закрыл собой Ааза.

Пуки и Осса кинулись на делегатов, пытаясь предотвратить стрельбу.

Стрелы взвились в воздух, и...

Глип взвизгнул, попятился и рухнул набок.

Услышав вопль дракона, все замерли на месте, молча уставившись на зверушку, являя собой воплощение немой сцены из рекламного шоу.

Затем все разом принялись вопить:

— Зачем вы это сделали?!

— Но он же нападал!

— Он не нападал, а хотел поиграть!!

— Вы подстрелили любимую зверушку Скива!

— Вот это да!

— Но мы же не знали!

Все это происходило за моей спиной, поскольку я подбежал к дракону и опустился на колени рядом с Аазом.

— Как он? — спросил я.

Но еще не закончив, я понял, что это очень глупый вопрос. Со своего места я видел торчащую из-под левой лапы любимой зверушки босса стрелу. Команда, которая, как правило, не способна поразить стену амбара, стоя в центре строения, на сей раз ухитрилась сделать один смертельно точный выстрел.

— Плохо дело, — сказал Ааз, не поднимая глаз. — Срочно пошли кого-нибудь за Скивом.

— Нунцио! — крикнул я. — Доставь сюда босса! Живо!

— Глип! — произнес дракон, делая слабую попытку приподнять голову.

— Лежи спокойно, парень, — произнес Ааз на удивление нежным голосом. — Скив скоро будет с тобой.

Я поднялся и направился к ораве переминающихся с ног на ногу делегатов.

— Подойди-ка, Робб, — сказал я, поманив его пальцем.

— Прости, Гвидо, мы же не знали...

— Заткнись! — оборвал я. — Помнишь, что я тебе сказал о разговоре с боссом?

— Да.

— В таком случае забудь. После того, что произошло, вам лучше помолчать. Предоставь это Нунцио и мне.

Мне показалось, что миновала вечность (а на самом деле прошло не более пары минут), прежде чем Нунцио и босс вылетели из дворца. Что касается босса, то эти слова следовало принимать буквально. Но Нунцио мчался по земле с такой — почти смертельной — скоростью, что плывущий по воздуху босс от него отставал. Таким счастливым я никогда босса не видел, его лицо просто лучилось радостью, и это было видно даже издалека.

Это меня здорово удивило.

Удивило меня вовсе не то, что он летел. Всего-навсего один из имеющихся в его распоряжении мелких магических трюков, хотя и пользуется он им не очень часто. Меня пора-

зил его счастливый вид. Это было весьма странно, поскольку ни одно из имевших место событий не могло привести его в столь благостное расположение духа.

Увидев Глипа, он перестал улыбаться, а я понял, что произошло. Нунцио просто вытащил его из дворца, не сообщив, что случилось. Все мои надежды застать босса в хорошем настроении растворились в воздухе вместе с его улыбкой.

В мгновение ока он приземлился рядом со своим драконом и опустился на колени.

— Что с тобой, парень? — донеслись до меня его слова. — Ааз, что с ним случилось?

Ааз покосился в нашу сторону и откашлялся.

— Скив, я... — начал он и тут же осекся, увидев, как напрягся босс.

Великий Скив только что заметил торчащую из бока Глипа стрелу. Гамма чувств, пронесшаяся по его лицу, не обещала ничего хорошего всем тем, кто находился поблизости.

Глип слабо пошевелился, пытаясь приподнять голову.

— Не напрягайся, парень, — сказал босс, и его лицо вновь стало ласковым.

Глип слегка повернул голову и, глядя в глаза босса, еле слышно произнес:

— Скив?

Это отняло у дракона последние силы, и его голова упала на колени босса.

Босс осторожно положил голову любимой зверушки на землю, поднялся на ноги и целую минуту молча смотрел на поверженного Глипа. После этого он перевел взгляд на нас.

За время работы на Синдикат я встречал всего нескольких людей, способных навести на вас страх простым взглядом. Я даже сам пользовался этим, когда того требовала ситуация. Но за всю свою жизнь я не видел такого вгоняющего в страх взгляда, которым одарил нас босс.

— Ладно, — произнес он негромким и до ужаса ровным голосом. — Я желаю знать, что здесь произошло. И немедленно!

Помните, как я сказал, что, когда Нунцио отправился за боссом, мне показалось, что время текло медленно. Так вот, теперь оно почти остановилось... и до того, как кто-то что-то сказал, прошли годы.

Первым нарушить молчание осмелился Ааз:

— Прежде всего... партнер...

— Не сейчас, Ааз, — остановил его босс, не сводя с нас взгляда.

— Как хочешь, — пожал плечами Ааз. — Просто я подумал, что ты захочешь позаботиться о Глипе, прежде чем начинать разборку.

— Позаботиться о Глипе?! — резко вздернул голову босс. — Но разве он не?.. Я хочу сказать...

Ааз наморщил лоб, но мгновение спустя его физиономия прояснилась.

— А, понятно, — сказал он. — Ты решил... — Он даже слегка фыркнул. — Успокойся, партнер. С ним все будет в порядке. Парень просто в отключке от шока и всего такого.

— Но стрела?..

— Драконы — ребята крепкие, — улыбнулся Ааз. — Кроме того, большинство людей не знакомы с их анатомией. Стрела засела далеко от сердца. Как только мы ее извлечем, зверек пойдет на поправку.

Должен честно признать: я принадлежу к числу тех, кто, по словам Ааза, ни дьявола не понимает в строении драконов. Однако это вовсе не повлияло на скорость моих мыслительных процессов.

— Нуунцио! — рявкнул я. — Тащи сюда Машу! И пусть она прихватит мазь, которой лечила мою рану. Осса! Поищи в округе фургон, достаточно большой, чтобы вместить Глипа. Надо доставить его в стойло. Если кто-то начнет отказываться, убеди его. Если не сработает, скажи, что ему придется иметь дело со мной.

Я еще не успел моргнуть, как оба умчались прочь.

— Не могу ли я вам помочь? — спросил один из делегатов, подойдя ко мне.

— Каким образом? — спросил я и напрягся, пытаясь вспомнить, как его зовут. — Ведь вы...

— Таккер, — сказал он. — Я повар. Я слышал, как... зеленый джентльмен сказал о том, что надо удалить стрелу. Я довольно хорошо обращаюсь с ножом и немного знаком с анатомией диких животных... впрочем, если говорить о драконах... то...

— Хорошо. Стой здесь и не рыпайся, пока не появится Маша.

— Маша? — переспросил он.

— Не волнуйся. Как только она прибудет, ты сразу ее узнаешь.

После этого началась рутинная деятельность. Таккер не обманул и удалил стрелу из тела зверушки с минимальной потерей крови. Маша оказалась тут как тут со своей мазилкой, и к тому времени, когда мы приступили к погрузке Глипа в фургон, его рана уже начала затягиваться.

Я еще не совсем отдохнул после погрузочных работ (Глип выступает вовсе не в легком весе), когда ко мне подошел Робб.

— Гвило, — сказал он, — мы с ребятами решили снять пару комнат в постоянном дворе на подходе к замку. Коль скоро все пошло кувырком, думаю, что наша встреча со Скивом может подождать до завтра.

— Скорее всего ты прав, — ответил я. — Но я весьма сожалею. Вам придется ждать, проделав столь долгий путь.

— Вообще-то встреча становится теперь простой формальностью. Я не сомневаюсь, что мы сможем с ним договориться. Должен признать, твои слова нашли полное подтверждение.

— Какие еще слова? — совершенно искренне изумился я.

— О том, что Скив отличный парень и гораздо более разумен, чем мы все полагали. Переговоры для него дело нехитрое, и нас он без труда мог бы облапошить, но мы получили солидные доказательства его глубокой порядочности. — Он помолчал немного, покачал головой и продолжил: — Парнишка был серьезно расстроен тем, что случилось с драконом, и для этого, надо сказать, у него были все основания. Он по-настоящему хотел нам врезать, и никто не смог бы его остановить. Но даже находясь в бешенстве, он прежде всего потребовал объяснений, пожелал услышать нашу версию случившегося. Затем, когда оказалось, что его дракон всего лишь ранен, он целиком отдался заботе о своей зверушке, не помышляя о наказании или мести. Для меня после этого он стал великим человеком!

— Да, он такой, наш босс, — сказал я с легкой улыбкой.

— Кроме того, о человеке многое говорит и то, какие друзья его окружают, — улыбнулся Робб. — Хотя вся ваша коман-

да довольно страхолюдна, если смотреть со стороны, но все равно видно, что все вы ребята славные, беспредельно верные Скиву. Гораздо более, чем того требуют отношения работодателя и служащего. Это очень хорошо говорит о нем... и о вас.

Прежде чем я успел что-то произнести, он протянул руку, которую я охотно потряс. После этого Робб повернулся, чтобы воссоединиться с остальными делегатами.

Глядя ему в спину, я не сразу усек, что кто-то встал со мной рядом.

— О! — сказал я, повернув голову. — Привет, босс.

— Привет, Гвидо. Мне кажется, ты только что собирался поведать мне, что происходит. Давай немного прогуляемся, и ты на ходу мне все расскажешь.

Так я и поступил.

Я рассказал ему обо всем, что мы делали с того момента, когда вернулись с Извра, подвергнув содержание повествования лишь весьма легкому редактированию.

Когда рассказ закончился, он долго хранил молчание.

— Прошу за все прощения, босс, — наконец не выдержал я, желая добиться от него хоть каких-нибудь комментариев.

— Нет, Гвидо, — сказал он. — Это я должен просить у вас прощения.

С этими словами он повернулся и двинулся в сторону конюшни.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Среди моих лучших друзей имеются драконы.

Зигфрид

Великий Скив. Что за дурацкая шуточка!

Если в моей жизни и были моменты, когда я чувствовал себя менее великим, чем сейчас, то я об этом, наверное, запамятовал.

Ирония ситуации заключалась в том, что какой-то час назад я чувствовал себя на вершине мира. Я сообщил короле-

ве Цикуте, что не хочу на ней жениться, и сумел при этом выжить. Я не только остался жив, но и избежал страшной угрозы ее отречения, которое, если бы состоялось, вынудило бы меня управлять королевством в одиночку. Впервые за много месяцев я был полностью свободен от каких-либо обязательств или обязанностей. Я в буквальном смысле чувствовал себя на седьмом небе.

После этого выстрелили в Глипа. Это, в свою очередь, позволило мне узнать, что моя команда решала целую кучу проблем, даже не поставив меня в известность. Мои друзья поставили себя под огонь ради того, чтобы я не тревожился.

Меня очень огорчало сознание того, что отныне я не мог полностью доверять своей команде. Я не мог доверять им хотя бы потому, что они перестали доверять мне и не сообщали честно и открыто о том, что происходит.

Я ощущал некоторую растерянность и чувствовал себя каким-то незащищенным. Так бывает почти всегда, когда на меня одновременно наваливается куча проблем. Поэтому я отправился в конюшню поплакаться на плече Глипа.

Он, естественно, спал. Оправлялся от шока, как сказала Маша. Убедившись, что Глик устроился вполне удобно и что его рана заживает, я снова предался размышлению.

Я люблю конюшню потому, что туда очень редко кто-нибудь заходит. Мне сказали, что людей отпугивает запах, но если вы провели несколько лет в обществе любимого домашнего дракона, от аромата дыхания которого загнулся бы сам могильный червь, амбрे скотного двора и тем более конюшен вас совершенно не тревожит. Одним словом, конюшня — то место, где я могу побывать в одиночестве. Место, где...

— Привет, Скив!

Я даже не обернулся на голос, поскольку сразу его узнал.

— Значит, ты все-таки нашла меня, Банни. Что теперь? Еще куча ведомостей? Неужели Гримбл, представляя бюджет, снова ошибся в десятых долях процента?

Она не ответила, и мне все-таки пришлось повернуться в ее сторону.

Ее формы, как всегда, были великолепны, и их созерцание не могло не доставлять удовольствия. Но в этот момент Банни почему-то смотрела в землю и при этом слегка дрожала.

— Вообще-то, — еле слышно сказала она, — я пришла посмотреть, как чувствует себя Глип, и вовсе не хотела тебе мешать. Оставляю тебя в одиночестве, а на Глипа взгляну позже.

С этими словами она повернулась, чтобы уйти.

— Постой, Банни! Прости меня. Я вовсе не хотел на тебя рычать. Это... Просто день выдался тяжелый. И все.

Банни остановилась и, стоя спиной ко мне, спросила:

— Так ты хочешь, чтобы я ушла, или нет?

— Да. Нет. Не знаю, — заикаясь, произнес я. — Я настолько вывернут наизнанку, что действительно ничего не знаю.

— В этом, видимо, и заключается суть проблемы, не так ли? — спросила она, поворачиваясь наконец ко мне лицом. — Если ты не знаешь, чего хочешь, как, по-твоему, об этом могут знать другие?

— Это еще не все, — сказал я. — Теперь я даже не знаю, кому можно доверять.

— Неужели только потому, что Гвидо, Нунцио и прочие затеяли крошечную операцию, не поставив тебя в известность?

— Ты, выходит, слышала об этом? — спросил я, а когда на меня вдруг накатило озарение, добавил: — А может быть, ты знала об этом с самого начала?

— Если честно, то я об их предприятии ничего не знала. Они, видимо, решили, что я почувствую себя обязанной поставить тебя в известность.

— Это греет душу.

— Неужели? — сказала она. — Хочу быть до конца честной с тобой, Скив. Если бы они включили меня в свою компанию, я бы их планы поддержала.

— Неужели?

— Вот именно, Скив. Все эти заморочки с королевой Цикутой и государственными финансами уже скрутили тебя в тугой узел. Новые проблемы могли тебя просто доконать.

— Понимаю, — протянул я. — А я-то думал, что кто-то, а ты, Банни, уж точно окажешься на моей стороне.

— С какой поры у нас появились «стороны», Скив? — со вздохом спросила Банни. — Как мне кажется, мы все — одна команда. Ты, слuchаем, об этом не забыл?

— Не забыл. Но...

— Боюсь, что в последнее время ты перестал прислушиваться к себе, Скив, — продолжила Банни. — Помнишь то время, когда я впервые здесь появилась? Тогда ты едва не открутил мне голову, поскольку опасался, что я навалю на тебя дополнительные заботы. А теперь ты страшно расстроен тем, что Гвидо и Нунцио избавили тебя от гнета лишних забот. Ты ощущаешь растерянность? Если да, то ты не одинок. Все остальные чувствуют себя точно так же.

— Нет... Я просто не могу сейчас ни на чем сосредоточиться.

— Я это заметила, — сказала она, поворачиваясь, чтобы уйти. — Короче, когда ты в себе разберёшься или пожелаешь с кем-нибудь поговорить, дай мне знать. До этого, я полагаю, мне не стоит перед тобой маячить.

— Банни... — начал я, но она уже ушла.

Потрясающие!

Я привалился спиной к загону Глипа и дал полную свободу мыслям.

Ко всем моим проблемам добавилась еще одна — я огорчил Банни. Я даже несколько удивился, осознав, насколько это меня задело. Когда ее дядюшка подоспал ее ко мне в качестве своего тайного агента, она вела себя так круто, что в ее присутствии я чувствовал себя несколько неуверенно. Да что там неуверенно! У меня от страха поджилки тряслись. Однако по прошествии времени Банни превратилась в мою личную помощницу и доверенное лицо. При этом она продемонстрировала такую компетентность и эффективность, что стала совершенно незаменимым членом команды. Я глубоко уважал ее и отчаянно желал лишь того, чтобы она испытывала по отношению ко мне столь же глубокое уважение.

— Банни... права.

Я взглянул на Глипа и увидел, что зверек смотрит на меня.

— Глип! — сказал я. — Как ты, парень? Ты выглядишь лучше и... неужели это ты сказал?

Я припомнил, что, прежде чем потерять сознание, он произнес мое имя, удвоив таким образом свой лексикон. В

тот момент это произвело на меня сильное впечатление. Но сейчас...

— Банни... права, — повторил он.

— Постой, Глип, — сказал я. — Значит, ты и вправду умеешь говорить? Почему же ты до сих пор молчал?

— Тайна, — сказал он, изогнув шею и посмотрев на дверь. — Тайна... хранить?

— Конечно, я сохраню это в тайне, — ответил я. — Но... погоди. Что значит твое «Банни права»?

— Друзья... любить... Скив, — произнесла моя зверушка. — Скив... нет... счастливый. Друзья... пытаться... делать... счастливым. Нет... знать... как...

Может быть, в этом была виновата его прерывистая речь или простота выражения, но мне показалось, что в словах дракона таится глубокий смысл. Он сумел суммировать все то, о чем твердят мне многие люди. Не имея от меня никакой информации, члены команды пустились во все тяжкие, стараясь найти способ сделать меня счастливым. Все действия моих друзей явились результатом их собственной интерпретации сложившейся ситуации. Я же в свою очередь смотрел на их действия, не понимая, что они делают, и...

— Постой-постой, Глип, — сказал я. — Все те «несчастные случаи», которые возникали с тобой... Имеют ли они отношение к тому, что ты только что мне сказал?

— Глип, — произнес он и принялся жевать лапу.

— Ну уж нет, — ухмыльнулся я. — Образ «тупого зверя» со мной больше не сработает. Отвечай на вопрос.

Дракон пристально посмотрел мне в глаза и произнес:

— Скив... нет... счастливый. Глип... любить... Скив.

Если прежде мои мысли кружились в беспорядке, то теперь они начали накручивать мертвые петли.

— Но, Глип, я просто не знаю, что может сделать меня счастливым, — жалобно пролепетал я.

— Говорить... Ааз.

— Что?

— Говорить... Ааз, — повторила зверушка. — Ааз... помогать.

Говоря по совести, это был отличный совет. Ааз был моим учителем и наставником задолго до того, как взял меня в партнеры. Он прожил несравненно дольше, чем я, повидал

гораздо больше и вот уже несколько лет делал все, чтобы мне было хорошо.

— Отличная мысль, Глип, — сказал я. — Но поскольку мы уже беседуем...

— Говорить... Ааз, — повторил дракон еще раз. — Глип... теперь... спать. Больно.

С этими словами он положил голову на пол, вздохнул и смыкнул веки.

Поскольку любимый зверек сумел столь эффективно от меня избавиться, мне оставалось одно: отправиться на поиски Ааза.

Шагая по двору, я настолько погрузился в свои мысли, что не замечал ничего, что меня окружало. Но если я ничего не видел, это вовсе не означало, что другие не видели меня.

— Привет, Скив! Как там дракон? — спросила стоявшая в тени стены Пуки.

— Глип? Думаю, Пуки, что с ним будет полный порядок. Спасибо за внимание.

— Не мог бы ты уделить мне для разговора хотя бы минуту? Я знаю, что ты занят, но...

Конец фразы повис в воздухе.

— Почему нет, если ты не возражаешь против беседы на ходу.

— Мне хочется потолковать с тобой, поскольку все более или менее пришло в норму, — произнесла Пуки, стараясь попасть со мной в шаг. — Это правда, что проблема с королевской решена? По крайней мере я так слышала...

— Да, это правда, — ответил я, выдавив натужную улыбку. — Мне удалось сорваться с крючка. Выяснилось, что вся история с отречением и угрозой передать мне управление королевством — полнейший блеф. Я по-прежнему холост, а она заправляет в Поссилтуме.

— Ясно, — протянула она. — В таком случае мне, по-моему, самое время линять отсюда.

— Это почему же? — спросил я, замедляя шаг.

Если по совести, то во всей этой заварухе я совсем не думал о Пуки и о ее дальнейшей занятости. В отличие от меня она, видимо, об этом подумала.

— Пора, — сказала она. — Ведь я торчала здесь только потому, что никто не знал, как отреагирует королева, если ты отвергнешь ее домогательства. Теперь, когда горизонт прояснился, я не вижу здесь для себя дел. Гвидо и Пунцио со всем прекрасно справляются.

— Не знаю, Пуки, — ответил я. — Я пока не имел возможности переговорить со всей командой, но не сомневаюсь, что они с радостью примут тебя в качестве полноправного члена Корпорации М.И.Ф. Во всяком случае, лично я не вижу причин для возражений.

— Я размышляла об этом, — сказала она. — Не обижайся, но, думаю, это не для меня. Я свободный художник и получаю удовольствие, прыгая из измерения в измерение. Для оседлой жизни и постоянной работы я пока не созрела. Кроме того, у меня появилась партнерша. Я хочу обучить ее кое-каким трюкам и дать возможность созреть до того, как она обратится к тебе с просьбой включить ее в вашу команду.

Я обратил внимание на ее слова «партнерша» и «она». Ведь здесь, на Пенте, она встречала очень мало людей, а женщин и того меньше. Маша собиралась вот-вот сочетаться браком, а королева Цикута ни с кем не корешила. Поскольку эти две отпадали, оставалась только Банни.

— Новая партнерша? — спросил я. — Я с ней знаком?

— Не знаю, насколько хорошо, — ответила она. — Но это — Осса, если тебе действительно интересно.

Узнав, что это не Банни, я ощутил странное облегчение, однако ее ответ поставил меня в тупик.

— Осса? — задумчиво произнес я. — Тот армейский парень, которого я направил разобраться со сбором налогов? Значит, он женщина? Я хочу сказать...

— Теперь я поняла, что ты не очень хорошо с ней знаком, — рассмеялась Пуки. — Она женщина, Скив, можешь мне поверить. Я знаю разницу.

— Итак, теперь ты с ней работаешь в паре, — пытаясь скрыть смущение, торопливо произнес я. — И когда же это началось?

— Мы вместе расследовали бандитские налеты на сборщиков налогов и понимали друг друга с полуслова, — ответила она. — Девочка еще слегка сыровата, но потенциал у нее

огромный. И потенциал этот реализуется, если кто-то не поленится с ней поработать.

Эти слова почему-то напомнили мне мои первые дни в обществе Ааза. Несмотря на то что дела в последнее время приняли скверный оборот, я иногда все же позволял себе предаться ностальгическим воспоминаниям о тех временах.

— Что ж, если ты приняла решение, я не вижу причин возражать, — сказал я. — И когда же ты нас покинешь?

— Мне потребуется день-другой, чтобы выдернуть ее из армии, — ответила Пуки. — После этого мы сможем решать, что делать дальше. Нет ничего лучше, чем принадлежать самой себе и строить свои планы.

— Не забудь зайти попрощаться, — сказал я. — Если я ничем не могу тебе помочь, то дополнительного вознаграждения ты по крайней мере заслуживаешь.

— Очень мило с твоей стороны, Скив, — улыбнулась она. — Должна сказать, что ты очень славный парень. Честный и порядочный. Мне будет тебя не хватать. Сообщаю это сейчас — на случай, если не смогу сделать этого позже.

Она развернулась на каблуках, и мы разошлись по своим делам.

Хотя мы работали вместе недолго и не были близки, ее уход представлялся мне существенной потерей. Пуки успела стать частью команды, и команда без нее будет совсем иной.

Сразу после бракосочетания Корпорацию покинет Маша.

Интересно, какие иные изменения произойдут после того, как мы завершим все дела в Поссилтуме?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

А я так рассчитывал на добрый отеческий совет.

И. Христос

-Входи, партнер, — сказал Ааз, подкрепляя жестом руки устное приглашение. — А я уже начал себя спрашивать, когда же ты ко мне заскочишь.

Не ожидая дальнейшего приглашения, я небрежно захлопнул за собой дверь и плюхнулся в единственное в комнате кресло.

— Может, выпьешь что-нибудь? Или ты еще весь в делах?

Я предпринимал попытки немного подсократить выпивку, но в этот момент идея промочить горло показалась мне вполне плодотворной.

— Немного вина было бы в самый раз, — сказал я.

— Сейчас. — И Ааз направился к подносу, на котором он постоянно держал глиняные кувшины с вином и несколько бокалов. — Как там Глип?

— Выздоравливает с потрясающей быстротой. Мазь, которую Маша наложила на рану, действует очень эффективно.

— Я же говорил тебе, что драконы — ребята крепкие, — улыбнулся Ааз, передавая мне бокал с вином. — Они оправляются быстро даже без магической помощи. И звери эти, надо сказать, очень хорошо соображают. Разве я не говорил тебе, что, когда этот урод поднял лук, Глип меня прикрыл? Для этого ему пришлось даже прыгнуть. Приняв на себя стрелу, он, возможно, спас мне жизнь.

— Я этого не знал.

— В таком случае поверь мне на слово, — покачивая головой, продолжил Ааз. — Он действительно это сделал, и я чувствую себя довольно скверно. Понимаешь, с момента его появления я занимался только тем, что всячески поносил его, а он становится передо мной, когда начинается стрельба. Я должен принести ему извинения, но, к сожалению, не знаю, как просить прощения у драконов.

Я сразу вспомнил, что Глип умеет говорить, но обещание есть обещание, и я решил сохранить свое открытие в тайне даже от Ааза.

— Просто выбери время, чтобы сказать ему несколько ласковых слов. Думаю, что интонацию он чувствует, даже не понимая точного смысла слов.

— Ты так думаешь?

— Уверен, — ответил я, потягивая вино. — Я только что навещал его в конюшне и не сомневаюсь, что он понял, что я хотел ему сказать.

— В конюшне, значит? — улыбнулся Ааз. — Я почему-то так и подумал.

— Вот как?

— Да. Ты всегда отправляешься туда, когда чем-то огорчен и хочешь как следует поразмыслить.

Оказывается, мое тайное убежище не такое уж и тайное.

— Да. Я действительно был огорчен, — с вызовом произнес я. — Даже ты должен признать, что на сей раз у меня имелись на то веские причины.

— Не буду спорить, — пожал плечами Ааз. — По правде говоря, я поражен тем, насколько быстро ты смог прийти в себя. Я обратил внимание, что, говоря о своем настроении, ты использовал прошедшее время.

— Как ты сказал, я все хорошенько продумал.

— Могу ли я поинтересоваться, к каким выводам ты пришел? Или это будет с моей стороны нескромностью?

— Что же, — начал я, медленно потягивая вино. — Есть пара вещей, на которые кое-кто обратил мое внимание. Поразмыслив, я решил, что эти люди правы. Во-первых, мне сказали, что я несчастлив, и добавили, что я буду пребывать в этом состоянии до тех пор, пока самостоятельно не решу, что сможет сделать меня счастливым. Это во-вторых. А в-третьих, я довел себя и всех тех, кто меня окружает, до легкого умопомешательства.

— Браво! — воскликнул Ааз, слегка хлопнув в ладоши. — Даже я не смог бы изложить это лучше. Кто тот гений, который ухитрился вложить в тебя эти мысли?

— Генерал Плохсекир, — ответил я, улыбаясь. — Правда, для этого ему пришлось отвесить мне хороший пинок в зад. В самом что ни на есть буквальном смысле.

— Великолепно, — ухмыльнулся Ааз. — Этот педагогический прием следует взять на вооружение. Продолжай.

— Пытаясь во всем разобраться, я твердо усвоил, чего не хочу делать. Я, например, не хотел жениться на королеве Цикуте, и это нежелание само по себе было достаточным основанием для отказа от брака. То же самое справедливо и в отношении управления королевством в случае ее отречения... Что она, между прочим, делать вовсе и не собиралась. Одним

словом, я понял, что если я что-то действительно не хочу делать, то делать этого не обязан. Я слишком долго позволял себе действовать под давлением внешних обстоятельств. Реагировал на то, что хотят или ждут от меня другие, вместо того чтобы действовать так, как хочется мне самому.

— И снова не смею спорить, — заметил Ааз. — Продолжай.

— В этом и состоит суть проблемы, — слегка понурившись в кресле, произнес я. — Я никак не могу решить, чем же все-таки хочу заняться... и что может сделать меня счастливым. Поэтому я здесь. Хочу позаимствовать толику твоей легендарной мудрости и получить отеческий совет. Итак, скажи мне, о мудрый Ааз, что мне делать?

Ааз отпил вина из своего бокала, покачал головой и ответил:

— Прости, партнер, но на сей раз я ничем не могу тебе помочь.

Я от изумления вначале заморгал, а затем весь мир перед моим взором обрел багровые тона. Вся накопившаяся во мне бессильная ярость и внутреннее напряжение выплеснулись наружу, и я даже не пытался их обуздить.

— Вот, значит, как?! — завопил я. — Когда я после стольких лет недовольного ворчания и тошнотворных нравоучений прихожу к тебе с жизненно важным вопросом, то слышу в ответ: «Прости, партнер, я не могу тебе помочь»?!

Я поднялся на ноги, со стуком поставил бокал на стол и прошипел:

— Прости за беспокойство!

— Сядь, Скив, — спокойно произнес Ааз. — Нам есть о чем поговорить.

— Поговорим позже, — ледяным тоном ответил я. — А сейчас я остро нуждаюсь в прогулке на свежем воздухе. — И направился к двери.

— Мы поговорим сейчас, — донеслись до меня слова Ааза.

Я продолжал движение к двери, небрежно отмахнувшись от своего так называемого партнера.

— А Я ГОВОРЮ ТЕБЕ, ЧТО МЫ БУДЕМ БЕСЕДОВАТЬ СЕЙЧАС!!!

Подобного тона у Ааза я прежде не слыхивал, и это вынудило меня остановиться.

Я повернул голову и увидел, что он стоит, напрягшись и сжав кулаки. Создавалось впечатление, что он лишь огромным усилием воли удерживает себя от того, чтобы на меня не броситься. Его зеленая чешуя сделалась темно-зеленою, а золотистые глаза в буквальном смысле извергали пламя.

Я смотрел на него, а перед моим мысленным взором мелькали картинки прошлого. Я увидел Ааза в тот момент, когда он предлагал мне стать его учеником. Затем передо мной предстал Ааз, только что узнавший, что я купил Глипа. А этого Ааза сменил Ааз, увидевший, что я после матча в драконий покер притащил домой Живоглота. Словом, передо мной мелькали его образы в те, увы, нередкие моменты, когда я проявлял невежество, что-то делал не так или путался в простейшей магии. Я увидел Ааза и в те секунды, когда он во время Большой игры встал на пути готового растоптать меня гигантского жука, и вспомнил выражение его лица перед тем, как он согласился покинуть Извр, чтобы отправиться со мной на Пент.

По мере того как один образ сменял другой, мой гнев сходил на нет.

— Хорошо, поговорим сейчас, — спокойно сказал я, подошел к креслу и занял прежнее место.

Аазу, чтобы прийти в себя, времени потребовалось больше. Несколько секунд он стоял, тяжело дыша, затем одним глотком осушил свой бокал и снова наполнил его из кувшина.

— Прости, партнер, — сказал он все еще несколько напряженным голосом, — похоже, ты по-прежнему способен пробить мою чешую. А ведь казалось, что за все эти годы я уже привык к твоим выходкам. Я пытался обучать тебя изо всех сил, но порой ты решительно отказывался меня слушать.

— Я слушаю тебя, Ааз, — ответил я.

Он набрал полную грудь воздуха, медленно выдохнул и сел.

— Верно, — сказал он. — Но боюсь, что и на сей раз ты не все уловил. Ведь я же не говорил, что *не хочу* тебе помочь. Я сказал, что *не могу* этого сделать. И никто не сможет. Никто не скажет тебе, чего именно ты хочешь и что может сделать тебя счастливым. Ты — единственный, кто способен ответить на этот вопрос. Если кто-то явится к тебе с готовым

ответом и если ты этого человека послушаешься, то сразу вернешься к точке, с которой начал... то есть станешь поступать в соответствии с чужим мнением.

В словах Ааза было много смысла. Они проливали свет на те сомнения, что в последнее время преследовали меня.

— Теперь я, кажется, все понял, — кивнул я. — Проблема в том, что легкого ответа здесь быть не может.

Ааз продемонстрировал множество зубов в одной из своих самых лучших улыбок.

— Небольшой совет — это то единственное, что я, партнер, могу для тебя сделать.

— Я это очень ценю, — искренне ответил я.

Он помолчал немного, а затем кивнул, словно соглашаясь с самим собой.

— Тогда слушай. В Поссилтуме мы свои дела практически закончили и вполне могли бы вернуться на Базар. Однако здесь нас удерживает бракосочетание Маши.

Ааз поднял бокал и прикоснулся его краем к моей посудине.

— Так вот, что я хочу тебе предложить. Возьми отпуск сам и отправь на отдых всю команду. В ближайшее время дел у них не будет. Брось всякую работу. Никакого напряжения. Больше того, спрячься где-нибудь от нас всех. Поброди по королевству, пусть даже для этого придется сменить личину. Посиди под деревом на берегу реки. У тебя появится масса времени на размышления, от которых тебя никто не станет отвлекать. Затем — после бракосочетания Маши — мы еще раз потолкуем.

Я задумался. Что касается отпуска, то сам бы я до этого ни за что не дорубил. Но чем больше я об этом размышлял, тем больше мне это нравилось. Какой-то кусок времени на раздумье без гонки и напряжения... Вреда от отдыха определенно не будет, а пользу он принести может. Глядишь, и удастся что-то придумать.

— Прекрасная мысль, Ааз, — сказал я, поднимая в приветственном жесте бокал. — Спасибо. Думаю, попытаться стоит. Если ты возьмешь на себя труд известить остальных, то уже сегодня вечером я уезжаю в отпуск.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Что за свадьба без арии?

Фигаро

Мне никогда не доводилось присутствовать на свадьбе, поэтому церемонию бракосочетания Маши ни с чем сравнить не могу. Но несколько человек мне доверительно сообщили, что надо обеятьать по меньшей мере полмира, чтобы найти нечто такое, что превосходило бы торжество в Пос- силтуме.

Как непосредственный участник церемонии я, естественно, получил место в первом ряду, откуда и наблюдал за грандиозным представлением. Как и обещал генерал, мне была отведена роль посаженного отца, передававшего Машу в лапы супруга. Когда разрабатывался сценарий церемонии, я был в отпуске и поэтому не слишком удивился, увидев, что пост шафера занял Большой Джули.

Сыграв свою роль — что произошло в самом начале церемонии, — я предался наблюдениям. Как я уже успел упомянуть, с процедурой вступления в брак я был знаком довольно слабо, тем не менее мне показалось, что указанная процедура продолжалась гораздо дольше, чем можно было предположить.

Видимо, я был не одинок в своих ощущениях, поскольку слышал, как какая-то пара недовольно брюзжит по поводу чрезмерной продолжительности обряда. Их со смехом утишили, что шоу будет длиться до тех пор, пока не запоет Маша. В тот момент я ничего не понял, ведь по плану пение невесты не предусматривалось. Развлекать таким образом гостей Маша не собиралась. Лишь позже, задним числом, я осознал, что скрывалось за этой низкой шуткой, и порадовался своему невежеству. Если бы я тогда знал то, о чем узнал позже, я вполне мог как следует врезать щутникам, невзирая на всю торжественность церемонии. Кроме того, я также выяснил впоследствии, что в некоторых культурах подобное, с позволения сказать, «пение» не только приемлемо, но, напротив, с нетерпением ожидаемо.

Хотя с этой стороной дела я был знаком крайне слабо, об общем ходе церемонии я имел достаточно полное представление, поскольку присутствовал при предварительном ее планировании. Однако к чему я оказался совершенно не готов, так это к последовавшему за бракосочетанием приему.

Формально прием проходил во дворе замка — во дворце не оказалось помещений, способного вместить всех гостей. Однако до меня дошло, что празднество разлилось и на прилегающие к дворцу улицы, ибо счастливое народонаселение учинило себе незапланированный выходной. Единственным заметным исключением были владельцы таверн и разного рода забегаловок, вовсю пользовавшиеся свалившимся на них счастьем. Весь день с утра до позднего вечера превратился для них в сплошной деловой бум.

Меня совсем не удивило, что на свадьбу генерала явилась значительная часть личного состава нашей армии — ведь Плохсекир провел под знаменами Поссилтума многие годы. Однако участие в тусовке довольно большого числа выдающихся личностей, во время официальной церемонии мною не замеченных, не могло не вызвать моего удивления.

Прием почтил своим присутствием наш добрый крестный отец Синдиката Дон Брюс. Явился он, естественно, не один, а в сопровождении небольшого контингента своих лучших кадров. Эти кадры большую часть времени стояли в стороне, наблюдая за толпой, лишь иногда вступая в беседу с Гвидо или Нунцио и уж совсем изредка с Банни.

Робб и его друзья из «Герба Шервуда» тоже были здесь. Мы пришли к соглашению о том, что Королевский охотничий заказник отныне должен стать общедоступным парком, и мне даже удалось выбрать из Гримбла деньги, чтобы выплачивать небольшие суммы рейнджерам-смотрителям, которыми, естественно, стали Робб и компания. Они все оказались хорошими ребятами и постоянно навещали Глипа, чтобы порадовать его разными лакомствами. Я даже начал опасаться, что любители стрельбы из лука окончательно испортят моего зверька.

Но больше всего меня удивило присутствие народа с Базара-на-Деве. Тананда, видимо, объявила, что офис Корпорации М.И.Ф. временно закрывается, и весть об этом распространилась по всему Базару. Завсегдатаи Базара слышали, что обитатели измерения Пент (или по крайней мере этой его части) знакомы с демонами, и явились на праздник, не позабывшись сменить личину. Правда, другие участники празднества старались держаться от них подальше, однако никаких проявлений враждебности я не заметил. Впрочем, мне было бы очень интересно узнать, сколько еще демонов, сменив личину, сумели раствориться среди гостей.

Так или иначе, на приеме царил радостный, праздничный дух, и мне было приятно наблюдать за происходящим, стоя у стены и лениво потягивая вино. Время от времени кто-то из проходивших перебрасывался со мной парой слов, но в основном я был предоставлен самому себе в качестве заинтересованного наблюдателя. В центре внимания гостей были иные лица и события, что меня устраивало как нельзя больше.

— Иногда приятно отойти от рампы ближе к кулисам, верно?

Я обернулся и увидел королеву. Цикута стояла рядом со мной, облокотившись о стену. Теперь вы можете представить царившую во дворе замка обстановку, если королеве удалось подойти ко мне незамеченной.

— Забавно, — улыбнулся я. — Я как раз об этом подумал.

— Это была симпатичная церемония, — сказала она. — У тебя, случайно, не возникло желания передумать? Относительно тебя и меня?

Пару недель назад, услышав эти слова, я ударился бы в слепую панику. Что, по правде говоря, и произошло не так давно. Однако теперь я лишь одарил ее печальной улыбкой:

— Бросьте, ваше величество. Сдается мне, что это мы уже проходили.

— Знаю, — с широкой ухмылкой сказала она. — Но почему бы девушке еще раз не попробовать? Осуждать ее за это никак нельзя.

— Это была действительно хорошая церемония, — сказал я. — И меня радует, что Маше не пришлось развлекать публику.

— Развлекать публику? — переспросила Цикута, склонив голову. — О чём это ты?

Я рассказал ей о тех словах, которые случайно подслушал во время церемонии.

— Так вот, значит, ты о чём? — сказала она, чуть ли не шепотом. — Окажите мне услугу, лорд Скив. Если вы случайно увидите здесь этих людей, покажите их мне.

— Хм-м... конечно. Но зачем? Если мне позволено спросить.

— Ну... скажем, потому... что я очень полюбила Машу, когда мы вместе готовили это замечательное событие, — улыбнулась королева Цикута. — Да, кстати. Я обдумала твою идею, и чем я больше думала, тем больше она мне нравилась.

Поскольку Корпорация М.И.Ф. свою деятельность в Поссилтуме сворачивала, я рекомендовал ей взять на пост королевского чародея Машу.

Я вознамерился было что-то сказать, но Цикута мне не дала.

— Ох! Мне надо бежать! — воскликнула она. — Невеста сейчас будет кидать букет! Не хочу упустить свой шанс.

И она стала пробиваться сквозь толпу. Не скажу, что она бежала, но ее аллюр, как мне казалось, не совсем соответствовал королевскому статусу.

То, что случилось после, было захватывающим и в то же время не совсем понятным для меня зрелищем. Маша собрала вокруг себя внушительную толпу молодых женщин, включая Банни, Тананду и королеву Цикуту. Затем демонстративно повернулась к ним спиной и швырнула букет через плечо в самый центр толпы. Возникшая после этого потасовка была зрелищем не для слабонервных.

— Я сражался с армиями, я противостоял демонам, — послышался голос. — Но если бы мне предложили участвовать в этой кошачьей свалке, я немедленно подал бы рапорт об отставке.

— Привет, генерал, — улыбнулся я. — Почему бы вам не подумать о том, чтобы призвать их в армию? Должен согласиться, они внушают ужас.

— Я обдумаю твое предложение, лорд Скив, если нам удастся в ближайшем будущем остановить эту междоусобицу и обратить их мощь против врагов, — со смехом ответил Плохсекир. — Да, кстати, мне кажется, во время последней встречи мы договорились забыть о «генерале». Просто «Хью».

— Извини, Хью. Старые привычки умирают медленно. Прими мои поздравления на случай, если нас разлучит толпа.

— А ты, лорд Скив, прими мою искреннюю благодарность. Мы многим обязаны тебе как люди, как пара и как королевство.

— Я просто делал что мог, — пожал я плечами. — И очень жалею, что иногда действовал чересчур неуклюже.

— Вообще-то, — сказал Хью, — я говорил о нескольких последних годах в целом. Но поскольку я вижу, что эта тема тебя смущает, я ее оставлю. Друзья не должны приводить друзей в смущение, особенно в такие дни, как этот.

— По правде говоря, я никогда с самого первого дня появления в Поссилтуме не чувствовал себя так хорошо, как сейчас, — ответил я. — Однако все равно очень высоко ценю твою заботу.

— А вот и ты! Крошка моя!

Маша вырвалась из толпы, чтобы заключить меня в свои безмерные объятия.

— Ах, Скив! — прошептала она поразительно нежно по сравнению с обычно присущим ей низким гулом. — Я так тебе благодарна! За все. Я никогда не была так... Ну вот, опять...

Она склонила голову мне на плечо, и по ее щекам потекли слезы.

Хью, вытянув шею, посмотрел на меня и подмигнул.

— Пойдем, любовь моя, — ласково произнес он, поглаживая ей спину. — Нам не следует бросать гостей. Они ждут, когда мы откроем бал. Ведь мы же с тобой — первая пара.

— Верно, — сказала Маша, выпрямляясь и вытирая глаза. — Не уходи, Скив. Нам хочется выпить с тобой еще, до того как кончится это безумие.

Я следил, как они растворяются в толпе, не сразу поняв, что смотрю им вслед с отеческой улыбкой.

Они просто светились счастьем. Они поняли, чего хотят, и, смело двинувшись к своей цели, достигли ее. Никаких извинений. Никаких попыток узнать мнение других людей...

Но самым любопытным во всей этой истории было то, что в данный момент я тоже чувствовал себя абсолютно счастливым.

Ааз попал в точку. Отправившись в отпуск, я получил столь необходимое время на то, чтобы привести в порядок мысли и продумать возможные варианты дальнейших действий. По прошествии всех этих лет я наконец понял, чего хочу.

Теперь мне предстояло известить об этом команду на общем собрании членов Корпорации М.И.Ф. Собрание было назначено на завтра.

— Когда же наконец начнется огненная потеха? — прервал мои размышления чей-то грубоый голос.

Подняв глаза, я увидел перед собой крупногабаритную юную даму. Дама стояла, уперев руки в боки, и взирала на меня с явно недовольным видом.

— Огненная потеха? — переспросил я. — Я не слышал, что здесь готовится потеха подобного рода. Если не считать той свалки, которую несколько минут назад устроили дамы в борьбе за букет.

— Нет, я имею в виду всякие-разные ракеты и все такое прочее. Гэндалльф выдавал те еще представления, когда принимал участие в тусовках.

— Боюсь, что не имею счастья быть знакомым с упомянутым вами джентльменом. Что же касается ракет и всего такого прочего, то они не планировались.

— Значит, Робб был прав, — заявила она, покусывая губы. — Вы ведь чародей довольно хилый, так?

Эта особа начинала вызывать у меня раздражение, но, выдерживая праздничный дух, я делал все, чтобы остаться в рамках приличий.

— Робб? — переспросил я. — Господин из «Герба Шервуда»?

— Точно. Мы толковали с ним в «Бунгало Таки», и он настаивал на том, чтобы мы не рассматривали вас как злую силу и не принимали против вас никаких мер.

— Это несколько утешает, — заметил я.

— Поскольку мы отказались от дальнейших действий, я возвращаю вам вот это.

Порывшись в своей поясной сумке, юная особа извлекла из нее какой-то небольшой, завернутый в тряпицу предмет и протянула сверток мне.

— Что это? — спросил я, демонстративно пряча за спиной руки.

— Это кольцо, которое, в некотором роде, исчезло из вашей комнаты, — сказала она, сопровождая свои слова пожатием плеч. — Палец и все такос прочее. Он стал немного фиолетовым после того, как мы несколько раз бросали его вulkan.

На сей раз я совершенно точно знал, что следует делать и чего не следует. Я знал, что не следует требовать объяснений или принимать от нее кольцо.

— Вообще-то, — небрежно бросил я, — эта вещица не моя. На самом деле она принадлежит королеве.

— Королеве?

— Да. Королеве Цикуте. Вон она, — указал я на мою несостоявшуюся супругу. — Будет гораздо лучше, если вы вручите кольцо непосредственно ей. Не сомневаюсь, что она вас достойно вознаградит.

— Ну что ж, коли так... — протянула юная особа. — Спасибо за подсказку. — И, повернувшись на каблуках, отправилась на randevu с королевой.

Я провел ладонью по лицу, чтобы скрыть улыбку. Празднество становилось все более и более захватывающим.

В этот момент я увидел, что неподалеку от меня стоит Дон Брюс. Поймав его взгляд, я отклеился от стены и двинулся к нему.

До начала общего собрания членов Корпорации М.И.Ф. мне следовало обсудить с ним пару важных вопросов.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

*Думаю, вам хочется знать, за-
чем я вас сюда пригласил.*

Д. Макартур

Когда я вступил в помещение, все участники были в сборе. Ааз, как всегда, примостился на подоконнике. Гвидо и Нунцио заняли места в дальнем конце стола, Коррш и Тананда сидели с ними рядом. Банни расположилась на некотором расстоянии от остальных. Перед ней лежал раскрытый блокнот: моя помощница была готова делать заметки. Отсутствовала лишь Маша, что, с учетом известных обстоятельств, было вполне объяснимо и простительно. Кроме того, она уже успела сообщить нам, что выходит из Корпорации, а собрание посвящалось будущему организации.

До свадьбы и сразу после нее у меня была возможность поговорить с членами команды — но лишь с немногими, да и то без подробностей. Атмосфера в комнате была пропитана духом нетерпеливого ожидания. Все знали, что затевается нечто важное, но никто не знал, что именно.

Я занял место во главе стола и некоторое время молча осматривал помещение, стараясь каждому из присутствующих заглянуть в глаза.

— С какой бы стороны мы ни посмотрели на наши дела, — начал я, — это была та еще работенка.

Ответом мне были улыбки и разного рода радостные гримасы.

— Более того, эта работа даже не оплачивалась. Однако в конечном итоге мы получили значительную прибыль. — Я бросил многозначительный взгляд на Ааза. — Но, если вы припомните, начинали мы задарма. Меня беспокоило то, что делала королева Цикута в Поссилтуме, тем не менее я был обязан прибыть в Извр, чтобы оказать помощь Аазу. В итоге я попросил команду постоять за меня. И это снова не было работой. Вы просто оказывали мне услугу.

Наши расследования вылились в серию событий, вызвавших у многих из нас стресс. В некоторых случаях мы даже

подвергались смертельной опасности. Несмотря на это, к тому времени, когда мы прибыли сюда, ситуация уже была под контролем.

Вернувшись, мы наконец поняли, что задумала королева Цикута. И снова ее желание как взять меня в мужья, так и решить с моей помощью финансовые вопросы королевства были чисто моими проблемами. Тем не менее команда вступила в дело, помогая мне по всем вопросам — включая те, о которых я в то время не имел ни малейшего представления. В итоге мы победили — где силой, где хитростью, а где, увы, и банальным жульничеством.

На некоторых лицах расплылись улыбки, однако часть моих соратников смотрела на меня, как мне казалось, сурово.

— С другой стороны, — продолжил я, — наша деятельность породила у меня сомнения, вопросы и даже проблемы. Одна из них настолько повлияла на мои способности к здравым суждениям и разумным поступкам, что вам приходилось действовать в обход меня... а в некоторых случаях даже за моей спиной. Меня же постоянно мучил вопрос: «Чего я хочу?»

Я посмотрел на Ааза и слегка склонил голову.

— Но, как сказал мой партнер и наставник, на этот вопрос никто, кроме меня самого, ответить не может. Это то, что я должен решить сам. Поэтому все время предшествовавших бракосочетанию Маши каникул я посвятил поиску ответа на этот вопрос. Мне пришло изрядно поломать голову, но я все же нашел решение.

Я глубоко вздохнул и на несколько секунд задумался. Теперь, когда я вплотную подошел к причинам, побудившим меня созвать это собрание, я почему-то затруднялся их назвать.

— Когда я впервые встретился с Аазом, мой учитель магии был злодейски убит, а по нашему следу шла пара убийц. Наши жизни в то время напрямую зависели от того, смогу ли я воспользоваться магическими приемами.

Когда я в этом преуспел — хотя и в самых минимальных масштабах, — Ааз продолжал меня учить магическому искусству. Но эти уроки вытекали лишь из конкретно возникаю-

ших ситуаций. В большинстве случаев я должен был оказывать помощь нашим друзьям, но иногда мы использовали магию, чтобы обеспечить себе хотя бы мизерную финансовую стабильность.

В конечном итоге наша деятельность привела к возникновению организации, которую мы теперь знаем под именем «Корпорация М.И.Ф.». Все началось с того, что мы в целях взаимопомощи и улучшения условий маркетинга объединили свои таланты, но результат превзошел все наши самые оптимистические ожидания.

Я выдержал паузу, оглядел аудиторию и продолжил:

— Не могу говорить о вас всех, но я лично накопил денег больше, чем смогу, как мне кажется, истратить за две жизни. Хотя Ааз и утверждает, что «денег достаточно никогда не бывает», я считаю, что наступает момент, когда дальнейшее накопление капитала перестает быть необходимым, а становится лишь делом привычки.

Я легонько покачал головой и продолжил:

— Теперь несколько слов о моей работе. Вот уже долгое время я продолжаю функционировать лишь в силу того обстоятельства, что страдаю гипертрофией чувства личной ответственности. При ближайшем рассмотрении это не должно вызывать удивления. Пока я не начал практиковать магию, я был никем: никто от меня не зависел и никто не обращался за помощью. Но затем в силу обстоятельств я оказался вытолкнутым на авансцену. Выяснилось, что я могу влиять на события, или люди думали, что я на это способен. Я вдруг почувствовал, что во мне нуждаются. Я был нужен нашим клиентам. Я был нужен королевству. Я был нужен большинству членов нашей команды. Я же, ощущая это, преисполнился решимости не обмануть ожиданий всех, кто во мне нуждался, и делал все, что было в моих силах. — Я саркастически усмехнулся, помолчал немного и вернулся к теме: — В итоге получилось так, что мои друзья, чтобы помочь мне, были вынуждены работать сверхурочно. Видя мое рвение, видя, что я откусываю куски больше, чем могу прожевать, они оказывали мне моральную, физическую и магическую помощь в тех предприятиях, за которые я хватался. А хватал-

ся я буквально за все, на что падал мой взор. В конце концов это стало повторяться с удручающей регулярностью.

Как уже было сказано несколько минут назад, я раскинул мозгами и решил наконец, чего же мне хочется и что сможет сделать меня счастливым. Я хочу изучать магию. Изучать серьезно, а не подхватывать на ходу какие-то огрызки во время наших похождений. Я разговаривал на эту тему с Аазом, и тот не сомневается, что я смогу стать заочным студентом Магического института Извра — alma-mater нашего доброго Ааза. Более того, я уже нашел здесь, на Пенте, место, где смогу без помех грызть гранит науки. Это старый постоянный двор и таверна, где мы с Аазом ютились до того, как я поступил на работу в Поссилтуме, и задолго до нашей передислокации на Базар. Дом стоит в стороне от торных троп, и отвлекать от занятий меня никто не будет. В то же время там всегда найдется место для тех из вас, кто решит меня проводить.

Я выдержал паузу, издал глубокий вздох и продолжил:

— Как вы, вероятно, уже догадались, это требует того, чтобы я оставил пост председателя совета Корпорации М.И.Ф. и прекратил активную деятельность в качестве полноправного члена коллектива. Это было нелегкое решение, а если быть точным — самое трудное из всех, что мне когда-либо доводилось принимать. Тем не менее я думаю, что оно сделает меня счастливым. Во всяком случае, как говорится, попытка не пытка. Остается надеяться, что вы пожелаете мне успеха и будете время от времени давать о себе знать.

Я снова замолчал, давая возможность друзьям вникнуть в мои слова.

— Вторым пунктом повестки дня нашего собрания должно стать принятие решения о будущем Корпорации М.И.Ф. Моя отставка, вне всякого сомнения, не может не повлиять на планы вашей дальнейшей деятельности. Прежде всего следует решить, намерены ли вы сохранить Корпорацию в дальнейшем.

Поглядев на Гвидо и Нунцио, я сказал:

— Вчера на приеме мне удалось плодотворно побеседовать с Доном Брюсом. Хотя мое решение выйти в отставку его совсем не обрадовало, он сказал, что согласится с любым

принятым сегодня вами решением. Что касается Гвидо и Нунцио, которых Дон Брюс первоначально приставил ко мне телохранителями, то они, по его словам, могут сами решать, оставаться ли им в Корпорации или вернуться в Синдикат для получения нового задания.

Затем я перевел взгляд на Банни и с улыбкой продолжил:

— Я попросил Банни не бросать меня в моем новом начинании и остаться моим личным секретарем и помощником. Пока она мне ничего не сказала, и ответ, насколько я понимаю, будет целиком зависеть от того, какое решение будет здесь принято.

Посмотрев на трех оставшихся членов команды, я продолжил свою речь:

— У Ааза, Тананды и Корреща до того, как они встретились со мной и стали основателями Корпорации, была масса своих дел. Теперь им самим решать, хотят они сохранить общее дело или возобновить работу соло.

Я замолчал, чтобы собраться с мыслями. Все оказалось гораздо труднее, чем я предполагал.

— Поскольку вам предстоит обсудить будущее Корпорации, в которой я после объявления об отставке уже не состою, будет правильно, если я воздержусь от участия в дальнейшей дискуссии. Поэтому я должен извиниться и покинуть собрание, чтобы вы могли заняться делами.

Я начал подниматься, но Ааз соскользнул с подоконника и, остановив меня жестом, произнес:

— Подожди, партнер, я думаю, что, прежде чем перейти к делам, мы можем потратить пару минут и сказать тебе то, что сказать следует. Полагаю, никто не станет возражать, если слово возьму я.

Я снова опустился в кресло.

Прежде чем начать спич, Ааз несколько секунд молча смотрел на меня.

— Скив, — произнес он наконец, — за последние несколько лет нам с тобой через многое пришлось пройти. Мы вместе сражались и истекали кровью, вместе пили и на пару облапошивали клиентов. Мы много спорили и частенько злились друг на друга, но когда кости были брошены, мы выступали

одной командой. У тебя всегда имелась склонность — и она превратилась в привычку — принижать свою роль. Но кто собрал эту команду? Ее собрал ты. Ты стал не только руководителем Корпорации, ты стал ее сердцем. Мы глубоко уважаем твоё решение отойти от дел, но прежде чем ты покинешь наше собрание, позволь нам сказать: «Спасибо тебе за все, что ты для нас сделал».

Произнеся эти слова, он начал аплодировать. Все остальные поднялись со своих мест и тоже захлопали в ладоши. Некоторые улыбались, а иные даже плакали. Но все смотрели на меня с любовью.

Этот ураган эмоций меня удивил и растрогал.

— Спасибо, — едва сумел выдавить я. — Вы не представляете, как я вам всем благодарен.

Изо всех сил стараясь не разреветься, я поднялся с кресла и, покинув прошлое, двинулся в будущее.

МИФОинструкция

Первыми в конце длинного белого прохода появились девочки с цветами числом десять штук — не цветов, а девочек, естественно. Одетые в зеленые шелковые платьица, они швыряли в воздух лепестки роз. Получив полную дозу аромата, я принял чихать. Это действие привело к тому, что я непроизвольно продемонстрировал зубы, что, в свою очередь, заставило стоящих рядом людей так же непроизвольно отступить на несколько шагов. Мы находились в большом зале дворца королевства Пессилтум. Никогда не подозревал, что вид зубов изверга производит такое впечатление на пентюхов.

Я попытался немного растянуть воротник узкой официальной туники, в которую, поддавшись уговорам Маши, позволил себе втиснуться. Если бы она не была столь ценной для нашей команды, я бы изыскал тактичный способ оказаться в этот особый для нее день где-нибудь в другом месте. Но если у вас есть хоть капля разума, вы никогда не скажете «нет» сочетающейся браком dame, ежели не намерены закончить фразу словами: «...конечно, я не против того, чтобы облачиться в наряд обезьяны, крутящей ручку уличного органа». Что, естественно, вынудило моего бывшего ученика, а ныне партнера спросить: «А что это за орган?» Когда я ему все объяснил, он сказал, что, по-видимому, это все же какое-то орудие пытки. По здравом размышлении я с ним согласился, ибо наш слуховой аппарат тоже в некотором роде орган.

За девочками потянулась орава наряженных пажами мальчишек. Их вид полностью соответствовал моему настроению. Я, разумеется, был хорошо знаком с экстравагантным вкусом Маши, но здесь она явно перебрала с красками. Я на ее месте ни за что не позволил бы ребятишкам влезть в шелковые бриджи с коралловыми и розовыми полосами, а головы украсить такого же цвета беретами. Нелепый наряд дополняли аквамариновые туники. Ураган красок уже действовал на мои оптические нервы, а главное событие еще и не началось.

Не успел я об этом подумать, как в зал ввалилось все стадо. Почти все подружки невесты своими округлыми формами весьма напоминали Машу, но ни одна из них по-настоящему не тянула против ее великолепия. (Я употребляю слово «великолепие» только потому, что это ее день и я должен проявлять предельную тактичность.) Маша всегда источала уверенность и тепло, что сделало ее друзьями всех самых крупных дам королевского двора. Она служила для них ролевой моделью, позволяя им оставаться такими, какие они есть. Маша обзавелась здесь массой друзей и подруг. Даже с королевой Цикутой, которой на конкурсе «Девиц без друзей своего пола» я бесспорно присудил бы первое место, у Маши установились сердечные, чуть ли не теплые отношения.

Пребывая в несвойственном ей состоянии неуверенности, Маша проконсультировалась о цвете нарядов с Банни, у которой по части моды все в порядке. В результате вместо безумия диких расцветок я увидел на подружках невесты вполне пристойные наряды из бледно-розового шелка. Несмотря на различие в телосложении и размерах дам, розовый шелк не столько привлекал внимание, сколько подчеркивал их разнообразные достоинства. Банни выглядела просто сногсшибательно! Даже с зелеными волосами Тананда розовый шелк смотрелся вполне прилично. Тананда походила на экзотическую, безукоризненной формы орхидею. Одеяния всех подружек невесты, которых мне доводилось видеть ранее, напоминали либо постельные покрывала, либо саваны восставших из могилы мертвцевов. Я мысленно добавил несколько дополнительных деталей, чтобы не было сомнений в том, что я могу создать для Машиной свадьбы настоящий шик.

тельных очков в копилку Банни за ее искусство и в копилку Маши за умение вовремя обратиться за помощью.

Но все эти изыски закончились с появлением марширующего оркестра. Две дамочки в розовых и голубых юбочонках, таких коротких, каких не носила даже Тананда, влетели в зал и принялись крутить флик-фляки на белом ковре. Вслед за ними возник тамбурmajор в ярко-оранжевой с сипим униформе. Остановившись в дверях, он что есть силы дунул в свисток. Затем воздел кверху жезл и двинулся в зал, ведя за собой армейский оркестр Поссилтума в полном составе. Оркестранты, естественно, играли Свадебный марш Хонивагена. Эта бестолковая музыка, к великому сожалению меломанов, стала знаковой мелодией на всех свадьбах во всех измерениях. Поскольку оркестр явно делал упор на волынки и горны, музыка оказывала на слух примерно такое же воздействие, как одеяние музыкантов на зрение. Поскольку изверги обладают более тонким слухом, нежели пентюхи, я был готов прикончить любого еще до того, как они, разделавшись с Хонивагеном, принялись за хит, именуемый «Хорошенькая девчонка — сладкая песня».

Под эту зажигательную мелодию в зал вступила колонна изрядно смахивающих на попугаев гвардейцев. Восемь бравых парней расположились на равном расстоянии друг от друга вдоль белого ковра и высоко подняли знамя Поссилтума. Еще десять воинов — все пентюхи во цвете лет — вошли вслед за знаменосцами, оголили мечи и вознесли клинки вертикально перед своими носами. Затем, повинувшись команде, они образовали из мечей нечто вроде арки. Оркестр замолчал посередине песни, и ударил боевой марш Поссилтума. Под эту бравурную музыку в зал вступил Большой Джули. Он был облачен в свои самые лучшие сверкающие доспехи. Латы довольно громко клацали, а ножны меча колотились о поножи.

Имела место горячая дискуссия, кому быть шафером генерала, и бывший военачальник оказался превосходной кандидатурой. Тем более что, согласно традиции, основной задачей шафера было торчать у дверей и непускать на торжество незваных гостей. За исключением меня, Гвидо, Нунцио и

нескольких силовиков из команды Дона Брюса, приглашенных на свадьбу, Большой Джули был единственной крупной и достаточно злобной на вид особой мужского пола, способной предотвратить любое вторжение. Как только Большой Джули вступил в зал, в дверях возник Хью Плохсекир.

Если когда-нибудь и были женихи, не психовавшие во время церемонии, то лично я их не видел. На лбу бравого генерала чуть ниже края шлема выступили громадные капли пота. Плохсекир имел полное право нервничать, получая потрясающую жену и кучу ее опасных друзей в придачу — друзей, которые станут тщательно следить за тем, чтобы семейная жизнь не несла ей слишком больших неприятностей. Стоящие близ меня гости отступили еще на несколько шагов, и я понял, что снова улыбнулся. Тем не менее жених держался с воинской исправкой. Весьма недурственно, учитывая положение, в которое он попал.

Плохсекир был уже не молод, но и Машу вряд ли можно назвать весенним цыпленком. Терпеть не могу всякие проявления согловой сентиментальности, но все же меня радовало, что они нашли друг друга в этот период их жизни. Меня всегда восхищала честность и порядочность генерала. Он стоял во главе вполне приличной армии. Она же была потрясающей женщиной и вполне приличной волшебницей, хотя ее волшебная сила и зиждилась на разного рода магических артефактах. Словом, они являли собой прекрасную пару.

Плохсекир рванулся вперед, но, видимо, вспомнив, кто он и где находится, обрел былое величие и двинулся с высоко поднятой головой, одаривая улыбками гостей, которых успевал узнавать в толпе. Я поймал его взгляд, и он приветствовал меня кивком. Я ответил ему тем же. Воин отдавал дань воину, бизнесмен — бизнесмену. Оказавшись в центре зала, он снял шлем и вручил его Большому Джули.

В зал ворвалась группа акробатов, за ними последовали жонглеры и глотатели огня. Затем на белую дорожку под звуки цитр, арф и флейт вступили танцовщицы. Они шествовали, заигрывая со стоящими вдоль ковра гостями, и размахивали цветными шелковыми шарфами. Казалось, танцовщицы окружены прозрачными радугами. В центре этой веселой

группы находилась золоченая повозка, которую вдоль прохода влекли восемь розовых и голубых пони. На повозке восседал высокий худощавый и бородатый человек в черных кожаных штанах и серебряной тунике. Бородач наигрывал арпеджио на изящной серебряной арфе.

— Отлично поставлено, — прошептал Коррец.

Чтобы никому не загораживать путь, он стоял за моей спиной, привалившись к колонне. В ответ на его слова я лишь молча кивнул. Ни он, ни я не хотели участвовать в церемонии, да и нужды в этом не было, и без нас все шло как нельзя лучше.

В зале не было даже намека на присутствие магии. Маша, конечно, очень хотела, чтобы все прошло хорошо, но считала недостойным прибегать для этого к магическим силам. Да, храбрости ей не занимать, подумал я.

Танцовщицы и жонглеры окружили алтарь в глубине зала. Перед алтарем в окружении подружек невесты и жениха стояла облаченная в зеленую мантию жрица.

Арфы рванули знаменитую мелодию Хонивагена, и взоры всех присутствующих обратились на дверь.

Даже в самых безумных снах я не мог представить Машу красавицей. Но сейчас она вдруг почему-то стала очень привлекательной. Может, все дело было в том счастье, которым светилось ее лицо. Из толстой простушки Маша превратилась в миловидную женщину. Даже здесь, среди пентюхов, сработало неписаное общее правило: все невесты — красавицы. В ее одеяние из белого шелка Банни или Тананда могли завернуться пять, а то и шесть раз. Платье было украшено хрусталем, жемчугом и, если меня не обманывало зрение, настоящими драгоценными камнями. Очевидно, работая в Корпорации М.И.Ф., Маша успела сколотить неплохое состояние и теперь решила потратить его вот таким образом. Шлейф платья был не менее пяти ярдов в длину, и вшитые в него сотни кристаллов переливались при ходьбе всеми цветами радуги. Кроме того, на подоле платья белым шелком были вышиты какие-то сцены. Я решил, что позже надо будет взглянуть на них поближе, чтобы узнать, какие моменты своей жизни Маша сочла достаточно важными, чтобы запечатлеть их на

свадебном наряде. Она никогда не выбирала себе обувь только ради красоты, но сегодня, вопреки своим правилам, втиснулась в открытые хрустальные туфли с пятидюймовым каблуком-шпилькой. Ее оранжевые волосы были уложены свободным узлом, украшенным огромным венком из розовых и оранжевых лилий, из-под которого на плечи ниспадала белоснежная фата. Я задумался о символике белого цвета и пришел к выводу, что Маша, вполне вероятно, имеет право на белоснежное одеяние. Даже если цвет был избран только для церемонии бракосочетания, она смотрелась в нем великолепно. Оправившаяся на руку Скива Маша походила на огромную сверкающую жемчужину.

Мой партнер, который, несмотря на возраст, частенько выглядел мальчишкой, сегодня для разнообразия имел суровый вид, весьма удачно сочетавшийся с его парадной мантией королевского мага. Я решил, что это неплохая находка. Если Плохсекир пришел в своем лучшем мундире, то почему бы Скиву, который передавал ему невесту, не явиться в своем? Бархат цвета спелой сливы был расшит золотыми и серебряными созвездиями, магическими знаками и мистическими символами, которые при ближайшем рассмотрении оказывались не чем иным, как фразами на языках иных измерений. Мне особенно нравилась одна на языке демилов, начертанная чуть выше его колена. «Это место сдается внаем» — гласила она. Маша крепко, а может, даже судорожно держала его за руку, а Скив ей тепло улыбался.

Я смотрел, как они шествуют по проходу. Мастер и его ученица. Мне всегда было трудно решить, кто среди нас здесь мастер, а кто ученик. Скив был моим учеником и в то же время постоянно учился чему-то у всех остальных, включая Машу, но иногда, как сейчас, например, он был настолько зрелым и взрослым, что указывал путь всем другим. И он, кстати, оказался единственным, кто удивился просьбе Маши стать ее посаженным отцом. Я вдруг ощутил, что в глазах у меня возникла какая-то подозрительная резь.

— Я вовсе не плачу, — пробормотал я, скрипя зубами. — Все это меня нисколько не трогает.

За моей спиной тем временем совершенно откровенно шмыгал носом Корреш.

Генерал двинулся им навстречу. Скив остановился и с достоинством подождал Плохсекира. Когда раневу состоялось, жених и посаженный отец потрясли друг другу руки, после чего Скив вложил ладонь невесты в лапицу генерала. Маша поцеловала моего партнера, а тот, мгновенно залившись краской, занял кресло рядом с королевой. Не сводя друг с друга глаз, невеста и жених двинулись к алтарю и остановились перед жрицей.

— Воздобленные чада мои, — обращаясь ко всем нам, начала с улыбкой жрица. — Мы собрались здесь для того, чтобы почтить и засвидетельствовать любовь этих двоих, желавших стать мужем и женой. Брак — прекрасный институт, но вступать в него следует, хорошенько все продумав. Легкомысленность здесь абсолютно противопоказана. Те, кто это понимает, пусть помолчат и позволят другим научиться всему самостоятельно. Пусть они и впредь открывают для вас сердца, однако помните, что обычно супруг не понимает того, что говорит его жена, а супруга склонна обвинять мужа в том, что он плохо ее слушает. Вам не следует принимать чью-либо сторону, ибо браки свершаются на небесах, а люди несовершенны. Пусть кости упадут, как предназначено судьбой, и тогда эти прекрасные люди, научившись относиться друг к другу не только с любовью, но и с терпимостью, станут прекрасной парой, что позволит прожить им в счастье и согласии до преклонных лет. Истинная любовь в наши времена встречается редко, поэтому мы должны истолковать все наши сомнения в их пользу. Пожелаем им обзавестись детишками, чтобы их имена сохранились в вечности. Кроме того, это откроет перед ними блестящую перспективу портить своих деток и особенно внуков. А вы через много-много лет сможете напомнить им об этом дне, хотя к тому времени они наверняка успеют забыть, какой подарок вы им преподнесли на свадьбу. Итак, Хью Плохсекир, берешь ли ты эту женщину себе в жены? Выходит, берешь. В таком случае повторяй вслед за мной: надевая на твой палец это кольцо, я скрепляю себя узами брака. А ты, Маша, берешь ли этого мужчину себе в

мужья? И ты тоже, выходит, согласна? В таком случае повторяй: надевая на твой палец это кольцо, я скрепляю себя узами брака. А я со своей стороны, пользуясь властью, данной мне вездесущими богами и правительством Пессилтума, объявляю эту пару мужем и женой, а если здесь сыщется тип, у кого наэтотсчет имеются возражения то пусть выкладываетих-немедленно... Уф! Аминь!

— Мне срочно необходимо выпить, — сказал я, как только свадебная процесия вышла из зала. — И не по одной.

— Если не очень ошибаюсь, — осклабился тролль, — во дворе я видел бочонок маисового пунша.

— Вот и отлично! Может быть, после нас и другим гостям что-нибудь достанется.

Я двинулся сквозь толпу, которая расступалась передо мной, словно раздвигаемый занавес. Пентюхи успели прильнуть к нашей потусторонней внешности, но это не значало, что они жаждали быть с нами рядом. Меня это устраивало наилучшим образом.

Первый глоток пунша взорвался у меня в глотке и потек по пищеводу подобно раскаленной лаве. Чтобы окончательно прийти в себя, мне пришлось опрокинуть еще пару кружек огненной воды. Затем я громко рыгнул. Эта здоровая отрыжка сопровождалась языком невидимого пламени длиной не менее трех футов.

— Вот это мне по вкусу, — сказал я.

— Еще бы! — воскликнул Корреш, у которого почему-то слезились глаза. — Сдается мне, что сестренка туда чего-то подмешала.

— Танда всегда готовила отличные коктейли, — заметил я.

Во дворе замка толпилось по меньшей мере сотни три гостей. У одной из стен уже начались танцы. Места, где работали жонглеры, можно было определить по вздымющимся к небесам столбам пламени. Девилы и прочие иноизмеренцы проделывали, к вящему восторгу пей-юхов (и, несомненно, к собственной выгоде), небольшие магические трюки. Повсюду гремела музыка и то и дело раздавались взрывы хохота. Все, похоже, были счастливы. Я нацедил себе еще кружечку и направился к стоящим рядом хозяевам приема.

Маша и Плохсекир принимали поздравления, поступавшие в виде рукопожатий или объятий.

— Дорогая, мне так понравилось пение птичек в тот момент, когда вы приносили свои клятвы!

— Жонглеры напомнили мне о дне моей свадьбы.

— Какие ножки! Какой стиль! И ты, детка, тоже неплохо смотрелась.

Маша держала левую руку так, чтобы все могли видеть роскошное кольцо у нее на пальце, а Плохсекир просто лучился счастьем. Передо мной в очереди поздравителей стояли Дон Брюс и его крутые парни. Наш славный крестный отец, облаченный в официальный сиреневый смокинг, прекрасно гармонировавший с его обычной широкополой шляпой фиолетового колера, настолько расчувствовался, что чмокнул Машу в щечку.

— Береги ее, — предупредил он Плохсекира. — Ах да! Я тут для вас кое-что прихватил. — Он щелкнул пальцами, и два самых здоровенных амбала из его команды выступили вперед и поставили у ног счастливой пары завернутую в яркую подарочную бумагу коробку размером с небольшого дракона. — Вам это должно понравиться. Если нет, свистните Скиву, и он даст мне знать.

Он повернулся, чтобы представить молодоженам своих ближайших соратников — жилистого сухого парня с пронзительным взглядом суровых глаз под кустистыми бровями и широкоплечего коротышку без шеи, но с ручищами, имея которые можно решать проблемы вообще без оружия.

— Это мои новые сотрудники, — сказал крестный отец Синдиката. — Дон де Дондон и Дон Сурлеоне.

— Счастлив познакомиться, — произнес Дон де Дондон, склонившись над рукой Маши.

Дон Сурлеоне обнял своими лапищами Плохсекира, и я заметил, как исказилось лицо генерала. Даже он, несмотря на мощное телосложение, не смог выдержать подобной ласки. Дон Сурлеоне, судя по всему, обладал чудовищной силой.

Танцы и пение продолжались далеко за полночь. Я внимательно следил за тем, чтобы все держались, как подобает приличным существам. Время от времени я встречался взгляд-

дом с Большим Джули, который, стоя на противоположной стороне двора, тоже следил за порядком. Это было необходимо, поскольку с Базара появлялись все новые и новые демоны, чтобы пожелать счастья счастливой паре. Против этого я не возражал. Но поскольку их намерения могли оказаться гораздо шире...

— Эй, зеленый и чешуйчатый! Как насчет повеселиться?

Прелестное существо, припавшее к моей груди, могло быть только Танандой. Декольте на ее розовом платье было настолько глубоким, что могло вызвать полную остановку уличного движения. Подобное мне уже доводилось наблюдать — правда, в иных измерениях.

— Весьма ценное предложение, но я слежу за порядком, — ответил я.

— Кто осмелится учинить беспорядок в столь выдающемся собрании? — спросила Танда, хотя, будучи профессионалом, прекрасно понимала мою озабоченность.

Дело в том, что на торжестве присутствовало множество наших клиентов и соседей с Базара, которые могли разнести весть о том, что мы не справились с трудностями, если таковые вдруг возникнут. А это, в свою очередь, могло скверно отразиться на нашем бизнессе, когда мы через пару деньков вернемся на Деву.

— Я и Корреша попросил последить.

К нам, заметив наш междусобойчик, подошли Гвидо и Нунцио. Я поделился с ними своей оценкой ситуации. Скив держался в сторонке. Никому из нас не хотелось его тревожить. За пару последних недель ему и без того изрядно досталось, начиная от почти смертельной раны Глипа и кончая ролью посаженного отца. Такой стресс мало кто способен выдержать. Я как партнер ничем не мог ему помочь, разве только присматривать за ним. Парню надо было некоторое время побывать одному.

— Ааз, можно тебя отвлечь? — услышал я.

Я обернулся и увидел перед собой новоиспеченную молодую — во всей ее белоснежности. В свете факелов мне показалось, что она чем-то встревожена.

— Маша! Почему вы с Хью не танцуете?!

— Вышла небольшая загвоздка, — ответила она, беря меня под руку. Когда на нас кто-то смотрел, она озарялась улыбкой, впрочем, не слишком убедительной. — Мы начали открывать подарки, и один из них как бы вроде взорвался.

— Что?! — взревел я так громко, что по меньшей мере три четверти гостей посмотрели в нашу сторону. Для того чтобы их успокоить, мне пришлось привлечь Машу к себе и поцеловать в щечку. — Поздравляю! Из тебя получится прекрасный придворный маг.

Скив сказал мне о решении королевы Цикуты, и я посчитал это лучшим исходом для молодоженов. Таким образом Плохсекир и Маша получали при дворе одинаковый статус. Я понимал, что поступаю нехорошо, выступая раньше королевы, но это был единственный удобоваримый способ скрыть от окружающих истинную причину своего взрыва.

— Спасибо, Ааз, — сказала Маша, продемонстрировав в улыбке все свои зубы, после чего толпа утратила к нам всякий интерес и вернулась к выпивке и беседам.

— Чей именно подарок?

— Дона Брюса.

Мои глаза, очевидно, полыхнули огнем, поскольку Маша схватила меня за руку и поспешно сказала:

— Не горячись. Это не его вина. Если кто и виноват, так только мы. Мы сняли бумагу с большого ящика и увидели на нем красную кнопку. Никаких инструкций по пользованию. Мой детектор, — она показала мне кричащий браслет на запястье, — не показывал присутствия никакой зловредной магии, вот мы и нажали кнопку.

Я скорбно вздохнул и поинтересовался:

— Ну и что же произошло? Что находилось в ящике?

Маша нервно хихикнула, пребывая где-то между чувством тревоги и приступом веселья.

— Дом. Или скорее коттедж. Очень милый. Ковры чуть ли не по щиколотку, стены украшены шелковыми шпалерами, на которых вытканы сцены всех выигранных Хью сражений. А в окнах витражи из хрусталя шестнадцати оттенков. Загвоздка в том, что коттедж стоит посреди тронного зала.

* * *

Да, это было именно так. Во всем остальном домик был что надо. Двухуровневый коттедж с парой конюшен и белым штакетником практически оказался на ступенях трона королевы Цикуты. Тронный зал был избран хранилищем для подарков, поскольку он всегда хорошо охранялся и туда не мог войти без приглашения ни один человек, как бы страстно ни хотелось ему ознакомиться с рисунком на фарфоровом сервизе, подаренном Маше.

Тананда и Корреш уже стояли на страже. Троллина успела избавиться от своей замысловатой шляпки. Ее брат развязал галстук-бабочку, и ленты терялись в поросли на груди тролля. Корреш сидел на полу, привалившись к косяку двери. Вскоре прибыли Гвидо и Нунцио. Кузены все еще были в строгих смокингах. Чтобы ни у кого не возникало сомнений по поводу профессии братьев, на их головах красовались широкопольные фетровые шляпы. Подружки невесты топтались вокруг стола с подарками. Одна из них составляла букет из разноцветных лент. А другая, вооружившись гусиным пером и бутылкой чернил, записывала, кто что преподнес.

— Скиву об этом еще не сообщили? — спросил я, отведя в сторону всех членов Корпорации М.И.Ф.

— Нет, — ответила Маша.

— И не надо.

— Босс имеет право знать! — автоматически выпалил Гвидо и тут же добавил с виноватым видом: — А может, и нет.

— Вы не пытались снова убрать его в ящик?

— Конечно, пытались, — вздохнула Маша. — Но кнопка исчезла.

Я посмотрел на дом. Сказочный коттедж выглядел отнюдь не дешевым. Со стороны Дона Брюса это никак не могло быть предумышленным оскорблением. Кроме того, насколько я слышал от Банны и Танды, мы были на очень хорошем счету у крестного отца. Странно. Дон Брюс был человеком внимательным и не мог забыть об инструкциях к своему подарку.

— Не заходил ли сюда кто-нибудь, кому заходить не полагалось? — поинтересовался я.

— Нет, — ответила подружка с гусиным пером. Подружку звали Фулса. Фулса была обладательницей круглых карих глаз и столь же круглого розового личика. — Несколько человек, правда, сюда заглядывали. Ах да! Здесь некоторое время разился голубой дракон. Он, кажется, принадлежит придворному магу.

Глип? Я посмотрел на Машу.

— Он зашел обнюхать подарки, — пояснила новобрачная. — Я жалела, что мы оставили его в одиночестве, но он, как мне кажется, еще недостаточно оправился, чтобы принять участие в церемонии. — Она внимательно посмотрела на меня и спросила: — Неужели это дает нам повод для беспокойства?

— Не знаю, — ответил я.

Но тем не менее мы с ней отправились в конюшню, чтобы все проверить лично.

Я, честно говоря, никогда не был в восторге от того, что Скив приобрел малютку дракона. Драконы живут по пять сотен лет, и их детство и юность соответственно затягиваются. Глип до сих пор оставался очень юным драконом. Когда на него нападало желание играть, наша жизнь превращалась в сплошной хаос. Скив считал его гораздо умнее, чем я. В конце концов я смирился с его присутствием, а иногда даже был ему кое за что благодарен. В частности, за то, что он, встав передо мной, принял на себя удар стрелы. Зверек до сих пор оправлялся от полученной тогда раны. Широкая полоса на соломе по пути в конюшню говорила о том, что здесь совсем недавно проковыляло нечто очень большое и тяжелое.

Когда я вошел в стойло, синяя чешуйчатая масса в углу принялась демонстративно храпеть. Я встал у его головы и сказал:

— Брось, Глип. Я же знаю, что ты только прикидываешься спящим. Если ты настолько умен, как считает Скив, ты меня понимаешь.

Свернутая в кольца длинная шея распрямилась, голова поднялась настолько, что глаза дракона оказались на одном уровне с моими.

— Глип! — радостно произнес зверек.

Я, задыхаясь, отпрыгнул. Запах из пасти этой рептилии был способен содрать краску со стен.

— Ты, случайно, не прихватил листок пергамента из тронного зала? — спросил я.

— Глип? — переспросил дракон, склонив голову набок.

Маша подошла к крошке.

— Я знаю, что ты там был, — ласково сказала она, почесав пальцем под его нижней челюстью (дракон чуть ли не замурлыкал от удовольствия). — Не взял ли ты чего-нибудь, чего брат не следовало?

— Глип, — покачал головой дракон.

— Ты уверен?

— Глип! Глип! — энергично закивал зверек.

Маша повернулась ко мне и пожала плечами. И тут я заметил, что из-под кучи соломы торчит уголок пергамента. Я двинулся туда, но на моем пути встал Глип. Я попытался его обойти — он вытянул шею в сторону и пресек тем самым мое пополнование.

— Ну ладно, вонючая ящерица, ты сам на это нарывался, и мне плевать, что ты любимая зверушка партнера!

С этими словами я схватил его за шею под самой челюстью и сделал попытку удержать. Он бился и извивался, но я отпустил его только после того, как Маша взяла пергамент. Один уголок был оборван. Это произошло, видимо, тогда, когда его сдирали с коробки. Глип сделал попытку отнять листок, но я ему этого не позволил, и он ретировался в стойло.

— Инструкция, — сказала Маша, быстро проглядев бумагу. — Здесь сказано: «Тщательно выберите место, где вы хотите поместить наш «Супер-дупер Коттедж Вечного Медового Месяца», и нажмите кнопку». Чуть ниже приводится текст заклинания. — Маша посмотрела на меня и тревожно добавила: — Мы не произнесли заклятие. А что, если произойдет нечто ужасное, раз мы пропустили устную формулу? Коттедж может развалиться!

Она направилась к выходу из конюшни, а Глип, издав тревожный вопль, двинулся следом.

— Вернись на место! — рявкнул я, начав преследование. Мне вовсе не хотелось, чтобы какой-то паршивый дракон помешал веселью. Вполне хватало того, что один из свадебных подарков сработал невпопад.

Однако Глип оказался проворнее. К ужасу подружек, он блокировал вход в тронный зал и, ловко маневрируя, пресекал все наши попытки его обойти. Гвида и Нунцио ринулись к нам, держа по привычке руку за бортом смокинга.

— Хватайте его, — сказал я.

— Поаккуратнее, — произнес Нунцио, — он еще не совсем здоров. Что его так расстроило?

— Он не хочет, чтобы Маша прочла заклинание на инструкции к подарку Дона Брюса, — сказал я и задумался. Чем больше я думал, тем сильнее убеждался, что это именно так. Но это же полная чушь! Он не умеет читать. Откуда ему известно, что там что-то написано?

Нунцио подошел к Глипу и ласково положил руку ему на холку.

— Возможно, Глип уловил в пергаменте какой-то зловредный дух? — предположил он. — Драконы обладают изумительным обонянием.

— Взгляни, — сказала Маша, протягивая мне пергамент. — Может, в нем скрыт камуфлет-ловушка?

— Не знаю, — ответил я и взял листок.

По мере того как я его читал, мои брови поднимались все выше и выше, остановившись лишь где-то в районе макушки.

— Ясно. Ты, Глип, просто молодчина!

— Глип! — произнес дракон с явным облегчением, сунул голову мне под мышку и посмотрел на меня круглыми добрыми глазами.

Я в ответ почесал его за ухом.

— Так в чем же там дело?

— Не знаю, как это понял турица дракон, но его инстинкт сработал в лучшем виде. Это вовсе не домостроительное заклинание, это заклинание *домосносительное*. Если его произнести, взорвется не только этот треклятый коттедж, но и весь дворец со всеми, кто в нем находится!

— Но почему Дон Брюс пошел на это? — с округлившимися глазами спросила Маша.

— Не думаю, что это он, — ответил я, еще раз поглядев на пергамент. — Посмотри, заклинание написано совсем другим почерком, нежели инструкция.

Витиеватый почерк Дона Брюса я знал очень хорошо. Им была написана инструкция. Заклинание было начертано ниже, и писала его незнакомая мне рука. Хотя чернила были те же. Лавандовые.

— Как мы узнаем, кто это сделал? — спросила Маша.

— При помощи небольшой уловки, — ответил я. — И при поддержке маленького дракона.

Потрясший замок гул был едва слышен из-за шума толпы и рева музыки. Я на заплетающихся ногах вышел во двор, поддерживая готовую упасть Машу. Ее белоснежное платье было разорвано, на нем виднелись черные следы сажи. Волосы растрепались и уже ничем не напоминали пышную прическу невесты. Гвидо шел впереди, раздвигая толпу и стараясь выбрать такой путь, чтобы нас не увидел Скив. Мы решили его не тревожить, и я не сомневался, что мы способны справиться с этим кризисом самостоятельно.

Дон Брюс и пара его приближенных потягивали вино, сидя за столом неподалеку от арфиста. Крестный отец Синдиката поставил бокал на стол, поцеловал кончики своих пальцев и, дунув на них, послал воздушный привет музыканту.

— Прекрасно! Этот парень играет просто великолепно. — Затем он увидел нас: — Ааз! Маша! Что случилось?!

— Дом... — пролепетала Маша. Разыгрывая роль, она повисла на моей руке, а своей отнюдь не тонкой ручищкой обняла крестного отца за шею. — Мой муж... У меня нет сил говорить...

— Что случилось? — грозно повторил Дон.

— А мы ведь только что поженились... — рыдала в носовой платок Маша.

— Не хочешь ли ты сказать, что мой подарок убил твоего мужа?! — спросил Дон Брюс, взлетев от возмущения в воздух на добрых четыре фута.

— Если хочешь услышать новость, то получай, — прорычал я. — Известие о том, что имя Дона Брюса ассоциируется с убийством на свадьбе, меньше чем через час достигнет Базара-на-Деве!

Говоря это, я смотрел вовсе не на Дона Брюса, а на двух его приближенных. Тяжелые брови Дона Сурлеоне сошлись над его массивным носом, а сам Дон глубоко задумался. Что касается Дона де Дондона, то тот не смог скрыть удовлетворения на своей изрядно смахивающей на морду хорька физиономии.

— Пойду взгляну, — сказал он, поднимаясь со скамьи. — Я хорошо разбираюсь в разного рода травмах и, возможно, смогу помочь.

Он повернулся и оказался нос к носу с синим чешуйчатым драконом. Дракон зашипел.

— Помогите... — пискнул Дон де Дондон.

Глип ощерился, продемонстрировав отнюдь не хилые зубы, и принял зловеще помахивать хвостом. Это было достаточным доказательство того, что Дон де Дондон приложил руку к пергаменту, поскольку я еще до этого давал его понюхать Глипу. Но для пущего эффекта я сунул листок под торкий нос Дона и спросил:

— Твой почерк?

— Дай-ка мне, — сказал Дон Сурлеоне. Я протянул листок ему. Сурлеоне бросил взгляд на пергамент и буркнул: — Конкретно его...

— Ничего подобного! — возопил Дон де Дондон, воздев руки к небу. — Я не имею никакого отношения к взрыву! Уберите дракона!

Я отозвал Глипа, но рядом с ним с обеих сторон встали Гвидо и Нунцио. Парни держали под полой смокингов свои самострелы так, чтобы не потревожить гостей.

— Можешь приводить себя в порядок, Маша, — сказал я. — Мы получили его признание.

— Признание?! — переспросил Дон Брюс, следя за тем, как платье и прическа невесты снова предстают в своем первоначальном блеске, а лицо очищается от грязи (Маша хорошо овладела заклинанием личины). — Что за игры?

— Всего я не знаю, — сказал я, усаживаясь на скамью и придвигая к себе кувшин с элем. Должен признаться, фокус, который мы учинили, породил у меня сильную жажду. Ополивив залпом кувшин, я продолжил: — Но могу догадаться, что произошло. Новые люди в любой организации отличаются повышенными амбициями. Они хотят как можно скорее пробиться наверх. Они или находят нишу, которую стремятся занять, или, если таковой не оказывается, пытаются ее создать. Когда ты представлял этих донов Маше и Плохсекибу, их имена мне ничего не сказали. Но затем ты упомянул, что это новые люди.

Подарок, который ты преподнес молодым, был поистине королевским, но в то же время этот дар открывал возможность сбросить тебя с трона, а заодно отправить на тот свет кое-кого из нас. К коробке с подарком был прикреплен листок с инструкциями, и злодею не составило труда приписать к ним заклинание-камуфлет. Если бы Маша, следуя инструкции, его прочитала (ведь мы все бесконечно тебе доверяем), прогремел бы взрыв. Те, кто был рядом с коттеджем, погибли бы, а твоей репутации порядочного бизнесмена, с которым можно вести дела, пришел бы конец. Но твой враг не учел, что тебя окружает группа пусть и принадлежащих к разным видам, но тем не менее умнейших существ.

— Глип! — вступил в беседу дракон. Зверек отошел от меня на безопасное расстояние и приник к колену Нунцио.

— Магический предмет со столь простым приводом не требовал для своей анимации дополнительного заклинания. Некоторые дополнительные сведения усилили наши подозрения и позволили предупредить несчастье.

— В таком случае — к чему вся эта костюмированная драма? — спросил Дон Брюс, выхватывая из моих рук кувшин, чтобы нацедить себе эля.

— Чтобы изобличить виновного! — ухмыльнулся я. — Если бы ты и твои помощники были невиновны, то вас, бесспорно, взволновали бы человеческие потери. Так и произошло с тобой и Доном Сурлеоне. Что же касается Дона де Дондона, то тот не огорчился и уже знал о взрыве, хотя ни Маша, ни я не произносили этого слова. Дон де Дондон подумал о взрыве, поскольку сам заложил заряд.

— Но взрыв был! — выпалил тощий Дон. — Я это почувствовал.

— Всего лишь небольшая низкочастотная вибрация, вызванная магией Маши, — произнес я, поклонившись невесте. — Для члена Корпорации М.И.Ф. подобная мелочь не представляет никакой трудности. Именно в силу данного обстоятельства Дон Брюс пригласил нас охранять его интересы на Базаре-на-Деве.

Наш добрый крестный отец стал почти таким же багровым, как и его смокинг. Повернувшись к двуличному Дону, он сказал:

— Значит, ты хотел, чтобы я потерял лицо перед своими лучшими друзьями? Сурлеоне, Гвидо, Нунцио, прошу вас эскортировать моего бывшего служащего на Базар. В скором времени я тоже туда прибуду.

Грузный мафиози взял Дона де Дондона за руку, извлек из кармана И-Скакун, и мгновение спустя они исчезли.

Дон Брюс склонился над рукой Маши и произнес:

— Позвольте принести мои самые искренние извинения по поводу того, что мои люди и невольно я сам несколько омрачили столь знаменательный день вашей жизни. Я направлю к вам специалиста, который при помощи заклинания сможет снова упаковать мой подарок. Надеюсь, что вам и вашему супругу предстоит долгая и счастливая совместная жизнь.

С этими словами он исчез, взмахнув на прощание фиолетовой шляпой.

— Рад, что все это кончилось, — сказал я, опустошая кувшин с остатками эля. — Отведите этого глупого дракона в конюшню, и пусть веселье продолжается.

Уши Глипа жалобно обвисли.

— Ааз, — решительно заявила Маша, — я считаю, что ты обязан перед ним извиниться. Если бы не Глип, дворец взлетел бы в воздух.

Огромные голубые глаза дракона обратились на меня. Как я ни боролся с собой, но вынужден был признать: Маша права.

— Прости, Глип, — сказал я. — Ты вел себя как герой.

— Глип! — воскликнул совершенно счастливый зверек и, высунув длинный язык, лизнул меня прямо в лицо.

Я отскочил, изрыгнув проклятие.

— Никто не должен говорить Скиву о том, что здесь произошло, — сказал я, слегка оправившись от ласки юного дракона. — Никто! Ни слова!

— Кто, я? Да ни за что! — с невинным видом сказала Маша, увидев бродящего в поисках супруги Плохсекира.

Она отошла от меня и повисла на руке мужа с таким чувственным видом, который сделал бы честь самой Танде.

— Через несколько минут начнется мой медовый месяц. Спокойной ночи, Ааз!

**Кто есть кто и что есть что
во вселенной
Корпорации М.И.Ф.**

* (Предупреждение: В глоссарий вкраплены некоторые сюжетные ходы книг. Если вы намерены читать всю серию сначала, вам, возможно, стоит ограничить пользование словарем.)

Ааз

Аазмандиус. Наставник и партнер Скива, второй по значению персонаж серии. Демон из измерения Извр, поэтому его зовут либо изверг, либо извращенец — в зависимости от того, кого вы спросите. Несмотря на различные облики, которые придавали ему на обложках книг художники, Ааз ростом ниже Скива, зато значительно превосходит последнего длиной рук. (Массивную фигуру, отсутствие шеи, зеленую чешую, заостренные уши и чрезвычайно острые и внушающие страх зубы художники изображали правильно.) Однако не его рост и вид, а одно лишь присутствие делает Ааза центром любого эпизода. Он утратил свои магические способности в результате шутки еще в первой книге серии (*Еще один великолепный МИФ*) и с тех пор наблюдает за успехами Скива в изучении магии и учит его перемещениям между измерениями, так же, как и искусству выживания. Люди, которые общались со мной, утверждают, что его речь строится по образцу моей, но это не так. На самом деле в ее основе лежит манера речи моего старинного друга Джорджа Ханта.

Асприн Роберт

Начал сочинять романы о Корпорации М.И.Ф. в конце 70-х гг. и с тех пор все еще (спорадически) их пописывает. Выступал в качестве редактора антологии «Мир воров». Пишет романы о Шутте. Знаменит своими длиннющими, выжи-

мающими слезу извинениями перед издателями, агентами, упаковщиками и читателями за нарушение сроков и всякого рода опоздания.

Аякс

Настоящий лучник из измерения Лукания. В этом измерении была изобретена стрельба из лука. Стар, тощ и беззуб, но, как и в молодости, смертельно опасен. Старинный друг Тананды. Входил в команду, которая помогла Аазу и Скиву остановить армию Большого Джули в «МИФОтлованиях» (книга 2).

Базар-на-Деве

Поскольку во вселенной существует столько измерений, что вы не смогли бы посетить их за всю жизнь, какой бы долгой она ни была, возник бесконечно большой торговый центр, где девилы продают или обменивают различные диковинны из иных миров. Говорят, что если вы чего-то не можете найти на Базаре-на-Деве, то этого предмета в природе не существует.

Бани

Входит в Корпорацию М.И.Ф., выступая в основном в качестве личной помощницы Скива. Первоначально Дон Брюс пытался подсунуть ее Скиву как любовницу. Из этой затеи ничего не вышло, но девица выросла в блестящего финансиста и экономического эксперта. Обладает прекрасными формами. Исключительно привлекательная особа.

Берферт

Саламандр (точное происхождение неизвестно) и партнер горгула Гэса. Член команды, которая помогла Аазу и Скиву остановить Большого Джули в «МИФОтлованиях» (книга 2).

Бессер

Измерение, в котором обитают бесы. Как само измерение, так и бесы являются ухудшенной версией Девы и девилов. Они тоже пытаются торговаться, но постоянно попадают впросак.

Большой Джули

Командующий и главный стратег самой большой и сильной армии, когда-либо воевавшей на просторах Пента. Был неудержим и непобедим до тех пор, пока не столкнулся с командой Скива в «МИФОтолкованиях» (книга 2). В настоящее время вышел в отставку и обитает на своей вилле в Поссилтуме. Выступает в качестве советника Корпорации М.И.Ф.

Братья Слеппни

Хирам и Шуберт. Известные также как Ху и Шу. Сельские парни, завербованные в армию королевства Поссилтум одновременно с Гвидо и Нунцио, о чем повествуется в романе «Корпорация М.И.Ф. в действии» (книга 9). Довольнолично обращаются с арбалетами, чему их обучали папа Куро и мама Ос.

Брокхерст

Бес, выступающий время от времени в роли наемного убийцы. Впервые появляется в «Еще одном великолепном МИФе» (книга 1) как член группы, прикончившей Гаркина. В «МИФОтолкованиях» (книга 2) — уже член команды, помогавшей Аазу и Скиву остановить Большого Джули.

Валлет

Весьма странное крошечное измерение, появившееся в «МИФОуказаниях» (книга 3), в котором два главенствующих государства Вейгас и Та-Хо решают, кто из них будет править измерением в следующем году, выставляя команды в так называемой Большой игре. (Если вы находите это нелепым, вспомните об играх с подсчетом бюллетеней во Флориде!*) Самое забавное тут то, что атлеты являются собой чудовищ, которых выводят специально для игр в течение последних пятисот лет. Большинство же обычных граждан либо неизменно тучны, либо тощи, как жерди.

* Имеются в виду скандальные события президентских выборов в США в 2000 г. — Примеч. пер.

Вик

Юный (примерно того же возраста, что и Скив) вампир с Лимбо. Впервые мы встречаем его на Базаре-на-Деве, где он хочет внедриться в среду магов. Происходит это в «МИФических личностях» (книга 5).

Вильгельм

Появляется ненадолго в «МИФических личностях» (книга 5) в качестве диспетчера ночных и прочих кошмаров в измерении Лимбо. Образ списан с моего старого друга Билла Фоссета из издательства «Билл Фоссет и партнеры».

Гаркин

Первый, кто обучал Скива искусству магии. Убит вскоре после того, как вызвал Ааза из другого измерения, демонстрируя ученику свое умение. Все это случилось в «Еще одном великолепном МИФе» (книга 1).

Гвидо

Телохранитель Скива (так же, как и его кузен Нунцио) и полноправный член команды Корпорации М.И.Ф. По фактуре ничем не отличается от нападающих Национальной футбольной лиги, но в отличие от последних хорошо вооружен. В прошлом принимал участие в качестве статиста в спектакле «Парни и девчонки», что оставило неизгладимый след на его манере изъясняться.

Герцогиня

Мама Ааза. Разорила семью серией неудачных инвестиций, в результате чего Ааз ушел из МИИ. Живет на Извре и до сих пор мечтает сорвать «большой куш». Мы ненадолго встречаемся с ней в «МИФОнаименованиях и извергениях» (книга 8).

Глип

Детеныш голубого дракона, «приобретенный» Скивом на Базаре-на-Деве в «Еще одном великолепном МИФе» (книга 1). Его размер целиком зависит от фантазии художника,

рисующего обложку, и потребностей рассказчика. Несмотря на то что зверек обладает крайне ограниченным словарным запасом, в нем есть нечто более значительное, чем кажется с первого взгляда. О его подлинном разуме не догадывается ни один из членов команды, и он, возможно, единственный настоящему «крутой парень» во всей банде, что явствует из его собственного рассказа в «Корпорации М.И.Ф. — связующее звено» (книга 7).

Гмык

Девил. Игрок и букмекер. Базируется на Базаре-на-Деве. Частенько делает ставки против Скива и всей команды Корпорации М.И.Ф.

Гримбл Дж.Р.

Главный бухгалтер и казначей королевства Пессилтум и в силу этого обстоятельства часто выступает финансовым советником Скива и его команды. Его прообразом послужил мой босс из того времени, когда я трудился бухгалтером в фирме «Ксерокс».

Гэс

Горгул (точное происхождение неизвестно), партнер саламандра Берфера и давний друг Ааза. Член команды, помогавшей остановить Большого Джули в «МИФОтлованиях» (книга 2), и участник Большой Игры в «МИФоДоказаниях» (книга 3).

Дева

Родное измерение демилов. Пережив некогда экономическую катастрофу, демилы, использовав свои выдающиеся способности путешествовать между измерениями, стали торговцами вселенского класса. Их искусство в сфере коммерции и ужасающие слухи о царящих на Деве порядках послужили основой для множества легенд и сказок в других измерениях.

Демон

Он же «демонстратор измерений». Термин, применяемый к путешественникам между измерениями. Его, как правило, употребляют аборигены применительно к посетителям из другого измерения или к существам, его населяющим.

Джиннджер

Измерение, откуда происходят джинны обоих полов. Обитатели Джиннджера предоставляют по договору услуги на краткосрочное разовое исполнение магических желаний, что и является основой экономики данного измерения.

Дон Брюс

В настоящее время — крестный отец организованной преступности в измерении Пент. В какой-то момент вел переговоры со Скивом о том, чтобы махнуть интересы Синдиката в армии Большого Джули на доступ в измерение Дева. Позже, после ряда афер в страховом бизнесе, отказался от попыток лично «крышевать» демилов и нанял Скива представлять интересы Синдиката на этом измерении. Это произошло в романе «Удача или МИФ» (книга 4). Скив ему очень нравился, и он отрядил для него пару телохранителей — Гвидо и Нунцио, а свою племянницу Банни пытался подсунуть ему в качестве любовницы. Дон Брюс тайно надеялся, что Скив женится на Банни и унаследует место крестного отца Синдиката.

Доннинг/Старблейз

Издательство, выпустившее первое роскошное (для библиотек) издание романов серии «МИФ». Келли Фриз, приглашенный издательством для основания научно-фантастической серии, был единственным, кто смог оценить по достоинству юмористические романы в жанре фэнтези.

«Дорожные» кинофильмы

Серия потешных фильмов «Дорога в Сингапур/Марокко/Рио и далее по всем пунктам» началась с Боба Хоупа и Бинга

Кросби. Я смотрел фестиваль этих шедевров по телевизору (в докабельное время), когда задумывал и начинал писать «Еще один великолепный МИФ» (книга 1) и пересматривал их в записи во время перерывов в работе над последним томом. Сказать, что эти фильмы серьезно повлияли на стиль и образы романов о «Корпорации М.И.Ф.», — значит не сказать ничего.

Драконий покер

Наиболее сложная карточная игра для всех измерений. По существу — покер с шестью картами на руках, отличается лишь тем, что в игре применяется так называемый «условный модификатор», который меняет значение карт в зависимости от числа игроков, дня недели, ориентации игроков по сторонам света, цвета стен помещения, в котором идет игра, высшей карты, которая принесла выигрыш в предпоследней сдаче, и так далее. Словом, вы все усекли.

Змей

Один из старинных коллег Гвидо и Нунцио по Синдикату. Хотя кузенам время от времени тоже приходится разбивать коленные чашечки тем, кто не внедляет гласу рассудка, они делают это неохотно и лишь в тех случаях, когда у них нет иного выхода. Что касается Змея, то этот злобный жилистый коротышка при первом удобном и не очень удобном случае пускает в дело нож.

Зоорик

Место, откуда пришли гномы.

Измерение

Один из множества миров, одновременно существующих на различных уровнях пространства. Немногим разумным созданиям известно о существовании этих миров/измерений. А существ, умеющих путешествовать между ними, и того меньше.

И-Скакун

Механический прибор, позволяющий путешествовать между измерениями. Отдаленно напоминает велосипедный руль. Для скачка из одного измерения в другое необходимо, вращая цилиндр, совместить определенные символы, означающие то или иное измерение.

Иштван

Злодей из романа «Еще один великолепный МИФ» (книга 1). Ренегат-чародей. Желает получить мировое господство и для достижения этой цели истребляет конкурентов, которые пользуются энергией магических силовых полей. Мы являемся свидетелями его второй попытки добиться своей гнусной цели. Первая была предотвращена благодаря героическим усилиям Ааза, Тананды, Гаркина и некоторых других хороших существ. Видом своим напоминает сенильного Санта Клауса. В последний раз был замечен торговцем хотдогами на Кони-Айленд в Нью-Йорке.

Кассандра

Прекрасная шлюшка, слепое свидание с которой для Скива устроил Вик в «Сладостном МИФе, или МИФтерии жизни» (книга 10). Эта женщина-вамп — самый что ни на есть подлинный вампир с измерения Лимбо. Кассандра знакомит Скива с ночной жизнью. (Совпадение имени персонажа с именем актрисы, исполняющей роль Эльвиры, является чистой случайностью.)

Кальвин

Мини-джинн, способный исполнить только одно желание. Поступил в распоряжение Скива еще в «Удаче или МИФ» (книга 4), однако к делу привлечен лишь в «Корпорации М.И.Ф. в действии» (книга 8). Своего рода «свежачок в дизайнерских джинсах».

Квигли

Появляясь в качестве истребителя демонов в «Еще одном великолепном МИФе» (книга 1), он в итоге становится по-

мощником Ааза и Скива в их схватке с Иштваном. В конце этого эпизода решает, что ему следует лучше познакомиться с магией, и удаляется в обществе Тананды. Позже мы встречаем его в «МИФОуказаниях» (книга 3), когда он работает муниципальным магом города Та-Хо в измерении Валлет.

Коро-Бау

Весьма удаленное и почти недостижимое измерение, населенное вегетарианцами-ковбоями и коровами-вампирами, принимающими активное участие в поисках сокровищ, которые ведут Ааз и Скив в романе серии «МИФфия невыполнима» (11-я книга... хотя скорее ее следует считать трехсполошинной).

Корпорация М.И.Ф.

Молодые Искоренители Фатальныхностей. Название, которое избирают для своей организации наши герои на последних страницах «МИФОзаклада» (книга 6) и на первых «Корпорация М.И.Ф. — связующее звено» (книга 7). Должен признать, что, наверное, это не самое удачное имя. Однако так бывает часто, когда решение принимается коллективно.

Коррепш

Тролль, член команды Корпорации М.И.Ф., так же, как и его сестра Тананда. Во время работы выступает под псевдонимом Большой Грызь, а его манеры и лексикон при этом существенно деградируют. (Образованным и умеющим красиво изъясняться троллям работу практически не предлагают.) Обладает ОЧЕНЬ большими клыками и глазами разной величины.

Лимбо

Измерение, которое не указано в справочниках, и добраться до него можно лишь через черный ход штаб-квартиры Корпорации М.И.Ф. на Деве. Мы открываем это измерение в «МИФических личностях» (книга 5). Населяют Лимбо вампиры, оборотни и прочие дети тьмы. Одно из измерений, где не поощряется туризм.

Лыбби, сержант

Инструктор по строевой и боевой подготовке в лагере для новобранцев в то время, когда Гвидо и Нунцио встали под знамена армии Пессилтума. А произошло это в романе «Корпорация М.И.Ф. в действии» (книга 9).

Лютик

Боевой единорог. Первоначально принадлежал Квигли. Скив получил его в качестве дара.

Майжук

Солдат из отделения насекомых, проходивший учебный сбор вместе с Гвидо и Нунцио в «Корпорация М.И.Ф. в действии» (книга 9). Миловидный юноша, мечтающий о сцене.

Малыш Мятный Заход

Действующий чемпион по игре в драконий покер. Прозвище получил за свою привычку/традицию включать при первой сдаче в свою ставку мятный леденец. (Малыш огромен, лыс и морщинист. Носит свой титул уже много-много лет.)

Маша

Впервые встречаем ее в книге «МИФоуказания» (книга 3), когда она работала магом города Вейгас на измерении Валлет. В четвертой книге «Удача или МИФ» берет продолжительный отпуск, чтобы стать ученицей Скива. Привлекает всеобщее внимание. Маша ЧРЕЗВЫЧАЙНО велика во все стороны, что, впрочем, не мешает ей красить волосы в оранжевый цвет, губы — в зеленый и носить бикини из шкуры леопарда. А те украшения, которые она на себя навешивает, легко сломают хребет среднего мула. Относится к категории магов так называемого «механистического» типа, использующих различные приборы и приспособления. Доброта сердца Маши значительно превосходит ее поистине необъятные физические размеры.

Мейша Мерлин

Новый издатель, публикующий серию «МИФ» как в твердой, так и мягкой обложке. С помощью Билла Фоссетта выкупил у Доннинг/Старблейз контракт на издание «МИФфия невыполнима» (книга 11) и романа, который вы сейчас держите в руках. Кроме того, Мейша Мерлин переиздает в четырех книгах и десять предыдущих романов.

М.И.И.

Магический институт Извра. Альма-матер Ааза и ведущее учебное заведение в области магии в измерении Извр.

Нунцио

Кузен Гвидо и его товарищ по оружию, когда дело касается охраны Скива. Прежде чем начать работать на Синдикат, Нунцио довелось некоторое время трудиться воспитателем в детском саду. В силу этого он был избран присматривать за Глипом.

Осса

Крутая девица с нравом панка, служившая вместе с Нунцио и Гвидо в армии Поссилтума в так называемом отделении насекомых. Случилось это в «Корпорации М.И.Ф. в действии» (книга 9). Мечтает после дембеля присоединиться к Синдикату и стать гангстершей.

Пент

Родное измерение Скива (что превращает его в пентюха) и место действия большей части книг серии. Второе место в этом отношении занимает Дева. Пент будит воображение не больше, чем Средний Запад, если лишить последний всех чудес техники. Однако на Пенте признают магию и приглашают на службу чародеев.

Плохсекир Хью, генерал

Командующий королевской армией Поссилтума. Закаленный боями ветеран, прошедший все ступени службы. Генерал

Хью — дородный, любящий помахать се́кирой образцовый воитель. Выступал в Большой игре в одной команде с Аазом и Скивом в «МИФОуказаниях» (книга 3).

Поссилтум

Место, где происходит большая часть событий, связанных с измерением Пент. В этом королевстве Скив впервые выступил в качестве Королевского мага, а позже потратил много умственных и физических сил ради его блага.

Поттер Гарри

В серии о Корпорации М.И.Ф. не появляется, поскольку занят учебой в ином фантастическом измерении или, если хотите, — сериале.

Прэчett Терри

Автор «Плоского мира» — еще одной юмористической серии в жанре фэнтези. Вы наверняка получите от нее удовольствие, когда у вас исчерпаются романы о «Корпорации М.И.Ф.». (Он пишет и другие вещи, но «Плоский мир» позволяет мне упомянуть о нем в этой книге.)

Пуки

Пукантимбуссиль. Кузина Ааза. Во время визита на Извр в «МИФОнаименованиях и извергениях» (книга 8) Скив нанял ее в качестве своего телохранителя. В отличие от коренастых и тяжелых мужских особей Извра Пуки тонка, изящна и движется, словно пантера. Она решает отправиться вместе с Аазом и Скивом на Пент, чтобы помочь им разобраться с королевой Цикутой.

Родрик Пятый, король

Правитель Поссилтума. Первым пригласил Скива занять пост Королевского мага в «МИФОтолкованиях» (книга 2). Произошло это по предложению Гримбла и вопреки мнению генерала Плохсекира. (Он поколебался в своем мнении после того, как Скива направили сражаться с войском Большого Джули, вместо того чтобы вкладывать средства на террито-

риальное расширение Поссилтума.) Правление и жизнь Родрика Пятого прервались при весьма странных и подозрительных обстоятельствах вскоре после его вступления в брак с королевой Цикутой.

Роулинг Дж.К.

Не имеет никакого отношения к романам о «Корпорации М.И.Ф.», но зато пишет книги о Гарри Поттере. (Как будто вы этого и без меня не знали!)

Скив

Основной персонаж, устами которого описываются события в большинстве романов цикла. Как ни странно, его внешность ни в одном из романов не обрисована, что открывает полную свободу творчества для иллюстраторов. Представьте себе подростка, физическое развитие которого существенно обгоняет умственное, а энергия заметно превосходит мудрость. Несмотря на то что Скив постоянно ощущает неуверенность и тревогу, его отличают верность дружбе и чрезмерно развитое чувство ответственности. Кроме того, он обладает такими чертами характера, которые, выходя время от времени на поверхность, придают ему величественность.

Тананда

Троллина. Для краткости все зовут ее Тандой. Впервые появляется в «Еще одном великолепном МИФе» (книга 1). Тананда стала одним из главных персонажей цикла, возникшая почти в каждом томе. Эта убийца и мелкая чародейка с зелеными волосами и классными формами ужасно сексапильна. К немалому огорчению Скива, Тананда заняла по отношению к нему позицию «старшей сестры».

Топор

Безликий, никому не известный тип, которого наняли враги Скива, чтобы разобраться с последним. Убийца, одним словом. Появляется в «Маленьком МИФОзакладе» (6-я книга серии).

Троллия

Родное измерение Тананды и Корреша. Хотя мы за весь цикл романов ни разу не посещаем этого измерения, нам ясно, что лиц мужского пола там называют троллями, а женского — троллинами.

Трутень

Один из тех, кто вместе с Гвидо и Нунцио загремел в армию в «Корпорации М.И.Ф. в действии» (книга 9). Ужасный зануда, который надеялся стать боевым магом, но оказался вместе со всеми в пехоте. Владеет лишь двумя заклинаниями. Одно из них — «Развей», а другое — «Навей». «Навей» страшно похоже на заклятие личины, используемое в иных измерениях, а «Развей»... как бы это объяснить... Отменяет то, что сотворило «Навей».

Фольо Фил

Безумно смешной художник и старый друг (Асприна). Рисовал обложки и иллюстрировал тома 3—10 серии «МИФ» для издательства Доннинг/Старблэйз. Кроме того, придал книге первой («Еще один великолепный МИФ») форму комикса для издательства WaRP Graphics.

Фриз Келли

Замечательный художник. Первый редактор и иллюстратор романов об Аазе и Скиве.

Фрумпель

Девил, изгнанный с Девы и живущий в настоящее время в Пенте. Заключил сделку с Аазом и Скивом в «Еще одном великолепном МИФе», в результате которой оба героя были линчеваны. Время от времени появляется и в других томах. (Скажите честно, вы знаете хотя бы одну серию книг в жанре фэнтези, где главных героев линчуют в первой книге?)

Цикута, королева

Правительница королевства Тупик, сумевшая объединить свои владения с Поссилтумом, вступив в брак с Родриком в

романе «Удача или МИФ» (книга 4). Обладает моралью бродячей кошки и знаменита своей склонностью к убийствам. Давно мечтает создать империю, как у Чингисхана. Она оказалась таким забавным персонажем, что я предоставил ей возможность отыграться. Интрига начинается в конце 7-й книги («Корпорация М.И.Ф. — связующее звено») и продолжается до 12-й — той, которую вы сейчас держите в руках.

Шутт Уиллард

Основной персонаж популярной серии романов. Бестселлер. (Ну и что? Если я рекламирую сериалы других авторов, то почему бы мне не похвастать и своими достижениями?)

Эйс/Беркли

Ориентированное на массового читателя (карманный формат) издательство, публикующее в настоящее время серию «МИФ». Эти же ребята выпустили в свет мой «Воровской мир» и романы о Шутте.

Энтони Пирс

Не имеет абсолютно никакого отношения к серии «МИФ», но является автором популярной серии романов «Ксанф». Если вы получили удовольствие от моих книг, вам обязательно понравится и «Ксанф».

СОДЕРЖАНИЕ

Корпорация М.И.Ф. в действии	5
Сладостный МИФ, или МИФтерия жизни	173
МИФфия невыполнима	339
Снова Корпорация М.И.Ф., или Нечто оМИФигенное	533
МИФОинструкция	679
Кто есть кто и что есть что во вселенной Корпорации М.И.Ф.	701

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ**

**ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленин», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20**

**Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ**

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

**Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000**

**Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Асприн Роберт
Корпорация М.И.Ф. в действии
Сладостный МИФ, или МИФтерия жизни
МИФфия невыполнима
Нечто оМИФигенное

Фантастические романы

Редакторы *Е.А. Барзова, Г.Г. Мурадян*
(«МИФфия невыполнима», «Нечто оМИФигенное»)
Художественный редактор *О.Н. Адаскина*
Компьютерная верстка: *С.Б. Клещёв*
Технический редактор *О.В. Панкрашина*
Младший редактор *Н.В. Дмитриева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 27.02.08.
Формат 84×108¹/₂. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 37,8. С.: ВД-2. Тираж 3000 экз. Заказ 1460.
С.: ЗСФ. Тираж 1500 экз. Заказ 1461.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0150205 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа». ЛП № 02330/0056617 от 27.03.2004.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

Это — Роберт Асприн, каков он есть.
Блестящий, неожиданный — и ошеломительно смешной.
Это — полет воображения, каким он только может быть.
Свободный, непредсказуемый — и забавный.
Это — ЮМОР, ЮМОР И ЕЩЕ РАЗ ЮМОР!
Не пропустите!

Это — ЛУЧШЕЕ, что создал Асприн.
Не культ, не легенда — «МИФ».
Великолепный миф.

Гомерически смешная, лихая, озорная сага о невероятных приключениях юного мага Скива Великолепного, его друга и наставника — демона Ааза, его домашнего питомца дракона Глипа и их поразительно пестрой компании.
И ВПЕРВЫЕ все «МИФы», от первого и до последнего!

Еще один великолепный МИФ

МИФОтлкования

МИФОуказания

Удача или МИФ

МИФические личности

Маленький МИФОзаклад

Корпорация М.И.Ф. — связующее звено

МИФОнаименования и извергения

Корпорация М.И.Ф. в действии

**Сладостный МИФ,
или МИФтерия жизни**

МИФфия невыполнима

Нечто оМИФигенное

ISBN 978-5-17-024511-6

9 785170 245116